МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

имени М. В. ЛОМОНОСОВА

ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

На правах рукописи

Ксенофонтов Игорь Алексеевич

Внешнеполитический фактор в деятельности чешской Национальной партии (1860–1871)

Специальность 5.6.2. – Всеобщая история

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание учёной степени

кандидата исторических наук

Том 1

Научный руководитель:

к. и. н., доц. З.С. Ненашева

Москва – 2026

Оглавление

Том 1

Введение 4

Степень научной разработанности проблемы 18

Характеристика источников 80

Глава 1. Предпосылки и генезис чешского русофильства и франкофильства. Поляки и югославяне в контексте австрославистской программы чехов (первая четверть XIX в. – 1850-е гг.) 98

1.1. Чешская элита и Россия: от романтического русофильства через его отрицание к началу политических контактов 98

1.2. У истоков чешского франкофильства. Образ жителей Богемии во французской публицистике 130

1.3. Политическое полонофильство: становление и трансформация 163

1.4. Чехи и югославяне монархии Габсбургов 175

Глава 2. Национальная партия в поиске партнеров внутри монархии Габсбургов и на внешнеполитической сцене (начало 1860-х гг.) 189

2.1. Создание Национальной партии и ее первые шаги в политике 189

2.2. Чешское русофильство периода Великих реформ в России. Пропагандистская акция Ф.Л. Ригера во Франции 209

2.3. Восстание в Царстве Польском (1863–1864 гг.): новый поворот в политическом полонофильстве 232

Глава 3. Национальная партия в новых политических условиях в монархии Габсбургов (середина 1860-х гг.) 250

3.1. Усиление национальной риторики чешских лидеров 250

3.2. Австро-прусская война 1866 г. в глазах партийных интеллектуалов 263

3.3. Движение к дуализму. Речь Ф.Л. Ригера на богемском сейме в апреле 1867 г. как манифест австрийской внешней политики 292

Глава 4. Изменение масштаба связей с французскими и российскими деятелями и его противоречивые результаты (апрель 1867 г. – июнь 1870 г.) 3

4.1. Ф.Л. Ригер и Ф. Палацкий во Франции в апреле-мае 1867 г. 3

4.2. Чешская делегация на Славянском съезде в России в мае-июне 1867 г. 14

4.3. Встречи в Праге с российскими и французскими представителями (май-июнь 1868 г.) 43

4.4. Поездка Ф.Л. Ригера в Париж в марте 1869 г. 63

4.5. Меморандум Ф.Л. Ригера Наполеону III. Аудиенция у французского императора ..69

4.6. Чехи и проект православного храма в Праге в начале 1870-х гг. 87

Глава 5. Кульминация и крах инициатив Национальной партии (июль 1870 г. – октябрь 1871 г.) 96

5.1. Франко-прусская война и ее влияние на действия Национальной партии 96

5.2. Чешско-французские политические контакты в ноябре-декабре 1870 г. «Промемория чешских либеральных политиков о внешней политике» *114*

5.3. Акция А. Лефевра и начало переговоров о чешско-австрийском соглашении (февраль 1871 г.) *131*

5.4. Отношение России, Франции и Германии к потенциальному компромиссу чехов с Веной *139*

5.5. Фундаментальные статьи: их смысл и значение. Влияние внешнеполитического фактора на их провал *163*

Заключение **194**

Список использованных источников и литературы **208**

Введение

1860-е – 1871 гг. – это время мощных трансформаций как на международной арене, так и внутри европейских стран. Они касались всех областей жизни общества. Бурные перемены самым непосредственным образом влияли на вектор развития монархии Габсбургов, ее внутреннюю и внешнюю политику.

Международный фон для монархии Габсбургов, связанный с кризисом Венской системы, был крайне нестабильным, если не сказать дестабилизирующим. На первый план вышли немецкое и итальянское объединительные движения. Обострилась польская проблема, активизировались национальные движения югославянских[1] народов. Менялись методы воплощения государственных замыслов на европейской арене: утверждалась концепция «реальной политики» и лозунг о приоритете национальных интересов держав и отдельных наций. Действительно, в это время протекала «национализация» отношений между странами[2]. Все эти тенденции приходили на смену идее «европейского концерта».

Внутри Дунайской империи апелляция к естественным правам народов, их насущным требованиям и нуждам, продиктованным историей и текущим уровнем развития, стала неотъемлемой частью программ интеллектуалов, представлявших различные политические силы. Их деятельность, направленная на отстаивание волеизъявления масс, постепенно включавшихся в национальные движения, становилась неотъемлемой частью

[1] Речь идет о населении Хорватии, Славонии и Далмации (хорватах и славонцах), а также о сербах, проживавших на территории Венгерского королевства, и о словенцах Штирии, Каринтии и Крайны. Термин «югославяне» широко используется в историографии, хотя указанные народы не представляли собой единой этнической и политической общности.

[2] *Медяков А.С.* «Призрак славизма». О функциональности образа России во внешней политике монархии Габсбургов первых лет дуализма // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2025. Т. 16. Выпуск 10 (156). URL: https://history.jes.su/s207987840037065-0-1/ DOI:10.18254/S207987840037065-0 Дата обращения: 1.12.2025.

политической культуры. При этом «принцип национальностей»[3] как новая идея в европейской мысли все больше превращался в инструмент для ведения наступательной линии.

К началу 1860-х гг. австрийские немцы и мадьяры, а также малые народы монархии, выдвигая собственные программы и требования, стремились к развитию парламентаризма и введению конституции. Это вступало в конфликт с традиционной абсолютистской структурой, опирающейся на дворянство. Ситуация с чехами осложнялась еще и тем, что политико-правовой статус земель короны святого Вацлава[4], по мнению чешской элиты, не соответствовал их высоким достижениям в экономике, культуре и социальной сфере и не учитывал их вклада в развитие монархии Габсбургов. Австрийской империи, которая оставалась конгломератом наследственных земель, объединенных династией и бюрократической вертикалью, в XIX в. по-прежнему не хватало «внутренней целостности»[5].

Борьба за справедливую избирательную систему в 1860-е гг. свидетельствовала, что в обществе сформировался устойчивый запрос на

---

[3] Ф.Ф. Мартенс, один из крупнейших специалистов по международному праву своего времени, объяснял это понятие следующим образом: «люди одного племенного происхождения, говорящие на одном языке, имеющие одинаковые нравы и общее историческое прошлое, исповедующие общую религию, должны составлять одно государство и один народ». Мартенс приводил мнение своего бельгийского коллеги Франсуа Лорана, считавшего, что «человечество стремится поставить на место государств, явившихся произведением силы или произвольных сделок, государства, основанные на естественном элементе национальности». Такие крупные ученые-юристы, как П.С. Манчини и И. Блюнчли, подчеркивали: народ – живой организм, который не может полноценно развиваться в расчлененном состоянии. При этом он мог быть объединен и в рамках многонационального государства. Также Блюнчли выделил пять положений «права национальностей»: право на язык, на собственные обычаи, на признание и защиту со стороны государства, на сопротивление при нападении на «нравственное и духовное бытие», на превращение в народ (т.е. нацию, имеющую собственное государство). *Мартенс Ф.* Современное международное право цивилизованных народов. Т. 1. СПб., 1882. С. 28. *Матвеев Г.Ф.* Историки-слависты МГУ: Книга 18: Польша в меняющемся политическом ландшафте Европы. 1916–1920. М., 2024. С. 13–14.

[4] Положение чешских земель в составе Дунайской монархии имело несколько двойственный характер. С одной стороны, они не располагали автономией. Решения местных сеймов вступали в силу только после их подписания чешским королем, т.е. австрийским императором. Роль ландтагов была незначительной и сводилась к охране сословных ценностей и решению хозяйственных вопросов. Реальной властью обладали наместники (штаттгальтеры), фактически губернаторы провинций. С другой стороны, при всех своих централизаторских устремлениях Габсбурги не изменили формального статуса рассматриваемых территорий. Так, использовались все три названия исторических субъектов земель Чешской короны: королевство Богемия, маркграфство Моравия и герцогство Верхняя и Нижняя Силезия. Сохранялась процедура коронации, во время нее представитель династии возлагал на себя корону святого Вацлава. Все это в некоторой степени говорило об историко-символическом признании чешских земель и их единства. Чешская нация на заключительном этапе формирования. 1850 – начало 70-х годов XIX в. Отв. ред. В.И. Фрейдзон. М., 1989. С. 36–37.

[5] *Медяков А.С.* Между Востоком и Западом: внешняя политика монархии Габсбургов в первые годы дуализма (1866–1871). М., 2010. С. 9–10.

политические перемены в жизни страны. Методом для достижения этих целей, получения достойного места в ее структуре была партийная деятельность. Эпоха «конституционных экспериментов», инициированная в государстве Веной на рубеже 1850–1860-х гг. и отчасти поддержанная общественной элитой, не смогла удовлетворить все эти запросы. Впрочем, однозначный ответ на вопрос, какой она должна была стать, чтобы соответствовать чаяниям народов, так и не был выработан.

В этот период в Богемии оформилась Национальная партия, которая выступила с конкретными требованиями[6]. Интенсивно создавались печатные органы политической направленности. Чешская элита получила возможность участвовать в жизни государства, в работе его законодательных органов, а национальное сообщество стремилось осознать свое место в Австрийской империи. Его представители выдвигали концепции, требовавшие пересмотра политических отношений между Габсбургами и населением земель. 1860-е годы – это время насыщенной борьбы чехов за свои национальные права.

Во главе чешских политически активных деятелей стояли Франтишек Палацкий (1798–1876 гг.) и его зять Франтишек Ладислав Ригер (1818–1903 гг.) – значимые фигуры для чешской истории. Оба проявили себя как видные участники чешского национального Возрождения, а затем как ведущие либеральные политики в период революции 1848–1849 гг. Палацкий был ученым-историком, но в более широком смысле – выдающимся интеллектуалом и политическим теоретиком. Он стал одним из отцов течения австрославизма и проектов федерализации Габсбургской империи. Ригер был по образованию юристом. Он разделял взгляды Палацкого на чешскую историю и австрийское государство, старался воплотить принципиальные моменты его концепции в политической практике[7]. В партии их окружали такие соратники и конфиденты, как Франтишек Браунер

[6] Об истории Национальной партии см. подробнее: *Cibulka P.* Národní strana // *Malíř J., Marek P. a kol.* Politické strany. Vývoj politických stran a hnutí v českých zemích a Československu 1861–2004. 1. díl: období 1861–1938. Brno, 2005. S. 109–138.

[7] *Máša P.* František Ladislav Rieger jako tvůrce a objekt české historické paměti. Disertační práce. Brno, 2022. S. 33–47.

(1810–1880 гг.), Антон Отакар Цейтгаммер (1832–1919 гг.), Йозеф Калоусек (1838–1915 гг.), Карел Маттуш (1836–1919 гг.), Ян Станислав Скрейшовский (1831–1883 гг.) и др. В оппозиции к ним находились младочехи[8] – другое крыло Национальной партии во главе с Эдуардом (1827–1907 гг.) и Юлиусом (1831–1896 гг.) Греграми, а также Карелом Сладковским (1823–1880 гг.). При этом необходимо помнить, что Э. Грегр в 1864 г. признавал, что никто не мог заменить Палацкого и Ригера в роли лидеров чешского национального движения[9]. В историографии подчеркивается, что в 1860–1870-х гг. их авторитет был «почти непоколебим»[10].

Палацкий и Ригер способствовали тому, что действия Национальной партии носили многоуровневый характер (или были близки к этому): в рамках чешских земель, в пределах империи и на международной сцене, в том числе в общеславянском контексте.

Признавая справедливость тезиса, что чешский вопрос имел двойное измерение (как национальная проблема чехов в австрийской части монархии Габсбургов и государственно-политическая проблема чешских земель)[11], в центре данного исследования находятся: акции Национальной партии по поиску союзников в Дунайской империи, деятельность этой структуры за ее пределами, контакты с иностранными представителями на территории страны, взгляд партийцев на внешнюю политику Вены.

Объектом исследования является чешская Национальная партия. **Предметом исследования** становится взаимодействие партийных руководителей с российскими, французскими, польскими и югославянскими

---

[8] Термин «младочехи» (нем. *Jungčechen*) впервые использовала немецкоязычная газета Bohemia в номере от 22 марта 1863 г. Данное название было подхвачено в чешской среде и быстро в ней прижилось. Термин довольно условен: далеко не все младочехи были значительно младше своих оппонентов. Обе фракции в Национальной партии были идеологически схожи (к середине 1860-х идейной платформой у них стало историческое право), отличия между ними проявлялись в отдельных вопросах легальной политической тактики. Нередко представители этих партийных течений выступали единым фронтом. *Borovička M. et al.* Velké dějiny zemí Koruny české. Sv. XII.a 1860–1890. Praha – Litomyšl, 2012. S. 66.

[9] *Grégr E.* Deník. Díl I. 1848–1870. S. 114–115.

[10] *Cibulka P.* Národní strana // Akademická encyklopedie českých dějin. Sv. IX. Praha, 2023. S. 119.

[11] *Urban O.* Existuje česká zahraniční politika před rokem 1914? // Francúzsko a stredná Európa (1867–1914). Vzťahy mezi Francúzskom a strednou Európou v rokoch 1867–1914. Vzájomné vplyvy a predstavy / Ed. B. Ferenčuhová. Bratislava, 1995. S. 9.

политиками и общественными деятелями, обусловленное стремлением чехов преобразовать статус своих земель в монархии Габсбургов, а также имперские внутри- и внешнеполитический курсы в целом.

Цель диссертации – установить, что обуславливало трансформацию планов и исход действий Национальной партии, связанных с попыткой придать чешскому вопросу международное звучание. Из этой цели проистекает ряд **задач**:

1. выделить предпосылки, благодаря которым руководители Национальной партии к началу 1860-х гг. выработали собственное внешнеполитическое видение;
2. проследить, как менялись чешско-российские отношения, дать характеристику чешскому русофильству;
3. восстановить картину развития чешско-французских связей, обозначить особенности чешского франкофильства;
4. установить роль польского фактора в чешской политике, в развитии чешско-французских и чешско-российских контактов;
5. выяснить, какое значение имела проблема югославянского единства для руководства Национальной партии;
6. определить, какой партийные лидеры видели внешнюю политику монархии Габсбургов во второй половине 1860-х – начале 1870-х гг.

Автор диссертации разделяет мнение о том, что проблематика исследования так или иначе сталкивается с более широким кругом вопросов. Они связаны с представлениями и знаниями о чехах и чешских землях в Европе и России, их восприятием в XIX в.[12] Данные сюжеты неотделимы от задач, поставленных в исследовании, поэтому им тоже будет уделено в работе определенное место.

Хронологические рамки исследования включают в себя период 1860–1871 гг. Нижняя граница обосновывается началом в монархии Габсбургов

[12] *Ibid.* S. 9.

эпохи «конституционных экспериментов» и появлением в том же году Национальной партии. К этому времени во взглядах партийного руководства определились российский и французский векторы в поисках возможных союзников для достижения своих национальных целей.

Верхней границей исследования (конец октября 1871 г.) является крах австро-чешских переговоров и провал Фундаментальных статей, за утверждение которых боролись старочехи. Дуализм, к которому пришли австронемецкие и венгерские элиты, выдержал «проверку на прочность» после внутри- и внешнеполитических потрясений. Он окончательно и безвозвратно стал новым основанием монархии Габсбургов. Неудача правого крыла Национальной партии значительно углубила противоречия внутри чешского политического лагеря. Кроме того, сближение Австро-Венгрии и объединенной Германии показало несостоятельность попыток Национальной партии переориентировать внешнюю политику Вены.

Автор диссертации, рассматривая взаимоотношения чехов в 1860-е – начале 1870-х гг. с российской и французской сторонами, а также с поляками и югославянами монархии, счел необходимым сделать экскурс в историю становления их связей. Это объясняется тем, что в среде чешской национальной элиты формулирование политических целей началось значительно раньше 1860-х гг. Речь идет не об исторической памяти, а об информации и контактах, востребованных чешскими интеллектуалами для выработки политического курса в новых условиях.

Территориальные рамки исследования включают в себя Австрийскую империю (с 1867 г. – Австро-Венгрию), в том числе Богемию (Прагу), имперскую столицу (Вену), а также главные города России (Санкт-Петербург, Москва) и Франции (Париж).

Понятийный аппарат диссертации остается предметом большой историографической дискуссии, с одной стороны, и далеко не всегда результатом устоявшейся традиции, с другой.

При характеристике заграничных акций чехов в 1860–1871 гг. перед исследователями встал вопрос: правомочно ли их рассматривать как проявления чешской внешней политики? Целый ряд крупных историков (например, И. Влчек[13], В. Штястный[14], М. Шестак[15], О. Урбан[16], С. Резников[17], И. Пфафф[18]) отвечает на него утвердительно. Авторитетный чешский исследователь Ян Кршен придавал этой проблеме, пожалуй, и методологический оттенок, полагая, что «современное изучение международных отношений нельзя формально ограничить лишь дипломатией и межгосударственными контактами в самом узком смысле этого слова». По его мысли, оно включает в себя и народы, не имеющие своей государственности, «а также отношения *между- народные* (от народа к народу, vom Volk zu Volk), и так во всех сферах: политической, экономической, культурной и социальной»[19]. Одним из последних эту проблематику косвенным образом затронул российский историк В.В. Котов. С опорой на исследования О. Урбана он утверждал, что «чешские вторичные идентичности, как франкофильство и принадлежность к славянству, стали основой для своего рода внешнеполитической деятельности <…>»[20].

Впрочем, есть и специалисты (например, М. Бернар[21], М. Главачка[22]), которые избегают подобной терминологии.

---

[13] *Vlček I.* Smysl české pouti na Rus // Slovanský přehled. 1967. č. 57. S. 356.
[14] *Šťastný V.* Vliv t. zv. slovanské politiky Ruska na české prostředí // Slovanství v národním životě Čechů a Slováků / Ed. V. Šťastný. Praha, 1968. S. 256.
[15] *Šesták M.* České slovanství a František Palacký // František Palacký 1798/1998, dějiny a dnešek. Sborník z jubilejní konference. Praha, 1999. S. 387.
[16] *Urban O.* Česká společnost (1848–1918). Praha, 1982. S. 228.
[17] *Reznikow S.* Frankofilství a česká identita 1848–1914. Praha, 2008. S. 135.
[18] *Pfaff I.* Francie a Čechy v Evropě národních států. Francouzská politika F.L. Riegra 1867–1878. Praha, 2013. S. 152, 155.
[19] *Křen J.* Česká otázka v německé a rakouské politice do roku 1918 // Hledání jistoty v bouřlivých časech. Češi, Slováci, Němci a mezinárodní systém v první polovině 20. století / Ed. Z. Beneš, D. Kováč, H. Lemberg. Ústí nad Labem, 2006. S. 13.
[20] *Котов В.В.* Сокольский взлёт: спорт и политика в чешских землях (1861–1871). М. – СПб., 2024. С. 332. Более того, в ней ученый видел один из составных элементов большого процесса – складывания к Первой мировой войне чешского «параллельного государства» в составе Габсбургской монархии. *Там же.* С. 328–333.
[21] См., например: *Bernard M.* La mémoire de Prague: conscience nationale et intelligentsia dans l'histoire tchèque et slovaque. Paris, 1986.
[22] См., например: *Главачка М.* Еще раз о поездке австрийских славян в Россию // Славяноведение. 2007. № 1. С. 54–65.

Таким образом, участники дискуссии фактически пытаются ответить на вопрос, что такое внешняя политика, является ли она монополией государства или это право любого народа или нации.

Автор диссертации задействует понятия «дипломатия» и «внешняя политика» в классическом значении, когда их субъектом является именно государство. Поэтому для анализа акций Национальной партии используется круг нейтральных характеристик: внешнеполитическое/геополитическое видение, действия за рубежом, заграничные акции, деятельность за границей, зарубежные контакты и т.п.

В историографии до сих пор идет обсуждение таких понятий, как славянство (чеш. *slovanstvi*), славянская взаимность (чеш. *slovanská vzájemnost*), панславизм (чеш. *panslavismus*). О полемике вокруг этих терминов можно подробнее прочитать в одном из недавних российских исследований[23].

В диссертации разделяется взгляд на славянство как на «совокупность исторически меняющихся форм общественного сознания, в которых проявлялась идея славянской общности»[24]. Можно сказать чуть иначе: славянство в самом широком смысле слова – «совокупность представлений об этнической родственности славянских народов и их проявлений»[25]. Эти представления базировались в основном на языковой и культурной близости славянских народов[26].

В свою очередь, идеологически обоснованные политические программы – австрославизм, иллиризм, югославизм и т.д. – связаны непосредственно с национальными движениями и подкреплены осознанием славянского языкового и культурного родства на региональном уровне[27].

---

[23] *Павленко О.В.* Панславизм: реальный и воображаемый: 1830–1860-е гг. М., 2023. С. 33–134.
[24] Slovanství v národním životě Čechů a Slováků / Ed. V. Šťastný. Praha, 1968. S. 5; *Павленко О.В.* Панславизм: реальный и воображаемый... С. 73–74.
[25] *Šťastný V.* Slovanství a proletářský internacionalismus // Slovanské historické studie VII. Praha, 1968. S. 108.
[26] *Ibid.* S. 110.
[27] *Ibid.* S. 110–111.

Также в зависимости от контекста «славянство» в источниках XIX в. может быть синонимом словосочетания «славянский мир».

В диссертации под славянской взаимностью будет подразумеваться идея сближения и сотрудничества славян в культурной сфере. Обращение к мощному славянскому целому внутри австрийского государства должно было стать средством давления на власть, которая не спешила идти навстречу устремлениям малых славянских народов[28]. Смысл панславизма сводится к идее объединения (преимущественно политического) славянских народов. Во главу угла в работе ставится удобство определений, поэтому некоторая условность обозначенной трактовки, как следствие, не отрицается.

Актуальность исследования. На данный момент следует признать серьезные успехи, достигнутые чехословацкой и чешской историографией в изучении событий 1860–1870-х гг. в землях короны святого Вацлава и монархии Габсбургов в целом. Между тем комплексное исследование о деятельности Национальной партии за границей по-прежнему отсутствует. В распоряжении ученых превалируют работы лишь по отдельным векторам ее партийного курса[29]. Поэтому существует потребность в более детальном исследовании методов, использовавшихся чешской элитой для достижения своих целей. Кроме этого, осмысление накопленного материала, сопоставление высказанных трактовок, привлечение не включенных в научный оборот источников, просто взгляд со стороны на один из сложнейших периодов в чешской истории открывает определенные возможности для профильных специалистов в их поисках.

Научная новизна работы состоит в том, что впервые в исторической литературе сформулирована и решена двуединая задача – выявлена и установлена тесная взаимосвязь между действиями Национальной партии на внешнеполитической сцене и поиском союзников внутри Габсбургской монархии для решения чешского вопроса.

---

[28] Slovanství, panslavismus a rusofilství // *Hlavačka M. a kol.* České země v 19. století. Proměny společnosti v moderní době. Díl II. Praha, 2014. S. 294.

[29] *Urban O.* Existuje česká zahraniční politika před rokem 1914?.. S. 9.

В работе на основе вводимых в оборот архивных материалов получила отражение непосредственная реакция реакция российских властей (Александра II, А.М. Горчакова), их официальных представителей (В.П. Балабина, Э.Г. Штакельберга, Е.П. Новикова, А. Васильчикова) и общества, интересовавшегося славянским вопросом, на тактику чехов как внутри монархии Габсбургов, так и за ее пределами.

Использование большого пласта изданных источников, до сих пор не задействованных в богемистике, позволило детализировать отношение МИД Франции и его представительств к чешскому национальному движению, раскрыть восприятие чехов французской общественностью.

Чешско-польские связи впервые рассматриваются в контексте контактов чехов как с французскими, так и российскими представителями. Подробно рассмотрена мотивация лидеров Национальной партии по привлечению польских политиков в качестве потенциальных союзников.

Чешско-югославянское взаимодействие анализируется не только как благоприятная почва для развития внутри- и внешнеполитического видения у лидеров Национальной партии, но и как фактор, влияющий на их диалог с российской стороной.

Что касается взглядов чешской элиты во второй половине 1860-х – начале 1870-х гг., то в работе выявлено чередование радикального (проект центральноевропейской конфедерации) и умеренного (австрофедералистского) подходов к решению чешского вопроса. Также автору удалось на основе архивных документов уточнить, что за Фундаментальными статьями (1871 г.) стоял долговременный проект федерализации Цислейтании.

Теоретическая и практическая значимость диссертации. При написании работы был введен в научный оборот целый ряд новых материалов из архивов и периодических изданий. Они позволяют расширить представление о масштабе чешского национального движения, целях, мотивах и тактике его представителей. Выводы диссертации могут быть

полезны при разработке учебных курсов, посвященных политическому пространству монархии Габсбургов, ее национальной политике, истории международных отношений и дипломатии, а также истории Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы.

Степень достоверности и апробация результатов исследования. Степень достоверности обеспечивается использованием большого круга исторических источников, хранящихся в фондах российских и чешских архивов, а также французских, чешских и российских библиотек. Основные положения диссертации изложены в четырех статьях, опубликованных в рецензируемых журналах, определенных п. 2.3. Положения о присуждении ученых степеней в МГУ имени М.В. Ломоносова. Промежуточные результаты исследования были представлены в ходе четырех международных и всероссийских научных конференций[30]. Диссертация обсуждена и рекомендована к защите на кафедре истории южных и западных славян исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

Методологическую основу диссертации составил принцип историзма. Он означает, что любую эпоху необходимо оценивать с точки зрения ее исторических особенностей, контекста. Непосредственным образом с этим принципом связан историко-генетический метод, который тоже используется в работе. С его помощью автор диссертации обратился к историческим корням исследуемых явлений и проследил их постепенную эволюцию во времени. Это позволило выявить их важные изменения и поворотные моменты, узловые точки. В рамках системного метода зарубежные контакты Национальной партии рассматривались не как изолированные элементы, но как явления, подверженные влиянию политических реалий и тенденций на международной арене и в монархии

[30] Международная научно-практическая конференция в рамках Дней славянской письменности и культуры «Славия: история, язык, культура» (2021 г.), Международная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов» (2024 г.), Молодежная научная конференция «Славянский мир: общность и многообразие» (2024 г.), Международная научная конференция «Зарубежные славяне и Россия (XVIII–XXI вв.). Памяти И.В. Чуркиной» (2025 г.).

Габсбургов. В диссертации задействован сравнительный метод: изучаемые явления сопоставляются между собой для лучшего их понимания.

Положения, выносимые на защиту:

1. Апелляция чешской элиты к славянской идее усиливала национальное самосознание и стремление сблизиться с зарубежными славянами. Историко-правовая связь земель короны святого Вацлава с германским регионом определила внимание чехов к политике Вены и общим центральноевропейским проблемам. Поэтому их австрославизм и австрофедерализм имели геополитическую составляющую, а государственное историческое право чешские деятели использовали для оценки имперской и в целом европейской политики.

2. Восприятие России чехами было крайне сложным. К середине 1860-х гг. в риторике Национальной партии соседствовали противоречивые образы восточного соседа: 1) угроза для малых австрийских народов в случае расширения и создания «универсальной монархии» (в духе «Письма во Франкфурт» 1848 г. Ф. Палацкого); 2) защитница славян на фоне притеснительной политики Вены; 3) соперник Габсбургской империи за влияние на Балканах; 4) потенциально один из ее главных союзников в Европе. Использование каждого из образов диктовалось политическим моментом.

3. Имидж Франции как традиционного врага немцев был очень привлекателен для чехов, но симпатии к этой стране в стане Национальной партии колебались из-за политики Наполеона III, а затем – игнорирования высшими властями Третьей республики чешских интенций по сближению.

4. Чехи видели в поляках союзников против централизма и дуализма, но расходились с ними во взглядах на Россию и тактику отстаивания своих требований перед Веной. Ф.Л. Ригер стремился преодолеть русско-польский

антагонизм, убежденный, что Россия тогда сможет оказывать полноценную поддержку австрийским славянам. Консолидация последних перед «германской угрозой» тоже была важным мотивом в его намерениях. Польский фактор стимулировал чешско-французские контакты и осложнял чешско-российские отношения. Связи с югославянами (преимущественно с хорватами) были политически устойчивее. Симпатии к иллиризму и югославизму влияли на представления в Национальной партии об идеальной внешней политике Габсбургов.

5. По мысли партийных вождей, приоритетами Австро-Венгрии на международной арене должны были стать: покровительство зарубежным славянам на Балканах, сближение с Францией (как антиподом Пруссии) и Россией (как защитницей славян), противодействие усилению Берлина в Европе. Франкофильство и русофильство в планах партийных деятелей ценностно дополняли друг друга и не противопоставлялись.

6. Наиболее остро внешнеполитический фактор в деятельности Национальной партии проявил себя в период борьбы чехов за Фундаментальные статьи. Россия не поддержала этот проект не только из-за неизбежного пересмотра статуса Галиции в структуре федерализованной Цислейтании. Убежденность руководства Национальной партии в необходимом усилении австро-венгерского влияния на Балканах была для Санкт-Петербурга заведомо неприемлема. Франция была заинтересована в укреплении связей с монархией Габсбургов и Россией, но чешские планы, по ее мнению, этому препятствовали. В Германии, в свою очередь, не желали, чтобы чехи помешали сближению Вены и Берлина. Все три державы видели в Дунайской империи важный элемент баланса сил в Европе. Чешские деятели со своей упорной фрондой на внутриполитическом поле выглядели дестабилизирующим фактором.

Структура работы выстроена согласно проблемно-хронологическому принципу. В первой главе представлена история становления двух основных

«зарубежных» векторов чешской политики (и позднее Национальной партии) – российского и французского в первой четверти XIX в. – 1850-е гг., рассмотрена история взаимоотношений чехов с поляками и югославянами в тот же период. В этом контексте также прослеживается, когда и каким образом польский фактор стал подпитывать российское и французское направление чешской политики. Освещаются попытки сотрудничества австрийских славян в рамках общеимперской политической жизни.

Во второй главе анализируются история образования Национальной партии, ее программы, а также первые политические шаги. Показано, как Ф.Л. Ригер и Ф. Палацкий уже в рамках новой организации пытались продвигать на разных уровнях собственное видение имперской общественно-политической жизни и трактовку международных событий в начале 1860-х гг.

В третьей главе рассматривается программа Национальной партии и ее риторика на внутриполитическом поле. Важное место отводится австро-прусской войне как важному внешнеполитическому фактору, способствовавшему росту интереса чехов к международным вопросам и политике Дунайской империи в этом направлении.

В четвертой главе речь идет о попытках Национальной партии наладить сотрудничество с общественно-политическими кругами во Франции и России в весной 1867 – летом 1870 гг., что было вызвано политическими неудачами на родине. Прослеживаются дальнейшие акции Национальной партии, связанные с обеими странами.

В пятой главе показано значение документа «Промемория чешских либеральных политиков о внешней политике» (1870 г.), дается авторская трактовка Фундаментальных статей, основанная на новых источниках, их восприятие Россией и Францией, уточняется внешнеполитический аспект австро-чешских переговоров 1871 г.

Степень научной разработанности проблемы

Степень изученности рассматриваемой темы по-разному проявляется в мировой историографии. В 1860-е и в начале 1870-х гг. в монархии Габсбургов пересекались внутри- и внешнеполитические процессы, осмысление которых идет до сих пор. Попытки руководства Национальной партии вывести чешский вопрос на международный уровень, контакты с политиками и общественными деятелями других стран, стремление влиять на иностранную прессу непосредственно связаны с более широкой проблематикой чешско-российских, чешско-французских, чешско-польских, чешско-югославянских связей. Поэтому в обзоре представлены и более общие работы.

Чешская историография по указанной теме в совокупности довольно объемна. Автор диссертации не берет на себя задачу сделать ее полный обзор. В настоящем разделе указаны лишь основные исследования, которые свидетельствуют о попытках историков по-новому посмотреть на обозначенные явления.

Осмысление исследователями зарубежных акций чешских политических лидеров началось уже в начале XX в. – в период господства позитивизма в исторической науке. Для него было характерно детальное изложение фактов без акцента на оценку исторических событий. Впрочем, это не значит, что чешские историки были последовательны в своем нейтральном тоне. Нередко они сами участвовали в национальном движении и принадлежали к одному из течений в общественной жизни. Этот нюанс, несомненно, влиял на их публикации. Еще одна особенность их исследований заключалась в том, что внешнеполитический фактор в деятельности Национальной партии находил отражение пока лишь в общих работах, посвященных борьбе чехов за национальные права.

Наиболее значительным изданием тех лет стал многотомный труд Карела Крамаржа (1860–1937 гг.) и Зденека Тоболки (1874–1951 гг.)

«Чешская политика». В нашем исследовании был использован третий том[31]. Как известно, оба автора были видными младочешскими деятелями, вышедшими из течения реализма Т.Г. Масарика, депутатами рейхсрата. Учитывая постоянную полемику между старочехами и младочехами, очевидно их критическое отношение к некоторым акциям Ригера. Тем не менее в книге представлены наиболее яркие акции под руководством Ригера и отчасти Палацкого – поездка чешской делегации на Славянский съезд в Россию, меморандум Наполеону III, «Промемория чешских либеральных политиков о внешней политике».

Новый импульс изучению упомянутых проблем был дан в межвоенной Чехословакии. Это закономерно, поскольку образованное в 1918 г. независимое государство нуждалось в рефлексии вокруг характера национально-политической борьбы чехов и словаков в составе Дунайской империи. В этих условиях роль лидеров Национальной партии обойти было невозможно. Кроме того, в результате Первой мировой войны ориентация на Францию стало одним из краеугольных камней во внешней политике этого государства. В данном контексте исторической науке предстояло удовлетворить запрос на изучение чешско-французских связей. Наконец, истеблишменту и интеллектуальной элите было важно показать, что чехи еще в XIX в. заявляли о себе на международном уровне и даже имели опыт ведения внешней политики.

Первым профессиональным историком, который затронул этот аспект в деятельности Национальной партии, стал Карел Казбунда (1888–1982 гг.). Он выпустил монографию «Путешествие чехов в Москву и австрийская дипломатия»[32], ставшую крупным вкладом в историографию по проблеме Славянского съезда 1867 г.

В монографии впервые на глубоком исследовательском уровне были рассмотрены причины и цели поездки чехов в Россию. Также в ней

[31] *Kramář K., Tobolka Z.* Česká politika. Díl 3. Dějiny české politiky nové doby. Praha, 1909.
[32] *Kazbunda K.* Pouť Čechů do Moskvy a rakouská diplomacie. Praha, 1924.

анализировалась реакция со стороны австрийского и российского правительств, общественное мнение чехов и австрийских немцев. Достоинством работы является то, что автор очень четко разграничил между собой понятия «славянская взаимность», «панславизм», российские имперские и чешские интересы. Довольно информативны и источники дипломатического характера (прежде всего донесения австрийского посла в Санкт-Петербурге, распоряжения канцлера Бойста и т.д.). Казбунда первым на основе писем члена чешской делегации на съезде Э. Вавры начал дискуссию о Константиновом плане, которая не завершена в историографии до сих пор.

В середине 1920-х гг. в центре внимания Казбунды становятся связи чешских политиков с Францией. Первой его работой по этой проблематика стала объемная статья «Пребывание принца Жерома Наполеона в Праге»[33]. В ней рассматривалась поездка Жерома Бонапарта (брата французского императора Наполеона III) в Прагу и его встреча с лидерами Национальной партии Палацким и Ригером. Вновь располагая большим количеством дипломатических документов, Казбунда прослеживал реакцию австрийских властей на эти переговоры.

Статья Казбунды «Два меморандума Ригера»[34] посвящена поездкам лидера Национальной партии во Францию в 1869 г., его пребыванию в Париже и созданию меморандума Наполеону III и «Промемории чешских либеральных политиков о внешней политике». Заслугой исследователя является довольно детальное фактическое изложение, а также анализ действий Ригера в треугольнике «Франция – Россия – польская элита». Анализируется также взаимодействие Ригера с французским общественным мнением, а также с представителями местного истеблишмента.

Казбунда в те годы являлся крупнейшим исследователем зарубежных акций Ригера и подготовил хорошую почву для изучения двух важных

[33] *Kazbunda K.* Návštěva prince Jeroma Napoleona v Praze // Zahraniční politika. Díl IV. Praha, 1925. S. 63–94.
[34] *Kazbunda K.* Deux memoranda de Rieger // Le Monde Slave. Revue mensuelle. 1925, juillet. P. 102–138.

направлений – чешского русофильства и франкофильства. Он создал глубокие и детализированные исследования, ввел в оборот новые источники. Впрочем, что касается акций Ригера во Франции, то некоторые историки (С. Резников[35], М. Лендерова[36], И. Пфафф[37]) стремились скорректировать изложение или интерпретацию некоторых фактов.

В межвоенные годы выходят и крупные обобщающие труды по чешской истории, в которых уделялось определенное внимание и нашей тематике. К таким значительным трудам относится двухтомная «Политическая история нации чешской с начала эпохи конституционной» историка, журналиста и сторонника старочехов Адольфа Срба (1850–1933 гг.)[38]. Его внимание было сосредоточено на сюжетах чешской национальной борьбы и по характеру очень напоминает исследование Тоболки и Крамаржа. Срб скорее лишь упоминает поездку в Россию чешской делегации во главе с Палацким и Ригером. Этот факт он связывает с недовольством чехов утверждением дуализма в монархии Габсбургов. Из событий съезда говорится только о встрече чешской делегации с Александром II в Царском Селе. Очень кратко приводятся итоги съезда. Из «французской» деятельности Ригера историк пишет лишь о вручении меморандума Наполеону III. Об этой акции говорится в связи с античешской компанией, развернутой австронемецкой прессой. Срб обозначил и стремление младочехов обратиться к Франции и России для защиты от Пруссии (в частности, в 1866 г.).

Следующей работой стала статья историка, дипломата, и издателя Гануша Йелинека (1878–1944 гг.) «Ф.Л. Ригер и Франция» во франкоязычном сборнике «Чехословацкие исследования»[39]. Публикация автора была приурочена к смерти Яна Гейдлера – еще одного историка, составителя фундаментальных «Заметок к эпистолярному наследию Ф.Л. Ригера» в двух

---

[35] *Reznikow S.* Frankofilství a česká identita (1848–1918). Praha, 2008. S. 106, 134.
[36] *Lenderová M.* Několik poznámek k audienci F. L. Riegra u Napoleona III. // Acta historica et museologica Universitatis Silesianae Opaviensis. 2000. č. 5. S. 263.
[37] *Pfaff I.* Francie a Čechy v Evropě národních států. Francouzská politika F.L. Riegra. Praha, 2013. S. 89–90.
[38] *Srb A.* Politické dějiny národa českého od počátku doby konstituční. Díl I. Od r. 1861 do r. 1879. Praha, 1926.
[39] *Jelínek H.* F.L. Rieger et la France // Études tchécoslovaques. Paris, 1927. P. 121–137.

томах (1924, 1926 гг.; о них ниже). Именно на основе свидетельств из этого труда показана деятельность старочеха по привлечению Франции в качестве союзника. Для 1920-х гг. это был действительно свежий материал, тем более для французского читателя.

В самом начале 1930-х гг. появилась статья «Протест чешских депутатов сейма Богемии против аннексии Эльзаса и Лотарингии»[40], касающаяся «французской» линии в руководстве Национальной партии. Ее автором стал известный историк, архивист и дипломат Я. Опоченский (1885–1961 гг.). Она отличается весьма детальным описанием и анализом событий осени-зимы 1870 г. Исследователь рассматривает деятельность Ригера, связанную с Францией и появлением важнейшей акции чешских депутатов в виде «Промемории». Кроме того, автор детально разбирает миссию французского консула Альбера Лефевра в чешских землях, его интересы и как они соотносятся с позицией Ригера. Основной источник в данном случае – их переписка.

Новый ракурс в изучении обозначенного круга проблем характерен для Й.А. Брожа. Речь идет о его публикации «Французское общественное мнение и чешский вопрос к концу Второй империи»[41]. К сожалению, автор ограничил свое исследование лишь 1867 г. Однако он подробно анализировал периодическую печать во Франции в зависимости от ее политической ориентации, польскую эмигрантские публикации. Показано отношение французской общественности не только к чешскому вопросу, но и вообще к монархии Габсбургов в тот период, а также к России и поездке чехов на Славянский съезд. Введение Брожем в научный оборот французской периодики позволяет высоко оценить его вклад в разработку изучаемой темы.

---

[40] *Opočenský J.* La protestation des députés tchèques de la diète de Bohême contre l'annexion de l'Alsace – Lorraine // Le Monde Slave. 1930, juillet. P. 170–200.

[41] *Brož J.A.* Opinion française et la cause tchèque vers la fin du Segonde Empire // Le monde slave. 1935, juillet. P. 131–146.

Следующим исследованием о Ригере и его зарубежной деятельности стала статья специалиста по новейшей истории славянских народов Вацлава Жачека (1905–1986 гг.) «Чехи и Франция в 1870 г.»[42], которая связана с тематикой, рассматриваемой Опоченским. Поэтому у обоих историков схожи и использованные источники. Прежде всего, это «Промемория чешских либеральных политиков о внешней политике», переписка Ригера с французским консулом в Вене Альбером Лефевром, периодика Богемии тех лет и полицейские отчеты.

Как мы видим, в межвоенные годы уделялось весомое внимание связям чешского народа с Францией. Вместе с тем, помимо исследования Казбунды, были и работы, посвященные связям с Россией. Одной из наиболее значимых, на наш взгляд, является монография историка-русиста Йозефа Йирасека (1884–1972 гг.) «Россия и мы. История чехословацко-русских отноошений с древнейших времен до 1914 г.»[43] Он верно полагал, что чешское русофильство (изначально неполитическое) своими корнями уходит в концепцию славянской взаимности Коллара. Поэтому, чтобы его понять, необходимо анализировать такое изменчивое явление, как славянская идея[44]. Что касается пророссийских симпатий чехов, то историк видел постепенный переход от русофильства «неясного, поэтического» к «реалистичному пониманию славянского вопроса, а вместе с тем и России»[45]. Это течение Йирасек воспринимал как «бесспорно необходимый элемент нашего национального Возрождения»[46]. В 1860-е гг. эти тенденции накладывались на игнорирование Веной чешских национальных требований[47]. В целом работы Йирасека отличаются не только довольно взвешенным подходом, но и внушительной фактологической базой, к которой часто обращались последующие историки.

---

[42] *Žáček V.* Les Tchèques et la France en 1870 // Europe centrale, 18. I. 1936. P. 87–101.
[43] *Jirásek J.* Rusko a my. Dějiny vztahů československo-ruských od nejstarších dob do roku 1867. Praha, 1929.
[44] *Ibid.* S. 293.
[45] *Ibid.* S. 294.
[46] *Ibid.* S. 295.
[47] *Ibid.* S. 291–292.

Из схожих исследований того периода можно выделить «Очерки о чешско-русских связях»[48] слависта, политика, в будущем члена Коммунистической партии Чехословакии, академика Франтишека Травничека (1888–1961 гг.).

После установления социалистического строя в чехословацких гуманитарных науках стал доминировать марксистский подход к изучению истории. Появилась потребность в новой оценке взгляда чехов на Россию, в акценте на исторической оправданности близости Чехословакии и СССР. В это время интерес к контактам чешского и французского народа, по понятным причинам, на время снизился.

Примечательна совместная монография Ивана Пфаффа и Владимира Задовского «Традиции чешско-русских связей в истории»[49]. В своем исследовании они попытались отойти от особенно претенциозных и жестких оценок, свойственных чехословацкой историографии коммунистического периода. Выводы историков стоят ближе к умеренному Йирасеку. Интересен их анализ культурного влияния России на чехов во второй половине 1860-х гг. и на рубеже 1870–1860-х гг.

1960-е гг. можно охарактеризовать как период активнейших исследований по теме чешского русофильства и полонофильства. Такая продуктивность была связана не только с общественно-политическим и культурно-интеллектуальным климатом Пражской весны. Поводом стала также череда юбилеев, связанных с яркими моментами чешско-российского и чешско-польского взаимодействия в 1860-е гг.

Вацлав Чейхан (1904–1973 гг.) в своей статье «Царские ордена для чехов 1862 г. (к вопросу о чешском русофильстве)»[50] исследовал, как Великие реформы в России обуславливали пророссийские симпатии Палацкого, Ригера и их сторонников. В их награждении по случаю «тысячелетия

[48] *Trávníček F.* Příspěvky k česko-ruským stykům. Brno, 1946.
[49] *Pfaff I., Zadovský V.* Tradice česko-ruských vztahů v dějinách. Praha, 1957.
[50] *Čejchan V.* Carské řády Čechům roku 1862 (Příspěvek k otázce českého rusofilství) // Sborník prací Filozofické fakulty brněnské univerzity. C, Řada historická. 1961, roč. 10, č. C8. S. 376–396.

России» автор публикации видел важную веху, когда руководство Национальной партии ярко продемонстрировало посланнику в Вене В.П. Балабину свою заинтересованность в помощи России.

Чейхан также показал, что старочехи с их растущим русофильством оказались в щекотливом положении после начала восстания в Царстве Польском. Эта тема стала одной из центральных в статье В. Жачека «Чехи и поляки в период польского Январского восстания»[51].

На фоне Пражской весны в чехословацкой научной среде протекали активнейшие дискуссии, связанные с понятиями «славянство», «славянская взаимность», «славянская идея», «панславизм», их влиянием на формирование чешской идентичности и нации. В этом ракурсе исследователи много обращались к проблематике чешско-российских, чешско-польских, чешско-югославянских связей.

Среди первых таких работ особое место занимает книга Йозефа Колейки (1924–2015 гг.) «Славянские программы и идея славянской солидарности в XIX и XX веках»[52]. Один из основных выводов автора заключался в том, что «содержанием славянской идеи сначала и позже была, прежде всего, уверенность в России, в которой видели защитника малых славянских народов»[53]. В свою очередь, русофильство было главным элементом славянской идеи у чехов[54]. Колейка подчеркивал, что оно не имело характер политического панславизма и было тесно связано с борьбой за национальные права[55]. При этом историк считал, что у Палацкого пророссийские симпатии появились довольно поздно. Он их прослеживал лишь после 1867 г.[56]

В. Чейхан стал также редактором первой части значимого коллективного труда – «Истории чехословацко-советских связей Нового и

---

[51] *Žáček V.* Češi a Poláci v době Lednového povstání polského // Československý časopis historický. 1963. č. 11. S. 717–741
[52] *Колейка Й.* Славянские программы и идея славянской солидарности в XIX и XX веках. Прага, 1964.
[53] *Там же.* С. 220.
[54] *Там же.* С. 221.
[55] *Там же.* С. 51, 54.
[56] *Там же.* С. 220.

Новейшего времени»[57]. Наряду с другим ярким исследователем Мирославом Бидласом (1900–1990 гг.) он написал разделы, посвященные проблематике диссертации. В соответствии с введением, авторский коллектив не только попытался структурированно изложить ход чешско-российских контактов, но и дать ему свою оценку. По мысли историков, данные связи имеют «бесспорное значение для национально-освободительной борьбы нашего народа до 1917 г.»[58] При этом чешско-российские отношения представлены как «конкретные проявления настроений чешского общества на определенном этапе развития, органично произрастающие из всей общественной среды и тесно с ней связанные»[59].

В книге указывается на рост пророссийских симпатий в чешском обществе во время Крымской войны. Не менее детально рассматривается реакция прессы и общественных деятелей на Великие реформы. Бидлас выделил целый комплекс причин, по которым чешская делегация отправилась на Славянский съезд: это и желание выразить публичное несогласие с дуализмом, и страх перед усиливающейся Пруссией, и намерение заручиться российской поддержкой в случае крушения монархии Габсбургов[60]. Встреча в Стромовке со славянскими представителями характеризуется лишь как «тайное совещание», но не очередной славянский съезд[61]. При этом его итоги трактуются скорее в положительном ключе[62]. Авторы, пусть и очень кратко, затронул тему открытия православного храма в Праге[63]. Уделяется достаточное внимание и беседе Ф.Л. Ригера и Ф. Палацкого с Ф.И. Тютчевым, направлявшимся, как отмечается, в российское дипломатическое представительство по заданию Горчакова[64]. В монографии утверждается, что уже первые контакты между чехами и Новиковым

[57] Dějiny československo-sovětských vztahů nové a nejnovější doby. Díl 1. Dějiny česko-ruských ztahů 1770–1917 / Ed. V. Čejchan. Praha, 1967.
[58] *Ibid.* S. 5.
[59] *Ibid.*
[60] *Ibid.* S. 218–219.
[61] *Ibid.* S. 229.
[62] *Ibid.*
[63] *Ibid.* S. 231.
[64] *Ibid.* S. 236.

свидетельствовали о недопонимании[65]. Министр иностранных дел России не поддержал чехов в борьбе за Фундаментальные статьи, поскольку видел в чешском австрофедерализме республиканские идеи. К тому же он не желал потенциальных изменений в статусе Галиции[66]. По мнению Бидласа, Россия своим отказом в помощи поспособствовала провалу Фундаментальных статей[67].

Стоит заметить, что создателям труда удалось очень органично вплести в контекст чешско-российских отношений французское направление в деятельности Ригера и Палацкого. Упоминаются все важные акции: неоднократные поездки в Париж для налаживания связей, брошюра Ригера «Австрийские славяне и мадьяры», встреча лидеров Национальной партии с принцем Жеромом Наполеоном, меморандум Ригера Наполеону III[68]. Выступление с «Промеморией чешских либеральных политиков о внешней политике», согласно изданию, было обусловлено прежде всего прусской победой в битве при Седане, когда стало понятно, что Вена не возьмёт реванш за поражение в 1866 г.[69] Сопутствующими факторами явились деятельность французских дипломатов А. Лефевра и Э. Пико в Праге и циркулярная нота Горчакова о прекращении соблюдения Россией статьей Парижского мира (1856 г.)[70].

В целом данная работа представляет собой разностороннее и детальное исследование, до сих пор не потерявшее научной ценности. Пожалуй, единственное, чего ему не хватает, – это ссылок.

В. Жачек выступил редактором второго тома фундаментального труда «Чехи и поляки в прошлом»[71] и автором некоторых его глав, в том числе касающейся 1860-х гг. С одной стороны, историк указывал на приверженность чешских деятелей демократическим ценностям, сильную

[65] *Ibid.*
[66] *Ibid.* S. 236–237.
[67] *Ibid.* S. 237.
[68] *Ibid.* S. 193, 229–230.
[69] *Ibid.* S. 236.
[70] *Ibid.*
[71] Češi a Poláci v minulosti. Sv. 2. Období kapitalismu a imperialism / Ed. V. Žáček. Praha, 1967.

традицию чешско-польских связей. С другой, он отмечал их стремление найти в лице России защитника славянских интересов, несмотря на ее абсолютистские черты. Это привело к «большому славянскому и политическому кризису у чешской нации»[72]. При всем марксистском характере своих исследований Жачек настаивал именно на критическом русофильстве старочехов и взвешенно относился к их негативной оценке Январского восстания[73].

Статья Иво Влчека «Смысл чешского путешествия в Россию 1867 г.»[74] является еще одной важной публикацией 1960-х гг., посвященной интересу чехов к восточному соседу и Славянскому съезду. Ученый был убежден, что главной целью поездки чешских национальных лидеров в Москву и Санкт-Петербург было налаживание сотрудничества со славянофилами[75]. Он считал такой шаг очень логичным, поскольку видел много общего между этими общественно-политическими группами. Например, это касалось положения в политической жизни своих стран: Национальная партия была оппозиционно настроена к Вене, как и славянофилы – к Санкт-Петербургу[76]. То же самое автор говорил про ценностную основу: трактовка истории у Палацкого и упомянутых российских деятелей была якобы похожа и восходила к одному корню – немецкой философии[77]. Негативное отношение «отца нации» к российскому абсолютизму, по мысли Влчека, отдаляло его от официальных структур и тоже сближало со «специфическим российским элементом национально-либерального характера»[78].

Впрочем, сейчас такой подход можно назвать устаревшим. Контакты Палацкого со славянофилами действительно играли определенную роль в его зарубежных контактах, но все-таки в приоритете оставались связи с представителями власти в империи Романовых. И связи чешского

[72] *Ibid.* S. 255.
[73] *Ibid.* S. 260–264.
[74] *Vlček I.* Smysl české pouti na Rus // Slovanský přehled. 1967. č. 57. S. 354–361.
[75] *Ibid.* S. 354–355.
[76] *Ibid.* S. 355.
[77] *Ibid.*
[78] *Ibid.* S. 354–355.

историографа с российской дипломатией, как стало известно позднее, начались не в 1861 г. (по данным исследователя[79]), а в конце 1850-х гг.

Вместе с тем преимуществом статьи является стремление автора продемонстрировать, что чешская политика в то время имела два вектора – не только российский, но и французский. Оба они базировались на антигерманской почве. «Русско-французское направление останется постоянной координатой чешской буржуазной политики», – отмечал Влчек[80]. В этой плоскости поездка чехов в Россию в 1867 г. рассматривалась им как «начало национальной внешней политики»[81].

Статья Жачека «Попытки созыва славянских съездов после 1867 г.»[82] органично продолжает исследования Влчека, причем не только фактологически, но и концептуально. По мнению автора, совещание в Стромовке (май 1868 г.) стало свидетельством противоречий между интересами австрийских славян и российских панславистов. Кроме этого, оно показало сложное отношение старочехов к России, несмотря на их надежды в 1860-е гг. на восточную державу[83]. Для проблематики диссертации весьма важны мысли Жачека, связанные с вниманием старочехов к попыткам сближения австрийских югославян. Историк полагал, что их объединение в составе монархии Габсбургов должно было стать дополнительным аргументом для ее федерализации[84]. Эта публикация стала важным исследованием в чехословацкой и чешской историографии по проблемам славянских съездов и часто цитируется при обращении к этой тематике.

Сборник статей «Славянство в национальной жизни чехов и словаков»[85] стал одной из наиболее плодотворных попыток осмысления сложного спектра понятий, связанных со славянской идеей. Авторы стремились не только прийти к унификации терминов «славянство», «славянская

[79] *Ibid.* S. 355.
[80] *Ibid.* S. 356.
[81] *Ibid.*
[82] *Žáček V.* Pokusy o slovanské sjezdy po r. 1867 // Slovanský přehled. 1968. č. 3. S. 202–211.
[83] *Ibid.* S. 205.
[84] *Ibid.* S. 207.
[85] Slovanství v národním životě Čechů a Slováků / Ed. V. Šťastný. Praha, 1968.

взаимность» и т.д., но и старались понять, как взаимодействие с другими славянскими народами влияло на формирование чешского национального сообщества. Во введении М. Куделка (1922–2005 гг.) отмечал, что наиболее яркой чертой разных программ славянства был поиск могущественного союзника в борьбе за национальное существование[86].

Применительно к нашей проблематике хотелось бы отметить статью В. Жачека «Полонофильство и русофильство – две альтернативы чешского славянства 60-х гг.»[87] В ней он использовал наработки из своих прежних исследований, о которых уже говорилось выше. Историк считал, что эти два течения играли важную роль в чешской общественно-политической жизни как минимум с начала десятилетия. Спорным можно назвать его утверждение, что награждение чешских ученых российскими орденами свидетельствовало о большом внимании царского правительства к чехам[88]. Исследователь подчеркивал, что оба течения вошли друг с другом в конфликт в связи с восстанием в Царстве Польском (1863–1864 гг.). В иллюзорных надеждах чехов на Россию после Славянского съезда Жачек видел и положительное значение, поскольку они давали импульс чешскому национальному движению[89].

Впрочем, как подчеркивал другой историк Владислав Штястный (1928–2014 гг.) в статье «Влияние так называемой славянской политики России на чешскую среду»[90], попытки чешской официальной политики опереться на Санкт-Петербург принесли очень мало результата. Они лишь помогали чехам активнее выражать свое недовольство венским правительством[91]. Конец 1860-х – начало 1870-х гг. был временем «более инициативного внешнеполитического курса»[92] чехов после Славянского съезда. Штястный

---

[86] *Ibid.* S. 12.
[87] *Žáček V.* Polonofilství a rusofilství – dvě alternativy českého slovanství let šedesátých // *Ibid.* S. 227–247.
[88] *Ibid.* S. 231.
[89] *Ibid.* S. 246.
[90] *Šťastný V.* Vliv t. zv. slovanské politiky Ruska na české prosředí // Slovanství v národním životě Čechů a Slováků / Ed. V. Šťastný. Praha, 1968.
[91] *Ibid.* S. 256.
[92] *Ibid.* S. 257.

резюмировал, что Россия не была заинтересована в федерализации монархии Габсбургов, поскольку видела в этом налет республиканских идей и не хотела пересмотра статуса Галиции[93]. Более того, по словам историка, позиция Санкт-Петербурга способствовала провалу Фундаментальных статей в октябре 1871 г.[94] Также он высказал интересную мысль о том, что радикализация чешского общества на рубеже десятилетий, его пророссийские симпатии и страх перед Берлином провоцировали интерес чехов к панславистским идеям Р.А. Фадеева и Н.Я. Данилевского, пусть и чешская политика никогда не брала их на вооружение[95]. В целом статья является хорошим примером концептуального обобщения взглядов о чешском русофильстве 1860-х – 1870-х гг.

Сборник «Славянство в национальной жизни чехов и словаков» стал важной вехой в осмыслении разных идеологических течений в чешской политике. Но, по нашему мнению, в нем не хватает статьи, посвященной связям с югославянами. Видимо, неслучайно в том же 1968 г. Ружена Гавранкова (1929–2017 гг.) опубликовала статью «Интерес к балканским славянам как элемент чешского славянства в 19 в.»[96] Исследовательница подчеркивала, что симпатии чехов к югославянам так же важны для их национального самосознания, как русофильство и полонофильство[97]. С 1848–1849 гг. между ними развивалось политическое взаимодействии, крепло чувство солидарности, которое потом распространялось и на южных славян под османской властью[98]. По мнению Гавранковой, со времен «весны народов» сотрудничество с австрийскими югославянами формировало основу австрославизма[99].

---

[93] *Ibid.* S. 259.
[94] *Ibid.* S. 260.
[95] *Ibid.* S. 258.
[96] *Havránková R.* Zájem o balkánské Slovany jako složka českého slovanství v 19. století // Slovanské historické studie VII. Praha, 1968. S. 195–218.
[97] *Ibid.* S. 195.
[98] *Ibid.* S. 200.
[99] *Ibid.*

Также отметим, что в этот период проблематика чешско-французских связей тоже присутствовала в чехословацкой историографии, хотя находилась на периферии[100]. При всем этом после 1956 г. и до 1968 г. произошел качественный и количественный рост связей чехословацких историков с французской наукой[101]. В 1969 г. в Братиславе состоялся коллоквиум ученых из обеих стран, который возобновится лишь через 20 лет.

Конец «Пражской весны» знаменовал собой начало эпохи нормализации. Для исторической науки в стране это означало резкое снижение свободы дискуссии, хотя полный возврат к ортодоксальным марксистским оценкам уже не был возможным.

1970-е отмечены дальнейшей разработкой круга проблем, связанных с чешско-польскими, чешско-русскими и чешско-югославянскими связями. В. Жачек в статье «Польский вопрос в деятельности Ригера»[102] фокусируется на политических акциях вождя Национальной партии с учетом своих более ранних концептуальных наработок. Он довольно подробно рассматривал полемику в чешской печати в период Январского восстания, а также контакты Ригера с польскими эмигрантами в конце 1840-х и второй половине 1860-х гг. Ученый акцентировал внимание на факторе польской эмиграции как необходимом элементе его французского вектора.

Чешско-польские сюжеты затронул и Мирослав Шестак (р. 1937 г.) в своей работе «Польское восстание и славянские нации Габсбургской монархии»[103]. Традиционно автор охватил полемику в чешской печати о волнениях в Царстве Польском, спор между старочехами и младочехами. В целом историк смотрел на те события как часть большого кризиса славянства 1863–1864 гг.

---

[100] См., например: *Polišenský J.* Le “problème tchèque” et la France de 1789 à 1848 // Acta Universitatis Carolinae: Philosophica et historica. 1966. č. 3. S. 75–94.

[101] Об этом см. подробнее: *Maur E.* K česko-francouzským vědeckým stykům na FF UK v 50. a 60. letech (obor historie) // Cahiers du CEFRES. 2003. č. 29. URL: https://www.cefres.cz/IMG/pdf/maur_2003_cesko_francouzske_vedecke_styky.pdf Дата обращения: 12.03.2023.

[102] *Žáček V.* Polská otázka v činnosti Františka L. Riegra // Slovanský přehled. 1971. roč. 57. č. 4. S. 128–163.

[103] *Šesták M.* Polské povstání a slovanské národy habsburské monarchie // Slovanské historické studie. 1979. č. 1. S. 71–129.

В 1970-х гг. М. Шестак активно занимался исследованием чешско-югославянских связей. В начале десятилетия выходят его объемные статьи, посвященные чешско-хорватским политическим отношениям в 1860-е гг.[104] Он исследовал контакты Национальной партии с Народной партией Й.Ю. Штросмайера, отмечая важность хорватских иллиризма и югославизма в развитии чешской общественной мысли. Аналогичные чешско-словенские сюжеты разрабатывал Франтишек Йордан (1921–1979 гг.) – в частности, в статье «Чехи и словенцы в 19 и в начале 20 в. (их общественные и политические связи)»[105].

В 1975 г. вышло фундаментальное обобщающее издание «Чехи и югославяне в прошлом. С древнейших времен до 1918 г.»[106] Руководителем коллектива авторов выступил Жачек. Он же написал разделы, касающиеся чешско-югославянского взаимодействия в 1830–1840-е гг. Аналогичную главу по 1850–1860-м гг. подготовил Шестак. Помимо богатейшего фактологического материала коллективная монография содержит ряд важных концептуальных наработок. К концу 1860-х гг. неотъемлемой частью чешской национальной программы стала заинтересованность в сильных славянских государствах на Балканах. Но это внимание к региону, призывы к сохранению или нарушению статус-кво в Юго-Восточной Европе имели в те или иные периоды разное наполнение и глубину. Они зависели прежде всего от степени надежд пражских политиков на уступки со стороны Вены[107]. Подчеркивалось, что появление югославянского целого в составе Габсбургской монархии способствовало бы политическому давлению славянских народов на имперский центр[108].

---

[104] *Šesták M.* Chorvatská otázka v české politice 1860–1864 // Československý časopis historický. 1972. č. 1. S. 39–70. *Šesták M.* Chorvatská a česká politika v letech 1865–1866 // Československý časopis historický. 1972. č. 3. S. 309–338.
[105] *Jordan F.* Češi a Slovinci v 19. a na začátku 20. století (jejich vztahy veřejné a politické) // Otázky dějin střední a vychodní Evropy. Sv. 1 / Ed. F. Hejl, J. Kolejka. Brno, 1971. S. 263–292.
[106] *Žáček V. a kol.* Češi a Jihoslované v minulosti. Od nejstarších dob do roku 1918. Praha, 1975.
[107] *Ibid.* S. 372–373.
[108] *Ibid.* S. 433.

В середине – второй половине 1970-х гг. в чехословацкой историографии славянофильство продолжало изучаться как специфическое российское общественно-политическое течение. Предпринимались попытки выявить его значение для чешского национального дела. Прежде всего это касается статей Татьяны Ивантышиновой[109].

В эпоху нормализации чешско-французская тематика пусть в малых количествах, но все-таки присутствовала в чехословацкой историографии. Применительно к 1970-м гг. необходимо отметить статью Богумилы Кушнериковой (Ференчуговой) «Revue des Deux Mondes о чехах, словаках и национальной проблеме Габсбургской монархии до 1871 г.»[110] В своем исследовании автор подробно анализировала материалы С. Робера, А. Лебра, И. Деспре и особенно С.-Р. Тайандье, посвященные чехам. Благодаря документам из пражского Литературного архива (LA PNP) Кушнерикова ввела в научный оборот переписку Тайандье и Палацкого 1850–1860-х гг. Эти письма довольно важны для характеристики чешского франкофильства и русофильства тех лет. Исследовательница убедительно продемонстрировала, что в ранних статьях Тайандье о чехах наблюдается терминологическая путаница. Кроме этого, в трактовке сюжетов из чешской истории преломлялись собственные политические взгляды французского ученого. Его позиция по поводу чешского вопроса и решения национальных проблем в Габсбургской монархии не была стабильной и изменялась во времени. В целом автору статьи удалось показать, что на трактовку сюжетов в Revue des Deux Mondes, касающихся земель короны святого Вацлава, влияли не только международные события, но и французская внутриполитическая жизнь.

В 1980-е гг. в чехословацкой историографии появились крупные обобщающие исследования по рассматриваемому кругу проблем. В 1982 г.

---

[109] *Ivantyšynová T.* K názorom slavianofilov na postavenie Čechov a Slovákov v Rakúsku v šesťdesiatych rokoch 19. storočia // Slovanske štúdie XVI. Bratislava, 1975. S. 143–162. *Ivantyšynová T.* Slovanský zjazd v Moskve roku 1867 v kontexte vzťahov ruských slavianofilov k Čechom a Slovákom // Slovanské štúdie XX. Bratislava, 1979. S. 91–116.

[110] *Kušnieriková B*. Revue des Deux Mondes o Čechoch, Slovákoch a národnostnom problemu v Habsburskej monarchii pred rokom 1871 // Slovanské štúdie XVII. Bratislava, 1976. S. 269–296.

вышла книга, которая стала одним из важнейших трудов по чешской истории середины XIX – начала XX вв. Речь идет о монографии «Чешское общество 1848–1918»[111] Отто Урбана (1938–1996 гг.). Основное внимание он сосредоточил на внутриполитических сюжетах, на вопросах социальной, идеологической и политической дифференциации чешского общества и деятельности политических партий. При этом Урбаном был сделан ряд общих и важных наблюдений по поводу зарубежных акций чехов.

Подобно И. Влчеку, он отмечал, что поездка чехов в Россию (1867 г.) была первым и более явным проявлением «собственной внешней политики чешской буржуазии»[112]. Вместе с тем она нераздельно связана с ориентацией руководства Национальной партии на Францию, хотя чешская деятельность в этой стране была более неформальной. Важным нам кажется тезис, что попытки чехов вести свою «внешнюю политику» с ориентацией на Париж и Санкт-Петербург стали новым явлением, но они не означали «принципиальную ревизию австрийской программы чешских либералов»[113]. Временной промежуток с 1867 г. по начало 1870-х гг. чехи рассматривали как окно возможностей для интернационализации чешского вопроса[114].

Немного позже Урбан написал еще одно значимое исследование – «Воспоминание о Градец-Кралове: драма 1866 г.»[115] В ней подробнейшим образом разбиралась австро-прусская война: ее причины, оценка сторон, ход и результаты. В историю конфликта включена и деятельность членов Национальной партии. Историк в деталях анализировал материалы партийной прессы перед войной, а также во время нее. Он обращал внимание на завышенные ожидания от военных действий сначала у старочехов, а затем и младочехов. Важно его указание на последовательную лояльность тех и других и стремление прервать правовую связь земель Габсбургов с Германским союзом.

---

[111] *Urban O.* Česká společnost (1848–1918). Praha, 1982.
[112] *Ibid.* S. 228.
[113] *Ibid.*
[114] *Ibid.* S. 228–229.
[115] *Urban O.* Vzpomínka na Hradec Králové: (drama roku 1866). Praha, 1986.

В середине 1980-х гг. в Чехословакии наблюдался новый всплеск интереса к чешско-русской проблематике. Одним из крупных исследований по этой теме стала книга М. Шестака «Путешествие чехов в Москву 1867 г.»[116] Не менее заметным исследованием является монография Татьяны Ивантышиновой «Чехи и словаки в идеологии русских славянофилов (40–60-е гг. XIX в.)»[117]. Это издание знаменовала собой важный этап в осмыслении понятий «славянство», «панславизм», «славянофильство» применительно к русской общественной мысли середины XIX в. Анализ взглядов и деятельности видных славянофилов И.С. Аксакова, Е.И. Ламанского, А.Ф. Гильфердинга и др. позволил автору указать на их сложное отношение к чехам. Они верили в неизбежность распада «немецкой Австрии» и нереальность «славянской Австрии»[118]. Ивантышинова отмечала определенное противоречие в их позиции: не принимая австрофедерализм, славянофильская печать требовала вместе с тем поддержки австрийских славян[119]. По мнению автора, в 1860-е гг. славянофилы не имели амбиций создать политическую программу по славянскому вопросу. Славянский съезд 1867 г. стал наиболее яркой иллюстрацией идейной пропасти между чешской делегацией и членами кружка.

После падения коммунистического режима (1989 г.) в Чехословакии наступил новый этап в изучении внешнеполитического фактора в деятельности Национальной партии. В изменившихся политических условиях в историографии обосновывались и подчеркивались глубокие исторические связи чехов и словаков с Европой, нарушенных, с ее точки зрения, в 1948 г. Это была часть сложного процесса по преодолению наследия социалистического периода, позиционирования ими себя как части Западного мира.

---

[116] *Šesták M.* Pouť Čechů do Moskvy roku 1867. Praha, 1986.
[117] *Ivantyšynová T.* Česi a Slováci v ideológii ruských slavianofilov (40. – 60. roky XIX. storočia). Bratislava, 1987.
[118] *Ibid.* S. 164–165.
[119] *Ibid.* S. 165.

Впервые со времен межвоенной Чехословакии возродилось интенсивное изучение чешско-французских связей. Данную тенденцию предварял возобновленный коллоквиум историков Чехословакии и Франции, состоявшийся в Праге весной 1989 г. – незадолго до бархатной революции. В 1991 г. в Праге был основан Французский центр исследований в области социальных наук (фр. *Centre français de recherches en sciences sociales – CEFRES*). Целью институции стало способствование научному обмену и сотрудничеству между Чешской и Словацкой Федеративной Республикой и Францией.

В 1993 г. увидела свет статья известного чешского историка Роберта Квачека (р. 1934) «Международные взаимосвязи чешской государственно-правовой политики»[120]. В статье представлены Франция и Россия в понимании старочехов как потенциальные партнеры для реализации своих внутриполитических целей. Показана и специфика международной ситуации 1860–1870-х гг., которая оказала серьезное влияние на степень реализации Ригером его планов за пределами монархии Габсбургов.

Еще в ноябре 1992 г. в Братиславе состоялся коллоквиум чешских, словацких и французских историков, посвященный связям трех народов в контексте политической, общественной и культурно-интеллектуальной жизни Европы. Результатом работы исследователей стал двуязычный сборник статей «Связи между Францией и Центральной Европой в 1867–1914 гг.», изданный спустя три года[121]. Редактором коллективного труда стала Б. Ференчугова.

Среди статей особенно хотелось бы выделить эссе О. Урбана «Существует ли чешская внешняя политика до 1914 г.?»[122]. В ней он рассматривал попытки чешских деятелей установить контакты за границей и прослеживал характер этих связей. Помимо этого, историк анализировал

---

[120] *Kvaček R.* Mezinárodní souvisloti české státopravní politiky // Čechy a Evropa v kultuře 19. století. Praha, 1993. S. 25–28.
[121] Francúzsko a stredná Európa (1867–1914). Vzťahy mezi Francúzskom a strednou Európou v rokoch 1867–1914. Vzájomné vplyvy a predstavy / Ed. B. Ferenčuhová. Bratislava, 1995.
[122] *Urban O.* Existuje česká zahraniční politika před rokem 1914? // *Ibid.* S. 8–14.

положение чешского общества в системе монархии Габсбургов и как оно могло влиять на попытки взаимодействия с европейскими странами. Статья отличается скорее обобщающим взглядом на заявленную тему. Однако важным, на наш взгляд, является стремление автора обратить внимание на ряд объективных условий, в которых оказались чехи, предпринимая действия за рубежом.

В 1996 г. Павла Горская (1927–2021 гг.) опубликовала монографию «Сладкая Франция»[123]. Эта работа охватывает историю чешско-французских взаимоотношений от Средневековья до начала XX в. Впервые за долгое время в чешской историографии подробно разбирались акции Национальной партии, направленные на сближение с французской стороной, на попытки заинтересовать ее политиков и общественных деятелей чешским вопросом. Применительно к 1860-м гг. Горская анализировала поездки Ф.Л. Ригера в Париж 1867 и 1869 гг., а также «Промеморию чешских либеральных политиков о внешней политике» 1870 г. Монография ценна изложением реакции французской дипломатии на меморандум вождя Национальной партии Наполеону III. То же самое относится к описанию миссии А. Лефевра и Э. Пико в Праге в ноябре 1870 г. Применительно к последнему сюжету историк подчеркивала, что деятельность дипломатов нельзя отождествлять с позицией французского МИД. Это была линия, которая продвигалась министром внутренних дел Леоном Гамбеттá[124]. Несмотря на растущие успехи лично Ригера, чехи в конце концов потерпели неудачу в привлечении Франции в качестве союзника. После франко-прусской войны в Париже появились надежды на союз с Россией и монархией Габсбургов. Такой расчет не допускал каких-либо попыток влияния на внутриполитическую ситуацию в Австро-Венгрии[125]. По нашему мнению, книге историка недостает концептуализации, что выразилось в том числе в отсутствии заключения и обобщающих выводов.

---

[123] *Horská P.* Sladká Francie. Praha, 1996.
[124] *Ibid.* S. 49.
[125] *Ibid.* S. 50.

В 1997 г. Горская дополнила свое исследование статьей, посвященной чешской и немецкой тематике в журнале Revue des Deux Mondes[126]. Этот материал во многом перекликается со статьей Кушнериковой (1976 г.) и добавляет новых деталей о публицистике С.-Р. Тайандье и других авторов издания. Статья стала результатом работы ученой в рамках пятого коллоквиума чешских, словацких и французских историков, состоявшегося годом ранее[127].

В 1996 г. вышла монография уже упоминавшегося Ивана Пфаффа (1925–2014 гг.) «Чешская принадлежность к Западу в 1815–1878 гг.»[128] В основе книги лежит концепция, что чехи являются носителями так называемого «европейства». И эта связь Чехии с Западной Европой по ряду причин то усиливается, то ослабевает. Другими словами, чехи то отдаляются цивилизационно, то, наоборот, составляют единение с тем миром, в котором, как считает Пфафф, они и должны находиться (с точки зрения политики, права, культуры и т.д.). Такая концепция, думается, напрямую связана с судьбой самого Пфаффа. После августовских событий 1968 г. он эмигрировал в Западную Германию и стал ярым противником коммунистического режима в Чехословакии.

Подобный предвзятый подход виден при анализе историком поездки Ригера на Славянский съезд в Москву и Санкт-Петербург. Пфафф воспринимает ее как кризис «европейства», а акции во Франции – как одну из его вершин. Относясь критически трактовке событий этим автором, отметим, что в своем исследованием он ввел в научный оборот новые исторические источники.

Крупным специалистом по чешскому франкофильству является Милена Лендерова (р. 1947). Известна ее статья «Несколько замечаний к аудиенции

---

[126] *Horská P.* Češi a Němci 19. století v “Revue des Deux Mondes” // Český časopis historický. 1997. č. 1. S. 37–54.
[127] О ходе коллоквиума см. подробнее: *Nechvátal M.* Češi, Slováci a Francouzi v první polovině 19. století // *Ibid.* S. 272–274.
[128] *Pfaff I.* Česká přináležitost k Západu v letech 1815–1878. Brno, 1996.

Ф. Л. Ригера у Наполеона III»[129], в которой рассматривается «французская» деятельность Ригера в 1860-е гг. и предпосылки к ней.

В мае 2003 г., в ознаменование 100-летия со дня смерти Ригера прошла научная конференция. Результатом ее работы стал сборник «Ф.Л. Ригер и чешское общество второй половины 19-го века[130]. В нем вышла еще одна статья Лендеровой «Между Парижем и Москвой – поездки Ригера весной 1867 г.»[131] В ней она анализировала реакцию французского общественного мнения на деятельность чехов в апреле-мае 1867 г. Справедливо сравнивать эту статью с работой Брожа на схожую тему. Лендерова тоже ввела оборот новые сведения, почерпнутые в периодике. Важно и то, что в своей работе она попыталась сопоставить франкофильство и русофильство как два направления чешской политики.

В начале XXI в. чешская историческая наука вновь вернулась к оценке русофильства, а также спектра понятий, сопряженных со славянством. Примечательной работой в этой связи стала книга Радомира Влчека (р. 1957) «Русский панславизм – реальность и вымысел»[132]. Автор попытался разобраться во многих спекуляциях в обществе и научной среде, связанных с понятием «панславизм». Влчек стремился выяснить, какое значение имеет этот термин для чешской истории и насколько корректно его можно соотносить с официальной политикой Российской империи и активностью ее элиты. Именно под этим углом рассматривается участие чешской делегации в Славянском съезде 1867 г. Хорошим дополнением к монографии служат и статьи этого же историка[133].

Особый интерес для нас представляют наработки известного чешского русиста Вратислава Доубека (р. 1965). В статье «Образ России в политике

---

[129] *Lenderová M.* Několik poznámek k audienci F. L. Riegra u Napoleona III. // Acta historica et museologica Universitatis Silesianae Opaviensis. 2000. č. 5. S. 253–263.
[130] F.L. Rieger a česká společnost 2. poloviny 19. století / Ed. I. Navrátil. Semily, 2003.
[131] *Lenderová M.* Mezi Paříží a Moskvou – Riegrovy cesty na jaře roku 1867 // *Ibid.* S. 84–93.
[132] *Vlček R.* Ruský panslavismus – realita a fikce. Praha, 2002.
[133] *Vlček R.* Rusko-české polemiky a panslavismus 19. století // Východná dilema strednej Európy / Ed. D. Kodajová, T. Ivantyšynová. Bratislava, 2010. S. 30–42.

Ф.Л. Ригера и Ф. Палацкого в 40–70-е гг.»[134] он показал эволюцию идеи славянства в глазах лидеров старочехов в зависимости от политической ситуации в монархии Габсбургов. Статья стала своеобразным предвестником его монографии «Чешская политика и Россия (1848–1918)».

Книга Доубека явилась вехой в изучении чешско-русских связей и русофильства в целом[135]. Автор акцентировал внимание на том, что у чехов отход от «мифического» понимания славянства и России 1820–1830-х гг. зависел от уровня политизации чешского национального сообщества. Под этим понималось формулирование реальных политических целей и создание репрезентации для их продвижения[136]. Идеализированный образ России в среде чешских патриотов мог без изменений удерживаться лишь до тех пор, пока удавалось питать убеждение, что российское общество признает ценности идеального всеславянского «жертвенного национализма», с которыми чехи некоторое время сами себя отождествляли[137].

Представления репрезентантов чешской политики о России 1860-е гг. не были достаточно стабильными. Надежды на Санкт-Петербург активизировались лишь в момент, когда чешские политики чувствовали большую неуверенность или даже угрозу для существования их народа[138]. Также они подпитывались смещением идей из чисто либерального поля в национальную сферу[139]. Важным является наблюдение автора о том, что в глазах старочехов славянские комитеты в России являлись полезным агитационным инструментом для «национализации» русского общества. При этом взаимодействие со славянофилами не было для вождей Национальной партии самоцелью. Контакты с ними могли стать своеобразным мостиком к

[134] *Doubek V.* Obraz Ruska v politice F. L. Riegra a F. Palackého (40. – 70. léta) // F.L. Rieger a česká společnost 2. poloviny 19. století / Ed. I. Navrátil. Semily, 2003. S. 54–84.
[135] *Doubek V.* Česká politika a Rusko (1848–1918). Praha, 2004.
[136] *Ibid.* S. 37.
[137] *Ibid.* S. 38.
[138] *Ibid.* S. 99–100.
[139] *Ibid.* S. 60, 95.

российским официальным структурам[140]. Такая трактовка принципиально отличается от позиции некоторых чехословацких историков 1960-х гг.

Показательно, что после фундаментальной и глубоко концептуальной работы Доубека сопоставимых крупных исследований по чешско-российским отношениям XIX – начала XX вв. в чешской историографии уже не выходило.

Однако это не означает потерю интереса в чешской историографии к оценке русофильства и славянской идеи. Важной публикацией в этом плане стал сборник «“Славим славно славу Славов славных”. Славянство и чешская культура 19 века»[141]. В нем были опубликованы статьи Р. Влчека и В. Доубека. Первый из них в публикации «Панславизм или же русофильство? Пять тезисов к вопросу отклика на славянство и панславизм чешского общества 19 века»[142] продолжил размышлять над такими явлениями, как «некритическое русофильство» и «некритическое франкофильство». В статье «Значение России и национальный интерес чешской политики»[143] Доубек обобщил свои наблюдения, высказанные в монографии 2004 г.

В том же 2005 г. увидела свет статья Йиржи Малиржа (р. 1949 г.) «К роли “французскости” в политическом мышлении федералистов в 60-х гг. 19 века на примере Ф.Л. Ригера и Э. Белькреди»[144]. За этим амбициозным названием, к сожалению, скрывается лишь пересказ фактов о деятельности Ригера во Франции.

Статья «Еще раз о поездке австрийских славян в Россию»[145] Милана Главачки (р. 1955 г.) раскрывает причины интереса Национальной партии к империи Романовых. Автор обратился к новому сюжету – слежке со стороны австрийского правительства и полиции за деятельностью чехов в России в

---

[140] *Ibid.* S. 114.
[141] “Slavme slavně slávu Slávóv slavných”. Slovanství a česká kultura 19. století / Ed. Z. Hojda, M. Ottlová, R. Prahl. Praha, 2005.
[142] *Vlček R.* Panslavismus či rusofilství? Pět tezí k otázce reflexe slovanství a panslavismu českou společnosti 19. století // *Ibid.* S. 9–20.
[143] *Doubek V.* Velikost Ruska a národní zájem české politiky // *Ibid.* S. 21–37.
[144] *Malíř J.* K roli “francouzství” v politickém myšlení federalistů v 60. letech 19. století na příkladu F.L. Riegra a E. Belcrediho // Napoleonské války a historická paměť / Ed. L. *Fasora, J. Hanuš, J. Malíř*. Brno, 2005. S. 217–228.
[145] *Главачка М.* Еще раз о поездке австрийских славян в Россию // Славяноведение. 2007. № 1. С. 54–65.

1867 г. Он привлек материалы дел, актов, секретных сообщений и газетных статей, которые полиция Габсбургской монархии собирала в тот период. Кратко Главачка останавливается и на эволюции концепции славянской взаимности. Славянский съезд же он рассматривает как событие, благодаря которому неопределенная идея славянства у чехов трансформировалось в конкретное русофильство.

В 2013 г. вышло одно из последних крупных исследований по чешскому франкофильству «Франция и Чехия в Европе национальных государств. Французская политика Ф.Л. Ригера 1867–1878»[146] И. Пфаффа. Автор, помимо связей Ригера с французской стороной, исследует положение дел внутри монархии Габсбургов, а также официальные австро-французские дипломатические контакты. Также Пфафф показывал состояние дел и в самой Франции, ее положение на международной арене, характеризует личность и деятельность императора Наполеона III, как и его приближенных. Это является несомненным достоинством работы. Детально прослеживались все шаги Ригера, связанные с его пребыванием во Франции.

Пфафф написал свою монографию на основе разнообразных источников. Он задействовал не только чешские, но и французские архивные материалы. Автор широко использовал литературу, написанную по этой проблеме. Пфафф по-прежнему придерживался концепции чешского «европейства», хотя наиболее спорные ее положения в этой книге были опущены. Тем не менее стоит осторожно относиться к оценочным суждениям автора.

В 2016 г. была издана книга под названием «К другому берегу. Чехи в среде французского общества 1862–1918»[147] Станислава Броучека (р. 1947 г.). Монография посвящена истории чехов, эмигрировавших во Францию. При этом в работе прослеживаются общие чешско-французские связи. В данном контексте говорилось и об акциях Ригера в Париже, хотя автор не ставил

[146] *Pfaff I.* Francie a Čechy v Evropě národních států. Francouzská politika F.L. Riegra 1867–1878. Praha, 2013.
[147] *Brouček K.* druhému břehu: Češi v prostředí francouzské společnosti 1862–1918. Praha, 2016.

целью полноценно исследовать этот сюжет. Фактически это лаконичный пересказ событий на основе историографии. Достоинством публикации является большое количество иллюстративных материалов высокого качества.

Наконец, применительно к 2010-м гг. хочется отметить обобщающие труды, которые включают в себя все основные достижения чешской историографии по проблематике чешского русофильства, франкофильства, полонофильства и связей с югославянами. Первый из них – «Большая история земель Чешской короны» (том 12a)[148], а второй – «Чешские земли в XIX в. Изменения в обществе эпохи модерна» (том 2)[149].

Если говорить о 20-х гг. XXI в., то следует упомянуть сборник статей «Вождь нации Франтишек Ладислав Ригер и его место в чешской политике, культуре и науке» под редакцией Виктора Павличека (р. 1989 г.) и Любоша Велека (р. 1974 г.)[150]. Эта публикация стала результатом одноименной конференции 2018 г., приуроченной к юбилею со дня рождения Ф.Л. Ригера. Обращает на себя внимание работа М. Лендеровой «Сложный путь к аудиенции Наполеона III. Чешское путешествие в Москву глазами французской печати»[151]. Однако, к сожалению, она во многом базируется на более ранних материалах автора.

Примечательно, что в сборнике отсутствует статья, посвященная русофильству Ригера, его контактам с представителями России – очень важному аспекту его политической биографии. Это свидетельствует о том, что проблема пророссийских симпатий чешской политики 1860-х – начала 1870-х гг. уже не находится в центре внимания историков ЧР, как это было, например, в начале 2000-х гг.

---

[148] *Borovička M. et al.* Velké dějiny zemí Koruny české. Sv. XII.a. 1860–1890. Praha – Litomyšl, 2012.
[149] *Hlavačka M. a kol.* České země v 19. století. Proměny společnosti v moderní době. Sv. II. Praha, 2014.
[150] Vůdce národa František Ladislav Rieger a jeho místo v české politice, kultuře a vědě / Ed. V. Pavlíček, L. Velek. Praha, 2021.
[151] *Lenderová M.* Složitá cesta k audienci F.L. Riegra u Napoleona III. Česká moskevská pouť očima francouzského tisku // *Ibid.* S. 214–229.

Итак, завершая обзор чехословацкой и чешской историографии по проблематике диссертации, следует отметить большой объем исследований. Выбор тематики, частота публикаций и их характер нередко зависели от общественно-политической конъюнктуры в этой стране и современной Европе. На сегодняшний день чешские и словацкие ученые подробно исследовали механизмы и сущность славянства, а также русофильства и его трактовки в эпоху становления чешского общества. Выявлены и нюансы чешского франкофильства. Отметим лишь, что если по чешско-русским и чешско-французским связям наука в ЧР располагает большими современными концептуальными исследованиями, то по чешскому полонофильству, отношениям чехов и югославян подобных публикаций все-таки не хватает.

Бесспорно, до сих пор идет накопление конкретного материала, расширяется источниковая база, особенно за счет материалов французского происхождения. Из общего массива исследовательских подходов на сегодняшний день наблюдается тренд рассматривать чешское прошлое как часть истории европейской цивилизации, на которое накладывается специфика славянского происхождения чехов и особенности региональных (центральноевропейских) процессов.

В *немецкоязычной историографии* важную роль в появлении комплексных исследований по истории Австро-Венгрии и ее национальному вопросу сыграл профессор Венского университета Гуго Ханч. Благодаря его усилиям (наряду с инициативой Роберта Канна) появилась международная группа ученых, которая курировала проекты по изучению этого круга проблем. Он продвигал идею наднационального характера монархии Габсбургов[152].

Ученый также стал автором первой послевоенной «Истории Австрии», вышедшей в 1950 г. В нашем распоряжении оказалось второе издание этой

[152] См. подробнее: *Павленко О.В.* Панславизм: реальный и воображаемый: 1830–1860-е гг. М., 2023. С. 56–58.

работы[153]. Затрагивая политический процесс 1860-х гг., автор называл поездку чехов на Славянский съезд в Россию лишь демонстрацией, направленной против австро-венгерского компромисса. При этом, по его словам, Палацкий сознательно ограничивал «политический панславизм» чехов[154]. Ханч также указывал на желание Ригера превратить чешский вопрос в общеевропейский. С этой целью лидер Национальной партии наладил связи с Францией, которые, полагал историк, имели в перспективе важное значение для земель короны святого Вацлава. Так, по мнению исследователя, прослеживается прямая связь от Ф.Л. Ригера к Т.Г. Масарику и Э. Бенешу[155].

В одной из своих следующих работ «Проблема национальностей в старой Австрии» Ханч повторил свои наблюдения о деятельности чехов. Он также добавил, что попытки Палацкого ограничить «политический панславизм» чехов стали «одним из самых ранних признаков неопределенной позиции, которую чешский национализм занимал на протяжении всей своей последующей истории»[156]. По утверждению историка, даже во время Первой мировой войны мнения чехов о принадлежности к Западу или Востоку сильно разнились и вызывали значительные трудности[157]. Кроме того, исследователь заострил внимание на том, что именно внешнеполитическое событие – появление Германской империи – подтолкнуло Франца Иосифа I к назначению министром-президентом Цислейтании Гогенварта и переговорам с чехами[158].

В начале 1960-х гг. статья[159] Ханча, посвященная славянским съездам, тоже отчасти базировалась на наработках 1950-х гг. Как и ранее, он утверждал, что «Идея государства австрийского» Палацкого знаменовала собой протест против дуализма. Она свидетельствовала о мощном импульсе,

---

[153] *Hantsch H.* Die Geschichte Österreichs. Bd. 2. Buch III. Graz – Wien – Köln, 1953.
[154] *Ibid.* S. 404.
[155] *Ibid.*
[156] *Hantsch H.* Die Nationalitätenfrage im alten Österreich. Das Problem der konstruktiven Reichsgestaltung. Wien, 1953. S. 55.
[157] *Ibid.*
[158] *Ibid.* S. 57.
[159] *Hantsch H.* Pan-Slavism, Austro-Slavism, Neo-Slavisme: The All-Slave Congresses and the Nationality Problems of Austria-Hungary // Austrian history yearbook. 1965. Vol. 1. P. 23–30.

который получила идея славянской взаимности. В этом контексте историк высказал характерное для западной историографии суждение, что началось сближение с Россией, с «русским панславизмом»[160]. В данной публикации автор значительно усилил акцент на российском факторе как угрозе для славян, по сравнению с двумя предыдущими работами. Об участии чехов в Славянском съезде 1867 г. он писал: «Чешская культура была настолько тесно переплетена с культурой Западной Европы, и особенно с немецкой, что любое подчинение российскому влиянию, безусловно, не было достойной целью, тем более что истинная сущность русских только что впервые проявилась при подавлении ими польского восстания»[161]. Не забыл исследователь затронуть и контакты чехов с Францией в эти же годы. Впрочем, он ограничился упоминанием о поддержании связей лишь с французскими славистами[162].

Публикации Ханча показывают, что его в определенной мере стала интересовать тема «чехи между Западом и Востоком». При этом чешско-российские и чешско-французские отношения он рассматривал довольно ограниченно. Его трактовкам не хватает фактологии и контекста, поскольку историк ориентировался на другую оптику исследования.

Среди специалистов известна объемная монография Эрнста Бирке (1908–1980 гг.) «Франция и Восточно-Центральная Европа в 19 веке»[163]. В ней автор задался целью охарактеризовать историю взаимоотношений между малыми народами, населяющими Центральную Европу, и Францией. Бирке одним из первых подробно проанализировал генезис и развитие интереса к чехам во французской интеллектуальной среде, включая печать и публицистику. Особенно это касается фигуры С.-Р. Тайандье. Большое внимание он уделил деятельности Ф.Л. Ригера и Палацкого по привлечению Франции в качестве чешского союзника. Это стало для него возможным

[160] *Ibid.* P. 28.
[161] *Ibid.* P. 27.
[162] *Ibid.* P. 28.
[163] *Birke E.* Frankreich und Ostmitteleuropa im 19. Jahrhundert. Beiträge zur Politik und Geistesgeschichte. Köln – Graz, 1960.

благодаря доступности исследователю чешских источников и историографии, а также документов в архиве французского МИД. Бирке очень подробно разбирает итоги аудиенции Ф.Л. Ригера у Наполеона III, деятельность А. Лефевра в Праге и «Промеморию чешских либеральных политиков о внешней политике». Обращают на себя внимание и сведения, которые он почерпнул в пражском журнале Correspondance Slave, нацеленный на пропаганду чешско-французского сближения.

Несмотря на то, что автор располагал богатейшим фактографическим материалом, его наблюдения подверглись критике. С некоторыми оценками Бирке не были согласны, например, Б. Кушнерикова (Ференчугова)[164] и П. Горская[165]. И. Пфафф даже писал о его «примитивной, местами вульгарной предвзятости к чехам»[166]. Со своей стороны лишь отметим некоторые спорные мысли историка относительно чешско-российских взаимоотношений. В частности, он предполагал, что Ригер в период своей эмиграции после революции в 1848–1849 гг. «не отказался полностью от общеславянско-русской карты»[167]. Ему, а также Палацкому Бирке приписывал «общеславянско-русское влечение, дремлющее на дне чешской души»[168]. По его мнению, на контрасте с окружавшей их немецкой культурой пророссийские симпатии «могли показаться им компенсацией за собственную слабость, тайной надеждой и последней страховкой на будущее»[169]. В заключение заметим, что этой большой монографии не хватает общих выводов.

«Габсбургская монархия 1848–1918» – известный в исторической науке коллективный труд. В нем международная группа ученых предприняла

---

[164] *Kušnieriková B*. Revue des Deux Mondes o Čechoch, Slovákoch a národnostnom problemu v Habsburskej monarchii pred rokom 1871 // Slovanské štúdie XVII. Bratislava, 1976. S. 271.
[165] *Horská P.* Češi a Němci 19. století v “Revue des Deux Mondes” // Český časopis historický. 1997. č. 1. S. 42–43, 45.
[166] Речь шла о трактовке немецким историком поездки Ригера и Палацкого в Париж в апреле-мае 1867 г. *Pfaff I.* Francie a Čechy v Evropě národních států. Francouzská politika F.L. Riegra (1867–1878). Praha, 2013. S. 46.
[167] *Birke E.* Frankreich und Ostmitteleuropa im 19. Jahrhundert. Beiträge zur Politik und Geistesgeschichte. Köln – Graz, 1960. S. 241–242.
[168] *Ibid.*
[169] *Ibid.*

попытку осмыслить жизнь этого государства во всех общественных сферах. Также исследователи стремились оценить, какие вызовы ставила перед этой империей эпоха модерна и как она с ними справлялась[170]. В 1980 г. вышел третий том, сосредоточенный на изучении прошлого многочисленных народов Дунайской монархии, их статусе в ней, взаимоотношениях с имперским центром, социальной структуре. Авторами раздела, посвященного чехам, стали Йиржи Коржалка (1931–2015 гг.) и Ричард Крэмптон (р. 1940 г.) – историки соответственно чешского и британского происхождения. Они практически не анализировали акции Национальной партии за рубежом и ее контакты с иностранными представителями в Вене. На основе доступной им литературы по этой теме историки высказали несколько спорных суждений, указав, что заинтересованность в чешской политике или даже солидарность с ней проявляли в России и Франции лишь неофициальные круги[171]. Сложно полностью согласиться с этим утверждением. Например, французы А. Лефевр и Э. Пико действовали в 1870 г. на территории Австро-Венгрии в качестве дипломатов. Кроме того, явных и последовательных симпатизантов Национальной партии среди российских общественных деятелей определить проблематично. Слишком обобщенным выглядит также тезис о том, что обычно энтузиазм у потенциальных союзников «вскоре сменялся разочарованием, а зачастую и полным унынием»[172]. Но абсолютно верной кажется мысль, что растущая экономическая и политическая мощь Германской империи оказывала сдерживающее влияние на любые политические устремления чешского национального движения[173]. С точки зрения авторов, провал Фундаментальных статей (1871 г.) ещё больше убедил чешских политических лидеров, что они не могут рассчитывать на действенную помощь из-за рубежа. Историки находят в этом позитивный

[170] Об этом важном издании также см.: *Павленко О.В.* Панславизм: реальный и воображаемый: 1830–1860-е гг. М., 2023. С. 59, 61.
[171] *Crampton R.J., Kořalka J.* Die Tschechen. Die Entwicklung der sozialen und politischen Struktur // Die Habsburgermonarchie 1848–1918. Bd. III. Die Völker des Reiches. 1. Teilband / Ed. A. Wandruszka, P. Urbanitsch. Wien, 1980. S. 505.
[172] *Ibid.*
[173] *Ibid.*

аспект: в конце XIX и начале XX вв. данное обстоятельство якобы способствовало внутреннему укреплению чешского национального сообщества[174]. В данном случае явно за скобками их размышлений остается суть неославистских акций нового поколения чешских лидеров.

В ноябре 1986 и 1987 гг. состоялись крупные научные конференции, организованные центром Коллегиум Каролинум (Мюнхен, ФРГ). На этих встречах присутствовали известные специалисты по истории чешских земель из разных стран: Фердинанд Зайбт (ФРГ, руководитель центра), Манфред Александер (ФРГ), Антонин Мнештян (ЧССР), Томас Клетечка (Австрия), Мишель Бернар (Франция) и многие другие. Спустя несколько лет появился сборник «Франция и чешские земли в 19 и 20 вв.» со статьями участников конференций[175].

Совещания славистов были посвящены прежде всего французскому культурному влиянию на идейно-интеллектуальное пространство чешских земель, местное искусство. Политическая сфера, безусловно, затрагивались, но исследователи в своих докладах отводили мало места деятельности конкретных партий. Для нас сборник интересен своими концептуальными идеями, изложенными в начале и конце коллективного труда.

Во вступительной статье Ф. Зайбт (1927–2003 гг.) оперирует важным для него термином «соседство» (нем. *die Nachbarschaft*). Для чехов колоссальную роль играло непосредственное соседство с немцами, они эффективно пользовались их интеллектуально-культурными наработками[176]. Но не менее существенно было и «широкое соседство», т.е. взаимодействие с «соседом соседа». Растущая ориентация чехов на Францию стала результатом, помимо всего прочего, отчасти сознательного дистанцирования

---

[174] *Ibid.*

[175] Frankreich und die böhmischen Länder im 19. und 20. Jahrhundert. Beiträge zum französischen Einfluss in Ostmitteleuropa / Ed. F. Seibt, M. Neumüller. München, 1990.

[176] *Seibt F.* Frankreich und die böhmischen Länder. Zur Einführung // *Ibid*. S. 11–12.

от чешских немцев, движимых не столько интересами Габсбургов, сколько Великой Германии и, как следствие, враждебностью к французам[177].

Поиск партнера подчинялся логике «надавить на общего, “промежуточного” соседа», важной для мультиэтничной Европы[178]. Такие рассуждения применимы и к деятельности Национальной партии. Зайбт видел в категориях «ближнего» и «дальнего» соседства перспективу для продуктивного изучения меняющегося национального самосознания. Они помогали, по его мнению, выйти за пределы симпатий и антипатий отдельных представителей наций[179].

С точки зрения этого историка, чешско-французские связи имели для европейского региона непреходящее значение из-за серединного географического положения чешских земель. Тем более эти территории, полагал исследователь, обеспечивали «связность» Центрально-Восточной Европы[180].

В заключительной статье к сборнику Манфред Александер (р. 1939 г.) развивал мысль Зайбта: «Растущий интерес чешской буржуазии к Франции и ее политике шел параллельно и соответствовал растущему табу на немецкое влияние и немецкую модель в чешском обществе. Демонстративная любовь к Франции затем оказалась противоположностью крепнувшей ненависти к Германии и немецкой культуре»[181]. Эмоции становились фактором политики[182]. Интерес чехов к Франции вполне мог иметь иллюзорный, имитационный характер, поскольку они это государство «скорее воспевали, чем сочувствовали» ему[183]. В данном отношении автор выделяет такую проблему, как степень владения французским языком и уровень его

[177] *Ibid*. S. 11.
[178] *Ibid*. S. 11.
[179] *Ibid*. S. 12–13.
[180] *Ibid*. S. 13.
[181] *Alexander M.* Zusammenfassung und Schlußbetrachtung // Frankreich und die böhmischen Länder im 19. und 20. Jahrhundert. Beiträge zum französischen Einfluss in Ostmitteleuropa / Ed. F. Seibt, M. Neumüller. München, 1990. S. 298.
[182] *Ibid.* S. 302.
[183] *Ibid.* S. 299.

популярности среди чешской буржуазии[184]. Симпатии между двумя народами, если они были, становились для этого социального слоя фактором пропаганды, способом самоизображения[185]. Таким образом, ученый воспринимал франкофильство как оружие чешского национализма. При этом чехи имели о стране искаженное представление: реальный взгляд на Францию был вытеснен идеалом, что формировало почву для будущих разочарований[186]. Поэтому автор статьи предлагал рассматривать проблему влияния французской культуры на чехов через соотношение идеала и политической реальности[187]. Подобный подход продуктивен при анализе не только культурных явлений.

Говоря о французском интересе к чехам, М. Александер считает, что «до 1917 г. очень немногие люди во Франции имели хоть какое-то осмысленное представление о Богемии и чехах»[188]. Он шел дальше Зайбта, который писал о слабых опосредованных связях, поменявших свой характер после 1871 г.[189] Проблема конкретных проявлений франко-чешских отношений до Первой мировой войны лежала для М. Александера «в значительной степени в области спекуляций и открытых вопросов»[190].

По нашему мнению, такой несколько категоричный подход можно объяснить тем, что авторы сборника упускали из виду чешские политические и пропагандистские акции во Франции в 1860-е гг. Статья Александера имеет скорее формат эссе. Некоторые формулировки в ней носят слишком обобщенный характер и недостаточно привязаны к историческому контексту.

Необходимо обратить внимание на статью Томаса Клетечки (р. 1949 г.) «Попытка соглашения правительства Гогенварта с чехами в 1871 г.»[191]

---

[184] *Ibid.*
[185] *Ibid.* S. 302.
[186] *Ibid.*
[187] *Ibid.*
[188] *Ibid.* S. 299.
[189] *Seibt F.* Frankreich und die böhmischen Länder. Zur Einführung // Frankreich und die böhmischen Länder im 19. und 20. Jahrhundert. Beiträge zum französischen Einfluss in Ostmitteleuropa / Ed. F. Seibt, M. Neumüller. München, 1990. S. 10–11.
[190] *Alexander M.* Zusammenfassung und Schlußbetrachtung // *Ibid.* S. 300.
[191] *Клетечка Т.* Попытка соглашения правительства Гогенварта с чехами в 1871 г. // Австро-Венгрия: опыт многонационального государства. Отв. ред. Т.М. Исламов, А.И. Миллер. М., 1995. С. 71–81.

Австрийский историк анализирует борьбу чехов за утверждение Фундаментальных статей в двух плоскостях – внутри- и внешнеполитической. Первая, по мнению автора, соотносится с целью чешских политиков добиться признания чешского государственного права. Кроме этого, они желали, чтобы земли короны святого Вацлава получили статус, аналогичный венгерскому[192]. Вторая плоскость – продвижение ими альтернативного внешнеполитического курса, а именно сближение с Францией и Россией[193]. Такие интенции вступали в противоречие с новой линией министра иностранных дел Ф. Бойста, нацеленной на тесное сотрудничество с Германией. Это противоречие привело не только к сопротивлению сановника чешским планам, но и в конце концов к вмешательству Берлина в цислейтанский кризис[194]. Эти факторы наряду с другими способствовали провалу Фундаментальных статей.

Достоинством статьи, несомненно, являлся достаточно подробный анализ внешнеполитического аспекта австро-чешских переговоров. Впрочем, историк осветил позицию Германии, но не обрисовал отношение Франции и России к событиям в Цислейтании в 1871 г.

Что касается *французской историографии*, то появление в стране полноценной богемистики по традиции связывают с именем Л. Леже (1843–1923 гг.). Уже в 1879 г. вышло его крупное обобщающее исследование «История Австро-Венгрии: с момента появления до 1878 г.»[195] Автор подробно прослеживал развитие австрийской, венгерской и чешской государственности начиная с Раннего Средневековья, историю появления единой монархии Габсбургов, ее трансформацию в Австрийскую и затем Австро-Венгерскую империи. Леже не обходил стороной историю и других народов, входящих в конгломерат габсбургских наследственных земель. Как

[192] *Там же.* С. 71–72.
[193] *Там же.* С. 74.
[194] *Там же.* С. 77–79.
[195] *Leger L.* Histoire de l'Autriche-Hongrie: depuis les origines jusqu'à l'année 1878. Paris, 1879.

видно из названия, исследователь осветил также события из недавнего прошлого, современником которых он был.

Французский ученый верно отмечал, что установление дуализма в империи было связано с невозможностью игнорировать Веной национальные движения после потери ею «центра тяжести» в Германии и Италии в 1866 г.[196] Чехи оказывали сопротивление «ограниченному централизму, представленному в форме дуализма», и требовали для чешских земель тех же прав, что получило Венгерское королевство[197]. Среди важных событий Леже также выделил поездку чешской делегации на Славянский съезд в Москву и Санкт-Петербург (1867 г.). Основная причина этой акции заключалась в том, что чехи были «напуганы торжеством немецкой политики»[198]. Россия им представлялась «единственным возможным защитником от германской алчности», учитывая, что поляки Галиции пошли на компромисс с правительством[199]. К сожалению, это единственная заграничная акция представителей Национальной партии, о которой написал историк. Он проигнорировал сюжеты, связанные с поездками Ригера в Париж в 1867 и 1869 гг. То же самое касается аудиенции, которую дал чешскому политику Наполеон III. Это удивительно, поскольку исследователь дружил с вождем Национальной партии и сыграл активную роль в тех событиях. Возможно, такая краткость диктовалась объемом книги.

В 1903 г. Эрнест Дени (1849–1921 гг.), современник Л. Леже, издал свою работу «Богемия после битвы при Белой Горе»[200]. Данная монография в соответствии с заглавием была целиком посвящена чехам, что, впрочем, не мешало автору давать общие характеристики австрийскому (австро-венгерскому) политическому ландшафту 1860-х – начала 1870-х гг. Интересен его комментарий по поводу эпохи «конституционных экспериментов»: между внешней политикой императора и «феодально-

[196] *Ibid.* P. 554.
[197] *Ibid.* P. 559.
[198] *Ibid.*
[199] *Ibid.*
[200] *Denis E.* La Bohême depuis La Montagne-Blanche. Deuxième partie. Paris, 1930.

федеративной концепцией» существовало непримиримое противоречие. Историк его связывал с убежденностью Франца Иосифа I в том, что австрийская гегемония в германском регионе была необходимым условием для внутреннего развития Габсбургской монархии. Федерализм же предполагал автономию провинций и «равенство рас», что подрывало немецкую идею Дунайской империи[201].

Исследователь верно передал обманчивое значение австро-прусской войны для чехов. С одной стороны, они приветствовали Пражский мир, поскольку договор исключал Австрийскую империю из Германского союза и заставлял Вену больше обращать внимание на славянское большинство в монархии. С другой стороны, жажда Франца Иосифа I взять реванш перед Пруссией подталкивала его к компромиссу с венграми в ущерб другим малым народам[202]. Можно отметить, что последнего тезиса не хватало в книге Леже.

Дени крайне негативно относился к поездке чехов на Славянский съезд, называя ее «не столько полезной, сколько компрометирующей»[203]. Особенно резко он критиковал Ф.Л. Ригера и Ф. Палацкого за участие в акции[204]. Достоинством монографии является указание на то, что во Франции по мере роста опасений перед прусской угрозой воскресал старый интерес к Восточной Европе (в широком смысле). Дени отдавал должное сочинениям С.-Р. Тайандье и особенно Л. Леже[205]. Он также упомянул о вручении Ригером меморандума Наполеону III. Но этот шаг, по мнению ученого, не имел «практической пользы» и поставил двух вождей в Национальной

---

[201] *Ibid.* P. 419.
[202] *Ibid.* P. 494–495.
[203] *Ibid.* P. 507.
[204] «Путешествие Ригера и Палацкого было довольно несвоевременным рецидивом романтизма; оно раздражало поляков, оскорбляло западных либералов и давало оружие правительству. Что было еще серьезнее, так это то, что оно поддерживало очень опасные иллюзии среди чехов. Нехорошо, что накануне решающего сражения они полагались на платонические симпатии и демонстрации после выпивки; подобные иллюзии были одной из причин катастрофы 1620 г. Несомненно, важно не пренебрегать неуловимыми элементами, которые в определенный момент рушат расчеты профессиональных политиков, и стремление развивать чувство славянской солидарности являлось законным – но было разумно измерить без иллюзий реальный масштаб этих симпатий, и в таких случаях мудрые лидеры отпускают на волю нескольких потерянных детей и не вмешиваются напрямую». *Ibid.* P. 508.
[205] *Ibid.* P. 509.

партии в неудобное положение. Акция спровоцировала обвинения со стороны венских газет в государственной измене и недовольство императора[206]. Дени крайне высоко оценивал «Промеморию чешских либеральных политиков о внешней политике»[207]. Что касается Фундаментальных статей, то он указал на решающую роль Бисмарка в их провале, отметив в этой связи и меморандум Бойста[208]. Уже тогда, в 1903 г., историк пытался уточнить отношение российского посланника Е.П. Новикова к австро-чешским переговорам. Он писал: «Часто говорилось, что Россия была напугана польской агитацией, что автономия Галиции сохранится и что ее посланник Новиков боролся с Гогенвартом. Я, со своей стороны, не знаю ни одного точного документа, позволяющего подтвердить этот факт <…> Характер Новикова, который был славянофилом и с большим интересом следил за чешским движением, делает его вмешательство против них весьма маловероятным»[209].

Складывается впечатление, что Дени скорее со скепсисом относился к зарубежным акциям чехов, которые не могли обратить внешнеполитические обстоятельства в свою пользу. Несмотря на некоторые недочеты книги[210], славист заложил в ней хорошую базу для будущих исследователей во Франции чешского национального движения.

Еще один французский славист Андре Шерадам (1871–1948 гг.) писал о зарубежных акциях старочехов в своей книге «Европа и австрийский вопрос в начале XX в.»[211] Чешское национальное движение историк рассматривал как часть комплексного австрийского вопроса. Он верно характеризовал политические требования Национальной партии и в деталях описывал, как ее

---

[206] *Ibid.* P. 509–510.
[207] *Ibid.* P. 524.
[208] *Ibid.* P. 532, 534.
[209] *Ibid.* P. 532.
[210] Например, Дени совершенно не освещает полемику в чешской печати, посвященной Январскому восстанию в Царстве Польском. Кроме этого, М.Н. Каткова историк неверно причислил к славянофилам. Автор не излагал причин, по которым Наполеон III не поддержал идеи из меморандума Ригера. В дате опубликования Промемории допущена ошибка (18 декабря вместо 8-го). Также, по нашему мнению, Дени не сдерживался в весьма резких характеристиках политиков и событий и был склонен к нравоучительству.
[211] *Chéradame A.* L'Europe et la question d'Autriche au seuil du XXe siècle. Paris, 1906.

лидеры заводили полезные знакомства во французских кругах. Поездки Ф.Л. Ригера он рассматривал как безрезультатные, «поскольку французская дипломатия не умела обратить в свою пользу те ценные данные, которые ей предоставляли»[212]. Шерадам был вовлечен в общественно-политическую жизнь французского общества, поэтому такая позиция (критика правительства Наполеона III через чешские акции) кажется в определенной степени тенденциозной.

В межвоенную эпоху вышла коллективная монография «От либерализма к империализму: 1860–1878»[213]. В работе утверждалось, что чешский вопрос в 1860-е гг. угрожал стать европейским, оставаясь при этом вопросом австрийским. Во многом конечному успеху Ригера во Франции помешала франко-прусская война, которая консолидировала дуалистическую систему монархии Габсбургов[214].

В 1960-е гг. французская славистика продолжала интересоваться чешской историей. Этому способствовали процессы Пражской весны, которые, как уже говорилось ранее, способствовали углублению контактов между учеными из двух стран. В 1968 г. французская делегация участвовала в VI Международном съезде славистов, который проходил в столице Чехословакии. Доклады этой группы ученых были опубликованы на родине в тематическом номере издания Revue des Études Slaves. Статья историка и филолога Жоржа Люсьяни (1903–1981 гг.) «От Пражского съезда (1848) к Московскому (1867)»[215] соответствует тематике диссертации. Впрочем, этот материал не предлагал радикально новых подходов к заявленной теме.

Славянский форум 1867 г. автор считал более важным, чем Пражский, потому что приглашающей стороной выступила именно Россия[216]. Как раз на нее Ригер и Палацкий стали возлагать свои надежды после заключения

---

[212] *Ibid.* P. VI.
[213] Впервые опубликована в 1939 г. При написании диссертации использовалось более позднее издание: *Hauser H., Maurain J., Benaerts P., L'Huillier F.* Du libéralisme à l'impérialisme: 1860–1878. Paris, 1952.
[214] *Ibid.* P. 92.
[215] *Luciani G.* Du congrès de Prague (1848) au congrès de Moscou (1867) // Revue des Études Slaves. 1968. T. 47. Fascicule 1-4. P. 85–93.
[216] *Ibid.* P. 93.

австро-венгерского Соглашения. При этом сама восточная держава «значительно изменилась и была более восприимчива к идеям славянской солидарности»[217]. Люсьяни подчеркивал, что если правительство в Санкт-Петербурге вело себя по отношению к съезду весьма сдержанно, то «некоторые русские деятели», наоборот, были весьма неосмотрительны[218]. В целом же съезд нельзя назвать панславистским[219]. Исследователь делал вывод, что форум не дал никаких конкретных результатов, но позволил русским и приехавшим славянам стать уверенными, что они не изолированы во враждебной Европе[220].

В 1960-е гг. также была издана довольно объемная монография Виктора-Люсьена Тапье (1900–1974 гг.) «Монархия и народы Дуная»[221]. Рассматривая австро-прусскую войну, историк отмечал, что Бисмарк обращался к Й.В. Фричу и младочехам с предложением объявить независимость Богемии и выбрать в качестве короля Амадея Савойского – сына итальянского короля Виктора Эммануила II (1861–1878 гг.). Однако чехи, как и другие народы, продемонстрировали в критический момент заинтересованность в существовании австрийского государства[222]. Славянский съезд 1867 г. стал для чешской делегации возможностью «утвердить свой славянский характер» перед лицом австро-венгерского Компромисса[223]. Тапье не забывал и про французский вектор в деятельности пражских политиков. Он упоминал и меморандум Ригера Наполеону III. Но создается впечатление, что причина провала документа, по мнению историка, заключалась в отсутствии интереса к нему со стороны общественного мнения Франции[224]. Он отмечал роль Л. Леже и С.-Р. Тайандье в пропаганде чешского вопроса[225]. Примечательны рассуждения исследователя,

[217] *Ibid.* P. 90.
[218] *Ibid.* P. 86, 90.
[219] *Ibid.* P. 85.
[220] *Ibid.* P. 93.
[221] *Tapié V.-L.* Monarchie et peuples du Danube. Paris, 1969.
[222] *Ibid.* P. 334–335.
[223] *Ibid.* P. 340.
[224] *Ibid.*
[225] *Ibid.* P. 340.

посвященные противодействию венгров потенциальному союзу Вены и Парижа против Берлина[226]. Весьма подробно Тапье анализировал Фундаментальные статьи, однако причины их провала он рассматривал лишь во внутриполитическом ключе.

Следует обратить внимание на научную деятельность кафедры современной истории Центральной Европы Университета Париж 1 Пантеон-Сорбонна. В 1980 г. вышла статья «О знакомстве и интересе по отношению к чешским землям во Франции XIX и XX в. (избранные аспекты)»[227] историка-слависта Антуана Маре (р. 1950).

Его коллега Мишель Бернар (1935–2013 гг.), один из крупнейших богемистов Франции, тоже исследовал чешско-французские контакты в рамках более общих трудов, посвященных Габсбургской империи, национализму, национальному самосознанию, культурной истории. Интерес представляет его монография «Пражская память: национальное сознание и интеллигенция в чешской и словацкой истории»[228]. В книге автор писал о том, что для чешских деятелей исторически (начиная с Карла IV) характерно отсутствие интереса к внешней политике. По мнению Бернара, после 1918 г. ситуация изменилась лишь благодаря действиям Бенеша[229]. В рамках своей концепции исследователь оценивал стремления Ригера и Палацкого установить тесный контакт с Наполеоном III и Александром II только как попытки надавить на Вену. В этих интенциях он не видел очертаний «подлинной» внешней политики[230]. При этом спустя 10 лет в рамках коллективной монографии Бернар отмечал, что желание обоих лидеров партии выйти за узкие рамки локальной политики и придать чешскому

[226] *Ibid.* P. 341.
[227] *Marès A.* De l'intérêt en France pour les Pays tchèques au XIXe siècle et au XXe siècle // Bulletin du Groupe d'études tchèques et slovaques. 1980. № 1. P. 11–29.
[228] *Bernard M.* La mémoire de Prague: conscience nationale et intelligentsia dans l'histoire tchèque et slovaque. Paris, 1986.
[229] *Ibid.* P. 26.
[230] *Ibid.*

вопросу международный характер было прогрессивным явлением в долгосрочной перспективе[231].

1990-е гг. отмечены интенсификацией контактов чешских и словацких ученых с французскими исследователями. Ранее уже упоминался важный сборник «Франция и Центральная Европа». В нем хотелось бы выделить статью А. Маре «Луи Леже и Эрнест Дени. Профиль двух французских богемистов в 19 в.»[232] Публикация представляет собой основательное сравнение биографий, научного пути и исследовательских подходов обоих крупных славистов. Общим для них стала дружба с чешскими национальными деятелями, что напрямую влияло на их трактовку национального вопроса в монархии Габсбургов. Леже при этом популяризовывал в печати центральноевропейский регион, он много путешествовал и был превосходным коммуникатором. Его исследования имели весьма широкий угол зрения. Дени, наоборот, являлся более закрытым человеком, куда больше воплощая образ кабинетного ученого, сосредоточенного на узком круге тем. По мнению Маре, это не мешало ему быть ангажированным историком, предпочитавшим оценки фактологическому описанию. На это влияли его демократические, республиканские взгляды. В свою очередь, в работах Леже преломлялся его консерватизм. В целом оба ученых сыграли очень большую роль в становлении французской славистики, желая сближения Парижа со славянскими народами, особенно после франко-прусской войны.

В 2002 г. был опубликован, пожалуй, один из самых значительных трудов в историографии о чешско-французских взаимоотношениях. Речь идет о монографии Стефана Резникова «Франкофильство и чешская идентичность (1848–1918)»[233]. В ней представлен с разных сторон феномен

---

[231] *Bernard M., Pietri N. et Rey M.-P.* L'Europe, des nationalismes aux nations. Autriche-Hongrie, Russie, Allemagne. Paris, 1996. P. 38.

[232] *Marès A.* Louis Leger et Ernest Denis. Profil de deux bohemisants français au 19e siècle // La France et l'Europe centrale. Les relations entre la France et l'Europe centrale en 1867–1914. Impacts et images réciproques / Ed. B. Ferenčuhová. Bratislava, 1995. P. 63–82.

[233] При написании диссертации использовался чешский перевод этой работы: *Reznikow S.* Frankofilství a česká identita (1848–1914). Praha, 2008.

франкофильства среди чехов в течение 70-летнего периода. Работа написана на основе огромного количества разнообразных источников и всей доступной литературы по данному вопросу на чешском, французском и немецком языках.

Как утверждает Резников, франкофильство было для чехов инструментом интеграции в Западную Европу, делало возможным их «бегство от провинциализма»[234]. Типичной особенностью течения стало его патриотическое содержание. У других же народов оно становилось источником конфликтов, нежели консенсуса[235].

Автор полагал, что чехи, пусть и не имея государства, вели полноценную внешнюю политику. Ее начало он связывает с отказом Палацкого от участия в работе германского парламента во Франкфурте[236]. Меморандум Ригера Наполеону III историк рассматривает как «первый чешский современный дипломатический документ до 1916 года»[237]. Достоинством работы Резникова является подробное изучение неудачной судьбы этого текста и причин негативного отношения французских высших чиновников и дипломатов к чешскому национальному движению. С точки зрения исследователя, младочехи не одобрили меморандум потому, что сочли его слишком австрофильским и недостаточно русофильским[238].

В период франко-прусской войны спонтанное франкофильство среди чехов Резников в духе более ранних исследований в немецкоязычной историографии характеризовал как «изнанку глубокого германофобского страха и боязни за свое будущее существование»[239]. Он высоко оценивал «Промеморию», несмотря на отсутствие конкретного политического эффекта от выступления чешских депутатов. По его мнению, благодаря этому документу чехи вступили в «общество европейских наций»[240]. Акция стала

[234] *Ibid.* S. 13.
[235] *Ibid.* S. 18–19.
[236] *Ibid.* S. 63.
[237] *Ibid.* S. 103.
[238] *Ibid.* S. 107–108.
[239] *Ibid.* S. 113.
[240] *Ibid.* S. 135.

мощным проявлением «чешского европейства»[241]. Можно заметить, что интерпретация Резникова в этом отношении довольно близка к концепции И. Пфаффа. Стоит подчеркнуть, что автор одним из первых относительно подробно проанализировал отношение правительственных кругов Франции к австро-чешским переговорам и Фундаментальным статьям, выделяя как их сторонников, так и противников.

Вместе с тем, как нам кажется, ряд тезисов Резникова, касающихся соотношения чешского франкофильства и русофильства, является достаточно спорными. Например, историк утверждает, что после Крымской войны чешская национальная элита стояла перед категоричным выбором – опора либо на Францию, либо на Россию. Ученый считает первый вариант куда более логичным с точки зрения внешней политики и международных тенденций[242]. А пророссийские симпатии чехов являлись только оружием против политики Вены, не более того. Они «рассматривали взаимность скорее как символическую, нежели как реальную»[243]. Автор развивал свои размышления и постулировал, что «перед 1870 г. франкофильство и русофильство существовали как несочетаемые понятия»[244]. Протест 8 декабря 1870 г. стал первой попыткой синтеза французской и русской ориентации чешской политики[245]. Таким образом, Резников не признавал уже устоявшийся факт, что оба течения сосуществовали во взглядах руководства Национальной партии с начала 1860-х. Последовательные политические контакты членов объединения с российской стороной показывают, что речь шла не только о политическом давлении на имперский центр. Трактовке Резникова явно не хватило понимания контекста чешско-русских взаимоотношений.

Итак, французская историография проделала значительный путь в осмыслении чешского национального движения. Внимание ученых

---

[241] *Ibid.* S. 107–108.
[242] *Ibid.* S. 97.
[243] *Ibid.*
[244] *Ibid.* S. 112.
[245] *Ibid.* S. 135.

сосредотачивалось естественным образом не столько на внешнеполитическом факторе в деятельности Национальной партии, сколько на чешском интересе к взаимодействию с французами. Зачастую этот аспект затрагивался при более широком анализе национальных проблем в империи Габсбургов и европейских национализмов. Определенное место отводилось и формированию постепенного интереса к славянам во французской печати и науке, продиктованного политическими событиями.

В *англоязычной историографии* среди ученых, занимавшимся схожим кругом проблем, необходимо выделить Джона Брэдли (р. 1930 г.). Предметом его исследований был чешский национализм и формы его проявления. В статье «Чешский панславизм до Первой мировой войны»[246] автор рассматривал интерес чехов к международным делам под ракурсом панславизма. При этом он признавал, что «в то время этот термин применялся к любому проявлению славянской солидарности независимо от ее характера и масштаба»[247]. Сам Брэдли видел в панславизме скорее идеологию, общественное настроение, чем политическое движение. Ученый считал его важным элементом для понимания «более поздней фазы чешского национализма»[248].

Изначально, по мнению исследователя, панславизм был лишь внутренним фактором чешской политики. Однако по мере доминирования иностранных дел в политической жизни Габсбургской монархии и усиления пангерманизма он «постепенно стал внешнеполитическим выражением чешского национализма»[249]. Это привело к проблеме соотношения «“официальных” (государственных) и “неофициальных” (национальных) внешних сношений, особенно среди славянских народов»[250]. На это накладывалось то обстоятельство, что «в первый период национального

[246] *Bradley J. F. N.* Czech Pan-Slavism before the First World War // The Slavonic and East European Review. 1961. Vol. 40. № 94. P. 184–205.
[247] *Ibid.* P. 185.
[248] *Ibid.* P. 186.
[249] *Ibid.*
[250] *Ibid.*

Возрождения существовало естественное стремление к союзам с существующими славянскими государствами»[251].

Статья также содержит яркую характеристику внешнеполитической ориентации Ф.Л. Ригера – но применительно к 1880-м гг. Брэдли считал, что тот не проводил «последовательную внешнюю политику, за исключением случайных импульсов в пользу славян»[252]. С точки зрения историка, суждения старочешского вождя основывались на недостаточной и часто сомнительной информации, которую он собирал крайне бессистемно. К сожалению, нельзя точно установить, экстраполировал ли ученый свое мнение на более ранние десятилетия.

Брэдли полагал, что последствия Славянского съезда 1867 г. были «достаточно удручающими в политическом плане», причем чехи так и не извлекли уроков из своих неудач[253], в том числе во внешнеполитической плоскости. Их «почти неизбежные промахи» лишь усиливали недоверие со стороны официальных структур[254]. Можно сделать вывод, что для Брэдли акции чехов, связанные с заграницей, были политически незрелыми и даже бесперспективными.

В другой статье «Чешский национализм в свете французских дипломатических отчетов 1867–1914»[255] Брэдли дал характеристику уже конкретно чешско-французским взаимоотношениям. В начале публикации автор постулировал: до Первой мировой войны Франция была для чехов «равнодушным союзником, если вообще им была»[256]. Французская общественность не имела достаточных сведений об этом народе и потому не относилась к нему сочувственно. Усилия чешской эмиграции по преодолению этой ситуации были очень слабы (в том числе из-за ее

[251] *Ibid.* P. 188.
[252] *Ibid.* P. 192.
[253] *Ibid.* P. 188.
[254] *Ibid.* P. 191.
[255] *Bradley J. F. N.* Czech nationalism in the light of French diplomatic reports, 1867–1914 // The Slavonic and East European Review. 1963. Vol. 42. № 98. P. 38–53.
[256] *Ibid.* P. 38.

малочисленности). Земли короны святого Вацлава, утверждает историк, оставались для французов terra incognita вплоть до 1880-х гг.[257]

Исследователь давал краткую характеристику чешским акциям 1860-х гг., связанным с Францией. К сожалению, она содержит ряд довольно грубых ошибок и неточностей[258]. Ученый рассматривал действия Национальной партии крайне поверхностно, не погружая читателя в необходимый контекст. Он сделал общий вывод, что после этих начинаний французские официальные круги по-прежнему уделяли чехам крайне мало внимания[259].

Достоинством статьи является тот факт, что Брэдли одним из первых попытался проанализировать французские дипломатические донесения и отчеты, затрагивавшие чешское национальное движение. Он отчасти верно отмечал, что посольство Франции в Вене интересовалось чешским вопросом лишь в контексте внутренней политики Габсбургской монархии[260].

Также выдвигается спорный, на наш взгляд, тезис, что в будущем отчет французского посольства в Вене «Меморандум о чешском вопросе» (июль 1869 г.) стал «основой отношений между Францией и Австро-Венгрией»[261].

В общем и целом статья на данный момент представляет скорее историографическую ценность.

Если касаться общих работ по истории Дунайской империи, где прослеживается чешская тематика, то стоит отметить исследования американского историка австрийского происхождения Роберта Канна. Он являлся руководителем Комитета США по поддержке исследований Габсбургской монархии[262]. В научной среде он наряду с Г. Ханчем возглавил направление, в соответствии с которым империя «представлялась не

---

[257] *Ibid.*

[258] Например, Брэдли указывает: в 1867 г. Ригер и Палацкий «приложили все усилия, чтобы привлечь внимание Франции к чешскому вопросу в форме предупреждения Наполеону III» о вреде дуализма, установившемся в монархии Габсбургов. Однако в том году руководители Национальной партии ездили в Париж скорее для зондирования почвы. Меморандум французскому императору исследователь неверно датирует 1870 г. (правильно – 1869 г.). «Промемория чешских либеральных политиков о внешней политике» обозначена как «Меморандум Пражского городского совета». *Ibid.*

[259] *Ibid.*

[260] *Ibid.* P. 38–39.

[261] *Ibid.* P. 39.

[262] *Павленко О.В.* Панславизм: реальный и воображаемый: 1830–1860-е гг. М., 2023. С. 56.

“тюрьмой народов”, а их общим домом, в котором национальные общности развивались в сравнительно благоприятных политических и экономических условиях»[263].

В диссертации использовалась монография Канна «Проблема национальностей Габсбургской монархии. История и идеологическое наполнение национальных стремлений от Предмартовской эпохи до распада империи в 1918 г.»[264] Это второе издание (значительно расширенное и дополненное) его англоязычной работы «Многонациональная империя»[265].

По мысли ученого, участие чехов в Славянском съезде 1867 г. можно объяснить «растущей тягой к новому национальному движению»[266]. В России Ф.Л. Ригеру, стороннику чешской ориентации на Запад, пришлось под давлением радикальных младочехов отстаивать «панславистскую солидарность»[267]. Такая трактовка событий в современной богемистике выглядит довольно сомнительной. Канн также подробно анализировал Фундаментальные статьи и причины их провала. Среди внешнеполитических факторов он выделил давление Германии, а среди внутренних – сопротивление Ф. Бойста, который видел в чешских требованиях угрозу его курсу на сближение с Берлином[268]. Фактически оправдывая эту реакцию, Канн полагал, что, несмотря на всё недовольство чехов, их реакция «не могла сравниться с возможным высвобождением тевтонской ярости извне, подкрепленной ирредентистским гневом внутри страны»[269]. По его мнению, именно Германия оказалась главным победителем в разрешении кризиса в Цислейтании[270].

---

[263] *Там же.* С. 57.
[264] *Kann R.* Das Nationalitätenproblem der Habsburgermonarchie. Geschichte und Ideengehalt der nationalen Bestrebungen vom Vormärz bis zur Auflösung des Reiches im Jahre 1918. Bd. 1–2. Zweite, erweiterte Auflage. Graz – Köln, 1964.
[265] *Kann R.* The multinational Empire. Vol. 1–2. New York, 1950.
[266] *Kann R.* Das Nationalitätenproblem der Habsburgermonarchie. Geschichte und Ideengehalt der nationalen Bestrebungen vom Vormärz bis zur Auflösung des Reiches im Jahre 1918. Bd. 1. Das Reich und die Völker… S. 176.
[267] *Ibid.*
[268] *Ibid.* S. 183–184.
[269] *Ibid.* S. 184.
[270] *Ibid.* S. 185.

Более поздняя работа[271] Канна, а также американского исследователя чешского происхождения Зденека Дэвида (р. 1931 г.), отличается большей выдержанностью и полнотой с точки зрения рассматриваемой проблематики. Однако в ней высказано достаточно умозрительное утверждение, требующее подтверждения, что чешские политики с 1867 г. искали внешнеполитических союзников для поддержки своих национальных требований по примеру венгров[272]. Ученые отмечали, что поездка чехов на Славянский съезд в Россию отражала растущее русофильство старочехов, особенно Палацкого. Также она стала следствием разочарования младочехов в действиях галицийских поляков, принявших дуализм[273]. Среди профранцузских акций Канн и Дэвид выделили меморандум Ригера Наполеону III. Они трактовали «Промеморию» как документ, с помощью которого чехи выразили свои симпатии одновременно в адрес Парижа и Санкт-Петербурга[274]. Авторы подчеркнули, что с января 1871 г. (после голосования делегаций Цислейтании и Транслейтании за сближение с Германией) чешские взгляды на текущие международные отношения вошли в конфликт с внешней политикой Вены[275].

В *отечественной* дореволюционной *историографии* деятельность Национальной партии затрагивалась весьма опосредованно. К таким публикациям можно отнести книгу «Панславизм в прошлом и настоящем» историка и литературоведа А.Н. Пыпина (1833–1904 гг.)[276]. Рассматривая славянофилов как носителей панславистских идей, автор отмечал, что «западнославянские патриоты» имели плохое представление об этом течении общественной мысли. Они наивно воспринимали его представителей как ведущих выразителей «славянских сочувствий» в России и главных

---

[271] *David Z.V., Kann R.A.* The Peoples of the Eastern Habsburg Lands, 1526–1918. Seattle – London, 1984.
[272] *Ibid.* P. 302.
[273] *Ibid.*
[274] *Ibid.*
[275] *Ibid.*
[276] Впервые вышла в 1878 г. В диссертации использовано более позднее издание: *Пыпин А.Н.* Панславизм в прошлом и настоящем (1878). СПб., 1913.

союзников славян[277]. Съезд в Москве и Санкт-Петербурге (1867 г.) стал «платоническим заявлением племенных сочувствий к славянству», «опытом наглядного обучения славянскому вопросу»[278]. При этом он отчасти развеял иллюзии западных славян по поводу славянофилов и продемонстрировал разногласия с российским обществом в целом[279]. Пыпин подчеркивал, что призыв Ф.Л. Ригера к русским примириться с поляками вызвал множество возражений[280]. Анализируя другие фрагменты его выступлений, Пыпин смотрел на лидера Национальной партии как на сторонника «славянского федеративного союза, с свободою частей, с полным простором для отдельных племенных элементов»[281].

Куда больше внимания обозначенному кругу проблем стали уделять в советской историографии. Во времена Второй мировой войны, по мнению О.В. Павленко, в СССР стал востребован тезис славянофилов о «вековой борьбе славянства и германства»[282]. Руководство страны рассматривало проект «нового славянского движения» в европейском регионе. В 1941 г. появился Всеславянский комитет, организовывались общеславянские митинги. На Славянском конгрессе в Белграде (1946 г.) советская делегация выступила с предложением «теоретически обобщить революционно-демократический опыт и классовую борьбу славянских народов». Эти события из интеллектуальной жизни дополняли процесс включения Центральной и Юго-Восточной Европы в зону влияния СССР[283].

Первым примечательным исследованием стала статья Сергея Александровича Никитина (1901–1979 гг.) «Славянские съезды шестидесятых годов XIX в.»[284] В ней он анализировал Славянский съезд в Москве и Санкт-Петербурге в 1867 г., а также совещание в Праге 1868 г.

---

[277] *Там же.* С. 113.
[278] *Там же.* С. 120.
[279] *Там же.* С. 113, 121.
[280] *Там же.* С. 121.
[281] *Там же.* С. 124.
[282] *Павленко О.В.* Панславизм: реальный и воображаемый: 1830–1860-е гг. М., 2023. С. 78.
[283] *Там же.* С. 78–79.
[284] *Никитин С.А.* Славянские съезды шестидесятых годов XIX в. // Славянский сборник. Славянский вопрос и русское общество в 1867–1878 гг. / под общ. ред. Н.М. Дружинина. М., 1948. С. 16–104.

Говоря о деятельности чешских политиков в период этих акций, Никитин одним из первых отечественных историков поставил вопрос о существовании так называемого Константинова плана. Опираясь на дневник А.А. Киреева – адъютанта великого князя Константина Николаевича – исследователь сделал вывод, что такой план действительно обсуждался в узком кругу политических тяжеловесов. Таким образом, он вступил в заочную дискуссию с К. Казбундой. Также историк на основе архивных источников попытался проанализировать ход так называемого славянского съезда в Праге (май 1868 г.). Наработки из статьи он позднее включил в свое фундаментальное исследование «Славянские комитеты в России в 1858–1876 годах»[285]. Фактологический материал и выводы, представленные Сергеем Александровичем Никитиным, до сих пор не утратили своей научной актуальности.

Еще одним крупным советским историком, пристально анализировавшим деятельность Национальной партии, являлась Надежда Давыдовна Ратнер (1916–1993 гг.). Из ее работ интерес представляет большая статья «Программа и тактика чешской буржуазии»[286]. Подобно Никитину, автор концентрировалась на классовом происхождении чешских лидеров и с этих позиций критически относилась к их деятельности. Применительно к австро-прусской войне 1866 г. Ратнер отмечала их реваншизм и желание присоединить Лужицу и прусскую часть Силезии. Обоснованием для такой программы было устаревшее, по ее мнению, историческое право, отсылающие к Средневековью[287]. Чешская буржуазия поддерживала Вену в войне лишь из-за большого страха перед прусским милитаризмом.

Н.Д. Ратнер считала малоубедительной позицию З. Тоболки, что конфликт двух держав стал «чешским национальным делом»[288]. При этом справедливо ее наблюдение о взаимосвязи между желанием Вены взять

[285] *Никитин С.А.* Славянские комитеты в России в 1858–1876 годах. М., 1960.
[286] *Ратнер Н.Д.* Программа и тактика чешской буржуазии // Ученые записки Института славяноведения. Т. 114. М., 1956. С. 83–178.
[287] *Там же.* С. 140–141.
[288] *Там же.* С. 141.

реванш за поражение в конфликте и установлением дуализма[289]. В этой связи поездка чехов на Славянский съезд в Россию стала попыткой давления на правительство Габсбургской монархии, политической демонстрацией[290]. Также их целью могло быть желание выяснить отношение российского правительства и общественности к чешскому вопросу, укрепить связи с Россией. По мнению автора статьи, даже если руководители чешской делегации имели некие далеко идущие политические планы, они не стали бы вести их обсуждение на форуме ввиду своей осторожности. Это обстоятельство вкупе с их подчеркнутой лояльностью к Вене не позволило Н.Д. Ратнер согласиться с Никитиным, что Ригер одобрил Константинов план или выдвинул аналогичный проект[291]. Поездка не имела непосредственного политического эффекта, но вызвала сильное русофильское движение в Богемии[292].

Преимуществом статьи является обращение историка, пусть и краткое, к факту пребывания Ригера и Палацкого в Париже перед Славянским съездом. Она постулировала, что их приоритетной целью являлось установление контактов с французской общественностью и по возможности с правительством. По ее мнению, эти попытки дали мало результата[293].

Ратнер также принимала участие в составлении коллективного труда «История Чехословакии», вышедшего под редакцией С.А. Никитина, М.А. Полтавского, Г.Э. Санчука и П.Н. Третьякова[294]. Раздел, посвященный 1860-м гг., в значительной степени повторял выводы, сделанные в статье. Показательно, что упоминание о поездке Ригера и Палацкого в Париж в 1867 г. отсутствовало. То же самое можно сказать о других ярких сюжетах чешско-французских связей: меморандуме Ригера Наполеону III,

[289] *Там же.* С. 146–147.
[290] *Там же.* С. 168–169.
[291] *Там же.* С. 172–173.
[292] *Там же.* С. 175.
[293] *Там же.* С. 171.
[294] История Чехословакии. Отв. ред. С.А. Никитин, М.А. Полтавский, Г.Э. Санчук, П.Н. Третьяков. Т. II. М., 1959.

«Промемории чешских либеральных политиков о внешней политике». Можно предположить, что такой подход был выбран неслучайно.

Н.Д. Ратнер интересовал внешнеполитический фактор в деятельности Национальной партии и применительно к началу 1870-х гг. В центре ее внимания постепенно оказались Фундаментальные статьи и их значение для истории чешских земель и монархии Габсбургов в целом. Этой теме посвящена одна из ее статей[295]. Исследовательница отмечала, что одна из причин, по которым Вена пошла на переговоры с чехами, – боязнь усиления влияния Германии внутри Цислейтании[296]. Провал австро-чешского соглашения наряду с рядом других обстоятельств она объясняла как раз вмешательством Берлина. В планы Бисмарка входило улучшение отношений с монархией Габсбургов, превращение ее в союзника Германии. Но такой вариант был возможен только с «немецкой Австрией». Соответственно, заметное усиление политических позиций «славянских имущих классов» являлось для Бисмарка нежелательным. Ведь в этом случае Вена могла сблизиться с Парижем и Санкт-Петербургом[297].

Важный вклад в разработку одной из сторон проблематики данной диссертации внес Лев Михайлович Шнеерсон (1910–1999 гг.). В статье «Чешский проект славянского конгресса в переговорах с правительством России в 1871 году»[298] он обратился к переговорам Ригер с российским посланником в Вене Е.П. Новиковым. Работа была написана на основе донесений российского посланника. Для своего времени она стала важным событием отечественной историографии, расширившим фактологическую базу по национальному движению чехов в период борьбы за Фундаментальные статьи.

---

[295] *Ратнер Н.Д.* О проекте австро-чешского соглашения 1871 г. // Общественно-политические движения в Центральной Европе в XIX – начале XX в. Отв. ред. И.С. Миллер. М., 1974. С. 324–353.
[296] *Там же.* С. 347.
[297] *Там же.* С. 350.
[298] *Шнеерсон Л.М.* Чешский проект славянского конгресса в переговорах с правительством России в 1871 году // Веснік Беларускага дзяржаўнага універсітэта імя У.І.Леніна. Серыя III. 1982. № 1. С. 16–19.

К донесениям Е.П. Новикова в качестве источника (пусть и в малых количествах) обращалась также В.В. Леонова в своей диссертации «Политическая борьба в чешском обществе в 60 – начале 70-х гг. XIX в.»[299] Вслед за Н.Д. Ратнер, а также опираясь на данные Л.М. Шнеерсона, автор подчеркивала взаимозависимость между ситуацией на европейской арене и внутриполитической обстановкой в Цислейтании в 1871 г.[300]

Эпоха перестройки дала импульс к новым попыткам осмысления рассматриваемых сюжетов чешской истории, отходу от догматизма.

В 1989 г. выходит важная коллективная работа «Чешская нация на заключительном этапе формирования» под редакцией В.И. Фрейдзона (1922–2004 гг.)[301]. В главе «Идейно-политические концепции» (ее авторы – К.П. Гогина, Г.И. Еремеева и З.С. Ненашева) рассматривался не только Славянский съезд как конкретное событие, но и в целом русофильство в чешских землях. Кроме этого, указывалось на его взаимосвязь с внутриполитическими событиями в монархии Габсбургов. Говорилось, пусть и весьма кратко, о поездке Ригера в Париж в 1869 г. К сожалению, его деятельность за границей освещена лишь за 1867–1869 гг. Акции чехов в начале 1870-х гг. проигнорированы. Впрочем, можно заметить, что акценты в данной монографии изначально смещены в сторону внутренней политики, национального движения и истории культуры. Фактически это одна из первых работ в отечественной историографии, где совершена попытка в сжатом виде охарактеризовать русофильство и франкофильство как полноценные течения в чешском обществе.

Тему чешского русофильства 60–70-х гг. XIX в. в настоящее время развивает Ольга Вячеславовна Павленко (Лебедева; р. 1964 г.). В статье «Чешское русофильство в период установления австро-венгерского

---

[299] *Леонова В.В.* Политическая борьба в чешском обществе в 60 – начало 70-х гг. XIX в.: дис. … канд. ист. наук: 07.00.03. М., 1985. Работа была подготовлена на кафедре истории южных и западных славян исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова под руководством Л.П. Лаптевой.

[300] *Там же.* С. 171–172.

[301] Чешская нация на заключительном этапе формирования. 1850 – начало 70-х годов XIX в. Отв. ред. В.И. Фрейдзон. М., 1989.

дуализма»[302] автор попыталась установить причинно-следственные связи между поездкой Ригера и Палацкого в Париж весной 1867 г. и участием чехов в Славянском съезде. Поездка расценивалась ею как крайняя мера старочехов (которые уже были лишены возможности активных политических действий внутри страны) в борьбе с Веной[303]. В итоге концепция Лебедевой базировалась на проявлении «буржуазного национализма угнетенной нации», среагировавшего на установление дуализма в монархии Габсбургов[304]. Позднее историк стала рассматривать чешское русофильство как составной элемент «славянского фактора» в контексте австро-российских отношений[305].

В отечественной постсоветской историографии в середине – второй половине 1990-х гг. возрастает интерес к теме Славянских съездов. В 1994 г. вышел сборник статей «Славянские съезды XIX–XX в.»[306] Из этого сборника наиболее близка нам по теме статья Л.П. Лаптевой (1926–2016 гг.) «Славянский съезд и участие в нем чешской делегации»[307]. К чешскому русофильству автор относилась с некоторой иронией: «Однако перспектива даром совершить увлекательное путешествие в Россию и отведать русскую хлеб-соль сразу подняло русофильство чехов»[308]. В работе высказывались и другие спорные мысли. Впрочем, она может представлять интерес для тех, кто занимается историей подготовки съезда российской стороной. Главным источником для историка являлась переписка между чешскими и российскими учеными, которая позволила уточнить некоторые детали этого процесса.

---

[302] *Лебедева О.В.* Чешское русофильство в период установления австро-венгерского дуализма // Социально-политические и культурные процессы в странах Европы и Америки в Средние века и Новое время. Отв. ред. А.В. Рандин. Йошкар-Ола, 1990. С. 125–143.
[303] *Там же.* С. 132.
[304] *Там же.* С. 143.
[305] См., например: *Павленко О.В.* «Славянский фактор» в отношениях России и Австрии // Славяно-германские исследования. Т. 1–2. Отв. ред. А.А. Гугнин, А.В. Циммерлинг. М., 2000. С. 243–288. *Павленко О.В.* Проблемы панславизма в имперской дипломатии России и Австрии в 20-60-е годы XIX века // Российско-австрийский альманах: исторические и культурные параллели. 2004. Выпуск 1. С. 64–109.
[306] Славянские съезды XIX–XX в. Отв. ред. Е.П. Аксенова, А.Н. Горяинов, М.Ю. Досталь. М., 1994.
[307] *Лаптева Л.П.* Славянский съезд и участие в нем чешской делегации // *Там же.* С. 79–84.
[308] *Там же.* С. 81.

Еще одним исследованием, вышедшим в 1990-е гг., стал сборник статей «Славянское движение XIX–XX веков: съезды, конгрессы, совещания, манифесты, обращения»[309], который имеет более широкий профиль по сравнению с предыдущим сборником.

В начале XXI в. исследованиями вокруг чешско-российских отношений, российского фактора в чешской политике активно занимается Зоя Сергеевна Ненашева (р. 1946 г.). Она одной из первых на основе вновь выявленных материалов в архивах ЧР и РФ стала разрабатывать такие темы, как история открытия православных храмов в Карловых Варах и Праге, переселенческое движение чехов в Россию[310]. Ее наблюдения позволили по-новому взглянуть на связи между чешскими и российскими деятелями, понять прагматичный характер этих взаимоотношений. Особый интерес для нее представляла фигура М.Ф. Раевского – протоиерея посольской церкви в Вене, имевшего постоянные и многочисленные контакты с чешскими общественными деятелями и политиками[311].

В 2008 г. на кафедре южных и западных славян исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова была защищена под руководством З.С. Ненашевой диссертация Натальи Витальевны Киселькoвой «Российский фактор в общественно-политической жизни чехов в 50-е – 70-е гг. XIX в. (по материалам архива М.Ф. Раевского)»[312]. Эта работа посвящена развитию русофильства в чешском обществе, его спадам и подъемам на основе новых для того времени архивных источников. Ценно то, что исследовательница анализировала чешско-российские отношения 1850-х гг., поскольку этот

---

[309] Славянское движение XIX–XX веков: съезды, конгрессы, совещания, манифесты, обращения. Отв. ред. М.Ю. Досталь. М., 1998.

[310] *Ненашева З.С.* Русская Православная Церковь в Праге: часть I. Трудное начало // Профессор Сергей Александрович Никитин и его историческая школа. М., 2004. С. 412–431; *Ненашева З.С.* Русский православный храм святых первоверховных апостолов Петра и Павла в Карловых Варах. М., 2007; *Ненашева З.С.* Русская православная церковь в Праге перед лицом австрийского права и чешского общества (середина 70-х годов XIX века) // Историки-слависты МГУ. Кн. 7. Х.Х. Хайретдинов. М., 2008. С. 144–169; *Ненашева З.С.* Русская православная церковь в Праге // Средняя Европа: проблемы международных и межнациональных отношений, XII–XX вв. Отв. ред. А.С. Стыкалин. СПб., 2009. С. 176–206.

[311] *Ненашева З.С.* М.Ф. Раевский и русская православная церковь в Праге // Межконфессиональные, культурные и общественные связи России с зарубежными славянами. К 200-летию со дня рождения М.Ф. Раевского. Отв. ред. К.В. Никифоров. М. – СПб., 2013. С. 100–122.

[312] *Киселькова Н.В.* Российский фактор в общественно-политической жизни чехов в 50-е – 70-е гг. XIX в. (по материалам архива М.Ф. Раевского): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03. М., 2008.

промежуток времени в отечественной богемистике редко находится в центре внимания. В диссертации хорошо показана взаимосвязь между внутриполитической ситуацией в монархии Габсбургов, национальным движением чехов, а также ростом их русофильства. Учитывается и международная специфика. Ко всему прочему автор упоминала, пусть и фрагментарно, поездки Ригера в Париж, его переговоры с дипломатом Е.П. Новиковым в период борьбы за Фундаментальные статьи. Немаловажно и то, что Киселькова качественно проиллюстрировала подход российских властей к чешской проблематике того времени.

Можно добавить, что интерес к славянским съездам в это время по-прежнему не утихал. В 2008 г. вышел сборник статей, посвященный славянским форумам[313].

Наряду с другими исследованиями необходимо отметить монографию Александра Сергеевича Медякова (р. 1969 г.) «Между Востоком и Западом: внешняя политика монархии Габсбургов в первые годы дуализма (1865–1871)»[314]. Несмотря на то, что книга посвящена международным отношениям, автор уделил огромное внимание национальным проблемам внутри монархии Габсбургов, которые, по его мнению, оказывали большое влияние на ее внешнеполитический курс. В рамках данного подхода он рассматривал акции чехов на внутриполитической и международной арене. Причем Медякову удается затронуть все важные действия Ригера и Палацкого в отношении Франции и России. В этом ему помогала обширная отечественная и зарубежная историография, а также донесения российских посланников в Вене, особенно Е.П. Новикова. Исследование автора также наполнено важными сведениями из российских и иностранных архивов о взаимоотношениях Вены с Парижем, Санкт-Петербургом и Берлином во второй половине 1860-х – начале 1870-х гг.

---

[313] Славянские форумы и проблемы славяноведения. Отв. ред. М.Ю. Досталь, И.В. Крючков. М. – Ставрополь, 2008.

[314] *Медяков А.С.* Между Востоком и Западом: внешняя политика монархии Габсбургов в первые годы дуализма (1865–1871). М., 2010.

С начала 2010-х гг. интерес ученых к заграничным акциям чехов, чешско-российским общественно-политическим контактам заметно падал. В том числе поэтому докторская диссертация О.В. Павленко «Славянский фактор в идеологии и внешней политике Российской империи и монархии Габсбургов (1830-е – 1914 г.)»[315] стала заметным событием для отечественной славистики. Автор, используя наравне с классическими методами исторического исследования конструктивистский подход, попыталась изучить роль и влияние «славянского фактора» в контексте российско-австрийских отношений. Также для нее было важно проследить эволюцию понятия «панславизм» в пространстве и времени, выявить различные формы этого крайне неоднородного явления.

Историк считает, что «собственная идентичность у славян монархии Габсбургов изначально имела абсолютную ценность». «Общеславянские коды» (среди них и русофильство) в этом случае лишь являлись вспомогательным инструментом. Поэтому, по мнению Павленко, в идеологии австрийских славян на самом деле могло не быть «дуализма общеславянского и национального»[316]. Справедливо указывая на противоречивость и непоследовательность отношения чехов России, зависимость от политического момента, сама автор видела в нем определенную двойственность. С одной стороны, чешским политикам важно было следовать либеральным ценностям Западной Европы, чьи сторонники критично относились к «северному колоссу». С другой стороны, они не могли проигнорировать возможную роль России как защитницы славян в случае победы пангерманистов в Габсбургской монархии[317].

Следует согласиться с Павленко, что по мере политического созревания национальных сообществ австрийских славян менялось и их

---

[315] *Павленко О.В.* Славянский фактор в идеологии и внешней политике Российской империи и монархии Габсбургов (1830-е гг. – 1914 г.): дис. ... докт. ист. наук: 5.6.2. М., 2022.
[316] *Там же.*
[317] *Там же.* С. 265.

отношение к России. Интересен ее тезис о том, что эта страна воспринималась «на грани “своего” и “чужого” мира»[318].

Внешнеполитический фактор в деятельности Национальной партии не находился в центре внимания исследовательницы. При этом действия Палацкого и Ригера вписаны в широкий контекст австро-российских отношений. Павленко с опорой на работы О. Урбана и М. Шестака подчеркивала взаимосвязанность двух заграничных акций Ф. Палацкого и Ф.Л. Ригера в 1867 г. – поездки в Париж и участия в Славянский съезде. Обе имели цель сделать чешский вопрос европейским и тем самым повысить шансы на удовлетворение Веной требований пражских политиков[319]. Что касается чешской поездки в Россию, то автор не разделяет некоторые оценки в отечественной историографии[320].

Франция, с точки зрения ученой, являлась в глазах австрийских славян гарантом сохранения Дунайской империи и державой, способной дать отпор Пруссии. Павленко признавала и значение Парижа в поддержке польской эмиграции в стремлении воссоздать государственность поляков. Наконец, она отмечала веру славян Габсбургской монархии в полезность франко-российского сближения[321].

Что касается официального Санкт-Петербурга, то он в отношении австрийских славян ограничивался ролью мягкой силы[322]. Контакты с ними оставались умеренными и сдержанными. Российские дипломаты отдавали себе полный отчет, что представители родственных народов рассматривают восточную державу сугубо как помощника в борьбе за улучшение своего положения в монархии Габсбургов[323]. При этом, полагала автор, российское

---

[318] *Там же.* С. 509.
[319] *Там же.* С. 271–272.
[320] «Сложно согласиться с мнением С.А. Никитина, который считал, что у Ригера накануне поездки в Россию был план, сходный с так называемым “Константиновым планом” <…> Но никакими конкретными сведениями, что “Константинов план” соответствовал бы планам официального Петербурга, мы не располагаем. Тем более, он не соответствовал пониманию национальных интересов у самих чехов». *Там же.* С. 273.
[321] *Там же.* С. 272.
[322] *Там же.* С. 346, 350, 360, 506.
[323] *Там же.* С. 507.

правительство допускало «дипломатичную “игру” в панславизм»[324]. Павленко считает, что ее целью являлось держать в напряжении монархию Габсбургов из-за неоднозначной линии Вены в период Крымской войны. Также эта политика диктовалась желанием Санкт-Петербурга продемонстрировать враждебным европейским державам, что он имеет мощное духовное влияние на зарубежных славян[325].

Ко всему изложенному лишь добавим, что на основе диссертации была опубликована монография «Панславизм: реальный и воображаемый: 1830–1860-е гг.»[326]

В отечественной историографии хорошо проработаны проблемы русофильства в чешском обществе. Довольно подробно изучена проблематика Славянского съезда 1867 г. С конца 1980-х гг. появились важные работы, посвященные в целом национально-политическому движению чехов в 1860-х и начале 1870-х гг. Однако трудов, освещающих «французскую» деятельность Национальной партии, нет. Даже известные акции объединения, связанные с Францией, практически не разработаны. Весьма отрывочно упоминаются политические контакты чешской национальной элиты с польскими и югославянскими деятелями, подпитывавшими ее устремления вписать чешский вопрос в международный контекст.

Итак, рассмотрев основные работы по проблематике диссертации в чехословацкой/чешской, французской, немецко- и англоязычной, отечественной историографии, можно сделать несколько выводов.

В качестве обобщающего вывода следует признать, что разработанность темы диссертации в мировой историографии привела не только к формированию консенсуса по некоторым ее существенным аспектам, но и к разногласиям. Последние касаются оценки как мелких сюжетов, так и отдельных крупных акций ее лидеров. Примером может

---

[324] *Там же.* С. 290.
[325] *Там же.*
[326] *Павленко О.В.* Панславизм: реальный и воображаемый: 1830–1860-е гг. М., 2023.

послужить дискуссия о существовании Константинова плана, его значении для чешской политики. На фоне, казалось бы, значительных общих успехов историков остается невыясненным весь комплекс вопросов, связанных с его появлением, инициаторами, сторонниками, целями, как на текущий момент, так и в перспективе. Причем обсуждение этой темы в силу ее загадочности приостановилось вследствие недостатка источников. С ней коррелирует и спор об изначальных целях чешской делегации на Славянском съезде 1867 г. До сих пор нет однозначного ответа на вопрос, когда точно Франция начала проявлять предметный интерес к чехам – между 1871 г. и 1914 г. или уже во время Первой мировой войны. Имеются разные оценки чешских заграничных акций – от резко отрицательных до положительных. И если польский фактор в действиях Национальной партии упоминается хотя бы отрывочно, то югославянский – в единичных случаях.

Наконец, хотелось бы отдельно отметить неоднозначную трактовку соотношения чешского русофильства и франкофильства в мировой историографии. В разных странах ориентация и поиск поддержки у Российской империи порой оцениваются как регрессивное течение общественной мысли и политической практики. Франкофильство же, наоборот, рассматривается как исключительно прогрессивное явление. Думается, такому взгляду наряду с политической конъюнктурой может способствовать изучение в работах преимущественно одного или другого направления чешской политики. До сих пор не существует публикации, в которой русофильство и франкофильство чехов анализировались бы синхронно и в равной степени. Как уже говорилось ранее, настоящее исследование призвано восполнить этот пробел.

Характеристика источников

Источниковую базу исследования, которая позволяет разработать поставленные задачи, составили различные письменные источники. Их можно разделить на неопубликованные и опубликованные.

К первой группе относятся *архивные материалы*. В работе крайне важную роль играют документы из Архива внешней политики Российской империи, сосредоточенные в фонде № 133 «Канцелярия министра иностранных дел». Он является собранием корреспонденции между руководством МИД и зарубежными посольствами, генеральными консульствами. Для нас представляли интерес прежде всего донесения российских посланников в Австрийской империи (с 1867 г. – Австро-Венгрии), касающиеся чешских сюжетов. Важными источниками информации стали и инструкции МИД недавно назначенным руководителям представительств. Хронология взятых для исследования донесений соответствует хронологическим рамкам исследования. Особое значение имеют донесения начала 1870-х гг., когда внимание российского посольства в значительной мере было приковано к переговорам между чешскими политиками и Веной. В свою очередь руководство Национальной партии не раз встречалось с сотрудниками представительства. Депеши российских посланников в монархии Габсбургов нередко читал лично император. Александр II оставлял на полях донесений (а также на проектах писем из МИДа в дипломатические представительства) пометы. Они позволяют реконструировать в той или иной мере его позицию по чешской проблематике. Дела из фонда не раз просматривались отечественными и иностранными историками (Л.М. Шнеерсоном, В.И. Фрейдзоном, З.С. Ненашевой, Н.В. Кисельковой, В. Доубеком, А.С. Медяковым и др.). Однако они по-прежнему не утратили потенциал как источников новой информации по кругу проблем, отмеченных во введении.

Важными являются материалы из фонда Ф.Л. Ригера, который находится в пражском Архиве Национального музея. Среди них интерес представляют письма российского посланника В.П. Балабина. Они свидетельствуют об их взаимоотношениях и о степени внимания дипломата к чехам.

Что касается **опубликованных источников**, то они представлены разными типами. Первый из них – *опубликованные документы*. В этом отношении колоссальное значение имеет сборник «Политические программы чешских национальных партий. 1860–1890»[327]. Его составил известный специалист по чешской истории второй половины XIX – начала XX в. Павел Цибулка (р. 1964 г.). Данное высококвалифицированное научное издание снабжено всем необходимым справочным аппаратом, комментариями и включает важнейшие документы по истории Национальной партии. Они позволяют проанализировать ценности ее руководителей, их видение внешней политики Габсбургской монархии, показать, как шел поиск ими зарубежных союзников,

Хорошим дополнением к сборнику Цибулки является труд «История чешской политики в документах»[328]. Его составителем является историк Зденек Веселый (р. 1950 г.). Собрание включает обширную коллекцию материалов по политике и государственности чешских земель с Раннего Нового времени по начало XXI в. В диссертации задействован еще один сборник, подготовленный З. Веселым, под названием «История Чешского государства в документах»[329]. Он отличается тем, что в нем можно найти конституционные законы Габсбургской монархии (в переводе на чешский язык). Они помогают воссоздать общий контекст имперской политической жизни, в который вовлекались чешские деятели.

[327] Politické programy českých národních stran. 1860–1890 / Ed. P. Cibulka. Praha, 2000.
[328] Dějiny české politiky v dokumentech / Ed. Z. Veselý. Praha, 2005.
[329] Dějiny českého státu v dokumentech / Ed. Z. Veselý. Praha, 2003.

В работе задействованы источники по Славянскому съезду в России 1867 г., собранные К. Казбундой в качестве приложения к его монографии[330]. На тот момент он их впервые использовал в исторической науке (в частности, корреспонденция Э. Вавры). Эти свидетельства были им опубликованы в качестве приложения к книге. Для нас были особенно важны донесения австрийского (австро-венгерского) посланника в Санкт-Петербурге, отражавшие как его реакцию на славянский форум, так и мнение российского императора.

Что касается других сборников документов на чешском языке, то стоит отметить издание «Славянский съезд в Праге 1848 г. Коллекция документов»[331]. Этот глубоко фундаментальный труд подготовил один из авторитетнейших чехословацких историков В. Жачек (он использовал также материалы, собранные с другим выдающимся ученым З. Тоболкой). Сборник включает в себя колоссальный массив документов на многих европейских языках, которые напрямую или косвенно связаны с подготовкой, ходом, итогами пражского форума. Ряд свидетельств содержит в себе реакцию на это событие в разных странах – в частности, французской дипломатии и прессы.

Среди источников на французском языке сложно переоценить выход многотомной публикации под названием «Дипломатическое происхождение войны 1870–1871: сборник документов»[332]. Изданная парижским Министерством иностранных дел, она представляет собой колоссальную подборку депеш дипломатов (не только французских), писем глав внешнеполитических ведомств 1863–1870 гг. Как следует из названия, эти

---

[330] *Kazbunda K.* Pouť Čechů do Moskvy a rakouská diplomacie. Praha, 1924.

[331] Slovanský sjezd v Praze roku 1848. Sbírka dokumentů / Ed. Z. Tobolka, V. Žáček. Praha, 1958.

[332] В работе использованы следующие тома: Les origines diplomatiques de la guerre de 1870–1871: recueil de documents. T. 1. 25 décembre 1863 – 21 février 1864. Paris, 1910. Les origines diplomatiques... T. 10. 2 juin 1866 – 10 juillet 1866. Paris, 1915. Les origines diplomatiques... T. 15. 4 mars 1867 – 13 avril 1867. Paris, 1924. Les origines diplomatiques... T. 17. 13 mai 1867 – 16 juillet 1867. Paris, 1925. Les origines diplomatiques... T. 18. 17 juillet 1867 – 15 octobre 1867. Paris, 1925. Les origines diplomatiques... T. 20. 10 décembre 1867 – 29 février 1868. Paris, 1927. Les origines diplomatiques... T. 21. 1er mars 1868 – 31 juillet 1868. Paris, 1928. Les origines diplomatiques... T. 25. 1er juin 1869 – 15 novembre 1869. Paris, 1929. Les origines diplomatiques.. T. 27. 4 mars 1870 – 30 juin 1870. Paris, 1930. Les origines diplomatiques... T. 28. 1er – 15 juillet 1870. Paris, 1931. Les origines diplomatiques… T. 29. 16 juillet 1870 – 10 août 1870. Paris, 1932.

источники были объединены темой постепенной подготовки к войне Франции с Пруссией, зондирования ею почвы в других странах. Поскольку Вторая империя делала ставку на союз с монархией Габсбургов, данное собрание включает множество донесений французских представителей о политической обстановке в стране. Выборка корреспонденции достаточно репрезентативна, чтобы проанализировать реакцию дипломатов на чешское национальное движение в 1867–1870 гг. Ее органично дополняет французская и австро-венгерская дипломатическая переписка, опубликованная К. Казбундой и касающаяся меморандума Ф.Л. Ригера Наполеону III[333].

Из русскоязычных компиляций документов стоит упомянуть издание М. Сидоровой и Е. Щербаковой «Россия под надзором. Отчеты III отделения 1827–1869. Сборник документов»[334]. Хотя деятельность этого органа касалась прежде всего охраны порядка внутри империи, его сотрудники собирали данные и о событиях за рубежом. Исследовательский интерес представляет нравственно-политическое обозрение за 1862 г. Данный документ, а также отчет о действиях Корпуса жандармов составили всеподданнейший доклад Третьего отделения императору. В нем речь шла об обстановке в различных странах и регионах Европы, в том числе в Австрийской империи. Это одно из немногочисленных изданных свидетельств об отношении официальной России к чешскому национальному движению в начале 1860-х гг.

В настоящей работе в большом объеме задействована чешская, французская и российская печать того времени. Как известно, пресса позволяет сделать срез общественного мнения. *Периодика* в данной работе позволила более всесторонне проиллюстрировать отношение французского и

[333] L'annexe 1. Lettre personnelle du prince Richard de Metternich, ambassadeur d'Autriche-Hongrie à Paris, au comte de Beust, chancelier de l'Empire (16 juillet 1869) // *Kazbunda K.* Trois documents relatifs au mémorandum de Rieger à Napoléon III (1869) // Le Monde Slave. 1925, juillet. P. 139–140. L'annexe 2. Lettre du prince La Tour d'Auvergne au duc de Gramont (21 juillet 1869) // *Ibid.* P. 140–141.

[334] Россия под надзором. Отчеты III отделения 1827–1869. Сборник документов / Сост. М.В. Сидорова, Е.И. Щербакова. М., 2006.

русского общества к чешскому вопросу в целом и действиям Национальной партии конкретно.

Из российской печати были использованы следующие издания: «День», «Голос», «Московские ведомости». Они представляли два направления политической мысли и имели влияние в российском обществе тех лет.

Газету «День» издавал один из лидеров славянофилов И.С. Аксаков. Он был сторонником сближения славянских народов. Существовало издание недолго – с 1861 по 1865 гг.

Материалы российской газеты «Московские ведомости» непосредственно свидетельствуют о деятельности чешской делегации и других славянских гостей на официальных торжествах. Кроме того, в номерах газеты приведены записи речей, которые были произнесены его участниками. Позднее репортажи корреспондентов вышли в виде единого сборника[335].

Главным редактором «Московских ведомостей» в этот период являлся М.Н. Катков – носитель панславистских идей[336]. Он являлся ярым монархистом, который в целом поддерживал политику правительства. Деятель всегда подчеркивал, что русская национальность несет в себе миссию объединения всех славянских народов[337]. Россия, считал он, «одна среди славянских государств достигла политического могущества и стала великой, благодаря ей славянская раса не погибла, не исчезла из истории»[338]. Уповая на объединительную миссию России, Катков придавал особое значение русскому языку, который должен «стать началом объединения различных славянских племен»[339].

Взгляды редактора очевидным образом преломлялись в направлении «Московских ведомостей». Благодаря таким материалам можно

---

[335] Всероссийская этнографическая выставка и Славянский съезд в мае 1867 г. М., 1867.

[336] См., например: *Твардовская В.А.* Идеология пореформенного самодержавия. М., 1980. *Лебедева Г.Н.* Социально-философская концепция русского консерватизма в творчестве М.Н. Каткова. СПб., 1996. *Брутян А.Л.* М.Н. Катков: социально-политические взгляды. М., 2001.

[337] *Там же*. С. 79.

[338] *Там же.*

[339] *Там же.*

охарактеризовать мнение российских общественных и околоправительственных кругов консервативной направленности по чешскому вопросу.

Главным редактором «Голоса» был известный журналист А.А. Краевский. Это издание просуществовало с 1863 по 1884 гг. и изначально имело официозный характер. С основанием газеты связаны министр внутренних дел П.А. Валуев, министр финансов М.Х. Рейтерн, министр народного просвещения А.В. Головнин. Эти крупные сановники принадлежали к так называемой «либеральной бюрократии», и «Голос» был рупором их взглядов на развитие государства[340]. Также Краевский установил довольно тесные контакты с Министерством иностранных дел[341]. До 1865 г. он получал прямые субсидии от своих покровителей, а в том же году «Голос» вышел из прямого контроля Министерства внутренних дел и освободился от предварительной цензуры[342]. В настоящем исследовании использованы статьи «Голоса» за 1867–1868 гг. По материалам издания можно проследить отношение к чешскому национальному движению до и после Славянского съезда 1867 г. в России, связям его лидеров с поляками.

В исследовании была задействована **чешская печать**, а именно номера ежедневной пражской газеты Národní listy. Ее первый номер вышел в 1861 г., а закрыта она была в 1941 г. Первоначально издание было рупором Национальной партии. Основные материалы газеты посвящались внутриполитической жизни чешских земель и монархии Габсбургов, а также событиям на международной арене.

Постепенно этот печатный орган стал рупором младочехов – последовательных оппонентов сторонников Палацкого и Ригера в Национальной партии. Редактором в интересующий нас период был один из их младочешских лидеров Юлиус Грегр. Газета пользовалась популярностью

---

[340] *Луночкин А.В.* От сотрудничества к конфронтации: газета «Голос» и цензура (1863–1883) // Цензура в России: история и современность. Вып. 1. Отв. ред. М.Б. Конашев, Н.Г. Патрушева СПб., 2001. С. 77.
[341] *Там же.*
[342] *Там же.* С. 78.

среди населения Богемии и была самой влиятельной чешской ежедневной газетой во второй половине XIX в.[343]

Как источник по политической жизни Богемии Národní listy имеет немаловажное значение. В ней были публиковались программные документы Национальной партии. В них можно проследить, как выстраивались отношения национальных политиков к богемской шляхте. В газете опубликованы также важные статьи Ригера и Палацкого, посвященные польскому вопросу. Кроме того, материалы издания позволяют показать, какой была реакция младочехов на те или иные акции старочехов и Ригера в частности.

В связи с расколом в рядах Национальной партии ее правое крыло основывало свои печатные издания, которые, безусловно, противостояли Národní listy. Однако эти проекты отличались большой нестабильностью. Так, с 1863 г. по 1866 г. выходила газета Národ, закрывшаяся из-за финансовых затруднений. В 1867 г. ее был призван заменить печатный орган Národní pokrok. Первым издателем был Я.С. Скрейшовский, выпускавший также Politik. В 1868 г. преемником Národní pokrok стал журнал Koruna. Однако уже в начале декабря 1868 г. его запретили для распространения в Праге, а в апреле 1869 г. он прекратил существование. Наследником Koruna стало издание Pokrok (1869–1886 гг.). Это издание оказалось доступным для исследования в полном объеме. Номера газеты важны прежде всего как источник старочешских взглядов на международные события начала 1870-х гг. Их ценность еще более повышается при сопоставлении с аналогичными публикациями в Národní listy. Это позволяет сформировать общую палитру мнений в Национальной партии.

Также в нашем исследовании присутствуют материалы французской прессы. Они помогают раскрыть степень интереса общественности Франции

[343] *Sekera M.* Podíl Grégrů na rozvoji novinářství a politické publicistiky // Bratři Grégrové a česká společnost v druhé polovině 19. století / Ed. M. Řepa, P. Vošahlíková. Praha, 1997. S. 30.

к чешскому вопросу, показать ее отношение к деятельности чехов во Франции и чешско-русским контактам.

Большое значение для характеристики интереса французской общественности к чехам имеет выпуски газеты Le Temps. Это ежедневное издание умеренно-либерального толка появилось в 1861 г. Редактором его был Огюст Неффтзе (фр. *Auguste Nefftzer*). В отличие от ряда других французских изданий того времени, информация о чехах в ней начала появляться уже в начале 1860-х гг. Она касалась не только политики, но и культуры. Газета затрагивала такие важные вопросы, как политическая деятельность чехов в рейхсрате, споры между старочехами и младочехами, их отношение к премьер-министру Рихарду Белькреди, поездка чешской делегации на славянский съезд, меморандум Ригера Наполеону III и т.д. В настоящем исследовании задействовались материалы 1861–1870 гг. В общем и целом они имеют взвешенную, сдержанную оценку чешских сюжетов.

К исследованию привлечены материалы других крупных французских изданий того времени: La Liberté, Le Mémorial diplomatique, Le Pays, L'Univers, Journal des Débats.

В диссертации также проанализированы источники **публицистического характера.** Подобные публикации имеют определенный эмоциональный заряд и ангажированность. Субъективное начало таких источников играет значительную роль.

Заметными в чешской публицистике были выступления членов Национальной партии. Статьи наиболее крупных из них иногда издавались в виде сборников. Так, например, по случаю 75-летия Ф. Палацкого были изданы его небольшие работы и статьи из области эстетики, литературы, истории и политики. Это издание в трех томах получило название Radhost. В исследовании использовался третий том, содержащий политические размышления «отца нации»[344]. Для нас было важным приобщить к

[344] *Palacký F.* Radhost. Sbírka spisův drobných z oboru řeči a literatury české, krásowědy, historie a politiky. Díl třetí. Spisy z oboru politiky. Praha, 1873.

исследованию его работы «Письмо во Франкфурт» (апрель 1848 г.) а также «Чешский вопрос в наше время» (февраль 1864 г.), изданного в недоступном для нас издании Národ.

Схожий по форме и содержанию труд связан с именем яркого младочешского представителя К. Сладковского. В конце XIX в. увидел свет сборник «Избранное из политических речей и размышлений д-ра Карла Сладковского»[345]. Издание подготовил младочех Сервац Геллер, желая выразить почтение уже покойному деятелю. В качестве источников для диссертации использованы статьи Сладковского в печати 1860-х гг., посвященные его восприятию межславянского сотрудничества и пассивной оппозиции. Чтобы проиллюстрировать позиции старочешских оппонентов, дополнительно привлечены сочинения и других авторов из этого круга[346].

Наконец, обратим внимание на цикл статей Ф.Л. Ригера под общим названием «Австрийские славяне и мадьяры», опубликованный в августе 1860 г. в издании Le Nord. Год спустя статьи были объединены в брошюру[347]. Это была первая попытка Ригера познакомить французскую общественность с чешским вопросом более конкретно и показать приниженное положение славян в Австрии в целом.

Вспомогательную роль играет сборник наиболее важных публикаций К. Гавличека-Боровского, вышедших в газете Pražské noviny[348]. Этот журналист, очень активный в 1840-е гг., оказал огромное влияние на чешскую общественно-политическую мысль XIX в. В наиболее известной своей статье «Славянин и чех» автор размышлял о чешско-русских, чешско-польских и чешско-югославянских отношениях, а также об их перспективах. Изучая динамику связей чехов с этими народами во второй половине XIX в. мимо этой статьи пройти невозможно.

---

[345] Výbor z politických řečí a úvah Dra. Karla Sladkovského / Ed. S. Heller. Praha, 1899.
[346] *Tonner E.* Poláci a Češi. Praha, 1863; Pouť Slovanův do Ruska roku 1867 a její význam. Praha, 1867.
[347] *Rieger F.L.* Les slaves d'Autriche et les Magyars. Paris, 1861.
[348] Karla Havlíčka Borovského politické spisy. Díl I. Pražské noviny. Praha, 1900.

Источниками, позволившими взглянуть на развитие представлений о чехах во французской интеллектуальной среде стали публицистические работы на французском языке. В исследовании проанализированы работы таких ученых и общественных деятелей, как Ж. де Сталь[349], С.-М. Жирардена[350], Ф.-Г. Эйххоффа[351], Э. Шаррьера[352], М. Шевалье[353], С. Робера[354], И. Деспре[355]. Отдельно хотелось бы отметить работы С.-Р. Тайандье[356] и Л. Леже[357], которые в 1860-е гг. занимались пропагандой чешского вопроса во Франции.

Речи и политические выступления как один из видов публицистических источников занимают в исследовании важное место. Лидер Национальной партии Ф.Л. Ригер был «человек декларативного, трибунного политического стиля»[358]. Более того, в историографии он даже называется крупнейшим оратором в чешской истории[359]. Речи и выступления рассматриваемого деятеля представлены в серии под названием «Речи др. Франтишека Ладислава Ригера и его деятельность в законодательных

---

[349] *Staël-Holstein G. de.* De l'Allemagne. T. 1, 3. Paris, 1810.
[350] *Girardin S.-M.* Notices politiques et littéraires sur l'Allemagne. Paris, 1835.
[351] *Eichhoff F.-G.* Histoire de la langue et de la littérature des Slaves, Russes, Serbes, Bohèmes, Polonais et Lettons, considérées dans leur origine indienne, leurs anciens monuments et leur état présent. Paris, 1839.
[352] *Charrière E.* La politique de l'histoire. T. 1. Paris, 1841.
[353] *Chevalier M.* Sur les gouvernemens absolus de l'Allemagne. I. – L'Autriche // Revue des Deux Mondes. Quatrième série. T. 29. № 5 (1er mars 1842). P. 743–783.
[354] *Robert C.* Le monde gréco-slave. Du Mouvement unitaire de l'Europe orientale. La Grèce, l'Illyrie, la Bohême, la Pologne, la Russie // Revue des Deux Mondes. T. 8. № 3 (1er novembre 1844). P. 427–464.
[355] *Desprez H.* Les peuples de l'Autriche et de la Turquie. Paris, 1850. T. 1.
[356] *Taillandier S.-R.* L'Autriche et la Bohême en 1869: la question tchèque et l'intérêt français // Revue des Deux Mondes. T. 82. № 3 (1er août 1869). P. 513–544. *Taillandier S.-R.* L'histoire et l'historien de la Bohème. Franz Palacky // Revue des Deux Mondes. T. 10. № 2 (15 avril 1855). P. 360–397. *Taillandier S.-R.* Le roi George de Podiebrad: Épisode de l'histoire de Bohème: I. L'élection du roi George // Revue des Deux Mondes. T. 40. № 3 (1er août 1862). P. 605–650. *Taillandier S.-R.* Le roi George de Podiebrad: Épisode de l'histoire de Bohème: II. La lutte du roi de Bohême et du Saint-siége // Revue des Deux Mondes. T. 40. № 4 (15 août 1862). P. 915–956; *Taillandier S.-R.* Le roi George de Podiebrad: Épisode de l'histoire de Bohème: III. L'anathème contre le roi George et sa mort // Revue des Deux Mondes. T. 41. № 1 (1er septembre 1862). P. 118–163. *Taillandier S.-R.* Situation intellectuelle de l'Allemagne. Vienne, Munich, Berlin // Revue des Deux Mondes. T. 4. № 1 (1er octobre 1843). P. 91–132. *Taillandier S.-R.* Tchèques et Magyars: Bohême & Hongrie, XVe siècle – XIXe siècle. Histoire – literature – politique. Deuxième édition. Paris, 1869.
[357] *Leger L.* Chants héroïques et chansons populaires des Slaves de Bohême. Paris, 1866. *Leger L.* De Paris à Prague // Revue moderne. T. 54. Quatrième livraison. 25 octobre 1869. P. 642–674. *Leger L.* La crise autrichienne. La diète de Bohême et le Fédéralisme. Paris, 1868. *Leger L.* La diète de Bohême et le Fédéralisme // Revue moderne. T. 48. Quatrième livraison. 10 octobre 1868. P. 766–781.
[358] *Doubek V.* Obraz Ruska v politice F.L. Riegra a F. Palackého… S. 54.
[359] *Řepa M.* F. L. Rieger jako řečník // F. L. Rieger a česká společnost 2. poloviny 19. století / Ed. I. Navrátil. Semily, 2003. S. 145.

собраниях». Имеется в виду последний четвертый том этого издания[360], который хронологически относится к интересующему нас периоду 1865–1867 гг.

Данные серии сборников издавалась Чешским клубом, который был организован самим лидером старочехов после отказа от тактики пассивной оппозиции в 1879 г. В подготовке тома принимал видное участие историк, правовед и доверенное лицо один из конфидентов Ригера и Палацкого Йозеф Калоусек. Он был лично знаком как с Ригером, так и его с семьей, состоял в его ближайшем политическом окружении. Мария Червинкова-Ригрова, дочь чешского политика (и одновременно внучка Ф. Палацкого), его доверенное лицо и секретарь, сопоставляла материалы и переводила речи отца, произнесенные на немецком языке[361].

Хронологическим продолжением этого пласта публикаций стало многотомное издание «Речи Франтишека Ладислава Ригера», первый том которого тоже использовался при написании диссертации[362].

Последней группой источников являются **материалы личного происхождения**. Как известно, их спецификой является большая степень субъективности их авторов.

Особое место в этом ряду занимают воспоминания Франтишека Ладислава Ригера. Они публиковались по частям под общим названием «Из собственных воспоминаний Фр. Лад. Ригера» в журнале Osvěta[363]. Их подготовил к изданию сын старочешского лидера Богуш Ригер. Первая часть мемуаров касалась поездок его отца в 1849–1850 гг. за пределы Австрийской империи. Вторая часть затрагивала политическую деятельность Ригера в монархии Габсбургов с 1865 по 1867 гг., когда премьер-министром страны был Рихард Белькреди.

---

[360] Řeči Dra. Frant. Ladisl. Riegra a jeho jednání v zákonodárných sborech. Díl IV. Z let 1865–1867. Praha, 1888.
[361] *Ibid.* S. V.
[362] Řeči dra. Frant. Lad. Riegra. Díl I. 1868–1878. Praha, 1923.
[363] *Rieger B.* Z vlastních pamětí Fr. Lad. Riegra // Osvěta. 1906. № 1–2, 4–5.

Воспоминания опубликованы без правок и снабжены необходимыми комментариями. Они во многом проливает свет на то, как старочехи вели поиск союзников в монархии Габсбургов. В них содержатся сведения о взаимоотношениях Ригера с польскими эмигрантами в Париже. Много места в мемуарах отведено совещанию австрофедералистов летом 1866 г. и переговоры с Веной в тот же период. Источник дает определенное представление и о характере взаимодействия национальных политиков с богемской шляхтой в период утверждения дуализма. Еще одним его достоинством источника является минимальная эмоциональная окрашенность. Ригер описывает происходившие с ним события в нейтральном тоне, давая взвешенные оценки.

Не менее ценными мемуарами являются «Мысли и воспоминания» министра-президента Пруссии, канцлера Германской империи Отто фон Бисмарка. Он начал их как своего рода политическое завещание – сразу после отставки в 1890 г. Первые два тома вышли в 1898 г., а третий – лишь спустя двадцать лет. В диссертации использован русскоязычный перевод второго тома под редакцией Л.С. Ерусалимского, вышедшего в 1941 г.[364] Он охватывает период с 1863 по 1888 гг. и содержит множество интересных подробностей о прусской (потом германской) внутренней и внешней политике, о прусско-австрийских отношениях. Однако их история в изложении Бисмарка крайне мало пересекается с чешскими сюжетами. Принципиальное значение для анализа расклада сил в Центральной Европе в 1866–1871 гг. имеют свидетельства о переговорах в Никольсбурге (Микулове) в ходе австро-прусской войны 1866 г.

Мемуары О. Бисмарка отчасти дополняют воспоминания его австро-венгерского визави Ф. Бойста. Интерес представляет его реакция на «Промеморию чешских либеральных политиков о внешней политике», поскольку сановник зачастую был идеологическим противником

[364] *Бисмарк О.* Мысли и воспоминания. Т. 2. М., 1940. Советское издание основано на следующей немецкоязычной публикации: Bismarck O. von. Gedanken und Erinnerungen. Neue Ausgabe. Bd. II. Stuttgart – Berlin, 1922.

Национальной партии. Кроме этого, важно обратить внимание на переговоры Франца Иосифа I, Вильгельма I, Бойста и Бисмарка в Зальцбурге и Гаштейне (1871 г.), тоже освещенные в мемуарах. В работе использовался англоязычный перевод, изданный бароном Г. де Вормсом с согласия самого Бойста[365].

Важное значение имеют воспоминания еще одного государственного деятеля Австро-Венгрии – А. Шеффле[366]. Он был министром торговли в цислейтанском правительстве К. Гогенварта (февраль-октябрь 1871 г.). Оба деятеля от лица властей вели переговоры с чехами о новом статусе Богемии в рамках западной половины монархии. Мемуары Шеффле незаменимы при анализе его встреч с пражскими политиками и Фундаментальных статей. Однако они писались спустя долгие годы после австро-чешских переговоров и содержат ошибки[367].

Автором последних воспоминаний, которые следует упомянуть в этом разделе, является Луи Леже. Друг Ригера и Палацкого, пропагандировавший во Франции их трактовку чешского вопроса. Первые свои воспоминания о взаимодействии с политиками из Богемии он опубликовал в 1898 г. Это был сборник в честь 100-летия со дня рождения Палацкого[368]. Информация о его поездке в Париж весной 1867 г. свидетельствует о примечательной встрече чехов с польской консервативной эмиграцией. При написании этих фрагментарных мемуаров Леже отнес встречу Ригера с доверенным лицом Наполеона III мадам Корню к 1867 г. [369]. Между тем она произошла двумя годами позже.

В начале XX в. Леже издал полноценную книгу со своими воспоминаниями, куда включил и более ранние эпизоды, посвященные

---

[365] Memoires of Count Friedrich Ferdinand von Beust written by himself. Vol. 2 / Ed. H. de Worms. London, 1887.
[366] *Schäffle A.* Aus meinem Leben. Bd. I–II. Berlin, 1905.
[367] В частности, он причислил Ф.А. Браунера к младочехам, что является довольно грубой ошибкой. *Schäffle A.* Aus meinem Leben. Bd. II… S. 10.
[368] *Leger L.* Vzpomínka na Františka Palackého // Památník na oslavu stých narozenin Františka Palackého. Praha, 1898. S. 153–157.
[369] *Ibid.* S. 155.

Палацкому (впрочем, без некоторых деталей)[370]. В ней он описывает весь свой путь как слависта. Довольно много сюжетов в сочинении связано с чехами. Речь идет уже не только о поездке Палацкого и Ригера в Париж в 1867 г., но и повторном приезде последнего спустя два года. В целом мемуары Леже имеют непреходящее значение при изучении чешско-французских связей XIX – начала XX вв.

Среди источников личного происхождения интерес представляют **дневники**. Их особенностью является то, что они составляются «по горячим следам». Информация в них бывает точнее воспоминаний. С другой стороны, впечатления от тех или иных событий могут быть более острыми и менее взвешенными.

Так, записи Эдуарда Грегра (одного из лидеров младочехов) должны были стать основой для будущей автобиографии и воспоминаний. Однако этот чешский деятель умер, не успев осуществить свой замысел. После него в хаотичном виде остались многочисленные записи, заметки. Зденек Тоболка составил из них единое целое и издал в виде дневника, охватывающего 1848–1907 гг. Источник опубликован в двух томах, в диссертации использовался первый том[371].

Его материалы дополняют Národní listy, дневник иллюстрирует взгляды младочеха на Францию и Россию как потенциальных чешских союзников, а также содержит реакцию на действия старочехов (особенно это касается меморандума Ригера Наполеону III). Благодаря формату источника свидетельства Грегра самым непосредственным образом привязаны ко времени событий. А издание записей Тоболкой помогло избежать вероятных правок со стороны их автора.

[370] *Leger L.* Souvenirs d'un slavophile. Paris, 1905.
[371] *Grégr E.* Deník. Díl I. 1848–1870. Praha, 1908.

Большое значение для нашей работы имел дневник Йозефа Калоусека. Он был опубликован в трех томах в 2016 г. Это прекрасное академическое издание, составленное историками М. Клечацким, П. Фабини, Л. Велеком[372].

Будущий историк и правовед был изначально близок к младочехам, но в 1865 г. вошел в ближайшее окружение Ригера и Палацкого. В своих записях автор часто ссылается на лидера Национальной партии, который, если верить Калоусеку, сам делился с другом непубличной информацией политического свойства. Дневник дает историку очень богатый материал о повседневности чешского интеллигента, отношениях внутри Национальной партии, взглядах и устремлениях их лидеров, непростой судьбе издания Národ. Особенно это касается восприятии старочехами австро-прусской войны, совещания австрофедералистов, поездок Ригера в Париж в 1867 и 1869 гг., его котактов с российским дипломатом Е.П. Новиковым. К сожалению, крайне мало информации о поездке чешской делегации на Славянский съезд 1867 г.

Важное место в работе занимает такой вид источников, как *корреспонденция*.

Наиболее значительной публикацией для нас стали «Заметки к эпистолярному наследию Др. Франт. Лад. Ригера»[373]. Этот сборник с избранной переписки чешского политика был составлен Яном Гейдлером. Публикация вышла посмертно: Гейдлер умер в 1923 г.

Широкие хронологические рамки корреспонденции позволяют восстановить панораму контактов Ригера. Список его адресатов объемен. Среди них есть те, на кого он делал ставку в качестве союзников: Й.Я. Клам-Мартиниц, Ф. Смолька, А. Лефевр, Э. Пико, А. Пражак и др. Косвенно в письмах упоминаются и другие деятели (например, Й. Штросмайер). Важными для анализа стали письма его ближайшим сподвижникам: Ф.

[372] Издание снабжено подробнейшим справочным аппаратом, комментариями, переводом с французского и немецкого языков. В диссертации использовались первые два тома. Deníky Josefa Kalouska. Díl I–II / Ed. M. Klečacký, P. Fabini, L. Velek. Praha, 2016.

[373] Příspěvky k listáři Dra Fr. Lad. Riegra. Díl 1. Z let 1836 až 1871 / Ed. J. Heidler. Praha, 1924; Příspěvky k listáři dra Frant. Lad. Riegra. Díl II. Z let 1872 až 1903 / Ed. J. Heidler. Praha, 1926.

Палацкому, жене Марии, О. Цейтгаммеру. В них он писал о своих намерениях, о результатах той или иной деятельности.

Корреспонденция в сборнике касается практически всех важных событий по поиску Ригером союзников. В частности, речь идет о поездках во Францию в 1849, 1867, 1869 гг., в Россию в 1867 г., встречи с австрофедералистами в Вене в 1866 г., выступлении с «Промеморией чешских политиков о внешней политике» в 1870 г., а также период борьбы за Фундаментальные статьи в 1871 г.[374]

В этой же серии была аналогичным образом издана корреспонденция лидера моравских автономистов, соратника старочехов А. Пражака[375]. Данный сборник, подготовленный Франтишеком Каменичеком, играет вспомогательную роль, свидетельства из него дополняют картину из других источников.

Пролить свет на взгляды другого лидера Национальной партии Палацкого помогает его письма сыну Яну, опубликованные в журнале Osvěta[376]. Ее издателем стал историк, этнограф и фольклорист Ченек (Винценц) Зибрт (1864–1932 гг.). в большинстве своем послания «отца нации» имеют применительно к нашему периоду в основном личный характер. Но несмотря на это, из корреспонденции рубежа 1850–1860-х гг. можно узнать, например, о представлениях историографа касательно России и Франции как потенциальных союзников. В материале также есть любопытные сведения, связанные с отношением Палацкого к французским деятелям, интересовавшимся чехами: И. Деспре, С.-Р. Тайандье, С. Робер.

Хорошим дополнением к вышеназванному источнику являются письма Палацкого российскому слависту В.И. Ламанскому начала 1860-х гг. Они изданы в сборнике «Документы к истории славяноведения в России (1850–

[374] Письма представлены в сборнике на чешском, немецком и французском языках. К сожалению, публикация не снабжена всем необходимым научно-справочным аппаратом.
[375] Paměti a listář Dra Aloise Pražáka. Díl druhý. Listář z let 1849–1901 / Ed. F. Kameníček. Praha, 1927.
[376] *Zíbrt Č.* Z dopisů Františka Palackého synu Janovi 1848–1874 // Osvěta. 1909. S. 150–162.

1912)»[377]. Редактором выступил крупный историк Б.Д. Греков, а составителями – член Комиссии по истории АН СССР В.Р. Лейкина-Свирская и сотрудник Ленинградского отделения Института истории АН СССР Л.В. Разумовская. Этот труд был призван показать через переписку российских ученых с их коллегами из славянских земель, как развивалась славистика в империи Романовых. Палацкий в своих письмах начала 1860-х гг. делился с Ламанским своим мнением о России и Великих реформах Александра II.

Позицию руководства Национальной партии в отношении России также помогают раскрыть благодарственные письма Ф.Л. Ригера и Ф. Палацкого российскому посланнику в Австрийской империи В.П. Балабину. Аналогичное значение имеет и письмо чешского историка А. Шемберы знаменитому этнографу и фольклористу К. Я. Эрбену. Их опубликовал один из крупнейших чехословацких специалистов по чешско-российским отношениям В. Чейхан в одной из своих статей[378].

По-прежнему не теряет актуальности фундаментальное издание «Зарубежные славяне и Россия. Документы архива М.Ф. Раевского. 40–80 годы XIX в.», составленное И.В. Чуркиной и В. Матулой[379]. В этом сборнике представлена корреспонденция протоиерея церкви при российском посольстве в Вене М.Ф. Раевского с представителями славянских народов по многим общественно-культурным направлениям. Кроме того, переписка с чехами свидетельствует о попытках некоторых из них завязать политические контакты с российскими представителями. Уже в начале XXI в. историк В. Доубек реализовал проект «Пути на восток. Чехи в корреспонденции М.Ф. Раевского»[380]. Несмотря на то, что ряд писем из этого издания был

[377] Документы к истории славяноведения в России (1850–1912) / под общ. ред. Б.Д. Грекова. М. – Л., 1948.
[378] Dopis A. V. Šembery K. J. Erbenovi // *Čejchan V.* Carské řády Čechům roku 1862 (příspěvek k otázce českého rusofilství). Příloha č. 1. // Sborník prací Filozofické fakulty brněnské univerzity. C, Řada historická. 1961. roč. 10. č. C8. S. 392–393. Dopis Fr. Palackého ruskému vyslanci V. P. Balabinovi // *Ibid.* Příloha č. 2. S. 393. Dopis Fr. L . Riegra ruskému vyslanci V. P. Balabinovi // *Ibid.* Příloha č. 3. S. 394.
[379] Зарубежные славяне и Россия. Документы архива Раевского. 40–80 годы XIX в. / Сост. В. Матула, И.В. Чуркина. М., 1975.
[380] Cesty na východ. Češi v korespondenci M. F. Rajevského / Ed. V. Doubek. Praha, 2006.

заимствован из сборника «Зарубежные славяне и Россия», книга, подготовленная Доубеком, содержит корреспонденцию протоиерея, опубликованную впервые.

В качестве вывода можно резюмировать, что описанная источниковая база является достаточно разносторонней, чтобы раскрыть тему и выполнить цели и задачи исследования.

Глава 1. Предпосылки и генезис чешского русофильства и франкофильства. Поляки и югославяне в контексте австрославистской программы чехов (первая четверть XIX в. – 1850-е гг.)

1.1. Чешская элита и Россия: от романтического русофильства через его отрицание к началу политических контактов

На рубеже XVIII–XIX вв. чешский этнос в монархии Габсбургов был в числе тех, кому еще предстояло сформировать отчетливую национальную идентичность. Для этого, как считает историк Р. Влчек, представители чешской интеллигенции наряду с другими инструментами использовали аргументацию, характерную для немецкого национального движения. В свою очередь, немцы, не имея собственного государства, связывали свою идентичность с категорией «народ» (нем. *das Volk*). Такая самоидентификация обосновывалась наличием собственного языка и тем, что с ним тесно связано: литературой, искусством, историческими традициями[381]. Западные и южные славяне, использовали подобную трактовку, присовокупив к ней идею о естественном праве нации на существование[382].

Чешские представители, окруженные немецкой средой, в поисках союзника стали обращать свой взор на большую славянскую семью. Они поддержали и развили концепцию славянской общности. Йозеф Добровский использовал идеализированный Гердером образ славянства и России для

---

[381] Эти идеи восходили к немецкой романтической философии и особенно к взглядам Иоганна Готфрида Гердера и Августа Людвига Шлёцера. Известно также, что Гердер идеализировал славян и даже провозглашал, что будущее мира находится в их руках. Это становилось еще одним источником вдохновения для славянской интеллигенции. Популярны в ту эпоху были и взгляды Фридриха Шеллинга. Он считал, что каждый народ, когда настанет его время, определяемое волей Провидения, может выйти на авансцену мировой истории. Он сможет внести свой неоспоримый вклад в развитие мировой цивилизации, но при условии, что он осознает и разовьет в себе собственные национальные «стихии». Соответственно, такой народ должен отказаться от напрасного подражания иноземному. *Vlček R.* Panslavismus a národy habsburské monarchie. Úvod do problému// *Dominik Hrodek a kol.* Slovanství ve středoevropském prostoru. Iluze, deziluze a realita. Praha, 2004. S. 9; *Досталь М.Ю.* Всеславянский аспект теории официальной народности // Славяноведение. 1999. № 5. С. 54.

[382] Еще одним источником влияния стали идеалы Просвещения, Французской революции (конкретно – Декларации прав и свобод 1795 г.). Они продвигали идею, что нация сотворена именно народом, а не элитой или каким-либо более развитым сообществом. *Vlček R.* Panslavismus a národy habsburské monarchie. Úvod do problému… S. 10.

обоснования культурно-цивилизационной схожести славянских народов[383]. Йозеф Юнгманн, Ян Коллар, Павел Йозеф Шафарик, Вацлав Ганка, Франтишек Ладислав Челаковский – одни из наиболее известных чешских будителей – внесли свой вклад в разработку этой теории. Они видели в славянстве лишь ступень на пути от «чешскости» к широко понимаемой гуманности[384].

В основе апелляции к большой славянской общности лежало так называемое славянство, о котором уже шла речь во введении. Чешский историк В. Доубек считает поворот малых народов к этой идее закономерным. Он указывает, что они попытались использовать в своих целях уже существовавшие в Европе представления об обширных культурно-цивилизационных целых. В этом ракурсе утверждалась мысль о жизнеспособности лишь крупных централизованных государств[385].

Упор на славянскую общность гарантировал необходимые условия для расширения национальной агитации. Апелляция к ней стала незаменимым инструментом в процессе формирования чешской нации. Это было средство национальной самоидентификации, своего рода точка опоры. Формирующаяся чешская национальная среда на этом фоне выражала готовность идти на жертвы во имя большой идеи и ожидала от других такую же увлеченность и готовность руководствоваться хотя бы общими интересами[386].

Наиболее ярким проявлением подобных настроений стала концепция словацкого поэта Яна Коллара. Ее автор сосредоточился на идее культурного сотрудничества славян, при этом он строго придерживался принципа легальности и всегда был лоялен трону. Последователи Коллара

---

[383] *Ibid.* S. 11.
[384] Slovanství, panslavismus a rusofilství // *Hlavačka M. a kol.* České země v 19. století… S. 294.
[385] *Doubek V.* Česká politika a Rusko… S. 36.
[386] *Ibid.* В некоторых случаях такие идеи доходили до крайности. Например, Йозеф Юнгман, внесший весомый вклад в формирование чешского литературного языка, при необходимости был готов им пожертвовать в пользу общеславянского письменного языка. Как он считал, в случае угрозы чехи остались бы по крайней мере славянами. *Šesták M.* České slovanství a František Palacký // František Palacký 1798/1998, dějiny a dnešek. Sborník z jubilejní conference / Ed. F. Šmahel. Praha, 1999. S. 375.

способствовали более интенсивному обмену культурными ценностями и сближению чехов и словаков или хорватов, сербов и словенцев.

В рамках славянской взаимности образ России в чешской среде не избежал идеализации. Большую надежду и энтузиазм вызвали победы этой державы над Наполеоном. Так, один из ярчайших будителей Й. Юнгман и его окружение полагали, что поражение французского императора приведет к дальнейшему сближению славян[387]. Ширилось восприятие «северного колосса» как своего рода «последней инстанции» по защите чехов и вообще всех славянских народов[13].

Пророссийские настроения среди чехов изначально развивались в рамках всеславянства. Конечно, речь шла об иллюзорных представлениях, обусловленных скудными сведениями о восточной державе[388]. За исключением Добровского никто из его современников не посетил Россию. При этом в мыслях этого крупного научного и культурного деятеля русофильство соседствовало с проавстрийскими настроениями[389]. Тем не менее некритичное, наивное восприятие России мобилизовывало и усиливало шаткое на тот момент национальное самосознание. В историографии указывается, что предметного интереса к России на рассматриваемом этапе фактически не существовало[390].

Первые критические голоса в адрес Санкт-Петербурга появились в 1825 г. в связи с подавлением восстания декабристов[391]. Но громче они стали звучать в начале 1830-х гг. В это время славянам уже необходимо было

---

[387] *Švankmajer M.* Počátky českého rusofilství. K problematice jejich studia // Slovanské historické studie VII. Príspěvky k VI. mezinárodnímu sjezdu slavistů v Praze 1968. Praha, 1968. S. 185. При этом, по мнению автора, уже в начале XIX в. отношение чешского общества к России было намного сложнее, чем может показаться. Шванкмайер призывает не отождествлять мнение будителей и народа в целом о восточной державе, основываясь на т.н. «народных хрониках» и свидетельствах «писмаков» (чеш. písmák). Так называли выходцев из народа, занимавшихся самообразованием (особенно изучением Библии) и творчеством, хранивших местные (в том числе религиозные) традиции. Шванкмайер пытался показать разнообразие оценок в отношении России и русских среди чешских низов.

[388] Slovanství, panslavismus a rusofilství // *Hlavačka M. a kol.* České země v 19. století… S. 299–300.

[389] *Šesták M.* České slovanství a František Palacký // František Palacký 1798/1998, dějiny a dnešek. Sborník z jubilejní conference / Ed. F. Šmahel. Praha, 1999. S. 374–375.

[390] *Doubek V.* Česká politika a Rusko v korespondenci M. F. Rajevského // Cesty na východ… S. 5.

[391] *Доубек В.* Между Веной и Москвой. Славянская концепция и образ России в чешском обществе XIX в. // Родина. 2001. Январь–февраль. С. 106.

реагировать на сложные политические проблемы в Европе[392]. Революции в ней вызывали среди интеллектуалов важные дискуссии. Речь шла о включении населения в национальное движение, способах достижения гражданских свобод, окончательной форме самоопределения. Усиливавшийся либерализм чешской интеллигенции влиял на ее понимание славянского вопроса и наоборот[393].

Например, Палацкий, руководствуясь либеральными ценностями, критиковал государства, входившие в Священный союз, а именно Пруссию и Австрийскую империю. Он считал их абсолютистскими тираниями. Однако о России, тоже являвшейся членом этого охранительного альянса, он был другого мнения: ведь Александр I в 1815 г. даровал Царству Польскому конституцию[394]. Причем империю Романовых наряду с Великобританией он наделял особой миссией – удерживать политическое равновесие в Европе[395]. По мнению В. Гостички, Палацкий тогда симпатизировал России не потому, что она была славянской, – страна казалась ему демократической или по крайней мере более демократической, чем монархия Габсбургов[396]. В любом случае примечательно, что позиция будущего «отца нации» вышла за рамки славянской идеи и чешского национального движения. Он уже тогда демонстрировал собственное видение международных отношений.

Колларовское всеславянство не могло стать действенной программой для продвижения подобных взглядов. Также оно потенциально оказывалось бессильным перед лицом значимого межславянского конфликта. Пример этому – Ноябрьское восстание в Царстве Польском (1830–1831 гг.). В результате восприятие России в чешской среде стало более дифференцированным. Призывы разделять официальную Россию и русский

---

[392] Как известно, между Венским конгрессом (1815 г.) и «весной народов» (1848–1849 гг.) Европу сотрясла цепь революций: в Испании (1820–1823 гг.), Португалии (1820 г.), Неаполе (1820–1823 гг.), Пьемонте (1821 г.), Франции (1830 г.), Бельгии (1830 г.). К этому ряду можно отнести также греческое национально-освободительное движение (1821–1829 гг.) и восстание декабристов в России (1825 г.).

[393] *Hostička V.* Polské povstání 1830–1831 a jeho vliv na českou společnost // Slovanství v národním životě Čechů a Slovaků / Ed. V. Šťastný. Praha, 1968. S. 122.

[394] *Ibid.* S. 124.

[395] *Ibid.*

[396] *Ibid.*

народ были предпосылкой к формированию критического взгляда на ее систему правления[397]. Тем не менее русофильство оставалось «незаменимым помощником» для чехов, их понимания славянского мира, которое начинало конкретизироваться[398]. Этот процесс был вызван как демонстрацией солидарности с поляками, так и осознанием, что интересы у славян могут быть разными, если не сказать противоположными[399]. Он шел бок о бок с политизацией общественной мысли и вел к появлению более «предметных» течений, направленных на поиск союзников (например, полонофильство или иллиризм). При этом отправной точкой был интерес и потребности собственного народа.

Отход от иллюзорного понимания славянства и исключительного почитания России зависел от все более четкого осмысления реальных политических целей. То же самое касалось появления собственной репрезентации для их продвижения[400]. При этом среди мало информированных слоев чехов романтическая идеализация России имела место еще долгое время[401].

В качестве предварительного вывода можно отметить, что в первой трети XIX в. внимание к восточному соседу было теснейшим образом связано с процессом формирования чешской нации. И подвижки в этом восприятии зависели от событий и идей, влияющих на национальное строительство. Т.к. ключевой вклад в начало формирования нации внесли будители, т.е. прежде всего ученые и интеллектуалы, именно в их среде произрастал интерес к России. Объективную роль играла удаленность чешских земель от этой страны. К тому же они не были центром империи, где могли бы пребывать официальные зарубежные представители.

Важным рубежом в развитии российского интереса к славянам, по мнению Е.А. Дудзинской, стали 20–30-е гг. XIX в. В тот период в

---

[397] *Досталь М.Ю.* И.И. Срезневский и его связи с чехами и словаками. М., 2003. С. 202.
[398] Slovanství, panslavismus a rusofilství // *Hlavačka M. a kol.* České země v 19. století… S. 299–300.
[399] *Šesták M.* České slovanství a František Palacký... S. 378.
[400] *Doubek V.* Česká politika a Rusko… S. 37.
[401] Slovanství, panslavismus a rusofilství // *Hlavačka M. a kol.* České země v 19. století… S. 299–300.

общественной и академической среде он приобрел определенную направленность. В этом отношении важна фигура А.С. Хомякова – одного из важнейших представителей славянофилов[402]. При изучении интереса этих деятелей к славянам необходимо помнить, что их взгляды не были постоянны и эволюционировали во времени[403]. Кроме этого, члены кружка обращались к славянской тематике в разной степени[404].

Следует заметить, что источники для интеллектуальных поисков были одинаковы и для чешской национально мыслящей интеллигенции, и для славянофилов. Это не выглядит удивительным. С одной стороны, немецкая романтическая философия была популярным (если не сказать модным) веянием того времени. С другой стороны, она также предлагала, по сути, идейную почву для развития национализма. Некоторыми историками считается, что славянофилы были как раз его носителями в России[405].

Воззрения на славянство у этих деятелей имели важное отличие от позиций чешской национальной интеллигенции: у первых оно приобретало великодержавный оттенок. Для некоторых славянофилов было свойственно религиозно-философское восприятие прошлого и настоящего славян[406]. За малыми исключениями для представителей кружка было характерно мнение о противоположности западной (романо-германской) и восточной (греко-славянской) цивилизаций. Также их идеология содержала мысль о приоритете национального над общеславянским. Отсутствие давления или угроз по отношению к русскому народу в России никак не могло привести славянофилов к необходимости апеллировать к большому славянскому целому. Этот защитный механизм был просто не нужен. А великодержавный статус России, совмещенный с вопросом о русских национальных интересах

---

[402] *Дудзинская Е.А.* Русские славянофилы и зарубежное славянство // Методологические проблемы истории славистики. Отв. ред. В.А. Дьяков. М., 1978. С. 264–265.
[403] *Досталь М.Ю.* Славянский мир и славянская идея в философских построениях и «практике» ранних славянофилов // Славянский альманах. 2000. С. 89–90.
[404] *Ivantyšynová T.* K názorom slavianofilov na postavenie Čechov a Slovákov v Rakúsku v šesťdesiatych rokoch 19. storočia // Slovanské štúdie XVI. Bratislava, 1975. S. 145.
[405] *Досталь М.Ю.* Славянский мир и славянская идея... С. 88; *Doubek V.* Česká politika a Rusko… S. 44–45;
[406] *Ivantyšynová T.* Česi a Slováci v ideológii ruských slavianofilov… S. 45–47; *Doubek V.* Česká politika a Rusko… S. 44–45.

и религиозно-философским пониманием истории, заставлял часть славянофилов смотреть на славянскую общность скорее как на объект, чем на субъект. Эти взгляды, а также контакты со славянами (и конкретно с чехами) будут постепенно развиваться в последующие десятилетия.

Именно в 30-е гг. зарождаются регулярные чешско-российские связи в общественной и научно-культурной сфере. При этом в России происходит то, чего не могло произойти в чешских землях. Речь идет о появлении интереса к зарубежным славянам в правительственной среде. Он в определенной степени затрагивал и чешские земли.

В своем недавнем исследовании О.В. Павленко показала, что уже в 1838 гг. Николай I обратил внимание на славянскую проблематику и этнорелигиозную ситуацию в Австрийской империи[407]. 6 декабря 1838 г. один из влиятельнейших сановников николаевской эпохи, министр народного просвещения Сергей Семенович Уваров подал царю докладную записку. В ней он предлагал оказать финансовую помощь чешским ученым Вацлаву Ганке и Павлу Йозефу Шафарику[408]. Вряд ли такой выбор был случаен: оба были не только интеллектуалами, сделавшими вклад в славистику, но и заметными русофилами.

Стоит обратить внимание на фигуру М.П. Погодина. Он вдохновлялся трудами славянских коллег, проникнутыми духом немецкой романтической философии. В своих лекциях (рубеж 1830-х и 1840-х гг.) под общим названием «Исторические афоризмы» он указывал на специфические особенности русской и славянской истории. Он также рассуждал, что она противоположна истории народов Западной Европы. Погодин был осведомлен о деятельности будителей, познакомился с П.Й. Шафариком,

---

[407] *Павленко О.В.* Славянский фактор в идеологии и внешней политике Российской империи и монархии Габсбургов… С. 131–132.

[408] *Рокина Г.В.* Путешествия российских ученых в славянские земли и их роль в формировании отечественного славяноведения в первой половине XIX века // Запад – Восток. Научно-практический ежегодник. 2013. № 6. С. 42, 46.

Ф. Палацким[409]. Российский историк являлся по своим политическим взглядам убежденным консерватором. Он симпатизировал правительственному курсу и разделял теорию официальной народности, сформулированную его другом С.С. Уваровым.

Погодин верил в пророссийские симпатии австрийских славян. Более того, ученый полагал, что они якобы хотят отделиться от монархии Габсбургов и образовать славянское федеративное государство во главе с Россией от «Восточного океана до Адриатического моря». Учитывая эти симпатии, историк предлагал ряд мер по усилению российского влияния среди австрийских славян[410].

О.В. Павленко считает, что Погодин якобы намеренно умолчал о своих истинных наблюдениях, что на самом деле «славянская интеллигенция испытывает лояльность к трону Габсбургов и не торопится проявлять симпатии к России»[411]. Убежденный в необходимости сближения австрийских славян с Санкт-Петербургом, он рассматривал данный вариант как безусловную для них выгоду. И в достижении этой цели даже допускал манипуляции[412].

Таким образом, можно признать, что к рубежу 30–40-х гг. XIX в. в высших властных структурах России начали обращаться к славянскому вопросу. Через это общее (и тайное) внимание к славянам чешско-российские связи приобретали дополнительные измерение и импульс. Хотя царское правительство по-своему реагировало на зародившийся интерес к народам,

---

[409] *Тесля А.* «Славянский вопрос» в публицистике М.П. Погодина 1830–1850-х гг. // Социологическое обозрение. 2014. Т. 13. № 1. С. 121; *Laptěvová L.P.* František Palacký a Rusko // František Palacký 1798/1998, dějiny a dnešek. Sborník z jubilejní conference / Ed. F. Šmahel. Praha, 1999. S. 404.

[410] Погодин хотел, чтобы Россия отказалась от своего проавстрийского и отчасти проосманского курса и сблизилась со славянскими национальными движениями. В этом процессе ученый не видел противоречия с антиреволюционным вектором российской политики. Ведь «он рассматривал славянские народы как естественных союзников России в укреплении ее влияния в Центральной и Юго-Восточной Европе» *Досталь М.Ю.* «Славянский вопрос» в мировоззрении С.С. Уварова // Славянский альманах. 1997. С. 107.

[411] *Павленко О.В.* Славянский фактор в идеологии и внешней политике Российской империи и монархии Габсбургов… С. 132.

[412] Г.В. Рокина по материалам РГИА установила, что донесение Погодина было представлено С.С. Уваровым императору. На докладной записке министра (23 февраля 1840 г.) сохранились пометы Николая I: «Очень любопытно, но требует большой осторожности. 2 тысячи серебром выдать можно». Следовательно, интерпретация М.П. Погодиным стремлений австрийских славян, в том числе чехов, к культурному и духовному сближению вызвала интерес со стороны императора. *Рокина Г.В.* Путешествия российских ученых в славянские земли… С. 45.

родственным русскому, оно с большой настороженностью относилось к славянофилам и их сторонникам. Власть опасалась откликов и роста сочувствия русской общественности к национально-освободительной борьбе славян. Кроме того, она не желала осложнять отношения с союзной Габсбургской монархией, а также нарушать статус-кво с Османской империей[413].

Не стоит переоценивать растущее внимание к славянскому вопросу в России в 1830-е гг. Проблемы славян обсуждались весьма узким кругом лиц. Причем для российской и чешской сторон определяющим было обращение к славянскому миру в целом. Очевиден и прагматизм: если чешские представители смотрели на империю Романовых как на потенциальную защитницу, то некоторые российские деятели (М.П. Погодин, А.С. Хомяков, С.С. Уваров, Николай I) воспринимали славян (в т.ч. чехов) как объект политического интереса.

В 1840-е гг. наметившиеся тенденции продолжали развиваться. Очень важно отметить рост взаимодействия между чешскими будителями и славянофилами, которые все чаще посещали чешские земли. Итогом их путешествий стала публикация статей, брошюр, отрывков из писем и дневниковых записей. В них они описывали свои впечатления от контактов с зарубежным славянским миром и излагали своеобразный взгляд на роль славянских народов в истории. В целом уровень информации о положении славян оставался низким[414].

Особое место в сложившихся условиях занимает фигура Карела Гавличека, в силу обстоятельств работавшего в семье профессора Московского университета С.П. Шевырева[415]. Его заинтересовали политические конструкции славянофилов и также привлекала мысль о приоритете интересов, касающихся России, над славянским контекстом. При

---

[413] *Досталь М.Ю.* И.И. Срезневский и его связи с чехами и словаками… С. 103; *Ivantyšynová T.* Česi a Slováci v ideológii ruských slavianofilov… S. 49.
[414] *Ibid.* S. 48, 80.
[415] *Doubek V.* Česká politika a Rusko… S. 39, 42–43.

этом Гавличеку не был близок имперский, великодержавный оттенок таких взглядов[416]. Именно знакомство со славянофилами позднее «вдохновило» этого деятеля на одну из важнейших идей в чешской общественно-политической мысли XIX в., высказанную в статье «Славянин и чех» (1846 г.)[417]. В ней он выступил (по сути, как славянофилы) за приоритет национального по отношению к общеславянскому. Гавличек писал, что славяне – «этнографическая категория», а сближаться они могут лишь на основе близких и взаимовыгодных интересов. Поэтому, по его мнению, абстрактная всеславянская идея не может стать надежной основой для чехов, чувствующих угрозу со стороны немцев. Учитывая последнее обстоятельство, Гавличек видел монархию Габсбургов гарантом безопасности для чехов. Таким образом, он сформулировал важнейшие постулаты австрославизма еще до Палацкого[418]. Р. Влчек называет эту концепцию «самой отчетливой из конкретизировавшихся форм славянства»[419].

Нужно отметить, что этот комплекс идей уже изначально имел в себе не только внутриполитическое измерение. Угрозу со стороны немцев как обоснование данной идеи можно рассматривать в плоскости национализма. Но при этом одним из существенных факторов, который приобретал все более очевидный вес, был акцент на опасности со стороны России. Стоит обратить внимание на эту позицию, ведь журналист оказал огромное влияние на идеологическую составляющую чешской политики в период ее становления. Гавличек считал русский народ при всей родственности языков, происхождения и обычаев чуждым чехам[420]. Он отмечал, что русские понимают всеславянство совершенно по-своему. Панслависты в России,

---

[416] *Ibid.* S. 44–45.
[417] *Ibid.* S. 45.
[418] *Šolle Z.* Století české politiky. Počatky moderní české politiky od Palackého a Havlíčka až po realisty Kaizla, Kramáře a Masaryka. Praha, 1998. 33–34.
[419] *Vlček R.* Panslavismus a národy habsburské monarchie. Úvod do problému... S. 12.
[420] Slovan a Čech // Karla Havlíčka Borovského politické spisy. Díl I. Pražské noviny. Praha, 1900. S. 58.

утверждал он, мечтают об объединении славян под крылом двуглавого орла, полагая, что чехи и «иллиры» будут рады такому исходу событий[421].

«Мы чехи и чехами собираемся остаться навсегда, и мы не хотим стать ни немцами, ни мадьярами, ни русскими и поэтому будем к русским холодны, мы не хотим их даже ненавидеть», – подчеркивал Гавличек[422]. Он надеялся, что его народу удастся в будущем обогнать русских в литературе, искусстве и «вообще в счастье народном» благодаря трудолюбию, «лучшей исторической основе» и благоприятным условиям в сфере всеобщего образования[423].

Таким образом, Гавличек, критикуя представителей России за агрессивные взгляды в отношении славян, предлагал чехам держать дистанцию в контактах с этой страной. Он считал, что она не может быть полезной для чешского национального дела. Аргументами для этого прямо или косвенно могут служить и развитость чешских земель, и наличие австрийской монархии как гаранта их безопасности. По нашему мнению, Гавличек, что очень важно, делал своеобразную заявку на будущее и желал лидерства чехов в славянском мире. С точки зрения В. Доубека, его призывы соответствовали растущим претензиям Праги как самобытного центра славянской жизни в геополитической реальности Австрийской империи. Этому процессу поначалу не хватало политического простора, но он был обретен в 1848 г.[424]

В середине десятилетия произошло еще одно событие, в перспективе имевшее большое значение для чешской общественно-политической мысли. На рубеже 1844–1845 гг. Палацкий в размышлениях о чешской истории пришел к новым выводам. По его мнению, Богемия и Моравия из-за своего положению в центре Европы стали местом противоборства и переплетения различных элементов и принципов государственной, национальной и

[421] *Ibid.* S. 62–63.
[422] *Ibid.* S. 64.
[423] *Ibid.* S. 66.
[424] *Доубек В.* Между Веной и Москвой. Славянская концепция и образ России в чешском обществе XIX в. // Родина. 2001. Январь-февраль. С. 106.

церковной жизни. Особенно это можно было увидеть на примере римского, немецкого и славянского влияний на данные земли[425]. Ядро чешской истории ученый видел в постоянном контакте и столкновении славянства с германским и римским миром. Поскольку влияние Рима проникало в Богемию через германский регион, это взаимодействие выражалось фактически в заимствовании или отрицании чехами немецких порядков[426]. Несмотря на более чем тысячелетнюю тесную связь с германским миром, чехи сохранили свою самобытность и не перестали быть славянами. Благодаря всему этому, полагал Палацкий, чешский народ способен стать посредником между славянством и германством, мостом между Востоком и Западом[427]. Причем на эту роль не могли подойти ни поляки, ни русские, поскольку они испытали на себе мало немецкого влияния[428].

Почти в одно и то же время Палацкий и Гавличек рассуждали, что в некоторых аспектах чехи превосходят русских. Тем самым они повышали в собственных глазах субъектность своего народа. Обобщения историка крайне важны, поскольку идея о способности чехов быть посредниками между Западной и Восточной Европой коррелирует и со сферой международных отношений. Чешская исключительность и связанный с ней геополитический «задел» станут важной составляющей в видении будущего руководства Национальной партии.

В начале 1840-х гг. в высших эшелонах российской власти рассуждали о славянских национальных движениях. Так, министр иностранных дел К.В. Нессельроде рассматривал эти явления в Габсбургской монархии и Османской империи как дестабилизирующий фактор. Поэтому во имя государственных и дипломатических интересов Российской, Австрийской и Османской империй следовало «подавлять в себе славянские симпатии»[429].

---

[425] *Kořalka J.* František Palacký (1798–1876): životopis. Praha, 1998. S. 258.
[426] *Ibid.*
[427] *Ibid.*
[428] *Ibid.*
[429] *Досталь М.Ю.* «Славянский вопрос» в мировоззрении С.С. Уварова… С. 107–108.

В свою очередь Уваров указывал на два вектора в славянском движении – культурно-просветительское направление (и его поддержка) среди зарубежных славян и «славистическая деятельность в России и установление при ее посредстве дружественных контактов со славянами, необходимых для содействия российской внешней политике»[430]. По сути, министр народного просвещения хотел качественно нарастить влияние среди зарубежных славян и использовать его в международных делах как мягкую силу. Однако он столкнулся с твердым противодействием со стороны К.В. Нессельроде.

Особое место в установлении контактов с австрийскими славянами занимает М.Ф. Раевский, настоятель русской посольской церкви в Вене с 1842 г. по 1884 г. При этом он не был сторонником внедрения православия по всей территории Австрийской империи, среди всех славян. Н.В. Киселькова указывает, что «церковные вопросы, темы православия вообще не встречаются на страницах его переписки с чехами»[431]. В этой связи хочется заметить, что и небезызвестный риторический вопрос из письма Раевского «когда-то настанет блаженное время, когда род славянский едиными усты, единым сердцем будет благословлять Всевышнего?» можно трактовать по-разному[432].

Раевского беспокоила разрозненность славянского мира, он желал, чтобы славяне лучше понимали и поддерживали друг друга[433]. Связующим звеном для них он видел российскую культуру (духовную и светскую) как культуру славянского народа, занимавшего весомые позиции в Европе. Для отца Михаила было важно духовное сближение, но не единство России и чешских земель. Популяризация, рост авторитета российской культуры – вот

---

[430] *Там же.* С. 109.

[431] *Киселькова Н.В.* Российский фактор в общественно-политической жизни чехов в 50-е – 70-е гг. XIX в. (по материалам архива М.Ф. Раевского): дис. … канд. ист. наук: 07.00.03. М., 2008. С. 74.

[432] Rajevskij Michail Fjodorovič – Václavu Hankovi, 22. dubna/4. května 1850 // Cesty na východ... S. 101.

[433] *Ненашева З.С.* М.Ф. Раевский и русская православная церковь в Праге // Межконфессиональные, культурные и общественные связи России и зарубежными славянами. К 200-летию со дня рождения М.Ф. Раевского. Отв. ред. К.В. Никифоров. М. – СПб., 2013. С. 101.

залог успешной и плодотворной жизни славян, по мнению М.Ф. Раевского[434]. Он мечтал об увеличении их роли в мире[435].

Надо отметить, что рост его контактов с чехами наблюдается лишь с 1850-х гг. При этом протоиерей избегал политических тем в общении со своими корреспондентами, никогда не брал на себя никаких обязательств из этой области. По выражению З.С. Ненашевой, «ему были чужды по духу, а не по должности претензии на политическую деятельность»[436]. За его действиями в Вене пристально следила тайная полиция[437]. Кроме того, такие ограничения диктовались внешнеполитической линией России. В соответствии с ней Санкт-Петербург и Вена были тесными союзниками и гарантами Венской системы. Поддержка славянских деятелей, весьма ограниченная, имела точечный характер[438]. Кроме этого, как полагает Павленко, австрийский канцлер Клеменс фон Меттерних знал о растущем интересе к зарубежным славянам со стороны российского руководства. Он несколько раз давал понять Санкт-Петербургу о нежелательности действий в этом направлении[439]. Данное обстоятельство накладывало отпечаток на отношения двух стран-союзниц и осложняло их сотрудничество.

На фоне революционных потрясений в Европе произошла радикализация славянской идеи. Стали распространяться как различные крайние национальные теории, так и призывы к воссоединению славянских народов. Николай I крайне негативно отреагировал на восстание в Кракове

---

[434] *Киселькова Н.В.* Указ. соч. С. 75–76, 87.
[435] *Там же.* С. 74.
[436] *Ненашева З.С.* М.Ф. Раевский и русская православная церковь в Праге… С. 100.
[437] Австрийские агенты наблюдали за Раевским по крайней мере с 1853 г. В 1861 г. появилось подозрение, что протоиерей «занимается политической деятельностью». В 1865 г., по мнению тайной полиции, отец Михаил стал вмешиваться в «австрийско-славянские дела», слежка за ним в тот период усилилась. По утверждению И. Шварц, «с начала 60-х годов связи Раевского с чешскими лидерами отслеживались особенно внимательно, и агенты неоднократно подчеркивали интенсивность его контактов со старочехами». *Шварц И.* Донесения австрийских агентов о деятельности М.Ф. Раевского в 1865–1867 гг. (по материалам Австрийского государственного архива) // Межконфессиональные, культурные и общественные связи России и зарубежными славянами. К 200-летию со дня рождения М.Ф. Раевского. Отв. ред. К.В. Никифоров. М. – СПб., 2013. С. 49, 54, 56.
[438] *Павленко О.В.* Славянский фактор в идеологии и внешней политике Российской империи и монархии Габсбургов… С. 133.
[439] *Там же.* С. 133–134.

(начало 1846 г.) с лозунгами общеславянской революции. Оно было жестоко подавлено австрийской и российской армиями. Эта акция не могла не привести к консолидации двух великих держав и снятию взаимного напряжения, продиктованного славянским вопросом[440].

8 мая 1847 г. министр С.С. Уваров адресовал Николаю I примечательную записку. «Ясно, что вопрос славянский представляет для нас некоторую сложность, но потому и требует осмотрительности», – рассуждал он. В ней он впервые упоминает о «русском славянстве», неразрывно, по его мнению, связанном с самодержавием. «Все, что выходит из этой черты, не принадлежит к этому славянству», – подчеркивал Уваров. По его мнению, «в замыслах <…> слово славянство служило только недобросовестною завесою, под коей скрывались иные мысли <…>»[441].

Согласно министру, именно в Богемии в конце XVIII в. родилась идея, что все славянские народы должны когда-нибудь объединиться и составить одно государство. В этой политической и панславистской интерпретации славянской взаимности он видел угрозу для «истинно славянских» устоев русского общества. Ведь «и в языке русских, и в Вере, и в законах дышит и бодрствует древнее начало народной жизни, от различных судеб исторических давно умершее в других славянских народах». В целом особый упор на «русскость» славянского вопроса, его «народно-русское» понимание является одной из главных черт в воззрениях Уварова[442]. Таким образом, министр окончательно оторвал «русскость», народность от общеславянских корней, сделав ее самодостаточной. Как верно заметила Досталь, «боязнь угрозы революционной дестабилизации системы самодержавия оказалась для него сильнее славянских сочувствий»[443].

На наш взгляд, Уваров пришел к идеям, похожим на высказанные ранее Карелом Гавличеком. Им тоже декларировался приоритет

---

[440] *Павленко О.В.* Панславизм реальный и воображаемый… С. 190–191.
[441] Цит. по: *Досталь М.Ю.* «Славянский вопрос» в мировоззрении С.С. Уварова // Славянский альманах. 1997. С. 112.
[442] *Там же.* С. 113–115.
[443] *Там же.* С. 116.

национального над общеславянским, но мотивировка была разной. Чешский деятель обратился к этому тезису как к инструменту для национально-политического развития (в либеральном духе). В свою очередь Уваров – как к способу укрепить империю, ее консервативную систему ценностей и противостоять европейским радикальным идеям. Также интересно наблюдать синхронную перемену во мнениях друг о друге (в общественно-политическом ключе) чешской и российской стороны. Напомним, что статья Гавличека «Славянин и чех» с критикой России вышла в 1846 г. И тогда же, в 1846–1847 гг., Николай I стал рассматривать славянские национальные движения как деструктивные, а Уваров начал говорить о «русском славянстве». Не говоря уже о сохранявшемся консервативном внешнеполитическом курсе Нессельроде.

В предреволюционные годы чешская и российская политическая мысль вступили в конфликт друг с другом. Это столкновение идеологий, причем не только в политической плоскости, лишь усилится в период «весны народов».

Революция 1848–1849 гг. очень важна для становления чешской политики. В это время Национальная партия еще не появилась, однако постепенно формировалось ее будущее ядро[444]. На политическую авансцену в чешских землях вышли Ф. Палацкий, Ф.Л. Ригер, Ф. Браунер, ставшие лидерами умеренно-либерального лагеря и членами Национального комитета[445]. Идеалом для них было единое Чешское королевство в составе федерализованной империи, имеющей конституцию. Лояльные Габсбургам, они делали ставку на переговоры с Веной и перед ней представляли интересы чешского народа. Что немаловажно, в июне 1848 – марте 1849 г. Палацкий, Ригер и Браунер получили опыт политической работы на общеимперском уровне. В качестве депутатов они принимали активное участие в работе рейхстага, созванного в Вене, затем в Кромержиже для выработки новой

[444] *Cibulka P.* Národní strana // *Malíř J., Marek P. a kol.* Politické strany. Vývoj politických stran a hnutí v českých zemích a Československu 1861–2004. 1. díl: období 1861–1938. Brno, 2005. S. 119.

[445] Национальный комитет в период «весны народов» занимался подготовкой реформ в чешских землях. Был создан при содействии имперских властей.

конституции[446]. Молодая чешская элита была уверена в своих силах. Ее представители надеялись на скорые перемены в статусе чешских земель в рамках преобразованной и сильной Австрийской империи[447].

В таком контексте образ России как охранителя славянства и гаранта развития славянских народов оказывался совершенно невостребованным. Теперь в глазах чешских либералов она стала символом угрозы с Востока. Если раньше подчеркивались ее внешние признаки (размер государства, его независимость), то теперь внимание сосредоточилось на российских внутренних порядках. Критиковалась консервативная политическая система, отсутствие свобод, замкнутая сословная структура[448].

Франтишек Палацкий в своем известном «Письме во Франкфурт» (11 апреля 1848 г.) выразил концептуальный взгляд на Россию. При этом нельзя забывать, что цель создания документа была куда более широкая. Сложно переоценить послание Палацкого: оно сильнейшим образом повлияло на чешскую общественно-политическую мысль XIX в.

Документ был ответом автора на приглашение принять участие в работе Подготовительного комитета по созыву Франкфуртского национального собрания. Эта структура должна была стать общегерманским парламентом. В своем послании Палацкий рассуждал о необходимости сохранить монархию Габсбургов на фоне революционных вызовов и объединительного движения немецких княжеств. В таком контексте гарантом усиленного развития малых народов в Центральной Европе, их защитой могла быть только Австрийская империя[449]. Известна также мысль из письма: если бы Австрии не было, ее бы следовало создать[450]. Таким образом, она должна была защищать чехов от будущей объединенной Германии, замыслы

---

[446] Впрочем, сам рейхстаг не проработал долго, а результаты его деятельности были незначительны ввиду поражения революции.
[447] *Doubek V.* Česká politika a Rusko… S. 54.
[448] *Doubek V.* Česká politika a Rusko v korespondenci M. F. Rajevského // Cesty na východ... S. 7.
[449] Psaní do Frankfurta dne 11 dubna 1848 // *Palacký F.* Radhost. Sbírka spisůw drobných z oboru řeči a literatury české, krásowědy, historie a politiky. Díl třetí. Spisy z oboru politiky. Praha, 1873. S. 11.
[450] *Ibid.* S. 14.

которой Палацкий считал агрессивными[451]. Такая риторика усиливала идейные противоречия чешских политиков и богемских немцев, симпатизировавших национальному движению своих «сородичей»[452].

Кроме этого, миссией Дунайской монархии было спасение своих народов от агрессии России. По словам автора письма, эта страна уже давно стала опасна для своих соседей и будет стремиться к экспансии. Палацкий допускал превращение Российской империи в «универсальную монархию» – «необозримое и невыразимое зло, несчастье без меры и границ». Не менее сильно он опасался и того, если бы Россия «провозгласила себя славянской»[453].

Это послание было пронизано духом австрославизма. В нем очевиден тренд, характерный для первой половины XIX в. и позднее: одним из важных импульсов для чешского национального движения являлось немецкое объединительное движение.

Что касается России, то Палацкий как ученый и теоретик исходил из категории «универсальной монархии». По своему содержанию она напоминает представления из первой трети XIX в. об обширных культурно-цивилизационных целых и идеи о жизнеспособности лишь крупных централизованных государств. Палацкий наделял всеми этими качествами Россию, но со знаком «минус».

Крайне важно понимать, что идеи, изложенные в письме, имеют двойное измерение. Одно из них – внутриполитическое. Автор рассуждал о важности Австрийской монархии как о доме для малых народов. Одновременно чешский историк отмечал, что необходимы изменения в ее межнациональных отношениях. Он писал о важности естественного права и равенства народов. Второе измерение в послании можно назвать геополитическим. Палацкий обозначил возможные угрозы для малых

---

[451] *Ibid.* S. 15.
[452] *Исламов Т.М.* Австрийская революция и славяне: проблема объединения Германии и австрославизм // Европейские революции 1848 года. «Принцип национальности» в политике и идеологии. Отв. ред. С.М. Фалькович. М., 2001. С. 155–156.
[453] Psaní do Frankfurta dne 11 dubna 1848… S. 13.

народов Центральной Европы. По его мнению, они могли последовать из России и будущей Германии. Он выступил против объединения австрийских земель и немецких государств, видя в монархии Габсбургов защитника от агрессии и хаоса в регионе. По сути, его рассуждения касаются баланса сил во всей Центральной Европе. Более того, автор учитывал и общеевропейский контекст, когда заявляет, что в существовании Австрийской империи заинтересован весь регион[454]. По нашему мнению, Палацкий опосредованно, через «австрийское тело» помещал и чешскую нацию в региональный и европейский контекст. Также позволительно интерпретировать «Письмо во Франкфурт» как документ, в котором чешский историк формулировал в общих чертах свой идеал австрийской внешней политики. Ведь говоря о роли монархии как защитнице малых народов от Германии и России, автор обозначил приоритеты, которых, по его мнению, государству следует придерживаться.

Отметим еще одно важное событие, связанное с именем «отца нации». В марте 1848 г. увидел свет первый том «Истории чешского народа в Богемии и Моравии» (чеш. *Dějiny národu českého v Čechách a v Moravě*). Это был перевод на чешский язык «Истории Богемии» (нем. *Geschichte von Böhmen*) – главного труда Палацкого, изначально написанного на немецком языке. Новое издание отличалось не только языком изложения, но и корректированием старого материала и добавлением нового. К последнему относится и публичное изложение Палацким своей трактовки, касающейся смысла чешской истории: контакт и столкновение с немцами, заимствование и отрицание их порядков и устоев, способность чехов стать посредниками между славянством и германством – Востоком и Западом Европы[455]. Этот набор идей вкупе с апрельским «Письмом во Франкфурт» знаменовал собой попытку их автора повысить значение чешского народа в масштабах всего макрорегиона.

---

[454] *Ibid.* S. 14, 16.
[455] *Palacký F.* Dějiny národu českého v Čechách a v Moravě. Díl 1. Od prvověkosti až do roku 1253. Praha, 1904. Šesté vydání. S. 6–7, 9.

Написание «Истории» можно рассматривать как пропаганду взглядов Палацкого на прошлое и настоящее чехов среди образованных слоев населения. Впрочем, как подчеркивает Й. Коржалка, общественность сильно упростила концепцию историка, сузив ее до тезиса об извечном чешско-немецком конфликте[456].

Когда русская армия в 1849 г. вторглась в Венгерское королевство, слова Палацкого из «Письма во Франкфурт» как будто стали сбываться. Эта акция в восприятии чешских политиков стала признаком реставрации Священного союза и возвращения дореволюционной ситуации[457]. Особенно интересно в этом отношении письмо Ф.Л. Ригера Ф. Палацкому от 17 мая 1849 г. В нем он утверждал, что Вена специально попросила помощи у России, а не у славянских народов монархии. Ведь имперский центр не хочет быть им обязан и не желает предоставлять потом «требуемые свободы»[458].

Ригер был глубоко обеспокоен не только критической ситуацией в монархии Габсбургов, но и в Европе в целом. Об этом, с его точки зрения, свидетельствовало напряженное положение в обществе и политике Франции, а также в немецком и итальянском регионах. В условиях кризиса революции Ригер рассуждал: «Что же с нами, бедными чехами, станет? Я думаю, что, чем менее самостоятельными мы выступим, тем нам будет хуже. Кто не выдает себя за что-либо, того люди ничем и считают»[459]. На этом фоне он сожалел, что в ходе революции так и не удалось претворить в жизнь идеи конституционной монархии и федерализации государства. В этом он винил правительство Феликса Шварценберга – группу аристократов, которая, по словам автора, руководствовалась в политике лишь сословными интересами. Жертвами этого курса стали и славянские народы. Причем сословный эгоизм

[456] *Kořalka J.* František Palacký (1798–1876): životopis. Praha, 1998. S. 258.
[457] *Doubek V.* Česká politika a Rusko… S. 56–57.
[458] 1849 květen 17. Paříž. – Rieger Palackému // Příspěvky k listáři Dra Fr. Lad. Riegra. Díl 1. Z let 1836 až 1871 / Ed. J. Heidler. Praha, 1924. S. 50.
[459] *Ibid.* S. 51–52.

знати, писал Ригер, имел место также в революционной Венгрии. Поэтому и там славяне оказались в положении жертвы[460].

Вершиной провальной политики правительства для автора письма являлось как раз подавление венгерского восстания при участии российской армии под командованием И.Ф. Паскевича. Эта помощь, считает чешский политик, дорого обойдется Вене. Ригер допускал, что теперь Австрийская империя окажется под протекторатом России, которая будет держать ее в ослабленном состоянии. Через некоторое время по инициативе своего соседа монархия будет разделена, а чехи, находящиеся далеко на западе империи, должны будут выбирать «между рабством у русских и потерей национальности у немцев». Но даже если российский император изволит сохранить монархию, то чехи в ней не будут иметь ни свободу, ни собственную национальность. Само же государство будет по своему характеру немецким и не получит конституции[461].

Ригер в этом письме рисовал апокалиптичное будущее для монархии Габсбургов и чехов в частности. И пусть виновником бед являлось венское правительство, Россия представала перед малыми народами как колоссальная опасность. Одновременно автор видел угрозу со стороны немцев. Вкупе с рассуждениями о положении дел в других странах интересно наблюдать, как у политика переплетаются внутриполитический и международный контексты. Нельзя забывать и о том, что Ригер писал Палацкому из Парижа, где пытался наладить связи с французской общественностью и польской эмиграцией (об этом ниже).

В период революции 1848–1849 гг. в чешском политическом лагере появились не только умеренные силы (Ф. Палацкий, Ф.Л. Ригер, Ф. Браунер, Л. Тун и т.д.), но и радикальные политики. Часть из них относилась к восстанию венгров позитивно, например К. Сабина, Э. Арнольд, Й.В. Фрич. Соответственно, их отношение к России было тем более негативным. В

[460] *Ibid.* S. 51–52.
[461] *Ibid.* S. 52.

частности, в январе 1849 г. в газете Сабины Noviny Lípy Slovanské появилось «Воззвание к славянам». Оно было направлено против Вены, а также «монгольской тирании»[462].

Таким образом, как уже говорилось ранее, в рассматриваемый период образ России среди чешских политиков был однозначно негативным. Страна виделась как фактор внешней угрозы.

Между тем Николай I изначально не собирался вмешиваться в европейские дела. Основное его беспокойство в то время вызывала ситуация в Познани и особенно в Галиции, т.е. в польских землях. Причина была одна: император не хотел, чтобы революционная волна коснулась Царства Польского[463]. Он не планировал отторгать какие-либо территории от австрийского государства. А в случае его распада он готов был присоединить лишь Галицию[464]. Другие славянские территории его не интересовали. «Ни Богемии, ни Моравии – ничего другого не приму под скипетр России, даже нежели б об этом настоятельно просили, ибо оно бы прямо противно выгодам нашим», – писал Николай I[465]. По отношению к Славянскому съезду в Праге он занял отстраненную и выжидательную позицию[466].

В марте 1849 г. император рассуждал: «Под видом участия к мнимому угнетению славянских племен таится преступная мысль о восстании против законной власти соседних и отчасти союзных государств и об общем

---

[462] *Doubek V.* Česká politika a Rusko v korespondenci M. F. Rajevského… S. 9.

[463] Из письма Николая I И.Ф. Паскевичу от 2 (14) марта 1848 г.: «Необузданная шляхта познанская, может быть, через несколько дней будет со всех сторон стараться проникнуть с шайками в царство Польское, и вскоре образуются для того сильные отряды. Тому, что будет делаться в Познанском княжестве, будут, вероятно, подражать и в Галиции, и мы будем подвержены вторжениям и с запада, и с юга». Император Николай I и европейские революции (III) // Русская старина. 1904. Т. 118. Апрель. С. 55.

[464] Из письма Николая I И.Ф. Паскевичу от 10 (22) июня 1848 г.: «Подробности бывшего в Праге, происшедшего в Венгрии и делающегося в Вене столь же любопытны, как крайне горьки. Что из всего этого выйдет, можно предвидеть, то есть падение Австрии; но последствия падения сего могут быть многоразличны. Каковы бы они ни были, одно нам положительно важно, это то, чтоб опять не возродилось, с согласия ли, или без согласия императора, отдельное самостоятельное новое царство в Галиции, под именем польского или славянского. Ежели будет так, то я непременно вступлю в Галицию и присоединю к России древнее ее достояние. Ибо край сей может быть или австрийским или русским; иного не могу допустить, во чтобы то ни стало». Император Николай I и европейские революции (IV) // Русская старина. 1904. Т. 118. Май. С. 281.

[465] *Там же.*

[466] Из письма Николая I И.Ф. Паскевичу от 10 (22) мая 1848 г.: «Прагское воззвание к славянам надо было ожидать по довольно известному мне там духу, но отвечать на оное не будем; не наше дело. Будем ждать и смотреть, чем все это кончится». Император Николай I и европейские революции (IV) // *Там же.* С. 280.

соединении, которого ожидают не от Божьего произволения, а от возмущения, гибельного для России!.. И мне жаль, потому что это значит смешивать преступное со святым»[467]. Известно также высказывание царя о панславизме: «Ежели бы стечения обстоятельств и привели к этому соединению [славян], то оно будет на гибель России»[468].

Что касается подавления венгерского восстания, то, получив просьбу о помощи со стороны Вены, Николай I колебался. Когда в конце концов он согласился, «речь шла не столько о защите легитимного порядка в монархии Габсбургов, сколько о сохранении порядка в Галиции и соседнем с ней Царстве Польском»[469]. Сопоставление образа Российской империи в период революции у Палацкого и Ригера с реальными интенциями Николая I показывает, что чешские представления мало соответствовали действительности.

Итак, «весна народов» углубила идейные противоречия между чехами и Россией. По сути, обе стороны считали себя чуждыми друг другу. Национализм малого народа и его коллективная идентичность в это время развивались в империях в остром конфликте «между консервативным порядком и либеральными ценностями»[470]. В это время Россия лишь постепенно открывала для себя зарубежных славян, включая чехов. Сказывался прежний дефицит правдивой информации и знаний. В российских общественных кругах еще не сформировалось понимание, насколько сложными и противоречивыми были отношения между отдельными сообществами в славянском мире. На это накладывался напряженный, эмоциональный фон, где смешивались романтические иллюзии, политические амбиции, философские представления о миссиях народов в мировой истории[471].

---

[467] Вопросы, предложенные И.С. Аксакову III отделением // *Аксаков И.С.* Письма к родным. 1848–1849. М., 1988. С. 502.
[468] *Там же.* С. 506.
[469] *Павленко О.В.* Славянский фактор в идеологии и внешней политике Российской империи и монархии Габсбургов… С. 174–175.
[470] *Там же.* С. 137.
[471] *Там же.*

В 1848–1849 гг. для чешской политики стали характерны такие принципы, как верность трону, последовательный прагматизм, гибкость. Уже тогда стало проявляться стремление учитывать ситуацию на международной арене, в ее восприятии тесно связанной с внутриполитической повесткой.

Казалось бы, между чешской и российской политикой, подходом к движениям славян появился такой разлом, что стороны уже больше не могли взаимодействовать. Однако **в 1850-е гг.** ситуация начала меняться.

Для чехов постепенные перемены в общественном сознании были связаны с поражением революции и переходом к неоабсолютизму. Применительно к этому периоду обычно говорится о жесткой централизации и германизации, широком надзоре полицейских органов за общественной жизнью, отсутствии гражданских свобод[472]. Это означало крах надежд на перемены. Позднее со всей очевидностью проявился характерный для чешской политики механизм; если ее деятели разочаровываются в курсе Вены, чувствуют себя неуверенно на внутриполитическом поле, то это ослабление они пытаются компенсировать поиском внешней поддержки для реализации своих политических амбиций. Стремление найти опору в широкой, именно «племенной» связи возвращало в чешскую политику фаталистичные настроения и «пассивные надежды», ожидание столкновения цивилизаций. Существенная роль в этом конфликте отводилась самому сильному и независимому члену славянского племени – России. Отношение

[472] Стоит отметить, что современная историография отказывается от однобокой оценки «баховского абсолютизма». С одной стороны, безусловно, характерной чертой эпохи стала сильная цензура и фактическая аполитичность общества, навязанная государством. С другой стороны, именно в 1850-е гг. шла модернизация экономики и управления. По мнению А. Зуппана, мощный подъем государственной бюрократии предоставил образованным слоям чешских земель «заметные шансы для социального роста». Кроме этого, положительно оценивается и школьная реформа, инициированная министром образования и культов, чешским аристократом Лео Тун-Гогенштейном. Также власть продвигала позитивные изменения в экономике. Например, было введено единое таможенное пространство, принимались меры для значительного облегчения предпринимательства, основывались новые банки, торговые палаты. М. Главачка указывает, что именно в это время чешские земли стали мощной промышленной базой для Австрийской империи. *Hlavačka M.* Dvojí tvář neoabsolutismu // *Pánek J., Tůma O. a kol.* Dějiny Českých zemí. Praha, 2018. S. 331–336. *Зуппан А.* Тысяча лет соседства австрийцев и чехов. Взгляд из Австрии. М., 2021. С. 95–96.

к ней менялось в чешской политике в позитивную сторону на протяжении всех 1850-х гг. Этот процесс был постепенный, но постоянный[473].

Карел Гавличек пересмотрел свои взгляды на Россию уже в конце революции. Подтолкнули его к этому опасения, что у чешской политики недостаточно сил для сопротивления немецкому давлению. Сыграли роль также сомнения в политической целесообразности австрославизма[474].

Крымская война (1853–1856 гг.) стала первым внешнеполитическим событием, которое заметно повлияло на часть чешских политиков с умеренными взглядами. Этот международный конфликт способствовал переоценке восточного соседа. Теперь чехи представляли Россию в положении жертвы. Они считали, что другие великие державы всячески вредят ей, чтобы она не могла предоставить обещанную помощь балканским единоверцам. Активно критиковалась позиция Австрийской империи, которая во время войны заняла позицию враждебного нейтралитета к Санкт-Петербургу. На этом фоне в чешской общественности усилился интерес к России, причем в духе ранних некритичных представлений. Существовало мнение, что возможное поражение подтолкнет власть к реформам. Известный либерал Адольф Пинкас в то время говорил, что чешское национальное движение может многое приобрести от войны[475]. В историографии даже есть мнение, что интерес к России (на этот раз наряду с австрославизмом) якобы стал составной частью чешской национальной идентичности[476].

---

[473] *Doubek V.* Česká politika a Rusko v korespondenci M. F. Rajevského // Cesty na východ. Češi v korespondenci M. F. Rajevského / Ed. V. Doubek. Praha, 2006. S. 9; *Doubek V.* Česká politika a Rusko… S. 99.

[474] В 1849 г. во время подавления венгерской революции Гавличек в одной из статей защищал российских военных. Он подчеркивал симпатию к русскому народу и неприятие царизма, за который простой солдат не несет ответственности. С этого момента чешский журналист начал отходить от предреволюционного восприятия России. Он начал поддаваться политически ничем не обоснованному ощущению, что Россия защитит австрийских славян от притеснения, в том числе чехов. В 1850 г. он уже писал, что российская система власти «намного более терпимая, чем австрийский абсолютизм перед 1848 г.» Все четче вырисовывался новый консервативный курс Австрийской империи, и в восприятии Гавличека он был хуже российского. В этом случае Санкт-Петербург становился для него лучше, чем Вена. *Ibid.* S. 60–61. *Doubek V.* Česká politika a Rusko v korespondenci M. F. Rajevského // Cesty na východ. Češi v korespondenci M. F. Rajevského / V. Doubek. Praha, 2006. S. 10.

[475] Slovanství, panslavismus a rusofilství // *Hlavačka M. a kol.* České země v 19. století… S. 311–313.

[476] *Ibid.* S. 313.

Набирающие силу надежды, что Россия выступит как защитница славян, зазвучавшие в начале 1850-х, неизбежно должны были столкнуться с более устойчивым дискурсом, в рамках которого Россия представлялась реакционной, ретроградной страной. Однако правление Александра II позволило сгладить это противоречие[477].

Что касается российской стороны, то Крымская война тоже повлияла на ее отношение к славянам. Горячо встретили начало конфликта славянофилы. Они ожидали разрешения восточного вопроса, освобождения славян и допускали создание всеславянского государства. В поэтической форме об этом говорили А.С. Хомяков (а также Ф.И. Тютчев), в прозаической – все члены кружка[478]. В начале конфликта даже Николай I вновь стал приглядываться к славянам[479].

После поражения при Альме (сентябрь 1854 г.) в российском обществе появился еще один мотив – ненависть к Австрийской империи за ее «предательство». Веру в возможность легкой победы над Дунайской монархией, которая быстро распадется, в самом конце 1855 г. пыталась внушить Александру II фрейлина А.Ф. Тютчева[480].

Таким образом, во властных и общественных кругах заметно увеличился интерес к славянам. Но важно отметить, что он касался прежде всего балканских народов, т.к. под основным противником в войне изначально подразумевалась Османская империя. Отсюда и довольно утилитарный характер подобных настроений. После поражения, когда Россия осталась в дипломатической изоляции, в стране по-прежнему звучали мнения

---

[477] *Doubek V.* Česká politika a Rusko... S. 99–100.

[478] *Никитин С.А.* Русское общество и вопросы балканской политики России. 1853–1876 гг. (неизданные главы) // Славяне и Россия: к 110-летию со дня рождения С. А. Никитина: Сборник статей. Отв. ред. И.В. Чуркина. М., 2013. С. 167.

[479] Это касалось возможного освобождения балканских славян из-под власти султана. Русский интерес к родственным народам усилился в декабре 1853 г., когда стала ясно, что Австрийская империя и Пруссия не поддержат Россию в ее спорах с Портой. Это выразилось, с одной стороны, в подготовке планов по использованию славян как потенциальных союзников в борьбе на Балканах, а с другой – в развитии панславистских настроений, выражавшихся М.П. Погодиным, М.Н. Катковым, Ф.И. Тютчевым, некоторыми славянофилами. *Чуркина И.В.* К вопросу об организации восстания славян во время Крымской войны 1853–1856 гг. // Славяне и Россия: проблемы войны и мира на Балканах. XVIII–XXI вв. К столетию со дня рождения академика Ю.А. Писарева. Отв. ред. С.И. Данченко. М., 2017. С. 48–49; *Никитин С.А.* Русское общество и вопросы балканской политики России. 1853–1876 гг. (неизданные главы)... С. 194–196, 206.

[480] *Там же.* С. 181.

(прежде всего от Погодина), что теперь ее единственными союзниками могут быть лишь славянские народы. Поэтому внимание к ним во второй половине 1850-х не ослабевало.

В этот период наблюдается также новый виток интереса чехов и русских друг к другу. В первую очередь это касалось славянофилов. Чешско-российские общественные связи и контакты также заметно оживились. В 50-е гг. в Праге и ряде других городов побывали с самыми различными целями писатели, ученые, адвокаты и другие деятели культуры[481]. Характерной особенностью стало появление в чешских землях так называемого младшего поколения славянофилов. Среди его ярких представителей необходимо упомянуть А.Ф. Гильфердинга[482] и В.И. Ламанского[483] – двух ученых-славистов. Первый из них заявлял, что западные славяне не знают Россию и «ее отношений», что для них типично. Оба сдержанно относились к славянским народам, исповедующим католичество[484].

Антагонизм славянского и западного элементов в Центральной Европе в представлениях славянофилов был одной и важнейших причин, почему они

---

[481] *Ivantyšynová T.* Česi a Slováci v ideológii ruských slavianofilov… S. 81.

[482] А.Ф. Гильфердинг был выпускником кафедры славянских литератур и наречий Московского университета (1852 г.). Его учителями были О.М. Бодянский и С.П. Шевырев, близкие к славянофилам. Оказал на него влияние также В.И. Григорович. В период учебы Гильфердинг сблизился с А.С. Хомяковым, И.С. и К.С. Аксаковыми, И.В. и П.В. Кириевскими, Ю.Ф. Самариным. В 1852 г. он попал на службу в Азиатский департамент МИДа, а в 1857 г. стал консулом в Сараеве. Также Гильфердинг известен как ученый-славист и собиратель древностей. В 1855 г. он посетил Прагу, где был очень активен: он познакомился с В. Ганкой, П.Й. Шафариком, К.Я. Эрбеном и т.д. Гильфердинг является примечательной фигурой не только потому, что был славистом, близким к славянофилам. Он также был официальным лицом, чиновником. И пусть он не занимал столь высокого положения в иерархии, чтобы влиять на решения и линию МИДа, он способствовал популяризации славянского вопроса в обществе и своем бюрократическом окружении. *Хевролина В.М.* А.Ф. Гильфердинг – дипломат // Славянский альманах. 2004. С. 159; *Ivantyšynová T.* Česi a Slováci v ideológii ruských slavianofilov… S. 88–89.

[483] В.И. Ламанский окончил ту же кафедру, что и Гильфердинг, но в Петербургском университете. Его учителем был И.И. Срезневский. С 1854 г. работал чиновником в губернском правлении, параллельно занимался исследованиями. В 1858 г. перешел на службу в Государственный архив МИДа. В 1859 г. он защитил магистерскую диссертацию «О славянах Малой Азии, Африки и Испании», за которую получил Демидовскую премию Академии наук. В начале 1860-х он побывал в славянских землях, в т.ч. и в Богемии. В будущем ему предстояло стать основателем школы петербургских славистов. По своим взглядам ученый был славянофилом «в духе широко понятого, гуманного и демократического учения, призывавшего к равенству славян во всех сферах, но под покровительством России как единственной защитницы их национальной самобытности и существования». *Лаптева Л.П.* Университетское славяноведение в России за первое столетие его существования (1835–1935) // Славянский альманах. 2010. С. 100; *Лебедева Г.Н.* Путешествия русских славистов в славянские земли (из истории становления отечественной славистики) // Запад – Восток. Научно-практический ежегодник. 2016. № 9. С. 99–100.

[484] *Ivantyšynová T.* K názorom slavianofilov na postavenie Čechov a Slovákov v Rakúsku… S. 149–150.

выступали против теорий федеративного решения славянских национальных проблем в Австрийской империи. В своих размышлениях о ее будущности они критиковали само понятие «австрийское государство», полагая, что монархия Габсбургов как нежизнеспособный политический организм не имеет дальнейшей перспективы. С мнением Гильфердинга и Ламанского соглашался И.С. Аксаков[485].

Другой крупный деятель М.Н. Катков (тогда еще стоявший на умеренно-либеральных позициях) тоже интересовался чешским народом. Он состоял в переписке с В. Ганкой, в 1859 г. посещал Прагу. Издатель «Московских ведомостей» высоко оценивал чехов и считал, что между славянами они играют исключительную роль. В духе Погодина и славянофилов он в письмах к Ганке призывал к работе над их сближением с Россией. Он также критиковал австрославизм и утверждал, что Габсбургская монархия по определению не способна объединять народы под своей сенью[486].

Среди придворных лиц, близких к славянофилам, отношение к чехам продолжало быть весьма неоднозначным. «Большая часть чехов напитана вольнодумным и чересчур либеральным духом немецким, и я слыхала, что они даже Ганку преследовали, потому что он друг русских и православных», – писала, к примеру, графиня А.Д. Блудова М.Ф. Раевскому[487]. И что важно, адресат графини был аналогичного мнения. «Много бы в этот раз я мог написать о Праге, о чехах, но ни сердце, ни рука не поднимаются. Прельщаться нечего! Вы далеко ушли на запад, больно!» – писал отец Михаил все тому же Ганке[488].

Позиции младшего поколения славянофилов обусловливало то, что их «извод» идей превратился из философской дискуссии в актуальную политическую проблему. В 1860-х гг. они развивали идею русско-

---

[485] *Ibid.* S. 150–151.
[486] *Vlček R.* Ruský panslavismus – realita a fikce. Praha, 2002. S. 144–145.
[487] Письмо А.Д. Блудовой М.Ф. Раевскому от 13(26).09.1850 // Документы архива Раевского. 40–80 годы XIX в. / Сост. В. Матула, И.В. Чуркина. М., 1975. С. 8.
[488] Rajevskij Michail Fjodorovič – Václavu Hankovi, 19. listopadu 1858 // Cesty na východ... S. 105.

славянского сотрудничества. Еще 8 июля 1857 г. А.И. Кошелев делился с М.П. Погодиным, что прямое воздействие России на славян совершенно невозможно. Контакты с ними не могут иметь политические формы. Они не хотят сближения политического, но желают единения духовно-литературного[489].

В российской периодической печати (не только славянофильской) во второй половине 50-х постепенно рос интерес к славянам. Например, славянские отделы открылись в либеральных «Русской газете»[490] (1858–1859 гг.) и «Санкт-Петербургских ведомостях»[491]. Причем во втором случае новая рубрика инициировалась под покровительством Азиатского департамента МИД[492]. Через эту структуру организовывалась доставка в Россию газет из славянских земель, в том числе из чешских. В этом отношении были задействованы А.Ф. Гильфердинг, руководитель департамента Е.П. Ковалевский, российский посланник в Вене В.П. Балабин, а также протоиерей М.Ф. Раевский[493].

Что касается цензуры, то после Крымской войны правительство разрешило прессе писать о славянском вопросе. Однако оно настойчиво пресекало попытки изданий выступать от имени всего русского народа, что было особенно свойственно славянофилам[494]. Издания наказывались и за негативные высказывания о политике российских властей в отношении славянского вопроса. В 1860-е гг. эта тенденция продолжалась[495].

---

[489] *Ivantyšynová T.* Česi a Slováci v ideológii ruských slavianofilov… S. 90. О «Русской беседе» также см.: *Досталь М.Ю.* Отражение славянофильской теории в славистической проблематике «Русской беседы» // «Русская беседа»: История славянофильского журнала: Исследования. Материалы. Постатейная роспись. Отв. ред. Б.Ф. Егоров, А.М. Пентковский, О.Л. Фетисенко. СПб., 2011. С. 198–203.

[490] «О выписке для редакции Русской газеты славянских газет» (1859) // АВПРИ. Ф. 146. Оп. 495. Д. 5070. Л. 1–2.

[491] Письмо А.Ф. Гильфердинга М.Ф. Раевскому от 9.04.1859 // Зарубежные славяне и Россия… С. 130.

[492] *Там же.*

[493] *Там же*; «О выписке для редакции Русской газеты славянских газет» (1859) // АВПРИ. Ф. 146. Оп. 495. Д. 5070. Л. 1–3.

[494] *Дудзинская Е.А.* Русские славянофилы и зарубежное славянство… С. 269.

[495] В этом отношении показательны опубликованные документы, касающиеся санкций в адрес газеты «Русско-славянские отголоски». См. подробнее: Периодическая печать и цензура Российской империи в 1865–1905 гг. Система административных взысканий. Справочное издание / Сост. Н.Г. Патрушева. СПб., 2011. С. 80–81.

Чехи же получали информацию о России в значительной мере из издания Časopis Musea království Českého[496]. Новости, которые доходили до В. Ганки, также публиковались в газете Pražské noviny[497]. Он продолжал тесно взаимодействовать с протоиереем Раевским. Их общие усилия в 50-е гг. были направлены на установление чешско-российских контактов, которые могли бы стать базой для дальнейшего развития двусторонних отношений[498].

Характеризуя общественные, академические и культурные контакты между чехами и русскими в 1850-е гг., следует указать на поступательный рост интереса друг к другу. То же самое позволительно говорить и про политическую плоскость.

Во второй половине 1850-х гг. чешские деятели стараются установить контакты с официальными российскими лицами в Вене. Известно, например, что в 1857 г. в Праге состоялась встреча дипломата Н.П. Игнатьева с Ф. Палацким и Ф.Л. Ригером. К сожалению, детали этого разговора пока неизвестны историкам. Можно констатировать, что, во-первых, Игнатьев пребывал в столице Богемии как частное лицо[499]. Во-вторых, у него было довольно общее представление о положении славянских народов в Австрийской империи. Ему импонировала мысль о том, что его родина еще не потеряла обаяния в глазах славян и может укрепить свои позиции в славянских землях. Он предполагал, что с помощью славянских народов Россия может достигнуть былого могущества и повергнуть своих врагов. По мнению В.М. Хевролиной, это убеждение стало одной из основополагающих идей молодого дипломата[500]. Так или иначе, встреча лидеров чешского

---

[496] В 1827–1830 гг. этот печатный орган назывался Časopis Společnosti wlastenského museum w Čechách. В 1831–1853 гг. издание было переименовано в Časopis Českého museum. В 1854 г. журнал слегка изменил название в соответствии с новой языковой нормой – Časopis Českého musea. В 1855–1922 гг. он назывался Časopis Musea království Českého. С 1922 г. и по настоящее время он известен как Časopis Národního musea.

[497] *Киселькова Н.В.* Указ. соч. С. 95.

[498] *Там же*. С. 96.

[499] В 1857 г. глава российского МИД А.М. Горчаков и руководитель Азиатского департамента Е.П. Ковалевский решили отправить Н.П. Игнатьева с дипломатической миссией в Хиву и Бухару. Пока шла подготовительная работа, ему была предоставлена возможность поправить здоровье и совершить длительное путешествие в Египет и Османскую империю. Еще одной целью было ознакомление с политическим положением в Порте. *Хевролина В.М.* Российский дипломат граф Николай Павлович Игнатьев. М., 2004. С. 29.

[500] *Там же.* С. 30.

национального движения с российским представителем является примечательной.

В том же 1857 г. активизирует свою деятельность Ян Вацлик – ученик В. Ганки, посещавший его семинар по русскому языку. Позднее он даже переводил с русского на чешский[501]. Этот деятель входил в окружение Палацкого и Ригера, был дружен с ними. В 1857 г. через своего учителя он познакомился с М.Ф. Раевским[502].

Контакты Вацлика с протоиереем продолжались и далее. В 1859 г. он попросил священника посодействовать в организации встречи Ф. Палацкого с российским послом в Австрийской империи В.П. Балабиным[503]. И действительно, Палацкий «с конца 50-х часто бывал в Вене и контактировал там с русским послом». И даже говорил о своих возросших симпатиях к славянофилам[504]. Его интерес к России развивался в конце 1850-х гг. во время пребывания в Ницце – популярном среди русских курорте. Через их посредничество он получил доступ к российской периодике (в частности, к либеральному журналу «Современник»[505]). Благодаря этому Палацкий стал больше узнавать о России и начинающихся в ней реформах. Они породили у него энтузиазм[506]. Он верил, что посредством преобразования страна освободится от своих недостатков. В ноябре 1859 г. он получил первое письмо от В. Ламанского, с которым у него завязалась переписка[507].

Пока что сложно говорить, насколько сильным было внимание к чехам со стороны российского представительства в монархии Габсбургов в конце

---

[501] Вацлик перевел на чешский язык повесть «Тамань» М.Ю. Лермонтова, которая была опубликована в 1854 г. в еженедельном журнале Lumír. Он работал также над переводом «Мертвых душ» Н.В. Гоголя. *Порочкина И.М., Инов И.В.* Чехи в Санкт-Петербурге 1703–2003. СПб., 2003. С. 83; Письмо Я. Вацлика М.Ф. Раевскому от 21.03.1860 // Зарубежные славяне и Россия… С. 92.

[502] «Податель письма моего есть редактор фельетона «Прагских Новин» г. Иван Вацлик; он просил меня познакомить его с Вами, он был несколько лет тому назад из первых моих слушателей русских уроков, составляет по временам обозрения русской литературы и проч.» Письмо В. Ганки М.Ф. Раевскому от 12(24).04.1857 // *Там же.* С. 88.

[503] «Вы знаете Палацкого подробно и понимаете, как то важно для нас, когда наш Палацкий говорит с Вашим посланником. Прошу Вас, что Вы все для Палацкого сделаете, потому что Вы нам всем чехам великую службу учините», – писал чешский деятель. Письмо Я. Вацлика М.Ф. Раевскому от 23.05.1859 // *Там же.* С. 91.

[504] Slovanství, panslavismus a rusofilství // *Hlavačka M. a kol.* České země v 19. století… S. 313.

[505] *Kořalka J.* František Palacký (1798–1876): životopis. Praha, 1998. S. 424.

[506] Slovanství, panslavismus a rusofilství // *Hlavačka M. a kol.* České země v 19. století… S. 313–314.

[507] *Kořalka J.* František Palacký (1798–1876): životopis. Praha, 1998. S. 424–425.

1850-х гг. В.П. Балабин в одной из депеш А.М. Горчакову упоминал об осведомителе из Моравии, с которым он встречался незадолго до составления донесения. Дипломат расспрашивал его о местных настроениях на фоне неудачной для Вены войны с Сардинией и Францией (1859 г.)[508].

Таким образом, в 1850-е гг. устанавливаются контакты между чехами и российской дипломатией. И если раньше чехи контактировали с российской властью очень опосредованно и как бы в «пассивном режиме» (через Погодина, который не был сановником), то теперь они взаимодействуют с фигурами, напрямую связанными дипломатической службой (А.Ф. Гильфердинг, Н.П. Игнатьев, В.П. Балабин).

Как уже говорилось ранее, чехов на поиск взаимодействия с Россией толкал неудачный конец «весны народов» и баховский абсолютизм 50-х гг., подавлявший национальные и общественные движения в монархии. Нельзя забывать и о немецком национализме: чехи хорошо его ощущали не только из-за соседства с богемскими и австрийскими немцами, но и жителями германских княжеств. Ограничения политической и общественной жизни внутри монархии порождали рассуждения местных политиков в этнических и национальных категориях. Это обуславливало их стремление найти помощь и опору вовне. Можно ли называть этот тренд «общеславянско-русским влечением, дремлющим на дне чешской души»[509]? Вопрос спорный. По-нашему мнению, уже тогда восприятие чехами России было переменчивым и определялось политической конъюнктурой.

При этом о весьма ограниченных представлениях российского общества о славянах остались свидетельства современников. Славянофил Кошелев отмечал: «Стыдно, что мы, русские, знаем все, что делается в Англии и во Франции, и решительно ничего не знаем о славянских

[508] Balabine à Gortchacow, 18/30 juin 1859 // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. Д. 195. Л. 326–326 (об.). Дипломат описал осведомителя так: «Житель Брюнна [Брно], хорошо знающий Моравию и Богемию».
[509] *Birke E.* Frankreich und Ostmitteleuropa im 19. Jahrhundert. Beiträge zur Politik und Geistesgeschichte. Köln – Graz, 1960. S. 241–242.

землях»[510]. В 1859 г. А.Ф. Гильфердинг признавался, что в МИД много знают об османских славянах, а об австрийских – ничего[511]. По словам И.С. Аксакова, хотя в русской журналистике стали обращаться к славянской тематике, бóльшую часть политических новостей русские газеты брали из западноевропейских ежедневных газет[512].

Таким образом, при интерпретации чешско-русских связей 1850-х гг. и характеристике того или иного направления нередко требуются оговорки. Удачно выразилась, по нашему мнению, Н.В. Киселькова, отметив, что в данное десятилетие чехи и Россия «присматривались друг к другу»[513]. В целом, действительно, для этого времени характерно «расширение информационного поля чешско-российского общения»[514].

1.2. У истоков чешского франкофильства. Образ жителей Богемии во французской публицистике

Взаимный интерес французов и чехов, их представления друг о друге, связи, контакты на протяжении XIX в. не были стабильны. Чешское франкофильство, прежде всего политическое, развивалось в сложных условиях, которые не всегда способствовали его популяризации.

Перед 1789 г. следование французским культурным образцам было способом обозначить свою принадлежность к элите европейского общества, «цивилизованности». Не исключением было и население чешских земель, где шляхта находилась под влиянием галломании и франкофонии. Представители чешского Просвещения и национального Возрождения (будители) также испытывали на себе веяния французской культуры и

[510] Письмо А.И. Кошелева М.Ф. Раевскому (апрель 1856 г.) // Зарубежные славяне и Россия… С. 237.
[511] Письмо А.Ф. Гильфердинга М.Ф. Раевскому от 9.04.1859 // *Там же.* С. 130.
[512] *Ivantyšynová T.* Česi a Slováci v ideológii ruských slavianofilov… S. 130.
[513] *Киселькова Н.В.* Указ. соч. С. 108.
[514] *Там же.* С. 108–109.

общественной мысли[515]. Но в целом французское идейное влияние на процессы национального Возрождения, по мнению Стефана Резникова, было не слишком значительным[516].

По данным историографии, французская революция нашла разный отклик в Богемии. Для простого народа французская революция и затем фигура Наполеона олицетворяли надежду на перемены в общественном устройстве Габсбургской монархии. Некоторые крестьяне в связи с этим говорили о будущем освобождении от повинностей в пользу землевладельцев. Городские ремесленники и торговцы поговаривали, что французы придут и выгонят из Богемии опасных конкурентов-евреев. Имели место даже слух, что благодаря Франции появится независимое чешское государство. Профранцузские симпатии имели место также среди некатоликов[517].

С другой стороны, казнь Людовика XVI, якобинский террор, революционные войны вызвали неприятие и осуждение в чешских землях. Эта тенденция сохранилась в период Наполеоновских войн (1799–1815 гг.), когда чехи и французы столкнулись друг с другом самым непосредственным образом[518]. С. Резников полагает, что войны между Австрийской империей и Францией пробудили в чешском обществе дремавшую франкофобию[519]. Ощущение угрозы, исходящей от этой страны, способствовало усилению симпатий к монархическому строю Австрийской империи[520]. Тогда же наблюдался рост русофильства у будителей, которое контрастировало с неприязнью к французам. Этот отрицательный образ начал видоизменяться

---

[515] Примечательным событием стал перевод на чешский язык Й. Юнгманом французского романа «Атала, или Любовь двух дикарей в пустыне» (1801 г.) Ф.Р. де Шатобриана. Своим переводом (1805 г.) филолог стремился доказать жизнеспособность чешского языка, на который можно было переводить мировые шедевры. *Reznikow S.* Op. cit. S. 32–33.

[516] *Ibid.* S. 36, 41–42.

[517] *Horská P.* Sladká Francie. Praha, 1996. S. 15–16.

[518] В частности, в ноябре 1805 г. французская армия вторглась в Моравию и оккупировала Брно и Йиглаву. 2 декабря Наполеон одержал одну из своих крупнейших побед, разгромив австрийские и российские войска в битве при Аустерлице (ныне – город Славков, который находится в 20 км к востоку от Брно).

[519] Эти события долго оставались в коллективной памяти чехов (например, в народных песнях). *Ibid.* S. 37–38.

[520] *Reznikow S.* Op. cit. S. 40.

только после окончательного поражения Наполеона в 1815 г.[521] Что касается французского восприятия чехов, то, безусловно, оно во многом преломлялось через военную оптику. Чешские земли могли представляться французам крайне отдаленными, чужими, неизведанными.

Интересные свидетельства оставила известная писательница Жермена де Сталь в трактате «О Германии». В пространство, отраженное в названии книги, включались земли Габсбургов, причем не только немецкоязычные. Чешские земли также оказались частью «Большой Германии»[522]. Однако это восприятие имело свои оттенки. В шестой главе («Об Австрии») в первой части книги («О нравах и характере немцев») она утверждала: «Австрия, объединяющая в своем лоне самые разнообразные народы, такие как чехи, венгры и т.д., не имеет столь необходимого для монархии единства»[523]. В восприятии де Сталь чехи – это неотъемлемая часть германского мира, хотя они и не являются немцами. Но эту чешскую «инаковость» в глазах мадам де Сталь, по нашему мнению, не стоит переоценивать. В ее книге воспоминаний «Десять лет в изгнании»[524] чехи вообще не упоминаются, в отличие, например, от поляков, которым она дала вполне конкретные характеристики. При этом известно, что на рубеже весны-лета 1808 г. писательница побывала в Праге и Теплице, а летом 1812 г. – в Брно.

Наблюдения Жермены де Сталь предвосхищают представления французов о чехах. Как правило, при упоминаниях о них будут ссылаться на: 1) Гуситские войны как славную страницу в их истории; 2) Тридцатилетнюю войну и ее драматичные последствия для чешского народа[525]; 3) Легенды из

[521] *Ibid.* S. 39.
[522] *Staël-Holstein G. de.* De l'Allemagne. T. 3. Paris, 1814. P. 274–275; *Staël-Holstein G. de.* De l'Allemagne. T. 1. Paris, 1814. P. 22.
[523] *Ibid.* P. 54–55.
[524] Сталь Ж. де. Десять лет в изгнании (пер. с фр., ст., коммент. В.А. Мильчиной). СПб., 2017.
[525] Из трактата «О Германии»: «<…> та часть церкви, которую шведы сожгли во время Тридцатилетней войны, до сих пор не восстановлена». *Staël-Holstein G., de.* De l'Allemagne. T. 3. Paris, 1814. P. 275.

славного прошлого чехов (например, о Яне Непомуцком[526]); 4) Связь с германским миром и др.

Необходимо обратить внимание на то, что применительно к чехам де Сталь использует существительное *les Bohêmes* – «богемцы». Это понятие она связала с историческим названием Чешского королевства, фигурировавшего как *la Bohême*. Оно пришло из латинских документов, где страна обозначалась как *Bohemia* – «страна бойев»[527].

Во французском языке до сих пор соседствуют два слова – *les Bohèmes* (богемцы) и *les Bohémiens* (цыгане). Второе понятие вошло во французский язык после миграции представителей этого народа из Чешского королевства во Францию в XV в. И ее жители обозначили цыган, исходя из названия региона, откуда те пришли, – Богемии. Оба слова в XVII в. нашли свое место во всех основных словарях французского языка. В 1830-е гг. произошел семантический сдвиг. Выражение «жить как богема» уже не означало дословно «жить как цыган», а приобрело свое современное значение[528]. Что касается этнонима *le Czech*, то он будет осторожно входить в употребление во Франции в видоизмененной форме лишь с середины XIX в.

Как утверждает исследовательница Рената Листикова, отмеченные семантические (и орфографические) колебания приносили некоторый позитивный эффект. Также по-прежнему бытовали стереотипы, связанные с лесистыми горами, холодным и неприветливым климатом[529].

---

[526] «Недалеко оттуда, на мосту, установлена статуя святого Яна Непомуцкого, который предпочел погибнуть в волнах, чем обнаружить слабости, в которых ему призналась несчастная королева». *Ibid.* Достоверно известно, что эта легенда не соответствует действительности.

[527] Важно отметить, что в 1815 г. примерно треть жителей чешских земель не называла чешский своим родным языком. При этом большинство населения считало себя богемцами (нем. *die Böhmen*) . Для представителей обеих общностей «Богемия» и «богемский» обозначали как территорию, так и народ и язык, поскольку чешское слово český могло быть переведено на немецкий и как böhmisch («богемский»), и как tschechisch («чешский») *Pánek J., Tůma O. a kol.* Dějiny českých zemí. Praha, 2018. S. 293, 303. *Зуппан А.* Указ. соч. С. 87.

[528] *Listíková R.* L'image de la Bohême et des Tchèques dans les lettres françaises, XVe–XIXe siècles // Revue des études slaves. 2007. Fascicule 4. P. 478. В письменном языке новое значение закрепилось в том числе благодаря книге Анри Мюрже «Сцены из жизни богемы» (1851 г.). В этом произведении автор дает собственное определение данному понятию. Сочинение потом легло в основу оперы Джакомо Пуччини «Богема» (1896 г.). Так слово находило свое место уже в широком культурном контексте.

[529] *Ibid.*

1830-е гг. – это новый этап становления чешско-французских связей. Характерно, что этому способствовали события, которые происходили за пределами чешских земель – в самой Франции, а также в Царстве Польском.

Публичный отклик на европейские революции 1830 г. среди чехов был слаб из-за опасений перед полицейскими репрессиями. Что касается событий во Франции, то они их осуждали, т.к. ассоциировались с событиями Великой французской революции[530]. Однако Июльская революция непосредственно повлияла на историю чешско-французских отношений. Как известно, монарх Карл X был изгнан из Франции и попросил убежище у австрийского императора Франца I. Тот предложил королю поселиться в Пражском Граде, где он и его семья прожили три с половиной года (с 24 октября 1832 г. по 28 мая 1836 г.). Как полагает С. Резников, именно в это время в чешской среде понятия «шляхта» и «французский язык» стали неразрывно связанными[531].

Применительно к данному периоду большое значение имеют записи известного писателя и политика Ф.Р. де Шатобриана. Виконт дважды посещал Прагу – в мае и сентябре 1833 г.[532] Его история региона представлена в виде неточных фрагментов. Как отмечал автор, прошлое Богемии – это смятение, кровь и катастрофа, а сам край когда-то был страной колдунов[533]. Говоря о современной ему чешской литературе, он упоминал В. Ганку, «нашедшего» Краледворскую рукопись в 1817 г. К чести Шатобриана, он не преминул указать на прозвучавшие в 1828 г. сомнения в подлинности этого «памятника»[534].

---

[530] *Reznikow S.* Op. cit. S. 45.
[531] *Ibid.* S. 34.
[532] В обоих случаях мотивом для поездок стали деликатные миссии, инициированные Марией Каролиной Бурбон-Сицилийской, герцогиней Беррийской. Ее просьбы были обусловлены непростой ситуацией в семье Бурбонов. Шатобриан должен был попросить Карла X узаконить мезальянс герцогини с Гектором Луккези-Палли, неаполитанским графом из династии Кампо-Франко. Во-вторых, дипломату надо было передать письма герцогини, адресованные ее детям Луизе и Генриху, а также невестке Марии Терезе Шарлотте Французской. Наконец, виконту предстояло примирить пражский двор с герцогиней Беррийской, чтобы у нее появилась возможность приехать и быть там принятой. *Horská P.* La Bohême et les auteurs français de la première moitié du 19e siècle: Chateaubriand, Sand et Mérimée. Diplomová práce (Universita Karlova v Praze, pedagogická fakulta, katedra francouzského jazyka a literatury). Praha, 2007. P. 12–13.
[533] *Ibid.* P. 20–21.
[534] *Ibid.* P. 22–23.

Описания Богемии у Шатобриана обычно мрачны и холодны. Чужеземец в неизведанном регионе, он оценивал ситуацию, местных жителей, нравы и обычаи, сравнивая их с реалиями во Франции, которая со времен Вольтера считала себя культурным и интеллектуальным центром Европы[535].

Интересно то, что чехи как будто не заметили два приезда знаменитого французского писателя. Известно краткое упоминание о нем в письме поэта и критика Карела Алоиза Винаржицкого. Небольшую заметку также опубликовала газета Prager Zeitung[536].

Справедлив вопрос: контактировали ли как-то чехи с французами-эмигрантами? Историкам известен по крайней мере случай Ф. Палацкого. Будущий «отец нации» был учителем немецкого языка у внука Карла X – Анри Шарля д'Артуа, герцога Бордо, известного также как граф де Шамбор. По всей видимости, благодаря этой работе Палацкий мог познакомиться с окружением короля. С. Резников акцентирует внимание на том, что чешский деятель в Праге вращался в кругу французских роялистов и консерваторов, что могло обусловить его взгляды на текущие события[537].

Палацкий к тому времени был знаком с французским языком и интеллектуальным наследием Франции. Это соприкосновение произошло, когда он преподавал в венгерской аристократической семье Зердахейи (1818–1823 гг.). Так он познакомился с сочинениями Ш.Л. Монтескье, Ф.М. Вольтера, А.Р. Тюрго, Н. Кондорсе, Ж.-Ж. Руссо, Д. Дидро. Работа архивариусом у Штернберков (с 1823 г.) – знатного богемского рода – тоже позволяла ему погружаться в язык и культуру Франции[538].

Можно добавить, что за свою жизнь Палацкий не выучил французский на глубоком уровне. Первый славист во Франции Луи Леже, познакомившийся с ним в 1866 г., отмечал, что чешскому историку было

---

[535] *Ibid.* P. 29–30.
[536] *Ibid.* P. 30.
[537] *Ibid.* S. 48.
[538] *Ibid.* S. 47.

тяжело говорить на родном языке молодого ученого[539]. То же самое утверждал другой специалист по славистике Эрнест Дени, описывая свою встречу (1872 г.) с деятелем[540]. Необходимо подчеркнуть, что французская общественно-политическая мысль крайне мало повлияла на работы Палацкого, в отличие, например, от трудов И.Г. Гердера. К Июльской революции он относился весьма умеренно, в то время ему был ближе английский парламентаризм[541]. Таким образом, говорить о его франкофильстве применительно к первой трети XIX в. было бы большим преувеличением.

Польское восстание 1830–1831 гг. внесло определённый раскол в формирующееся чешское национальное сообщество и вызвало кризис концепций, построенных на идее славянской взаимности. Косвенно оно также повлияло на историю чешско-французских связей. Известно, что некоторые молодые национальные представители, настроенные более радикально, чем старшее поколение будителей, сражались на стороне восставших. Поражение поляков спровоцировало большую эмиграцию во Францию. Там со временем сложились политические центры польской эмиграции. Крупнейший из них (консервативной направленности) в 1840-е гг. стали именовать «Отель Ламбер» – по названию резиденции князей Чарторыйских.

После поражения восстания некоторые чехи, которые симпатизировали мятежникам и воевали вместе с ними, отправлялись во Францию[542]. Там они контактировали скорее с поляками, чем с французами. Страну они рассматривали лишь как политическую трибуну, а чешско-французские связи поддерживались опять же через поляков[543].

---

[539] *Leger L.* Vzpomínka na Františka Palackého // Památník na oslavu stých narozenin Františka Palackého. Praha, 1898. S. 153.
[540] *Denis E.* Vzpomínky a úvahy o Palackém // *Ibid.* S. 159
[541] Стефан Резников видит более общую тенденцию: новые революционные события во Франции способствовали росту англофильства в среде шляхты в ущерб франкофильству. Также англофилом в это время, помимо Палацкого, был Карел Гавличек. *Reznikow S.* Op. cit. S. 47–48.
[542] *Ibid.*
[543] *Ibid.*

Польская эмигрантская пропаганда в парижской среде была весьма успешна и в 1830-е гг., и позднее[544]. Этому способствовало то, что французская общественность в целом негативно относилась к России[545]. Эмигранты подпитывали крайнюю критику в адрес Санкт-Петербурга и во многом сами ее инициировали. Из-за этого, как вспоминал позднее Леже, «французская общественность не имела возможности быть серьезно информированной о событиях, происходящих в Восточной Европе»[546]. Но важно не только это. Ноябрьское восстание в Царстве Польском привлекло внимание европейской общественности на фоне роста противоречий между славянскими народами. Одновременно некоторые поляки рассматривали свой народ как лидера славянского мира[547]. На это накладывалась важная тенденция в европейской публицистике (в том числе французской) – приписывание России панславистских замыслов. Эта очень устойчивая фобия появилась в европейской прессе, как утверждает О.В. Павленко, в конце 1830-х гг.[548] В рассматриваемое десятилетие во Франции постепенно рос интерес к восточному вопросу, крайне актуальному в европейской политике[549]. В периодике обсуждалось не только влияние великих держав на Османскую империю, но и судьбы народов в ее европейской части[550].

---

[544] Как вспоминал Л. Леже, «тот, кто не жил при Второй империи, тот, кто не изучал внимательно историю этой эпохи, не может иметь представления о том влиянии, которое поляки имели на общественное мнение. Мы не знали иностранных языков; поляки же в целом полиглоты. Они предложили свои услуги прессе, которые с готовностью были приняты <…> Поляки управляли общественным мнением через Revue des Deux Mondes, Journal des Débats, le Siècle, l'Univers». *Leger L.* Souvenirs d'un slavophile… P. 23–24.

[545] *Reznikow S.* Op. cit. S. 47–48.

[546] *Leger L.* Souvenirs d'un slavophile… P. 24.

[547] Эти мысли, например, получили развитие на страницах печатного органа Польского демократического общества, выходившего в 1834 г. под редакцией секретаря его Парижской секции Петра Генрика Невенгловского. Созвучные мотивы имело «Воззвание к русским», подготовленное И. Лелевелем при содействии А. Мицкевича. В нем звучал призыв организовать союз во имя свержения царизма и создания вольной славянской федерации. О миссии Польши среди славян писал и орган Чарторыйских Trzeci Maj в ряде статей, опубликованных в 1838–1840 гг. *Фалькович С.М.* Польская политическая эмиграция в общественно-политической жизни Европы 30–60-х годов XIX века. М. – СПб., 2017. С. 31, 38, 125.

[548] *Павленко О.В.* Панславизм: реальный и воображаемый… С. 161.

[549] Кризисные явления в Османской империи стали вызовом для системы международных отношений в Европе еще в 1820-е гг. в период греческого национально-освободительного движения (1821–1830 гг.). В следующем десятилетии внимание держав приковал первый и второй египетские кризисы.

[550] *Moreau M.* L'Europe orientale dans la Revue des Deux Mondes (1829–1856): une double caractérisation orientale // L'Orient des revues (XIXe et XXe siècles). Grenoble, 2014. URL: https://books.openedition.org/ugaeditions/528 Дата обращения: 15.10.2023.

Если обобщать сказанное, то восточный вопрос, польская пропаганда, страх перед российскими замыслами – реальными или вымышленными – способствовали появлению во Франции работ, где впервые затрагивалась славянская тематика.

Такие труды были написаны в середине – второй половине 1830-х гг. Среди них – книга «Политические и литературные записки о Германии» (1835 г.), профессора литературы в Сорбонне, публициста Сен-Марка Жирардена[551]. В ней затрагивалась история взаимодействия славян и немцев. По наблюдению автора, «славянские народы еще не дебютировали на сцене цивилизованного мира; они остаются у ее порога»[552]. Он явно разделял идеи польского мессианизма, лидерства поляков в славянском мире. В его рассуждениях прослеживается и влияние немецкой романтической философии.

Богемия в «Записках» упоминается крайне редко. Речь о ней идет в контексте истории Священной Римской империи и монархии Габсбургов. В трактовке Жирардена вызывает недоумение тезис, что конец «славянского королевства Богемии», а также Венгрии является свидетельством закономерного угасания институтов эпохи Великого переселения народов, предшествовавшей Средневековью[553]. Его представления, по нашему мнению, говорят о крайне общем, а потому неточном понимании чешской истории. Это нашло отражение и в ошибочном толковании гуситского движения. Стоит согласиться с Эрнстом Бирке, который считал, что Жирарден занимался славянской проблематикой скорее как дилетант и эссеист[554].

В 1839 г. вышла книга профессора литературы в Сорбонне Фредерика-Гюстава Эйххоффа «История языка и литературы славян». Позиция автора по отношению к славянам была более комплиментарна, чем точка зрения

---

[551] *Birke E.* Op. cit. S. 35.
[552] *Girardin S.-M.* Notices politiques et littéraires sur l'Allemagne. Paris, 1835. P. 31.
[553] *Ibid.* P. 6.
[554] *Birke E.* Op. cit. S. 39.

Жирардена[555]. Ученый поставил перед собой амбициозную задачу проанализировать происхождение славян и старославянский язык, представить обзор истории всех указанных славянских народов, а затем охарактеризовать историю и литературу каждого из них[556].

К сожалению, его интерпретация тоже страдала тенденциозностью и была далека от реальности[557]. С 1526 г., оказавшись под скипетром Габсбургов, пишет Эйххофф, Богемия «потеряла свою национальность» и «перестала с этого момента причисляться к славянским государствам»[558].

Примечательно, что автор в своей работе использует этноним и говорит о «чехах Богемии» – дословно *les Tchekhes de Bohème*[559], иногда используется слово «богемцы» – *les Bohèmes*[560]. Использование двух вариантов обозначения чешского населения могли запутать неосведомленного французского читателя. Плюсом исследования, как уже говорилось ранее, был богатый фактологический материал, даже несмотря на некоторые ошибки[561]. В целом применительно к концу 1830-х гг. «История языка и литературы славян» закрывала некоторые лакуны перед появлением во Франции славистики и потому стала определенным шагом вперед в этом направлении.

Переходя к промежуточным выводам, можно подытожить, что ключевым словом для характеристики контактов чехов и французов станет «опосредованность». Кроме того, внимание к ним в 1830-е гг. усиливалось из-за польской пропаганды.

---

[555] *Eichhoff F.-G.* Histoire de la langue et de la littérature des Slaves, Russes, Serbes, Bohèmes, Polonais et Lettons, considérées dans leur origine indienne, leurs anciens monuments et leur état présent. Paris, 1839. P. I–II.
[556] *Ibid.* P. II–IV.
[557] Например, автор воспринимает как реальные исторические фигуры Крока и княгиню Либуше. То же самое касается Пршемысла Пахаря и других персоналий и сюжетов. *Ibid*. P. 20–21, 30, 37, 39–40.
[558] *Ibid.* P. 40.
[559] *Ibid.* P. 20.
[560] *Ibid.* P. 21.
[561] Так, Эйххофф упоминал о Козьме Пражском, Далимиле, о деятельности в Праге Тихо Браге и Иоганна Кеплера, рассказывал о Яне Амосе Коменском и т.д. Повествуя о крупных чешских деятелях своего времени, он выделял В.М. Крамериуса, Й. Добровского, А.Я. Пухмайера, Ф.Л. Челаковского, В.К. Клицперу, В. Ганку, Й. Юнгмана и др.

Чешско-российские и чешско-французские связи к концу 1830-х гг. находились в разном состоянии. Русофильство было так или иначе сопряжено с формированием чешской нации, в то время как франкофильство (неполитическое) было присуще богемской знати. Во французской общественной среде только зарождалась группа интеллектуалов, интересующаяся славянами[562]. Академические институции, связанные со славистикой, во Франции отсутствовали (в отличие от России). Международные отношения способствовали появлению интереса к славянам в обществе, однако властных структур это не касалось.

В 1840-е гг. наблюдаются определенные подвижки в контактах французов и чехов. Важным событием стало также появление кафедры славянского языка и литературы в Коллеж де Франс (фр. *la chaire de langue et de littérature slave*; 1840 г.). Появление этой структуры неразрывно связана с польской эмиграцией и конкретно с Мицкевичем[563].

Идею об основании кафедры активно лоббировали князь Адам Чарторыйский, а также Гиероним Наполеон Боньковский и Кристын Островский. По замыслу, она «должна была явиться угрозой для России и отрадой для Польши»[564]. Как подчеркивает Т. Хробак, никто среди французских защитников и противников этого проекта не имел ясного представления о научной составляющей потенциальной кафедры и ее практической пользе для государства и общества[565].

На занятиях внимание было сосредоточено на польской, русской и чешской[566] литературе, географии славянских земель, социальных

---

[562] Интересно в этой связи сравнивать взгляд на славянский вопрос французских публицистов и российских славянофилов. Обе группы были подвержены влиянию немецкой науки и романтической философии. Отличало же их отношение к полякам и польскому мессианству. Кроме этого, на оптику славянофилов влияла имперская идея.

[563] *Chrobák T.* Pour la patrie, pour les slaves. Les slavisants français et leur rôle publique (1863–1920). Thèse de doctorat de l'Université. Prague – Paris, 2008. P. 13. Текущий политический климат во Франции благоприятствовал эмигрантам. Премьер-министр Адольф Тьер стремился к наступательной внешней политике. Напряженные отношения с другими участниками разделов Польши сближали его с польской эмиграцией, стремившейся с помощью Франции возродить свою страну и ее независимость.

[564] *Фалькович С.М.* Польская политическая эмиграция… С. 125–126.

[565] *Chrobák T.* Op. cit. P. 19.

[566] Примечательно, что на своих занятиях Мицкевич разбирал Краледворскую рукопись, считая ее достоверной. *Ibid*. P. 23.

особенностях и религиозных традициях. Знания Мицкевича о чехах были довольно поверхностными[567]. У курса не было системы и общей концепции – «лишь отрывочные наброски, лишенные цельности и законченности»[568]. В своих лекциях поляк отозвался о чешском национальном движении как незначительном для австрийской власти по своим последствиям, демонстрируя слушателям его несостоятельность[569]. Как удачно выразился Хробак, Мицкевич в своем преподавании в высшей школе оставался поэтом[570]. Его занятия посещали не только местные поляки, но и французы. Из известных имен можно вспомнить, например, писательниц Жорж Санд и Даниэль Стерн. Важно отметить, что с появлением кафедры польское влияние на освещение славянского вопроса уже проникало не только в периодические издания, но и в науку.

Тем временем появлялось все больше работ, затрагивающих славянскую тематику. Среди заметных можно назвать «Политику истории» писателя Эрнеста Шаррьера, не лишенную историософского характера. Автор выделял единый славянский мир и считал его «вторым выражением европейской природы»[571]. Впрочем, почти вся литература славян, по его мнению, была вторичной и неоригинальной, поскольку родилась под влиянием Запада. Единственное, что могло претендовать на неповторимость и аутентичность, – народные песни[572]. В книге можно найти заблуждения и ошибки, довольно типичные для того времени. Например, венгры на страницах исследования тоже причислялись к славянам[573]. Поляки и чехи, считал автор, проживают в Центральной Германии[574].

Богемия для Шаррьера была «как бы хранительницей славянской независимости на стыке с западной расой». Географическое положение

---

[567] *Ibid.* P. 22–23.
[568] *Данилова О.С.* У истоков французской славистики – между полонофильством и русофильством – альтернатива XIX в. // Славянский альманах. 2003. С. 108.
[569] *Reznikow S.* Op. cit. S. 49.
[570] *Chrobák T.* Op. cit. P. 23, 25.
[571] *Charrière E.* La politique de l'histoire. T. 1. Paris, 1841. P. V, 217.
[572] *Ibid.* P. 379–380.
[573] *Ibid.* P. 389.
[574] *Ibid.* P. 218.

объективно связывало ее с германским миром, но одновременно Чешское королевство в силу родственных связей обращало свои взоры на Польшу и Венгрию[575]. Эта двойственность, поиск баланса, борьба двух тенденций для Шаррьера были сутью средневековой чешской истории[576]. Причиной гуситского движения, считал он, стала «необходимость обозначить глубокую религиозную разницу с Западом». Это было связано с негативной ролью католичества в истории славян. Именно оно, по словам автора, способствовало падению их государственности. По мере своего распространения гуситское движение могло принять характер славянского сопротивления влиянию Германии[577].

Французское общество, хотя и крайне медленно, узнавало все больше о славянских народах не только благодаря отдельным публикациям. С 1829 г. существовал журнал Revue des Deux Mondes. Его главным редактором в интересующий нас период был Франсуа Бюло (*F. Buloz*). Он руководил изданием более 40 лет (1831–1877 гг.) и сделал его одним из крупнейших во Франции[578]. С журналом сотрудничали такие писатели, как Оноре де Бальзак, Виктор Гюго, Жорж Санд, Александр Дюма, Шарль Огюстен Сент-Бёв и др. В основе редакторской политики лежало стремление изучить «состояние цивилизации, науки, искусства, литературы во всех частях земного шара»[579].

С начала 1840-х гг. в издании начали появляться материалы о славянах. Среди авторов можно назвать Мишеля Шевалье, Сен-Рене Тайандье, Сиприена Робера, Ипполита Деспре и Адольфа Лебра. Характерно, что как минимум трое (Робер, Деспре, Лебр) сотрудничали с польской эмиграцией[580].

---

[575] При этом, считает автор, чешское государство не знало, как воспользоваться своим преимуществом в сравнении с другими славянскими странами. Оно заключалось в «превосходстве цивилизации» и было приобретено благодаря принадлежности к Священной Римской империи. *Ibid.* P. 267–268.

[576] *Ibid.* P. 268.

[577] *Ibid.* P. 269–270

[578] О стабильном росте интереса к изданию говорит следующий факт: в 1831 г. подписчиков было 350, в 1856 г. – уже 8600. *Moreau M.* Op. cit.

[579] *Ibid.*

[580] *Kuk L.* Cyprien Robert, slavisant angevin et la grande émigration polonaise // Annales de Bretagne et des pays de l'Ouest. 1992. T. 99. № 4. P. 506.

Мишель Шевалье опубликовал большой материал, названный «Об абсолютных правительствах Германии». Интерес представляет его часть с подзаголовком «О Богемии и австрийском правительстве». Область монархии, о которой идет речь, описывается в идиллическом ключе. Местные жители, по словам автора, имеют мягкие нравы. Они послушны, очень миролюбивы, а также довольно музыкальны[581]. Жизнь в Богемии полна гармонии, существует баланс «между удовольствиями и желаниями»[582]. Прага для публициста была одним из самых живописных городов мира[583].

Идеализация Богемии распространялась и на трактовку Шевалье ее истории. Автор старался обойти некоторые острые моменты в чешском прошлом (либо же просто не был знаком с ними). Например, рекатолизация региона, указывал автор, прошла гладко – без «широкой системы террора» и жестокости. «Это, кроме того, доказывает, что католицизм <…> находится в полной гармонии с чешским темпераментом»[584].

Новинкой материала стало утверждение, что между Францией и Богемией сложилось много исторических связей[585]. В Габсбургской монархии и конкретно в Богемии автор видел идеал стабильности и поступательного развития, чего, как он считал, весьма не хватает его родине[586]. Этот взгляд предопределял восприятие французского деятеля и не позволял ему увидеть прошлое и настоящее чешских земель во всей их многогранности.

Сен-Рене Тайандье – еще один деятель, писавший о чехах. Ему предстояло сыграть заметную роль в чешско-французских связях. Это был хорошо образованный человек, получивший степень по юриспруденции и литературе. В 1843 г. он начал работать в журнале Revue des Deux Mondes и

---

[581] *Chevalier M.* Sur les gouvernemens absolus de l'Allemagne. I. – L'Autriche // Revue des Deux Mondes. Quatrième série. T. 29. № 5 (1er mars 1842). P. 746.
[582] *Ibid.* P. 747.
[583] *Ibid.* P. 773. Весьма красноречивая характеристика, если сравнивать ее с описанием Пражского града, данным Шатобрианом семью годами ранее.
[584] *Ibid.* P. 776.
[585] В качестве аргумента автор приводит личность Яна Люксембурга, воевавшего на стороне Франции в Столетнюю войну, рассказывает о пребывании Карла X в Праге и т.д. *Ibid.* P. 778–780.
[586] *Ibid.* P. 748–750.

вскоре стал одним из его крупных авторов. В том же году он опубликовал большую статью «Ситуация вокруг интеллектуальной жизни Германии».

Публицист задается вопросом: относится ли Австрия к «обществу германских наций» (фр. *la société des nations germaniques*)?[587] В этом контексте он указывал, что славянские народы в обоих регионах «снова требуют своего национального наречия» (фр. *idiome national*). Они также «ищут полустертые следы своей литературы, хотят оживить ее и вернуть к жизни». Что касается, «богемских славян», то они возвращаются к своим прошлым традициям, стремясь отыскать под их руинами «дух своей расы»[588].

О характере этого культурно-интеллектуального движения свидетельствовало решение «славянской семьи», что ее представителям «не на кого рассчитывать, кроме самих себя»[589]. Несмотря на желание Богемии отделиться[590], Тайандье считал, что Австрии удастся удержать недовольных «благодаря материальным связям, тем преимуществам, которые они найдут, будучи частью великого народа»[591]. Однако такую стратегию он не находил удачной в долгосрочной перспективе.

Лидером национального движения «богемских славян» Тайандье однозначно видел графа Льва Туна. Французский ученый очень высоко оценивал его книгу «О современном состоянии чешской литературы и ее значении» (нем. *Über den gegenwärtigen Stand der böhmischen Literatur und ihre Bedeutung*)[592]. Примечательно, что и сам Лев Тун стремился, чтобы о его

---

[587] *Taillandier S.-R.* Situation intellectuelle de l'Allemagne. Vienne, Munich, Berlin // Revue des Deux Mondes. T. 4. № 1 (1er octobre 1843). P. 98.
[588] *Ibid.* P. 98–99.
[589] *Ibid.*
[590] *Ibid.* P. 102.
[591] *Ibid.* P. 100.
[592] Тун еще в молодости испытал на себе влияние взглядов Бернарда Больцано, который считал, что чехи и немцы должны слиться в одну общность с сугубо территориальной идентичностью (по образцу швейцарцев). По мысли графа, национальное движение в Богемии должно протекать под руководством шляхты, обязанность которой – поддерживать связь с народом и охранять его от германизации. Он видел историческую задачу чехов в передаче западной образованности другим славянам. Для Туна это было предопределено не только географическим положением Богемии, но и мощным процессом национального Возрождения, что позволило бы оказывать влиянием на другие славянские народы. *Žáček V.* K dějinám austroslavismu rakouských Slovanů // Slovanské historické studie VII. Príspěvky k VI. mezinárodnímu sjezdu slavistů v Praze. Praha, 1968. S. 132–135.

работах и чехах узнала Франция[593]. Фигура графа действительно важна для чешско-французских связей и вообще для распространения знаний о чехах в XIX в.

Фигура Сиприена Робера очень важна, т.к. он был предтечей французской славистики. Француз путешествовал по славянским землям и самым непосредственным образом сталкивался с населением всего региона[594]. На протяжении 12 лет (1842–1854 гг.) он сотрудничал с Revue Des Deux Mondes[595].

Робер в своих сочинениях выделял такое понятие, как Восточная Европа, но трактовали его очень широко. В него включалась Центральная и Юго-Восточная Европа, а также Россия. Восточная Европа занимала, по мнению автора, двойственное положение по отношению к «эталонному» Западу. Она могла быть как противоположностью, так и отражением Западной Европы[596]. В духе Гердера Робер обнаружил в славянском национальном движении способность возродить, омолодить и обогатить старую европейскую цивилизацию[597].

Одна из статей, которая касается чехов, называется «Об унитарном движении Восточной Европы». В публикации Робер демонстрировал

---

[593] Из письма Л. Туна А. де Токвилю: «Я вижу ясно, что чешская литература… содержит насущную проблему для моей родины; у меня нет ни малейших сомнений, что славянские народы начинают готовиться [чеш. *sbírat se*] к великой роли в мире интеллектуальном и политическом, и я настолько же убежден, что будущее значение Австрийской империи зависит в существенной мере от национального развития племен, которые она объединяет под своим скипетром». Цит. по: *Ibid.* S. 134.

[594] В биографии Робера есть много белых пятен. По всей вероятности, он начал путешествия по Центральной и Юго-Восточной Европе в 1835 или 1836 г. Он имел хорошее представление о балканском регионе (особенно Сербии) и о славянских землях Австрийской империи. В конце лета 1840 года Робер вернулся во Францию. Осенью он создал Общество путешественников и от его имени начал издавать журнал L'Orient Européen. Его целью стало информирование Западной Европы «об истинных тенденциях греческого и славянского Востока». Вышло всего два номера, они были целиком написаны Робером. После закрытия журнала он начал сотрудничество с Revue des Deux Mondes. Между летом 1843 и летом 1844 гг. Робер предпринял свою последнюю поездку по Центральной Европе. *Kuk L.* Op. cit. P. 507.

[595] В шести статьях, датированных 1845–1846 гг., он сосредоточился на описании народов Габсбургской монархии, а также на Польше, России и польско-российском антагонизме. Наконец, в 1852–1854 гг. три последние статьи, подготовленные для журнала, рассказывают об интеллектуальной жизни и литературе славянских народов. *Ibid.* Надо сказать, что Ф. Палацкий был знаком как минимум с одной работой Робера и оценивал ее не слишком высоко. Весьма красноречивы слова, которые он адресовал своему сыну Яну: «То, что ты был возмущен статьей Сипр. Робера о славянской литературе, я хорошо понимаю, но не хвалю, что ты так спешишь с ней полемизировать <…> Я эту статью читал еще в Париже (в Пале-Рояль) – не к своему утешению – и считаю, что лучше и мудрее всего даже молчать о ней». *Zíbrt Č.* Z dopisů Františka Palackého synu Janovi 1848–1874 // Osvěta: listy pro rozhled v umění, vědě a politice. 1909. S. 153–154.

[596] *Moreau M.* Op. cit.

[597] *Kuk L.* Op. cit. P. 509.

хорошую осведомленность о положении чешских земель в монархии Габсбургов. Чувствуется, что он общался с местными интеллектуалами и/или работал с локальными материалами. Например, к чешским землям он относил не только Богемию, Моравию и Силезию, но и Словакию (именно так она обозначена в тексте – *la Slovaquie*). В духе теории некоторых будителей Робер выделял чехославян, к которым относил чехов Богемии и Моравии, а также словаков[598]. Примечательно, что Робер использовал для обозначения чехов этноним, причем в том виде, который является современной нормой, – *les Tchèques*. Еще одна яркая деталь: от этого слова он образовал название региона *la Tchéquie* (Чехия) и отождествляет его с понятием «королевство Богемия»[599].

Состояние этнонациональной ситуации в чешских землях Робер описывал так: «Среди четырех с половиной миллионов нынешних жителей Богемии и Моравии те, кто имеет немецкое происхождение, с каждым днем все больше гордятся своим титулом богемцев и славянской кровью, текущей в их жилах»[600]. Автор отметил «прогресс национального духа» в чешских землях и допускал, что «венскому кабинету вскоре придется признать еще одну нацию в своей империи, иначе он увеличит число своих внутренних врагов на семь миллионов человек»[601]. Но пока чешским землям, в отличие от Венгрии, «не удастся получить конституцию и самоуправление»[602]. Весьма прозорливо Робер говорит о том, что чехам перед лицом Германии требуется союзник в лице поляков, чтобы не остаться в политической изоляции. При этом он допускал объединение двух народов[603].

Вместе с тем публицист критиковал официальную Вену за то, что поощрением чешского национального движения она противопоставляла этот

---

[598] При этом интересно, что словаков он считал наиболее древней ветвью. *Robert C.* Le monde gréco-slave. Du Mouvement unitaire de l'Europe orientale. La Grèce, l'Illyrie, la Bohême, la Pologne, la Russie // Revue des Deux Mondes. T. 8. № 3 (1er novembre 1844). P. 450.
[599] *Ibid.*
[600] *Ibid.*
[601] *Ibid.* P. 453.
[602] *Ibid.* P. 452–453.
[603] *Ibid.* P. 453.

народ венграм, желая их столкнуть и ослабить[604]. По его мнению, недобросовестные политические приемы Вены показывали, «насколько неустойчив австрийский абсолютизм даже в этой Богемии, которая из всех негерманских королевств Габсбургов является тем, где германский дух пустил самые глубокие корни»[605]. Но достижения чехов в его трактовке – это лишь «триумф побежденных», который просто заставил победителей остановиться[606]. Богемии, по словам Робера, будет сложно добиться какой-либо политической роли «в будущем устройстве греко-славянского мира»[607].

Итак, процессы чешского национального Возрождения, несомненно, находили отклик во французской периодике и публицистике. В них затрагивались события чешского прошлого и настоящего. При этом можно заметить, что авторы давали им подчас противоположную интерпретацию, зависевшую, разумеется, от их собственных взглядов и степени осведомленности о малоизвестном народе.

Больше узнавать о чехах французскому обществу помогала своим творчеством Жорж Санд. В этой связи нельзя недооценивать художественную литературу как потенциальный источник информации. Богемия неоднократно появляется в произведениях знаменитой писательницы[608]. В основном это роман «Консуэло» и его продолжение «Графиня Рудольштадт», законченное в 1843 г. В них можно найти множество сведений о чешской истории и культур[609].

---

[604] *Ibid.* P. 679–680.
[605] *Ibid.*
[606] *Ibid.*
[607] *Ibid.*
[608] Интерес к славянским народам у Ж. Санд диктовался и личными обстоятельствами. Она была потомком польского короля Августа II. Более того, ее предком был также чешский король Йиржи из Подебрад. О первом факте писательница знала, а о втором, как считается, нет. Тем невероятнее кажется такое совпадение, что генеалогия одного из главных героев «Графини Рудольштадт» восходила к упомянутому чешскому правителю. *Horská P.* La Bohême et les auteurs français de la première moitié du 19e siècle… P. 34–35.
[609] Писательница выбрала тему гуситов, потому что придерживалась идеалов человеческого равенства, социальной справедливости и разделения благ. Ей были близки ценности утопической философии социального прогресса, которые пропагандировал ее друг Пьер Леру. Его идеи были проникнуты мотивами равенства всех людей, мира между народами, ценности свободы, народного образования и важности Евангелия. Одновременно Жорж Санд питала открытую антипатию к католицизму и Ватикану. *Ibid.* P. 35, 55–56.

До гусизма история Богемии фактически не имела большого значения для автора. Жорж Санд начинает знакомить читателей с событиями XV в. и пишет о том, что чехи противостояли немцам, желавшим навязать им другую религию[610]. Фактически история чешских земель рассматривалась в романах как перманентное восстание против немецкого господства и Римской церкви. Она сосредоточила свое внимание также на Тридцатилетней войне, жестко ограничившей права и свободы чешских сословий. Сочувствуя чешскому народу и сокрушаясь по поводу его судьбы, она выступала против германизации чехов и за их национальную свободу[611]. В целом взгляд писательницы на них был идеализирован. Они представлены как потомки гуситов, унаследовавшие «чувства патриотической независимости и евангельского равенства»[612].

Роман «Консуэло» имел большой успех у французской публики. Свидетельством этому является хотя бы то, что книга получила продолжение. В середине 1860-х гг. произведения были переведены на чешский язык Жофией Подлипской (сохранилась даже ее переписка с Ж. Санд) и тоже имели немалый спрос в чешских землях[613]. Жорж Санд можно по праву назвать «популяризатором» Центральной Европы.

Познакомить французов с чешским народом и его положением в монархии Габсбургов стремился Палацкий. Для этой цели он пытался использовать свои контакты среди французских аристократов в Праге. Он со своим другом Жаном де Карро в 1845 г. даже замышлял публикацию на французском языке своей главной научной работы «История чешской нации в Богемии и Моравии»[614]. Предполагалось, что книга будет сначала издана в Праге и позднее в Париже. Весьма показательно, что ни одно французское издательство не проявило интерес к данной идее. Французы оставались достаточно равнодушными к чешской тематике.

---

[610] *Ibid.* P. 46.
[611] *Ibid.* P. 44.
[612] *Ibid.* P. 51.
[613] *Ibid.* P. 31–32.
[614] *Reznikow S.* Op. cit. S. 47.

Другая попытка представить чехов французскому обществу принадлежала Франтишеку Заху – «отцу чешской пропаганды во Франции и, возможно, за рубежом вообще»[615]. Приехав в 1840 г. в Париж, он попробовал сблизиться с поляками. Он полагал, что их влиятельное положение во французской столице может помочь ему, чтобы голос чехов зазвучал громче. Однако поляки не заинтересовались деятельностью Заха. В 1843 г. он уехал в Белград, разочаровавшись во французах и поляках[616].

Единственным чехом, который до 1848 г. поехал с политической миссией во Францию, был Вилем Габлер. Он работал гувернером у французских аристократов де Роганов. Инициатором его поездки в Париж был Карел Гавличек. Задача Габлера состояла в знакомстве Франции с чешским вопросом, составлении франко-чешского словаря и подготовке к изданию на чешском языке французской грамматики и истории французской литературы. Книги Габлера должен был позднее издать Гавличек[617]. Фактически последний желал подготовить почву для более близких контактов с французами и для франкофильства в целом. Показательно, что эти планы разрабатывались примерно в период публикации статьи «Славянин и чех», где критиковалась Россия. В плоскости франкофильства фигура Гавличека обычно не рассматривается, хотя представляется весьма интересной.

Габлер пребывал в Париже с 11 апреля по 31 июля 1846 г. Он писал, что познакомился с Сиприеном Робером и через него – с представителями польской эмиграции. В письме от 26 апреля 1846 г. он передавал: «у меня была возможность <…> научить французов, что чехи не немцы и что они имеют свой собственный язык, отличный от немецкого. Людям здесь <…> понравятся чехи»[618].

---

[615] *Ibid.* S. 49.
[616] *Ibid.*
[617] *Ibid.* S. 50.
[618] Цит. по: *Ibid.* S. 50.

Как считает Резников, франкофильство Заха и Габлера имело лишь относительную ценность. Их суждения о Франции были строгими: оба были провинциальными мещанами, которые оказались в шоке от свободы нравов в этой стране. По словам исследователя, поездка Габлера показывала большую «ментальную дистанцию» между Францией и Богемией[619].

Итак, к началу «весны народов» чешско-французские связи, степень интереса двух народов друг к другу, взаимные представления выглядели несколько противоречиво. С одной стороны, во Франции появляется академическая институция, связанная с изучением языков, истории, литературы славянских народов. Также начинал оформляться круг ученых и публицистов, а также писателей, проявляющих к ним внимание. Журнал Revue des Deux Mondes становился средоточием таких материалов. Однако проблема отсутствия интереса к славянам у истеблишмента все-таки определяла общую тенденцию, характерную для 30–40-х гг. XIX.

Известно, что «весна народов» началась с революции во Франции в **1848 г.** Аналогичные события в Австрийской империи привлекали внимание европейской общественности. Обострившийся национальный вопрос в монархии Габсбургов способствовал росту публикаций о ненемецких народах и их роли в революции. За событиями в Богемии следил журнал Revue des Deux Mondes[620]. Среди других крупных и влиятельных парижских изданий можно назвать Journal des Débats[621]. В мае 1848 г. газета крайне сухо упоминала о скором созыве Славянского съезда в Праге. Она акцентировала внимание читателя лишь на том, что форум посетят польские деятели из

[619] *Ibid.* S. 50–51.

[620] См., например: *Mars V., de.* Chronique de la quinzaine // Revue des Deux Mondes. 1 juillet 1848. P. 457; *Thomas A.* La Praguerie de 1848 // *Ibid.* P. 708–740. В этом журнале материалы о революции в Австрийской империи активно публиковал Ипполит Деспре. Они даже вышли отдельной книгой: *Desprez H.* La révolution dans l'Europe orientale. Paris, 1848.

[621] Примечателен материал из номера этой газеты от 6 июня 1848 г. Источником сведений стало немецкое издание Kölnische Zeitung. В заметке применительно к чехам даже использовался этноним les Tchèques. Однако слово «чехи» по-прежнему не имело устойчивой формы написания на французском языке. Характерно и то, что рядом с этнонимом читателю давалось объяснение: чехи – это «богемцы-славяне» (les Bohêmes-Slaves). Nouvelles étrangères. Autriche // Journal des Débats. 26.09.1848. P. 1.

Галиции и Познани[622]. Остальная пресса в Западной Европе сообщала о событии еще меньше[623].

Французский представитель в Австрийской империи Эдуар де Ла Кур писал министру иностранных дел о скором съезде в контексте тревожных событий столице в Богемии (насилие против евреев, угрозы в адрес немцев, забастовки)[624]. Одну из главных задач съезда он видел в обсуждении его участниками будущих «основ империи южных славян». Соответственно, дипломат воспринимал форум как фактор, повергающий риску существование монархии Габсбургов[625]. Естественно, все эти данные не соответствовали действительности, что тоже характеризует представления французских властей о славянах. Непонятен и источник информации де Ла Кура. Судя по всему, в начале июня (когда съезд уже начал работу) он сам оказался в замешательстве. Посланник надеялся, что его коллега отправится в Прагу и сможет прояснить суть и ход мероприятия[626].

Революция активизировала «славянскую» деятельность С. Робера. В марте 1848 г. он основал Парижское общество эмансипации славянских народов (фр. *Société de l'Emancipation des peuples slaves de Paris*; чаще называлось просто *Société slave*)[627]. Весной того же года в организации насчитывалось около 200 членов, 80% из которых были поляками. Сторонники князя Чарторыйского составляли подавляющее большинство. С 1 июня 1848 г. начала выходить газета La Pologne – печатный орган

---

[622] "Journal des Débats" (19. května 1848) a "The Times" (19. května) o svolání Slovanského sjezdu // Slovanský sjezd v Praze roku 1848. Sbírka dokumentů / Ed. Z. Tobolka, V. Žáček. Praha, 1958. S. 192.
[623] *Ibid.*
[624] Francouzský diplomatický zástupce ve Vídni de Lacour zahraničnímu ministru francouzskému Lamartinovi, Vídeň 7. května 1848 // *Ibid.*
[625] *Ibid.*
[626] De la Cour zahr. ministru Bastideovi, Vídeň 7. června 1848 // *Ibid.* S. 193.
[627] Société slave ставило перед собой цель использовать все доступные средства для завоевания независимости или по крайней мере политической автономии для каждого из славянских народов. Польша воспринималась как авангард славянского освободительного движения, а Франция – как ее естественный союзник. *Kuk L.* Op. cit. P. 511.

общества[628]. Известно, что Робер переписывался с Палацким по поводу публикаций чешского ученого в этом издании[629].

В конце ноября 1848 г. француз обратился за поддержкой в «Отель Ламбер». С декабря Чарторыйский начал субсидировать La Pologne[630]. Реорганизованное Общество, превратившееся в своего рода дискуссионный клуб, стало местом встреч политиков и интеллектуалов. Среди гостей был также Франтишек Ладислав Ригер[631].

Отношение к революционной Франции среди чешских деятелей было разным. Ее поддерживали радикальные политики: Карел Сабина, Эммануэль Арнольд, Винценц Вавра-Гаштальский и т.д. Первые статьи Гавличека о парижских событиях были критическими. Он вообще не жаловал французскую революционность. Эта позиция была созвучна настроениям основных чешских вождей[632].

Ситуация начала меняться летом 1848 г. Франтишек Зах утверждал: все либеральные лидеры австрийских славян склоняются к союзу с французами, если Германский союз будет настаивать на включении в него некоторых славянских народов Австрийской империи[633]. Надежда на заинтересованность Франции связывалась с тем, что в Париже тоже видели угрозу в немецком объединительном движении. Ведь во Франкфуртском парламенте обсуждался вопрос об Эльзасе и Лотарингии, населенных немецкоязычными жителями. В Богемии верили, что в отношении чешских земель Франция выразит протест[634]. Резников придает немалое значение суждениям Заха, т.к. видит в них ростки политического франкофильства[635].

---

[628] *Ibid.*
[629] *Kušnieriková B.* Revue des Deux Mondes o Čechoch, Slovákoch a národnostnom problemu v Habsburskej monarchii pred rokom 1871 // Slovanské štúdie XVII. Bratislava, 1976. S. 278.
[630] В марте 1849 г. оба деятеля заключили соглашение, согласно которому все публикации в газете в обмен на финансирование должны были быть одобрены польской консервативной эмиграцией. *Ibid.*
[631] *Ibid.* P. 511–512.
[632] *Reznikow S.* Op. cit. S. 55–58.
[633] *Ibid.* S. 64.
[634] *Ibid.*
[635] *Ibid.*

В декабре 1848 г. президентом Французской Республики стал Луи Наполеон Бонапарт, племянник прославленного императора. В основу своей внешней политики он положил «принцип национальности». Эта концепция проявилась на практике уже в ближайшем будущем: Наполеон покровительствовал объединению итальянских территорий, рассуждал о новых национальных государствах на Балканах, послал ноту российскому правительству в защиту поляков во время Январского восстания 1863–1864 гг. Однако «принцип национальности» на деле был ширмой, прикрывающей стремления правителя установить гегемонию Франции в Европе. Так, помогая итальянцам, он старался вытеснить австрийское влияние из региона и усилить французское. «Принцип национальности» позволял ему высказывать претензии на Бельгию, Люксембург и немецкие государства на левом берегу Рейна[636]. Он рассчитывал, что через поддержку национальных движений он будет контролировать ход международных событий, не допустив появления других больших и сильных государств[637]. Риторика Луи Наполеона вызывала симпатию у чешских интеллектуалов, надеявшихся, что Франция поможет народам Центральной Европы обрести свои национальные права.

Рост симпатий к Франции коррелировал с увеличивавшимся разочарованием в политике Вены, которая отказывалась от уступок[638]. В этом плане механизмы возникающего франкофильства были весьма схожи с возрождением русофильства после неудачи в конце 1840-х гг.

Одним из важных сюжетов чешского франкофильства в тот период стала поездка Ф.Л. Ригера во Францию. Еще в марте 1848 г. он писал Карелу Гавличеку о том, что эта страна имеет больше всех в Европе «политической и революционной практики»[639]. Видимо, в том числе желание лично

---

[636] *Pfaff I.* Francie a Čechy... S. 21.
[637] *Ревякин А.В.* Франция и «Весна народов» 1848 г. «Принцип национальности» в политике Луи Наполеона Бонапарта // Европейские революции 1848 года. «Принцип национальности» в политике и идеологии. Отв. ред. С.М. Фалькович. М., 2001. С. 41–42.
[638] *Reznikow S.* Op. cit. S. 62.
[639] 1848 březen 12. Rím. – Rieger Havlíčkovi // Příspěvky k listáři Dra Fr. Lad. Riegra. Díl 1... S. 37.

познакомиться с этим опытом общественно-политической жизни побудило его покинуть Габсбургскую монархию. К этому можно добавить негативный для либералов итог революции, консервативный поворот в имперской политике, боязнь преследований. Уже 15 марта 1849 г., через неделю после роспуска рейхстага и конца «весны народов», Ригер написал матери, что думает, как можно скорее уехать во Францию. Той же весной он это и сделает. В Париже он останется на полтора года.

Безусловно, прав Эрнст Бирке, когда говорит, что в 1849–1850 гг. шансы Ригера быть представителем чешских политиков, транслировать и пропагандировать некие интересы чешских земель были крайне малы[640]. Эта поездка была его первой попыткой обстоятельно познакомиться со страной, установить связи и контакты, прозондировать почву, хотя это оказалось достаточно сложно. Чешский деятель отмечал, что во французской политике все решает парижское общественное мнение[641].

В столице Франции Ригер первым делом вошел в контакт с Леопольдом Леммелем. Это был представитель еврейской семьи банкиров в Праге, которая в течение многих лет была связана с чехом финансовыми делами[642]. Зятем Леммеля был депутат и банкир Леопольд Жаваль. Через него уже Ригер познакомился с другими французскими политиками – бывшим премьер-министром А. Тьером, а также братьями Барро (Одилон был премьер-министром, а Фернан – министром внутренних дел). Как утверждает Резников, эти контакты он приобрел вопреки давлению со стороны австрийского посольства[643]. Из примечательных знакомств можно назвать Мишеля Шевалье, о чьей работе говорилось ранее. В столице Франции Ригер увиделся со своим другом В. Габлером, тоже приехавшим в Париж. Этот франкофил контактировал с польской эмиграцией и сумел его свести князем А. Чарторыйским (об этом см. следующий параграф).

---

[640] *Birke E.* Op. cit. S. 243.
[641] 1849 kveten 17. Paríž. – Rieger Palackému // Příspěvky k listáři Dra Fr. Lad. Riegra. Díl 1... S. 50.
[642] *Birke E.* Op. cit. S. 240.
[643] *Reznikow S.* Op. cit. S. 62–63.

Во время своего пребывания во Франции Ригер не только обрастал связями, но и занимался самообразованием. Прежде всего, он совершенствовал свой французский язык. К концу 1849 г. он был настолько уверен в своих знаниях, что предложил Палацкому перевести его статью «Централизация и национальное равенство в Австрии» на французский[644]. Хотя из этого плана ничего не вышло, уже видны те пропагандистские тенденции, которые должны были придать позднейшим поездкам Ригера во Францию особый характер.

Также он изучал политэкономию и письменные памятники, имевшие отношение к чешской истории (судя по всему, по просьбе Палацкого[645]). Чешский политик посещал лекции в Сорбонне и в Коллеж де Франс, где, вполне возможно, контактировал с Сиприеном Робером. Показательно, что он отложил свое возвращение в Прагу и сократил сроки своей скорой поездки в Англию[646].

В целом «весна народов» не стала периодом, когда чешская и французская сторона сблизились друг с другом. Скорее, она дала толчок росту взаимного интереса. Французские деятели (конечно, пока не все) увидели, что пространство к востоку от Рейна не является чисто немецким. В то же время чешские общественные деятели признали перспективными связи с Францией для пропаганды чешского вопроса. Конец «весны народов» стал импульсом не только для русофильства, но и франкофильства. Оба направления развивались синхронно, хотя и с разной скоростью.

В 1850-е гг. французские публицисты попытались проанализировать недавние события революций 1848–1849 гг., их причины и итоги. Любопытным примером среди опубликованных материалов служит двухтомное издание «Народы Австрии и Турции». Его автор – Ипполит Деспре, много писавший для Revue des Deux Mondes. В начале 1850-х гг. он

---

[644] *Birke E.* Op. cit. S. 242–243.
[645] См. письма Ф.Л. Ригера Ф. Палацкому, датированные ноябрем 1849 г.: Příspěvky k listáři Dra Fr. Lad. Riegra. Díl 1... S. 67–69.
[646] *Reznikow S.* Op. cit. S. 63.

начал строить дипломатическую карьеру в МИД, став сначала внештатным атташе, а через несколько лет – заместителем директора по политическим вопросам (1856 г.)[647]. Этот французский деятель был, кроме того, знаком с Ф. Палацким. Они виделись дважды в декабре 1852 г. и один раз весной 1853 г., когда чех приезжал в Париж[648].

Книга «Народы Австрии и Турции» интересна своей целью обобщить наблюдения, связанные со славянскими национальными движениями. Деспре писал о «славянской идее» и литературной взаимности славян. Он отмечал, что их исторические исследования и литература выполняют национально-политические задачи. В качестве примеров он приводил труды П.Й. Шафарика и Ф. Палацкого[649].

Деспре был знаком с концепцией австрославизма, хотя этот термин он прямо не использовал. Особое впечатление на него произвела в те годы политика Венгрии в отношении славян и военные действия под командованием Елачича. В восприятии публициста хорватский полководец являлся человеком, внесшим наиболее значительный вклад в дело австрославизма[650]. Одна из главных причин существования этой концепции,

---

[647] В роли дипломата он пытался ответить для себя на вопрос, как можно сдержать Россию. Эффективным средством Деспре видел консолидацию и сближение Австрийской и Османской империй, которые составили бы барьер для своего соседа. Обоим государствам следовало укреплять себя изнутри путем преобразования в федерации. За счет этого державы могли сблизиться не только на уровне правительств, но и народов. Именно под таким углом зрения Деспре интересовался межнациональными отношениями в Центральной Европе и славянскими народами *Leanca G.* Empires et nations dans la stratégie diplomatique du Second Empire: quelques observations autour des écrits d'Hippolyte Desprez // Analele ştiinţifice ale Universităţii „Alexandru Ioan Cuza" din Iaşi (serie nouă). T. LVI–LVIII. Iaşi, 2010–2012. P. 242–243, 245.

[648] *Kořalka J.* František Palacký (1798–1876): životopis. Praha, 1998. S. 370, 373. Также Ф. Палацкий пытался контактировать с Деспре через своего сына Яна, находившегося во Франции. *Zíbrt Č.* Z dopisů Františka Palackého synu Janovi 1848–1874... S. 153–154.

[649] *Desprez H.* Les peuples de l'Autriche et de la Turquie. Paris, 1850. T. 1. P. LXIII.

[650] Деспре приписал Елачичу даже слова Палацкого о том, что, если бы Австрии не существовало, ее бы следовало изобрести. В связи с событиями начала октября 1848 г. автор писал: «Подавляя венское восстание, он утверждал, что наносит удар не по той или иной социальной системе; это союз немецкой расы с мадьярской, это препятствие вхождению славянской расы в правительство Австрии. Такая мысль заслуживала того, чтобы ее поняли чехи и поляки в венском сейме. Чешские депутаты инстинктивно ухватились за это. Первым их шагом на следующий день после восстания был отъезд в Прагу, и оттуда они обратились ко всем славянским депутатам. Это была для ученых-славистов, таких как Палацкий и Шафарик, прекрасная возможность поддержать тезис, разработанный несколькими месяцами ранее на этом славянском конгрессе, где впервые было торжественно предложено политическое объединение австрийских славян». *Desprez H.* Les peuples de l'Autriche et de la Turquie. Paris, 1850. T. 2. P. 34–35; Также: «Елачич сумел тесно приобщить чехов к своему делу: он овладел их быстрым и мечтательным воображением, заставив впервые прогреметь победоносную пушку славянской идеи и открыв перед их созерцательным взором таинственные глубины будущего». *Ibid.* P. 267.

по словам Деспре, – необходимость в отпоре российским замыслам по подчинению всех славян. Страх автора перед панславизмом был в духе времени. Он был убежден, что если исчезнут Австрийская и Османская империи, то независимые славянские народы начнут конфликтовать друг с другом. И затем их, ослабленных в этой борьбе, подчинит Россия[651]. Автор также знал об идее федерализации Габсбургской монархии и даже упоминал об одном из проектов, принадлежавших Палацкому. Причем он верил в концепцию такого преобразования империи. Публицист считал, что Дунайская монархия в будущем придет к федерации вследствие объективных причин[652].

Что касается конкретно чехов, то Деспре использовал как этноним *les Tchèques*, так и политоним *les Bohèmes*. По его словам, Богемия – наиболее показательный пример жертвы двух тенденций: стремления славян на запад и движения немцев на восток. Из-за этого Богемия оказалась в сердце Германии[653]. В конце концов «Германский союз превратился в место рабства Богемии, рабства интеллектуального и религиозного»[654]. В этой связи гуситское движение трактуется Деспре как «великий и глубокий национальный протест чешской расы против Германии». Но все же германизм победил[655] и видоизменил «национальную гениальность» Богемии и местную славянскую традицию[656]. Поэтому Деспре воспринимал Богемию как «образованную, но изнуренную бременем длительного господства, пылкую и смелую в исследованиях и борьбе славянской науки, но менее воинственную по своей природе, чем Польша и Иллирия <…>»[657]. Впрочем, считает автор, чехи наряду с поляками и «иллирами» «имеют больше

[651] *Desprez H.* Les peuples de l'Autriche et de la Turquie… T. 1. P. 6–7.
[652] *Desprez H.* Les peuples de l'Autriche et de la Turquie… T. 2. P. 265.
[653] *Ibid.* P. 116–117.
[654] *Ibid.* P. 117.
[655] *Ibid.*
[656] *Desprez H.* Les peuples de l'Autriche et de la Turquie… T. 1. P. LXV.
[657] *Desprez H.* Les peuples de l'Autriche et de la Turquie… T. 2. P. 20.

склонности к России, чем к Германии». Это делает их уязвимыми перед якобы панславистскими намерениями Петербурга[658].

В 1850-е гг. Робер был разочарован в действиях славянских народов в период «весны народов», как и ее результатами. Он пришел к выводу, что демократия и революция могут быть ложными друзьями идеи национальности, в том числе славянской идеи[659]. Он заметно охладел к славянской тематике. Предметы и направления, которые он возглавлял в Коллеж де Франс, не были популярными среди аудитории[660]. В 1857 г. он, никого не предупредив, покинул кафедру и, можно сказать, исчез. Точная дата и место его смерти неизвестны до сих пор.

Его заменил поляк Александр Ходзько, чье профессиональное становление прошло в России[661]. К началу своего преподавания польский эмигрант не издал ни одной работы, посвященной славянской тематике. Это произойдет только в середине – конце 1860-х гг.[662] Однако фигура Ходзько примечательна тем, что именно он открыл славянский мир будущему основателю французской славистики Луи Леже.

Как известно, Крымской войне (1853–1856 гг.) непосредственно предшествовал спор между Францией и Россией, представлявшими интересы католической и православной церквей, по поводу святых мест[663]. Этот конфликт быстро перешел в политическую плоскость, когда обе страны стали апеллировать к султану. Таким образом, встал вопрос, чье влияние в Стамбуле возьмет верх. Франция победила. Несмотря на несколько попыток давления со стороны России, включая оккупацию Дунайских княжеств,

---

[658] *Desprez H.* Les peuples de l'Autriche et de la Turquie… T. 1. P. 91.
[659] *Kuk L.* Op. cit. P. 514.
[660] *Ibid.*
[661] Александр Ходзько родился в 1804 г. в Российской империи (Виленская губерния). Высшее образование получил в Виленском университете. Там он познакомился с А. Мицкевичем и стал его другом. Был арестован за участие в обществе филаретов, но позднее оправдан. В дальнейшем закончил Училище восточных языков при Министерстве иностранных дел. В 1830–1842 гг. пребывал в Персии как российский консул. Затем вышел в отставку и уехал в Европу.
[662] *Chrobák T.* Op. cit. P. 35.
[663] Под этим конфликтом подразумевался спор между православной и католической церквями, стремившимися установить контроль над важными для христиан местами в Палестине. Один из наиболее известных предметов спора – вопрос о владении ключами от Храма Гроба Господня.

султан не изменил своего решения. Затем он выдвинул Санкт-Петербургу ультиматум с требованием вывести свои войска из Молдавии и Валахии, а через несколько дней объявил войну. В январе 1854 г. Франция и Великобритания выступили на стороне Османской империи. Ход конфликта показал французским властям важность славянского мира и необходимость его изучения[664].

Во время войны в 1855 г. появилась важная статья С.-Р. Тайандье. Она не была связана с международным конфликтом, однако речь в ней шла об одной из главных личностей в чешской истории – Ф. Палацком. Известно, что написать статью о его «Истории чешского народа в Богемии и Моравии» ученому предложил годом ранее Деспре[665]. Автор восхищался чешским национальным Возрождением, уникальном, как он считал, по своему мирному и «уверенному» характеру. Публицист расценивал эту особенность как неоспоримое достоинство, сравнивая ее с радикальной и полной жертв революцией в Венгрии[666].

Тайандье знакомил читателя с биографией Палацкого, рассказывал о его семье и начальном жизненном пути[667]. Он уделяет достаточное внимание также его первым исследованиям[668]. Естественно, что ученый отводит важное место главному историческому сочинению Палацкого – «Истории чешского народа в Богемии и Моравии»[669]. Для автора значение пражского исследователя состоит в том, что он не только восстанавливает забытые страницы чешского прошлого, но и влияет на процесс формирования чешского общества. «Рассказывая о Богемии прошлого, он свидетельствует о новой Богемии», – писал Тайандье[670]. Однозначно позитивно он смотрит и на деятельность историка в 1848 г. Автор фактически встал на его сторону,

---

[664] *Chrobák T.* Op. cit. P. 33.
[665] *Kušnieriková B.* Revue des Deux Mondes o Čechoch, Slovákoch a národnostnom problemu v Habsburskej monarchii... S. 278.
[666] *Taillandier S.-R.* L'histoire et l'historien de la Bohème. Franz Palacky // Revue des Deux Mondes. T. 10. № 2 (15 avril 1855). P. 360–361.
[667] *Ibid.* P. 355–356.
[668] *Ibid.* P. 356–373.
[669] *Ibid.* P. 374–391. Автор статьи ссылается на немецкоязычное издание этого исследования.
[670] *Ibid.* P. 392.

излагая причины его отказа от участия в работе Франкфуртского собрания. Также он верно передал содержание его австрославистского проекта[671]. Более того, француз приводит очень обширную цитату из «Письма во Франкфурт», в том числе ту часть, где шла речь о необходимости защиты славян от России[672]. В этой связи он постулирует: Австрийской империи следует остерегаться этой страны. Ведь славяне, если встанет выбор между Санкт-Петербургом и Веной, предпочтут первый вариант. Тем более на фоне противоречивой политики Габсбургской монархии в отношении славянских народов и чехов в частности[673]. Австрийской империи нужно не просто сблизиться с западными державами, но и лучше относиться к славянам. И если бы Вена окончательно выбрала «античешский» курс, а Россия в этот момент выступила бы «освободителем» чехов, то они «соединились бы с сынами Рюрика»[674].

Тайандье видит лишь один способ предотвратить надежды чехов на такую «российскую помощь»: Габсбургская монархия должна освободить славян. Он был уверен, что благодаря возвращению к «национальному существованию», а также тесной связи с западной цивилизацией чехи не будут обращать свои взоры на Россию[675].

Нельзя забывать, что критика в адрес этой страны была типична для французской печати, начиная с 1830-х гг. Статья вышла в тот момент, когда Париж и Санкт-Петербург воевали друг с другом. По свидетельству Л. Леже, начиная с Крымской войны и далее большая часть истеблишмента Франции переносила свое негативное отношение к России и на австрийских славян. Их попытки сопротивления австронемецкой и венгерской гегемонии рассматривались как маневры, инспирированные восточной державой и связанные с панславизмом[676]. Строгая разграничительная линия между

---

[671] *Ibid.* P. 394.
[672] *Ibid.* P. 394–395.
[673] *Ibid.* P. 397.
[674] *Ibid.*
[675] *Ibid.*
[676] *Leger L.* Souvenirs d'un slavophile… P. 24.

западной цивилизацией и Россией, ее противопоставление Европе потенциально означали осуждение чешского русофильства.

Возвращаясь к статье Тайандье, можно лишь добавить, что в 1855 г. Палацкий в письме поблагодарил автора за публикацию, а годом позже они встретились в Праге. Так началась дружба двух ученых, которая в будущем весьма поспособствует деятельности Национальной партии во Франции[677].

Несмотря на появление уже относительно подробных материалов о чехах, в целом французская общественность по-прежнему имела о данном народе смутное представление. Она не различала среди жителей Австрийской империи отдельных народов. А к австрийцам в целом у них было негативное отношение[678]. Об этом писала Ригеру его жена, находясь в Ницце 1859 г. вместе с матерью: французы ко всем австрийским подданным относились с одинаковой долей презрения[679]. В свою очередь, по мнению М. Лендеровой, чехи в целом занимали по отношению к французам нейтральную, даже равнодушную позицию[680].

В 1850-е гг. чешское франкофильство все еще находится в зачаточном состоянии. Чехи приезжали во Францию и знакомились со страной. В начале десятилетия там побывали сын и дочь Ф. Палацкого, а в 1852 г. – и сам чешский историк. Из Парижа он писал Ф.Л. Ригеру, что для него этот город – «настоящий центр духовной жизни, какого больше нигде не найти»[681]. В 1855 г. Ригер тоже приезжал в столицу Франции, но лишь чтобы сопроводить жену Палацкого Терезию.

Что можно сказать о чешско-французских связях к началу 1860-х гг.? Во Франции к тому времени уже сложился круг публицистов, которые писали о чехах. В этом контексте можно выделить журнал Revue des Deux Mondes, где издавалось относительно много таких материалов. Выходили

---

[677] *Kušnieriková B.* Revue des Deux Mondes o Čechoch, Slovákoch a národnostnom problemu v Habsburskej monarchii... S. 281.
[678] *Lenderová M.* Několik poznámek k audienci F.L.Riegra u Napoleona III… S. 254.
[679] 1859, prosinec 2. Nizza – Marie Riegrová choti // Příspěvky k listáři Dra Fr. Lad. Riegra. Díl 1... S. 121.
[680] *Lenderová M.* Několik poznámek k audienci F.L.Riegra u Napoleona III… S. 254.
[681] *Reznikow S.* Op. cit. S. 63.

статьи и заметки в газетах. Существовала академическая институция, где изучалась история славянских народов. При этом надо иметь в виду, что во Франции славистика как наука сложилась все-таки позже. Представление о Центральной Европе как немецком пространстве к концу 1850-х претерпело изменение, но небольшое. Даже публицисты и ученые, писавшие о чехах, постоянно акцентировали внимание на крайне сильном германском влиянии на этот народ. Это хорошо перекликается со словами Погодина на ту же тему: «Самая Богемия считается, даже в русских учебных книгах, немецким владением австрийского императора»[682]. Можно резюмировать: французское общество практически не имело четкого представления о чехах, но говорить о том, что информация о них во Франции отсутствовала, было бы ошибкой.

Уместно предположить, что если международные события помогали в открытии южных славян, то мирный характер чешского национального движения, который так ценил Сен-Рене Тайандье, не способствовал известности чехов за пределами Дунайской монархии.

Что касается Богемии, то в ней сформировался круг деятелей, которые симпатизировали Франции. Впрочем, политическим франкофильством это можно назвать далеко не всегда.

Следует иметь в виду еще одну важную особенность становления чешско-французских контактов. Речь идет о польском влиянии на французское общественное мнение в отношении славянских народов и России. Причем это касалось как прессы, так и академических материалов. С другой стороны, нередко чешские деятели ехали во Францию для установления контактов именно с поляками. В этом смысле страна становилась своего рода «платформой для встреч».

---

[682] Письмо к министру народного просвещения, по возвращении из путешествия по Европе в 1839 г. // *Погодин М.П.* Историко-политические письма и записки в продолжении Крымской войны. 1853–1856. Т. 4. М., 1874. С. 21.

1.3. Политическое полонофильство: становление и трансформация

Интерес чехов и поляков друг к другу был обусловлен общим происхождением, непосредственным соседством, схожими языками и одинаковой религией. Этому также поспособствовал первый раздел Речи Посполитой (1772 г.), когда ее юго-западная область, Галиция, вошла в состав монархии Габсбургов. Так оба народа оказались в одном государстве. Экономически и политически в Галиции доминировала шляхта с ярко выраженным польским самосознанием.

В начале XIX в. чешско-польские связи сводились в основном к научным контактам и оставались слабыми[683]. Со стороны поляков наибольший интерес к чехам проявляли члены Общества филоматов[684]. В чешских землях внимание к соседям резко выросло в период восстания 1830–1831 гг. в Царстве Польском. Однако в условиях цензуры лишь две чешские газеты Prager Zeitung и Pražské noviny публиковали информацию о ходе событий[685]. Единственным органом, выражавшим открыто пропольские настроения, являлся журнал Čechoslav[686].

Сразу же после первых известий о восстании чехи попытались оказать полякам непосредственную помощь. Однако из-за усилий властей и слабой

---

[683] Й. Добровский, Й. Юнгман, В. Ганка много переписывались с польским филологом и автором шеститомного «Словаря польского языка» Самуилом Богумилом Линде, а также библиографом, историком и заведующим библиотекой Краковского университета Ежи Самуэлем Бандтке. Известно, например, что Юнгман, переводя поэму Д. Мильтона «Потерянный рай» и «Аталу» Ф. Р. де Шатобриана, активно использовал полонизмы. Интерес к польской литературе проявлял поэт и переводчик Антонин Ярослав Пухмайер. Češi a Poláci v minulosti. Díl 2. Období kapitalismu a imperialismu / Ed. V. Žáček. Praha, 1967. S. 78, 102–115, 118–119.

[684] Среди филоматов можно выделить Ф. Малевского – друга А. Мицкевича. Именно от него чехи узнали о творчестве польского поэта. Позднее контакты между филоматами и чешскими деятелями прервались из-за преследования польской организации в России. Однако их косвенным результатом стала поездка Мицкевича в Прагу (1829 г.), желавшего поближе познакомиться с будителями и их деятельностью. Со временем сведения, которые он почерпнул из этого путешествия, легли в основу лекционных материалов о чехах в Коллеж де Франс. После своей поездки Мицкевич продолжал поддерживал контакты с В. Ганкой. Они переписывались, а также обменивались сочинениями. В 1832–1833 гг. в Дрездене польский поэт общался с Львом Туном. Роль посредника в их знакомстве, очевидно, выполнял Ганка, который учил Туна чешскому языку. *Šmerda M., Žáček V.* Vztahy politické // Češi a Poláci v minulosti. Díl 2. Období kapitalismu a imperialismu / Ed. V. Žáček. Praha, 1967. S. 80–81, 189.

[685] *Гогина К.П.* Отклики на польское восстание 1830–1831 гг. в чешских землях и Словакии // Национальное движение в Центральной Европе: сотрудничество и контакты (30–70-е годы XIX в.). Отв. ред. С.М. Фалькович. М., 1991. С. 29.

[686] *Там же.*

информированности инициаторов эти акции не приобрели какого-либо практического значения[687].

Среди тех, кто отправился добровольцем воевать на стороне поляков, был Франтишек Зах. В конце лета 1831 г. он нелегально прибыл в Краков, однако принять непосредственное участие в сражениях не успел. Возвратившись в Брно, Зах активно помогал польским беженцам. Затем под давлением австрийских властей он уехал во Францию. В начале 1840-х гг. чешский деятель стал секретарем князя Чарторыйского, а в 1843–1848 гг. – его полномочным представителем в Белграде[688].

Отношение будителей к восстанию было довольно сложным. С одной стороны, эти деятели в духе идей славянской взаимности восхищались Россией (еще до волнений). При этом они поддерживали дружеские контакты с представителями польской науки и литературы. По словам К.П. Гогиной, симпатии чехов зависели от оценки последствий, к которым должна была привести борьба поляков за независимость[689]. Впрочем, публичные заявления никогда не звучали из-за опасения нанести урон чешскому национальному делу[690].

Й. Юнгман критично относился к Ноябрьскому восстанию, поскольку считал, что оно подрывает будущее славянское единство (прежде всего языковое)[691]. Его мнение разделяли Я.Е. Пуркине, Я.С. Пресл и В. Ганка. Особенно непримиримым противником польских действий был историк А.В. Шембера[692]. Иной точки зрения придерживались П.Й. Шафарик, Ф.Л. Челаковский, Ф. Палацкий, хотя их взгляды не были идентичны[693]. Однозначно на стороне поляков были Шафарик и

---

[687] *Там же.*
[688] *Там же.* С. 30–31.
[689] *Там же.* С. 31–32.
[690] *Там же.* С. 32.
[691] По мнению Юнгмана, общеславянским литературным языком должен был стать в будущем именно русский. *Там же.* С. 33.
[692] *Там же.*
[693] *Там же.* С. 36.

Челаковский[694]. Подобную позицию занимал поэт К.Г. Маха – лидер так называемого «поколения двадцатилетних»[695].

Что касается позиции Палацкого, то К.П. Гогина осторожно отмечает, что «его не было в лагере противников польского восстания»[696]. Еще в статье «Наши потребности и задачи» (1828 г.) для издания Časopis Společnosti wlastenského museum w Čechách он писал, что чешское национальное движение должно ориентироваться на «естественный союз с европейским либеральным Западом <…>, а нисколько не с деспотическим устройством Востока»[697]. Также он глубоко симпатизировал Т. Костюшко – лидеру польского восстания 1794 г., которое вспыхнуло после второго раздела Речи Посполитой (1793 г.). При этом незадолго до восстания в статье «О народах польских» (1830 г.) для того же печатного органа Палацкий критиковал «анархический демократизм» поляков[698]. Жесткие действия России в 1830–1831 гг. он тоже осуждал[699].

После подавления волнений через территорию Австрийской империи прошло около 20 тыс. интернированных солдат. Большинство из них направилось в Западную Европу. Через чешские земли проходили три официально установленных пути, связанных с транспортировкой конвоируемых польских беженцев в Германию, а затем во Францию[700]. Как отмечает Гогина, чешское население встречало интернированных восторженно[701]. В организации переправки нелегальной литературы участвовал Франтишек Браунер, которого в 1832 г. арестовала полиция, но затем отпустила. Вплоть до 1848 г. он находился под ее надзором[702].

---

694 *Там же.* С. 34.
695 Он и его друзья (например, К.Я. Эрбен и К. Сабина) после поражения восстания помогали польским эмигрантам, нелегально проезжавшим через столицу Богемии. *Там же.* С. 35.
696 *Там же.* С. 34–35.
697 Цит. по: *Reznikow S.* Op. cit. S. 46.
698 *Гогина К.П.* Указ. соч. С. 35
699 *Hostička V.* Op. cit. S. 127.
700 Поляки отправлялись из Тешина, затем шли в Пруссию (через Моравска-Остраву и Опаву), в Саксонию (через Оломоуц, Градец-Кралове, Румбурк) и в Баварию (через Южную Чехию). *Гогина К.П.* Указ. соч. С. 37.
701 *Там же.* С. 38.
702 *Там же.*

В целом Ноябрьское восстание не только стало временем всплеска чешско-польских связей, но и повлияло непосредственно на чешскую общественную жизнь. Она приобрела национально-политическую окраску[703]. Впервые были противопоставлены чешские русофильство и полонофильство. Как уже говорилось ранее, первое из них стало к тому же более дифференцированным.

На наш взгляд, можно согласиться с наблюдениями В. Гостички. С его точки зрения, всеславянство после событий 1830–1831 гг. нельзя было быстро заменить концепцией, предложившей бы чехам новый взгляд на славянский мир и Европу[704]. Вдобавок ко всему обозначение собственной позиции в «русско-польском споре» не являлось решающим для чешской общественности. Ведь с повестки дня не сходил вопрос о славяно-германском антагонизме[705]. Сыграло роль и то обстоятельство, что поколение интеллектуалов, действовавшее в 1830-е гг., никак не соприкасалось с политической сферой[706]. В итоге анализ чехами российского государства и событий в нем через призму восстания не выдержал проверку временем.

После 1831 г. поляки отошли от идеалов колларовской славянской взаимности. Теперь славянская идея ими понималась как средство для реализации польской национальной идеи, сосредоточенной на достижении свободы и независимости. Вацлав Жачек называет это направление «польско-славянским вариантом славянской взаимности», наполненным политическим и революционным смыслом[707]. Разумеется, после восстания о роли России как защитницы славян для поляков-эмигрантов во Франции не могло быть и речи.

---

[703] *Там же.* С. 39.
[704] *Hostička V.* Op. cit. S. 130.
[705] *Ibid.*
[706] *Ibid.* S. 131.
[707] *Žáček V.* Dvojí pojetí a výklad slovanské myšlenky // Češi a Poláci v minulosti. Díl 2. Období kapitalismu a imperialismu / Ed. V. Žáček. Praha, 1967. S. 180.

Примечательно, что Ригер в начале 1840-х гг. тоже действовал в полонофильском духе. Связавшись на рубеже 1830–1840-х гг. с Адольфом Теттмайером (представителем парижских поляков, нелегально пребывавшим в Праге), он стал помогать в доставке нелегальной литературы в Галицию[708]. После ареста в июне 1840 г. другого польского агента Леслава Лукашевича и ряда чешских деятелей тайная полиция добралась до Ригера. В январе 1842 г. он был арестован в своей квартире и 17 дней провел в заключении. Затем его отпустили из-за недостатка доказательств[709]. Несмотря на отсутствие обвинений, Ригер уже не мог снова служить в суде и сосредоточился на адвокатуре[710]. Пребывание в тюрьме, пусть и краткое, сыграло на руку будущему политику: он приобрел ореол первого пражского политического заключенного[711].

Для осмысления чешско-польских взаимоотношений того времени нельзя пройти мимо фигуры Карела Гавличека и его статьи «Славянин и чех». Он считал, что польские эмигранты хотят лишь использовать славян в достижении своих целей, чтобы те одновременно с поляками начинали «легкомысленные революции» и тем самым помогали им[712]. Заигрывая с чехами, они якобы мечтали возглавить их и направить сражаться с теми, кого поляки ненавидят[713].

Гавличек считал, что поляки – «тоже русские, но только со связанными руками»[714]. Он старался показать, что между обоими народами на самом деле много общего. Так, поляки и русские отказывают друг к другу в славянском происхождении, к тому же они свысока относятся к чехам[715]. Гавличек подчеркивал, что его соотечественники благодаря упорству, трудолюбию, образованности и другим качествам стоят выше обоих народов. В это же

[708] *Sak R.* Rieger: příběh Čecha 19. věku (s předmluvou Václava Klause). Semily, 1993. S. 59.
[709] *Ibid.* S. 60–62; *Jahn J.V.* František Ladislav Rieger. Obraz životopisný. Litomyšl, 1861. S. 17.
[710] *Sak R.* Op. cit. S. 65.
[711] *Ibid.* S. 64.
[712] *Havlíček K.* Slovan a Čech... S. 64.
[713] *Ibid.* S. 64–65.
[714] *Ibid.* S. 64.
[715] *Ibid.* S. 65.

время русские пребывают в ненависти, а поляки – в сожалении[716]. «Симпатий между нами, поляками и русскими даже быть не может», – резюмировал журналист[717].

Все эти факты показывают, что отношение формирующегося чешского национального сообщества к полякам перед «весной народов» было весьма сложным. Уже тогда появились факторы, препятствовавшие полноценному союзу национальных элит у обоих народов.

Когда в Австрийской империи в 1848 г. началась революция, чехи и поляки действовали независимо друг от друга. Чешские либеральные политики практически сразу стали работать в австрославистском ключе. В конце марта – начале апреля они послали на переговоры в Вену две депутации. Галицийские поляки на их фоне изначально не имели ясно сформулированной программы. Это можно объяснить негативными последствиями для польской общественной жизни «Галицийской резни» 1846 г.[718]

Первые политические контакты между польской и чешской делегациями, обмен мнениями случились в столице империи[719]. Надо сказать, что среди поляков были как симпатизирующие чехам и славянской взаимности (Й. Любомирский), так и, наоборот, их критики (Ф. Земялковский). Если сторонники первого провели несколько встреч с чехами (а также с хорватами и словаками) и пытались уяснить их позицию, то поляки, разделявшие взгляд Земялковского, уже отправляли первые делегации в Пешт, рассчитывая на союз с венграми[720].

---

[716] *Ibid.* S. 66.
[717] *Ibid.* S. 68.
[718] *Žáček V.* Revoluční jaro u Čechů a Poláků // Češi a Poláci v minulosti. Díl 2. Období kapitalismu a imperialismu / Ed. V. Žáček. Praha, 1967. S. 214–215. Разжигание национальной и социальной ненависти к шляхте правительство Австрийской империи использовало как эффективный метод отпора ее требованиям. Хрестоматийным примером является «Галицийская резня» 1846 г., когда крестьяне при намеренном попустительстве и даже подстрекательстве правительства сожгли более 500 поместий. Погибла и часть шляхты.
[719] *Ibid.* S. 217.
[720] *Ibid.* S. 217–218.

Противоречия проявились и во время организации Славянского съезда в Праге (1848 г.). В его подготовительном комитете участвовали преподаватель польского языка в Карловом университете В. Гжибовский и член польской делегации в Вену К. Малиш. Вопрос об отношении к польскому вопросу они ставили как условие своего участия в работе съезда[721]. Не поддерживая концепцию австрославизма, поляки хотели придать форуму всеславянский характер и общеевропейское значение, на котором будут обсуждаться не только внутриавстрийские вопросы. Из-за такого подхода вопрос об участии поляков в съезде был самым проблемным для подготовительного комитета[722]. В свою очередь чешские политики высказывались в пользу того, чтобы поляки выступили на съезде в австрославистском ключе и только как представители Галиции. Они придавали присутствию поляков большое значение, поскольку считали, что население этой области помогает своей численностью сформировать славянское большинство в монархии[723]. В случае отделения Галиции от Дунайской империи и восстановления польского государства это стало бы невозможным.

Непосредственно во время съезда противоречия между чехами и поляками сыграли важную роль наряду с медленной работой польско-русинской секции и разногласиями в ее рядах. Противодействие вызывали также антимадьярские инициативы югославян[724]. Во время обсуждения различных проектов федерации галицийские поляки оставались в стороне. Результаты работы съезда, вынужденно закончившегося после восстания в Праге, нашли со стороны его участников как критику, так и поддержку. Среди польских деятелей из Галиции не было единого мнения.

[721] *Ibid.* S. 220.
[722] *Ibid.* S. 221.
[723] *Ibid.* S. 222.
[724] *Ibid.* S. 225.

Положительно эту встречу оценивал агент А. Чарторыйского А. Валевский[725].

Перерастание кризиса в отношениях между троном и венграми в вооруженный конфликт, восстание в Вене в октябре 1848 г. привели к углублению разногласий между чехами и поляками. Лидеры чешского либерального лагеря (Ф. Палацкий, Ф.Л. Ригер, Ф. Браунер, А.П. Троян) остались лояльны императору и правительству, осуждали действия венгров и венских радикалов. Между поляками вновь не было единства, но многие поддерживали действия революционного венгерского правительства. Им была близка борьба мадьяр против Габсбургов за обретение независимости от Вены. В общеавстрийском рейхстаге имели место острые дискуссии между чешскими и польскими депутатами по поводу статуса русин в Галиции, а также проекта разделения этой области на две части[726].

С лета 1848 г. серьезные противоречия между чехами и югославянами с одной стороны и мадьярами с другой стали очевидным препятствием для консолидации революционного движения в монархии Габсбургов. Адам Чарторыйский как раз преследовал такую цель. Одну из задач он видел в разрешении споров между славянами и венграми. Благоприятным обстоятельством ему казался приезд Ригера во Францию весной 1849 г.

По свидетельству чешского политика, князь сам услышал о его приезде в столицу Франции и пожелал с ним познакомиться[727]. Рекомендательное письмо Ригеру составил его друг Франтишек Зах, а непосредственно представил князю Вилем Габлер[728]. На первой встрече, когда речь зашла о революционных событиях, Ригер прямо сказал Чарторыйскому, что считает политику поляков неправильной, а надежды на восстановление Польши – напрасными. Он осуждал поддержку поляками венгров и полагал, что им

---

[725] Надо сказать, что Чарторыйский делал ставку на сотрудничество с австрийскими славянами и особенно с чехами как наиболее продвинутым народом, имеющим много контактов с Веной. Соответственно, он одобрял идею Славянского съезда и призывал поляков в нем участвовать. *Ibid.* S. 228–229, 233.

[726] *Ibid.* S. 235–239.

[727] 1849 srpen 22. Paříž. – Rieger Dru Pinkasovi // Příspěvky k listáři Dra Fr. Lad. Riegra. Díl 1... S. 55.

[728] *Rieger B.* Z vlastních pamětí Fr. Lad.Riegra // Osvěta. 1906. № 36. Díl 1. S. 18; *Žáček V.* Polská otázka v činnosti Františka L. Riegra… S. 511–512.

стоит сотрудничать с Веной, «чтобы сохранить баланс сил против России»[729]. Он призывал князя поспособствовать делу единения славян. Именно в отсутствии единства чешский политик видел причину их неудач в революции[730]. Прямоте и даже резкости чешского политика в разговоре со столь статусным собеседником удивился даже его друг Габлер. Однако Чарторыйский не был смущен откровенностью Ригера. По словам последнего, тот относился к нему очень внимательно и, казалось, желал новых встреч[731]. Думается, это закономерно, т.к., в сущности, оба вынашивали идею помирить славян и венгров, конфликт между которыми остро проявился в 1848–1849 гг.[732]

Через некоторое время Ригер получил приглашение от польского князя на особое совещание, которое состоялось 18 мая (по другим данным – 19-го[733]) в «Отеле Ламбер»[734]. Его председателем был сам Чарторыйский. На нем также присутствовал официальный представитель революционного венгерского правительства в Париже Ласло Телеки, идейно близкий к Чарторыйскому.

На переговорах Ригер был крайне осторожен. Он ссылался на то, что выражает сугубо личное мнение, а также не давал обещаний и не брал на себя никаких обязательств. Характерно, что во время встречи целенаправленно не велось никаких записей или протоколов[735].

По свидетельству чешского деятеля, совещание было посвящено идее венгров создать Дунайскую федерацию, предоставив равноправие вошедшим

---

[729] *Ibid.*
[730] *Žáček V.* Polská otázka v činnosti Františka L. Riegra… S. 511–512.
[731] 1849 srpen 22. Paříž. – Rieger Dru Pinkasovi // Příspěvky k listáři Dra Fr. Lad. Riegra. Díl 1... S. 55.
[732] *Žáček V.* Polská otázka v činnosti Františka L. Riegra… S. 511–512. Для Чарторыйского было очень важно ликвидировать венгеро-славянские и венгеро-румынские разногласия для революционной борьбы с Габсбургами. С мая 1848 г. князь и его агенты приложили «максимум усилий», чтобы примирить стороны конфликта. *Исламов Т.М.* Федерализм как способ организации многонационального государства в восточной части Центральной Европы // Национальное движение в Центральной Европе: сотрудничество и контакты (30–70-е гг. XIX в.). Отв. ред. С.М. Фалькович. М., 1991 С. 170.
[733] *Там же.* С. 174.
[734] *Žáček V.* Polská otázka v činnosti Františka L. Riegra… S. 512–513; *Rieger B.* Z vlastních pamětí Fr. Lad.Riegra… S. 18.
[735] 1849 srpen 22. Paříž. – Rieger Dru Pinkasovi // Příspěvky k listáři Dra Fr. Lad. Riegra. Díl 1... S. 58–59.

в нее славянским народам[736]. Мадьяры, полагал Ригер, должны были понять, насколько для них важен союз со славянами, чтобы победить Австрию и Россию в бушующей революции[737]. Особые споры между участниками совещания велись по поводу возможного статуса славянских народов и румын внутри венгерских земель[738]. Ригер в одном из своих писем указывал, что обрушился с критикой на венгров за их желание отделиться от монархии Габсбургов. В этой связи он изложил свое австрославистское видение данного конфликта. Также чешский деятель высказывал протест против их политики в отношении славян, проживающих в землях короны святого Иштвана. Наконец, он открыто (и справедливо) сомневался в том, что революционная Венгрия сумеет отразить общий натиск австрийских и российских войск[739].

На совещании были достигнуты договоренности, которым Чарторыйский придавал очень большое значение. Но они так и не были реализованы[740]. В свою очередь, Ригер отзывался о них скорее с пренебрежением[741]. На следующую встречу он уже не пришел. Лишь через несколько недель чех посетил князя, но это был, по его словам, визит вежливости. С венгерскими деятелями он не виделся с момента совещания[742].

Осторожность Ригера во время переговоров не была случайной. Он боялся, что они его скомпрометируют. До него дошел слух, который политика крайне обеспокоил. Так, издание Kölnische Zeitung опубликовало

---

[736] *Ibid.* S. 19. Проект Дунайской федерации (также иногда использовалось понятие «конфедерация») составил Ласло Телеки. По его замыслу, в это государственное образование вошли бы Венгрия, Сербия, княжества Молдавия и Валахия, а также Болгария. Предполагалось, что, возможно, чешские земли тоже станут частью федерации. Телеки выступал за появление внутри Венгрии автономных областей сербов и иных народов, которые также могли бы в нее войти. Таким образом, план венгерского представителя предполагал разрушение монархии Габсбургов. *Исламов Т.М.* Федерализм как способ организации многонационального государства… С. 174.

[737] *Rieger B.* Z vlastních pamětí Fr. Lad.Riegra… S. 19.

[738] *Žáček V.* Polská otázka v činnosti Františka L. Riegra… S. 513–514.

[739] 1849 srpen 22. Paříž. – Rieger Dru Pinkasovi // Příspěvky k listáři Dra Fr. Lad. Riegra. Díl 1... S. 56–57.

[740] *Žáček V.* Polská otázka v činnosti Františka L. Riegra… S. 514–515; Лидер революционной Венгрии Кошут, получивший выработанные «Отелем Ламбер» предложения, с негодованием отклонил их. Он принципиально не желал предоставлять полной территориальной автономии хорватам, сербам и румынам. Министр иностранных дел Венгрии направил зарубежным представителям циркуляр, где осуждались стремления «некоторых давать национальностям необоснованные обещания». *Исламов Т.М.* Уроки национальной борьбы 1848–1849 гг. в империи Габсбургов // Европейские революции 1848 года… С. 183.

[741] *Rieger B.* Z vlastních pamětí Fr. Lad. Riegra… S. 19.

[742] 1849 srpen 22. Paříž. – Rieger Dru Pinkasovi // Příspěvky k listáři Dra Fr. Lad. Riegra. Díl 1... S. 59.

новость, что австрийское правительство располагает доказательствами о тайном соглашении Ригера с восставшими венграми. В августе 1849 г. чешский политик написал своему другу А.М. Пинкасу многостраничное письмо, где всячески подчеркивал неофициальность встречи и отсутствие договоренностей. Он также просил, чтобы его доводы были донесены до министра внутренних дел Александра Баха. В сердцах Ригер даже написал: «Поляки – моя несчастливая звезда (нем. *mein böser Stern*), они всегда приносят мне несчастья <…>»[743]. В австрийском кабинете знали об отсутствии формальных документов после совещания у Чарторыйского, но было решено навредить репутации Ригера ради политической выгоды[744].

Встреча в «Отеле Ламбер» хорошо укладывается в общую тональность пребывания чешского политика в Париже. Это было скорее зондирование почвы, приобретение знакомств и связей. Взгляды Чарторыйского и Телеки на будущее Центральной Европы не были ему близки. Ригер всегда выступал за легальную политику. Тем не менее он не отказался от встречи с лицом, аффилированным с венгерским революционным правительством. Несмотря на то, что совещание закончилось ничем, Ригер наладил связи с лидером польских эмигрантов-консерваторов. Это был, безусловно, очень ценный контакт, который нельзя было терять, учитывая, что «Отель Ламбер» тесно сотрудничал с галицийской консервативной шляхтой. Вполне возможно, что уже тогда у Ригера появилась идея пытаться влиять на Лемберг через Париж. В свою очередь, негативные результаты «весны народов» привели в Галиции к разочарованию некоторых аристократов в политической деятельности. В их среде стал наблюдаться некоторый рост лояльности по отношению к Габсбургам. Лидером таких представителей шляхты стал Агенор

[743] *Ibid.* S. 55.

[744] Так, издание Der österreichische Beobachter (печатный орган австрийского МИД) опубликовало выдержки из «протокола» встречи у Чарторыйского. Ригер на это ответил двумя заявления для парижской и австрийской прессы, в которых говорил о ложности документа. Также он написал письмо Александру Баху, где сообщил о решении остаться в эмиграции, если ему на родине не дадут выступить в случае процесса перед присяжными. Позднее Адольф Пинкас, получив сведения от А. Баха, оповестил Ригера о намерениях правительства. По его словам, кабинет не придавал никакого значения опубликованному «протоколу». Однако он желал воспользоваться ситуацией и испортить репутацию чешского политика, затруднив его избрание в какие-либо представительные органы империи. *Sak R.* Op. cit. S. 114–115.

Голуховский[745]. Появление этих настроений в провинции поспособствует в будущем чешско-польской политическому сближению.

В 1850-е гг. в условиях баховского абсолютизма контакты обоих народов не были активны. Ситуация станет меняться уже в эпоху «конституционных экспериментов».

Итак, общественная жизнь у чехов и поляков в 1830–1840-е гг. показала, что интересы у национальных элит обоих народов не всегда совпадали, а порой вступали в противоречие. Разная трактовка славянской взаимности, противоположный взгляд на Россию, неодинаковое отношение к австрославизму, различное восприятие границ дозволенного в тактике национальной борьбы приводили к трениям во время больших политических перемен.

Во многом такие отличия диктовались условиями национального существования у чехов и поляков в первой трети XIX в. На тот момент поляки лишь относительно недавно потеряли государственность и сохранили мощное национальное сознание. Оно подпитывалось сложившимся литературным языком и цельной культурой. В результате новые концепции и идеологии у славянских народов оценивались поляками через степень их пользы для возрождения Речи Посполитой. И что важно, союзников они искали прежде всего в Западной Европе, а не среди малых славянских народов[746]. Формирующаяся чешская нация в 1830–1840-е гг. еще только работала над развитием литературного языка и культуры, их защитой от господствовавшей немецкой среды. Другой характер развития подталкивал чешских деятелей чаще искать опору в многосоставном целом – славянском или австрославянском. Одновременно они ожидали от родственных народов схожих интенций. Все это делало в их глазах главную цель польских патриотов – достижение независимости – неоднозначной.

---

[745] *Křen J.* Dvě století střední Evropy. Praha, 2005. S. 182.
[746] *Ibid.* S. 180.

Наложение двух факторов – общее политическое пространство в рамках монархии Габсбургов и разное восприятие собственных национальных задач – являлось характерной чертой чешско-польских связей в первой половине XIX в. Причин для затухания ее проявлений в последующие десятилетия не было.

Присутствие поляков одновременно в России, Пруссии и Австрийской империи и их сопротивление полной интеграции в структуру этих государств создавало дополнительное напряжение в Центральной Европе. Поэтому внимание чехов к «соплеменникам» приводило к рефлексии по поводу национальных отношений во всем регионе, а не только у себя дома, нюансировке их позиции относительно политики стран-участниц польских разделов. Этот аспект подпитывался наличием влиятельной польской эмиграции в еще одной великой державе – Франции. А ее связи с соотечественниками в государствах Романовых, Гогенцоллернов и Габсбургов подталкивали чешскую национальную элиту к многовекторному взаимодействию с поляками уже в межрегиональном контексте.

1.4. Чехи и югославяне монархии Габсбургов

Связи между чехами и югославянами имеют богатую историю и традицию. Применительно к XIX в. их корни уходят в культурно-интеллектуальное взаимодействие, которое диктовалось ценностями Просвещения, а затем национального Возрождения. Сотрудничеству двух сторон придавало импульс близкое понимание идеи славянской взаимности.

Контакты чехов с югославянами имели несколько особенностей. Во-первых, чешские земли были намного более развитыми социально-экономически, чем югославянские[747]. Постепенное появление чешской буржуазии, ее конкуренция с немецкоязычной приводили к поиску рынков

[747] *Žáček V.* Vytváření novodobých národů – národní obrození a prvé zápasy o národní emancipaci // *Žáček V. a kol.* Češi a Jihoslované v minulosti: od nejstarších dob do roku 1918. Praha, 1975. S. 219.

сбыта на юге монархии – там, где проживали хорваты, сербы и словенцы. Со временем экономические интересы чешской буржуазии распространялись и на южнославянские народы, которые жили за пределами монархии Габсбургов[748]. Таким образом, рост экономического потенциала чешских земель способствовал активизации связей чехов с южными славянами.

Во-вторых, чешские земли зачастую выступали «перевалочным пунктом» между Европой и Балканами[749]. В том числе под влиянием чешского национального Возрождения на землях австрийских югославян развивался интерес к собственным национальным языкам и прошлому[750]. В чешской историографии подчеркивается, что опыт чехов больше всего интересовал хорватов и словенцев[751]. При этом чешские представители с симпатией относились к росту национальных движений у южных славян. В исторической науке есть мнение, что участие и вклад чехов в их активизацию в Юго-Восточной Европе, культурные трансферы из чешской среды можно рассматривать как интегральную часть модернизационной и европеизационной волны, направляющейся из центральноевропейского пространства на Юго-Восток[752].

Одновременно нельзя забывать: интерес к южным славянам наряду с русофильством и полонофильством относится к «трем элемента чешского славянства»[753]. Они составляли одно идеологическое целое и формировали у чехов чувство славянской принадлежности. Кроме этого, культурно-интеллектуальные, а затем и политические контакты между чехами и югославянами обогащали обе стороны.

Еще одной особенностью было то, что чешские интересы простирались не только на австрийских югославян, но и на османских. Чехи были в курсе

---

[748] Český podíl na procesu modernizace jihovýchodní Evropy // *Hlavačka M. a kol.* České země v 19. století… S. 369.
[749] *Žáček V.* Vytváření novodobých národů – národní obrození a prvé zápasy o národní emancipaci // *Žáček V. a kol.* Češi a Jihoslované v minulosti... S. 226.
[750] *Ibid.*
[751] Český podíl na procesu modernizace jihovýchodní Evropy… S. 369–370.
[752] *Ibid.* S. 371–372.
[753] *Havránková R.* Zájem o balkánské Slovany jako složka českého slovanství v 19. století // Slovanské historické studie VII. Praha, 1968. S. 195.

идеологических течений, предполагавших в той или иной форме объединение южнославянских народов, и активно реагировали на них.

Рост чешского внимания к югославянам наблюдался со второго десятилетия XIX в. Например, в 1817 г. В. Ганка издал народные песни сербов, ранее опубликованные крупным сербским филологом и историком Вуком Караджичем[754] Деятельностью Караджича вдохновлялись известные собиратели чешского фольклора – Ф.Л. Челаковский и К.Я. Эрбен[755].

Непосредственный опыт чехов в познании славянства в то время заключался в служебных и исследовательских контактах в югославянских областях монархии[756]. Ярким примером в этом отношении является деятельность П.Й. Шафарика[757]. Сотрудники Национального музея и его библиотеки стремились наладить интенсивный книгообмен с сербскими землями[758]. Если рассматривать связи с хорватами и словенцами, то они во многом были связаны с фигурой Й. Добровского[759]. Чешский славист оказал

---

[754] Выход этого издания подтолкнул развитие чешской литературы 1830–1840-х гг. *Žáček V.* Vytváření novodobých národů – národní obrození a prvé zápasy o národní emancipaci // *Žáček V. a kol.* Češi a Jihoslované v minulosti... S. 233.

[755] В 1823 г. сербский деятель посетил Прагу, где ему был оказан теплый прием В. Ганкой, Й. Добровским, Й. Юнгманом, Ф.Л. Челаковским. В столицу Богемии приезжал и сербский поэт Сима Милутинович *Ibid.* S. 233–234, 239.

[756] *Doubek V.* Česká politika a Rusko... S. 39.

[757] В 1819–1833 гг. он работал директором православной гимназии в Нови-Саде, совмещая свои административные обязанности с преподаванием. Еще он занимался наукой: в его распоряжении была библиотека Карловацкого митрополита Стефана Стратимировича. Плодом пребывания Шафарика в сербских землях Габсбургов стало не только окончание его «Истории славянского языка и литературы всех наречий», но и информирование чехов о сербской культурной жизни. *Žáček V.* Vytváření novodobých národů – národní obrození a prvé zápasy o národní emancipaci // *Žáček V. a kol.* Češi a Jihoslované v minulosti... S. 238.

[758] Особую ценность имели связи с Матицей сербской, развивавшиеся благодаря тесным контактам В. Ганки и Йозефа Миловука. Известно, что Милош Обренович, отрекшийся от сербского престола (1839 г.) и проживавший в Вене, делал значительные пожертвования в пользу Матицы чешской. В благодарность его даже сделали членом этой организации. *Ibid.* S. 239. О Чешской матице см. подробнее: *Ненашева З.С.* Чешская матица // Славянские матицы: XIX век. Ч. 1. Отв. ред. И.И. Лещиловская. М., 1996. С. 53–114.

[759] Он состоял в научной переписке с загребским епископом Максимилианом Врховацем, а также еще одним хорватским церковным деятелем Томо Миклоушичем. Лингвист Векослав Бабукич, который издал грамматику хорватского языка на основе штокавского диалекта, во многом ориентировался на исследования выдающегося чешского филолога. Из словенских деятелей с этим ученым активно переписывались Ерней Копитар и Кашпар Ройко. Под влиянием научных работ Добровского Копитар издал первую научную грамматику словенского языка (1808 г.). Фигура К. Ройко же примечательна тем, что он был профессором церковной истории на теологическом факультете Карлова университета. Современникам был известен его труд, посвященный Яну Гусу. *Žáček V.* Vytváření novodobých národů – národní obrození a prvé zápasy o národní emancipaci // *Žáček V. a kol.* Češi a Jihoslované v minulosti... S. 241, 245, 243–244. *Stehlík P.* Czech-Croatian relations in the 19th century and at the beginning of the 20th century // Czech relations with the nations and countries of Southeastern Europe / Ed. L. Hladký. Zagreb, 2019. P. 57.

большое влияние на становление филологической и исторической науки в словенских землях[760].

Что касается прессы, то о жизни южных славян много писали журнал Květy, газета Česká včela, издание Časopis Českého museum. Событиям в чешских землях уделялось внимание в таких югославянских печатных органах, как хорватские Danica ilirska и Kolo, словенская газета Novice и сербская «Летопис Матице српске». Публиковалось много переводов как из чешской, так и югославянских литератур[761].

В 1830-е гг. усилению интереса будителей к югославянам способствовало одно из более конкретных воплощений абстрактной славянской взаимности – иллиризм. Данная концепция появилась в хорватской среде. Помимо создания Иллирийских провинций Наполеоном Бонапартом импульсом для укрепления этой идеи в границах Австрийской империи стала позиция Яна Коллара. Он разделял единый славянский народ на четыре ветви, в том числе иллирийскую. Иллиризм стал реакцией на уязвимое положение хорватского языка в регионе, «которое не соотносилось с непрерывно существовавшей хорватской государственностью»[762]. Можно выделить три его составляющих: 1) усилия среди хорватского духовенства по сохранению славянской культурной традиции; 2) борьба за сословные права хорватского дворянства после реформ Иосифа II (и их меценатство); 3) деятельность загребской интеллигенции, нацеленной на хорватское национальное, культурное и языковое возрождение[763]. Существенным элементом в идеологии хорватского иллиризма стала защита от венгерского и австронемецкого национализмов[764]. Обоснованием для противостояния

---

[760] *Žáček V.* Vytváření novodobých národů – národní obrození a prvé zápasy o národní emancipaci // *Žáček V. a kol.* Češi a Jihoslované v minulosti... S. 247.
[761] *Ibid.* S. 248–249.
[762] Эта уязвимость объясняется не только угрозой со стороны доминирующих немецкого, венгерского и итальянского языков, но и наличием нескольких наречий, на которых говорили славяне в Хорватии, Славонии, Далмации и Военной границе. *Морозов А.А.* Становление хорватской национальной идеологии, 1850–1860-е гг. Дис. … канд. ист. наук: 07.00.03. М., 1994. С. 52; *Дронов А.М. Дронов А.М.* Место Военной Границы в концепциях административно-политического устройства Королевства Хорватии и Славонии в 40–70-е годы XIX в.: дис. … канд. ист. наук: 07.00.03. М., 2020. С. 76.
[763] *Там же.* С. 76–78.
[764] *Морозов А.А.* Указ. соч. С. 53.

мадьярской ассимиляционной политике послужило также историческое право[765], апеллирующее к единому средневековому Хорватскому королевству[766]. При всем этом последователи течения ориентировались на культурное единство всех южнославянских народов – и Габсбургской, и Османской империй[767]. Поэтому можно говорить об определенном международном измерении этой идеологии. Как было справедливо замечено в российской историографии, иллиризм представлял собой «сложную несбалансированную систему идентификации, в которой переплетались идеи этнического родства и культурно-языкового родства иллиров, славянской взаимности, политического кроатизма и австрославизма»[768].

Уже отмечалось, чешские деятели симпатизировали иллирийскому движению. Они видели в нем путь к сближению югославян, их единению, усилению их позиций в монархии Габсбургов[769]. Надо полагать, чехи поддерживали это течение и потому, что оно фактически помогало укреплять с ними связи. Известно, что Людевит Гай, имевший чешское происхождение, при создании хорватского литературного языка выбрал латиницу на основе

---

[765] Конечно же, своими корнями историко-правовая концепция уходит в более раннее прошлое. Эта школа права зародилась в конце XVIII в. в Германии. Ее основателями были Г. Гуго, Ф.К. фон Савиньи, Г.Ф. Пухта. Они отвергали естественно-правовую теорию, считая, что право как таковое возникает в человеческом обществе спонтанно. Оно, по их мнению, развивается автономно благодаря стихийному и саморегулирующемуся появлению норм и обычаев, добровольно усваиваемых народом. Изменения в праве происходят вместе с движением «национального духа», при этом институции могут преобразовываться лишь на основе своих текущих форм. Власть способна лишь зафиксировать, дополнить, упорядочить существующее положение вещей в сфере права, но не создать его. В политической плоскости историческое право стало применяться некоторыми ненемецкими народами монархии Габсбургов. Основываясь на нем, они требовали реституции утраченных прав, восстановления исчезнувшей государственности или ликвидации условий по ее ограничению. Представители этих народов ссылались на действие старых договоров (например, между монархом и сословиями), фиксировавших самобытность государственных институтов. Хорватские деятели взяли эту концепцию на вооружение по примеру мадьяр. *Cibulka P.* Historické právo // Akademická encyklopedie českých dějin URL: https://aecd.kpsys.cz/media-viewer?rootDirectory=428170&origin=https%3A%2F%2Faecd.kpsys.cz%2Frecords%2F156eb248-d5bd-45c3-a2c2-b67ab2bf67fb Дата обращения: 21.08.2024; *Мамут Л.С.* Историческая школа права // Большая российская энциклопедия URL: https://old.bigenc.ru/law/text/2025630?ysclid=m6q0i1k5xn572315917 Дата обращения: 21.08.2024.

[766] *Žáček V.* Vytváření novodobých národů – národní obrození a prvé zápasy o národní emancipaci // *Žáček V. a kol.* Češi a Jihoslované v minulosti... S. 258–259.

[767] *Дронов А.М.* Указ. соч. С. 128.

[768] *Морозов А.А.* Указ. соч. С. 52.

[769] Приветствуя иллиризм, чехи при этом не одобряли противников этой идеи. В частности, определенную критику в свой адрес получал словенец Ерней Копитар. *Žáček V.* Vytváření novodobých národů – národní obrození a prvé zápasy o národní emancipaci // *Žáček V. a kol.* Češi a Jihoslované v minulosti... S. 249, 262.

именно чешского письма[770]. Заимствования имели место не только на уровне орфографии, но и лексики[771]. П.Й. Шафарик, Ф. Палацкий, Ф.Л. Челаковский распространяли в Богемии издания Гая Narodne Ilirske Noviny и Danica Ilirska. Больше всего об иллиризме в Богемии писали в изданиях Časopis Českého museum и Květy. В последнем печатном органе особенно много материалов публиковал Шафарик, который активно высказывался в пользу штокавского диалекта[772]. В том же издании события из жизни хорватских земель обозревал Ф.Л. Ригер[773]. В 1843 г. он отмечал появление Матицы иллирийской (1842 г.; позднее – Матица хорватская), подчеркивая, что ее создали по образцу чешской[774].

В 1830–1840-е продолжал развиваться чешский интерес к словенцам. В это время ряд крупных деятелей из Богемии совершает путешествия по словенским землям[775]. В первой половине 1830-х гг. чехи оказывали огромное влияние на языковые и культурные процессы у словенцев[776].

Пребывание П.Й. Шафарика в Нови-Саде способствовало сохранению связей с чехами и позднее. Можно сказать, что его преемником стал племянник Ян Шафарик (с 1840 г. работал врачом в Нови-Саде, а с 1843 г. –

---

[770] *Дронов А.М.* Указ. соч. С. 78–79.
[771] *Stehlík P.* Op. cit. P. 57–58.
[772] *Žáček V.* Vytváření novodobých národů – národní obrození a prvé zápasy o národní emancipaci // *Žáček V. a kol.* Češi a Jihoslované v minulosti... S. 261, 264–265.
[773] На рубеже 1830-х и 1840-х гг. Ригер следил за открытием хорватского театра в Загребе и писал об этом в журнале. Обозреватель надеялся, что по примеру Хорватии в Богемии появится чешский национальный театр. Об этом он писал в номерах Květy от 4.10.1838 и 2.07.1840. *Ibid.* S. 265.
[774] Номер журнала Květy от 22.03.1843. На открытие организации ранее жертвовали средства П.Й. Шафарик, В. Ганка, Ф. Палацкий, Й. Юнгман, Й.В. Фрич. *Ibid.* S. 269–270; Также см.: *Лещиловская И.И.* Хорватская матица // Славянские матицы: XIX век. Часть 1… С. 123–124, 126.
[775] В августе 1829 г. в них побывал Карел Винаржицкий, а летом 1834 г. – Карел Гинек Маха и журналист Антонин Штробах. В июле 1836 г. туда приезжал врач и педагог Карел Славой Амерлинг. Они не только знакомились со словенскими деятелями, но и затем информировали о них чехов. *Žáček V.* Vytváření novodobých národů – národní obrození a prvé zápasy o národní emancipaci // *Žáček V. a kol.* Češi a Jihoslované v minulosti... S. 254.
[776] В описываемый период шла борьба за тот или иной вариант словенского алфавита («абецедная война»). Молодую генерацию словенских деятелей (во главе с Франце Прешерном), сторонников т.н. богоричицы, поддерживал Ф.Л. Челаковский. Его пропаганда наряду с другими факторами поспособствовала победе (пусть и временной) этого варианта. Также словенские деятели предлагали использовать хорватский алфавит Людевита Гая, разработанный на основе чешского. К 1848 г. эта версия азбуки полностью вытеснила прежнюю норму. Вацлав Жачек считает, что позиция Челаковского по отношению к богоричице, влияние его мнения на словенскую языковую ситуацию сравнима с поддержкой Шафариком штокавского диалекта, утвердившегося в Хорватии. *Ibid.* S. 250–251, 261. *Кирилина Л.А., Пилько Н.С., Чуркина И.В.* История Словении. СПб., 2011. С. 159.

профессором в Белграде). Он был для них (наряду с будителем Франтишеком Цирилом Кампеликом) основным источником сведений о сербской жизни[777].

Тесные и интенсивные культурные контактов чехов с австрийскими югославянами накануне «весны народов» подготавливали благодатную почву для политического сотрудничества в 1848–1849 гг. Например, представители югославян не обошли вниманием брошюру Л. Туна «О современном состоянии чешской литературы и ее значении» (1842 г.). Дух австрославизма, присутствовавший в книге, приветствовали хорватский журнал Kolo и сербское издание «Пештанско-Будимскій Скоротеча». В середине 1840-х гг. Прагу посетили лидеры иллирийского движения[778].

Статья Карела Гавличека «Славянин и чех» (1846 г.) является важным свидетельством и примером чешского восприятия югославян перед 1848 г. Журналист отмечал, что судьба была по отношению к ним особенно неблагосклонна. Ведь они оказались разделены религиями, государственными границами и различными наречиями[779]. Однако югославянские народы осознали бесперспективность развития своих маленьких, отдельных «литературок». Поэтому он приветствовал иллирийское движение в Хорватии, где «уже достаточно просвещенный (досл. *vzdělaný*) язык старых дубровницких писателей и наша чешская орфография приняты как благословенная скрепа (досл. *spojidlo*)» для всех югославян[780].

Основной преградой для появления единого югославянского языка и литературы Гавличек видел кириллицу, действовавшую в Сербском княжестве. Идеальным решением, с его точки зрения, могло бы стать введение латиницы в светском обиходе при сохранении кириллицы в

---

[777] *Žáček V.* Vytváření novodobých národů – národní obrození a prvé zápasy o národní emancipaci // *Žáček V. a kol.* Češi a Jihoslované v minulosti... S. 267.

[778] В августе 1844 г. в столицу Богемии приезжал Станко Враз, где встретился с К.Я. Эрбеном, Ф. Палацким, Й. Юнгманом, Б. Немцовой. В 1846 г. в Прагу прибыл Людевит Гай, которому тоже был оказан теплый прием. Этому событию был посвящен материал в Květy от 23 июня 1846 г. авторства Франтишека Браунера. *Žáček V.* Vytváření novodobých národů – národní obrození a prvé zápasy o národní emancipaci // *Žáček V. a kol.* Češi a Jihoslované v minulosti... S. 272–273, 275.

[779] *Havlíček K.* Slovan a Čech... S. 49–50.

[780] *Ibid.* S. 51.

богослужении. Тогда бы сербская литература встала в ряд «более просвещенных литератур европейских». При этом сербы освободились бы от влияния русского языка, опасного для их независимости[781].

Также Гавличек вспоминает, что среди югославянских народов были голоса против общего самоназвания «иллиры». Он возражает им, считая, что оно необходимо для сохранения «крепкого союза и единства»[782]. Таким образом, автор видел в иллиризме прогрессивное явление, появившееся во благо югославян. В его восприятии оно помогало преодолеть раздробленность и фрагментарность их культурной и интеллектуальной жизни.

Чешский интеллектуал высоко ставил «иллирийский язык», выделял богатство корней его слов и благозвучность. Одновременно он отмечал наибольшую отсталость югославян в искусстве, науке и образовании в целом в сравнении с остальными славянскими народами [783]. Тем не менее Гавличек предрекал им великое будущее. Залог этого он видел в том, что единение разнообразных и разрозненных частей целого ведет к большим результатам. Еще один довод – уникальное географическое положение югославянских земель. Кроме этого, свою отсталость они могли бы ликвидировать через заимствование достижений у других славян[784].

Как можно увидеть, Гавличек полностью разделял положения иллиризма и публично поддерживал их. Неслучайно авторитетный историк Ф. Воллман писал, что чешский деятель «являлся бóльшим иллиром, чем сами иллиры»[785].

По мнению автора статьи, между чехами и «иллирами» было много общего. Более того, лишь между ними могла появиться связь, выходящая за рамки литературной взаимности. С точки зрения автора, «монархия Австрийская является лучшей гарантией сохранения нашей и иллирийской

[781] *Ibid.* S. 52–53.
[782] *Ibid.* S. 51.
[783] *Ibid.* S. 53.
[784] *Ibid.* S. 54.
[785] *Wollman F.* Les tchécoslovaques et illyrisme // Le Monde slave. 1935, juillet. P. 19.

народности, и чем больше вырастет мощь империи Австрийской, тем увереннее будут стоять наши народности»[786]. Эту мысль, пронизанную духом австрославизма, можно назвать лучшим эпиграфом к взаимодействию чехов и югославян в 1848–1849 гг.

Как уже говорилось, качество связей чехов с южными славянами находилось на разных уровнях в зависимости от их государственной принадлежности. С южными славянами вне Дунайской монархии чехи только начинали знакомиться. С австрийскими югославянскими народами культурные связи были настолько развиты, что к 1848 г. уже была подготовлена благодатная почва для политического сотрудничества.

В период революции умеренные чешские и югославянские политики довольно быстро наладили взаимодействие. Лично обменяться мнениями, позициями им удалось в конце марта. В тот момент они наряду с поляками отправили свои делегации в Вену с петициями об уступках со стороны центра. На этом фоне у чехов и югославян прошла встреча в узком кругу[787].

Взаимодействие между общественными деятелями развивалось довольно успешно. Этому способствовало то, что югославяне к лету 1848 г. высказались в пользу австрославизма, публично провозглашенного Палацким в «Письме во Франкфурт». Также они разделяли идею федерализации Габсбургской монархии. Наконец, важным «скрепляющим» элементом стало общее неприятие и осуждение восстания в Вене (октябрь 1848 г.)[788]. К этому можно отнести поддержку военных действий хорватского бана Й. Елачича против Венгрии. Больше всего чехи стремились к сотрудничеству с хорватами. На их фоне сербы были слишком измотаны политической борьбой с венграми, а словенцы – разобщены

[786] *Havlíček K.* Slovan a Čech... S. 69.
[787] *Žáček V.* Za buržoazní revoluce roku 1848 a 1849 // *Žáček V. a kol.* Češi a Jihoslované v minulosti... S. 296.
[788] *Žáček V.* Za buržoazní revoluce roku 1848 a 1849 // *Žáček V. a kol.* Češi a Jihoslované v minulosti... S. 328.

территориально[789]. Впрочем, с последними чехов сближал общий страх перед германизацией[790].

Примером чешско-хорватской «смычки» может послужить тот факт, что созвать славянский съезд в Праге предложил хорватский деятель Иван Кукулевич-Сакцинский[791]. Его идею быстро подхватили чехи и поддержали остальные югославяне. Во время заседания Славянского съезда в Праге (2–12 июня 1848 г.) позиции обеих сторон были довольно близки и не конфликтовали. Примечательно, что заместителем председателя югославянской секции был Ф. Зах, на время «весны народов» возвратившийся в Австрийскую империю. Летом 1848 г. чешский Национальный комитет даже посылал своих представителей (К.Я. Эрбена и В.Д. Ламбла) на заседание хорватского сабора[792]. Чешско-югославянское сотрудничество прослеживалось не только в умеренном политическом лагере, но и радикальном[793]. После роспуска Славянского съезда в Праге часть чешских деятелей (в том числе Фрич и Зах) нашла убежище у Елачича[794].

Революция 1848–1849 гг. в монархии Габсбургов не привела к переменам в статусе чешских и словенских земель. Сербы не без помощи России добились автономии Воеводины (впрочем, ее самоуправление продлилось лишь несколько лет). В целом югославянские народы получили больше возможностей в развитии национальных учреждений. Например, это касалось школ с преподаванием на родном языке[795].

Хотя между чехами и югославянами во время «весны народов» не было явных противоречий, нельзя не отметить несколько важных нюансов. Во-первых, на линию хорватов и сербов в значительной мере влияла

---

[789] *Ibid.* S. 321.
[790] *Ibid.* S. 326.
[791] *Ibid.* S. 300.
[792] *Stehlík P.* Op. cit. P. 60.
[793] *Havránková R.* Op. cit. S. 200.
[794] *Stehlík P.* Op. cit. P. 60.
[795] *Чуркина И.В.* Сербы и хорваты между венгерским парламентом и венским двором // Европейские революции 1848 года… С. 366.

интегрированность их земель в Венгерское королевство. Поэтому вплоть до начала июня 1848 г. для них приоритетом были переговоры именно с Пештом. Во время Пражского съезда югославянская секция при обсуждении насущных вопросов была нетерпеливой, а протоколы заседаний отличались сухостью, краткостью[796]. Ее участники следили за сербо-венгерским вооруженным конфликтом и «держали руку на сабле»[797]. Эти факты наталкивают на размышления о том, как изменилось бы политическое поведение сербов и хорватов, если бы Кошут согласился на автономию их земель в составе Венгрии. Насколько тесным было бы их взаимодействие с чехами в этом случае? Хоть история пошла другим путем, очевидна важность того обстоятельства, что чехи для решения стоящих перед ними проблем обращали свои взоры сразу к Вене, а хорваты и сербы – сначала к Пешту.

Во-вторых, несмотря на взаимные симпатии, для продуктивной совместной деятельности у чешских, словенских, хорватских и сербских политиков в революционную пору фактически было всего две площадки – Славянский съезд и Кромержижский рейхстаг. Участники форума продемонстрировали, что они способны солидаризироваться лишь в негативном отношении к пангерманизму и самых общих ценностях в духе австрославизма и естественного права[798]. Более конкретные вопросы вызывали дискуссии. Уже с июня 1848 г. у славянских деятелей оставалась только вторая платформа. Столь узкий выбор был связан с тем, что вопрос улучшения своего положения в империи все они в конце концов доверили династии. Соответственно, и единственная легальная возможность для выработки коалиционных действий и лоббирования была поставлена в зависимость от воли монарха. Конец Кромержижского рейхстага по

---

[796] *Žáček V.* Za buržoazní revoluce roku 1848 a 1849 // *Žáček V. a kol.* Češi a Jihoslované v minulosti... S. 312. См. протоколы заседаний югославянской секции и другие связанные с ней документы в: Slovanský sjezd v Praze roku 1848. Sbírka dokumentů / Ed. Z. Tobolka, V. Žáček. Praha, 1858. S. 259–264, 304–307, 324–326.

[797] *Žáček V.* Za buržoazní revoluce roku 1848 a 1849 // *Žáček V. a kol.* Češi a Jihoslované v minulosti... S. 312.

[798] Об этом свидетельствует единственный документ, принятый съездом, – Манифест к европейским народам. Definitivní český text manifestu Slovanského sjezdu k evropským národům // Slovanský sjezd v Praze roku 1848. Sbírka dokumentů / Ed. Z. Tobolka, V. Žáček. S. 358–361.

инициативе властей знаменовал не только конец революции, но и исчерпание ресурса для общеславянской политической работы.

Эта особенность – весьма ограниченные возможности для совместной политической деятельности в легальном поле на фоне интенсивных культурных и общественных связей – будет играть важную роль и в будущем. Можно говорить о том, что создание устойчивого, долгосрочного и плодотворного союза между политическими представителями разных славянских народов в Австрийской империи оказалось весьма сложной задачей.

В любом случае события 1848–1849 гг. стал важным прецедентом политического сотрудничества чехов и югославян. Австрославизм, проект федерации, участие в работе Славянского съезда, личные контакты между радикалами повысили уровень информированности населения в землях короны святого Вацлава о своих собратьях. Этот тренд подпитывался размахом чешской журналистики в 1848–1849 гг. и активизацией интереса в чешских землях к общественно-политической жизни[799]. Чешско-югославянские взаимоотношения в 1848–1849 гг. концептуально будут предшествовать совместной деятельности того же характера в 1860-е гг.

Между тем **1850-е гг.** были отмечены вынужденной деполитизацией общественной жизни в монархии. Поэтому связи обеих сторон вновь приобрели преимущественно культурный оттенок. К примеру, внимание чешских деятелей было приковано к Обществу югославянской истории, основанному И. Кукулевичем-Сакцинским. Интерес для них представляла публикация памятников хорватской истории, которые позволяли хорватам разрабатывать концепцию государственного исторического права[800]. В то же время единственное оппозиционное издание в Хорватии – небезызвестную газету Südslavische Zeitung – издавал чех и друг Ригера Й. Праус[801]. Активно

[799] *Havránková R.* Op. cit. S. 201.
[800] *Šesták M.* Češi a Jihoslovane v habsburské monarchii v letech 1850–1890 // *Žáček V. a kol.* Češi a Jihoslované v minulosti... S. 405–406.
[801] *Stehlík P.* Op. cit. P. 60.

развивались контакты Матиц сербской и чешской[802]. В 1850-е гг. в Богемии училось довольно много югославянских студентов. В целом Прага была одним из центров подготовки югославянской интеллигенции. Известно, что студентов-югославян собирала вокруг себя Божена Немцова. Помимо Карлова университета, выходцы из югославянских земель учились также в Таборе, Писеке, Градец-Кралове и т.д.[803]

В свою очередь, многие чешские специалисты направлялись в земли югославян и в целом на Балканы. Они работали в областях, которые там иногда были совершенно новыми[804]. Выходцы из чешских земель также служили в бюрократическом аппарате Хорватии. Эти онемеченные чехи входили в число так называемых «гусаров Баха» (по имени министра внутренних дел) – чиновников, посланных в регион укреплять власть имперского центра. Они не разделяли идеалы славянской взаимности, иллиризма, австрославизма[805].

Можно резюмировать, что чешско-югославянские отношения развивались последовательно, причем, в отличие от связей чехов с поляками, в однозначно позитивном ключе. Эти контакты характеризовались как ощутимыми заимствованиями (с обеих сторон) в области культуры, науки и образования, так и приверженностью одной политической концепции.

По нашему мнению, нельзя говорить о том, что обстоятельства национальной жизни у югославян (в отличие от поляков) в первой половине XIX в. стимулировали у чехов формирование своего внешнеполитического видения. Однако определенным потенциалом для этого обладал иллиризм. Мотивы о необходимости сближения и единения этих народов будут и

---

[802] *Šesták M.* Češi a Jihoslovane v habsburské monarchii v letech 1850–1890 // *Žáček V. a kol.* Češi a Jihoslované v minulosti... S. 406.
[803] *Havránková R.* Op. cit. S. 201–202.
[804] Нередко чехи выступали в роли технического и административного персонала, предпринимателей, квалифицированных рабочих. Чешские инженеры, землемеры принимали активное участие в строительстве железных дорог. Также чехи работали в сфере горной добычи и пивоварения, в типографиях, мастерских по производству мебели европейского уровня, на сахарных заводах и т.д. Нельзя забывать о чешских юристах, чиновниках, организаторах научных и культурных учреждений. То же самое относится к чешским врачам, музыкантам, учителям гимназий. *Ibid.* S. 202. *Šesták M.* Češi a Jihoslovane v habsburské monarchii v letech 1850–1890 // *Žáček V. a kol.* Češi a Jihoslované v minulosti... S. 407–409.
[805] *Ibid.* S. 404.

дальше присутствовать в чешской среде. В 1860-е гг. данный аспект станет важной составляющей чешского взгляда как на монархию Габсбургов, так и на ее внешнюю политику.

Глава 2. Национальная партия в поиске партнеров внутри монархии Габсбургов и на внешнеполитической сцене (начало 1860-х гг.)

2.1. Создание Национальной партии и ее первые шаги в политике

Известно, что начало эпохе т.н. конституционных экспериментов было положено в 1859 г. Смену внутриимперского курса предопределили тяжелейший финансовый кризис в стране и последующее поражение Австрийской империи в войне с Италией и Францией (и потеря Ломбардии по Виллафранкскому перемирию)[806]. Внешнеполитические неудачи ослабили внутриполитические позиции центра. Это выразилось в нарастающих протестах венгерской элиты, о чем также писали в Санкт-Петербург из российского посольства в Вене[807].

В итоге Франц Иосиф I отправил в отставку министра внутренних дел Александра Баха. Этим завершилась эпоха так называемого «баховского абсолютизма». В том же 1859 г. австрийский глава правительства и министр иностранных дел Й. Рехберг поделился с В.П. Балабиным информацией о грядущей программе венского кабинета. С российским послом у него к тому времени сложились довольно доверительные отношения. Министр подчеркивал: «Главное состоит в том, чтобы найти середину между двумя крайностями, представленными аристократией, воплощающей ретроградные тенденции, и буржуазией, которая стремится к радикальным реформам»[808]. Правительство, по словам Рехберга, придавало большое значение организации системы управления, отвечающей вызовам прежде

---

[806] См., к примеру: *Kramář K., Tobolka Z.* Česká politika. Díl 3. Dějiny české politiky nové doby. Praha, 1909. S. 183–184; *Urban O.* Česká společnost… S. 142–144. *Pánek J., Tůma O. a kolektiv.* Dějiny českých zemí. Druhé vydání. Praha, 2018. S. 341; *Котова Е.В.* Проблема трансформации абсолютистской империи Габсбургов в конституционную монархию в 1860-е гг. и национальный вопрос // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2018. Т. 9. Выпуск 8 (72). URL: https://history.jes.su/s207987840002462-7-1/ DOI: 10.18254/S0002462-7-1 Дата обращения: 30.04.2025.

[807] См. обзор политической ситуации в Австрийской империи за 1860 г., сделанный сотрудником российского посольства К.П. Икскулем фон Гилленбандом. К.В. Кнорринг – А.М. Горчакову, 24.12.1860/5.01.1861 (приложение) // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. Д. 192. Л. 245 (об.) – 246.

[808] *Котова Е.В.* Русские дипломаты о реформах 60-х годов XIX века в Австрийской империи // Россия и Европа: дипломатия и культура. Отв. ред. А.С. Намазова. М., 1995. С. 107.

всего в финансовой сфере. Также предполагалось ввести во всех частях империи самоуправление общин и представительные органы в исторически сложившихся провинциях. Российский посланник посчитал эту программу «многообещающей»[809].

На фоне этих перемен Йиндржих Ярослав Клам-Мартиниц (1826–1882 гг.), имевший солидный политический опыт и уважение среди знати Богемии, основал Партию консервативного велькостатка. Это объединение было репрезентантом политических требований значительной доли богемской шляхты. Зачастую оно походило на дворянский клуб, члены которого были сплочены корпоративным чувством и отчасти кровнородственными связями. Условной датой появления партии можно считать 1 января 1860 г. В этот день в первом номере венской газеты Das Vaterland появилось программное заявление партии. Еще одним основополагающим документом, стала программа, написанная в июле 1860 г. и опубликованная в той же газете[810].

Период конституционных реформ и перестройки монархии начался с обсуждения возможных нововведений. Для этого император созвал 5 марта 1860 г. расширенный рейхсрат[811]. Имперский совет не был до конца репрезентативным органом власти и имел скорее сословный характер. Депутаты формально не принадлежали к каким-либо партиям или движениям. Они должны были выражать сугубо собственное мнение[812]. Представителями от Богемии были Й.Я. Клам-Мартиниц (на тот момент – глава Патриотического экономического общества) и Альберт Ностиц-Ринек[813]. С этого момента внимание российского посольства сосредотачивается главным образом на заседаниях рейхсрата. Балабин

---

[809] *Там же.*
[810] *Барсуков Н.С.* Чешский консерватизм в конце XIX – начале XX вв.: дис. … канд. ист. наук: 07.00.03. М., 2015. С. 57–58.
[811] При дословном переводе – имперский совет.
[812] *Urban O.* Česká společnost… S. 145.
[813] *Kramář K., Tobolka Zd.* Op. cit. S. 192.

писал Горчакову, что чехи на них были совершенно лишены своих национально ориентированных представителей[814].

Во многом поэтому 18 июня 1860 г. группа чешских общественно-политических деятелей по инициативе Ф.Л. Ригера подготовила меморандум для передачи императору Францу Иосифу I. Этот документ стал важной вехой в оформлении национально-политических требований чешской элиты. Некоторые его положения будут в той или иной форме присутствовать в последующих чешских национальных программах. Напомним, что именно появление меморандума считается условным моментом появления Национальной партии. Название объединения, конечно, было неслучайным: его амбициозные деятели собирались представлять всю формирующуюся чешскую нацию[815].

Суть документа – просьба о высочайшем разрешении на основание в Богемии политического печатного органа на чешском языке. В тексте можно выделить три довода для этого шага: потребность в освобождении чешского языка от оков немецкого, необходимость репрезентации политических интересов нации, отсутствие посредника между Прагой и Веной. Примечательно, что Ригер в меморандуме говорит не о чехах, а о «чехославянском племени»[816]. Несмотря на весь естественно-правовой пафос меморандума, Ригер использовал также историческую аргументацию[817].

После вручения меморандума императора Ригер встретился с Йосипом Юраем Штросмайером – лидером Хорватской народной партии. Данная организация тоже появилась в 1860 г. на заре конституционных перемен, как и Национальная партия. Их руководители и далее поддерживали тесные политические контакты, поскольку эти объединения имели ряд схожих черт.

---

[814] Balabine à Gortchacow, 9/21 juin 1860 // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. Д. 190. Л. 357.
[815] *Cibulka P.* Op. cit. S. 119.
[816] Чехославянство – концепция национального единства чехов и словаков, возникшая в их среде в период национального Возрождения. Заключалась в представлении об обоих народах как двух ветвях «чехославянского племени».
[817] 1860, 14. 6. Praha – Memorandum podané dne 18. června 1860 císaři Rakouskému // Politické programy… S. 39–43.

Важным элементом идеологии Хорватской народной партии являлся югославизм. Смысл его заключался в том, что лидеры партии не просто продолжали традиции иллиризма (культурное единство южнославянских народов), но считали, что именно хорваты должны возглавить это движение. Эти претензии на лидерство подкреплялись объективными факторами[818]. В программной статье ее автор Ф. Рачки выступал за объединение всех южных славян «как единственное средство против владычества неславянских народов над хорватами»[819]. На первом этапе за счет внедрения и развития единого литературного языка предполагалось объединить югославян Австрийской империи, а на втором – и Османской[820]. Уже в 1861 г. Штросмайер писал министру внутренних дел А. Шмерлингу о необходимости присоединения к империи Боснии и Герцеговины. Он также надеялся, что эти территории войдут в состав Королевства Хорватии и Славонии[821]. Как заметил А.А. Морозов, главная внешняя черта югославизма – «потребность в использовании славянской идеи для поиска опоры как среди славян империи, так и за ее пределами»[822]. И в этом хорватские и чешские политики были действительно похожи.

Наиболее значимым условием для успешной культурной пропаганды, по мнению Штросмайера и Рачки, должно была стать самоуправление Хорватии-Славонии, а в перспективе – воссозданного Триединого

---

[818] К началу 1860-х гг. только хорваты обладали среди балканских славян непрерывной традицией государственности, сохраняя институты хорватского короля, бана, а также сабора (уже национально ориентированного, а не сословно-представительного). К тому же хорватское общество имело полную сословную структуру, его национальный образованный слой был самым многочисленным среди других южнославянских народов Балканского полуострова. *Дронов А.М.* Место Военной Границы в концепциях административно-политического устройства Королевства Хорватии и Славонии… С. 128–129.

[819] *Там же.* С. 130. Эта статья под названием «Югославянство» была опубликована в партийной газете Pozor 3 ноября 1860 г.

[820] *Морозов А.А.* Указ. соч. С. 73.

[821] *Дронов А.М.* «Политическая моральность» Й.Ю. Штросмайера в контексте хорвато-венгерских отношений 1860-х – начала 1870-х годов // Центральноевропейские исследования. 2021. № 4 (13). С. 189.

[822] *Морозов А.А.* Указ. соч. С. 61. О внутри- и внешнеполитическом измерении югославизма писал также В.И. Фрейдзон. См.: *Фрейдзон В.И.* Хорватский югославизм в 30–90-е гг. XIX в. // Славяноведение. 1998. № 5.
С. 9.

королевства[823]. Автономия, полагали они, позволила бы укрепить местные государственные институты и развить хорватское национальное самосознание. Для обоснования таких административных преобразований использовались в первую очередь историческое право, а также естественное[824]. Подобные требования были аналогичны риторике Национальной партии, выступавшей за единство и автономию чешских земель. При аргументации она тоже комбинировала обе концепции. Что немаловажно, все вышеназванные процессы должны были протекать в рамках австрославизма. Лидеры народняков, подобно чехам, также выступали за федерализацию монархии Габсбургов (с выделением равноправных Венгерского и Хорватского королевств)[825].

Чешская и хорватская программы в целом были близки друг другу. Единственное существенное отличие заключалось в том, что политический хорватизм мотивировался более широким югославизмом. Однако это нельзя назвать препятствием для сотрудничества. Можно полагать, что и к югославизму руководство чехов относилось позитивно, поскольку он напрямую проистекал из иллиризма, поддерживавшегося чешскими деятелями ранее[826].

В Вене Ригер рассказал Штросмайеру о меморандуме и требованиях своих сторонников. Известно также, что он давал некие советы по поводу хорватских политических проектов[827]. Стоит добавить, что политики из Богемии планировали через хорватских деятелей установить контакты с

---

[823] *Морозов А.А.* Указ. соч. С. 73, 78, 96. Триединое королевство, с точки зрения народняков, должно было включать не только Хорватию, Славонию и Далмацию, но и Междумурье, а также территорию Военной границы.

[824] *Там же.* С. 75.

[825] *Дронов А.М.* Место Военной Границы в концепциях административно-политического устройства Королевства Хорватии и Славонии… С. 130, 132. Будучи федералистом, Штросмайер, помимо Ригера, симпатизировал и Клам-Мартиницу. *Дронов А.М.* «Политическая моральность» Й.Ю. Штросмайера… С. 186, 190.

[826] В историографии подчеркивается, что, разделяя идеи хорватов, чехи преуменьшали сербо-хорватские разногласия и практически не видели отличий между двумя народами. Они выступали за объединение Воеводины и Триединого королевства для увеличения в монархии веса именно хорватов. *Šesták M.* Češi a Jihoslované v habsburské monarchii v letech 1850–1890 // *Žáček V. a kol.* Češi a Jihoslované v minulosti… S. 457–458.

[827] *Ibid.* S. 411–412.

венграми, последовательно продолжавшими конфликтовать с имперским центром[828].

В условиях новой реальности, продиктованной Октябрьским дипломом[829] и возможностью участвовать в политической жизни монархии, Национальная партия вступила на имперскую политическую арену. И уже в самом начале этого пути можно обнаружить одну яркую особенность. Суть ее состоит в изначальной потребности в союзниках. Можно сказать, что члены партии с самого начала чувствовали себя в политике весьма неуверенно. Такой ход мысли у национальных политиков можно назвать своего рода мещанским комплексом. Они с сожалением осознавали, что у них «нет своих Потоцких, Сечени, Чарторыйских»[830]. Другими словами – национально ориентированной шляхты. Об этом рассуждал публично и один из ярких деятелей Национальной партии Карел Сладковский[831].

В этой связи красноречивы замечания О.В. Павленко, основанные на статистических данных, которые привел Мирослав Грох. Они демонстрируют, что с точки зрения социального происхождения чехи-патриоты были интеллигентами в первом поколении. «Их родители были в основном мелкими мещанами или фермерами. Выходцы из образованных семей (адвокатов, учителей, старших чиновников) составляли всего 2%». Открытая «чешскость» и продвижение подобного тренда могли привести не

---

[828] *Ibid.* S. 457.

[829] Этот новый конституционный закон был принят в 1860 г. по результатам работы рейхсрата. Суть его сводилась к тому, что монархия Габсбургов провозглашалась союзом историко-политических индивидуальностей (но в тексте это понятие прямо не указывалось). Иначе – самобытных исторических земель империи. Местные ландтаги (сеймы) становились основой будущей структуры монархии. Рейхсрат становился постоянным органом власти, но лишь с законосовещательными функциями. Для участия в работе рейхсрата посылались представители из исторических земель, которых избирали на местных ландтагах. Также Октябрьский диплом несколько расширил полномочия сеймов. При этом Государственное собрание венгерских земель наделялось правом законодательной инициативы, а венгерских язык на территории земель короны святого Иштвана объявлялся государственным. Стоит отметить, что верховная власть в империи по-прежнему концентрировалась в руках императора. Říjnový diplom (1860, 20. říjen) // Dějiny českého státu v dokumentech… S. 228–229.

[830] *Urban O.* Česká společnost… S. 164.

[831] *Sladkovský K.* Kde jsme se my rakouští Slované v politice ocitli? (Hlas. 31. května 1863) // Výbor z politických řečí a úvah Dra. Karla Sladkovského. Praha, 1899. S. 280.

только к насмешкам в среде богемских немцев, играющих по-прежнему значимую роль в регионе, но и воспрепятствовать карьерному росту[832].

Данный тезис и приведенная статистика перекликаются со словами наместника (штаттгальтера) Богемии графа Антонина Форгаха. В начале 1861 г. он составил для имперского центра характеристику наиболее видных чешских национальных представителей в сейме. Функционер пришел к выводу, что большинство из них не имеет никакого политического опыта. На них можно без труда оказывать давление, т.к. часть из них – госслужащие, а другая – адвокаты, которые будут заботиться по большей части о своих бюро[833].

Эти рассуждения хорошо иллюстрируют причины неуверенности в своих силах, осознания малочисленности своего народа, свойственные чешским интеллектуалам[834]. Большинство членов Национальной партии не имело связей в высшем свете, а также политического и управленческого опыта на общегосударственном уровне (за исключением партийных лидеров, получивших его в 1848–1849 гг.). Для продвижения своих требований партийное руководство приступило к поиску союзника. Им должна была стать богемская шляхта. Этому есть исчерпывающее объяснение. В рассматриваемый период политическое лидерство в Габсбургской монархии принадлежало дворянству. В нем государство по-

[832] *Павленко О.В.* Славянский фактор… С. 277.
[833] *Havránek J.* Česká politika, konzervativní aristokraté a uspořadání poměrů v habsbuské říši v letech 1860–1867 // Sborník historický. 1970. č. 17. S. 75–76. Впрочем, историк Йиржи Коржалка указывает, что, например, в марте 1861 г. Национальная партия выступала против кандидатов из чиновничьей среды. Но в любом случае существенная часть чешских национально ориентированных депутатов состояла из юристов по профессии.
[834] *Павленко О.В.* Славянский фактор в идеологии и внешней политике Российской империи и монархии Габсбургов (1830-е гг. – 1914 г.). Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. М., 2022. С. 277.

прежнему видело свою главную опору[835]. Кроме этого, Октябрьский диплом 1860 г. стал фактической победой венгерской и богемской аристократии, представители которой апеллировали к историческому праву[836]. Национальная партия приветствовала новый конституционный акт, а конкретно Ригер, взявший на вооружение историко-правовую концепцию, стал стремиться к союзу с Й.Я. Клам-Мартиницем.

Знать тоже была заинтересована в сотрудничестве с чешскими национальными политиками. Одержав победу в расширенном рейхсрате, венгры тут же оставили своего партнера, уже им ненужного. Одновременно в чешских землях шляхта оказалась в изоляции в условиях заметного роста национального движения. Для того, чтобы выйти из кризисного состояния (на фоне всплеска политической жизни), ей требовался новый политический союзник, теперь уже в Богемии. Как удачно выразился Отто Урбан, шляхте

---

[835] Историк Йиржи Георгиев попытался обобщить в своем исследовании главные преимущества положения дворян в общественно-политическом пространстве монархии. Во-первых, широкий ряд придворных должностей (не говоря уже про высшие) могли занимать только дворяне. Соответственно, к важнейшим рычагам управления допускались лишь выходцы из знати. Следовательно, наиболее ценным (можно сказать, уникальным) управленческим опытом на высшем уровне власти обладали именно представители аристократии. При этом важно помнить, что при дворе монарха огромную роль (впрочем, как и везде) играли закулисные переговоры, которые была способна вести наиболее продуктивно именно шляхта. Второй фактор лидерства шляхты в монархии – это куриальная система выборов. В избирательной системе монархии существовала специальная курия для крупных собственников. При этом из-за многоступенчатости выборов и ряда фильтров наибольшее представительство на фоне остальных курий получала шляхта. Благодаря этому на выборах в рейхсрат и в местные сеймы шляхта в любом случае получала преимущество. Из этого можно сделать вывод, что при принятии решений в каких-либо выборных органах шляхта всегда имела политический вес. В-третьих, в основе любых выборов в Австрийской империи лежал высокий имущественный ценз и происхождение. Это заведомо предопределяло положение шляхты в обществе. И, наконец, Палата господ (верхняя палата рейхсрата), как правило, включала лиц дворянского происхождения. Таким образом, вкупе с весомым дворянским представительством в сейме, шляхта имела немалое значение в делах законодательной власти и в масштабе империи. *Georgiev J.* Až do těch hrdel a státků? Konzervativní myšlení a otázka samosprávy v politických strategiích české státopravní šlechty po roce 1848. Praha, 2011. S. 25–26.

[836] Шляхта Богемии впервые применила историческое право как обоснование политических требований в 1791 г. Представители аристократии обратились к Леопольду II с просьбой о восстановлении некоторых земских прав, используя историческую аргументацию. Позднее, уже в 1850-е гг., на Клам-Мартиница и его сторонников повлияла теория историко-политических индивидуальностей венгерского дворянина и интеллектуала Й. Этвёша. Мадьярский деятель выступал за сохранение монархии Габсбургов, укрепление земельных и местных органов самоуправления, которые должны не только защищать личные свободы, но и способствовать национальным инициативам в культурной сфере. Рассуждая о широкой автономии провинций и округов, Этвёш предлагал исходить из исторически сложившихся административных границ. Все эти положения были созвучны идее богемских аристократов о шляхетском самоуправлении на уровне велькостатков и исторических земель. *Cibulka P.* Historické právo // Akademická encyklopedie českých dějin URL: https://aecd.kpsys.cz/media-viewer?rootDirectory=428170&origin=https%3A%2F%2Faecd.kpsys.cz%2Frecords%2F156eb248-d5bd-45c3-a2c2-b67ab2bf67fb Дата обращения: 21.08.2024; *Urban O.* Kapitalismus a česká společnost… S. 240; *Тевес Л.* Концепция национальной политики Йожефа Этвеша и конституционно-национальная традиция «партии» Ференца Деака, 1860–1868 годы // Славяноведение. 2014. № 6. С. 8.

нужно было сформулировать более широкое общественное обоснование своего исключительного положения[837]. Схожим образом обобщил это сближение и отечественный исследователь Н.С. Барсуков: «национальные политики могли дать шанс дворянству не потерять свои позиции на политической сцене империи, а дворянство предоставляло им возможность презентации своих политических интересов на самом высоком уровне»[838]. После долгих закулисных переговоров 6 января 1861 г. состоялась встреча Ригера и Клам-Мартиница. На ней и был оформлен союз между Партией консервативного велькостатка и Национальной партией[839].

Как можно оценить приобретение Ригером такого союзника? В его действиях очевиден прагматизм, ведь первоначально он имел совершенно иное политическое видение. И при этом не испытывал никакой симпатии к богемской аристократии. В чешской историографии союз Ригера со сторонниками Клам-Мартиница был назван «браком по расчету»[840]. И он приносил определенные плоды: в богемском ландтаге обеим партиям время от времени удавалось сформировать федералистское большинство[841]. Другое дело, что на такого партнера можно было положиться не во всех вопросах. Союз с дворянством долгое время оставался в Национальной партии темой для дискуссий.

Ситуация в стране менялась очень быстро, причем изменения носили системный характер. Еще в начале декабря 1860 г. император пошел на уступки требованиям венгров. Он убрал с поста министра внутренних дел неугодного венгерской аристократии Агенора Голуховского. Его преемником стал Антонин Шмерлинг. Перед новым министром стояла непростая задача.

---

[837] *Urban O.* Česká společnost… S. 164.
[838] *Барсуков Н.С.* Указ. соч. С. 68.
[839] Встреча происходила в квартире известного чешского историка Вацлава Томека, имевшего близкие контакты и с той, и с другой группами. Формальным поводом для встречи стали дела, касающиеся Национального музея.
[840] *Borovička M. et al.* Velké dějiny zemí Koruny české. Svázek XII.a 1860–1890. Praha – Litomyšl, 2012. S. 42.
[841] *Cibulka P.* Národní strana... S. 120. В частности, благодаря союзу со шляхтой чешским национальным политикам в 1864 г. удалось провести в богемском ландтаге закон о двуязычии в средних школах в Богемии. Позже, в 1866 г., был принят закон о новых принципах обучения на чешском языке в Пражском университете. *Urban O.* Česká společnost… S. 200.

С одной стороны, нужно было удовлетворить требования венгров, недовольных малыми, по их мнению, уступками со стороны правительства. С другой – сохранить целостность государства, а также его «немецкость». Резюмируя, можно сказать, что Шмерлингу нужно было предложить всем народам такие минимальные уступки, которые более или менее соответствовали бы их позитивным представлениям о власти и требованиям.

Детищем министра стал Февральский патент 1861 г., заменивший Октябрьский диплом[842]. Чешские национальные политики резко выступили против нового конституционного закона. Одной из сложных ситуаций стали выборы в рейхсрат. Среди сторонников Национальной партии мнения разделились. Большинство предлагало их проигнорировать, т.к. чехов в законодательном органе в любом случае было бы слишком мало. От лица большинства говорил Ф. Палацкий. По его мнению, участвовать в выборах следовало только при одном условии: если венгры, хорваты и поляки тоже пошлют своих депутатов[843].

Однако меньшинство во главе с Ригером предлагало в любом случае участвовать в избирательной кампании. Оно объясняло этот шаг важностью иметь трибуну для транслирования всей Европе своих требований. Кроме того, именно рейхсрат должен был стать тем местом, откуда будет исходить импульс для федерализации монархии. При этом Ригер понимал, что из-за малого количества чехов им не удастся реализовать свои идеи: большинство этому помешает.

---

[842] В этом конституционном законе основное новшество коснулось законодательного органа. Рейхсрат обладал теперь законодательной инициативой. Он разделялся на две палаты – палату господ (в нее входили члены правящей фамилии, церковные иерархи, представители высшей аристократии и лица, особо удостоенные этой чести в знак заслуг перед государством) и палату депутатов (в нее избирались представители местных ландтагов). Теперь также существовал рейхсрат узкий (из представителей невенгерских земель) и расширенный (из представителей всех земель империи). Февральский патент сопровождался новым избирательным законом. Вследствие искусственных преград в местных ландтагах преобладало феодальное и немецкоязычное большинство, более лояльное по отношению к центру. Таким образом, наносился сильный удар по национально-политическим чаяниям не только не только населения чешских земель, но и других субъектов монархии. Ограничивались федералистские тенденции и усиливались централизаторские. Ústava Rakouské říše (Schmerlingova) (1861, 26. únor) // Dějiny českého státu v dokumentech… S. 230–236.

[843] *Kramář K., Tobolka Z.* Op. cit. S. 228.

Посредником между сторонами выступил кардинал Шварценберг. Он убедил депутатов участвовать в выборах ради того, чтобы предостеречь страну от тенденций дуализма. Кроме того, чешских политиков ободрила весть об участии в выборах галицийских поляков[844]. Таким образом, решение было принято в пользу избирательной кампании.

Характер дискуссии внутри Национальной партии свидетельствовал о неуверенности ее представителей в своих силах. Поэтому они нуждались в опоре на других славянских политиков, а также венгерских деятелей. В 1860-е гг. партийное руководство делало большую ставку на формирование единого политического блока с другими австрийскими славянами (и австрофедералистами вообще). Это было логичной и важной задачей. Ее можно трактовать как прагматичное использование идей славянской взаимности ради политической консолидации. Этот посыл фигурировал даже в программе чехов; провозглашалась верность ее принципам[845].

Для славянского сотрудничества в рейхсрате существовали определенные предпосылки. В умонастроениях чешских, словацких, польских, хорватских, словенских и сербских национальных деятелей превалировал австрославизм. При этом, ощущая на себе (за исключением поляков) давление австрийских немцев или венгров, они стремились улучшить свой статус в Габсбургской империи. Соответственно, австрийские славяне потенциально могли объединить усилия в борьбе с централизацией и в перспективе дуализмом. Австрофедерализм, центральная идея в работах Палацкого, занимал значимое место в идеологии других славянских народов империи. Более того, к началу 1860-х гг. концепцию государственного исторического права взяла на вооружение не только часть хорватских, но также словенских и польских политиков. Впрочем, несмотря на единую

[844] *Ibid.*
[845] 1860, 20. 12. Praha – Program Národních listů // Politické programy… S. 46.

сущность, у каждого народа этот комплекс идей имел свою национальную специфику.

Характерной особенностью политического развития Галиции оставалась тесная связь ее элиты с консервативной польской эмиграцией в Париже. В «Отеле Ламбер» полагали, что после частичной либерализации политической жизни в Габсбургской монархии Галиция в сравнении с Познанью и Царством Польским является наиболее перспективным центром для восстановления независимой Польши[846]. Австрийская монархия воспринималась как подходящая почва для «взращивания» государственности у поляков. Галиция должна была стать «польским Пьемонтом» для собирания польских земель под эгидой Габсбургов[847]. Одним из пунктов программы «Отеля Ламбер» и галицийской шляхты стало не допустить жестких антиавстрийских заявлений в пропаганде и политическом давлении. Шагом на пути к объединению польских земель должна была стать широкая автономия Галиции и назначение австрийского эрцгерцога ее наместником[848].

Польская консервативная эмиграция делала акцент на славянском вопросе не только потому, что значительная часть славянских народов проживала в монархии Габсбургов. Это делалось также из опасений, что славянскую карту может использовать Россия. Пропаганде «русского панславизма» в лагерь Чарторыйских стремился противопоставить идею «славизма свободного и независимого от всех иностранных влияний»[849]. Определяя свою позицию в борьбе за преобразование монархии Габсбургов,

---

[846] *Фалькович С.М.* Польское национальное движение и монархия Габсбургов: проблема австрофильства, федерализма, дуализма // Российско-австрийский альманах: исторические и культурные параллели. Вып. IV. Австро-Венгрия: Центральная Европа и Балканы (XI–XX вв.). Памяти В.И. Фрейдзона. Отв. ред. С.А. Романенко, И.В. Крючков, А.С. Стыкалин. СПб., 2011. С. 314.

[847] *Фалькович С.М.* Отношение польского национального движения к Австрийской империи и идеологии австрославизма в контексте идей панславизма и пангерманизма (50–70-е годы XIX в.) // Из истории общественной мысли народов Центральной и Восточной Европы. Отв. ред. С.М. Фалькович. М., 1995. С. 136–137.

[848] *Там же.*

[849] *Фалькович С.М.* Польское национальное движение и монархия Габсбургов… С. 312–313.

польские политики постоянно оглядывались на угрозу панславизма и царизма[850].

Что касается политических сил в Галиции, то сторонниками федерализации и исторического права были «краковские консерваторы» под руководством Агенора Голуховского, а также «львовские демократы» во главе с Францишеком Смолькой и Ф. Земялковским[851]. Последние отличались от первых тем, что требовали более широкой автономии для Галиции в составе монархии. Укреплению их лояльности к династии поспособствует неудачное Январское восстание (1863–1864 гг.)[852]. Это событие, а также желание составить эффективную коалицию в львовском сейме против русинских депутатов, верность трону приведет к сближению обеих партий[853]. Впрочем, федералисты и сторонники реального политического сотрудничества со славянами составляли среди галицийских политиков меньшинство[854].

Первая сессия рейхсрата началась 29 апреля 1861 г. Формально это был «расширенный» рейхсрат, но на деле – «узкий». Из предполагаемых 343 депутатов прибыло только 203. В работе парламента отказались участвовать представители Венеции, а также земель короны святого Иштвана (включая собственно Венгрию, Трансильванию и Хорватию)[855]. Для чешских депутатов решение хорватов стало тяжелым ударом. Заботясь об укреплении собственного положения в землях Венгерской короны, они предпочли

---

[850] *Фалькович С.М.* Отношение польского национального движения к Австрийской империи… С. 140–141.
[851] *Фалькович С.М.* Польское национальное движение и монархия Габсбургов… С. 318.
[852] *Křen J.* Dvě století střední Evropy... S. 182.
[853] *Ibid.* S. 183.
[854] *Mikulka J.* Slovanství a polská společnost v XIX. století. Praha, 1984. S. 127.
[855] *Borovička M. et al.* Velké dějiny… S. 56.

прагматично действовать в одиночку[856]. Партия Штросмайера, не разделявшая такой подход, на время отошла в тень. Впрочем, в знак солидарности с чешскими, словенскими и польскими депутатами в их печатном органе Pozor 6 мая 1861 г. была перепечатана из газеты Národní listy программа децентралистов с заголовком «Из программы наших братьев»[857].

Чешские депутаты от Богемии и Моравии образовали единый клуб. Ригер написал «Программу децентралистов», которой они придерживались[858]. Однако депутаты чувствовали себя политически слабыми, особенно когда немецкоязычные группы разного спектра объединялись в один мощный, многочисленный конституционный блок[859]. В ответ было решено создать общий блок децентралистов. Вместе со словенцами[860], а также с федералистами из Тироля и Буковины чехи образовали Клуб депутатов-автономистов. Его лидером стал Ригер. Поляки в Клуб не вошли, но регулярно посылали своих доверенных лиц на его совещания. Именно с Ф. Смолькой и его сторонниками Ригер наладил

---

[856] Демарш хорватов был направлен против политики имперского центра. Сначала это было связано с централизаторской политикой, а потом с отторжением Междумурья и возвращением области в состав Королевства Венгрия. Своего пика протесты достигли после издания Февральского патента. На этом фоне в Хорватии все сильней раздавались призывы к союзу с теми, кому удается успешно противостоять правительству. Другими словами, с мадьярами. Уже с лета 1860 г. активно развивалось движение за восстановление унии с Венгрией и за тесный политический союз с ее истеблишментом. Как писал Ригеру из Загреба в июле 1860 г. его друг чешский журналист и общественный деятель Й. Праус, там «не хотят ни о чем другом слышать, кроме как о старой конституции, о полном союзе с мадьярами». Из данного письма становится ясным, что, не имея возможности идти вразрез с этими мощными тенденциями, Штросмайеру и его партии пришлось уступить. В этих условиях продвигать идею общеавстрийского федерализма для него, очевидно, было невозможно. 15 апреля 1861 г. хорватский сабор проголосовал за отказ от выборов в рейхсрат. 1860 červenec 9. Vídeň. – J. Praus Riegrovi // Příspěvky k listáři Dra Fr. Lad. Riegra. Díl 1... S. 133. *Фрейдзон В.И.* История Хорватии. Краткий очерк с древнейших времен до образования республики (1991 г.). СПб., 2001. С. 139–144.

[857] 1861, 4. 5. Vídeň – Program decentralistů // Politické programy… S. 64; В целом на страницах газеты было достаточно много перепечаток из чешской прессы, посвященных федерализации монархии Габсбургов. *Морозов А.А.* Указ. соч. С. 31.

[858] Program decentralistů v říšské radě // Národní listy. 04.05.1861. S. 1.

[859] *Kramář K., Tobolka Z. Op. cit.* S. 230–231.

[860] Чехам удалось вступить в коалицию лишь с частью словенских депутатов во главе с Ловро Томаном. Остальные во главе с Карлом Дежманом примкнули к австронемецким либералам. Сотрудничество Ригера и Томана началось с подписания в апреле 1861 г. между чехами и словенцами так называемой интерпелляции. В ней были сформулированы общие подходы для деятельности в рейхсрате. При этом акцентировалось внимание на равноправии словенцев в отношении других народов. По-видимому, это было сделано ввиду непринадлежности словенцев к историческим народам. *Jordan F.* Češi a Slovinci v 19. a na začátku 20. století (jejich vztahy veřejné a politické) // Otázky dějin střední a vychodní Evropy. Brno, 1974. S. 269.

тесный контакт в нижней палате рейхсрата в 1861 г.[861] Оба политика уже были знакомы: во время революции 1848–1849 гг. они были депутатами австрийского рейхстага и имели схожие взгляды.

Единой платформой для требований у славянских депутатов-федералистов были ценности, продиктованные Октябрьским дипломом. Однако по ряду частных, отдельных вопросов общая тактика не оговаривалась, и каждая группа парламентариев голосовала по своему усмотрению[862].

На заседаниях нижней палаты Клуб депутатов-автономистов включил в повестку вопросы, свидетельствующие о нерепрезентативности состава рейхсрата. В своих выступлениях Ригер делал акцент на несправедливость избирательного закона и требовал его изменения. Ф. Смолька и польские депутаты поднимали вопрос о том, каким по сути является этот орган – «узкий» или «расширенный». А если он «узкий», имеет ли он право принимать законы для всей империи[863]. Примечательно, что французская газета Le Temps рассматривала действия чехов и поляков как совместную инициативу, сплоченный блок[864]. Несмотря на скоординированность действий, австрофедералистский блок численно не мог противостоять австронемецкому либеральному лагерю. Чешские национальные политики явно ощущали себя слабыми и неуверенными в своем положении. Им не удавалось провести свои идеи и предложения.

Говоря об уходе из рейхсрата чешских депутатов, можно заметить, что обсуждение этой акции шло довольно долго. Импульс исходил от Палацкого, который покинул Палату господ осенью 1861 г. Ригер его поддерживал. В Чешском клубе большинство высказалось в пользу подобного решения лишь в том случае, если это сделают поляки. Но последние совершенно не

---

[861] *Sak R.* Op. cit. S. 140.
[862] *Borovička M. et al.* Velké dějiny… S. 56.
[863] *Ждановская А.А.* Парламентское представительство Чешских земель // Политические партии и общественные движения в монархии Габсбургов, 1848–1914 гг. Очерки. Отв. ред. О.В. Хаванова. М., 2018. С. 83.
[864] См., например: Le Temps. 14.05.1861. P. 1; Le Temps. 20.12.1861. P. 1; Le Temps. 25.09.1862. P. 1.

собирались идти на такой шаг[865]. Окончательное решение было принято только в марте 1863 г.[866] При этом оно не было солидарным. Если 11 чешских депутатов во главе с Ригером покинули рейхсрат и подписали заявление о протесте, то 5 депутатов вышли, но ничего не подписали. При этом 4 депутата остались в рейхсрате[867]. Моравские депутаты, тоже входившие в Чешский клуб, покинули рейхсрат лишь в 1864 г.[868] Очевидно, с каким трудом и неуверенностью далось это решение.

Уход из парламента обосновывался отсутствием справедливого представительства от чешских земель. Кроме того, подчеркивалось, что, по сути, был созван «узкий» рейхсрат, а не «расширенный». При этом он имел функции последнего, что противоречило букве закона. Да и в целом игнорировались нормы Октябрьского диплома.

Что можно сказать о новой тактике чешских политиков? Прежде всего, она не была их изобретением, несмотря на то, что первым из Национальной партии (и отдельно от нее как член Палаты господ) ее использовала такая культовая фигура, как Палацкий. Этот инструмент начал применяться с оглядкой на венгерский опыт[869].

Спустя две недели после ухода из рейхсрата чешские депутаты были лишены своих мандатов. В богемском ландтаге состоялись довыборы в Палату депутатов. А сам рейхсрат продолжал свою работу до 1865 г. Выходит, что чехи сами себя вычеркнули из общеимперского контекста. Их, казалось бы, громогласный демарш по примеру венгров не был столь же эффективным[870].

---

[865] *Kramář K., Tobolka Z.* Op. cit. 233–234.

[866] При этом шляхта во главе с Клам-Мартиницем покинула Палату господ уже в 1862 г.

[867] Среди них – епископ из Ческе-Будеёвице Ян Валериан Йирсик, издатель Алоиз Краса, педагог и философ Франтишек Чупр и Вокоун. Первый сдал мандат 8 октября 1863 г. Остальные проработали в Палате депутатов до конца созыва (1865 г.). *Borovička M. et al.* Velké dějiny… S. 59–60.

[868] *Urban O.* Česká společnost… S. 171–172.

[869] *Havránek J.* Op. cit. S. 78; *Šesták M.* Polské povstání a slovanské národy habsburské monarchie // Slovanské historické studie. 1979. Č. 12. S. 84. Сами же мадьярские политики впервые применили тактику пассивной оппозиции в конце 1860 г., протестуя против Октябрьского диплома. Движение приобрело широкий размах после обнародования Февральского патента 1861 г. *Хаванова О.В.* Венгерское королевство в период неоабсолютизма //Политические партии и общественные движения в монархии Габсбургов, 1848–1914 гг. Очерки. Отв. ред. О.В. Хаванова. М., 2018. С. 73.

[870] *Kramář K., Tobolka Z.* Op. cit. S. 233.

Справедливым было нежелание противников пассивной оппозиции терять трибуну рейхсрата, откуда можно было обращаться к политическим кругам и общественности Европы[871]. Очень показательно, что упоминания о чешских национальных политиках начали появляться во французской печати как раз с 1861 г. Однако чехи явно теряли такую возможность.

Более того, следует согласиться с Отто Урбаном в том, что пассивная оппозиция на имперском (и с 1867 г. на местном) уровне знаменовала собой неучастие чехов в перестройке монархии[872]. Фактически они лишили себя и перспективы воспользоваться переходным периодом по примеру поляков.

В этой связи уместно обратиться к утверждению другого чешского историка. Зденек Тоболка считал, что чешские политики не умели играть роль лавирующего меньшинства в общественно-политическом пространстве[873]. По нашему мнению, они даже не желали примерять ее на себя. Руководство партии апеллировало к высокому положению чешских земель в монархии, которое, настаивали они, было не ниже венгерских. Важным пунктом в программе партии было соответствие политического статуса чешских земель в монархии их вкладу в ее развитие (а он, естественно, был в понимании чехов чрезвычайно высоким). Поэтому они требовали, чтобы Вена смотрела на них так же, как на венгров. И данная риторика только усиливалась.

Между тем уход из рейхсрата сыграл отрицательную роль во взаимоотношениях с польскими депутатами. Последние очень критично отнеслись к действиям чехов. Будучи всегда, вследствие специфики их программы, политически эгоистичными, поляки отказались поддержать чехов и остались в рейхсрате[874]. Со временем такая самостоятельная линия, направленная на получение лишь собственных политических прав и выгод, получила дальнейшее развитие. Эту тенденцию уловил моравский политик

---

[871] *Ibid.*
[872] *Urban O.* Česká společnost… S. 236.
[873] *Ibid.* S. 238.
[874] *Žáček V.* Polonofilství a rusofilství… S. 239.

Алоиз Пражак в письме Ф.Л. Ригеру: «Уверен, что поляки, всякий раз когда у них будет появляться надежда отделиться от Австрии, не пойдут с нами и что солидарность наша снова начнется, когда речь будет идти о совместных действиях против германизации и централизации»[875].

Как покажут дальнейшие события, союз Ригера с некоторыми поляками-федералистами (Смолькой и Голуховским) все же останется в силе. Но конкретно в тот момент времени разрыв ослабил позиции чехов.

В сотрудничестве со словенцами тоже наступил кризис. Как и поляки, словенские депутаты из Клуба автономистов предпочли действовать исходя из собственных интересов и не солидаризироваться с чехами. Они решили, что в случае выхода из Палаты депутатов словенцы потеряют политический вес в сейме Крайны. Это был единственный ландтаг, где существовало словенское национальное большинство. Кроме того, словенцы действовали с оглядкой на австро-немецкую федералистскую шляхту, которая уходить в пассивную оппозицию не собиралась[876].

Итак, хорваты, на участие которых в парламентской жизни рассчитывали чехи, не приехали; словенцы не поддержали тактику пассивной оппозиции; поляки также не разделяли подобные идеи, при этом их критика усилилась в связи с позицией Ригера и Палацкого по поводу Январского восстания (1863–1864 гг.).

Подобно эпохе «весны народов», славянские политики монархии Габсбургов и в 60-е годы не располагали большим количеством площадок для совместной политической деятельности. Пожалуй, среди них Национальной партии проявили непоследовательность: инициировав австрославянский блок в рейхсрате, они сами же из него вышли. И получилось, что чешские деятели своим уходом из парламента не только ограничили свои возможности публичной деятельности в рамках империи, но и ослабили позиции своих союзников. Такая линия поведения ярко

[875] [1863, 25. června] – Pražák Riegrovi // Příspěvky k listáři Dra Fr. Lad. Riegra. Díl 1... S. 155.
[876] *Ibid*.

характеризует реальное отношение чехов к славянской взаимности, в духе которой выстраивалось это сотрудничество в органе власти.

Мирослав Шестак и Владислав Штястный даже называли период 1863–1864 гг. кризисом славянства[877]. В атмосфере, заряженной волнениями в Царстве Польском, в чешской печати появилась критика текущей ориентации чешской политики на австрийских славян. Ради укрепления чешско-мадьярских связей газета Hlas, например, предлагала отказаться «от фантазии о славянской взаимности». Более того, Карел Сладковский прямо критиковал сербов и хорватов. Автор пенял им в 1860 г. отход от федералистской программы и сближение с венграми. При этом, по его словам, сербы и хорваты считали солидарность с чехами «делом излишним и опасным». Теперь же, негодовал Сладковский, они хотят, чтобы чехи постоянно выступали против мадьяр[878].

После ухода из рейхсрата и краха австрофедералистского блока чешские политики действительно решились на переговоры с Ференцем Деаком – одним из ведущих венгерских оппозиционных политиков. Через его сторонников они хотели попробовать повлиять на Вену. По мнению Шестака, именно ради тесного сотрудничества с мадьярами чехи заимствовали их тактику пассивной оппозиции и якобы отказались от концепции чехославянства[879]. Что касается потенциального сближения, то «весовые категории» оказались слишком разными, и венгры не заинтересовались чешскими инициативами[880].

Несмотря на вынужденное или преднамеренное неучастие в общеимперской политической жизни, Национальная партия и Хорватская народная партия в 1863–1864 гг. продолжали поддерживать контакты. Так что «кризис славянства» не был всеобъемлющим. В 1863 г.

---

[877] *Šesták M., Šťastný V.* České slovanství v boji proti dualismu // Československá slavistika. 1988. S. 268.
[878] *Sladkovský K.* Kde jsme se my rakouští Slované v politice ocitli? (Hlas. 3. června 1863) // Výbor z politiké řečí a úvah Dra. Karla Sladkovského. Praha, 1899. S. 287, 290–291.
[879] *Šesták M.* České slovanství a František Palacký... S. 383; *Šesták M.* Polské povstání a slovanské národy habsburské monarchie... S. 88–89.
[880] *Havránek J.* Op. cit. S. 78.

Й.Ю. Штросмайер посетил Прагу. Епископу был оказан очень теплый, радушный прием. Впрочем, говорить о заметных политических последствиях этого приезда нельзя. Однако росло количество материалов о хорватской политике в ежедневной немецкоязычной газете Politik, издаваемой старочехом Яном Станиславом Скрейшовским. Когда в 1864 г. закрыли издание народняков Pozor, его редактор И. Перковац стал сотрудничать как раз с Politik. Фактически газета стала трибуной для оппозиционных хорватских политиков-федералистов[881].

Если смотреть на ситуацию в целом, очевидно, что политический прагматизм превалировал над представлениями о «славянском братстве»[882]. Уже в первые годы участия в большой политике стало понятно, что интересы у близкородственных народов были довольно разными. И диктовались они объективными обстоятельствами, от которых и отталкивались политики.

Уже с 1861 г. среди членов Национальной партии начались дискуссии о тактике борьбы за национальные требования. Группа политиков, объединившаяся вокруг братьев Грегров и Карела Сладковского (младочехи), критиковала идею союза со шляхтой. Она считала его несовместимым с их либеральной программой. Такое сотрудничество, по их мнению, шло вразрез с самим характером партии, представлявшей интересы буржуазии и крестьян[883].

Младочехи хотели также внести изменения в программу партии. Они настаивали на присутствии в ней и естественно-правовой, и государственно-исторической аргументации. Кроме того, оппоненты старочехов желали сделать больший акцент на требовании гражданских свобод и вести борьбу за всеобщее избирательное право. С 1863 г. дискуссии касались и

---

[881] *Šesták M.* Češi a Jihoslované v habsburské monarchii v letech 1850–1890 // *Žáček V. a kol.* Češi a Jihoslované v minulosti… S. 415.

[882] Это наглядно показывает утопичность попыток переноса идей о славянской взаимности в политическую плоскость.

[883] *Ibid.* S. 73.

тактики пассивной оппозиции, ее эффективности. Этот вопрос стал наиболее острым[884].

Таким образом, всего за два года существования Национальной партии уже успел появиться ряд «болевых точек». Однако споры шли скорее в закулисье и мало вырывались наружу. Так было до Январского восстания в Царстве Польском в 1863–1864 гг.

2.2. Чешское русофильство периода Великих реформ в России. Пропагандистская акция Ф.Л. Ригера во Франции

В начале 1860-х гг. в чешской политической дискуссии стали крайне важны начавшиеся в России Великие реформы. Особенно приветствовалась отмена крепостного права. Все это вкупе с потребностью в помощи «соплеменников» вело к тому, что позиции сторонников либеральных идей ослабевали. «Всеславянское видение, когда-то обозначенное как неполитическое и вредное для чешских интересов, оказалось в центре дискуссий и приобрело политический размах»[885]. В чешской среде полагали, что империя Романовых благодаря Великим реформам возвращает себе русский национальный характер. Были надежды, что эти изменения могли привести страну к более «славянской» внутренней и внешней политике[886]. И, следовательно, Россия естественным образом пришла бы к необходимости защиты славян. Эти мотивы часто обобщались в едином понятии «европеизация». Чехи строили собственный образ России – но не такой, какой она являлась в тот момент, а какой она будет[887]. И этот образ так или иначе идеализировался.

Показательны слова Ф. Палацкого, адресованные В.И. Ламанскому в 1860 г. из Ниццы. В письме отмечалось, что «чувство и дух славянские

---

[884] *Ibid.* S. 74.
[885] *Doubek V.* Česká politika a Rusko... S. 101.
[886] *Ibid.*
[887] *Ibid.*

начинают проникать уже и в самые широкие круги русского общества». И далее: «к сожалению, судьба, которая на востоке вас зовет и ведет к деятельности, к могуществу и вечной славе, нам на западе, кажется, уготовила жизнь только мученическую, трагическую роль в драме среднеевропейской истории»[888].

Убежденность в проникновении прославянских настроений в русское общество, вера в великое будущее России и одновременно предчувствие некой катастрофы, большого столкновения были характерны для Палацкого. В 1860 г. он также писал С.-Р. Тайандье, что притесняемые народы Габсбургской монархии, возможно, будут искать опору в лице России[889].

Определенный интерес российского посольства к чешским сюжетам был обусловлен начавшимися изменениями в политической системе монархии. Примечательна одна депеша российского дипломата В.П. Балабина, адресованная А.М. Горчакову. В ней он пересказывал суть чешского меморандума Францу Иосифу I, поданного 18 июня 1860 г. Посланник указывал на «почтительный», «скромный» и «энергичный» тон документа. Он также заметил, что император оказал Ригеру теплый прием. По словам дипломата, чешский деятель, уполномоченный другими подписантами, сделал для него копию меморандума и собственноручно ее передал[890].

Этот пассаж Балабина свидетельствует, что личный контакт с российским посольством был не только у Палацкого, но и Ригера. Во-вторых, это была не частная инициатива одного из вождей объединения – за ней стояло решение партийного истеблишмента. В-третьих, русофильская составляющая чешской политики хорошо проглядывается в этой акции, проявляясь не столько на словах, сколько на деле. Уже в самом начале эпохи «конституционных экспериментов» чешские национальные политики

---

[888] Ф. Палацкий – В.И. Ламанскому, 16 (28 марта) 1860, Ницца // Документы к истории славяноведения… С. 30.

[889] Точная дата письма неизвестна. Ответ Тайандье датируется 8 ноября 1860 г. Цит. по: *Kušnieriková B.* Revue des Deux Mondes o Čechoch, Slovákoch a národnostnom problemu v Habsburskej monarchii... S. 280.

[890] Balabine à Gortchacow, 9/21 juin 1860 // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. Д. 190. Л. 358.

действовали как в направлении Вены, так и Санкт-Петербурга. К сказанному можно добавить, что в другом донесении, уже июльском, Балабин направил в Санкт-Петербург текст меморандума на французском языке[891].

Российское посольство следило за событиями в чешских землях не только посредством контактов с ее крупными представителями, но и через информаторов. Благодаря одному из них в Санкт-Петербурге были осведомлены, например, о деятельности Й.Я. Клам-Мартиница. Балабин в депеше князю А.М. Горчакову от 29 января 1860 г. писал о наличии у богемской шляхты своей программы и в общих чертах пересказывал ее. Он сообщал, что дворянство хотело вступить в переговоры с венгерской аристократией[892]. В приложении к другому письму главе российского МИДа, направленному чуть позже, уже был дан полный текст программы на немецком и французском языках[893]. О пристальном внимании к знати Богемии со стороны российских властей в начале 1860-х гг. говорят и другие факты. В АВПРИ находится документ под названием «Выдержка из частного письма», написанный неким жителем Богемии. Повествуя «о нашей консервативной партии», автор сделал акцент на смятении среди аристократов, причина которого заключалась в перепечатке их программы в немецкоязычной газете Bohemia[894].

Необходимо также обратить внимание на обзор политической ситуации в Австрийской империи К.П. Икскуля фон Гилленбанда, сотрудника посольства. «Симптомы, о которых сообщают в Богемии и Галиции, еще не вызывают беспокойства, но идеи, как и события, быстро развиваются в наше время. Вскоре Богемия и Галиция могут претендовать на прерогативы Венгрии, ибо и там вожди партии “исторических индивидуальностей” стремятся к чисто личной унии с Австрией»[895]. Следует заметить, что, во-

[891] Balabine à Gortchacow, 14/26 juillet 1860 // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. Д. 191. Л. 67–79.
[892] Balabine à Gortchacow, 29 janvier 1860 // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. Д. 190. Л. 422–423.
[893] АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. Д. 190. Л. 430–431.
[894] L'extrait d'une lettre particulière (février 1860) // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. Д. 190. Л. 432–433.
[895] К.В. Кнорринг – А.М. Горчакову, 24.12.1860/5.01.1861 (приложение) // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. Д. 192. Л. 249–250.

первых, в этом обзоре ситуация в Богемии в 1860 г., по наблюдению дипломатов, хотя и оставалась стабильной, могла измениться. Они предугадали, что вскоре «вызывать беспокойство» будут как раз притязания Богемии «на прерогативы Венгрии». Под ними подразумевались новые привилегии, полученные мадьярами по Октябрьскому диплому 1860 г. Причем дипломат исходил из того, что претензии в обоих регионах, несмотря на то, что они и были аналогичны мадьярским, приведут к дестабилизации монархии, а это было бы опасное развитие событий. Поэтому не исключено, что дальнейшие заявления чехов о необходимости равного статуса чешских земель с венгерскими не находили полного понимания в российском посольстве. Примером таких заявлений может послужить фрагмент из речи Ригера на заседании земского сейма от 12 декабря 1865 г.: «королевство Чешское <…> занимает, конечно, первое место среди земель и народов австрийских – по крайней мере рядом с королевством Венгерским»[896].

Интересно, что Богемия и Галиция упоминаются в российских донесениях в одном контексте. Эта тенденция останется актуальной и спустя десять лет, как покажет дальнейший ход событий.

На действия чехов за этот период реагировал еще один российский представитель в Вене – М.Ф. Раевский. Он предоставлял МИД данные наравне с посольством, как и их интерпретацию, продиктованную собственным видением славянского вопроса. Историкам известен такой документ, как «Копия с записки в Министерство иностранных дел о славянах за 1861 г.» авторства отца Михаила. В нем он критически высказывался о деятельности руководства Национальной партии. По его мнению, славянские деятели были слишком увлечены политической борьбой, которая лишь отдаляла родственные народы друг от друга. «Когда эти люди [Ригер, Палацкий и др.] были менее значительными, например, в 1848 г., они <...> стояли в интересах чисто славянских <...> Теперь же соотечественники Гуса соединяются заодно с ультрамонтанской партией <...> общее дело славянства

[896] Řeči Dra. Frant. Ladisl. Riegra a jeho jednání v zákonodárných sborech. Díl IV… S. 20.

для них второстепенно». К 1861 г., по мнению Раевского, чешские лидеры утратили интерес к благу славянского мира, а на первый план выдвинулись интересы земель, в которых «они будут первыми людьми, аристократией»[897].

Высказывания Раевского были очень яркими, но не всегда соотносились с действительностью. При этом они многое говорят о его восприятии и трактовке событий. Прежде всего, вызывает вопросы, какие именно действия Ригера и Палацкого в 1848 г. показывали, что они радели за «славянские интересы». Хотя в Праге в этот год произошел Славянский съезд, на протяжении всей революции чехи преследовали собственные цели. Можно ли говорить, что в начале 1860-х лидеры Национальной партии игнорировали «общее дело славянства»? Отчасти да. Скорее, они пытались применить идеалы славянской взаимности в политической плоскости, работая в рейхсрате. Но, безусловно, для Раевского главным критерием здесь выступает духовная сторона, не столь важная для чехов.

Примечательна негативная реакция в среде российских представителей на союз Национальной партии с богемской шляхтой. Для них партия Клам-Мартиница была ретроградной группой, преследующей лишь собственные сословные интересы и стремящейся к усилению в империи позиций католической церкви.

Однако это еще не все. В своей записке Раевский давал характеристику не только чехам, но и в целом австрийским славянам. Их лидеры, по его мнению, «зная себя и свою нацию, не знают славян, не изучают ни их общего характера, ни их общей истории, не знают, следовательно, их общих потребностей, и смотрят на дело славянское западными глазами ученых немцев, ставят себя вне народа». И поэтому «отуманенный чадом западных исторических начал» славянский мир Австрийской империи «не может распознать настоящих средств к своему спасению». Раевский с пессимизмом смотрел на будущее славянского мира, но надеялся, что тот «восстанет в

[897] Цит. по: *Кисселькова Н.В.* Указ. соч. С. 71.

третий раз в духе чистой славянской народности»[898]. Касательно этой мысли можно сказать, что протоиерей рассуждал вполне в славянофильском духе.

Очень неоднозначная характеристика дается чехам в начале 1860-х гг. и в другой структуре, игравшей колоссальную роль в царской России, – в Третьем отделении Собственной Его Императорского Величества канцелярии. Хотя деятельность органа касалась прежде всего охраны порядка внутри империи, его сотрудники собирали данные и о происходящем за рубежом. Исследовательский интерес представляет нравственно-политическое обозрение за 1862 г. Данный документ, а также отчет о действиях Корпуса жандармов составили всеподданнейший доклад Третьего отделения императору. В нем речь идет об обстановке в различных странах и регионах Европы, в том числе в Австрийской империи. В обзоре отмечалось «пассивно-революционное сопротивление» в адрес правительства со стороны итальянцев Венеции, поляков Галиции и особенно венгров[899]. В этом ряду чехи не упоминались, возможно, в силу неопределенности их тактики. Примечательны следующие слова: «<…> замечено чрезвычайно усилившееся народное волнение между чехами, которые возмечтали об отделенном королевстве Богемии и Моравии. Волнением этим руководят профессоры и литераторы, старающиеся в речах и сочинениях оживить национальное чувство чехов»[900]. Также в обозрении отмечается: «При настоящем движении чехов замечаются происки и панславянской пропаганды в Лондоне, ибо между оною и Прагским университетом обнаружились сношения»[901]. Таким образом, в образ чехов вносится в неясной трактовке мотив панславизма. Думается, что документ, с которым ознакомился император, позволял чрезвычайно широко интерпретировать их устремления[902].

---

[898] *Там же.*
[899] Россия под надзором. Отчеты III отделения 1827–1869. Сборник документов / Сост. М.В. Сидорова, Е.И. Щербакова. М., 2006. С. 567.
[900] *Там же.*
[901] *Там же.*
[902] *Там же.* С. 566.

В 1864 г. состоялась интересная дискуссия между Ф. Палацким и славянофилом Ю.Ф. Самариным, в то время тесно связанным с российскими государственными делами[903]. Приехавший в Богемию деятель пожаловался историку, что современная чешская литература не носит оригинальный характер из-за подражания немецкой. Он сожалел, что местная политическая жизнь развивается в русле западноевропейской цивилизации[904]. Палацкий же ответил, что чехи восприняли западную образованность с целью сохранить свой народ от поглощения. Но и теперь от них не стоит ожидать неких новых политических концепций «в славянском духе». Однако, по его мнению, на такой самобытный путь могла бы попробовать вступить Россия[905].

В 1862 г. целый ряд чешских деятелей был удостоен наград Российской империи. Этот сюжет известен в историографии. Однако на нем стоит остановиться подробнее, т.к. в его рамках ярко проявилось русофильство среди руководства Национальной партии. В сентябре 1862 г. должно было состояться празднование «тысячелетия России» и открытие одноименного памятника в Новгороде. Этим торжеством решил воспользоваться Раевский, чтобы через награждение видных славянских деятелей укрепить их связи с Россией[906]. Он составил список и послал его Гильфердингу с целью посоветоваться насчет текущих и потенциальных кандидатур[907]. Можно полагать, что затем этот вопрос рассматривался и продвигался по линии Министерства народного просвещения[908].

8 сентября 1862 г. императорским указом награды были присуждены. Представителей чехов среди награжденных было большинство, включая

---

[903] Он наряду с Н.А. Милютиным и князем В.А. Черкасским разрабатывал крестьянскую реформу в Царстве Польском.
[904] *Kořalka J.* František Palacký (1798–1876): životopis. Praha, 1998. S. 427.
[905] *Ibid.*
[906] Зарубежные славяне и Россия… С. 136.
[907] Письмо А.Ф. Гильфердинга М.Ф. Раевскому от 24.08.1862 // *Там же.* С. 132–135.
[908] Во всяком случае, Ригер и Палацкий в своих письмах просили В.П. Балабина передать слова благодарности не только Александру II, но и министру А.В. Головнину. Однако его роль переоценивать, пожалуй, не стоит: как сообщал М.Ф. Раевский А. Шембере, чиновник не имел представления ни о награждаемых славянских ученых, ни об их работах. Příloha č. 1. Dopis A. V. Šembery K. J. Erbenovi // *Čejchan V.* Carské řády Čechům roku 1862 (příspěvek k otázce českého rusofilství) // Sborník prací Filozofické fakulty brněnské univerzity. C, Řada historická. 1961. Roč. 10. Č. C8. S. 392. Příloha č. 2. Dopis Fr. Palackého ruskému vyslanci V. P. Balabinovi // *Ibid.* S. 393; Příloha č. 3. Dopis Fr. L. Riegra ruskému vyslanci V. P. Balabinovi // *Ibid.* S. 394;

Ф. Палацкого (орден святого Владимира 3-й степени) и Ф.Л. Ригера (орден святой Анны 2-й степени)[909].

Чешская периодическая печать отреагировала на это событие в начале октября. По большей части сообщения о награждении были весьма лаконичны. По мнению историка В. Чейхана, в редакциях и в чиновничьих кругах оно вызвало определенную растерянность: было непонятно, как относиться к такому шагу российской власти[910]. Это диктовалось внешнеполитическим фоном. Даже несмотря на личную встречу в Варшаве государей России, Пруссии и Австрии (осень 1860 г.), которая символизировала выход Петербурга из изоляции после 1856 г., отношения между двумя соседями оставались прохладными[911].

В октябре-декабре 1862 г. чехи, упомянутые в царском указе, отправили В.П. Балабину подтверждение о принятии награды и благодарственные письма. Палацкий в своем послании (на чешском языке) горячо благодарил Александра II. В награждении славянских ученых чешский историк видел «доказательство того, что верные стремление и усилия наши, борющиеся со столькими трудностями и обидами дома, находят конечное признание <…> также у могущественного и высоко просвещенного правителя, в лице которого весь мир чтит и восхищается великим освободителем народа русского и поэтому одним из главных благодетелей человечества»[912]. Также Палацкий писал о массовом учреждении «простонародных школ» в России и ставил это в заслугу министру народного просвещения А.В. Головнину. Чешский историк видел в

---

[909] Среди остальных награжденных чехов были: Ян Пуркине (орден святого Владимира 3-й степени), Карел Яромир Эрбен, Мартин Гаттала, Янко Шафарик, Франтишек Сушил, Алоиз Шембера (все – орден святой Анны 2-й степени), Антонин Вртятко (орден святой Анны 3-й степени), Франтишек Ржезач (орден святого Станислава 2-й степени), Франтишек Йезбера (перстень из кабинета Его императорского величества). Зарубежные славяне и Россия… С. 136; *Čejchan V.* Op. cit. S. 376–377.

[910] При этом австрийские власти не препятствовали славянским подданным в получении российских орденов. *Ibid.* S. 377–378.

[911] *Ibid.* S. 378; *Павленко О.В.* Славянский фактор… С. 210–213.

[912] Příloha č. 2. Dopis Fr. Palackého ruskému vyslanci V. P. Balabinovi // *Čejchan V.* Op. cit. S. 393.

этом значительный шаг в деле просвещения, что было для него важно еще со времен «Письма во Франкфурт»[913].

Палацкий благодарил Балабина «за содействие в деле этом, которое, принося утешение духу славянскому, на западе и на юге притесняемому и преследуемому, может хорошо послужить истинной пользе братьев наших, на севере и на востоке проживающих»[914]. Награжденный просил дипломата передать Александру II и Головнину слова благодарности, приведенные в его письме[915].

В свою очередь, Ригер написал письмо российскому посланнику на французском языке. Он прямо указывал, что награждение славянских ученых для него многое значит. По его мнению, Александр II «имел великодушное мужество поставить перед собой благородную задачу возвысить свой народ посредством свободы и гуманности, оживить великое и благородное тело дыханием стихийной деятельности национального духа и превратить огромную монархию <…> в русскую нацию»[916]. Ригер надеялся, что «теперь Россия почувствует себя не только русской, но и славянской». И, более того, с этого момента она будет оказывать славянам «моральную поддержку». Чешский политик не конкретизировал, в чем она может заключаться. Он лишь указывал, что Россия должна способствовать «прогрессу славянской литературы и цивилизации»[917]. Ригер, как и Палацкий, просил Балабина передать Александру II и Головнину слова благодарности.

Посыл писем был одинаков (призыв к защите зарубежных славян и покровительству им) и по своему характеру вполне соответствовал духу концепции «славянской взаимности», соответствующей 1830-м гг. Однако теперь надежды имели дополнительное обоснование: реформы в России, акцент на просвещении, рост национализма. И в награждении славянских

---

[913] *Ibid.*
[914] *Ibid.*
[915] *Ibid.*
[916] Příloha č. 3. Dopis Fr. L . Riegra ruskému vyslanci V. P. Balabinovi // *Ibid.* S. 394.
[917] *Ibid.*

ученых Ригер и Палацкий видели знак, что восточная держава начинает обращаться к своей «истинной» роли.

В марте 1863 г. российский посланник Балабин переслал благодарственные письма славянских ученых в Петербург министру народного просвещения А.В. Головнину. Дипломат в сопроводительном письме указывал, что министру уже хорошо известно, как глубоко и благотворно подействовало благосклонное внимание царя на славянских ученых и какой сильный отклик оно нашло «в благодарных сердцах славян»[918]. Он добавил, что они высоко оценили значение этих наград, особенно Палацкий[919].

Как благоволение обоим лидерам Национальной партии можно трактовать тот факт, что Ригер получил орден лично в российском посольстве; Палацкому он был отправлен из представительства. Остальные чехи получали свои награды через австрийское Министерство иностранных дел и наместничество в Богемии[920].

Свидетельства, связанные с награждением, показывают, насколько интересовала Россия Ригера и Палацкого еще до Славянского съезда 1867 г. Эта линия, которая прослеживается по крайней мере с конца 1850-х гг., продолжала органично развиваться. Из письма Балабина Головнину видно, что посольство в Вене приветствовало эти связи. Очевидно, цель, которую преследовал Раевский, инициировав награждение, была достигнута.

С данным мероприятием связан еще один любопытный эпизод. Так, Алоиз Шембера предложил австрийским ученым направить прямо Александру II свои научные работы вместе с общим сопроводительным письмом. Однако эту идею почти никто не поддержал. Карел Яромир Эрбен в своем письме рубежа ноября-декабря 1862 г. писал, что это очень деликатное дело. Он замечал, что чехи уже просили Балабина передать российскому императору слова благодарности. По словам этнографа, Палацкий был

[918] Балабин писал, что Головнину известны также и «чувства их завистников».
[919] *Čejchan V.* Op. cit. 378–379.
[920] Příloha č. 1. Dopis A. V. Šembery K. J. Erbenovi // *Ibid.* S. 392.

категорически против этой инициативы и свою работу по истории Богемии и Моравии посылать не собирался[921]. По всей видимости, прав В. Чейхан, который считал, что в той политической ситуации Палацкий проявлял осторожность. Он не хотел давать повод называть себя «царефилом» (известно, что награждение славян российскими орденами вызвало критику в австро-немецкой прессе[922]). При этом в своем окружении он не скрывал собственного русофильства[923]. В результате свои работы царю из австрийских славян послали лишь Алоиз Шембера, Франтишек Сушил и Вук Караджич.

Русофильство Ригера и Палацкого, иногда явное, было значительным явлением в чешской политике. Однако нельзя утверждать, что в местном публичном пространстве о России высказывались лишь положительно. Даже в газете Národní listy, рупоре Национальной партии, образ восточного соседа мог подаваться в некомплиментарном ключе. Были публикации, в которых Россия, как в 1848 г., называлась одной из угроз наравне с немцами[924]. В другой статье содержался призыв поменять политику в отношении поляков и Царства Польского в целом[925]. Что касается польского вопроса, существовало полонофильское крыло, критически настроенное к России. Лидерами этой группы были братья Эдуард и Юлиус Грегры, а также Карел Сладковский. Нельзя забывать, что главным редактором Národní listy был именно Ю. Грегр. Поэтому в газете появлялись материалы, не всегда соответствующие взглядам Ригера и Палацкого.

К. Сладковский работал редактором в издании Hlas. Его политические убеждения иногда тяготели к левым, что определяло его довольно противоречивое отношение к России. Так, судя по номеру от 18 февраля 1862 г., реформы в России свидетельствовали о неустойчивости ее

---

[921] *Ibid.* S. 384.
[922] *Ibid*. S. 377.
[923] *Ibid.*
[924] Речь шла о том, что чешский народ не даст себя присоединить «ни к Франкфурту» (на волне пангерманизма), «ни к Петербургу» (посредством панславизма). Kterák nás zvou do říšské rady? // Národní listy. 3.04.1861. S. 1.
[925] Nynější ruch v Rusích (II) // Národní listy. 13.06.1861. S. 1.

политической системы и даже скором распаде. Это, в свою очередь, открывало двери масштабным изменениям в самой стране и вне ее. Сладковский, подобно М.А. Бакунину, верил в освобождение славянских народов, которое будет исходить от революционной России[926].

Таким образом, в начале 1860-х гг. русофильство было значимым явлением в рамках Национальной партии. При этом нельзя забывать, что существовали альтернативы взглядам Ригера и Палацкого. Также никуда не исчез образ России, появившейся в период «весны народов». Для чешских русофилов был крайне важен факт реформ. Они позволяли сосредоточиться на конструировании образа идеальной России. Насколько эти представления соответствовали реальности?

После воцарения Александра II и поражения в Крымской войне России требовалось выработать новый внешнеполитический курс. Концептуально он действительно отличался от николаевской политики, идеологически подчиненной основам союза консервативных империй, охраняющих Европу от революций. Теперь во главу угла ставились т.н. национальные, т.е. «русские» интересы[927]. Но трансформировались ли они в «славянские», чего так хотели Ригер и Палацкий?

В 1861 г. у Азиатского департамента российского МИД появился новый руководитель. Им стал дипломат Н.П. Игнатьев. Вскоре после назначения у него состоялся разговор с А.М. Горчаковым. На этой встрече Игнатьев уделил большое внимание политике России на Балканах и российско-австрийским отношениям. Он указывал на тяжелое положение славянских народов в монархии Габсбургов, угнетаемых, по его словам, не только австрийскими, но и венгерскими властями. В наиболее тяжелом положении, по мнению Игнатьева, находились русины в Галиции. Он отмечал, что их судьба совершенно не волновала Ф.Л. Ригера и Ф. Палацкого. Как считал дипломат, оба прежде всего заботились об

[926] *Doubek V.* Česká politika a Rusko... S. 100.
[927] *Павленко О.В.* Панславизм: реальный и воображаемый… С. 227–228.

интересах своего народа, забывая об общих проблемах славянства[928]. Таким образом, сановник критически смотрел на лидеров Национальной партии. Его взгляды были близки к позиции М.Ф. Раевского и славянофилов. Во время разговора Игнатьев также отметил, что в основу российской политики на Балканах следовало положить т.н. национальный фактор, а не религиозный. Этот пункт в целом был одобрен Александром II и А.М. Горчаковым. Однако у Игнатьева в отношении Австрийской империи возникли разногласия с министром иностранных дел, его советником А.Г. Жомини и некоторыми другими дипломатами. Они полагали, что Вена вправе оказывать влияние на судьбы балканских славян, а ее политика способствует их освобождению. В этом вопросе Игнатьев имел противоположное мнение[929].

По этой дискуссии видно, что российская внешняя политика не могла получить выраженный «славянский» оттенок, поскольку это не соответствовало национальным интересам в глазах ее руководителей.

С другой стороны, меры правительства способствовали росту интереса к славянскому вопросу в обществе. В частности, с середины 1861 г. газеты могли напрямую по почте получать прессу из славянских земель[930]. Различные периодические издания, в том числе и правительственные, посвящали целые отделы славянским делам. О них писали, например, в «Современнике», «Санкт-Петербургских ведомостях», «Голосе», «Отечественных записках», а с середины 1860-х – в «Московских ведомостях»[931]. Позднее, в 1866 г., И.С. Аксаков писал Раевскому: «Вопрос (славянский – *И.К.*) из области отвлеченной выдвинулся на сцену действительности»[932].

---

[928] *Хевролина В.М.* Российский дипломат граф Николай Павлович Игнатьев. М., 2004. С. 105.
[929] *Там же.* С. 107.
[930] *Ivantyšynová T.* Česi a Slováci v ideológii ruských slavianofilov… S. 130.
[931] *Ibid.* S. 183.
[932] Письмо И.С. Аксакова М.Ф. Раевскому от 13.10.1866 // Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. Ч. 2. Т. 4. СПб., 1896. С. 91.

Итак, начало 1860-х гг. было важным периодом в истории чешско-российских связей. На политическом уровне стороны вошли в довольно плотный контакт, хотя представления друг о друге были весьма неоднозначными и даже отчасти мозаичными.

Попытки пропаганды чешского вопроса среди французов предпринимались уже в 1860 г. В период своего пребывания в Ницце (октябрь 1859 г. – апрель 1860 г.) Палацкий обнаружил, что в материалах европейской прессы о положении дел в Австрийской империи преобладали оценки немцев и венгров. Точка зрения славянских народов не была представлена вовсе[933]. Поэтому не позднее апреля историк написал Деспре с просьбой поспособствовать выходу соответствующей публикации в Revue des Deux Mondes. Она отражала бы чешский взгляд на национальные проблемы в Дунайской монархии и полемизировала с мнением венгерской эмиграции[934]. Деспре передал эту работу собственнику журнала. Одновременно он признавался Палацкому, что, по его мнению, тон сочинения более острый, чем это допускают текущие отношения между Францией и Австрийской империей[935]. Думается, его слова имели немалый вес: к тому времени их автор уже занимал высокую должность во французском МИД. Кроме того, хотя Деспре выступал за реформы в монархии и ее децентрализацию, проекту федерализации он в то время не симпатизировал[936]. В результате статья так и не была опубликована.

Примечательно, что еще до появления на политической сцене Национальной партии Палацкий озаботился не просто пропагандой во Франции, а именно контрпропагандой. Он четко понимал, как важно заполнить вакуум информации о чехах и их восприятии актуальных политических событий в империи.

---

[933] *Kořalka J.* František Palacký (1798–1876): životopis. Praha, 1998. S. 399.
[934] Венгерская эмиграция после 1848–1849 гг. стала во Франции одним из главных источников сведений о Центральной Европе. *Kušnieriková B.* Revue des Deux Mondes o Čechoch, Slovákoch a národnostnom problemu v Habsburskej monarchii... S. 278, 283.
[935] Письмо Деспре Палацкому от 9 апреля 1860 г. Цит. по: *Ibid.* S. 283.
[936] *Ibid.*

Воплотить это устремление в жизнь также попытался Ригер, который в марте 1860 г., как и Палацкий, находился в Ницце. Чешский политик полагал, что на данный момент многие в Европе следят за жизнью в Дунайской монархии после вскрывшихся глубоких политических и экономических проблем[937]. Это обусловило его желание объяснить их специфику.

Кушнерикова (Ференчугова) предполагает, что именно материал Ригера Палацкий отправил Деспре, чтобы тот помог с его публикацией в Revue des Deux Mondes[938]. Это предположение можно обосновать хронологией (статья появилась в марте, а ответ Деспре датируется апрелем). Также ранее говорилось, в присланном сочинении критиковался взгляд венгров-эмигрантов на национальную проблему в монархии Габсбургов. В самом начале Ригер как раз писал, что из-за них и немцев, транслирующих ложные сведения, в Европе сформировалось неправильное представление о положении дел в империи[939]. Одновременно из-за давления на прессу со стороны Вены у славянских народов в эпоху неоабсолютизма почти не было своих печатных органов[940]. Таким образом, он хотел преодолеть информационный заслон. В Ницце в том же месяце Ригер написал ряд статей и с августа анонимно публиковал их в издании Le Nord. В 1861 г. они вышли в Париже в виде брошюры под названием «Австрийские славяне и мадьяры». Любопытно, что книгу опубликовало издательство, выпускавшее сочинения А. Мицкевича и С. Робера на славянскую тематику[941].

Далеко не все российские и зарубежные исследователи обращают внимание на то, что издание Le Nord было изначально бельгийским. Оно переехало в Париж только в 1863 г. Ригер опубликовал статьи в органе, который был создан по инициативе Министерства иностранных дел

---

[937] *Rieger F.L.* Les slaves d'Autriche et les Magyars. Paris, 1861. P. 3–4. В этом он был прав – во всяком случае, применительно к Франции. *Kušnieriková B.* Revue des Deux Mondes o Čechoch, Slovákoch a národnostnom problemu v Habsburskej monarchii... S. 281.

[938] *Kušnieriková B.* Revue des Deux Mondes o Čechoch, Slovákoch a národnostnom problemu v Habsburskej monarchii... S. 283.

[939] *Rieger F.L.* Les slaves d'Autriche et les Magyars. Paris, 1861. P. 4–5, 7–8.

[940] *Ibid.* P. 5–7.

[941] *Tobolka Z.* Úvod // *Rieger F.L.* Rakouští Slované a Maďaři. Praha, 1906. S. 1.

Российской империи. Его задачей была пропаганда ее интересов[942]. К тому моменту чешский деятель уже виделся с В.П. Балабиным. Конечно, довольно сложно установить, целенаправленно ли он публиковал свой материал в таком издании, просил ли он содействия у российского дипломата. Неизвестно, как и кем принималось решение со стороны Le Nord о публикации статей. Но в любом случае указанные детали свидетельствуют, что русофильство и франкофильство Ригера стояли рядом друг с другом уже в начале этого десятилетия.

В своем цикле автор попытался опровергнуть два заблуждения, которые, по его мнению, были широко распространены за пределами монархии Габсбургов. Во-первых, он стремился убедить читателя, что Австрийская империя не является немецким государством. Для этого он использовал статистические данные. Он утверждал, что славяне по своей численности составляют почти половину населения в государстве, в то время как австрийских немцев насчитывается лишь 7 миллионов. Более того, из них только 5 миллионов проживали компактно, а остальные были рассеяны по монархии[943]. Во-вторых, Ригер постарался показать, почему земли Чешской короны не являются немецкими. При этом он увеличил долю чешского населения за счет словаков в рамках идеи о «чехославянском племени»[944].

Ригер критиковал Вену за то, что она ориентировалась на интересы немецкоязычного населения в ущерб всем остальным. Автор акцентировал внимание на том, что славяне и другие народы испытывали постоянное давление со стороны австрийских немцев, охваченных пропагандой в прессе и национализмом[945]. Чешский политик наравне с опасностью германизации ненемецких народов выделял еще две главных проблемы Габсбургской

[942] В.П. Балабин – Е.П. Ковалевскому, 14/26 июня 1860 г. // ОР РНБ. Ф. 356. Оп. 273. Ед. хр. 131. Л. 1 (об.) –2 (об.).
[943] *Rieger F.L.* Les slaves d'Autriche et les Magyars… P. 50.
[944] *Ibid.* P. 92–93.
[945] *Ibid.* P. 8–13.

империи. К ним относились недовольство населения отсутствием «конституционной жизни» и финансовые трудности[946].

В различных фрагментах брошюры автор показывал большое значение чешских земель для монархии Габсбургов. Он подчеркивал, что земли короны святого Вацлава наравне с Венгерским королевством составляют «мощь и силу Австрии»[947]. В период революции 1848–1849 гг. «чехи были во главе политического движения всей славянской партии, которой они руководили и которая решила судьбу Австрии»[948]. По мнению Ригера, славяне спасли монархию от распада, но при этом Вена не выполнила свои обещания о преобразованиях[949]. Чешский политик был крайне негативно настроен по отношению к премьер-министру тех лет Феликсу Шварценбергу (1848–1852 гг.) и министру внутренних дел Александру Баху (1849–1859 гг.). Он считал, что их стремление к усилению абсолютизма и централизации привело к коррупции и произволу, отрицательно повлияло на экономику страны[950]. Проводимый ими курс противоречил природе политического устройства империи, которое базировалось на историческом праве[951].

Автор критически относился и к попыткам вовлечь чехов во время «весны народов» в немецкое объединительное движение[952].

Ригер делился своим видением будущей Габсбургской монархии. Если раньше ее историческая миссия состояла в защите Европы от экспансии Османской империи, то теперь она должна была стать защитницей малых народов в Центральной Европе[953]. Очевидно, что за этим тезисом стояло влияние Ф. Палацкого. Ригер выступал также за введение самоуправления по примеру англичан, швейцарцев и американцев. Он предлагал внедрить его в Австрийской империи таким образом, чтобы гарантировать свободное

[946] *Ibid.* P. 16.
[947] *Ibid.* P. 37.
[948] *Ibid.* P. 78.
[949] *Ibid.* P. 156–161.
[950] *Ibid.* P. 44–48.
[951] *Ibid.* P. 43.
[952] *Ibid.* P. 72–75.
[953] *Ibid.* P. 163–165.

развитие ее народов[954]. Чешский политик называл «принцип национальности» необходимым условием для успешного развития Австрии в будущем, считая историческое право для такой задачи недостаточным[955]. В 1860 г. Ригер был твердо убежден в продвижении национального принципа в политическую практику всей будущей Европы[956].

Весомую часть цикла занимает критика венгерских политиков. Ригер обвинял их в непоследовательности и двойных стандартах. С одной стороны, по словам автора, венгры при взаимодействии с Веной выступают за либеральные ценности, за равноправие. С другой стороны, внутри венгерских земель невенгерские народы всячески притесняются[957]. Ярким примером, разумеется, стали действия венгерского революционного правительства в 1848–1849 гг. Описывая их, Ригер призывал венгров отказаться от угнетения славян[958]. Одновременно он отвергал любые их обвинения, касающиеся панславизма австрийских славян, их стремления объединиться с Россией[959].

При этом Ригер отдавал должное буржуазии венгерских земель, считая ее национально ориентированной[960]. То же самое он писал и о венгерской аристократии. Обе группы он противопоставлял богемской шляхте. По его мнению, она, наоборот, потеряла какое-либо политическое значение в монархии и стала марионеткой в руках правительства[961].

Значение работы Ригера «Австрийские славяне и мадьяры» состоит в том, что ее выход в свет можно рассматривать как едва ли не первую в XIX в. целенаправленную и публичную попытку чехов познакомить Францию

---

[954] *Ibid.* P. 166–167.
[955] *Ibid.* P. 163.
[956] *Doubek V.* Česká politika a Rusko... S. 95.
[957] *Rieger F.L.* Les slaves d'Autriche et les Magyars… P. 126–134.
[958] *Ibid.* P. 133–134.
[959] «Западные славяне симпатизируют своим сербским, польским, русским братьям <…> Но неправда, что мы бы желали быть частью Российской империи. Их литературный язык, вера, цивилизация другие. Они являются особой исторической национальностью и с социальной, нравственной, экономической точки зрения развивались совершенно иначе». При этом Ригер положительно отзывался об Александре II и его политике. *Ibid.* P. 136–137.
[960] *Ibid.* P. 76.
[961] *Ibid.* P. 75–77.

со славянским вопросом в монархии Габсбургов. Помимо того, что данный цикл является ярким примером чешской пропаганды за границей, в нем изложено видение необходимых преобразований в Австрийской империи. Автор раскрывает свой взгляд на ее политическое устройство. Некоторые положения из статей будут использованы в меморандуме от 14 июня 1860 г. и в политических выступлениях Ригера в богемском ландтаге. По нашему мнению, работа «Австрийские славяне и мадьяры» важна и потому, что является предтечей программных документов Национальной партии.

Таким образом, в марте 1860 г. Ригер стремился воздействовать на французскую аудиторию. Примечательно, что в тот момент он не мог найти поддержку в лице своего ближайшего и влиятельнейшего сподвижника – Палацкого. Известно его письмо сыну Яну от 16 февраля 1860 г. В нем он отмечал, что обстоятельства, связанные с защитой чешского дела, подталкивают обратиться за помощью к французам и русским. Однако, подчеркивал чешский историк, на французов, «которые нас не могут отличить от цыган, надежды мало». Больше энтузиазма вызывала у него российская сторона[962].

Впрочем, и сам Ригер действовал довольно избирательно и, судя по всему, не хватался за любую возможность, связанную с решением «чешского дела». Это хорошо видно на примере отсутствия всяких контактов с Й.В. Фричем, который желал представлять всю «домашнюю» чешскую политику за рубежом[963]. Лишенный ее поддержки, в 1861 г. он просил о содействии именно Ф.Л. Ригера[964].

---

[962] *Zíbrt Č.* Z dopisů Františka Palackého synu Janovi 1848–1874 // Osvěta: listy pro rozhled v umění, vědě a politice. 1909. S. 156.

[963] Йозеф Вацлав Фрич, участник Пражского восстания (июнь 1848 г.), был осужден на 18 лет тюремного заключения. Однако в апреле 1854 г. его амнистировали. Через пять лет он отправился в эмиграцию. Одним из мест, где он остановился, стал Париж (конец 1850-х гг.). Фрич был душой небольшой чешской общины, при этом сам жил довольно скромно. В столице Франции он пытался сотрудничать с итальянским, хорватским, венгерским национальными движениями с целью свержения Габсбургов. Также у Фрича была идея создать славянский центр в Европе со своим печатным органом, чтобы координировать и усиливать революционные связи между славянами. *Doubek V.* Česká politika a Rusko... S. 88.

[964] См. выдержки из письма Й.В. Фрича его брату Вацлаву от 21 мая 1861 г. в следующем издании: *Doubek V.* Česká politika a Rusko... S. 89.

В 1862 г. в Париже произошла их встреча. Чешский деятель проявил интерес к журналу, который издавали Й.В. Фрич и М.А. Бакунин. На переговорах обсуждалась передача изданию информации о чешской политике и характер ее освещения. Однако, по всей видимости, проект так и не осуществился[965].

В. Доубек отмечает, что в начале 1860-х гг. чешские деятели активно участвовали в политической жизни империи. Они все еще надеялись на продвижение австрославистской концепции. В этой связи радикальная альтернатива Фрича и Бакунина – развитие чешских земель в рамках славянской федерации вне Габсбургской монархии – не казалась Ригеру политически полезной[966]. Доубек подчеркивает, что Фрич также не был подходящей фигурой для решения масштабных целей чешских политиков в рамках империи. Ведь, несмотря на амбиции, в материальном и интеллектуальном плане он зависел от своего окружения[967]. При этом задача по созданию чешского центра за пределами Австрийской империи была актуальной. С его помощью «чешская политика могла найти свое европейское лицо» и стать видимым и самобытным фактором австрийской политики[968].

Если обратиться к французскому общественному мнению того времени (на примере газеты Le Temps), то можно проследить следующую динамику. Первые публикации о чехах в газете появились в 1861–1862 гг. Однако носили они характер информационных сводок. Чехи и их действия упоминались в контексте заседаний рейхсрата. Безусловно, это обстоятельство свидетельствует о важности участия в такого рода деятельности в понимании французов. На шаги высших органов власти в монархии Габсбургов они обращали внимание. Показательно, что чехи в материалах фигурируют уже как *les Tchèques*. В 1862 г. Le Temps посвятила

---

[965] *Ibid.*
[966] *Ibid.* S. 90.
[967] *Ibid.*
[968] *Ibid.* S. 89.

статью Павлу Йозефу Шафарику. Показательно, что в публикации делалась ремарка, кто такие чехи[969]. Такое объяснение все еще было необходимо французскому читателю начала 1860-х гг. К середине десятилетия, судя по всему, наблюдался рост интереса к чешскому национальному движению. В одной из статей Le Temps говорилось о проблеме недостаточного регулирования жизни во французских колониях на законодательном уровне. И в этой связи автор негодовал: «Судьба чехов или венгров их [жителей собственно Франции] волнует больше, чем жизнь 300 тысяч французов, лишенных политических прав»[970].

В это же время свою прочешскую деятельность продолжал публицист С.-Р. Тайандье. В первой половине десятилетия он опубликовал цикл материалов о чешском короле Йиржи из Подебрад (1458–1471)[971]. Как писал автор, если бы не Матьяш Хуньяди, то он бы назвал этого правителя «величайшим королем Восточной Европы»[972]. Тайандье уточнял, что подготовил свои статьи на основе исследований нескольких историков, в том числе Ф. Палацкого. Французский публицист вновь высоко оценил его деятельность и подчеркивал ее важность для текущего развития Богемии[973].

Как утверждает Б. Кушнерикова (Ференчугова), Палацкий в глазах Тайандье обладал авторитетом не только в вопросах науки, но и политики. В 1860 г. французский публицист жаловался историку на недостаток информации о чешском взгляде на либеральный поворот в австрийской политике и задавал ему много вопросов. Он подготовил материал о венгерской проблеме, но не хотел его публиковать без консультаций с

---

[969] Le Temps. 07.01.1862. P. 3.
[970] Le Temps. 18.10.1864. P. 2.
[971] *Taillandier S.-R.* Le roi George de Podiebrad: Épisode de l'histoire de Bohème: I. L'élection du roi George // Revue des Deux Mondes. T. 40. № 3 (1er août 1862). P. 605–650; *Taillandier S.-R.* Le roi George de Podiebrad: Épisode de l'histoire de Bohème: II. La lutte du roi de Bohême et du Saint-siége // Revue des Deux Mondes. T. 40. № 4 (15 août 1862). P. 915–956; *Taillandier S.-R.* Le roi George de Podiebrad: Épisode de l'histoire de Bohème: III. L'anathème contre le roi George et sa mort // Revue des Deux Mondes. T. 41. № 1 (1er septembre 1862). P. 118–163.
[972] *Taillandier S.-R.* Le roi George de Podiebrad: Épisode de l'histoire de Bohème: I. L'élection du roi George… P. 607.
[973] *Ibid.* P. 608.

Палацким[974]. А в 1861 г. чешскому ученому удалось убедить француза в том, что монархии Габсбургов необходима как можно скорее политическая трансформация[975].

Впрочем, надо уточнить, что в начале 1860-х гг. Тайандье на страницах Revue des Deux Mondes не воспринимал чешскую программу в духе исторического права. Тогда он вообще не видел отличий в требованиях различных народов империи[976]. Он лишь понимал, что чехи и венгры стоят в оппозиции к венскому курсу и игнорируют заседания рейхсрата. Публицист полагал, что они рано или поздно будут совместно бороться против централизма и за дальнейшую либерализацию государства. Ученый выражал лишь в общих чертах надежду, что их национальные амбиции будут удовлетворены[977]. Его полемические статьи были известны в германских государствах и монархии Габсбургов, на них реагировала даже пражская полиция[978].

В любом случае отношения Палацкого и Тайандье укреплялись, а руководство Национальной партии могло в перспективе приобрести в его лице симпатизанта своих идей во Франции.

На публикации Тайандье о Йиржи из Подебрад обратил внимание российский посланник в Вене В.П. Балабин. В своем письме Ригеру он писал: «Европа, не говорящая по-немецки и по-чешски, читает в данный момент с <…> живым интересом статьи Тайандье <…>». Он констатировал, что этот материал является «совершенно новым для французских читателей и <…> для многих наших»[979]. Таким образом, за материалами о чехах, изданных во Франции, следили не только сами чехи. Контакты Балабина и Ригера вновь

---

[974] Письмо Тайандье Палацкому от 8 ноября 1860 г. Цит. по: *Kušnieriková B.* Revue des Deux Mondes o Čechoch, Slovákoch a národnostnom problemu v Habsburskej monarchii... S. 281.
[975] Об этом свидетельствует письмо Тайандье Палацкому от 30 декабря 1861 г. Цит. по: *Ibid.*
[976] *Ibid.* S. 282.
[977] *Ibid.* S. 282–283.
[978] *Ibid.* S. 283.
[979] Balabine à Rieger, 16/28 août 1862 // ANM. Fond F.L. Rieger. Karton č. 21/3; Копию этого письма можно найти в: РГАЛИ. Ф. 47. Оп. 2. Ед. хр. 75.

показывают, что чешское русофильство и франкофильство находились не так далеко друг от друга и не всегда вступали в противоречие.

Если говорить о французских дипломатах, то сотрудники посольства в Вене имели представление о чешских национальных требованиях – как минимум в общем виде. В одной из депеш посланник в Дунайской империи А. де Грамон анализировал претензии монархии Габсбургов к Дании по поводу соблюдения национальных прав немцев в Шлезвиге. Критически отзываясь о требованиях венского двора, он заключал: «Одним словом, датское правительство должно прекратить делать в Шлезвиге то, в чем чехи и славяне обвиняют австрийское правительство в Богемии, Моравии и Галиции»[980].

В начале 1860-х гг. имели место и другие важные события для развития чешско-французских связей. Все они связаны с именем Луи Леже. Характерно, что будущий ученый пришел к богемистике через интерес к польскому народу. Он записался на курс польского языка в Коллеж де Франс, где и встретился с Й.В. Фричем. Подружившись с начинающим славистом, эмигрант начал учить его чешскому языку[981]. Кроме того, он обращал внимание француза на историю и политическую борьбу в землях короны святого Вацлава, ввел его в круг других чехов-эмигрантов. Фрич вдохновил Леже на посещение этого региона[982]. Впрочем, дело состояло не только во влиянии друга. Леже, ведомый изначальным научным интересом, хотел отправиться в польские земли. Но из-за Январского восстания в Царстве Польском ему стало очевидно, что посетить Богемию куда проще[983].

В июле 1864 г. молодой ученый прибыл в Прагу. Там он познакомился с братьями Фрича, а также с писателем и публицистом Яном Нерудой и Жофией Подлипской, которая перевела произведения Ж. Санд на чешский

---

[980] Le Duc de Gramont, Ambassadeur à Vienne, à Drouyn de Lhuys, 13 janvier 1864 // Les origines diplomatiques de la guerre de 1870–1871: recueil de documents. T. 1. 25 décembre 1863 ─ 21 février 1864. Paris, 1910. P. 127.
[981] *Leger L.* Souvenirs d'un slavophile… P. 27.
[982] *Ibid.* P. 27–28.
[983] *Reznikow S.* Op. cit. S. 91.

язык[984]. Среди деятелей Национальной партии французский деятель тогда повстречал Юлиуса Грегра и Э. Тоннера, т.е. первые контакты он приобрел именно в младочешской среде[985]. «Все чехи ненавидели немецкое господство и мечтали увидеть Францию присоединившейся к их борьбе против германизма», – писал ученый, вспоминая о той поездке[986]. К сожалению, его высказывание слишком обобщенное и не позволяет сделать конкретных выводов о франкофильских настроениях в Национальной партии. Однако это наблюдение показывает, что некие профранцузские настроения сохранялись со временем революции 1848–1849 гг.

Леже был очарован Богемией. Также он проникся сочувствием к политической борьбе пражских политиков. Но его наиболее заметная деятельность в этом направлении – связи со старочехами и пропаганда чешского вопроса во Франции – была еще впереди. Начало 1860-х гг. стало тем временем, когда он определялся со своими научными интересами и политическими предпочтениями, тесно связанными друг с другом.

2.3. Восстание в Царстве Польском (1863–1864 гг.): новый поворот в политическом полонофильстве

Открытые волнения в Царстве Польском, которым предшествовало революционное брожение, начались в январе 1863 г. Вскоре мятеж распространился на Литву, Беларусь и Правобережную Украину. Антиправительственное движение состояло в большинстве своем из дворян, жителей городов и католического духовенства. Целью повстанцев стало восстановление Речи Посполитой в границах 1772 г. Восстание, в целом подавленное к маю 1864 г., всколыхнуло европейскую общественность. Это

[984] *Leger L.* Souvenirs d'un slavophile… P. 28–29.
[985] *Ibid.*
[986] *Ibid.* P. 30.

касается и печатных изданий Австрийской империи – соседки России, тоже имевшей в своем составе польские земли.

В чешских землях первая реакция на события в Царстве Польском появилась в газете Hlas. Это издание (открыто демократической ориентации) в номере от 27 января 1863 г. приветствовало борьбу поляков. Оно искренне надеялось на тесное сотрудничество польских и русских революционных кругов. Это должно было привести восстание к успеху[987].

Восстание поддерживали также журналы Boleslavan и Pravda. Оба издавались князем Рудольфом Турн-Таксисом[988]. Направленность органов и взгляды князя можно охарактеризовать как радикально-демократические. Издания активно поддержали восстание. Поляки провозглашались спасителями славянства, в том числе и русского народа, который они должны были освободить от царизма[989].

В целом многие чешские печатные издания симпатизировали Январскому восстанию. Исключением не стали и Národní listy. Братья Грегры, имевшие более радикальный взгляд, чем у Палацкого и Ригера, поддержали восстание.

Примером симпатий в адрес поляков может послужить номер от 28 апреля 1863 г. Как и Hlas, Národní listy провозглашали русскую революцию союзником номер один для поляков. Открыто критиковалась официальная Россия: «Должно решиться, обязано ли большинство Славянства и дальше стенать под ярмом царского абсолютизма <…> должно решиться, будет ли представителем Славянства перед миром и дальше русский деспот или же поляк, сын свободы»[990]. Судя по записи в дневнике Й. Калоусека от 25 декабря 1863 г., Юлиус Грегр верил, что в случае поражения польских повстанцев Россия в будущем может покорить Богемию. Он даже допускал

---

[987] *Žáček V.* Češi a Poláci v době Lednového povstání… S. 729.
[988] Князь Рудольф Турн-Таксис (1833–1904 гг.) – чешский аристократ и землевладелец родом из Млада-Болеслав. Представитель радикально-демократической оппозиции в 1860-х гг. в Богемии. Позднее эмигрировал за границу.
[989] *Žáček V.* Češi a Poláci v době Lednového povstání… S. 730.
[990] Polské povstání // Národní listy. 28.04.1863. S. 2.

ее русификацию[991]. Видимо, крайнее неприятие российских действий в Царстве Польском и традиционного образа России в европейской печати как проводника политического панславизма порождали подобные умозаключения, далекие от действительности. В Národní listy с пропольских позиций выступал также Эммануэль Тоннер, изначально близкий к старочехам. Его серия статей, посвященная истории чешско-польских отношений, была потом опубликована в виде брошюры «Поляки и чехи»[992].

Палацкий и Ригер, в отличие от многих, категорически не приняли восстание в Царстве Польском, что вызвало резкую напряженность во взаимоотношениях между старочехами и младочехами. Обоих лидеров никак не могло устроить то, что рупор партии вел отличную от их мнения линию, шел с ней вразрез. В адрес Юлиуса Грегра началось высказываться недовольство. Сначала резкое письмо ему направил Палацкий (в марте 1863 г.), затем и Ригер (в середине мая). Ситуация накалялась и из-за того, что они вознамерились основать собственное издание, которое было бы им подконтрольно и издавало материалы только в духе их программы. Это была прямая угроза для Národní listy: издание могло потерять роль официального органа чешского национального движения. Его главной потребностью было остаться выразителем мнения большинства чешских депутатов сейма[993].

Консервативные лидеры Национальной партии инициировали шаги не только в отношении младочехов. В условиях интенсивной полемики в чешском обществе А.В. Шембера по поручению Ф. Палацкого, Ф. Ригера, Ф. Браунера и их сторонников посетил российское посольство в Вене. Это произошло уже в феврале 1863 г. От имени названных политиков он сообщил

---

[991] Deníky Josefa Kalouska. Díl I… S. 328.

[992] *Tonner E.* Poláci a Češi. Praha, 1863. В этой брошюре Тоннер прослеживает связи обоих народов начиная со Средневековья. Доведя повествование до современных ему событий, автор затем попытался доказать, что любые текущие противоречия между чехами и поляками мнимы. Он симпатизировал Январскому восстанию и критиковал российское государство, хотя оговаривался, что хорошо относится непосредственно к русскому народу.

[993] *Žáček V.* Češi a Poláci v době Lednového povstání… S. 735.

посланнику В.П. Балабину об их неодобрении пропольских формулировок в чешской прессе, в том числе в газете Národní listy[994].

Конечно, отправка именно Шемберы не была случайна. Он высказывался однозначно против обоих польских восстаний, его позиция была подходящей для взаимодействия с российской стороной. Кроме этого, он был среди прочих награжден российским орденом в 1862 г. Данный человек, безусловно, был знаком Балабину. При этом главные чешские политики могли не афишировать свое взаимодействие с российским представительством.

Пропольские печатные издания, уверял Шембера дипломата, выражают не общественное мнение Богемии, а «заблуждения одного кружка». Также они отражают позицию редакторов – «большей частью молодых людей, выросших в Польше и демонстрирующих полное и прискорбное незнание истинных славянских интересов»[995]. Балабин поблагодарил за эти заверения и, как бы успокаивая чешских политиков-русофилов, добавил, что у него «слишком хорошее мнение об их суждениях и проницательности»[996]. Действительно, шаг старочехов можно расценивать как попытку донести до российских властей мысль, что, несмотря на резонансные события, лидеры Национальной партии не отошли от своих пророссийских симпатий. Они пытались всячески подчеркнуть: «мы не с ними». Балабин в своей депеше изложил интересные мысли насчет мотивации старочехов: «Насколько я понимаю, чувство, господствующее среди южных славян, согласуется с прозвучавшими из Праги, с тем дополнительным нюансом, что они видят в польском движении досадную задержку в тех надеждах, которые им внушала наша восточная политика, главным образом на последних стадиях»[997].

---

[994] Balabine à Gortchacow, 7/19 février 1863 // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. Д. 156. Л. 72; В историографии о посещении Шемберой российского посольства упоминал также Вацлав Чейхан. См.: *Čejchan V.* Op. cit. S. 387.
[995] Balabine à Gortchacow, 7/19 février 1863 // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. Д. 156. Л. 72–72 (об.).
[996] *Там же.* Л. 72 (об.).
[997] *Там же.* Л. 72 (об.) – 73.

Известно также письмо В.П. Балабина Ф. Палацкому от 17 февраля 1863 г. В письме он признается, что глубоко тронут несогласием историка и его друзей с чешскими печатными органами, сочувствующими полякам. И для российского представителя эти издания не выражают «настоящего убеждения цвета чешской нации, просвещенных представителей национальной интеллигенции»[998]. Балабин признавался, что по его запросу в отношении редактора одной чешской газеты, критикующей Россию, местные власти начали уголовное преследование. Как полагал посланник, правительство должно вмешиваться в дела, касающиеся выступлений в печати в отношении иностранной державы[999]. В конце дипломат вновь поблагодарил Палацкого за его позицию, которая, добавил он, будет высоко оценена в России[1000].

При рассмотрении дальнейшей полемики в чешском общественном мнении необходимо иметь в виду встречу Шемберы с Балабиным, а также русофильские заявления Ригера и Палацкого до Январского восстания.

Радиально-демократическая печать решила ответить «отцу нации» на его неприятие событий в Царстве Польском. У оппонентов была возможность для логической манипуляции: если Палацкий осуждает мятежных поляков, значит, он и его сторонники – русофилы, одобряющие все порядки в России. Тогда же в печати вспомнили о награждении Александром II Палацкого и Ригера орденами. Это тоже служило доказательством их пророссийской позиции[1001]. В январе 1863 г. чешский историограф получил к тому же памятную золотую медаль от Министерства народного просвещения (вручена через российское посольство в Вене). Приурочено награждение было, как и ранее, к «тысячелетию России»[1002].

5 июня 1863 г. в журнале Boleslavan Рудольфа Турн-Таксиса вышла статья, посвященная мнению Палацкого о польском восстании. Якобы, по его

---

[998] *Čejchan V.* Op. cit. S. 387.
[999] *Ibid.* S. 387–388.
[1000] *Ibid.* S. 388.
[1001] *Ibid.* S. 387.
[1002] *Ibid.* S. 391–392.

словам, симпатии чехов к мятежу навредили им перед лицом российского правительства. Отмечалось, что Палацкий видит спасение славянства в русском царе. Публикация сопровождалась жестким комментарием и призывом к общественности осудить политика[1003].

Спустя четыре дня в Národní listy появилась статья Палацкого «Ответ Болеславану». Раскрывая суть своего отношения к восстанию, он утверждал: «это правда, что польское восстание я считаю большим несчастьем не только для нас, но особенно и для поляков»[1004]. Его участников он называл «революционерами по инстинкту»[1005], но при этом отрицал свою безоговорочную симпатию к правителю России. Он не считал страну спасением славянства. Однако чешский деятель был не согласен с критикой журнала Boleslavan в адрес Александра II. В частности, патриарх чешской политики приветствовал отмену крепостного права в России. При этом он выражал критический взгляд на ее систему управления (говоря, например, про «сплав монгольских и немецких принципов власти»))[1006].

При этом именно Россию, а также Англию он считал единственными державами, которые проводили независимую внешнюю политику и руководствовались сугубо собственными интересами. Остальные же страны всегда были вынуждены оглядываться на линию этих держав. При этом, в отличие от Англии, Россия покоилась на «естественных основах», а ее территория непосредственно прилегала к Европе. Поэтому Палацкий отдавал предпочтение «северному колоссу»[1007]. Такой выбор контрастирует с характеристикой, данной автором Наполеону III. По его мнению, император «дилетантствует» в международной политике, к тому же он ничего не может предпринять без соизволения Лондона[1008]. Это показывает, что историк по-

[1003] *Borovička M. et al.* Velké dějiny... S. 61.
[1004] *Palacký F.* Odpověď Boleslavanu // Národní listy. 09.06.1863. S. 1.
[1005] *Ibid.*
[1006] *Ibid.*
[1007] *Ibid.*
[1008] *Ibid.*

прежнему без пиетета относился к гипотетическому французскому вектору чешской политики.

По его мнению, союзники поляков стремятся помочь последним восстановить на границах с Россией Польшу лишь из-за страха перед возрастающей силой Романовых. То есть возрожденная страна имела бы роль буфера, барьера. Палацкий считает, что в этих рамках Речь Посполитая явилась бы постоянным очагом напряженности. Это привело бы к перманентной войне, которая длилась бы дольше Тридцатилетней[1009].

В целом автор статьи критично относится и к взаимодействию поляков с австрийскими славянами. Он полагает, что в своем желании восстановить независимую Польшу поляки стремятся сотрудничать с западными народами, особенно немцами. И поэтому полякам все время придется прислушиваться к ним и удовлетворять их требования. В результате они в критической ситуации могли допустить по отношению к другим народам монархии произвол со стороны немцев[1010].

Исходя из «Ответа Болеславану», а также в целом из газетной полемики можно судить о том, что споры переросли непосредственно тему восстания. Центральным сюжетом стала судьба славянства, его перспективы. Палацкий же высказал свое мнение и о текущих международных отношениях. Январское восстание стало полноценным внешнеполитическим фактором для чешской политики.

Статья Палацкого стала сенсацией наравне с его «Письмом во Франкфурт»[1011]. В частности, неделю спустя после публикации славянофильское издание «День» ее перепечатало[1012]. При этом редакция дала материалу в общем и целом благосклонную характеристику.

Младочехи же не приняли видения Палацкого. Эдуард Грегр искренне жалел о выходе статьи. Он считал, что выпад старочеха стал причиной отказа

[1009] *Ibid.*
[1010] *Ibid.*
[1011] *Urban O.* Česká společnost… S. 179.
[1012] Ответ Палацкого Болеславану // День. 15.06.1863. С. 14–15.

галицийских поляков от совместных действий с чехами в рейхсрате. И поэтому, считал деятель, они не стали покидать парламент[1013].

С этим мнением, на наш взгляд, нельзя до конца согласиться, т.к. польские депутаты не считали такую тактику эффективной. Но Эдуард Грегр был прав в другом. Мнение Палацкого, который был известен как выразитель чаяний чехов, их национальный лидер, стало отождествляться с позицией всего чешского общества. Даже несмотря на то, что многие не поддерживали его точку зрения. Это могло спровоцировать нападки в целом на чехов как со стороны польской, так и европейской общественности[1014].

Острая полемика в Богемии о Январском восстании, об отношении к империи Романовых докатилась и до России. Яркой реакцией стало «Письмо г. Ригеру в Прагу (о Русско-Польских делах)» А.Ф. Гильфердинга. Опубликовано оно было в уже упомянутой славянофильской газете «День». Цель письма, как утверждал автор, – «обратить <…> внимание на неправильное положение, которое чешская журналистика приняла относительно России»[1015]. Гильфердинг опасался, что это может привести к ложному понимаю «славянского дела»[1016]. Он настаивал на том, что от чехов «трудно было ожидать такого ослепления, такого невежества в вопросе, столь тесно связанном с историческими и этнографическими условиями славянского мира, как вопрос польско-русский». Славист обратился именно к Ригеру, т.к. считал его одним из «лучших и наиболее уважаемых представителей чешской народности»[1017].

Ригер ответил Гильфердингу. Он изложил свое видение в номере Národní listy от 14 июня 1861 г. Статья называлась «О польском вопросе».

В ней лидер старочехов пытался лавировать между польской и русской стороной. Он явно не хотел отдавать предпочтение кому-либо. В этих рамках он использовал риторику славянской взаимности. Ригер сожалел о восстании,

---

[1013] Grégr E. Deník... S. 112. Запись от 5 февраля 1864 г.
[1014] *Ibid.* S. 112–113.
[1015] Письмо к г. Ригеру в Прагу (о русско-польских делах) // День. 4.05.1863. С. 17.
[1016] *Там же.*
[1017] *Там же.* С. 14.

которое для него – братоубийственная война. Он акцентировал внимание на том, что и те, и другие – часть большого славянского целого. И оно ослабляется, пока «соплеменники» убивают друг друга. Таков общий посыл статьи[1018]. Ее автор скептически относился к восстанию и не был уверен в его победе. Между строк читался явный намек на то, что выступление поляков ненужное и напрасное[1019].

Ригер попытался взять тон непредвзятого наблюдателя при оценке стремлений обеих сторон. При анализе он опирался на государственно-историческое право. Именно такую аргументацию использовал чешский политик, обосновывая, почему кресы[1020] не должны принадлежать полякам в случае возобновления их государственности. Этому очень важному и болезненному для польского общества вопросу отведено в статье значительное место.

Кратко резюмируя историю государственности Польши и России, Ригер отмечал, что изначально кресы были древнерусской территорией. Поэтому притязания поляков на них не совсем справедливы[1021]. Он использовал также и естественно-правовую аргументацию (хотя прямо ее так не называл). Он подчеркивал, что «малорусское наречие» гораздо ближе стоит к русскому языку, являясь, по сути, его частью. То же самое касается письменности. В статье сделан акцент на возврате «малорусов» к родной для них кириллице. Ригер замечал, что их исконная религия – православие. Таким образом, жители кресов более родственны русским. Они стоят друг к другу куда ближе, чем «малорусы» и поляки[1022].

[1018] O polské otázce // Národní listy. 14.06.1863. S. 1.
[1019] *Ibid.*
[1020] Так назывались восточные территории Речи Посполитой (в границах до 1772 г.), которые были населены украинцами и белорусами. После трех разделов Речи Посполитой (1772, 1793, 1795 гг.) кресы, не считая Галиции, вошли в состав Российской империи. Царская власть принципиально не рассматривала эти земли как бывшие польские, считая их исконно русскими. Поэтому по административному устройству они образовывали Западный и Северо-Западный края. Царство Польское в составе империи стало отдельным от них субъектом. Политико-административное и культурное воссоединение с кресами стало одним из главных требований польской элиты в России.
[1021] O polské otázce // Národní listy. 14.06.1863. S. 2.
[1022] *Ibid.*

Очевиден вывод такого анализа. Ригер не признавал притязания поляков на украинские земли в составе России. Автор статьи явно указывал на конфликт между польской естественно-правовой и государственно-исторической риторикой[1023].

Как уже говорилось, лидер старочехов старался взвешенно судить о событиях. Он не хотел поддерживать польскую или русскую сторону. Еще перед началом анализа польской позиции он, фактически вторя Палацкому, отмечал: «Ни один из нас, и в этом мы сходимся с Марией Терезией, не может признать разделение Польши справедливым поступком, и, значит, ни один из нас не может признать правовое основание, на основании которого Россия держит землю польскую, правильным»[1024]. Впрочем, поляки все равно посчитали Ригера сторонником империи Романовых. Это неудивительно, ведь критику польских претензий на кресы содержала значительная часть его рассуждений. В своей аргументации «русскости» украинско-русинского населения Ригер шел тем же путем, что российское правительство. Это не могло не вызывать отторжения у поляков, логично порождая обвинения в его симпатиях к России.

Так и произошло, как уже говорилось, с польскими депутатами рейхсрата. В июне 1863 г. (в том же месяце были опубликованы статьи Палацкого и Ригера) они солидализировались в парламенте с немцами в обвинениях чехов в панславизме[1025]. Это усугубило отношения с поляками, и так осложнившимися после ухода чехов из парламента. Таким образом, первоначальное стремление к тесному сотрудничеству было еще раз перечеркнуто. Недовольными могли быть и общественно-политические круги России. Ведь категоричное суждение Ригера о несправедливости разделов Польши как минимум не могло способствовать их симпатиям к чехам.

[1023] *Ibid.*
[1024] *Ibid.* S. 1.
[1025] [1863, 25. června] – Pražák Riegrovi // Příspěvky k listáři Dra Fr. Lad. Riegra. Díl 1... S. 155.

Стремление быть сдержанным, желание быть (или казаться?) объективным сделали уязвимыми его тезисы для обвинений с обеих сторон. Неудивительно, что в одном из своих писем жене Ригер писал, что его статья не понравилась ни полякам, ни русским[1026].

Чешский политик осудил Январское восстание и потому, что насильственные методы совершенно не соответствовали его представлениям о мирных способах политической борьбы. С этой точки зрения он выразил свою искреннюю негативную позицию.

В будущем польский вопрос станет одним из важнейших аспектов в заграничных акциях Ригера. Поляки его будут называть панславистом и русофилом, а русские же – полонофилом.

К этому можно добавить, что Палацкий публично поддержал мнение своего зятя. Уже после Январского восстания вышла статья «Польский вопрос в наше время»[1027]. Теперь он размышлял о событиях в контексте международных отношений; по содержанию и духу она была очень близка к материалу Ригера. Акцент в публикации был сделан на том, что причины Январского восстания крылись не столько в благородной «жажде свободы», сколько в постыдной «прихоти властвовать»[1028]. Под ней подразумевались польские претензии на кресы. Палацкий, тоже используя историческое и естественное право, а также статистические данные, показывал, что «Волынь, Подолье и Украину» справедливо считать изначальной частью России[1029]. Он критиковал поляков за тактику террора и устрашения, что невыгодно, по его мнению, отличало Январское восстание от Ноябрьского[1030]. В целом автор материала полагал: зачинщики восстания безответственно и по крайне сомнительным причинам втягивали миллионы человек в легкомысленное и напрасное противостояние. Такое отношение привело к многочисленным

[1026] *Sak R.* Op. cit. S. 152.
[1027] Изначально опубликовано в издании Národ 4 февраля 1864 г.
[1028] Otázka Polská za naší doby // *Palacký F.* Radhost. Sbírka spisůw drobných z oboru řeči a literatury české, krásowědy, historie a politiky. Díl třetí. Spisy z oboru politiky. Praha, 1873. S. 146–147, 150, 152.
[1029] *Ibid.* S. 146–147, 149–150, 152.
[1030] *Ibid.* S. 152–153.

жертвам[1031]. Впрочем, Палацкий пытался критично относиться к действиям обеих сторон[1032]. «Те, что первыми апеллировали к мечу и насилию, лишились права жаловаться на свою участь, и тем, кто поднял войну, нельзя жаловаться, что их тоже губят и пожирают», – подчеркивал он[1033]. Также историк называл разделы Речи Посполитой «ничем не оправдываемым покушением на право народов»[1034]. Но необходимо заметить, что эта оценка присутствует лишь в конце статьи. Основная ее часть посвящена негативной реакции автора на восстание.

Известно, что, согласно оценкам, высказанным еще чехословацкими историками, Палацкий и Ригер являлись представителями критического русофильства[1035]. Не собираясь опровергать эту точку зрения, отметим несколько важных нюансов.

Во время волнений в Царстве Польском оба старочешских политика оказались в весьма сложном положении. С одной стороны, они хотели осмыслить ситуацию в целом, уяснить позицию официальной России (визит Шемберы в российское посольство это подтверждает). С другой, они и до 1863 г. публично практически не высказывались о своих пророссийских симпатиях. Многочисленные материалы в пользу поляков в чешской прессе, думается, показывали им, что выступление против восстания без порицания России нанесет им существенный политический ущерб. В этих условиях перед ними стояла непростая задача – осудить восставших (ведь в этом состояло их искреннее убеждение) и при этом упрекнуть официальные власти в Санкт-Петербурге, не испортив отношения с его представителями в Вене. Им требовалось найти определенный баланс.

[1031] *Ibid.* S. 148–149, 150–151.
[1032] *Ibid.* S. 154.
[1033] *Ibid.* S. 154–155.
[1034] *Ibid.* S. 155.
[1035] *Žáček V.* Polské povstání roku 1863 a druhá vlna českého polonofilství // Češi a Poláci v minulosti. Sv. 2. Období kapitalismu a imperialism / Ed. V. Žáček. Praha, 1967. S. 260. *Žáček V.* Polonofilství a rusofilství – dvě alternativy českého slovanství let šedesátých // Slovanství v národním životě Čechů a Slováků / Ed. V. Šťastný. Praha, 1968. S. 235. *Šesták M.* Polské povstání a slovanské národy habsburské monarchie // Slovanské historické studie. 1979. č. 12. S. 85–86.

Неслучайно критика России в статьях руководителей Национальной партии не была столь острой. В «Ответе Болеславану» Палацкий, говоря о характере страны и ее текущем положении в мире, выделял как минусы, так и плюсы. Да, он не считал это государство спасением славянства, но в его утверждениях отсутствовала категоричность, присущая, например, Гавличеку в статье «Славянин и чех». В публикации «Польский вопрос в наше время» Палацкий указывал, что в конфликте виноваты обе стороны. Критика, связанная с разделами Польши, была более явной, но все же несколько размытой: в них участвовали три государства, а Россия в этом ряду не выделена. В ответе Ригера «Дню» данный момент обозначен куда более четко: именно восточная держава осуждалась за участие в разделах. Однако негативное отношение к ней содержалось только в этом предложении. В остальном публикация посвящена критике поляков и их притязаний на кресы. Осуждения польских повстанцев во всех трех статьях больше, и выражено оно куда более прямо[1036].

Гибкая риторика руководства Национальной партии в прессе принесла свои плоды в отношениях с российским посольством. «Ответ Болеславану» (в переводе В.И. Ламанского) Балабин даже направил А.М. Горчакову как приложение к одной из депеш. По его словам, эта статья – «точное и возвышенное выражение той точки зрения и тех чувств, которые воодушевляют здравомыслящих славян и удерживают здравый смысл, понимание своих (т.е. славян – *И.К.*) интересов <…> на пути истины и осознания самих себя и своей национальности»[1037]. Интересно, что посланник в источниках, известных историкам, не высказывал недовольства по поводу выпадов против разделов Польши.

Что касается другого известного российского представителя в Австрийской империи М.Ф. Раевского, то он был разочарован критикой

[1036] Возможно, такая реакция диктовалась еще горьким опытом, связанным с Пражским восстанием в июне 1848 г. Лидеры чешского умеренного политического лагеря считали его напрасным и ненужным, дестабилизирующим благоприятную политическую обстановку и наносящим урон потенциальному славянскому единению – совсем как Январское восстание.
[1037] Balabine à Gortchacow, 13/25 juin 1863 // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. Д. 156. Л. 451.

чехами его страны в 1863–1864 гг. Позднее он даже писал композитору М.А. Балакиреву об «антирусской партии» среди них[1038].

Вацлав Жачек полагает, что Январское восстание привело к отчетливому формированию трех политических направлений в чешских землях. Первое, консервативное (Палацкий, Ригер), выбрало для себя русофильство. Второе же, либерально-демократическое (братья Грегры, Сладковский), избрало для себя полонофильскую нишу. Третье направление – это радикальные демократы (Турн-Таксис), полонофилы без каких-либо исключений[1039].

Значение событий в Царстве Польском для Национальной партии состоит еще в том, что историческое право впервые в 1860-е гг. публично применялось для оценки европейских событий. Это станет важной особенностью старочешской политики, ее «фирменной» реакцией на внешнеполитический фактор.

После публикации статьи полемика между старочехами и младочехами продолжилась[1040]. Споры в Национальной партии привели к логичному исходу. Более умеренные основали собственное издание под названием Národ[1041]. Его программа была написана в духе предыдущих документов Национальной партии[1042].

8 и 10 января 1864 г. в стане младочехов состоялось два совещания. Повесткой дня стало создание новой политической партии[1043]. Инициатива была выдвинута Турн-Таксисом. Однако реализация этой идеи постоянно откладывалась. Своего развития она в 1860-х гг. так и не получила.

[1038] Это можно понять по ответу композитора. См.: письмо М.А. Балакирева М.Ф. Раевскому, 11 (23) февраля 1867 г. // Зарубежные славяне и Россия… С. 28–29.

[1039] *Žáček V.* Češi a Poláci v době Lednového povstání… S. 726, 734.

[1040] В номерах от 19–25 июня 1863 г. в Národní listy выходил по частям перевод письма Гильфердинга Ригеру. Публикации сопровождались острыми полемическими комментариями. В них критиковалось как мнение Гильфердинга, так и косвенно статья Ригера, уже вышедшая.

[1041] Создание нового печатного органа Ригер планировал еще до начала Январского восстания. Острые дискуссии с младочехами в период восстания в Польше лишь ускорили появление новой газеты. Издание перестало существовать в 1866 г.

[1042] Подчеркивалось значение манифеста Франца I об образовании Австрийской империи. Этот документ якобы сохранял прежний статус всех коронных земель, подтверждая тем самым их исторические права. Таким образом, Ригер постепенно нарабатывал «арсенал» для обоснования государственно-исторического статуса чешских земель. 1863, 15. 12. Praha – Program Národa // Politické programy... S. 73.

[1043] Grégr E. Deník… 8.ledna [1864], 10. ledna [1864]. S. 108–109.

Почему младочехи не заканчивали радикальным образом свои споры со старочехами? Они опасались, что в случае продолжения острой полемики Ригер и Палацкий сдадут свои депутатские мандаты и отойдут от политической деятельности на уровне ландтага. Как писал Эдуард Грегр, этого нельзя было допустить. Один из их главных оппонентов, он тем не менее признавал, что никто не мог заменить Палацкого и Ригера в роли лидеров чешского национального движения[1044].

Публичным выражением определенного примирения стали материалы в Národní listy от 17 декабря и в Hlas от 9 числа того же месяца. В них утверждалось, что младочехи имеют мнение, отличное от старочехов. Однако первые не преследуют цель создавать собственную партию. По словам Сладковского, на данный момент можно говорить лишь о двух действительных партиях – централистов и федералистов[1045]. Юлиус Грегр же отмечал, что в Национальной партии есть «два направления, либеральное и консервативное <…> разница между ними, однако, небольшая». Он считал, что полемика в прессе не есть признак близкого распада партии[1046].

После начала сессий в сейме в 1864 г. Национальная партия действовала зачастую единым фронтом. Впрочем, младочехи голосовали всегда против законопроектов, касавшихся усиления позиций шляхты. В отстаивании национальных требований оба крыла партии имели схожее мнение[1047].

Очевидно, на фоне всех разногласий представители обоих течений нуждались друг в друге для продолжения политической борьбы, для отпора централистам. Поэтому распад партии не состоялся. В данном случае Ригер и Палацкий теряли не своих союзников, а их однозначную лояльность. Впрочем, в своих действиях, тактических маневрах Ригер не всегда будет

[1044] *Ibid.*S. 114–115. Запись от 6 февраля 1864 г.
[1045] *Urban O.* Česká společnost… S. 180.
[1046] Osvědčení // Národní listy. 17.12.1863. S. 1–2.
[1047] *Urban O.* Česká společnost… S. 182.

учитывать мнение более либеральных коллег. О некоторых его шагах младочехи будут узнавать лишь постфактум.

Нельзя забывать, что Январское восстание значительно повлияло на текущие международные тенденции. Еще с 1856 г. Наполеон III пытался время от времени поднимать польскую тему в общении с российскими представителями и лично Александром II. Это диктовалось не только исторической солидарностью между Францией и поляками, но и воздействием ближайшего окружения французского императора[1048]. В условную «польскую партию» входили, например, императрица Евгения и двоюродный брат правителя Жером Наполеон (по прозвищу «красный принц»)[1049].

Когда началось восстание, на Наполеона III оказывалось серьезное давление со стороны французского общества, сочувствовавшего полякам. Т.к. власть императора держалась во многом на поддержке общественного мнения, в этих обстоятельствах он пытался им манипулировать и демонстрировал мнимую симпатию польскому делу[1050]. Это вылилось в совместные дипломатические демарши Франции, Великобритании и Австрийской империи в пользу поляков в апреле, июне и августе 1863 г. Последние две ноты имела весьма решительный тон: в ней содержалось требование восстановить польскую автономию. Также французский правитель преследовал идею созвать конгресс европейских держав для урегулирования кризиса. Одним из способов разрешить текущие международные противоречия он считал масштабный территориальный передел. Россия отвечала на все демарши и идею конгресса решительным отпором[1051].

[1048] *Черкасов П.П.* Александр II и Наполеон III. Несостоявшийся союз (1856–1870). М., 2015. С. 266–267.
[1049] *Там же.* С. 267.
[1050] *Там же.* С. 271–282.
[1051] Демарши Франции в пользу поляков, а также пропаганда Наполеоном III идеи европейского конгресса находили сильный отклик у издания Národní listy. В нем были уверены, что Париж, как и в 1859 г. во время войны Франции и Сардинии против Австрийской империи, воспользуется очередной возможностью и претворит в жизнь «принцип национальности» во благо народов. *Reznikow S.* Op. cit. S. 83–84.

Наполеон III по дипломатическим каналам пытался известить Санкт-Петербург об истинных причинах демаршей. Однако они все равно привели к сильному охлаждению между государствами и лично между императорами. И хотя ресурсы для продолжения диалога еще не были исчерпаны, Горчаков помнил о «революционном происхождении бонапартизма», а также о непредсказуемости французского правителя[1052]. Поэтому глава МИД при поддержке Александра II делал ставку на сближение с силами, далекими от какой-либо революционности – и прежде всего с Пруссией. Позднее в докладе императору (сентябрь 1865 г.) Горчаков писал, что «наши современные взаимоотношения с иностранными державами определились во время польского кризиса»[1053].

На фоне неспокойной обстановки министр иностранных дел Пруссии Отто фон Бисмарк попытался вернуть российские симпатии. Он предложил Санкт-Петербургу помощь в борьбе с мятежниками. 8 февраля 1863 г. Россия и Пруссия подписали так называемую конвенцию Альвенслебена (по фамилии приехавшего в Санкт-Петербург уполномоченного генерала). Она предусматривала сотрудничество российских и прусских военных в борьбе с восставшими поляками. В рамках секретной статьи стороны договаривались информировать друг друга об опасных ситуациях на принадлежащих им польских территориях[1054]. С помощью этого соглашения, во-первых, Бисмарк стремился купировать какое-либо вооруженное выступление в Познани и ударить по польскому национальному движению в Пруссии[1055]. Во-вторых, он желал укрепить среди российского истеблишмента позиции сторонников жесткой линии в отношении Царства Польского. Наконец, министр-президент хотел нарушить наметившееся во второй половине 1850-х гг.

[1052] *Черкасов П.П.* Указ. соч. С. 283–294.

[1053] Цит. по: *Медяков А.С.* «Русская благодарность»? Русско-прусские отношения 1863–1864 гг. и их оценка в историографии // Российская история. 2021. № 6. С. 114.

[1054] *Там же.* С. 115.

[1055] *Там же.* С. 115–116. Стоит также добавить, что Берлин опасался союза восстановленной независимой Польши с Францией, направленного на возвращение поляками Силезии и Померании, принадлежавших Пруссии. *Айрапетов О.Р.* История внешней политики Российской империи 1801–1914. Т. 3. Внешняя политика императоров Александра II и Александра III 1855–1894. М., 2018. С. 147.

русско-французское сближение и ограничить влияние на Александра II франкофильских деятелей[1056].

Сам российский император приветствовал шаги Берлина и рассматривал их как проявление дружбы, основанной на общих интересах[1057]. К тому же Александр II после реакции Парижа на восстание поляков разочаровался в идее русско-французского союза. В целом положительно об устремлении Берлина отзывался А.М. Горчаков, постоянно опасавшийся, что Январское восстание перерастет в международный конфликт[1058]. Миссия Альвенслебена стала началом русско-прусского сближения, что, впрочем, не означало полной российской поддержки объединения Германии Пруссией[1059]. Сохранялись отношения с Парижем, несмотря на наличие недоверия[1060]. При этом Петербург искал сближения с Веной, т.к. в России монархию Габсбургов по-прежнему считали фактором баланса сил и стабильности в Центральной Европе. Также учитывалась идеологическая близость. Хотя «неблагодарность» Австрийской империи в период Крымской войны не была забыта, прямого влияния на российскую политику, по мнению А.С. Медякова, она уже не имела[1061]. Таким образом, Россия стремилась к своеобразной «антанте четырех», особенно работая над сотрудничеством Вены и Берлина[1062].

Важно и то, что польское восстание спровоцировало значительные подвижки в международных отношениях, которые продолжатся вплоть до 1871 г. и будут влиять на успехи и провалы чешской политики. Воздействие будет иметь и непримиримая позиция ряда российских общественных деятелей в отношении поляков.

[1056] *Медяков А.С.* «Русская благодарность»?.. С. 115–116.
[1057] Это подпитывалось и родственными связями: Александра Федоровна, мать российского императора, была урожденной прусской принцессой и сестрой короля Пруссии Вильгельма I. *Айрапетов О.Р.* Указ. соч. С. 197.
[1058] *Медяков А.С.* «Русская благодарность»?.. С. 116–117. Также Горчаков рассматривал усиление Пруссии как необходимость для противовеса возможному англо-австро-французского союзу. *Айрапетов О.Р.* Указ. соч. С. 197.
[1059] *Там же.* С. 119.
[1060] *Там же.* С. 125.
[1061] *Там же.* С. 126.
[1062] *Там же.*

Глава 3. Национальная партия в новых политических условиях в монархии Габсбургов (середина 1860-х гг.)

3.1. Усиление национальной риторики чешских лидеров

Восприятие политической жизни у чешских деятелей развивалось под влиянием изменяющегося общественного климата в империи. В июле 1864 г. в отставку ушел Антон Шмерлинг. Это произошло во многом из-за неспособности чиновника договориться с протестующей венгерской элитой, даже несмотря на жесткие меры по отношению к ней со стороны имперского центра[1063]. Франц Иосиф I, назначая Рихарда Белькреди новым премьер-министром, поставил перед ним задачу уладить все противоречия с мадьярами. Одновременно в Венгерском королевстве заявила о себе группа, нацеленная на компромисс с Веной. Ее возглавлял Ференц Деак, сторонники которого были известны как «партия петиции».

Соглашения с династией и правительством Деак добивался на почетных условиях. Одним из них было признание норм конституции 1848 г. Это означало бы появление самостоятельной, самоуправляющейся Венгрии. При этом Деак не считал необходимым получение ею независимости. После дискуссий в политическом лагере венгров точка зрения Деака победила. Начались переговоры[1064].

В Праге были в курсе о переговорах между мадьярами и центром империи, но первоначально там не знали об их дуалистическом наполнении[1065]. Постепенно до лидеров Национальной партии начала доходить информация о размышлениях на эту тему в венских властных

[1063] *Хаванова О.В.* Венгерское королевство в период неоабсолютизма // Политические партии и общественные движения в монархии Габсбургов, 1848–1914 гг. Очерки. Отв. ред. О.В. Хаванова. М., 2018. С. 73.

[1064] *Хаванова О.В.* Партийно-политический спектр Венгерского королевства // *Там же.* С. 121.

[1065] *Urban O.* Česká společnost… S. 193. Об отсутствии информации касательно характера переговоров между Веной и мадьярами, по нашему мнению, свидетельствует фраза из статьи Ригера «На заметку венским дуалистам»: «Мы не знаем, имеет ли эта политическая идея [дуализм] какого-либо сторонника среди австрийских государственных деятелей». 1864, 9. 11. Praha – Riegrův útok proti dualismu // Politické programy… S. 77.

кругах. Теперь им требовалось публично выступить против дуализма, а также предложить свою альтернативу развития Габсбургской монархии.

Важно отметить, что восприятие вождями старочехов государственно-исторического права как основы национальных требований не было статичным. Это нашло отражение в статье Ригера «Вниманию венских дуалистов» от 9 ноября 1864 г., а также в цикле статей Палацкого под общим названием «Идея государства Австрийского». Во второй половине 1860-х – начале 1870-х гг. мысли, высказанные в этих работах, будут лежать в основе чешского политического видения.

Рассмотрим статью «На заметку венским дуалистам». Несмотря на австрославистскую риторику, ее тон в целом был довольно жесткий. Главной целью автора стал протест против возможного дуализма, демонстрация его негативной сущности и акцент на крайней важности мнения чехов и славян в целом по этому вопросу.

Вначале Ригер рассуждал о необходимости введения конституции, которая будет принята на съезде представителей австрийских народов. Он традиционно подчеркивал важность отсутствия привилегий и преимуществ у каких-либо наций, выступал за равноправие. Лидер старочехов придавал значение как историческому, так и естественному праву[1066].

Новым по сравнению с другими работами старочехов стал акцент на последние достижения чешских земель. Если раньше «чехославянский народ» высоко ставился с точки зрения материальных богатств, образованности, культуры и т.д. наряду с другими народами, то теперь «масса народу нашего между остальными национальностями Австрии имеет наибольшее литературное и школьное образование и пробужденную интеллигенцию». При этом в сельском хозяйстве и промышленном производстве чехи уступают, по мысли Ригера, лишь чешским немцам. Подчеркивалась ключевая роль чехов в военном деле, административном управлении. Был сделан вывод, что чешская корона «по крайней мере вторая

[1066] 1864, 9. 11. Praha – Riegrův útok proti dualismu // Politické programy… S. 76.

по историческому и политическому значению и статистической важности»[1067].

Что касается «исторического значения», то Ригер видел ключевую роль чешского народа в истории монархии: «Наш народ – это тот, кто отдал свою корону по договору и под присягой роду Габсбургскому дал начало империи Австрийской, и без него о ней даже мыслить нельзя»[1068].

У старочешской элиты этот тезис свидетельствует о роли чехов в прошлом и настоящем монархии. Можно сказать, что в статье речь идет о самодостаточности чешских земель и чехов[1069]. Таким образом, рост категоричности в заявлениях Ригера был прямо пропорционален продолжавшейся политике Вены в игнорировании национальных требований. Новым выражением такой политики и стала перспектива дуализма. Ригеру нужно было усилить аргументацию в своих публичных материалах. И это нашло отражение в его новом восприятии отношений между чешским народом и монархией.

Он отмечал, что в венской прессе, и в политических кругах венграм уделяется такое внимание лишь вследствие революции в их землях в 1848–1849 гг., но не по каким-либо другим причинам. На этом фоне Ригер не понимал, почему правительство готово идти навстречу требованиям только тех народов, которые «или восстали с оружием в руках, или восстать грозят»[1070].

Между тем сам он хотел бы сохранить «дружеское соседство» с венграми, с пониманием относясь к переговорам между центром и мадьярами. Однако лидер старочехов подчеркивал свое недоумение, «почему наша судьба, наше право, наша конституция должны зависеть лишь от того,

---

[1067] *Ibid.* S. 77. Первой, по всей видимости, Ригер видит Венгерское королевство. Во всяком случае, в своей речи на заседании земского сейма от 12 декабря 1865 г. он схожим образом заявил: «королевство Чешское <…> занимает, конечно, первое место среди земель и наций австрийских, по крайней мере, рядом с королевством Венгерским». Řeči Dra Frant.Ladisl.Riegra… S. 20.

[1068] 1864, 9. 11. Praha – Riegrův útok proti dualismu // Politické programy… S. 77.

[1069] На наш взгляд, об этом свидетельствует и название статьи.

[1070] *Ibid.*

как венские государственные деятели договорятся с мадьярами»[1071]. Ригер видел в этом потенциальное уменьшение политического значения чешской нации, которое, как уже было видно, он ставил высоко.

Эта статья Ригера также выделяется открытой апелляцией к славянству. И местами в довольно резкой, провокативной форме. Изначально о славянской солидарности автор упоминал, говоря о стремлении венских газет через угрозы введения дуализма привести славян к покорности. На эти попытки был дан жесткий ответ: «<…> вы думаете, господа, что мы, славяне, – псы, которые лижут ногу, нас давящую, и что мы не сможем ни оскалить зубы, ни укусить?»[1072]. Фактически это высказывание можно расценивать как переход к откровенным угрозам. Очень характерно, что в данном фрагменте Ригер говорил как бы от лица всех славян. Можно ли это считать неуверенностью в собственных силах? Или это был просто способ давления? Данные трактовки не противоречат друг другу. Очевидно, что протест Ригера был направлены не только венской прессе, но и политическим кругам империи.

Такая риторика свидетельствовала о гибком и прагматичном подходе Ригера к славянской взаимности и славянской теме в целом. Если ранее чехи сами навредили славянскому австрофедералистскому блоку в рейхсрате и усугубили отношения с поляками в 1863–1864 гг., то теперь автор статьи стремился представить славян как сообщество с единой точкой зрения. Безусловно, славянские народы империи были против дуализма (об этом ниже). Однако каждый из народов имел свои собственные национальные требования, которыми он поступаться не собирался.

Развивая славянскую тему, Ригер утверждал, что именно славяне сохранили монархию Габсбургов в период революции в 1848–1849 гг. Вдобавок только они выступали за единство империи. Таким образом,

---

[1071] *Ibid.*
[1072] *Ibid.*

старочех упрекал правительство в неблагодарности[1073]. Этим он повторял свои мысли из цикла «Австрийские славяне и мадьяры».

Ригер был уверен, что дуализм приведет монархию к гибели. Во-первых, по его мнению, две половины империи не смогут находиться в равновесии. Обе стороны будут стремиться к преобладанию друг над другом, что создаст условия для перманентной гражданской войны[1074]. Вторая причина была связана с внешнеполитическим фактором. Начавшееся противостояние вызовет смятение в Европе. В результате другие государства найдут повод вмешаться в постоянную борьбу внутри страны. И затем судьбами австрийских народов будут распоряжаться извне[1075].

Интересно, что именно в этой статье выражается одна важная мысль, тиражируемая исследователями. Приведем ее полностью: «<…> опасность дуализма для Австрии намного больше, чем для нас. Чехи, без сомнения, долго были до Австрии – да и славно были, и удалось бы, дай Бог, и после нее существовать – и если они пережили еще худшие вещи, то переживут, конечно, и какой-нибудь год дуализма»[1076].

Эту мысль в ближайшем будущем подхватил и Франтишек Палацкий. Блестящий теоретик и концептуализатор, он выразил в цикле своих статей «Идея государства австрийского» мысль соратника лаконично и емко: «Были мы до Австрии – будем и после нее»[1077].

На наш взгляд, пассаж Ригера, как и в случае со славянством, был очередным аргументом в давлении на Вену, игнорирующую мнение чешских национальных политиков.

Из цитаты становится понятным: Ригер не верил, что дуализм в монархии продержится долго. Он считал, по всей видимости, что преобразования очень быстро приведут к разложению государства.

[1073] *Ibid.* S. 78.
[1074] *Ibid.*
[1075] *Ibid.* S. 79.
[1076] *Ibid.*
[1077] 1865, 9. 4. – 16. 5. Praha – Palackého Idea státu rakouského // Politické programy… S. 102.

В конце статьи лидер старочехов вновь апеллировал к славянству. При этом он утверждал, что сами чехи готовы к борьбе. «Мы еще опираемся своими спинами на колос 80 миллионов Славянства <…> Мы основываемся на своей силе, дуализм для нас лишь пугало – мы не боимся!»[1078].

Итак, посыл статьи понятен: он, безусловно, протестный по духу. Однако, несмотря на тон статьи, никакие радикальные шаги не предусматривались. Максимум – подача петиции летом 1865 г., о чем уже было сказано. Между тем сам Ригер придавал особое значение этому документу. На заседаниях сейма он использовал его риторику, как и в текстах, вышедших из-под пера старочеха в конце 1860-х гг.[1079] Однако рассматривать эту работу как эффективный политический ход, конечно, нельзя.

Цикл статей Палацкого «Идея государства Австрийского» выходил в свет в апреле-мае 1865 г., когда дуализм уже отчетливо вырисовывался как альтернатива существующим порядкам. 16 апреля 1865 г. Деак издал знаменитую «Пасхальную статью», объявив о готовности Венгрии пойти на соглашение, если ей будет позволено жить по собственным законам. Этот шаг открыл путь к прямым переговорам и публичным дискуссиям о справедливом положении Венгрии в структуре монархии[1080].

«Идея государства Австрийского» – чрезвычайно важное сочинение. Оно стало основой, ядром для последующих проектов Национальной партии. Ригер впитал в себя его идеи.

Палацкий выдвигал новый проект устройства монархии. Его видение должно было стать альтернативой дуализму. Работа Палацкого была глубоко

[1078] 1864, 9. 11. Praha – Riegrův útok proti dualismu // *Ibid.* S. 79-80.

[1079] Также на заседаниях ландтага он использовал мысли из работы Палацкого «Идея государства австрийского». В частности, Ригер говорил об исторической миссии Австрии – защите малых народов от угрозы со стороны России и Пруссии. Другие темы, не указанные в статье, но затронутые Ригером на сеймах 1865–1866 гг. были следующими: идея свободной конкуренции между народами возможной федерации, сейм как репрезентант всего народа, ограничивающий власть короля. Řeči Dra. Frant. Ladisl. Riegra… S. 16, 19, 115–116.

[1080] *Хаванова О.В.* Партийно-политический спектр Венгерского королевства // Политические партии и общественные движения в монархии Габсбургов, 1848–1914 гг. Очерки. Отв. ред. О.В. Хаванова. М., 2018. С. 120–121.

концептуальной. Для обоснования своей точки зрения он проанализировал историю монархии, выделил в ней главные смыслы.

Программа чешского деятеля была обоснованием федерализма как единственно возможной формы устройства для Австрийской империи. Это был протест против существующего централизма и потенциального дуализма. Палацкий высказал тезис, что монархия Габсбургов всегда была содружеством равноправных народов. Рассуждая о нравственной идее монархии, он видел ее в защите Европы и самой себя от османской экспансии (XVI в.). Позднее миссией государства стала защита католицизма от протестантизма и научного знания, что, конечно, осуждалось Палацким[1081].

Однако на текущий момент эти смыслы уже потеряли актуальность, следовало найти новое наполнение. Автор полагал, что федерализм – как раз и есть актуальная нравственная идея. Для этого следовало воплотить в жизнь монархии принцип равноправия ее народов. Тем самым будет сохранена целостность государства. Оно же явится гарантом существования этих народов, защитником от агрессии Пруссии и России. Отмечается также, что монархии удавалось защитить ее народы от конфликтов друг с другом[1082].

В своей работе Палацкий анализировал не только прошлое Австрийского государства, но и его настоящее. Естественно, «отец нации» очень высоко оценивал Октябрьский диплом. Он, по его словам, поспособствовал разделению полномочий между императором и народом. Однако, считал автор, введение гражданских свобод – недостаточная мера в условиях несоблюдения прав каждого из австрийских народов. Оглядываясь на Октябрьский диплом, Палацкий опирался на государственно-историческое право. При этом он дополнял его естественным. Это неудивительно, т.к. еще с конца 1840-х гг. Палацкий делал в своих проектах большой акцент именно на эту аргументацию[1083]. Чешский историк не использовал полностью государственно-историческое право в своих рассуждениях. Так, он

[1081] 1865, 9. 4. – 16. 5. Praha – Palackého Idea státu rakouského // Politické programy… S. 83–85.
[1082] *Ibid.* S. 87
[1083] *Ibid.* S. 85–87, 92–94.

совершенно не касался правового континуитета земель короны святого Вацлава с Чешским королевством. Он не делал никаких ссылок на документы прошлого, которые якобы действовали поныне[1084].

Каким образом следует преобразовать империю? Палацкий предлагал создать комплексы исторических земель как субъекты новой федерации. Во главе каждого комплекса был бы генеральный сейм и земское правительство. Кроме того, у каждой земли в таком комплексе тоже был бы свой сейм[1085]. Субъектам федерации предполагалось дать широкую автономию. Центральная власть регулировала бы только внешнюю политику, армию, финансы, торговлю и транспорт. При этом такие важные сферы, как налогообложение, образование, суд остались бы в местном ведении[1086]. «Новинкой» стала мысль о введении (точнее, восстановлении) должности дворского канцлера в каждом комплексе земель. При этом все дворские канцлеры входили бы в правительство[1087]. Таким образом, они были бы посредниками между центрами и автономными субъектами. В языковом вопросе в империи должно быть абсолютное равноправие.

Палацкий в своей работе не указал точно и детально, из каких территорий империи сложатся комплексы земель. Однозначно он говорил о чешских, польских и итальянских территориях. Из венгерских земель он желал выделить Трансильванию и Хорватию. Возможно, этот вариант распространился бы и на австронемецкие земли. В свою очередь, территории, населенные словенцами, с определенной вероятностью должны были войти в состав Иллирийского королевства. Палацкий считал, что такие вопросы стоит решать уже непосредственно при создании федерации, учитывая мнение всех сторон. Именно поэтому «группирование» земель в его проекте не было окончательным. Он понимал сложность учета исторических, географических и этнографических факторов. Таким образом, закладывался

[1084] *Kramář K., Tobolka Zd.* Op. cit. S. 247–248.
[1085] Чешская нация на заключительном этапе формирования… С. 88.
[1086] 1865, 9. 4. – 16. 5. Praha – Palackého Idea státu rakouského // Politické programy… S. 97.
[1087] *Ibid.* S. 93

смешанный принцип[1088]. Это отразилось и на программе Национальной партии в целом[1089].

Можно согласиться с общей оценкой чешской историографии, что эта работа имеет чисто теоретический характер. Она не содержит каких-либо предложений о методах борьбы за достижение выдвинутого проекта. Данный цикл – лишь историко-философское, политико-правовое рассуждение о состоянии Габсбургской монархии.

Отметим также, что Палацкий, подобно Ригеру, использовал в своей работе жесткую, провокативную риторику. В конце последней восьмой статьи (16 мая 1865 г.) автор рассуждал, что произойдет, если Вена проигнорирует все национальные требования и дуализм будет учрежден. Он подчеркивает, как и Ригер, что это повлечет волнения, инспирирует борьбу славян за свои права, что приведет к дестабилизации империи. Но Палацкий шел дальше своего коллеги. «День провозглашения дуализма станет <…> также днем зарождения панславизма в его наименее желательной форме <…> Мы, славяне, будем смотреть на это с нескрываемой болью, но без трепета. Были мы до Австрии, будем мы и после нее» – вот один из последних посылов в статье[1090]. Таким образом, Палацкий грозил уже политическим объединением всех славян. По нашему мнению, он не случайно использовал как угрозу именно панславизм. В австронемецкой печати в середине 1860-х гг. выходили публикации, наполненные антипанславистской истерией. Причиной этого были весьма напряженные отношения между Австрийской империей и Россией. Отсюда и враждебной настрой венской печати к последней[1091].

Такие откровенные угрозы со стороны чешских лидеров опять же могут объясняться крайней обеспокоенностью за судьбу государства. Однако спустя год после статьи Ригера Вена по-прежнему вела переговоры с

[1088] *Ibid.* S. 99.
[1089] Чешская нация на заключительном этапе формирования… С. 88–89.
[1090] 1865, 9. 4. – 16. 5. Praha – Palackého Idea státu rakouského // Politické programy… S. 102.
[1091] *Медяков А.С.* Между Востоком и Западом.... С. 184, 188.

мадьярами и не прислушивалась к чехам. Поэтому апеллирование к угрозе панславизма, заявления об их самодостаточности, отсутствии крайней необходимости в Австрии было предупреждением монархии перед лицом ослабления позиций внутри страны и за ее пределами.

Прямая реакция в публичном пространстве Франции и России на «Идею государства Австрийского» нам неизвестна. Однако в этой связи может быть интересна передовица газеты «День» от 11 ноября 1865 г. По содержанию ее можно противопоставить чешскому взгляду на монархию Габсбургов.

По мнению автора, особенность славян заключается в решающей роли духовного фактора как в их личной, бытовой, так и в общественной жизни. Этот элемент сосредоточен главным образом в вере, религиозных и нравственных идеалах. Из-за своего ключевого значения он разобщает славян: ведь у них разное вероисповедание[1092]. Отсюда и панславизму как идее не хватает «высшего духовного объединяющего начала; единоплеменности недостает единоверия»[1093]. Перспективу в этом отношении имеют лишь православные славяне, вера которых делает возможным духовное общение. У них есть шанс преодолеть славянскую разобщенность и достичь, если говорить современным языком, некой формы интеграции[1094].

Одновременно в публикации подчеркивалось, что австрийские славяне крайне разделены. Виной этому и разная вера, и традиционно напряженные отношения (между поляками и русинами), и нежелание народов «уступить своей национальной особенности в пользу другого»[1095]. У них нельзя найти предпосылки не только для духовного сближения, но и для появления «высшего политического органического начала». А оно помогло бы преодолеть национальный эгоизм, сгладить отличия и совместить

[1092] День. 11.11.1865. С. 1014.
[1093] *Там же.*
[1094] *Там же.*
[1095] *Там же.*

«племенные особенности»[1096]. Поскольку все нужные условия отсутствуют, Австрийская империя не может стать славянской. Тогда, рассуждал автор, «стать ли ей чешской, или хорватской, или сербской, или польской?»

Говоря про чехов, автор признавал, что они занимают первое место среди австрийских славян. Но у них отсутствует «сильный политический элемент»[1097]. «Чехия носит в себе постоянное внутреннее противоречие, которое мешает ей развиваться в славянском смысле, и вследствие которого само возрождение в ней национальности представляется более теорией славянской народности, чем живой, непосредственной силой», – также говорилось в публикации[1098].

Чешский народ располагает высокоразвитой культурой. Однако, согласно статье, она по своему характеру не славянская, а немецкая. И если немецкая культура на своей родной почве породила великих деятелей, то на чешской, славянской почве ничего подобного не произошло[1099]. Газета ставит в вину чехам отречение от «самобытности национального духа», т.е. гусизма. При этом подчеркивалась его православная природа[1100]. Автор говорил о внутреннем духовном противоречии в жизни чешского народа: почитание Гуса наравне с приверженностью католицизму, празднование памяти святых Кирилла и Мефодия вкупе с использованием латинского алфавита.[1101] Именно из-за этого противоречия у чехов вряд ли появится «действительная, целая славянская сила». Другие родственные им народы тоже неспособны политически возглавить всех австрийских славян[1102].

Итак, статья последовательно указывала на духовный, религиозный фактор как важнейший для славянских народов. Он виделся как необходимый фундамент для политического развития. С этой точки зрения он делал выводы, которые максимально противоречили посылам Ригера и

[1096] *Там же.* С. 1014–1015.
[1097] *Там же.* С. 1015.
[1098] *Там же.*
[1099] *Там же.*
[1100] *Там же.*
[1101] *Там же.*
[1102] *Там же.*

Палацкого. Оба выражали притязания чехов на лидерство в монархии, на их ведущую роль в жизни австрийских славян. Судя по статье, федерализм как потенциально объединяющая идея даже не рассматривался. Эти рассуждения тоже шли вразрез с риторикой лидеров Национальной партии.

Благодаря Калоусеку мы знаем, что Палацкий читал эту статью и она вызвала у него сильное негодование. Он даже хотел, чтобы Калоусек ответил в печати изданию Аксакова. Посыл должен был быть следующим: пусть «русские, неспособные нам помогать, по крайней мере не мешают». Это связывалось с тем, что из страха перед Россией Запад намерен притеснять чехов[1103]. Историк был не согласен с подходом, изложенным в материале и которого придерживался сам Аксаков. Он не считал религию «элементом или признаком национальности»[1104]. В свою очередь, религиозная нетерпимость славянофила, полагал историк, свидетельствует о «немецко-монгольской черте характера у русских», поскольку властолюбие не свойственно славянам[1105]. Все эти положения Калоусек действительно опубликовал: в Národ в номерах 340 и 343 за 1865 г. вышла его статья «Российским славянофилам»[1106]. Такова была, можно сказать, заочная полемика между Палацким и российским общественным деятелем. Схожая по своему характеру дискуссия протекала между редакцией Hlas и В.И. Ламанским[1107].

Конечно, обобщение «отца нации» по поводу славянофила и русских крайне натянуто и не выдерживает критики, как и его идеализированные представления о славянах. Первое, во всяком случае, можно попробовать объяснить бурной реакцией на рассуждения оппонента. К России в целом он относился по-прежнему позитивно.

Известно, например, что Палацкий обращал внимание Калоусека на успешную внешнюю политику России. По его мнению, она обеспечит

[1103] Запись от 8 декабря 1865 г. Deníky Josefa Kalouska. Díl I... S. 388.
[1104] *Ibid.*
[1105] *Ibid.*
[1106] Dějiny československo-sovětských vztahů nové a nejnovější doby. Díl 1. Dějiny česko-ruských ztahů 1770–1917 / Ed. V. Čejchan. Praha, 1967. S. 215.
[1107] *Ibid.* S. 215–216.

«великую и славную будущность Славянства в Азии»[1108]. Историк полагал, что Александр II едва осознает, насколько большое значение его реформы имеют для России[1109]. Судя по всему, он также симпатизировал сохранению крестьянской общины, видя в ней неисчезнувший (в отличие от чехов) исконно славянский элемент[1110]. Позитивный взгляд Палацкого на «северный колосс» был стабилен, при этом также примечателен масштаб его видения относительно империи Романовых в мире и судьбы славянства.

Между тем имперская политическая жизнь не стояла на месте. Сентябрьский манифест императора (1865 г.), по мнению Ригера и Палацкого, был первым шагом на пути федерализации государства[1111]. Примечательно, что Белькреди, несмотря на свои давние связи с чешскими политиками, не стал им ничего говорить о ходе и характере переговоров с мадьярами. Национальные интересы чехов отошли для него на второй план[1112].

Венский двор совершил еще несколько тактических действий. В 1866 г. император утвердил земские законы о двуязычии в средних школах Богемии, а также о новых принципах обучения на чешском языке в Пражском университете. Инициаторами этих законов выступали депутаты-члены Национальной партии. Вена пошла на эту мелкую уступку с одной конкретной целью. Ей нужно было удовлетворить чехов и тем самым создать иллюзию, что монархия начинает к ним прислушиваться. Оптимизму

[1108] Запись от 20 декабря 1864 г. Deníky Josefa Kalouska. Díl I... S. 364. К сожалению, Палацкий не конкретизировал, какие успехи России в Азии позволили ему сделать подобный вывод.
[1109] *Ibid.* S. 365.
[1110] *Ibid.*
[1111] Манифест от 20 сентября 1865 г. был издан императором по инициативе Белькреди. Данный акт приостановил действие Февральского патента. Попутно в манифесте предлагалось обсудить депутатам венгерского Государственного собрания и хорватского сабора существующее положение, а также ранее действующее конституционное законодательство (в частности, Октябрьский диплом). Объявлялось, что решения, вынесенные этими органами, будут обсуждаться сеймами остальных земель. Таким образом, создавалась иллюзия, что ландтаги могут участвовать в переустройстве монархии. Примечательно, что, несмотря на отмену Февральского патента, избирательный закон и существующее земское устройство продолжали действовать. 1865, 11. 7. Praha – Pamětní spis českých poslanců císaři // Politické programy… S. 105.
[1112] *Sak R.* Op. cit. S. 159–160.

Палацкого и Ригера способствовала удачная расстановка сил на чешском сейме[1113].

В этих условиях в декабре 1865 г. Вена смогла начать новый раунд переговоров с венграми[1114]. Был выработан проект соглашения. В данном вопросе имперский центр, как и раньше, шел на уступки: в основе проекта лежала венгерская конституция 1848 г. Однако переговорный процесс был прерван австро-прусской войной, значительным образом повлиявшей на дальнейшую внутреннюю и внешнюю политику монархии.

3.2. Австро-прусская война 1866 г. в глазах партийных интеллектуалов

Война между Австрийской империи и Пруссией, как известно, проходила в рамках борьбы Берлина за объединение Германии. Этому событию предшествовала австро-прусско-датский конфликт 1864 г., когда обе державы выступали в качестве союзников[1115]. После победы война между двумя лидерами германского мира была вопросом времени.

Поводом к конфликту стало предложение монархии Габсбургов передать Шлезвиг и Гольштейн в ведение Германского союза. Пруссия выразила свой протест, сославшись на Гаштейнскую конвенцию. Бисмарк увидел удачный повод начать войну. Для того, чтобы спровоцировать

[1113] По итогам ноябрьских выборов 1865 г. Национальной партии и Партии консервативного велькостатка удалось сформировать большинство в сейме.

[1114] Начало нового этапа переговоров знаменовалось очередными уступками со стороны властей. Так, в декабре 1865 г. Франц Иосиф I издал указ, по которому Трансильвания должна была послать своих представителей в Государственное собрание. Это означало присоединение края к Венгрии вопреки воле румынского большинства. Желая подчеркнуть важность происходящих событий, император приехал в Пешт, чтобы открыть сессию Государственного собрания. Там же продолжились переговоры о соглашении.

[1115] Эта война (1864 г.) разразилась вокруг герцогств Шлезвиг и Гольштейн, где жила значительная доля немецкого населения. После смерти датского короля Фредерика VII возникла проблема престолонаследия. На этом фоне в герцогствах, а также в государствах Германского союза прокатилась волна национальных выступлений. Пруссия желала присоединения герцогств. Дипломатическим путем она привлекла на свою сторону монархию Габсбургов, с которой победила Данию. По мирному договору герцогства отдавались обеим великим державам. В 1865 г. эти страны заключили Гаштейнскую конвенцию, по которой Шлезвиг переходил под власть Берлина, а Гольштейн – Вены. Однако Гольштейн был отдален от монархии Габсбургов, попасть в него можно было только через Шлезвиг. Это затрудняло управление и провоцировало стычки между военными обеих стран. *Котова Е.В.* Германский вопрос во внешней политике Австрийской империи в 1850–1866 гг. // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2021. Т. 12. Выпуск 6 (104). URL: https://history.jes.su/s207987840016050-4-1/ Дата обращения: 24.08.2025.

Австрийскую империю, войска Пруссии вошли в Гольштейн. В Германском союзе была объявлена мобилизация. В ответ на действия Пруссии империя Габсбургов объявила войну. На стороне Берлина в конфликт вступила Италия.

Россия заняла нейтралитет, однако в правящих кругах симпатии были на стороне Вены. Российский министр иностранных дел А.М. Горчаков 2 июля 1866 предлагал императору создать «моральный барьер прусским насилиям» с помощью совместного демарша дипломатов нейтральных стран в Берлине. При этом существовала надежда, что война примет затяжной характер и ослабит обе стороны[1116].

Позиция Франции обуславливалась двойной игрой Наполеона III. С одной стороны, отношения с монархией Габсбургов оставались довольно напряженными. Наполеон III стремился использовать проблему Венеции для давления как на Дунайскую империю, так и на Италию[1117]. Кроме того, правитель Франции стремился нарастить влияние в Дунайских княжествах, трон которых после свержения господаря Кузы оказался вакантным. Император рассматривал австрийское государство как главного соперника в этом деле[1118]. Австро-прусское соперничество в Париже считали необходимым условием для выгодного равновесия сил в Европе. Союз двух немецких государств, наоборот, мыслился как опасная комбинация[1119]. Французское правительство предполагало, что монархия Габсбургов как минимум не слабее Пруссии и Италии. Поэтому ожидалось, что борьба

[1116] *Медяков А.С.* «Моральный барьер прусским насилиям». Политика России на завершающем этапе объединения Германии (1866–1870) // Российская история. 2022. № 5. С. 94–95.

[1117] *Шнеерсон Л.М.* Австро-прусская война 1866 г. и дипломатия европейских великих держав (из истории «германского вопроса»). Минск, 1966. С. 34. Поскольку Австрийская империя владела Венецианской областью, а также покровительствовала папе римскому, она создавала существенные препятствия для завершения Рисорджименто. Наполеон III, следуя провозглашенному им «принципу национальности», рассуждал о необходимости передачи этой территории Италии. Впрочем, конечно, его риторика не диктовалась идеалистическими соображениями. Император таким образом рассчитывал на сохранение французского влияния в итальянском регионе. При этом в полном объединении страны Франция тоже не была заинтересована, поскольку гарантировала светскую власть папы с помощью французского гарнизона в Риме.

[1118] В апреле 1866 г. Наполеон III содействовал выдвижению на румынский трон принца Карла Гогенцоллерна, который был родственником как прусского короля, так и Бонапартов (по материнской линии). *Там же.* С. 34, 182, 189, 195–196.

[1119] *Там же.* С. 36.

истощит соперников, а Франция сможет извлечь пользу из своей потенциальной роли посредника или арбитра. Тем более Бисмарк сулил императору компенсации за благожелательный нейтралитет[1120]. То есть с помощью войны Наполеон III надеялся ослабить позиции Австрийской империи в Италии и на Балканах.

С другой стороны, он хотел гарантировать себе выгоду при любом исходе противостояния. Поэтому он вел тайные переговоры с Веной. 12 июня 1866 г. две страны подписали соглашения, довольно выгодные для Парижа[1121].

Перспектива французского благожелательного нейтралитета создала в столице Дунайской монархии неверное впечатление о формирующемся балансе сил. К тому же Австрия заручилась поддержкой германских государств. Переоценив свое положение, она с уверенностью вступила в войну[1122]. Как известно, она длилась всего семь недель, с 17 по 26 июня 1866 г. Однако она коренным образом повлияла на судьбу немецких княжеств.

Благодаря реформам прусской армии, предпринятым Хельмутом фон Мольтке, она превзошла в техническом оснащении и организации войск австрийскую армию. Это обусловило победы Пруссии.

Что думали о войне чехи? За год с лишним до конфликта Палацкий и Ригер рассматривали потенциальное столкновение двух держав как «удачу». Ведь тогда Дунайская империя отвернулась бы от германского региона, где прусского короля Бисмарк провозгласил бы императором, и нашла опору в лице славян[1123]. Ригер прозорливо полагал, что Пруссии удастся объединить немцев. Также он был совершенно прав, видя необходимость для Бисмарка

[1120] *Там же.* С. 37.

[1121] Предполагалось, что в случае австрийской победы Франция за свой нейтралитет получит Венецию, которую передаст Италии. Австрия обязывалась отказаться от территориальных приращений, нарушающих европейское равновесие. Также она должна была сохранить раздробленность Германии. Примечательно, что в соглашениях прямо не говорилось о компенсациях Австрийской империи в этом регионе за отказ от Венеции. В случае успехов на итальянском театре военных действий Вена соглашалась не нарушать там существующее положение дел (по крайней мере без согласия Франции). Наполеон III в свою очередь обещал постараться удержать Италию от участия в конфликте. Также при передаче ей Венеции он должен был добиться от нее гарантии светской власти папы и целостности его владений. *Там же.* С. 171–172.

[1122] *Там же.* С. 172.

[1123] Запись от 6 апреля 1865 г. Deníky Josefa Kalouska. Díl I... S. 377.

апеллировать к общенемецкому патриотизму, особенно в случае с государствами Южной Германии. Единственное, он ошибочно прогнозировал объединение за 25 лет[1124].

Палацкий был согласен с этой точкой зрения. Он добавлял, что против Вены выступят, помимо Бисмарка, Наполеон III и король Италии Виктор Эммануил II[1125]. По его мнению, все три деятеля намеренно затянут конфликт с Австрийской империей, чтобы «большей меры достигло недовольство народов» (видимо, имелось в виду население Габсбургской монархии)[1126]. Судя по всему, оба партийных лидера верили в победу Вены: по свидетельству Калоусека, австрийскую армию они считали лучше прусской[1127].

Таким образом, старочешские руководители рассматривали внешнеполитический фактор как благоприятный для поворота австрийской внутренней и внешней политики в нужное русло. Остается непонятным, почему они считали, что Дунайская монархия утратит свои связи с Германией в случае победы. Ведь поражение Берлина должно было только усилить ее позиции в регионе.

Их сподвижник Вацлав Зеленый, напротив, считал войну для Вены опасным предприятием, воспринимая прусское войско как более сильное. Он возражал, что она не принесет славянам положительных последствий, как рассуждал Ригер[1128]. Будущее покажет, что Зеленый был прав.

Поддержка вооруженного конфликта (в случае его начала) старочешским руководством проявляла себя не только в частных разговорах, но и в публичном пространстве. Показательным примером является статья в газете Národ от 1 апреля 1866 г. В ней отмечалось, что возможная война с Пруссией станет «популярнейшей из всех, которые Австрия могла бы вести». Ведь за исключением Османской империи «нет ни одного государства в

[1124] *Ibid.*
[1125] *Ibid.*
[1126] *Ibid.*
[1127] *Ibid.* S. 378.
[1128] *Ibid.* S. 377–388.

мире, находящегося в такой ненависти у чешского народа, как наш сосед <…>»[1129]. Поэтому австро-прусский конфликт приобрел бы для него характер национальной войны. При таком развитии событий необходимо «принести в жертву последнюю каплю крови и последний геллер в пользу австрийского дела, которое одновременно является чешским национальным делом[1130]». Красноречиво в своем дневнике также выразился Калоусек[1131].

Позиция Národní listy эволюционировала с течением времени. Так, изначально она лишь отчасти пересекалась с патриотической риторикой старочехов. В статье «Пруссия и Австрия» утверждалось, что война между двумя державами была бы популярна в монархии Габсбургов, причем наиболее всего – среди славян[1132]. Редакция не сомневалась, что «особенно мы, чехи, причисляем Пруссию к своим опаснейшим врагам». Также был очевиден ответ на вопрос, чью сторону чешский народ займет в конфликте[1133]. Однако же, по мнению издания, чехи считали бы эту войну за самое большое несчастье, которое могло их постигнуть[1134].

Статья содержит довольно много критики в отношении внешне- и внутриполитического курса Вены. Газета находила крайне опрометчивой политику правительства в отношении немецких государств. Оно не только им потворствовала, но еще и потакало Пруссии как своему главному сопернику в регионе. В рамках этой линии Австрийская империя участвовала в войнах за «идею национальности, которую дома всячески притесняла»[1135]. Ненужной и даже вредной для страны печатный орган считал австро-прусско-датскую войну. Для ее ведения тратились огромные средства (при

[1129] Цит. по: *Urban O.* Vzpomínka na Hradec Králové... S. 83.
[1130] *Ibid.*
[1131] «Для этой цели нужно, чтобы Австрия получила взбучку – только не дай бог <…> чтобы пруссак мог взять Богемию – но без взбучки венские господа не перестанут нас считать материалом для своей франкфуртской славы». Запись от 20 июня 1866 г. Deníky Josefa Kalouska. Díl II... S. 22–23.
[1132] Prusko a Rakousko // Národní listy. 11.02.1866. S. 1.
[1133] *Ibid.*
[1134] *Ibid.*
[1135] *Ibid.*

наличии больших долгов) и самое главное – жизни славян, которые являются естественной опорой империи[1136].

В тексте выражались сомнения в способности Габсбургской монархии вести успешную войну. Предлагалось вступать в нее только при угрозе целостности страны[1137]. Еще одного конфликта, аналогичного по своей ненужности войне за Шлезвиг и Гольштейн, редакция предлагала всячески избегать. «Тот момент “железа и крови”, та решительная война Пруссии с Австрией за господство и решение немецкого вопроса должна однажды, конечно, наступить, но нам кажется, что для Австрии крайне полезно, если она не наступит так сразу», – говорилось в конце публикации[1138].

Однако уже на рубеже марта и апреля 1866 г. эта позиция несколько меняется в связи с новостями о приготовлениях Пруссии к войне[1139]. 1 апреля в передовице отмечалось: «война почти необходима и неизбежна»[1140]. Впрочем, редакция все еще беспокоилась, сможет ли Австрийская империя вести ее успешно. Главным препятствием она видела незавершенность преобразований в стране, внутриполитическую неустойчивость[1141].

Конечно, конфликт Вены и Берлина подпитывал концепцию австрославизма. Внешнеполитическое обострение демонстрировало реальность идеи, что монархия Габсбургов необходима для защиты от агрессивного северного соседа. Тем более, до недавнего времени, когда обе державы были союзниками в борьбе с Копенгагеном, этот постулат вступал в противоречие с жизнью. В случае со старочехами хорошо видно, как они при благоприятных (по их мнению) международных обстоятельствах пытались совместить чешские и общеавстрийские интересы, порой даже отождествить

[1136] *Ibid.*
[1137] *Ibid.*
[1138] *Ibid.*
[1139] По поводу известий о подготовке Берлина к конфликту см.: V Praze, 21. března // Národní listy. 30.03.1866.
S. 1.
[1140] Věc dobrá a spravedlivá zvítězí! // Národní listy. 1.04.1866. S. 1.
[1141] *Ibid.*

одни с другими. Раньше этому во многом препятствовала напряженность в отношениях с имперским центром.

Глубокая взаимосвязь между национальным вопросом, внутренней и внешней политикой в стране заставляла сторонников Ригера и Палацкого надеяться на позитивные обновления во всех трех сферах. Возможно, даже на определенное взаимопонимание и сближение с правительством. Для обеих же фракций Национальной партии в феврале-апреле 1866 г. в печати было характерно стремление продемонстрировать субъектность чешского народа в потенциальном конфликте. В двух проанализированных статьях чехи выступают как сообщество, делающее осознанный выбор: они формируют собственное отношение к потенциальному конфликту, выбирают сторону и т.д.

В целом чешская либеральная журналистика в это время проявляла австрийский патриотизм и верила в победу своего государства[1142]. Как замечает О. Урбан, уверенность в превосходстве армии Габсбургов во многом была нормой для населения монархии и зарубежных специалистов. Дело в том, что о ней было куда больше информации в открытых источниках[1143]. О состоянии прусских вооруженных сил сведений, наоборот, крайне не хватало, т.к. до войны с Данией они не участвовали в конфликтах около 50 лет. Вдобавок эксперты в Европе со скепсисом смотрели на систему ландвера, а также делали акцент на большом перевесе в численности жителей Габсбургской монархии. Война с Данией не рассматривалась всерьез, поскольку та считалась слабым противником[1144]. В начале июня (накануне войны) корреспонденты Národní listy и Politik в Берлине подчеркивали расхождение интересов местного правительства и недовольного населения. Это тоже не свидетельствовало в пользу Пруссии[1145].

[1142] *Urban O.* Vzpomínka na Hradec Králové... S. 70.
[1143] *Ibid.* S. 122.
[1144] *Шнеерсон Л.М.* Австро-прусская война… С. 202–203.
[1145] *Urban O.* Vzpomínka na Hradec Králové... S. 145.

Бравурные настроения в чешской среде порождали определенные реваншистские мотивы. Поднимался вопрос о возвращении части Силезии, которую закрепил за собой Фридрих II (1740–1786 гг.) в результате Силезских войн (1740–1742, 1744–1745 гг.) и Семилетней войны (1756–1763 гг.). Об этом, например, в самом начале вооруженного конфликта писал орган младочехов[1146]. Те события XVIII в. сформировали, по выражению О. Урбана, «прусский комплекс». Они стали источником перманентных опасений, что Берлин угрожает целостности чешских земель[1147]. Таким образом, национальное сообщество чехов вступало в войну, сочетая новые надежды и старые страхи.

Незадолго до войны в Národní listy негативно воспринимали усилия Наполеона III, стремящегося стать посредником между сторонами и созвать в Париже конференцию. Редакция видела в нем заинтересованное лицо, цель которого – аннулировать действие Венского трактата 1815 г. По ее мнению, нельзя верить императору Франции, который постоянно говорит о мире и при этом подчиняет себе Европу. «Бойтесь данайцев, дары приносящих», – напоминало издание[1148].

19 июня воодушевленная редакция опубликовала статью, в которой выражала поддержку Францу Иосифу I и его манифесту «К моим народам»[1149]. Если в феврале издание критиковало власть за ненужную и даже вредную войну против Дании, то теперь участию в том конфликте находилось объяснение. По версии органа, нужно было ограничить разорение и несчастья, приносимые войной, для сохранения мира во всей Европе[1150]. Виноватыми в сближении с Берлином против Копенгагена становились некие советники императора[1151]. В целом же Австрийская империя представала в статье в роли жертвы, которую обманывал

[1146] Ohlas cís. manifestu v srdcích nás Čechů // Národní listy. 19.06.1866. S. 1. Также см.: *Tobolka Zd.* Op. cit. S. 102–103.
[1147] *Urban O.* Vzpomínka na Hradec Králové... S. 70.
[1148] Osudový týden // Národní listy. 05.06.1866. S. 1.
[1149] Ohlas cís. manifestu v srdcích nás Čechů // Národní listy. 19.06.1866. S. 1.
[1150] *Ibid.*
[1151] *Ibid.*

воинственный и эгоистичный сосед. А теперь ее окружают враги как на севере в лице Пруссии, так и на юге в лице Италии[1152].

Делался неблагожелательный намек и на Наполеона III. Отмечалось, что Дунайская монархия отказалась «по его кивку уступить Венецию». Теперь же он язвительно заявляет о своем праве ждать от Вены соблюдения права национальности не только в немецком, но и в итальянском вопросе[1153]. Газета (разумеется, не зная доподлинно о договоренностях между Веной и Парижем) подозревала, что в будущем Франция может стать третьим военным противником государства Габсбургов[1154].

На момент начала войны позиции Палацкого и младочехов совпадали в своем негативном отношении ко Второй империи. Недавняя негативная линия французского правителя в отношении австрийского государства и его позиция по австро-прусской войне совершенно не способствовала чешскому франкофильству. Можно, пожалуй, сказать, что она вредила ему.

Для Národní listy война с Пруссией являлась уже не просто конфликтом «немцев с немцами», а противостоянием народов Габсбургской монархии с извечным врагом их большой родины[1155]. Другими словами, редакция апеллировала к общеавстрийским интересам. Чехи при этом, по ее заверениям, готовы воевать не на жизнь, а на смерть. И это уже не связывалось со страхом перед прусским поглощением чешских земель. По мнению газеты, в новых условиях этого не допустят другие державы, ведь земли короны святого Вацлава – «основа равновесия в Центральной Европе»[1156]. Главный мотив горячей поддержки Вены заключался в том, что объединенными усилиями можно успешнее добиться сохранения баланса в Европе – главной миссии Австрийской империи[1157]. Такая риторика вновь повышала субъектность чешского народа, причем уже в международном

[1152] *Ibid.*
[1153] *Ibid.*
[1154] *Ibid.*
[1155] *Ibid.*
[1156] *Ibid.*
[1157] *Ibid.*

ракурсе. Подчеркивалось значение чешских земель не только для государства Габсбургов, но и для Центральной Европы в целом, но уже в другом контексте.

Действительно, по выражению Тоболки, война стала «чешским национальным делом». До занятия Богемии пруссаками чехи организовывали сборы средств. Началось добровольческое движение, активизировались антигерманские выступления общественных деятелей[1158].

С появление вражеской армии на севере Богемии тон у Národní listy, однако, меняется. 24 июня 1866 г. редакция опубликовала статью с показательным заголовком «Немецкая война в Богемии». В ней она отмечала, что некоторые города уже оккупированы и Прага может скоро столкнуться с реальной угрозой. «Каково в этих обстоятельствах наше поведение как чехов – народа иноязычного, **кого идеи и цели нынешней войны не касаются в первую очередь** (выделено мной – *И.К.*)»[1159]. Отмечалось, что Пруссия, конечно, является историческим врагом чешского народа. Но газета призывала не поддаваться страху в связи с ее наступлением. Во-первых, ни о какой аннексии Богемии или ее части речи быть не могло даже в случае поражения Австрийской империи (по всей видимости, обоснованием этому служили мысли из статьи от 19 июня). Во-вторых, конфликт между двумя державами связан с положением Пруссии в Северной Германии и, следовательно, имеет чисто немецкий характер[1160]. А потому «мы не ведем против него (врага, т.е. Пруссии – *И.К.*) немецкую гражданскую войну, мы не воюем за права гессен-кассельского курфюрста и суверенитет Ганновера, мы защищаем лишь свои границы от вреда, наносимого войной, мы стоим против него как народ иностранный <…>, оберегаемый естественным правом, правом национальности – тем правом, к которому Пруссия <…> сама взывает»[1161].

[1158] *Tobolka Zd.* Op. cit. S. 102–103.
[1159] Německá válka v Čechách // Národní listy. 24.06.1866. S. 1.
[1160] *Ibid.*
[1161] *Ibid.*

Поразительно, как поменялось настроение у Národní listy в течение короткого времени. О монархии Габсбургов в материале не говорилось ни слова, как и об австрийском патриотизме. Богемия была словно вычленена из нее и, соответственно, из конфликта. Газета провозглашала своего рода чешский «вооруженный нейтралитет». Во многом всей этой риторике способствовала уверенность, что война политически никак не повлияет на чешские земли.

Интересные мысли содержит и конец публикации. Отмечалось, что с 1848 г. чехи стараются, чтобы их заметили в мире и они «не остались одни в сердце Европы». В данный момент для этого появляются новые возможности в связи с притоком беженцев с театра военных действий в Германии. Поэтому редакция призывала соотечественников показывать иностранцам, что Богемия не является немецкой провинцией, как полагают немцы и Европа в целом, что в ней проживают чехи[1162]. Показательны слова о нацеленной работе чехов на повышение информированности о самих себе.

Ключевым сражением в войне стала битва при Садовой (иначе – при Кёниггреце), состоявшаяся 3 июля 1866 г. Главная военная сила Австрийской империи, Северная армия, была разгромлена. Богемия была занята прусскими войсками. 8 июля они вошли в Прагу.

Národní listy размышляли о причинах поражения Габсбургов. Проблему они видели не в сильной прусской армии, а порочной политической системе монархии. Бюрократизм (в том числе военный), непотизм, игнорирование интересов славянских народов дополнялись провальной и вредной для государства немецкой внешней политикой[1163]. Редакция подчеркивала, что Австрийская империя должна выбрать для себя приоритетом не Германский союз, а нужды австрийских народов, причем как во внутренней политике, так и на международной арене[1164].

[1162] *Ibid.*
[1163] Hlavní rána // Národní listy. 5.07.1866. S. 1.
[1164] Co máme z toho německého buntu? // Národní listy. 7.07.1866. S. 1.

О большом недовольстве в Богемии действиями Вены докладывал в Париж французский военный атташе[1165]. Он также фиксировал обострение чешско-немецкого антагонизма. Катализатором, по его словам, стал ущерб, причиняемый пруссаками, – и всё из-за «ссоры между немцами» (т.е. войны)[1166]. В этой связи чехи якобы чувствовали, «что их расовая ненависть усиливается во вред империи»[1167]. Между тем во время оккупации прусское командование стремилось, выражаясь современным языком, склонить чехов к сотрудничеству. Известен «Манифест населению славного Чешского королевства» от 11 июля 1866 г. (на чешском и немецком языках), распространявшийся от имени прусского командования. В прокламации заявлялось, что солдаты Пруссии воюют с Веной, а не с чешским населением. Оккупационные власти, наоборот, относятся к нему с симпатией и открыты к мирному взаимодействию[1168]. В документе была очевидна попытка сыграть на чувствах местного населения. Говорилось о почтении к его «историческим и национальным правам», нежелании сопротивляться его «справедливым желаниям независимости и свободного национального развития»[1169]. В конце же воззвания добавлялось, что в случае победы Берлина, возможно, Богемия и Моравия смогут «свободно решить свою судьбу»[1170].

Думается, что прокламация вряд ли могла достичь своей цели. Все-таки среди национальных политиков Богемии в ту эпоху сторонников независимости чешских земель (тем более на прусских штыках) было очень мало. Поэтому даже ссылка на «исторические права» вряд ли могла задеть

[1165] Le Lieutenant-Colonel Merlin, Attaché militaire à Vienne, au Maréchal Randon, Ministre de la Guerre, 4 juillet 1866 // Les origines diplomatiques de la guerre de 1870–1871: recueil de documents. T. 10. 2 juin 1866 – 10 juillet 1866. Paris, 1915. P. 320.
[1166] Le Lieutenant-Colonel Merlin, Attaché militaire à Vienne, au Maréchal Randon, Ministre de la Guerre, 27 juin 1866 // *Ibid.* P. 284.
[1167] *Ibid.*
[1168] Текст документа полностью приведен в следующем издании: *Urban O.* Vzpomínka na Hradec Králové... S. 288.
[1169] *Ibid.*
[1170] *Ibid.*

нужные струны души у чешских деятелей. В чешской печати никакой прямой реакции на документ не последовало[1171].

Бисмарк в своих воспоминаниях указывал, что заигрывание с чешским национальным движением (как и с венгерским) диктовалось чисто тактическими соображениями. Разжигание антигабсбургского восстания он рассматривал как запасной вариант на случай французского вмешательства в войну на стороне Вены и «сомнительной позиции» России[1172]. Этой «опцией» он так и не воспользовался, поскольку примерно через десять дней после публикации воззвания начались мирные переговоры.

Еще одним известным манифестом, схожим по своему замыслу, стала брошюра «Плач Чешской короны». Ее составил и напечатал в Берлине Антонин Котик – бывший редактор газеты Národní listy и соратник Йозефа Вацлава Фрича. В ней главным врагом чехов объявлялся император и в целом династия Габсбургов, которая на протяжении истории обходилась с ними несправедливо[1173]. В поражении Дунайской монархии в войне Котик видел возможность отказаться от этого государства и создать свободную федерацию австрийских народов[1174].

20 июля 1866 г. было объявлено, что Вена и Берлин при французском посредничестве начнут мирные переговоры. По всей видимости, именно этим обстоятельством можно объяснить совещания видных представителей Национальной партии, проходивших по инициативе Ф.Л. Ригера 20–22 июля. В них принимали участие Ф. Палацкий, Ф.А. Браунер, В.В. Томек, А.О. Цейтгаммер, младочехи Э. Грегр и К. Сладковский. Результатом этих консультаций стало неопубликованное заявление. Среди требований к монарху в духе исторического права можно выделить следующее: чешские земли не могут быть связаны с каким-либо союзом немецких государств или другим иностранным государственно-правовым образованием без

[1171] *Urban O.* Vzpomínka na Hradec Králové... S. 294.
[1172] *Бисмарк О.* Мысли и воспоминания. Т. 2. М., 1940. С. 34–35.
[1173] 1866, červenec. Antonín Kotík – Pláč Koruny české // Dějiny české politiky v dokumentech... S. 214–218.
[1174] *Ibid.* S. 224–225.

согласования богемского сейма[1175]. Этот пункт, безусловно, диктовался неизвестностью, которую пока таили в себе переговоры между Берлином и Веной. Пражские политики хотели по крайней мере попытаться обезопасить Богемию, Моравию и Силезию от присоединения к Пруссии.

В тот же промежуток времени (примерно 20 июля) в редакции газеты Národní listy произошла встреча Фрича, приехавшего недавно в чешские земли, с К. Сладковским и Ю. Грегром. Оба младочеха отвергли проекты эмигранта, завязанные на гипотетической прусской помощи. Они не хотели даже слышать об антиавстрийском восстании и независимости чешских земель без гарантий со стороны Франции и России[1176]. К обеим странам оппоненты старочехов относились негативно, однако были прагматично настроены на их поддержку, если те как нейтральные великие державы обеспечат самостоятельность Богемии, Моравии и Силезии.

Если верить письму А. Мезника А. Пражаку, в августе (еще до Пражского мира), опасаясь эффекта от прокламации в пользу Пруссии, младочехи даже хотели «отправиться на Сену с посланием»[1177]. Кто именно собирался поехать в Париж, какое содержание должно было иметь послание, Мезник, к сожалению, не упомянул. Может быть, младочешские деятели желали с помощью Франции не допустить присоединения к Пруссии земель короны святого Вацлава. Отрывочный характер свидетельства оставляет некоторое поле для интерпретаций. В целом этот поворот к Франции в трудную минуту был примечателен.

Обсуждение прелиминарий проходило с 22 по 26 июля в Никольсбурге (Микулове). У прусского руководства сформировалось два подхода к условиям мира. Первый фактически иллюстрировал собой выражение «горе побежденным». Его сторонниками были Вильгельм I и генералитет. Король рассчитывал на подчинение Германского союза, замену монархов Ганновера,

---

[1175] *Urban O.* Vzpomínka na Hradec Králové... S. 326–327.
[1176] *Ibid.* S. 293.
[1177] 1866, srpen 14. Praha. – Dr. Ant. Mezník Dr. Al. Pražákovi // Paměti a listář Dra Aloise Pražáka. Díl druhý…S. 27.

Кургессена, Мейнингена и Нассау на их более лояльных наследников. В качестве территориальных приобретений рассматривались Шлезвиг и Гольштейн, Западная Саксония, части Ганновера, Гессена, некоторые бывшие родовые владения Гогенцоллернов в германском регионе. Прусский правитель собирался также отторгнуть от монархии Габсбургов Северную Богемию (включая города Райхенберг/Либерец, Эгер/Хеб, Карлсбад/Карловы Вары) и австрийскую часть Силезии[1178]. Таким образом, возникала более чем реальная угроза для нарушения целостности чешских земель. Поэтому традиционный страх в Национальной партии перед Пруссией не был напрасен, его можно назвать вполне оправданным. Кроме этого, не раз повторяемый Národní listy тезис о невозможном присоединении земель чешской короны к северному соседу представал теперь как достаточно зыбкий.

Однако Бисмарк выдвигал другой подход к условиям мира. Он предлагал проявить умеренность к проигравшей стороне. По замыслу министра-президента, необходимо было отказаться от требований к монархии Габсбургов, как-либо принижающих ее великодержавное достоинство. Это касалось не только символических жестов (например, парада прусских в войск в Вене), но и территориальных приобретений. Граф признавал необходимым лишь вытеснить ее из Германского союза, устранив тем самым препятствие для дальнейшего объединения немецких княжеств.

Такая линия Бисмарка диктовалась его опасениями перед возможным вступлением Франции в войну на стороне Австрийской империи. Как раз в июле Наполеон III активно взаимодействовал с прусской стороной, навязывая роль посредника. Он требовал компенсации за свой нейтралитет и «арбитраж», выдвигая претензии на рейнские немецкоязычные земли. Будущий объединитель Германии всерьез опасался австро-французского союза и войны на два фронта, к которой его страна, считал премьер-министр,

[1178] *Бисмарк О.* Мысли и воспоминания. Т. 2… С. 37–39.

не была готова[1179]. Поэтому он не желал затягивать переговоры и провоцировать реваншистские настроения у истеблишмента монархии Габсбургов после заключения мира[1180]. Наоборот, министр-президент был заинтересован в сближении двух стран[1181].

Кроме этого, Бисмарк не считал полезным присоединять ее земли, т.к. был уверен в преданности местного населения австрийскому трону и, как следствие, его потенциальной нелояльности Гогенцоллернам. Новые территории будет крайне сложно удержать в случае вынужденного отвода прусской армии[1182]. Играл роль и этнический фактор: Бисмарк отмечал, что большинство в австрийской части Силезии составляют славяне[1183].

Наконец, он опасался, что большие геополитические изменения могут спровоцировать восстания венгров и славян, а затем распад Габсбургской монархии. Этого граф не желал допустить. Приведем довольно объемный, но принципиально важный фрагмент из его воспоминаний: «Чем заполнить *то* (выделено в тексте – *И.К.*) пространство Европы, которое занимает до сих пор австрийская монархия от Тироля до Буковины? Новые образования на этом пространстве могли бы быть только надолго революционными по своей природе. Немецкая Австрия ни целиком, ни частично не нужна была нам, мы не достигли бы укрепления прусского государства приобретением таких провинций, как австрийская Силезия или куски Богемии; слияние немецкой Австрии с Пруссией не удалось бы, Веной нельзя было бы управлять из Берлина как [его] придатком»[1184]. Итак, Бисмарк был заинтересован в существовании Габсбургской монархии как силы, удерживающей Центральную Европу от геополитического хаоса. Это в некоторой степени напоминало идеи австрославизма и отчасти позицию Российской империи.

[1179] *Там же.* С. 34–36,
[1180] *Там же.* С. 37.
[1181] *Там же.* С. 42.
[1182] *Там же.* С. 38.
[1183] *Там же.* С. 39.
[1184] *Там же.* С. 42.

По сути, он придавал значение Дунайской монархии как существенному элементу баланса сил в Европе в целом.

Министру-президенту Пруссии удалось, пусть и не без большого труда, убедить Вильгельма I в правильности своего видения. 26 июля 1866 г. между Берлином и Веной был заключен предварительный Никольсбургский мир. 23 августа стороны подписали Пражский мирный договор. К Пруссии переходили Шлезвиг и Гольштейн, Ганновер, Кургессен, Нассау и Франкфурт. Австрийская империя признавала роспуск Германского союза, где она председательствовала, и появление нового Северогерманского союза – без своего участия[1185].

Хотя наиболее известные члены Национальной партии всегда негативно относились к фигуре Бисмарка, стоит признать, что в 1866 г. он фактически спас чешские земли от вполне вероятного расчленения. Разумеется, пражские политики не могли знать о подходе министра-президента к переформатированию прусско-австрийских отношений, о его стремлении обрести в лице Вены союзника и младшего партнера. Поэтому по мере усиления Берлина они продолжали отождествлять Бисмарка с идеей немецкой угрозы, опасаться с его стороны действий по поглощению чешских земель и немецкоязычных территорий монархии[1186]. Такие ошибочные настроения будут подпитываться мотивами славянской взаимности и идеей извечной борьбы славян и немцев. Все это существенным образом повлияет на трактовку чехами международных событий в Европе.

Первая реакция на условия прелиминарий у Národní listy имела позитивный оттенок. Констатировалось, что они открывают перед монархией Габсбургов перспективы в плане новых реформ. Как и ранее, издание выражало надежду, что Вена теперь сможет сосредоточиться на нуждах австрийских народов. «Утверждение партии войны, что без связи с

[1185] Также в рамках Венского мирного договора (3 октября 1866 г.) монархия Габсбургов передавала Венецию Италии.

[1186] Впрочем, о видении Бисмарка имели мало понятия и в правящих кругах Дунайской империи. В начале 1870-х некоторые представители ее истеблишмента всерьез рассматривали возможное и скорое поглощение Пруссией территорий, населенных преимущественно австрийскими немцами.

Германией Австрия перестанет быть “Австрией” и великой державой, основывается на очень незначительных исторических исследованиях. Австрийская великодержавность всегда зависела от владения землями чешской короны», – убежденно добавляла редакция[1187].

В целом чешские политики не могли помыслить, что правительство отнесется к ним безучастно после окончания боевых действий. Ведь, по их мнению, территория Богемии перенесла самые большие тяготы в войне. За свою лояльность чешская политическая элита мечтала получить от благодарного императора расширенную земскую автономию[1188].

Однако Вена скептически отнеслась к акциям чехов. Правительство не проявляло желания в такое непростое время (да еще и осложненное политическими выступлениями венгров) идти на какие-то уступки. Оно мало верило в лояльность чехов, не доверяло им[1189].

23 июля 1866 г. Ф.Л. Ригеру пришла телеграмма из Вены от Я.С. Скрейшовского. В ней сообщалось о пребывании поляков и хорватов в столице империи. Скрейшовский предложил направиться туда для переговоров, позвав также и представителей шляхты. Действительно, в это время в Вене императором принимались различные депутации от австрийских народов. В их числе была депутация венгров. В столице к ней отнеслись с особым пиететом, поскольку появилась возможность возобновить переговоры о дуалистическом соглашении, прерванные войной. В этих условиях Ригер решил провести совещание с австрофедералистами и встретиться с представителями правительства с предложением альтернативного проекта.

Для венского совещания существовали благоприятные идеологические предпосылки. Партия Штросмайера и сторонники Голуховского не только отвергали централизм (о чем говорилось ранее), но и критиковали идею дуализма. По мнению народняков, она не просто закрепляла венгерское

[1187] V Praze, 26. července // Národní listy. 27.07.1866. S. 1.
[1188] *Tobolka Z.* Op. cit. S. 102.
[1189] *Ibid.*

господство в восточной половине монархии. Такое развитие событий могло помешать хорватам осуществить идею югославизма. Что касается политиков Галиции, то их в свете германской опасности, как и чехов, беспокоило возможное усиление позиций немецкоязычного меньшинства[1190]. Дуализм, с их точки зрения, мог толкнуть австрийских славян (в частности, чехов и русин) в «объятия» России. При этом поляки в ослабленной монархии остались бы без союзников-славян. Таким образом, во многом страх перед панславизмом и пангерманизмом обусловил преобладание в галицийском обществе симпатий к федерализму как альтернативе дуализму[1191].

Взгляды на внешнюю политику Габсбургской монархии у представителей трех народов тоже были схожи. Еще до австро-прусской войны хорваты-народняки опасались экспансии Германского союза на восток и юго-восток. Особенно их беспокоило последнее направление, где были сосредоточены хорватские жизненные интересы. Отсюда логично, что в 1866 г. народняки не скрывали своего удовлетворения по поводу исключения Австрийской империи из объединения. Это ослабляло позиции австронемецких централистов[1192].

Однако страх перед германской экспансией на юго-восток не исчез. Теперь он стал фигурировать у народняков как конкретно прусская угроза. Поэтому федерализм для них был не только гарантом свободного национального развития, но и будущей государственности в той или иной форме. Воплощение этой идеи должно было воспрепятствовать предполагаемым гегемонистским планам немцев на Балканах[1193]. Народняки указывали на необходимость скорейшего национального освобождения балканских народов именно в связи с возрастанием германской угрозы[1194].

[1190] *Фалькович С.М.* Отношение польского национального движения к Австрийской империи… С. 140.

[1191] *Фалькович С.М.* Польское национально-освободительное движение между панславизмом и пангерманизмом (конец XVIII – начало XX в.) // Россия, Польша, Германия в европейской и мировой политике XVI–XX вв. Отв. ред. Б.Е. Носов, Ю.Е. Ивонин. М., 2002. С. 234.

[1192] *Фрейдзон В.И.* Пропаганда в Хорватии франко-русского союза против германской экспансии в 60–70-х гг. XIX в. // Международные отношения в Центральной и Восточной Европе и их историография. Отв. ред. В.Д. Королюк. М., 1966. С. 56–57.

[1193] *Там же.*

[1194] *Там же.* С. 57.

Особые надежды Штросмайер и его сторонники возлагали на союз между Францией и Россией. Они полагали, что у стран существует естественная общность интересов в борьбе с германизмом. Также их сближение могло бы создать условия для объединения югославян. А традиционная же русско-прусская дружба, по словам газеты Pozor, прекратилась бы в тот день, «как только Пруссия объединит все немецкие княжества». Для того, чтобы избежать масштабной и разрушительной войны между объединенной Германией и Россией, последней в союзе с Францией следовало предотвратить это «собирание» немецких земель вокруг Пруссии[1195]. Западные славяне и югославяне, по мнению Штросмайера, находились в состоянии политического упадка, но со временем могли стать союзниками Франции и особенно России[1196].

Таким образом, хорватское и чешское видение последствий австро-прусской войны, проблем германской экспансии и дуализма во многом совпадали. И Штросмайер, и Ригер предполагали так или иначе будущий поворот габсбургской внешней политики на восток. Вкупе с давними связями (с начала 1860-х гг.) неудивительно, что хорваты вместе с чехами летом 1866 г. участвовали в совещании федералистов.

Поляки занимали несколько иную позицию. В австро-прусской войне они видели хорошую возможность поднять польский вопрос до международного уровня. Консерваторы Галиции вместе с представителями умеренной эмиграции надеялись на расширение конфликта. Они хотели вовлечь на сторону монархии Францию. Вместе они бы противостояли Пруссии и России, которая, как ожидалось, могла вступить в конфликт и занять Галицию[1197]. После войны поляки желали поднять польский вопрос на мирных переговорах[1198]. «Краковские консерваторы» хотели заключить соглашение с монархией Габсбургов. По нему поляки были бы лояльны и

[1195] *Там же.* С. 57–58.
[1196] *Там же.* С. 59.
[1197] *Кретов В.А.* Автономизация Галиции в ходе переустройства Австрийской империи в двуединую монархию // Столыпинский вестник. 2022. № 4. С. 2044.
[1198] *Фалькович С.М.* Отношение польского национального движения к Австрийской империи… С. 138.

поддерживали венскую политику, а Франц Иосиф I гарантировал бы рассмотрение польского вопроса на мирных переговорах. При этом для давления на двор поляки хотели оперировать угрозой панславизма[1199]. Однако поражение Вены перечеркнуло эти планы. К Пруссии же галицийские консерваторы относились негативно. Для них она олицетворяла пангерманизм. И его поляки считали такой же угрозой, как и панславизм[1200].

Таким образом, хотя хорваты и поляки по-разному видели потенциальную внешнюю политику монархии, помыслы и тех, и других сосредотачивались на Франции.

Известно, что словенцы на совещание австрофедералистов приглашены не были. Это уязвило их лидеров, особенно на фоне того, что годом ранее они приняли Мариборскую программу. Она стала кульминацией использования историко-правовой аргументации в словенских землях. Отсутствие их на встрече повлияло в дальнейшем на их отказ от программы уже в 1868 г. и возвращению к идее Объединенной Словении[1201].

25 июля 1866 г. состоялась встреча автономистов. На ней, помимо Ф.Л. Ригера и Ф. Палацкого, присутствовали А. Пражак, лидер польских федералистов А. Голуховский и его соратник Е.Г. Любомирский, руководитель народняков Й.Ю. Штросмайер, а также несколько австронемецких автономистов. Младочехи на совещании отсутствовали. Участниками встречи был разработан документ, который они собирались вручить премьер-министру и императору[1202].

Основным автором акта являлся Ригер. Его основу составил Октябрьский диплом и концепция государственно-исторического права. Австрия преобразовывалась в федерацию равноправных исторических народов. Субъектами федерации должны были стать комплексы, состоящие

[1199] *Там же.* С. 139.
[1200] *Там же.* С. 138.
[1201] *Кирилина Л.А., Пилько Н.С., Чуркина И.В.* История Словении. СПб., 2011. С. 215.
[1202] *Tobolka Z.* Op. cit. S. 111.

из нескольких территорий, объединяющих исторические земли[1203]. Империя представлялась как союз равноправных групп: чешских земель, австро-немецких, Галиции (с Буковиной), венгерских[1204]. К общеимперским делам относились лишь внешняя политика, финансы, торговля, а также армия.

Проект был посвящен прежде всего внутриполитическим отношениям. Однако он затрагивал и внешнюю политику, пусть и в общих чертах. В первом пункте документа указывалось, что международной политике Габсбургской монархии полагается быть «исключительно австрийской, она не должна иметь никакие специфические национальные тенденции и окраску». Не исключая симпатии в адрес разделенных народов, частично проживающих за пределами империи, государство должно иметь в приоритете целостность, единство и свое державное положение[1205]. Очевидно, все эти нормы были направлены на закрепление разрыв правовых связей с Германией и предотвращение аналогичных угроз для чехов в будущем. Далее в том же пункте утверждалось, что Австрийской империи следует избегать тех союзов с «внеавстрийскими землями» (чеш. *mimorakouské země*), которые выходят за рамки национальных договоров и могли бы привести к конфликту с иностранной державой[1206].

Во втором пункте эти идеи получили свое продолжение. Провозглашался отказ от наступательной внешней политики и от участия в вопросах, не имеющих прямого отношения к «правам, чести и безопасности» государства. Ему следовало придерживаться «сильной обороны»[1207]. Фактически авторы документа подразумевали нейтралитет на международной арене.

Как свидетельствовал в своем дневнике Йозеф Калоусек, которому Ригер зачитывал проект, Вена должна была вести «умеренную политику по

[1203] 1866, červenec/srpen. Program slovanských federalistů v Rakousku // Dějiny české politiky v dokumentech... S. 227. *Rieger B.* Z vlastních pamětí Fr. Lad.Riegra… S. 303.
[1204] *Ibid;* 1866, červenec/srpen. Program slovanských federalistů v Rakousku // Dějiny české politiky v dokumentech... S. 227.
[1205] *Ibid*
[1206] *Ibid.* S. 227–228.
[1207] *Ibid.* S. 228.

образу Англии»[1208]. Эта ориентация на Великобританию уже проскальзывала в суждениях руководства Национальной партии. Еще в «Ответе Болеславану» (9 июня 1863 г.) Палацкий писал об этой стране как одной из двух держав, проводящих независимую внешнюю политику[1209]. Судя по всему, старочешским лидерам импонировала «Блестящая изоляция» – общий внешнеполитический курс Великобритании во второй половине XIX в. Его смысл сводился к отказу от длительных союзов с другими европейскими государствами. Таким образом, с точки зрения внутриполитического устройства идеалом для Ригера и Палацкого была Швейцария, то во внешнеполитическом плане – Великобритания. В обоих случаях главной чертой была сдержанная политическая линия.

Очевидно, именно поражение Вены в войне с Берлином подтолкнуло Ригера и его коллег дать свою интерпретацию международной линии государства в новых реалиях. Конечно, это общее видение нуждалось в дальнейшей проработке.

По воспоминаниям Ригера, за принятие проекта особенно ратовал Голуховский[1210]. Впрочем, были и те, кто не был до конца удовлетворен, например Штросмайер. Дело в том, что по проекту федералистов Хорватия должна была сама договариваться с Венгрией о своем статусе[1211]. Совещание наглядно показало, что союзники не учли все интересы друг друга. Даже несмотря на то, что они брали за основу государственное историческое право и представляли «исторические народы». Также для такого важного

[1208] Запись от 15 августа 1866 г. Deníky Josefa Kalouska. Díl II… S. 45.
[1209] *Palacký F.* Odpověď Boleslavanu // Národní listy. 09.06.1863. S. 1.
[1210] *Rieger B.* Z vlastních pamětí Fr. Lad.Riegra… S. 303.
[1211] *Фрейдзон В.И.* История Хорватии... С. 148

мероприятия чешским национальным политикам не хватало важнейшего союзника – шляхты. Как известно, она отказалась от участия в акции[1212].

Разработав документ, Ригер встретился с Голуховским в Бадене (предместье Вены) 8 августа 1866 г. Оба договорились о том, что за поддержку поляков чехи будут способствовать назначению Голуховского министром. Он был бы проводником идеи федерализации в духе проекта Ригера в правительстве[1213].

10 августа Ригер, Палацкий и Пражак встретились с Белькреди. Они ходатайствовали от имени чехов и поляков перед премьер-министром о назначении Голуховского членом правительства, который представлял бы интересы славян. Однако Белькреди смутил чехов сообщением о том, что недавно к нему приезжала польская шляхта с просьбой назначить Голуховского наместником в Галиции[1214]. Эта информация навредила ходу переговоров. Во всяком случае Ригер в своих воспоминаниях связывает причины неудачной встречи с Белькреди в том числе с этим обстоятельством.

Второй же причиной стало отсутствие шляхты[1215]. Именно этим премьер-министр мотивировал свой отказ продолжить переговоры[1216]. В такой ситуации, по свидетельству Ригера, в его силах было лишь отдать свою промеморию и затронуть другие насущные, но менее острые вопросы. 11 сентября чехи покинули Вену[1217].

[1212] Письмо Льва Туна Ригеру от 6 августа 1866 г. проливает свет, почему богемские дворяне-федералисты отказались присоединиться к старочехам. Они считали поездку в Вену опрометчивой и ненужной. Клам-Мартиниц, опасаясь превратных толкований своего присутствия в столице, полагал, что там он ничем не сможет помочь. Лидер Партии консервативного велькостатка считал необходимым сосредоточиться на будущей работе земских сеймов. По его мнению, единственный вопрос, который мог бы сейчас заслуживать внимания, – будет ли правительство и далее руководствоваться сентябрьским манифестом 1865 г. Также уже при личной встрече в конце сентября 1866 г. Клам-Мартиниц сказал Ригеру, что не верил в его начинание. Аристократ полагал, что. на тот момент, когда правительство было занято переговорами с Пруссией о мире, оно бы не стало обстоятельно рассматривать национальные требования федералистов. Шляхтич делал ставку на будущий визит императора в Прагу 15 сентября 1866 г. 1866 srpen 6. Gmunden – Lev Thun Riegrovi // Příspěvky k listáři Dra Fr. Lad. Riegra. Díl 1... S. 166; *Rieger B.* Z vlastních pamětí Fr. Lad.Riegra… S. 307.

[1213] *Rieger B.* Z vlastních pamětí Fr. Lad.Riegra… S. 304.

[1214] В сентябре 1866 г. Голуховский был назначен на эту должность.

[1215] *Ibid.* S. 305.

[1216] *Urban O.* Česká společnost… S. 212.

[1217] *Rieger B.* Z vlastních pamětí Fr. Lad.Riegra… S. 305.

Старочешским политикам удалось прикоснуться к тому, к чему всегда стремились – высокой внутриполитической игре на уровне империи, поучаствовать в неофициальных переговорах с правительством. Однако их подвела зависимость от союзников. В самый последний момент они не оправдали надежд чешской национальной элиты. Ставка Ригера на сближение с ними не давала стопроцентной гарантии политического успеха. Критично стоит относиться и к стремлению опереться сугубо на государственно-историческое право и «исторические народы».

Заключенный Пражский мир имел огромное значение в становлении Германии. Для австронемецких либералов и вообще для немецкоязычной общественности монархии последствия войны сказались также на уровне ментальности. Немцы Австрийской империи потеряли «национальный тыл» и должны были по-новому осознать свое положение по отношению к монархии Габсбургов и Германии. Если ранее они принадлежали к единому германскому целому, то теперь обнаружили, что являются лишь одним из народов в многонациональном государстве. В перспективе это должно было привести к росту националистических настроений, выражающихся или в желании присоединиться к Германии, или противостоять ей. Первый вариант был особенно распространен среди немецких либералов в Богемии[1218].

Как в западной, так и в восточной части монархии бушевали национальные протесты. Поэтому немецкому элементу, ослабленному с точки зрения идентичности, утратившему связи с единым германским миром, нужно было найти новую опору. Понимая, что по ту сторону Лейты господствуют венгры, с которыми до начала войны был выработан проект соглашения, австронемецкие правительственные круги решили сосредоточиться на западной половине империи. Именно в таком ключе война 1866 г. отразилась на становлении дуализма.

А между тем в Национальной партии сложилось ошибочное представление, что поражение Вены в войне поспособствует федерализации

[1218] *Медяков А.С.* Между Востоком и Западом… С. 44.

государства. Еще в начале войны ее деятели предполагали, что вытеснение монархии из Германского союза станет концом ее притязаний на гегемонию в регионе. А это, в свою очередь, приведет к беспредметности «немецкой» политики Габсбургов и переоценке роли славянских народов в империи.

Характерно, что в это время Ригер размышлял и о возможностях новой внешней политики Вены. Он ожидал после потери влияния в Германии и Италии поворота империи на Восток, роста ее интереса к судьбе балканских славян. По его мнению, это повлекло бы за собой повышение статуса австрийских славян[1219]. Не случайно, что уже после войны в разговоре с Францем Иосифом I, приехавшим в Прагу в октябре 1866 г., Ригер рассуждал о необходимости помогать развитию австрийских славян – и прежде всего южной ветви. Вождь Национальной партии говорил об учреждении в их землях академии и университета, чтобы было созвучно идеям Й.Ю. Штросмайера[1220]. По его мнению, это особенно важно ввиду близкого упадка Османской империи[1221]. Как считает А.С. Медяков, в то время мысль о ее скором распаде среди балканских народов и великих держав была вызвана Критским восстанием (лето 1866 – январь 1869 г.)[1222]. Таким образом, Ригер как минимум с 1866 г. стремился к тому, чтобы монархия Габсбургов стала точкой притяжения вообще для всех южных славян.

В целом его мысли совпадали с аппетитами австрийской внешней политики. Так, в конце ноября 1866 г. австрийский посланник в Санкт-Петербурге граф Фридрих Ревертера в разговоре с князем Горчаковым заявил, что Вена в случае конца Османской империи не собирается присоединять Дунайские княжества, однако не отказалась бы от Боснии и

[1219] *Sak R.* Op. cit. S. 165.

[1220] Устремления Штросмайера были вскоре воплощены в жизнь: в 1867 г. в Загребе открылась Югославянская академия.

[1221] Deníky Josefa Kalouska. Díl II... S. 59.

[1222] *Медяков А.С.* Австро-Венгрия и балканский кризис 1866–1869 гг. // Вестник Московского университета. 1998. № 4. С. 48.

Герцеговины[1223]. Заявление дипломата Медяков рассматривает как выражение старых австрийских претензий на господство в западной части Балкан. Но, по словам историка, планы раздела османского наследства с Россией являлись лишь «подстраховкой на случай неудачи более предпочтительного эволюционного решения восточного вопроса»[1224]. Ригер предугадал переориентацию внешней политики Вены на Балканы – но лишь с 1871 г.

В Национальной партии не брали в расчет, что император и его окружение всегда цеплялись за абсолютизм и германскую идентичность своего государства. И отказ от этих ценностей совершенно шел бы вразрез с историей монархии. Однако идею «немецкости» своего государства Франц Иосиф I мог сохранить и в новых обстоятельствах.

Австро-прусская война повлияла на международную жизнь в более широком контексте, в том числе на балканском направлении.

После битвы у Садовой российский император и его министр иностранных дел выражали сочувствие Австрийской империи. Одновременно они опасались нарушения европейского равновесия из-за господства Пруссии в Германии и австрийской экспансии на Балканы. Менявшаяся ситуация вынуждала Россию не отдаляться от Пруссии, несмотря на свое стремление «европеизировать» конфликт[1225]. Но идея о конгрессе европейских держав не была поддержана Лондоном и Парижем. Пруссия фактически тоже отвергла этот проект[1226].

[1223] *Там же.* С. 50. В Вене считали, что обладание Далмацией могло быть обеспечено со стратегической точки зрения только в случае присоединения Боснии и Герцеговины. Кроме этого, захват этой области Сербией привел бы к образованию крупного югославянского государства, которое бы граничило с землями югославян Дунайской империи на всем их протяжении. *Медяков А.С.* Проблема Боснии и Герцеговины во внешней политике монархии Габсбургов в первые годы дуализма 1867–1871 гг. // Российско-австрийский альманах: исторические и культурные параллели. Вып. IV. СПб., 2011. С. 265–266.

[1224] *Медяков А.С.* Австро-Венгрия и балканский кризис… С. 51.

[1225] Показательна в этой связи реакция Александра II на битву у Садовой. С одной стороны, император отправил прусскому королю поздравительную телеграмму. С другой стороны, в ней он «тактично советовал проявить умеренность при заключении мира», одновременно заявляя о желании видеть Пруссию сильной державой. *Айрапетов О.Р.* Указ. соч. С. 211.

[1226] *Медяков А.С.* «Моральный барьер прусским насилиям»… С. 95–97.

В августе 1866 г. между Берлином и Санкт-Петербургом шли переговоры о новых реалиях в Германии и компенсациях, которые требовала Россия за нарушение европейского равновесия. Бисмарк выразил готовность помогать восточному соседу в пересмотре Парижского трактата 1856 г. После Пражского мира Горчаков писал российскому посланнику в Берлине П.П. Убри, что «серьезная и интимная антанта с Пруссией есть лучшая комбинация, если не единственная»[1227]. Монархия Габсбургов как потенциальный партнер теряла значение[1228].

Примерно в это же время Наполеон III пытался выяснить, насколько возможна выработка общей с Россией позиции по поводу германского вопроса. Однако это зондирование почвы вызвало в Санкт-Петербурге недоверие, поскольку на берегах Сены по-прежнему не собирались говорить об отмене статей Парижского мира[1229].

12 августа 1866 г. Александр II отправил Вильгельму I письмо, в котором заверил его, что Российская империя не будет поддерживать противников Берлина. А когда Берлин впервые попытался уточнить точку зрения Петербурга по поводу будущего столкновения с Францией, князь Горчаков не выразил протеста[1230]. Хотя российско-прусское сближение стало куда более видимым в сравнении с 1863–1864 гг., «на дальнейший процесс германского объединения под эгидой Пруссии в России смотрели ничуть не более доброжелательно, чем на его начало»[1231].

Поражения Вены в войне 1866 г. и Критский кризис, начавшийся в августе того же года, создавали для Сербии, по мнению князя Михаила Обреновича и премьер-министра Илии Гарашанина, благоприятную обстановку для активизации действий на Балканах. С одной стороны, речь шла о создании под эгидой Сербии Балканского союза,

---

[1227] *Там же.* С. 97–98.
[1228] Впрочем, в это время Горчаков развивал идею о союзе южнонемецких государств во главе с Дунайской империей как противовесе Северогерманскому союзу. *Там же.* С. 98.
[1229] Вдобавок в российском МИД учитывали возможное сближения Франции и монархии Габсбургов, что тоже подталкивало к дальнейшему сближению с Пруссией. *Айрапетов О.Р.* Указ. соч. С. 213 .
[1230] *Там же.* С. 214.
[1231] *Медяков А.С.* «Моральный барьер прусским насилиям»… С. 98.

с другой – об ее экспансии в регионе. Упомянутое объединение должно было помочь южным славянам освободиться от Османской империи, при этом избежав между собой территориальных споров[1232]. В сентябре-октябре 1866 г. был заключен союз с Черногорией. В соглашении шла речь не только о совместной борьбе против султана, но и о вхождении Черногории в состав Сербии. В августе 1867 г. Белград подписал союзный договор с Грецией, в котором шла речь также о притязаниях Сербии на Боснию и Герцеговину. Затем было достигнуто соглашение о дружбе с Румынией[1233].

Особый интерес представляют переговоры с хорватами. После австро-прусской войны народнякам и правительству Сербии стало ясно, что в монархии Габсбургов неминуемы радикальные перемены. Не исключался даже ее распад. На этом фоне проект единого югославянского государства приобретал видимые очертания[1234]. Еще в июне 1866 г. начались переговоры между Гарашаниным и Штросмайером. Однако они стали действительно продуктивны, когда окончательно оформилась перспектива дуализма. В сентябре 1866 г., спустя два месяца после совещания австрофедералистов в Вене, Штросмайер сообщил в Белград о готовности сотрудничать ради создания единого югославянского государства[1235]. Таким образом, в сентябре-октябре 1866 г. и Ригер, и хорватский епископ были озабочены судьбой югославян. Однако они выдвигали разные и, можно сказать, конкурирующие проекты по их консолидации.

Итак, австро-прусская война как внешнеполитический фактор сыграла колоссальную роль в деятельности Национальной партии. Она (вкупе с австро-прусско-датским конфликтом) подтолкнула вновь обратиться к проблемам внешней политики Габсбургской монархии, формулированию ее чешского видения. Если ранее старочехи устанавливали контакты с Россией, вели пропаганду чешского вопроса во Франции, реагировали на

[1232] *Карасев А.В.* Югославянская идея во внешнеполитических планах И. Гарашанина // Славянский альманах. 2000. С. 122–123.
[1233] *Там же.* С. 123–126.
[1234] *Там же.* С. 126.
[1235] *Там же.*

международные события и новости, то теперь они кулуарно и публично рассуждали о новых приоритетах на международной арене, стремились заполнить ценностный вакуум, который, как они считали, мог возникнуть для Вены после поражения. Разумеется, в отходе Дунайской монархии от «немецкой политики» они видели шаг на пути к реализации австрославистских принципов во внутренней политике.

Неожиданное и тревожное развитие войны подталкивало младочехов к взорам на Францию и Россию как гарантов дальнейшего существования чешской нации, чего ранее не наблюдалось. При этом политика Наполеона III накануне войны препятствовала развитию франкофильства у чехов. Также важно обращение Ригера к югославянским сюжетам при размышлении о новой внешнеполитической линии Габсбургской монархии.

В целом, несмотря на большие ожидание перед войной, во время и после нее, для Национальной партии она имела положительное значение только в одном аспекте – разрыве государственно-правовой связи между Австрийской империей и Германским союзом. Этого они желали еще с 1848 г. ради «спасения» чешских земель. Но в остальном конфликт с Пруссией стал событием, которое лишь ускорило воплощение в жизнь худших опасений пражских политиков.

3.3. Движение к дуализму. Речь Ф.Л. Ригера на богемском сейме в апреле 1867 г. как манифест австрийской внешней политики

Осенью 1866 г. в австрийской политике появился новый игрок. Это был барон Фридрих Фердинанд фон Бойст (1809–1886 гг.). 30 октября император назначил его на должность министра иностранных дел. В 1859–1866 гг. он занимал аналогичную должность в Саксонии[1236]. Бойст был интеллигентным, образованным, энергичным, при этом честолюбивым и самоуверенным

[1236] С 1858 г. он совмещал этот пост с должностью премьер-министра.

политиком. Изначально слыл либералом и конституционалистом[1237]. К моменту своего переезда в Вену он был одним из самых авторитетных политиков Германского союза[1238].

Бойст имел дружественные контакты с Наполеоном III. Был он лично знаком и с Бисмарком, который относился к нему с большой неприязнью. Так, одним из условий при заключении мира Пруссии с Саксонией, которая в 1866 г. воевала на стороне Австрии, стало увольнение Бойста с государственной службы. Что и было сделано. Однако вскоре Франц Иосиф I предложил ему высокий пост в своей стране (причем без консультаций с Белькреди)[1239].

Назначение Бойста в монархии Габсбургов было воспринято в основном с недоверием и некоторым скепсисом. Между тем новоиспеченный министр очень быстро завоевал симпатии императора и стал его доверенным лицом. Это обеспечило ему мощное влияние при дворе и в правительстве. Будучи министром иностранных дел, он активно включился во внутреннюю политику.

Франц Иосиф I, утвердив Бойста в новой должности, поставил перед министром две задачи. Во-первых, было необходимо укрепить положение Австрийской империи как великой державы. Для этого предстояло не допустить сближения Южной Германии с Северной. Вторая задача заключалась в достижении внутреннего мира[1240]. В понимании сановника обе задачи были переплетены друг с другом, а связующим звеном являлся дуализм. «В предпочтении, отданном Бойстом дуалистическому решению кризиса перед федералистическим <…>, особенно четко проявляется взаимосвязь между национальным вопросом внутри Австрии и ее международным положением “между двух национализмов” – немецким и

[1237] *Borovička M. et al.* Velké dějiny… S. 155-156.
[1238] *Медяков А.С.* Между Востоком и Западом… С. 32.
[1239] *Borovička M. et al.* Velké dějiny… S. 156.
[1240] *Медяков А.С.* Между Востоком и Западом… С. 32.

“славянским”»[1241]. Ему представлялось важным сотрудничество между австронемецким и венгерским элементами монархии для отпора мнимому панславизму. Также он считал нужным удовлетворить притязания австрийских немцев, чтобы ограничить их стремление участвовать в объединении Германии. Одновременно предполагалось не дать Пруссии шанса воспользоваться этими настроениями[1242]. Создав такой барьер для Берлина, Бойст рассчитывал создать из Венгрии аналогичный заслон для России[1243]. Таким образом, как показывает А.С. Медяков, между дуалистическим внутренним устройством и актуальными внешнеполитическими задачами Дунайской империи существовала прямая взаимосвязь. Более того, по его мнению, именно они, а не внутренние потребности стали последним толчком к Аусгляйху[1244].

Постепенно министр иностранных дел начал перехватывать инициативу у премьер-министра. Бойст предлагал для легитимации соглашения между австрийскими немцами и венграми в скором времени созвать «узкий» рейхсрат[1245]. Это противоречило Февральскому патенту, т.к. соглашение касалось интересов обеих половин империи. Министр иностранных дел допустил, что это решение неидеально и натолкнется на сопротивление австрийских славян. Но с другой стороны, подчеркивал он, ни одно правительство не будет эффективным внутриполитически, если попытается удовлетворить требования одновременно всех народов[1246].

Граф Белькреди был против такого механизма. Однако император склонялся в пользу предложений Бойста, и поэтому премьер-министр подал в отставку. На посту его сменил барон, который одновременно оставался

[1241] *Там же.* С. 41.
[1242] В своем докладе от 27 января 1867 г. австрийскому императору Бойст писал: «Можно предположить, что славянские части монархии могут быть так же легко притянуты к России, как немецкие провинции к Германии, но в любом случае ясно также, что в решающий момент довольные немцы лучше подчинят себе недовольных славян, чем наоборот». Цит. по: *Там же.* С. 42.
[1243] *Там же.*
[1244] *Там же.* С. 42–43.
[1245] *Borovička M. et al.* Velké dějiny… S. 159.
[1246] *Ibid.*

главой МИД. На его плечи ложилась задача реализовать австро-венгерское Соглашение[1247].

18 февраля 1867 г. Государственным собранием Венгрии был заслушан королевский рескрипт. Он признавал правовой континуитет венгерского государства. Формировалось венгерское правительство. Его главой стал Андраши. Документ чуть позже получил форму закона[1248]. Дуализм приобретал все более реальные черты.

На рубеже 1866 и 1867 гг. Ригер через Белькреди и Клам-Мартиница узнал об истинном положении дел. В этой связи он решил провести консультации со своими союзниками – и прежде всего с поляками. Члены Национальной партии также совещались в том числе с остатками галицийских федералистов Их представлял Леон Збышевский, посланный в Прагу Адамом Йозефом Потоцким. Встреча показала, что поляки в целом солидарны с чехами, но не хотят открытого антиправительственного выступления. Кроме того, они опасались Бойста, предполагая, что тот случае конфликта пойдет на все ради победы (вплоть до разжигания социальной ненависти к шляхте)[1249]. Это течение польских политиков не хотело, чтобы при возможном участии в «узком» рейхсрате они остались наедине с австронемецкими силами. В целом Збышевский призывал чехов не игнорировать узкий рейхсрат, хотя целью его сессии было утверждение перехода к дуализму[1250]. В итоге консультации закончились ничем, а львовский сейм проголосовал в пользу выборов в рейхсрат[1251].

[1247] *Ibid.*
[1248] *Ibid.* S. 158–159.
[1249] *Rieger B.* Z vlastních pamětí Fr. Lad. Riegra… S. 397.
[1250] На позицию галицийских федералистов влияло их стремление сохранить свою индивидуальность, государственность на фоне русификаторской политики в Царстве Польском. Это стремление вынуждало их «отдать себя в руки правительства на его милость или немилость». Таким образом, поляки колебались и не знали, на что точно решиться. Это отметил в своих воспоминаниях сам Ригер. *Ibid.*
[1251] Любопытны сведения, которые передал Ригеру Потоцкий. Так, Бойст через свое доверенное лицо барона Леопольда Фридриха Хоффмана пытался склонить польских федералистов на сторону правительства. Премьер-министр соблазнял их предоставлением особой автономии для Галиции в составе дуалистической монархии. Взамен Бойст просил не только согласиться на участие в выборах в рейхсрат, но и прекратить контакты с чешскими федералистами. *Ibid.* S. 401.

2 января 1867 г. император издал патент, по которому все сеймы распускались и назначались новые выборы. Главной темой для обсуждения на заседаниях вновь сформированных ландтагов должны были стать выборы в чрезвычайный рейхсрат. Предполагалось, что на его заседаниях будет принят новый основной закон в духе дуализма. Таким образом, местные сеймы лишались права прямого волеизъявления по поводу дуализма[1252].

Перед началом сессии богемского ландтага в течение января вновь проходили многочисленные консультации старочехов с богемской аристократией и ближайшим окружением. В те же январские дни в Прагу прибыли А. Потоцкий и С. Тарновский[1253]. Одним из наиболее крупных стало совещание в Вене 15 января. В нем участвовали 23 политика из Богемии, Моравии, Галиции, Словении, Штирии и Тироля. Примечательно, что на совещании отсутствовали хорваты и присутствовали словенцы[1254]. Широкая репрезентация демонстрировала масштаб инициативы, предпринятой Национальной партией. Однако она вела и к слишком большой разнице во мнениях. Сошлись только на одном. Политики договорились вступить в рейхсрат лишь при условии его совещательного характера, а его решения следовало непременно утверждать местным сеймам[1255].

Между тем в галицийском сейме победила партия соглашения с центром. Подавляющим большинством голосов ландтаг высказался за участие в работе учредительного узкого рейхсрата. Это в очередной раз ознаменовало крах попыток по созданию чешско-польского блока федералистов на высоком уровне[1256].

Причины, по которым шляхта пошла на компромисс, оставались те же: стремление к лояльности ради сохранения и усиления своей государственности в монархии, а также страх перед Россией и панславизмом.

[1252] *Rieger B.* Z vlastních pamětí Fr. Lad.Riegra… S. 398–399.
[1253] *Ibid.* S. 401.
[1254] *Sak R.* Op. cit. S. 170. Народняки, по всей видимости, не приехали в связи с обострением борьбы с унионистами, а также из-за давления правительства.
[1255] *Ibid.*
[1256] *Ibid.* S. 170.

Вдобавок поляки считали, что их соглашение с Веной будет способствовать становлению внутреннего мира в империи. Это стало бы залогом спасения государства от распада и укрепления ее сил перед лицом Санкт-Петербурга[1257].

Впрочем, в историографии справедливо выделяется еще ряд факторов. Во-первых, у галицийской шляхты еще были свежи воспоминания от неудачного восстания в Царстве Польском 1863–1864 гг. К новому затяжному противостоянию польского народа она готова не была. Поэтому политическое преобладание в сейме получили сторонники «органического труда», стремившиеся к достижению конкретных целей в рамках политической лояльности. Во-вторых, радикализм поляков сдерживали их противоречия с русинами в львовском сейме и угроза административного разделения Галиции по этническому признаку. Также бесполезность открытого противостояния продемонстрировал роспуск богемского и моравского сеймов[1258]. Наконец, аристократия опасалась, что Голуховского, который со своим весом, опытом и связями успешно доносил до имперского центра интересы и озабоченности шляхты, в случае «фронды» могут снять с поста наместника[1259].

В Хорватии события проходили более драматично. В учредительный рейхсрат от восточной половины монархии представители изначально не посылались. Народняки, крайне оппозиционные к центру монархии, одобряли сам факт переговоров между венграми и двором. Приветствовали они и создание венгерского правительства, ответственного перед местным парламентом. При этом они выступали за федеративное устройство обеих половин империи[1260]. По нашему мнению, трансформация идеи федерализма у народняков даже несколько предвосхитила концепцию Фундаментальных статей 1871 г.

[1257] *Фалькович С.М.* Отношение польского национального движения к Австрийской империи… С. 140.
[1258] *Миллер А.И.* Галиция в системе австро-венгерского дуализма // Австро-Венгрия: опыт многонационального государства. Отв. ред. Т.М. Исламов, А.И. Миллер. М., 1995. С. 64.
[1259] *Кретов В.А.* Указ. соч. С. 2048–2049.
[1260] *Фрейдзон В.И.* История Хорватии… С. 148.

Императору требовалось, чтобы хорватский сабор послал своих представителей в Государственное собрание для выработки коронационной присяги. Однако сабор отказался это сделать. Он настаивал на необходимости объединения всех хорватских земель, а также переговоров непосредственно между ним и императором. Сабор был распущен[1261].

Перед Францем Иосифом I стояла задача усмирить народняков. Он лично потребовал от Штросмайера самоустраниться от участия в заседании сабора в мае 1867 г. Епископ подчинился и уехал в Париж[1262]. Газета Pozor по распоряжению властей была закрыта, ее редактор арестован. Затем правительство издало новый избирательный закон, покровительствовавший унионистам. В итоге на выборах в конце 1867 г. народняки смогли взять только 14 мест. В 1868 г. победившие унионисты настойчиво двигались к Венгеро-хорватскому соглашению[1263].

Из сказанного можно сделать вывод, что автономисты в своих родных землях не влияли ключевым образом на повестку дня. Их отказ участвовать в выборах в «узкий» рейхсрат не мог иметь далеко идущих внутриполитических последствий.

Итак, чехи остались в изоляции со своей тактикой пассивного сопротивления, ибо поляки уже активно обсуждали идею автономии Галиции[1264]. В целом новая попытка Национальной партии наладить тесное взаимодействие с ними потерпела неудачу. Очень красноречиво выразился позднее в 1869 г. Карел Сладковский: «Правительство наконец-то радуется, что даже наш союз с поляками, словенцами и венгерскими словаками нам не поможет. В этом отношении мы ему скажем, как надлежит: “Мы на этих своих братьев не надеемся”. Почему? Потому что они не живут в чешских

[1261] *Там же.*

[1262] Поездка Штросмайера на Всемирную выставку в Париже пролегала через Прагу, куда он приехал из Вены в сопровождении Скрейшовского ночью 3 мая 1867 г. Ему там был оказан очень теплый прием. *Šesták M.* Češi a Jihoslovane v habsburské monarchii v letech 1850–1890 // *Žáček V. a kol.* Češi a Jihoslované v minulosti... S. 423.

[1263] *Фрейдзон В.И.* История Хорватии… С. 149-150.

[1264] *Tobolka Z.* Op. cit. S. 136.

землях, имея разные интересы, которые, конечно, во многом сочетаются с нашими, но и во многом не совпадают»[1265].

Февраль-март 1867 г. стал временем претворения в жизнь австро-венгерского Аусгляйха. В феврале венгры сформировали собственное правительство, а Франц Иосиф I назначил его главой Д. Андраши. В следующем месяце этот кабинет принял четыре закона, которые оформили новый статус Венгерского королевства в составе складывающегося дуалистического государства[1266].

По данным А. Срба, в условиях кризиса младочехи 31 марта предложили провести собственную акцию. По их замыслу, богемские и моравские депутаты двух ландтагов составили бы открытый адрес для правительства Франции и ее общественных кругов. Документ должен был содержать призыв к Парижу как к защитнику малых народов и сопернику Пруссии не допустить поглощения чешской нации немецкой в результате дуализма. Реализации этого адреса помешали события, связанные с заседанием богемского ландтага в апреле 1867 г.[1267] Ранее в том же месяце Ю. Грегр размышлял о пропаганде чешского взгляда на национально-политическую ситуацию в австрийской части монархии в письме Й.В. Фричу: «Вам нужно почаще публиковать статьи в журналах и обратить внимание французского общества на то, что весь этот наш конституционный конфликт является, собственно говоря, борьбой немецкого народа со славянскими народами. Предупредите, что в случае нашего поражения в Цислейтании немецкий элемент сильно укрепится в Центральной Европе и поглотит Богемию, Моравию и Силезию»[1268]. Эти факты можно трактовать как продолжение профранцузской линии младочехов, которая началась еще в

[1265] *Sladkovský K.* Pozor, vláda mluví! // Národní listy. 17.08.1869. S. 1.

[1266] *Хаванова О.В.* Партийно-политический спектр Венгерского королевства // Политические партии и общественные движения в монархии Габсбургов… С. 121–122.

[1267] *Ibid.*

[1268] Цит. по: *Павленко О.В.* Славянский фактор в идеологии и внешней политике Российской империи и монархии Габсбургов… С. 272. Письмо датируется 13 марта 1867.

июле 1866 г. Чем опаснее им казалось внутри- и внешнеполитическая ситуация для монархии, тем они больше смотрели в сторону Парижа.

В этом ключе очень показательны рассуждения Э. Грегра по поводу поиска внешнеполитических союзников. В своем дневнике он написал: «Мы слишком слабы для того, чтобы могли одолеть победоносного и мощного соседа (т.е. Пруссию – *И.К.)*, мы лишь зависим от случайных комбинаций других государств <…> России или Франции нет особого дела, станем ли мы прусскими землями, от этого нас не сбережет ни Австрия, ни мы сами. Единственная надежда, что ни Франция, ни Россия ради своего собственного процветания не допустят, чтобы Германия еще больше усилилась за счет частей Австрии и особенно Богемией, потому что потом народ немецкий стал бы для обеих опасным»[1269]. Примечательно, что Россия в записях Грегра уже не представлена в негативном контексте. К весне 1867 г. российский и французский вектор уже содержались не только в деятельности Ригера, но и четко оформились в рассуждениях одного из младочешских лидеров.

Богемский сейм в новом составе был созван 6 апреля 1867 г. В результате правительственных манипуляций Партия консервативного велькостатка потеряла значительное количество мест в сейме. На заседаниях теперь не присутствовал даже Клам-Мартиниц[1270]. Большинство в сейме составили богемские немцы и дворяне-конституционалисты.

Ввиду перечисленных обстоятельств Ригер собрал совещание ведущих деятелей Национальной партии, на котором присутствовали и младочехи. Было предложено распространить тактику пассивной оппозиции не только на рейхсрат, но и на чешский сейм. Этой меры следовало придерживаться до тех пор, пока правительство не выполнит требований Национальной партии.

Младочехи внесли свои коррективы в план Ригера: депутаты Национальной партии должны были покинуть заседание сейма, но без сдачи своих мандатов. Затем через некоторое время им предстояло собраться и

[1269] *Grégr E.* Deník… S. 131–132.
[1270] *Sak R.* Op. cit. S. 171.

решить, будут ли они и дальше игнорировать заседания сейма или благодаря своим мандатам вернутся в сейм.

Перед заседанием ландтага Ригер не только договаривался с чешскими депутатами об их демонстративном уходе из сейма, но и принимал дополнительные меры. 11 апреля К.Я. Эрбен сообщил М.Ф. Раевскому[1271], что чешские политики принимают приглашение посетить Этнографическую выставку[1272]. Показательно, что до этого в Россию собирался ехать лишь небольшой круг интеллектуалов из Праги (сугубо в познавательных целях)[1273].

13 апреля 1867 г. в богемском ландтаге предстояло провести выборы в узкий рейхсрат. Уже заранее было ясно, что депутатам от Национальной партии не удастся повлиять на исход заседания. Поэтому ее лидер использовал трибуну сейма как возможность вновь заявить о своих взглядах на политическую ситуацию, основанных на историческом праве и идее австрофедерализма. Отсюда неудивительно, что в историографии данное событие, как правило, встраивают сугубо во внутриполитическую жизнь Дунайской империи. Оно трактуется как яркое проявление несогласия с дуализацией Габсбургской монархии, репрезентация идеологии партии и сигнал к распространению тактики пассивной оппозиции на богемский ландтаг[1274]. Однако речь Ригера содержала мотивацию будущих зарубежных акций чехов, а также говорила об их видении внешней политики Габсбургской монархии, ее места в Европе.

Свое выступление политик начал в духе концепции Ф. Палацкого, рассуждая о двух угрозах для австрийских народов. В победе Берлина в австро-прусской войне Ригер увидел рождение Германской империи. Он

[1271] Раевский был одним из вдохновителей и организаторов Славянской этнографической выставки в Москве в 1867 г. Именно он занимался приглашением делегаций австрийских славян.
[1272] *Лебедева О.В.* Указ. соч. С. 132.
[1273] *Павленко О.В.* Славянский фактор в идеологии и внешней политике Российской империи и монархии Габсбургов… С. 271.
[1274] См., например: *Tobolka Z.* Op. cit. S. 142–143; *Urban O.* Česká společnost... S. 221; *Borovička M. et al.* Velké dějiny... S. 163–164; Краткая история Чехословакии: с древнейших времен до наших дней. Отв. ред. А.Х. Клеванский, В.В. Марьина, И.И. Поп. М., 1988. С. 211.

весьма опасался, что новая держава будет агрессивной и воинственной[1275]. Этот тезис не раз звучал из уст чешских политиков ранее. Он диктовался, можно сказать, их экзистенциальным страхом перед германизацией.

Также угрозой называлась Россия[1276]. Но отношение Ригера к ней все-таки было двойственным. Напомним, что после «весны народов» в чешской политике вновь обратились к образу России как защитнице славян. Известно, что 1860-е гг. Ригер не раз контактировал с российским представителем в Вене В.П. Балабиным. А 11 апреля чешские политики уведомили российскую сторону, что приедут на Этнографическую выставку. Таким образом, риторика Ригера не соответствовала его действиям. Думается, его выступление предназначалось для «внутренней аудитории». Важно было убедить ее, что применительно к Австрийской империи лишь проект федерализации имеет перспективы. Вдобавок вряд ли, по нашему мнению, сторонников дуализма – австрийских немцев и мадьяр – можно было напугать опасностью со стороны Пруссии. Для первых она была страной, которую населяют этнические родственники. Для вторых – соседом, который не стремится каким-либо образом навредить венгерской государственности. Поэтому Россия в данном контексте было необходима оратору как пример более «релевантной» угрозы.

Выступая, Ригер также процитировал статью о Палацком французского ученого и публициста С.-Р. Тайандье (1855 г.). По мнению этого автора, всякая линия имперского центра в ущерб чехам ведет к «пропаганде русского духа». И поэтому Австрийской империи нужно не просто сближаться с западными державами, но и лучше относиться к славянам. И если бы Вена окончательно выбрала «античешский» курс, а Россия в этот момент выступила бы «освободителем» чехов, то они «соединились бы с сынами Рюрика»[1277]. В приведенной цитате образ России

[1275] Řeči Dra. Frant. Ladisl. Riegra a jeho jednání v zákonodárných sborech. Díl IV... S. 222–223.
[1276] *Ibid.* S. 225.
[1277] *Ibid.* S. 241–242; *Taillandier S.-R.* L'histoire et l'historien de la Bohème. Franz Palacky // Revue des Deux Mondes. T. 10. № 2 (15 avril 1855). P. 387.

уже другой: ее действия могут стать альтернативой для чехов, даже если шаги Санкт-Петербурга будут агрессивны. Этот выпад Ригера вполне закономерен: подобную радикальную риторику и он, и Ф. Палацкий уже использовали, пытаясь надавить на Вену. Оба апеллировали к панславизму (хотя сами панславистами никогда не являлись). Слова Тайандье имели схожий посыл, а мнение солидного автора-иностранца добавляло цитате, озвученной Ригером, дополнительный вес.

Отсылка оратора именно к французскому материалу, очевидно, тоже не была случайна. Тайандье, как уже разбиралось ранее, дружил с Палацким, много интересовался славянским вопросом и писал статьи на чешскую тематику, комплиментарные для пражских национальных политиков. Ригеру, исходя из его замыслов в отношении Франции, было крайне важно, чтобы в парижской печати появлялись материалы о чехах. Тем более почти сразу после выступления Ригер и Палацкий поедут в столицу Второй империи, где встретятся с Тайандье. Таким образом, в пассажах Ригера можно найти не только тему России, но и явные мотивы чешского франкофильства.

В своей речи старочех критиковал неудачную, по его мнению, внешнюю политику Вены, допустившую появление на Балканах новых игроков (Великобритании и Франции) и усиление прежних (России и Италии). На их фоне влияние Габсбургской монархии в регионе серьезно ослабло[1278]. Для Ригера это являлось следствием антиславянской внутренней политики. Он считал, что среди южных славян Австрийская империя имеет исторически хорошую репутацию благодаря борьбе с османами. С помощью этого ореола и «старых заслуг», связанных с прошлым южных славян, Вена могла бы «обеспечить и их будущее»[1279]. Однако момент, считал он, скорее всего, упущен из-за усиления Сербского княжества, которое недавно получило в распоряжение все крепости на своей территории[1280]. Теперь оно

[1278] Řeči Dra. Frant. Ladisl. Riegra a jeho jednání v zákonodárných sborech. Díl IV... S. 226.
[1279] *Ibid.*
[1280] В феврале-апреле 1867 г. по договоренности между Михалом Обреновичем и Блистательной Портой османские гарнизоны покинули все крепости на территории Сербии.

претендует на Боснию и Герцеговину. Оратор опасался, что скоро на границах с монархией Габсбургов появится восстановленное Сербское царство.

Что в действительности происходило в тот момент на Балканах? Ф. Бойсту было важно поддерживать спокойствие в этом регионе, поскольку приоритетным направлением были для него германские дела. Кроме этого, Критское восстание привело к обострению восточного вопроса. Оно возобновило опасения распада Османской империи, последствия которого задели бы и монархию Габсбургов. Бойст объявил «новую эру» в австрийской восточной политике. Смысл ее сводился к попыткам снизить остроту регионального кризиса ценой мелких уступок балканским народам с расчетом на «встречные услуги»[1281]. В частности, именно Австрийская империя надавила на Стамбул, чтобы султан согласился передать оставшиеся в его руках сербские крепости местному князю[1282]. Об этом событии упоминал в своей речи Ригер, и, возможно, факт дипломатической помощи Белграду вызывал у него большое недовольство. Видимо, сама по себе идея мелких уступок в регионе была для него неприемлема.

Впрочем, уже с весны 1867 г. Габсбургская империя вернулась к традиционной политике сохранения статус-кво на Балканах и противодействию России на полуострове[1283]. Но в любом случае курс Вены в регионе носил скорее оборонительный характер. И это понятно: Бойст видел основным направлением внешней политики Германию, а Ригер – Балканы.

Старочех во многом был прав. Сербское княжество старалось усилить свои позиции в тот период. Белград активизировал пропаганду в сопредельных территориях, рассчитывая, что с выступлением Балканского союза против Османской империи подконтрольные восстания сразу

[1281] *Медяков А.С.* Австро-Венгрия и балканский кризис… С. 48–49, 51.
[1282] *Карасев А.В.* Указ. соч. С. 128.
[1283] *Медяков А.С.* «Призрак славизма». О функциональности образа России во внешней политике монархии Габсбургов первых лет дуализма // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2025. Т. 16. Выпуск 10 (156). URL: https://history.jes.su/s207987840037065-0-1/ DOI:10.18254/S207987840037065-0 Дата обращения: 1.12.2025.

вспыхнут в Косово, Албании, а также в Боснии и Герцеговине[1284]. В марте 1867 г. сербская и хорватская стороны пришли к негласному соглашению. Главной его целью провозглашалась общая борьба с Османской империей и создание южнославянского государства. В качестве первейшей задачи выдвигалось освобождение Боснии и Герцеговины и ее присоединение к Сербии[1285]. В апреле 1867 г. хорватский политик Мразович заявил в Белграде Гарашанину, что в случае восстания в Боснии, которое планировалось княжеством, хорваты готовы выйти из состава Габсбургской монархии и присоединиться к Сербии[1286]. Таким образом, опасения Ригера не были беспочвенными. Австрийское правительство было в курсе планов Белграда о восстании в Боснии с февраля 1867 г. и усилило свои войска на южных рубежах. Армия получила приказ вторгнуться в Боснию, если такой же шаг последует от Сербии[1287].

Для Ригера было важно, чтобы Габсбургская монархия во внешней политике учитывала славянский аспект. Его интерес к Балканам объясним не только поражением Вены в австро-прусской войне. Ценности славянской взаимности, вернувшиеся в чешскую политику, могли соседствовать с элементами экспансии. Как и венгры, лидер Национальной партии считал, что теперь наступательная внешняя политика должна проводиться именно на Востоке. Для Ригера «балканская тема» была очень важна.

Итак, его речь 13 апреля 1867 г. имеет большое значение по многим пунктам. Изначально она должна была выразить протест против дуализации монархии и защитить проект федерации. Однако в ней можно увидеть элементы франкофильства и стремление сделать приоритетным балканское направление австрийской внешней политики. Она отображает сложное отношение к империи Романовых. В одном выступлении прослеживаются три образа этой страны: Россия как угроза малым народам Центральной

[1284] *Карасев А.В.* Указ. соч. С. 127.
[1285] *Там же.*
[1286] *Там же*. С. 128.
[1287] *Медяков А.С.* Проблема Боснии и Герцеговины… С. 268.

Европы, Россия как радикальная альтернатива для чехов на фоне негативной внутренней политики Вены, Россия как соперница Габсбургской монархии на Балканах. И все они соседствовали между собой, не будучи приведенными к общему знаменателю. Кроме этого, Ригер представил свой образ идеальной Австрии: это федерация, которая проводит славянскую внутреннюю и внешнюю политику. Разнообразие идей, высказанных в выступлении, их связь как с более ранними акциями чешских политиков, так и будущими позволяет рассматривать речь как своего рода манифест. Она демонстрировала амбиции чешского национального движения, стремление его участников придать ему международный характер и включить в европейский контекст.

Все призывы старочеха к богемским немцам к политическому согласию и консолидации в рамках одной малой родины закончились ничем. Ландтаг проголосовал за участие в работе рейхсрата. Через некоторое время Ригер подал письменный протест против решений сейма, которые, по его мнению, противоречили положению о земском устройстве. Далее последовали его слова: «Мы лишь заявляем славному сейму, что не можем дальше принимать участие в антиконституционном и незаконном обсуждении <…>, что мы хотим всегда и во всем <…> держаться права и закона. С этим мы заявляем: слава родине, слава нашему королю»[1288]. После этого национально ориентированные депутаты во главе с Ригером покинули зал заседания сейма. Демарш Ригера был направлен против курса правительства. Любопытно, что при этом он носил ярко австрофильский характер, демонстрировал лояльность императору, с ведома которого и началось движение к дуализму.

Поведение чехов на внутриполитической арене весьма не одобрялось российским представительством в Вене. Посланник Э.Г. Штакельберг писал в Санкт-Петербург, что, несмотря на игнорирование чешских историко-правовых требований, правительство предоставляет им «очень широкую

[1288] Řeči Dra. Frant. Ladisl. Riegra a jeho jednání v zákonodárných sborech. Díl IV... S. 242.

местную автономию»[1289]. И если они хотят улучшить свое положение, то «им следует отказаться от криков, скандальных сцен, попыток запугивания и, прежде всего, от союза с ретроградной группой магнатов, который делает их непопулярными в еще большей степени <…>»[1290]. Таким образом, российскому посольству были чужды не только мотивы чешских политиков, но и их тактика.

Что касается французского посольства, то пока неизвестно, была ли какая-либо реакция на демарш Национальной партии. Можно лишь утверждать, что в марте-апреле 1867 г. дипломаты следили за общей деятельностью богемского ландтага[1291].

Ригер не смог вывести австрофедерализм на уровень программы переустройства Австрийской империи. Политические условия не благоприятствовали реализации замыслов Национальной партии. Пассивная оппозиции пока не приносила позитивных результатов – она лишь отдалила чешских политиков от общеимперских дел. Это обстоятельство усугублялось эгоистичной линией шляхты, к голосу которой могла бы прислушаться Вена. Ригеру не удалось приобрести весомых союзников в верхних эшелонах политической элиты страны. Безусловно, огромную роль сыграли и независящие от него внешние обстоятельства. Поражение Габсбургов в австро-прусской войне стало мощным толчком к дуализму. Франц Иосиф I, одержимый идеей реванша, укреплением пошатнувшегося международного положения и одновременно поиском быстрого и эффективного соглашения с венграми, счел дуализм походящей мерой для выполнения этих задач. Для самих немцев и венгров соглашение действительно носило компромиссный характер. Первые отказывались от гегемонии на всей территории монархии. Вторые же – от требования полной независимости[1292].

[1289] Stackelberg à Gortchacow, 6/18 avril 1867 // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. Д. 163. Л. 340 (об.).
[1290] *Там же.*
[1291] Le Duc de Gramont, Ambassadeur à Vienne, au Marquis de Moustier, 19 mars 1867 // Les origines diplomatiques de la guerre de 1870–1871: recueil de documents. T. 15. 4 mars 1867 – 13 avril 1867. Paris, 1924. P. 116; Le Comte de Faverney, Chargé d'Affaires à Vienne, au Marquis de Moustier, 9 avril 1867 // *Ibid.* P. 349.
[1292] *Медяков А.С.* Между Востоком и Западом… С. 11, 41.

Руководство Национальной партии оказалось неспособным повлиять на политику австрийской элиты. Факт того, что оно к ней не принадлежало, тоже осложнял его деятельность и должен был привнести специфику в поиск зарубежных союзников. Ведь теперь Ф.Л. Ригер и Ф. Палацкий ставили задачу поднять чешский вопрос на международный уровень.

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

имени М. В. ЛОМОНОСОВА

ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

На правах рукописи

Ксенофонтов Игорь Алексеевич

Внешнеполитический фактор в деятельности чешской Национальной партии (1860–1871)

Специальность 5.6.2. – Всеобщая история

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание учёной степени

кандидата исторических наук

Том 2

Научный руководитель:

к. и. н., доц. З.С. Ненашева

Москва – 2026

Оглавление

Том 2

Глава 4. Изменение масштаба связей с французскими и российскими деятелями и его противоречивые результаты (апрель 1867 г. – июнь 1870 г.)....3

4.1. Ф.Л. Ригер и Ф. Палацкий во Франции в апреле-мае 1867 г.....3

4.2. Чешская делегация на Славянском съезде в России в мае-июне 1867 г.....14

4.3. Встречи в Праге с российскими и французскими представителями (май-июнь 1868 г.) 43

4.4. Поездка Ф.Л. Ригера в Париж в марте 1869 г. 63

4.5. Меморандум Ф.Л. Ригера Наполеону III. Аудиенция у французского императора ..69

4.6. Чехи и проект православного храма в Праге в начале 1870-х гг. 87

Глава 5. Кульминация и крах инициатив Национальной партии (июль 1870 г. – октябрь 1871 г.) 96

5.1. Франко-прусская война и ее влияние на действия Национальной партии 96

5.2. Чешско-французские политические контакты в ноябре-декабре 1870 г. «Промемория чешских либеральных политиков о внешней политике» 114

5.3. Акция А. Лефевра и начало переговоров о чешско-австрийском соглашении (февраль 1871 г.) 131

5.4. Отношение России, Франции и Германии к потенциальному компромиссу чехов с Веной 139

5.5. Фундаментальные статьи: их смысл и значение. Влияние внешнеполитического фактора на их провал 163

Заключение 194

Список использованных источников и литературы 208

Глава 4. Изменение масштаба связей с французскими и российскими деятелями и его противоречивые результаты (апрель 1867 г. – июнь 1870 г.)

4.1. Ф.Л. Ригер и Ф. Палацкий во Франции в апреле-мае 1867 г.

В поиске союзников на международной арене оба лидера Национальной партии предприняли поездки в две страны, в контактах с которой уже давно были заинтересованы. В мае-июне 1867 г. Ригер и Палацкий побывали во Франции и России. Страх перед дуализмом, опасение оказаться в «объятиях» Пруссии подтолкнули их к активным действиям за пределами своего отечества. Видимо, Палацкий считал угрозу для чешских земель настолько серьезной, что отошел от своей антипатии к Франции, имевшей место по крайней мере с 1860 г. Однако поиск союзника в лице Парижа осложнялся тем, что, в отличие от России, у чехов не было с ней многочисленных устойчивых связей.

В то же время устремлениям богемских деятелей способствовал поворот в отношениях между Веной и Парижем после напряжения, вызванного борьбой за влияние (прежде всего) в Италии. По мере убывания надежд на компенсации за нейтралитет и посредничество в войне отношение Франции к Пруссии становилось все более враждебным. Это обстоятельство привело к тому, что часть истеблишмента Австрийской империи переориентировалась на сближение с французским императоромм. Особенно это стало проявляться после австро-венгерского Соглашения 1867 г., позитивно воспринятого Наполеоном III[1293]. Одновременно печать во Франции, враждебная к Дунайской монархии в 1866 г., теперь была настроена к ней положительно. Она указывала, что после принятия либеральной конституции 1867 г. Габсбургская держава начинает успешно модернизироваться и демократизироваться[1294].

[1293] *Медяков А.С.* Между Востоком и Западом… С. 78–79.
[1294] *Reznikow S.* Op. cit. S. 97.

Окончательный поворот в отношениях Франции с монархией Габсбургов наступил в момент Люксембургского кризиса[1295]. В это время Парижем были инициированы первые попытки заключения оборонительного и наступательного союза в случае франко-прусской войны[1296]. Однако кризис показал нежелание Бойста связывать империю с одной из сторон. Ему также не хотелось, чтобы Франция присоединила немецкие территории на левом берегу Рейна[1297]. В то же время министр был заинтересован, чтобы Париж помогал сохранять майнскую линию между Северогерманским союзом и южнонемецкими государствами[1298]. Все это положило начало длинному ряду австро-французских контактов[1299]. Европейская общественность была убеждена в скорой войне между Францией и Пруссией[1300].

Развивавшийся Люксембургский кризис подталкивал руководство Национальной партии к активной деятельности. Уже на рубеже февраля и марта 1867 г. Ригер сообщил одному из представителей своего ближайшего окружения Анталу Сташеку, что в апреле он поедет в Париж[1301].

Можно сделать вывод, что новый тренд в отношениях Франции и Габсбургской империи – антипрусская направленность – стал благоприятным фоном для поездки Палацкого и Ригера. Однако тенденции к сближению

[1295] На тот момент Люксембург состоял в унии с Нидерландами и при этом являлся членом Германского союза, в нем находился прусский гарнизон. После роспуска этого объединения в соответствии с Пражским миром правовой статус герцогства стал неопределенным. В начале 1867 г. этим решил воспользоваться Наполеон III, стремившийся получить компенсации за нейтралитет на фоне усиления Пруссии (об этом он вел переговоры с Бисмарком еще в 1865 г.). Король Нидерландов Вильгельм III был готов продать Люксембург Франции, но только с согласия Берлина. Бисмарк делал вид, что склоняется к такому развитию событий. Однако на рубеже марта-апреля 1867 г. он резко заявил, что не позволит случиться продаже. В начале апреля правитель Нидерландов под давлением Берлина отказался от сделки. *Там же.* С. 56; *Айрапетов О.Р.* Указ. соч. С. 204.

[1296] *Медяков А.С.* Между Востоком и Западом… С. 80.

[1297] *Там же.* С. 80–81.

[1298] Связано это с тем, что Бойст надеялся добиться сближения монархии Габсбургов с государствами Южной Германии, что помогло бы их сплотить вокруг империи. *Там же.* С. 81–82.

[1299] Важным промежуточным итогом этих контактов стала встреча Наполеона III и Франца Иосифа I в Зальцбурге (август 1867 г.). Несмотря на то, что союз, которого так желала французская дипломатия, заключен не был, стороны договорились по ряду важных пунктов. Во-первых, Франция и монархия Габсбургов обязались поддерживать сложившееся положение дел в Южной Германии с целью воспрепятствовать присоединению местных государств к Северогерманскому союзу. Также страны решили сохранять статус-кво в вопросах, связанных с Османской империей, не допуская присоединения Крита к Греции и вмешательства России в события на Балканах. Таким образом, договоренности двух великих держав были направлены одновременно против Берлина и Санкт-Петербурга. *Айрапетов О.Р.* Указ. соч. С. 225.

[1300] *Pfaff I.* Francie a Čechy… S. 25.

[1301] *Ibid.* S. 20.

между двумя странами имели для обоих политиков, на наш взгляд, как положительное, так и отрицательное значение. С одной стороны, действия Ригера в столице Франции не вызывали у Вены особого противодействия. С другой, сближение двух стран было обусловлено положительным отношением Наполеона III к установлению дуализма в империи, отвергавшегося чешскими политиками.

Вожди Национальной партии приехали в Париж 25 апреля 1867. Главной задачей для них было войти в контакт с высшим чиновничеством, а потом через него получить аудиенцию у Наполеона III[1302].

Еще во время своей поездки 1849–1850 гг. во Францию Ригер познакомился с депутатом Леопольдом Жавалем, его сыном Эмилем, а также банкиром Пьером Ноэлем. Приехав в Париж в 1867 г., он начал через них заводить новые знакомства[1303]. Судя по корреспонденции Ригера, Ноэль познакомил его с сенатором и публицистом Анри Мартеном, который писал статьи в том числе на славянскую тематику[1304]. Отец и сын Жавали устроили встречу чешских политиков с влиятельными журналистами и политиками Эмилем де Жирарденом, Адольфом Жоржем Геру[1305].

Знакомство с ними было довольно важным и значимым событием. Так, А. Мартен публиковал свои статьи во влиятельной газете Le Siècle. Таким образом, лидер старочехов получил возможность для выхода во французскую печать, с помощью которой он мог формировать нужное представление у французской общественности о чешском вопросе.

При посредничестве Л. Жаваля Ригер и Палацкий увиделись (по данным Калоусека, в доме банкира Донваля[1306]) с Адольфом Тьером и Жюлем Фавром[1307]. В ту эпоху, когда первый еще не стал президентом Третьей Республики, а второй – его министром иностранных дел, оба были

[1302] *Ibid.* S. 28.
[1303] *Pfaff I.* Česká přináležitost k Západu… S. 56.
[1304] [1867 květen] Noaille Riegrovi // Příspěvky k listáři Dra Fr. Lad. Riegra. Díl 1... S. 172.
[1305] 1867 květen 11.Paříž – Emile Javal Riegrovi // *Ibid.*
[1306] Deníky Josefa Kalouska. Díl II... S. 73. Запись от 1 июля 1867 г.
[1307] [1867 květen] Leopold Javal Riegrovi // Příspěvky k listáři Dra Fr. Lad. Riegra. Díl 1... S. 172.

лидерами республиканцев и стояли в оппозиции режиму Наполеона III. Ригер и Палацкий поведали им на встрече о своих планах и замыслах. Они произвели впечатление на французских политиков. Благодаря этому об обоих деятелях узнал Леон Гамбетта – крупный деятель республиканцев, будущий министр внутренних дел (1870–1871 гг.) и один из ключевых политиков в первые годы Третьей Республики. Примерно в то же время состоялась встреча с И. Деспре[1308]. Ранее уже разбирались фрагменты на чешскую тематику из его большой работы «Народы Австрии и Турции». С 1866 г. ее автор занимал в МИД высокую должность директора по политическим вопросам[1309]. Впрочем, если судить по тому, что старочешские руководители сообщили Калоусеку, чиновник расспрашивал их, но не более[1310]. Также Палацкий и Ригер увиделись с С.-Р. Тайандье, а затем – со славистом Луи Леже[1311]. Это событие подтвердило сближение французского ученого, когда-то тесно общавшегося с младочехами, с руководителями Национальной партии. Как следствие, он станет пропагандировать их видение чешского вопроса у себя на родине.

Известно, что при посредничестве Ригера Леже познакомился со Штросмайером[1312], находившимся в это время в Париже[1313]. Очевидно, активные контакты старочехов с лидером народняков, несмотря на перипетии борьбы против дуализма в 1866 1867 гг., по-прежнему сохраняли значение. Это подтверждает и тот факт, что 22 апреля 1867 г. перед отъездом

[1308] Deníky Josefa Kalouska. Díl II... S. 73. Запись от 1 июля 1867 г.
[1309] *Leanca G.* Op. cit. P. 245.
[1310] Deníky Josefa Kalouska. Díl II... S. 73. Запись от 1 июля 1867 г.
[1311] *Ibid.; Kořalka J.* František Palacký (1798–1876): životopis. Praha, 1998. S. 465.
[1312] *Chrobák T.* Op. cit. P. 55.

[1313] [1869 červen – červenec] – Audience Riegrova u Napoleona III. [podle záznamů L. Bráfové upraveno Heidlerem] // Příspěvky k listáři Dra Fr. Lad. Riegra. Díl 1... S. 172. *Ibid.* S. 194; Штросмайер адресовал консервативным кругам польской эмиграции меморандум. Подобно чехам, он хотел использовать поляков-эмигрантов для пропаганды хорватского вопроса во французском обществе. Он также желал через них повлиять на галицийских политиков и сподвигнуть их на борьбу с дуализмом. «Отель Ламбер» интерпретировал его намерения как несогласие с русофильством чешской политики. Его деятельность в Париже Можно считать отражением нужд хорватской политики и дополнением к поездке делегаций австрийских славян на съезд в Россию. Впрочем, результаты деятельности епископа в столице Франции были незначительными. *Šesták M.* Češi a Jihoslovane v habsburské monarchii v letech 1850–1890 // *Žáček V. a kol.* Češi a Jihoslované v minulosti... S. 424.

чешской делегации на Этнографическую выставку в Россию хорватский епископ побывал в Праге, где консультировался с местными политиками[1314].

Первая попытка «дотянуться» до Наполеона III была предпринята Ригером и Палацким при их взаимодействии с польской эмиграцией. 30 апреля 1867 г. в присутствии Леже и Штросмайера состоялась беседа в «Отеле Ламбер» с князем Владиславом Чарторыйским и графом Анджеем Замойским. Лидеры старочехов попросили их помочь в организации встречи с Наполеоном III или хотя бы с Гортензией Корню, его доверенным лицом[1315]. Однако это было не все. Они хотели с помощью поляков-эмигрантов привлечь галицийских депутатов рейхсрата вновь к взаимодействию на почве федерализма. Взамен они обещали быть посредниками между поляками и Россией и действовать в их пользу[1316].

Таким образом, чешский политик по-прежнему делал большую ставку на поляков, несмотря на недавнее фиаско. Когда ему не удалось перетянуть на свою сторону галицийские политические силы, он решил попробовать повлиять на них через эмиграцию. Стоит обратить внимание на ту амбициозную роль, которую мечтал взять на себя Ригер – посредника между Россией и поляками. Лидер старочехов пытался использовать решение польского вопроса как фактор, ведущий к федерализации Габсбургской монархии. Все это свидетельствовало, насколько масштабны были замыслы у Ригера. По сути, он собирался вмешаться в большую международную политику, решить в свою пользу один из узловых внешнеполитических вопросов в Европе.

Однако поляки отказались помогать, мотивируя это симпатией обоих чехов к России и осуждающими выступлениями в чешской печати против Январского восстания в Царстве Польском. Ригер и Палацкий пытались убедить поляков, что на Славянском съезде они не собираются выступать

[1314] *Чуркина И.В.* Предыстория поездки славян на Всероссийскую этнографическую выставку… С. 10.
[1315] *Pfaff I.* Francie a Čechy… S. 30.
[1316] *Leger L.* Souvenirs d'un slavophile… P. 34.

против них на стороне Санкт-Петербурга[1317]. Однако все доводы и предложения не вызвали доверия у аристократов. Чарторыйский и Замойский, как вспоминал Леже, делали вид, что видят в поездке в Москву предательство не только по отношению к Польше, но и ко всей Европе и цивилизации[1318]. Эта неудача для Ригера и Палацкого имела большое значение, поскольку польская эмиграция во многом формировала у французской общественности взгляд на славянскую проблематику. Как видно, использовать польский вопрос в своих целях руководству Национальной партии не удавалось.

После фиаско с польскими эмигрантами Ригер решил пробиться к Наполеону III через его брата Жерома Наполеона[1319]. Родственник императора имел среди европейской общественности прозвище «красный принц».

Оно было связано с его громкими рассуждениями о «принципе национальности». Жером Наполеон отзывался с большой симпатией о национальном движении венгров, итальянцев, поляков и румын. Чешская проблематика была ему тоже знакома, т.к. в 1860 г. с ним имел контакт Йозеф Вацлав Фрич. Встреча Ригера с французским принцем состоялась 13 мая в его резиденции Пале-Рояль. Но она не принесла каких-либо реальных результатов. Принц был немногословен и лишь рассуждал о том, что монархия Габсбургов необходима для политического равновесия в Европе[1320].

Для того, чтобы познакомиться с Гортензией Корню, близкой к Наполеону III, Ригер, можно сказать, предпринял обходной маневр. Он попросил свою жену Марию Ригрову начать с ней переписку. Обе женщины знали друг друга с 1850-х гг., когда познакомились благодаря Мари Пап-Карпонтье – известному педагогу, принимавшему участие в создании

[1317] *Leger L.* Vzpomínka na Františka Palackého… S. 154; *Borovička M. et al.* Velké dějiny… S. 178.
[1318] *Leger L.* Vzpomínka na Františka Palackého… S. 154
[1319] Deníky Josefa Kalouska. Díl II... S. 73. Запись от 1 июля 1867 г. *Pfaff I.* Francie a Čechy… S. 34
[1320] Deníky Josefa Kalouska. Díl II... S. 73. Запись от 1 июля 1867 г.

системы начального и женского образования во Франции[1321]. Однако ход Ригера был рассчитан лишь на дальнейшую перспективу.

Чешский политик не только старался наладить личный контакт с видными деятелями Франции. Он, как и ранее, пытался воздействовать на французское общественное мнение. Вот что он писал по этому поводу своему соратнику-старочеху А.О. Цейтгаммеру: «прежде всего нам нужно, чтобы французы о нас знали, поняли наши дела и увидели точки, где они с их интересами пересекаются»[1322]. Известно, что он вручал французским деятелям, с которыми знакомился, перевод протеста чешских депутатов и своей собственной речи на богемском ландтаге (апрель 1867 г.)[1323].

15 мая 1867 г. Ригер и Палацкий покинули Францию и направились в Россию.

Таким образом, выполнить главную задачу – получить аудиенцию у Наполеона III – чешским политикам не удалось. Они смогли лишь наладить связи с некоторыми крупными общественными деятелями, представителями интеллигенции и республиканской оппозиции. Ригер пытался познакомить их с чешским вопросом, раскрыть его суть. Но реальных плодов эта пропаганда пока не принесла. Кроме того, лидеры старочехов обнаружили, что основная часть общественности положительно относится к австро-венгерскому дуализму.

Так, в упомянутом письме Цейтгаммеру Ригер отмечал: «Знайте, что к Бойсту император очень хорошо относится <…> Франция надеется на поддержку г. Бойста, в чем она ошибается. Кто и каким образом управляет Австрией и как она организована – это их не интересует. Они желают лишь того, чтобы Австрия существовала, чтобы она в данный момент <…> могла выставить вооруженные силы против Пруссии»[1324].

[1321] *Ibid.* S. 31–32. См. также: *Horská P.* Sladká Francie... S. 39–40.
[1322] 1867 květen 12. Paříž. – Rieger Zeithammrovi // Příspěvky k listáři Dra Fr. Lad. Riegra. Díl 1... S. 172.
[1323] Deníky Josefa Kalouska. Díl II... S. 73; Эта брошюра называлась «Королевство Богемия и австрийское государство» (фр. *Le Royaume de Bohême et l'État autrichienne*). Она была отпечатана в типографии Ю. Грегра. *Reznikow S.* Op. cit. S. 99.
[1324] 1867 květen 12. Paříž. – Rieger Zeithammrovi // Příspěvky k listáři Dra Fr. Lad. Riegra. Díl 1... S. 173.

Ригер и сам понимал, что его поездка в общем и целом принесла мало результатов. По его мнению, чтобы добиться реальных изменений в отношении французов к дуализму и чешскому вопросу, нужно приезжать в Париж регулярно раз в три месяца и проводить большую работу. Он осознавал, что проведенных в столице Франции четырнадцати дней совершенно недостаточно[1325].

Но особый вред складыванию позитивного восприятия чехов во Франции нанесла поездка чешской делегации в Россию. В чем это выразилось?

Так, спустя неделю после отъезда чешских политиков, в газете Le Siècle была опубликована статья «Панславизм и Австрия». В ней категорически осуждалось участие австрийских славян, в том числе и чехов, в Славянском съезде. Чехи, как и другие славяне империи, лишь поддались на приманку России, которая сначала завлечет их «лестью и лаской, а потом набросится на них с оружием в руках», – утверждалось в статье[1326].

Жестко критиковалась сама Россия как «государство одного господина и множества рабов». По мнению автора статьи Вильбора, съезд был организован благодаря покровительству со стороны правительства[1327]. С его точки зрения, весьма показательно, что аристократия Российской империи, не терпящая никаких политических организаций или объединений, вдруг открыто разрешила организовать это мероприятие[1328]. Научные же цели съезда – просто маска. И со славянами там собираются общаться как с рабами.

Но с другой стороны, автор замечал, что причина их поездки объясняется не только наивностью. Дело также и в политике монархии Габсбургов, которая во имя дуализма принесла в жертву интересы

[1325] *Ibid.* S. 172.
[1326] *Vilbort J.* Le panslavisme et l'Autriche // Le Siècle. 22.05.1867. P. 1.
[1327] *Ibid.*
[1328] *Ibid.*

славянских народов, проигнорировав их желание федерализации империи[1329]. Статья призывала Вену повысить статус славян в монархии. Ж. Вильбор (почти в духе Палацкого) видел ее миссию в том, чтобы объединить в себе славянские народы и защитить их от «варваров Азии»[1330].

15 июня 1867 г. в Le Siècle публикуется еще одна статья, которую написал уже упоминавшийся А. Мартен. Симпатизировавший Ригеру и лично с ним знакомый, теперь он перешел на жесткие позиции. Мартен критиковал австрийских славян за то, что они осознанно оказались «в объятиях, раскрытых московитским панславизмом». Славяне, по его мнению, «совершают гибельный поступок по отношению ко всем и себе самим»[1331].

Задаваясь вопросом, являются ли австрийские славяне, участвующие в съезде, единственными виновниками этого ошибочного шага, Мартен также указывал на Вену. За этим пассажем стояла критика дуализма, который игнорировал национальные права других народов монархии[1332]. Автор статьи считал требования чехов довольно умеренными и недоумевал, почему Вена не может их удовлетворить[1333]. Поэтому он также не был удивлен тому раздражению, которое царило в Богемии. Все это, по мнению Мартена, и подтолкнуло чешскую делегацию к участию в съезде[1334]. В конце статьи Мартен выдвинул тезис, что спасти Австрию может только федерализм[1335].

Разочаровался в действиях чехов и Сен-Рене Тайандье, осудивший их поездку в Москву[1336]. Однако среди французской общественности существовали и другие мнения, куда более резкие.

В середине мая вышла анонимная брошюра «Программа Богемии и Австрийское государство», выдержки из которой печатали парижские газеты.

[1329] *Ibid.* P. 2.
[1330] *Ibid.*
[1331] *Martin H.* L'Autriche et les slaves // Le Siècle. 15.06.1867. P. 1.
[1332] *Ibid.*
[1333] *Ibid.*
[1334] *Ibid.*
[1335] *Ibid.*
[1336] *Lenderová M.* Mezi Paříží a Moskvou… S. 88.

Не исключением стало издание Le Constitutionnel. 22 мая 1867 г. в нем была опубликован материал под названием «Чехи во Франции». В нем говорилось, что, несмотря на численное превосходство в Богемии чехов по сравнению с местными немцами, вторые превосходят первых в науке, торговле, промышленности, интеллектуальной жизни и т.д.[1337] История показывает, отмечалось в газете, что чехи даже еще не стали нацией, а Богемия – лишь одна из провинций Австрийской империи. Сравнивая венгров и чехов, автор пришел к выводу, что если первые достойны выдвигать требования и вести переговоры с императором, то чехи попросту не имеют на это права вследствие своего малого значения[1338]. В целом брошюра была призвана показать ущербность чешского народа.

Интересна и эволюция мнений в газете L'Opinion Nationale. Так, в номере от 18 мая высказывалась достаточно сдержанная точка зрения. Заявлялось, что поездка чехов в Москву не может свидетельствовать об искренних панслависистских настроениях чехов и носит лишь демонстративный характер[1339]. Однако в номере от 22 мая газета утверждала, что в текущий момент панславизм намного опасней, чем пангерманизм[1340]. Удовлетворение требований чехов в Австрийской империи привело бы к ее раздробленности, как в Средние века, а позднее – к новым гуситским войнам[1341].

Весьма критически выступила польская эмиграция. Ее рупор Юлиан Клячко опубликовал в Revue de Deux Mondes статью «Московский конгресс и панславистская пропаганда». Автор допускал, что дуализм игнорирует национальные права славянских народов. Однако он ставил в вину чехам то, что их присутствие на съезде означает участие в панславистской пропаганде славянофильской России, которая напрямую угрожает Австрийской империи.

[1337] *Piel C.* Les tchèques en Autriche // Le Constitutionnel. 22.05.1867. P. 1.
[1338] *Ibid.*
[1339] *Pfaff I.* Francie a Čechy… S. 43.
[1340] *Lenderová M.* Mezi Paříží a Moskvou… S. 87–88.
[1341] *Ibid.*

А ее распад, вызванный царским империализмом, поставил бы под удар всю Европу. Чехов же он посчитал агентами России в Центральной Европе[1342].

По свидетельству Луи Леже, статья Клачко произвела на старочешских лидеров «болезненное впечатление»[1343]. Для того чтобы развеять предрассудки в отношении чехов, в апреле 1868 г. Палацкий написал Сен-Рене Тайандье длинное письмо на немецком языке[1344]. Однако оно не убедило французского: тот призывал в ответ к более четкому разграничению чешской политики и панславистской агитации[1345]. Любопытно в этой связи, что Леже давал Тайандье не слишком комплиментарную характеристику[1346].

Польские эмигранты составили письмо для Ригера и Палацкого и отправили его в Москву. Послание, имевшее в целом дружелюбное вступление, выражало их точку зрения на съезд. Они как бы пытались открыть чехам глаза на Этнографическую выставку в Москве. Поляки писали, что ее научный характер – ширма. Ее истинная цель – якобы поспособствовать объединению славян в единое государство под главенством России. Авторы письма сожалели, что чехи, успешно сопротивляющиеся немецкому давлению, склоняются перед русской

[1342] *Klaczko J.* Le congrès de Moscou et la propaganda panslaviste // Revue des Deux Mondes. T. 71. № 1 (1er septembre 1867). P. 172–190.

[1343] *Leger L.* Souvenirs d'un slavophile… P. 62; *Leger L.* Vzpomínka na Františka Palackého… S. 154–155.

[1344] Палацкий писал, что поездка чехов в Россию – радикальное средство в тяжелых условиях. Она была вызвана пропагандой «их национальных противников и врагов – немцев, поляков и мадьяр». Причем первые хотят ассимилировать чешский народ, а вторые и третьи – помочь им в этом. Историк отмечал, что чехи лишь защищаются всеми силами от национальной гибели. Ведь «если ваше и наше правительства настаивают, чтобы мы приняли цислейтанизм, то вы требуете от нас самоубийства», – заверял он. Также Палацкий отмечал, что взгляды Тайандье на «дела на Востоке», как и всей французской общественности, обусловлены польским восприятием. «Ваши соотечественники работали только на турецкую, венгерскую и польскую аристократию на Востоке. Славянская демократия для них – тайна и ненавистный признак», – негодовал чешский деятель. В письме обращает на себя внимания острая критика поляков, как и ощущение опасности для существования чешской нации и скорой гибели Габсбургской монархии. Цит. по: *Birke E.* Op. cit. S. 297–298.

[1345] *Ibid.* S. 299.

[1346] «К сожалению, Тайандье понимал лишь наполовину характер Богемии и роль, которую здесь играл его славный друг. Он считал славянских чехов мертвыми и видел в них исторический пережиток. Он общался с Палацким только по-немецки, читал его работы лишь на немецком и был весьма удивлен, когда я ему сказал, что чешский язык является речью великого историографа и в его доме на другом не говорят». *Leger L.* Vzpomínka na Františka Palackého…S. 155. Ригер, по воспоминаниям его дочери, отмечал, что Тайандье «с большим трудом» (чеш. *velmi nesnadno*) понимал чешский вопрос. Zápisky M.Č.R., 23. srpna r. 1886 // Příspěvky k listáři dra Frant. Lad. Riegra. Díl II. Z let 1872 až 1903. Praha, 1926. S. 287.

опасностью[1347]. Они высказались категорически против России и ее политики. Таким образом, это послание лишь подтверждало разрыв между старочешским руководством и польской эмиграцией. Позднее «Отель Ламбер» основал издание La Correspondance du Nord-Est, на страницах которого чехи критиковались в духе статьи Клячко[1348].

Итак, очевидно, что в середине – второй половине мая 1867 г. в парижской печати присутствовали разные мнения по поводу чехов и их действий. Однако в целом французское общество, в основном позитивно говорившее в это время о дуалистической монархии Габсбургов, о пользе союза между ней и Францией, начало воспринимать чехов, поехавших в Россию, как дестабилизирующий элемент, слабое место потенциального союзника, носителя панславистских тенденций. И это, конечно, не могло не навредить всему тому, что делали Ригер и Палацкий во Франции. Естественно, Ригер не мог не реагировать на французскую критику, учитывая, какое значение он придавал возможной поддержке в Париже чешских интересов. Это поражение он стремился потом смягчить во время встречи с Жеромом Наполеоном в Праге в 1868 г.

4.2. Чешская делегация на Славянском съезде в России в мае-июне 1867 г.

Что касается поездки чешских общественных деятелей в Санкт-Петербург и Москву в 1867 г., то это был в том числе повод продемонстрировать свою значимость перед Веной. Причем не только в адрес других, но и себе. Игнорирование чешских интересов, естественно, не могло не ударить по самолюбию пражских национальных политиков. С

[1347] 1867 květen 13. – Pařížští Poláci Riegrovi a Palackému // Příspěvky k listáři Dra Fr. Lad. Riegra. Díl 1... S. 173–176.
[1348] [1868] červen 28. Paříž. – Leger Riegrovi // *Ibid.* S. 183.

помощью этой акции они хотели показать своим оппонентам и сторонникам, что их реальные возможности больше и разнообразней, чем раньше[1349].

Конечно, чешские лидеры стремились продемонстрировать наличие такого же веса в империи, как у австрийских немцев и венгров, что к их требованиям стоит прислушаться. Они желали противопоставить данное мероприятие заседанию «узкого» рейхсрата, который должен был утвердить нормы дуализма в Цислейтании. Как весьма точно заметил Й. Коржалка, Славянский съезд в представлении политиков Национальной партии должен был стать демонстрацией международного признания чешского общества[1350].

Иллюстрацией такого хода рассуждений служат высказывания Ригера в середине апреля перед поездкой во Францию и Россию: «Мы хотим с Австрией не вражды, а желаем достичь соглашения, которым было бы признано действие наших старых прав. Мы пойдем в Москву, <…> но мы пойдем туда только устраивать демонстрацию, нисколько не конспирацию <…> Мы покажем в России и всей мировой общественности, что требования, за выполнение которых мы выступаем в Австрии, законны и основываются на государственном праве Чешского королевства. Мало русских, которым это известно. Расскажем мы им об этом, привлечем русскую общественность – и уже в этом будет великий наш нравственный успех <…>»[1351].

Остается вопрос, ехала ли чешская делегация на Славянский съезд не только для демонстрации, но и для конкретных политических переговоров. Так, еще Казбунда утверждал, что Палацкий и Ригер перед поездкой в Россию не исключали скорый распад Дунайской монархии вследствие победы дуализма. При таком развитии событий они хотели прозондировать почву и заручиться защитой России от поглощения чешских земель Пруссией[1352].

[1349] *Urban O.* Česká společnost… S. 227.
[1350] *Kořalka J.* František Palacký (1798–1876): životopis. Praha, 1998. S. 462.
[1351] Цит. по: *Borovička M. et al.* Velké dějiny… S. 177.
[1352] *Kazbunda K.* Pouť Čechů do Moskvy a rakouská diplomacie… S. 32–33.

С этим мнением согласен Доубек. Он также уточнял, что, по мнению чешских политиков, австрийские немцы в случае гибели империи Габсбургов сами бы высказались в пользу присоединения к прусскому государству[1353]. Ригер и Палацкий боялись, что Россия в этом случае в качестве компенсации захватит Галицию и Венгрию, не задумавшись о судьбе чешских земель. Тогда последние потеряли бы часть своей территории, населенной богемскими немцами, или же полностью достались Пруссии и были германизированы[1354].

В свою очередь Н.В. Киселькова пишет о том, что чехи ехали в Россию, не рассчитывая там на какую-либо политическую поддержку[1355]. О.В. Павленко в своем раннем исследовании утверждала, что одной из задач на съезде чехи видели налаживание взаимоотношений между монархией Габсбургов и Россией[1356].

В этой дискуссии нам ближе позиция Казбунды, который при обосновании своей позиции опирался на архивный документ[1357]. Кроме того, как показывалось в предыдущей главе, Ригер и Палацкий искренне считали, что дуализм окажется гибельным для монархии Габсбургов. Учитывая, что они не видели шансов для независимого существования чешских земель, логично предположить, что они хотели найти зарубежную поддержку перед лицом непредсказуемого будущего. Также известно, что в 1871 г., имея очень похожие «эсхатологические» мотивы, представители Национальной партии аналогично зондировали почву в беседах с российским и французским дипломатами.

Естественно, к поездке в Россию чехов подталкивала не только апелляция к славянской взаимности. Характеру политической демонстрации

[1353] *Doubek V.* Česká politika a Rusko… S. 122.
[1354] *Ibid.*
[1355] *Киселькова Н.В.* Указ. соч. С. 124.
[1356] *Павленко О.В*. «Славянский фактор» в отношениях России и Австрии // Славяно-германские исследования. Т. 1–2. Отв. ред. А.А. Гугнин, А.В. Циммерлинг. М., 2000. С. 270.
[1357] Речь идет о донесении австрийского полицейского агента Штрауба, который получил доступ к письму Й.В. Фрича. В нем чешский радикал описывал встречу в «Чешскоморавской беседе» в Париже. На ней присутствовали Ригер и Палацкий, которые объясняли свои мотивы поездки в Россию. *Kazbunda K.* Pouť Čechů do Moskvy a rakouská diplomacie… S. 32–33.

поездки способствовали и отношения между двумя державами. К середине 1860-х гг. контакты между монархией Габсбургов и Россией были полны недоброжелательности и подозрений. Эти настроения превалировали еще с Крымской войны (1853–1856 гг.). Впрочем, Санкт-Петербург продолжал видеть в Дунайской империи третью силу в Центральной Европе, необходимую для общеевропейского баланса[1358]. Одновременно в середине 1860-х гг. происходило сближение России и Пруссии. Очевидно, это не могло способствовать потеплению отношений между «северным колоссом» и государством Габсбургов[1359].

Чешским политикам предстояло действовать в условиях, когда обе страны находились скорее по разные стороны баррикад. Однако Петербург не был заинтересован в эскалации напряжения. Впрочем, по мнению О.В. Павленко, Александр II в некоторой степени выражал благосклонность к проведению Славянского съезда у себя в стране. После неудачной Крымской войны и обильной критики России в период Январского восстания официальный Санкт-Петербург находил выгодным продемонстрировать моральное влияние на зарубежных славян и солидарность с ними[1360]. При этом, конечно, не обременяя себя инициированием и организацией этого большого события.

Чешские политики хотели призвать Россию к противодействию прусским устремлениям, что прямо противоречило интересам российского МИД. О последнем, по всей видимости, Ригер и Палацкий не догадывались. Чешской делегации на Славянском съезде предстояло действовать по большому счету в неблагоприятных для нее условиях.

Поездка в империю Романовых вызвала разногласия в лагере автономистов Богемии. Так, местная шляхта осудила этот шаг. Моравские

[1358] *Медяков А.С.* Между Востоком и Западом… С. 184.
[1359] *Там же.*
[1360] *Павленко О.В.* Славянский фактор в идеологии и внешней политике Российской империи и монархии Габсбургов… С. 282.

политики тоже отказались ехать. Они считали, что на борьбу чехов за свои национальные права съезд не окажет никакого влияния[1361].

Однако для старочехов благоприятствующим обстоятельством была поддержка младочехов. Это помогло несколько сбавить напряжение, возникшее вследствие нового кризиса в Национальной партии в 1866 г. В тот период младочехи открыто критиковали Белькреди в печати, на которого старочехи по-прежнему возлагали надежды. Свидетельством отсутствия солидарности послужил тот факт, что Ригер не позвал младочехов на совещание федералистов и переговоры с Веной летом 1866 г.

В вопросе, почему младочехи объединились с Ригером перед поездкой на Этнографическую выставку, помогает разобраться статья «Последний конец дуализма», помещенная в Národní listy. Солидарность со старочехами была обусловлена крайне неблагожелательным для Национальной партии положением дел весной 1867 года.

В статье говорилось о поездке в Россию как вынужденном шаге, ибо права чехов были несправедливо попраны установившимся дуализмом[1362]. При этом характерно, что автор апеллировал к силе общей славянской взаимности и братства[1363]. Отметались все пересуды австронемецкой и венгерской печати о том, что эта акция имеет панславистский характер и направлена против Австрийского государства[1364]. Поездка объяснялась младочехами стремлением доказать венграм (именно венграм!), что чешские требования так же оправданы, как и требования мадьяр[1365]. Таким образом, категоричный протест обеих фракций Национальной партии против дуализма привел их к консолидации и отходу младочехов от критики России.

[1361] *Urban O.* Česká společnost… S. 228. Как, например, писал один из близких соратников А. Пражака А. Мезник, «я думаю, что путь через Петербург и Москву не является кратчайшим к австрийскому кабинету». 1867, červen 20. Praha. – Dr. Ant. Mezník Dr. Al. Pražákovi // Paměti a listář Dra Aloise Pražáka. Díl druhý... S. 69.

[1362] Poslední konec dualismu // Národní listy. 26.04.1867. S. 1.

[1363] *Ibid.*

[1364] *Ibid.*

[1365] *Ibid.*

Впрочем, не только этот фактор способствовал единению. Так, оппоненты старочехов решили отойти от своих полонофильских позиций и ехать в Москву потому, что были разочарованы «предательством» галицийских поляков, не поддержавших чехов в борьбе с дуализмом[1366].

Наконец, обратим внимание, что еще в июле-августе 1866 г. вследствие австрийских военных поражений младочешские деятели рассматривали Россию наряду с Францией как возможного гаранта существования чешских земель.

Известно, что делегация чехов в сравнении с остальными была самой крупной на съезде и насчитывала 27 человек. Палацкий и Ригер, прибывшие в Россию из Франции чуть позже остальных, возглавили чешскую группу. В страну приехал еще один старочех-тяжеловес – Ф. Браунер. В этом ряду можно также упомянуть юриста и земского депутата К. Маттуша. Ю. Грегр и Э. Вавра (сотрудник Národní listy) были единственными представителями второго партийного крыла. При этом главное внимание со стороны русских приковывалось к двум руководителям. Главным чешским оратором являлся Ригер. На мероприятиях иногда слово брал Браунер. Палацкий с речами почти не выступал, все они к тому же носили приветственный, протокольный характер.

Важно заметить, что часть российского общества перед Славянским съездом не питала иллюзий о мотивах у чехов. Это наглядно показывает публикация в санкт-петербургской газете «Голос», которая служила рупором так называемой либеральной бюрократии.

В номере от 16 (29) марта 1867 г. была обозначена главная мотивация будущего чешского приезда на Этнографическую выставку. Можно сказать, что эти рассуждения были недалеки от истины. В материале указывается, что чехи возмущены дарованием венграм конституции и игнорированием их требований, несмотря на лояльность династии. Они «не могли не понять, что мадьяры добились своего, запугав правительство. Так неужели теперь чехи и

[1366] *Borovička M. et al.* Velké dějiny… S. 179.

другие славяне должны следовать их примеру? Неужели и они должны запугивать Австрию? А дело и действительно похоже на то <...> Недаром чешская власть заговорила о том, чтобы броситься в объятия России», – отмечала редакция газеты[1367].

При этом такой поворот чешских политиков издание называет бестактностью на фоне критики в адрес России в период Январского восстания. «Нередко слышались укоры со стороны чехов за холодность русского общества к ним. Но русское общество могло бы бросить подобный же укор чешским радикалам <…> При всем этом рассудок чехов не мог не говорить им, что русский народ пригодится чехам больше, чем кто-либо в борьбе с немцами», – подчеркивается в статье[1368].

Редакция издания обвиняет чехов в крайнем «национальном индивидуализме» и партикуляризме. В статье их называют даже радикалами, которые, борясь с немцами за национальные права, желали отстаивать свою национальность «и от прочих славян, от словаков, от русских». Теперь же они, пишет газета, видят спасение в нравственном единении с теми, кто имеет с ними «естественное, органическое родство»[1369].

«Голос» задается вопросом, может ли российское общество ответить взаимностью на стремление к этому духовному единению, несмотря на прошлые действия чехов. Ответ был положительным с учетом того, что общество в России тоже «начинает понимать идею нравственного национального объединения»[1370].

В целом, как указывает О.В. Павленко, до приезда делегаций в российской прессе говорилось о слабости зарубежных славян, их неспособности к самостоятельным политическим действиям, отсутствии государственного опыта. Поэтому подчеркивалась необходимость для них тесной связи с Россией ради полноценного национального развития.

[1367] Голос. 17 (29). 03.1867. С. 1–2.
[1368] *Там же.* С. 1.
[1369] *Там же.* С. 1–2.
[1370] *Там же.* С. 2.

Примерами служат публикации «Московских ведомостей», уже упоминавшегося «Голоса», «Москвы», «Отечественных записок», «Биржевых ведомостей»[1371].

Что касается издания Каткова, то при разборе редакцией газеты «Программы пребывания славянских гостей в Петербурге» можно обнаружить очень показательную деталь. Говоря об убранстве зала Дворянского собрания, где должен был проходить торжественный обед, «Московские ведомости» отмечали: «Зала будет убрана русскими национальными флагами и хоругвью с изображением Кирилла и Мефодия. Этой хоругвью решено заменить все разнородные флаги различных славянских племен, флаги мало кому известные, а потому для большинства людей лишенные надлежащего значения»[1372].

Славянский съезд 1867 г. не был съездом в классическом понимании. Он не имел постоянного места заседания, регламента, программы, секций и других официальных признаков, как, например, пражский форум 1848 г. Это было большое неформальное мероприятие, состоявшее из экскурсий, осмотров, молебнов, званых обедов, застолий и т.д. Для историка данное обстоятельство составляет определенное препятствие в изучении этого события. Так, кулуарные беседы участников съезда частично остались за пределами письменных источников, что затрудняет анализ. Но для самих делегаций и принимающей стороны такой формат был прекрасной возможностью узнать друг друга поближе, составить самое непосредственное впечатление о себе и окружающих.

В данной главе не будет подробно анализироваться ход Славянского съезда. В этом нет необходимости, т.к. он детально разобран в историографии. В настоящем параграфе будет уделяться внимание лишь на события и детали, важные для нашей проблематики.

[1371] *Павленко О.В.* Славянский фактор в идеологии и внешней политике Российской империи и монархии Габсбургов… С. 271.

[1372] Программа пребывания славян в Петербурге // Московские ведомости. 9.05.1867. С. 3.

Обратимся к публичной риторике представителей Национальной партии, дословно зафиксированной в печати. Она поможет понять их видение текущих и будущих отношений между славянами и Россией. Эта тема фактически являлась лейтмотивом всего съезда.

Ригер и Браунер во время мероприятий отмечали, что славяне не являются единым народом, а саму идею политического единства считали нереальной. Лидер старочехов прямо говорил о невозможности такого объединения 11 мая на обеде в Дворянском собрании Санкт-Петербурга[1373]. «Если нам невозможно соединиться материально, то соединимся же по крайней мере союзом духовным», – предлагал взамен лидер старочехов на обеде у графа Д.А. Толстого (13 мая)[1374]. О важности «духовной взаимности» также рассуждал Браунер[1375].

Во время торжественного обеда в Московском университете (20 мая) он же вновь заговорил о духовном единстве славян, которому не могут помешать расстояние, разные языки, история, обычаи и т.д.[1376] Ригер, чувствуя, видимо, что чешские идеи не находят полного понимания среди аудитории, выдвинул свой известный тезис о «разнообразии в гармонии» как главную идею для славянского взаимодействия. «Многие, быть может, предпочли бы слитие в единое целое, но тысячелетняя история не может бесследно исчезнуть. Я держусь того мнения, что разнообразие частей не исключает единства <…> Нерасчлененное единство может привести к односторонности и безжизненности, равно как одно раздробление без руководящего духа ведет к слабости и гибели»[1377].

[1373] Обед 11-го мая в Петербургском дворянском собрании // Московские ведомости. 14.05.1867. С. 2–3.

[1374] Обед у графа Д.А. Толстого 13-го мая // Московские ведомости. 16.05.1867. С. 3; Всероссийская этнографическая выставка и Славянский съезд в мае 1867 г. М., 1867. С. 202. Ригер говорил о «солнце взаимности славянской» и ранее – сразу по приезде в Санкт-Петербург (8 мая). *Там же.* С. 180.

[1375] Обед 11-го мая в Петербургском дворянском собрании // Московские ведомости. 14.05.1867. С. 3. Всероссийская этнографическая выставка… С. 209.

[1376] Славянские гости в Москве // Московские ведомости. 23.05.1867. С. 3. Всероссийская этнографическая выставка… С. 297–298.

[1377] Славянские гости в Москве // Московские ведомости. 23.05.1867. С. 3. Всероссийская этнографическая выставка… С. 300–301.

Для чего конкретно нужна была взаимность? По словам Браунера, изначально она требовалась славянам на Западе для отпора попыткам ассимиляции[1378]. Однако теперь она приобретала новые смыслы. О них Ригер высказывался дважды (11 мая в Дворянском собрании в Санкт-Петербурге и 24 мая в Английском клубе в Москве), что свидетельствует о значении, которое он придавал этим идеям. По его утверждению, славяне отстали от греков, французов, немцев и итальянцев «на пути просвещения» из-за своей «постоянной борьбы с востоком»[1379]. Однако теперь настало время «славянского просвещения»[1380]. Духовная взаимность поспособствует прогрессу славян и тем самым поможет им, лидирующим по численности, «занять первое место и в области цивилизации»[1381]. Таким образом, чехи подразумевали полноценное соревнование славян в области культуры с другими народами Европы.

Но этой цели нельзя достичь без прямой помощи (и даже лидерства) русского народа. Ведь он не только самый многочисленный среди славян, но и единственно независимый[1382]. Об этом говорил не только Ригер, но и Браунер. В речи в Дворянском собрании Санкт-Петербурга (11 мая) он выделял «общественный и нравственный прогресс», которого добилась Россия. Он заключался в следующем: «образование и умственное развитие <…> становятся достоянием всего народа», отмена крепостного права (1861 г.) и судебная реформа (1864 г.), а также «сознание взаимности славянских племен»[1383]. По мнению оратора, эти успехи являются для славян «залогом великой будущности» и ставят их в один ряд со всеми другими образованными народами[1384]. Аналогичную мысль высказал позднее в

[1378] Обед 11-го мая в Петербургском дворянском собрании // Московские ведомости. 14.05.1867. С. 2–3. Всероссийская этнографическая выставка… С. 209.
[1379] Славянские гости в Москве // Московские ведомости. 28.05.1867. С. 2. Всероссийская этнографическая выставка… С. 385.
[1380] *Там же.*
[1381] Обед у графа Д.А. Толстого 13-го мая // Московские ведомости. 16.05.1867. С. 3; Всероссийская этнографическая выставка… С. 202.
[1382] *Там же*; Славянские гости в Москве // Московские ведомости. 28.05.1867. С. 2; Всероссийская этнографическая выставка… С. 385.
[1383] *Там же.* С. 210.
[1384] *Там же.* С. 210–211.

Москве руководитель Национальной партии (16 мая в гостинице в Кокоревском подворье)[1385].

Рассуждения Браунера о России очень похожи на восприятие Ригера и Палацкого Великих реформ, открывших возможность для «славянизации» российской политики. Нет оснований полагать, что выступления обоих деятелей были некой уловкой, манипуляций или завесой, скрывающей иные помыслы. Думается, что недавняя провальная внутриполитическая борьба усиливала чешскую веру в империю Романовых и славянскую взаимность, подпитываемую атмосферой большого праздника. Последнее обстоятельство наряду с выбранной культурной сферой объясняет некоторую расплывчатость их призывов.

Однако другие обращения Ригера к России за содействием лежали уже в иной плоскости. Например, он выражал заинтересованность в развитии чешско-российских отношений в области миграции и торговли[1386]. Кроме этого, на обеде в Петербургском дворянском собрании он прямо заявил: «Россия – государство самостоятельное, и задача ее – не упускать из вида интересов племен, находящихся в политической зависимости»[1387]. Таким образом, Россия должна помогать австрийским и османским славянам, защищать их, но не стремиться включить в свой состав. Все, что будет делать Россия для славян, должно диктоваться, можно сказать, ее альтруизмом и братскими узами. В Английском клубе в Москве Ригер конкретизировал свое видение: «Вы были до сих пор первыми в защите славянства <…> теперь вам предстоит еще бóльшая работа, вам теперь надо вести борьбу наступательно;

[1385] *Там же.* С. 252.

[1386] 31 мая на заседании Русского географического общества «Ригер сделал запрос членам общества: в какой степени было бы удобно направить чешскую эмиграцию, вместо Америки, в южную Россию <…> Затем Ригер, которого, как экономиста, не могут не интересовать торговые и промышленные отношения Чехии к России, спросил, не было ли бы выгоднее чешскому рынку не в Прибалтийском крае закупать свои запасы льна как это делалось до настоящего времени, а в южной России». Всероссийская этнографическая выставка… С. 434–435.

[1387] Обед 11-го мая в Петербургском дворянском собрании // Московские ведомости. 14.05.1867. С. 2–3.

на вас лежит долг освобождения южных славян, чтобы славянская кровь не вопияла к небу более, все еще находясь в руках турок»[1388].

По нашему мнению, на этот момент стоит обратить пристальное внимание. Во-первых, переход к данной теме в выступлении был несколько неожиданным, ведь изначально Ригер говорил о важности лидирующего участия русских в славянском сближении. Во-вторых, чешский деятель противоречил собственным мыслям, озвученным в апреле на заседании богемского ландтага. Тогда он сделал акцент на важности наращивания австрийского влияния среди югославян на Балканах, необходимости «обеспечить их будущее». А Россию лидер Национальной партии рассматривал как конкурента в Вены в регионе. Теперь же ситуация изменилась: в поддержке национальных движений южных славян предпочтение отдавалось Санкт-Петербургу. Конечно, на акции в Москве сложно было сказать что-то иное. Но, вполне возможно, после игнорирования Веной чешских требований и утверждения дуализма Ригер на время мог разувериться в способности Габсбургской монархии успешно действовать на международной арене.

Наконец, хочется заметить, что лидер Национальной партии на публичном неполитическом мероприятии совершенно открыто рассуждал о российской внешней политике. Однако его слова не привели к конфузу. В Славянском съезде участвовали две сербские (из монархии Габсбургов и Сербского княжества) и болгарская делегации. Для них вопрос российской помощи являлся животрепещущим. Кроме этого, российское общество сопереживало положению единоверцев в Османской империи. О.В. Павленко подчеркивает, что весной-летом 1867 г. «идея освобождения славян была одной из наиболее популярных»[1389]. Поэтому слова оратора вызвали энтузиазм, зафиксированный в «Московских ведомостях».

[1388] Славянские гости в Москве // Московские ведомости. 28.05.1867. С. 2. Всероссийская этнографическая выставка… С. 386.

[1389] *Павленко О.В.* Славянский фактор в идеологии и внешней политике Российской империи и монархии Габсбургов… С. 281.

Другое обращение к российской общественности было связано с куда более щекотливым для нее вопросом – польским. Впервые о нем Ригер заговорил еще 7 мая на приеме у попечителя Виленского учебного округа И.П. Корнилова. «От Люблина, Варшавы речь перешла на поляков; и здесь Ригер, обвивая свое слово самыми деликатными оговорками, выразил желание, необходимость de certaines transactions avec les Polonais», – отмечали «Московские ведомости»[1390]. На эту тему чешский деятель развернуто высказался 21 мая за общим обедом в павильоне на Ширяевом поле в Сокольниках. Таким образом, поделиться мнением по поводу русско-польского конфликта Ригер хотел с самого начала своего приезда. Его речь не была экспромтом.

В ней он высказал несколько тезисов. Сначала Ригер не преминул напомнить о своей и Палацкого негативной позиции относительно Январского восстания. При этом чехи, подчеркивал он, хотели отстраниться и взвешенно оценить действия обеих сторон[1391]. Руководствуясь и теперь таким подходом, Ригер утверждал: если «Россия призвана осуществить славянское братство в рамках любви и свободы», то она должна признать за поляками «право на свое народное существование»[1392]. Фактическим обоснованием для этого права стало отличие польских истории и языка от русских[1393]. Оперируя данными категориями, оратор одновременно аргументировал оправданность принадлежности кресов к России. При этом «если придет время, когда поляки признают, искренно и в полной мере ваши права, права вашей народности, особенно же права малороссийской ветви,

---

[1390] Фразу на французском языке можно перевести как «определенного примирения с поляками». Всероссийская этнографическая выставка… С. 172.

[1391] Сокольницкий банкет в честь славянских гостей 21-го мая // Московские ведомости. 24.05.1867. С. 3. Всероссийская этнографическая выставка… С. 344.

[1392] *Там же.*

[1393] *Там же.* В этой связи уместно привести более ранее замечание корреспондента «Московских ведомостей», касающееся Ригера: «Труд Риттиха не удовлетворил его любознательности, ибо вероисповедание он не признает отличительным признаком племени. Таким признаком, составляющим естественную международную границу, он считает перелив наречий, т.е. ту черту, где одно из них кончается и начинается другое». События происходили на приеме славянских гостей у И.П. Корнилова (7 мая 1867 г.). Всероссийская этнографическая выставка… С. 172.

тогда придет ваша очередь», – заявил он[1394]. В русско-польском примирении Ригер видел «главный залог признания и лучшей будущности славянства»[1395]. Интересна еще одна причина для принятия скорых мер: он допускал, что поляки привлекут к борьбе против России немцев в качестве союзников[1396]. Опасность сближения поляков и немцев Ригер рассматривал всерьез, поскольку рассуждал о ней и в начале 1870-х гг.

Итак, полякам в очередной раз отводилась особая роль в планах Ригера. Искушенный политический деятель, он понимал, что если брать на вооружение концепцию всеславянства для преодоления кризисных моментов, то неизбежно ее продвижение столкнется с польским вопросом[1397]. Впрочем, на этом выступлении Ригер повел себя самоуверенно, недооценив, насколько живо события Январского восстания 1863–1864 гг. еще отзывались в российском обществе.

Примечательно, что хотя польская эмиграция отказалась от посредничества старочешского вождя между ней и Россией, он все равно взял на себя эту роль. Очевидно, его речь была адресована не только к русским, но и полякам. Он хотел продемонстрировать свою прежнюю готовность и желание к теснейшей координации действий, даже несмотря на критику с обеих сторон. Ведь по словам Л. Леже, среди польских деятелей можно было найти тех, кто к выступлению Ригера отнесся «беспристрастно и более справедливо»[1398]. В пример французский славист привел реакцию Анджея Замойского: «Очевидно, нам хотелось бы более жестких формулировок, но мы понимаем, в какой ситуации находился господин Ригер, и благодарны за его добрую волю»[1399].

Благодаря «польской» речи Ригера хорошо видно, что чешская политика пыталась выйти на международный уровень, преодолеть свою

[1394] Сокольницкий банкет в честь славянских гостей 21-го мая // Московские ведомости. 24.05.1867. С. 3. Всероссийская этнографическая выставка… С. 344.
[1395] *Там же.*
[1396] *Там же.* С. 345.
[1397] *Киселькова Н.В.* Указ. соч. С. 119.
[1398] *Leger L.* Souvenirs d'un slavophile… P. 61.
[1399] *Ibid.* P. 62.

региональность. Это была игра с действительно высокими ставками. Однако, по нашему мнению, ее главный представитель на тот момент переоценил свои силы. Он по-прежнему пытался объединить несовместимых политических игроков. В итоге его шаги вызвали жесткие нарекания и с той, и с другой стороны. По сути, был повторен опыт 1863 г.

Предлагая решение вопроса явно не в пользу политики Санкт-Петербурга в Привислинском крае, Ригер вступал в конфликт с большей частью российских официальных и общественных кругов. Неслучайно, что через некоторое время после чешского деятеля выступил князь В.А. Черкасский, вставший на защиту линии центра в регионе. Можно предполагать, что упоминание в «Московских ведомостях» о громогласных овациях, сопровождавших речь князя, не было ни случайным, ни большим преувеличением[1400].

Славянский съезд показывал, что российские общественные круги не слишком разделяли идеи Национальной партии. Так, во время торжественного обеда в Московском университете (20 мая) выступил известный историк и публицист Д.И. Иловайский. Он неожиданно заговорил о концепции австрофедерализма и демонстративно подверг ее критике. Ученый говорил, что «относительно наших западных и южных соплеменников нам нередко приходится слышать о надеждах, возлагаемых на федерализм; но федерализм <…> есть дело более или менее случайное и всегда непрочное»[1401].

Среди критиков этой идеи важно упомянуть Каткова, назвавшего ее «химерой». «Химера также и та мысль, что империя Габсбургов может когда-нибудь превратиться в державу славянскую <…> Федерализм хуже, чем откровенный дуализм», – отмечалось в его издании[1402]. Любопытно, что и в России, и во Франции, таким образом, по крайней мере часть общества

[1400] Сокольницкий банкет в честь славянских гостей 21-го мая // Московские ведомости. 24.05.1867. С. 3. Всероссийская этнографическая выставка… С. 356–363.
[1401] Москва, 22-го мая // Московские ведомости. 23.05.1867. С. 2. Всероссийская этнографическая выставка… С. 309.
[1402] Москва, 20-го мая // Московские ведомости. 21.05.1867. С. 1.

отдавала предпочтение дуализму перед федерализмом, пусть и из разных побуждений. Более того, часть российской прессы даже склонялась к тому, что монархия Габсбургов не имеет будущего[1403].

«Московские ведомости» также критиковали речь Ригера, в которой он выступал за «разнообразие в гармонии». По их мнению, славянские народы не стоят так далеко друг от друга в языковом и историческом плане, как утверждал чешский деятель. Поэтому они еще имеют шанс слиться в один народ, в чем издание не видело ничего плохого[1404].

Встречи чехов с российскими официальными лицами также не отличались плодотворностью. 10 мая Ригер и Палацкий нанесли визит вице-канцлеру Горчакову. Князь «выразил им, и в лице их всем австрийским славянам, свою готовность содействовать представлению их государю-императору, заметил, что они должны, по заведенному обычаю, обратиться сначала к австрийскому посланнику при нашем дворе»[1405]. Встреча в общем-то ни к чему не привела, что вполне логично[1406]. Показательна позиция Горчакова, который ясно дал понять и чехам, и австрийскому посланнику, что российские власти прежде всего учитывают мнение монархии Габсбургов относительно действий ее подданных.

Затем Палацкий и Ригер навестили посланника графа Ревертеру и попросили через него об аудиенции у Александра II. 14 мая Ф.Л. Ригер, Ф. Палацкий, а также фольклорист и этнограф К.Я. Эрбен и врач Й. Гамерник встретились с императором в Царском Селе в присутствии Ревертеры[1407]. Как известно, аудиенция не принесла чехам никаких дивидендов. На ней не затрагивались политические вопросы[1408]. Лидеры старочехов также

[1403] *Павленко О.В.* Славянский фактор в идеологии и внешней политике Российской империи и монархии Габсбургов… С. 282.
[1404] Москва, 22-го мая // Московские ведомости. 23.05.1867. С. 2.
[1405] Представление славянских депутатов князю Горчакову // Московские ведомости. 13.05.1867. С. 2.
[1406] *Kazbunda K.* Pout' Čechů do Moskvy… S. 46.
[1407] Представление славян государю императору в Царском Селе // Московские ведомости. 18.05.1867. С. 2.
[1408] Вот что Ригер писал своей жене об этой встрече: «Сперва были богослужения, потом разговаривали с царем. О том, о чем ты и без того уже знаешь из сообщений телеграфом. Все остальные вопросы [со стороны Александра II] были банальны <…>». [1867 květen konec] – Rieger choti // Příspěvky k listáři Dra Fr. Lad. Riegra. Díl 1... S. 177.

пообщались с императрицей Марией Александровной. «С Палацким Ее величество говорила о чешской литературе, о том, что чехи – пуристы в деле языка и не допускают в него иностранных слов»[1409]. Императрица в разговоре с чехами сожалела, что славянские народы не имеют единой письменности и азбуки[1410].

Несмотря на безрезультатность встречи с императором, она стала для Вены, по мнению пражских политиков, ярким доказательством мощи и веса чешской политики[1411].

В конце своей поездки в Москву и Петербург лидер старочехов произнес: «Мы уедем из России уверенными в братском расположении к нам всего народа русского, и поверьте, что это сближение наше не останется без последствий благоприятных, как для нас, так и для Руси»[1412]. В этом же духе он писал своей жене по итогам поездки[1413]. Но расхождение в ключевых вопросах между чешской стороной и русскими представителями явно наметились уже по ходу съезда[1414].

Исследователи сходятся во мнении, что, с точки зрения политических дивидендов, чехи решительно ничего не получили. Об этом свидетельствовали встречи с Александром II, членами императорской фамилии и видными официальными лицами России, оставшиеся без последствий. Более того, царь выразил свое сожаление австро-венгерскому поверенному в делах по поводу участия в съезде делегаций австрийских славян. Весьма показательна его следующая фраза: «<…> но австрийский император не может полагать, что я хотел завлечь его подданных. Поездка (чехов – *И.К.*) и все эти демонстрации мне претили, я им

[1409] Представление славян государю императору в Царском Селе // Московские ведомости. 18.05.1867. С. 2.
[1410] *Там же.*
[1411] *Doubek V.* Velikost Ruska a národní zájem české politiky… S. 30.
[1412] Славянский праздник в Павловске (из С.-Петербургских ведомостей) // Московские ведомости. 3.06.1867. С. 3.
[1413] 1867 červen 17. Varšava. – Rieger choti // Příspěvky k listáři Dra Fr. Lad. Riegra. Díl 1... S. 178.
[1414] Это подметил и Ю. Грегр после выступления старочеха о «гармонии в разнообразии»: «Ригер говорит как Бог, но русским это не понравится». 1867 červen 2. Moskva. – Rieger choti // *Ibid.*

не содействовал, а только жалел их»[1415]. О схожем содержании этой беседы (эмоционально, впрочем, более окрашенном) представительство Франции в Вене сообщало в Париж: «Император Александр решительно протестовал против любой мысли о вмешательстве его правительства в чешскую или славянскую агитацию в Богемии и других провинциях империи. Если некоторые члены панславистской партии вступали в сношения с агитаторами, император настойчиво заверял их, что, со своей стороны, он не только не поощряет подобные маневры, но, напротив, формально осуждает и открещивается от них. Что касается пражских славянофилов (гг. Палацкий, Ригер и др.), приехавших на московский съезд, то их присутствие не только не вызвало у него удовлетворения, но, напротив, вызвало у него столько же неудовольствия, сколько и отвращения (последнее выражение дословно). Ничто не отталкивало его так сильно, как эти предательства, замаскированные под облик скорее теоретических, чем практических чувств»[1416].

В конце мая – начале июня 1867 г., как раз во время съезда в России, между главой французского МИД и посланником в монархии Габсбургов состоялся очень важный обмен мнениями. Руководитель ведомства Мустье в письме Грамону предполагал, что из-за победы дуализма может возникнуть сильное недовольство не только в Хорватии, но и в Богемии и Галиции. По информации неких источников, богемская аристократия окажется готовой объединить силы со «славянской партией», что усилило бы хорватскую оппозицию в Транслейтании[1417]. Мустье желал прояснить у дипломата политическую ситуацию в Дунайской империи, особенно в связи с

[1415] Příloha VIII. Důvěrná zpráva rakousko-uherského chargé d'affaires v Petrohradě, ryt. Alb. Vetsery, Beustovi ze dne 19. července 1868, č. 17B // Kazbunda K. Pouť Čechů do Moskvy... S. 107.
[1416] Le Duc de Gramont, Ambassadeur à Vienne, au Marquis de Moustier, 27 juillet 1868 // Les origines diplomatiques de la guerre de 1870–1871: recueil de documents. T. 21. 1er mars 1868 – 31 juillet 1868. Paris, 1928. P. P. 458.
[1417] Le Marquis de Moustier au Duc de Gramont, Ambassadeur à Vienne, 31 mai 1867 // Les origines diplomatiques de la guerre de 1870–1871: recueil de documents. T. 17. 13 mai 1867 – 16 juillet 1867. Paris, 1925. P. 138.

«панславистскими демонстрациями, имевшими место в последние дни в Санкт-Петербурге и которые повторятся в Москве»[1418].

Министр также информировал о позиции французского посланника в России Ш. де Талейрана: съезд стоит рассматривать как «угрозу в более или менее отдаленном будущем австрийским и турецким провинциям»[1419]. Сам глава МИД полагал, что Этнографическая выставка в Москве приобрела политический характер. Зная о присутствии на ней представителей из Богемии, Хорватии, Далмации, словацких и сербских земель, он стремился выяснить у Грамона, проникнуты ли те «панславистскими идеями»[1420]. Информаторы, в свою очередь, докладывали Мустье, что риторика ведущих славянских деятелей на съезде не позволяет сделать такой вывод, к тому же чехи «заявляли о своей верности Австрийскому дому»[1421]. Также, по данным сановника, они опасались, что Вена сделает свой окончательный выбор в пользу венгров. В таком случае дуализм в чешском восприятии мог стать подоплекой для будущих территориальных потерь на границе с германским регионом, что заставит власти перенести столицу в Пешт[1422]. Обеспокоенность чехов, считал руководитель ведомства, может поспособствовать российскому влиянию в славянских провинциях монархии[1423].

Данные Мустье в целом не были далеки от истины. Он, конечно, не знал, что партия Клам-Мартиница наладила сотрудничество с Национальной партией еще в начале 1860-х гг., но при этом прохладно относилась к национальной борьбе славянских народов. Кроме того, министр ошибочно полагал, что Россия стремится нарастить свой вес среди австрийских славян.

[1418] *Ibid.* P. 138.
[1419] *Ibid.*
[1420] *Ibid.* P. 138–139.
[1421] *Ibid.* P. 139.
[1422] Дословно: «Mais ils craindraient d'être abandonnés éfinitivement par elle au profit des Hongrois, et verraient même dans le système du dualisme l'arrière-pensée de se préparer du côté de l'Allemagne à des pertes territoriales qui amèneraient un jour l'Autriche à chercher un centre politique à Pesth en y transférant sa capital». *Ibid.*
[1423] *Ibid.*

И чехов, как мы видим, он воспринимал как своего рода уязвимый элемент в рамках монархии.

26 июня 1867 г. посланник де Грамон развернуто ответил на вопросы своего руководителя. Он утверждал, что с обнародованием манифеста от 20 сентября 1865 г. венское правительство при поддержке «реакционной и феодальной партии» отошло от либеральных принципов и конституционных норм. Кабинет начал развивать «феодальный федерализм», надеясь договориться с Венгрией (вне рамок закона) и позднее схожим образом с другими провинциям. Все эти действия, утверждал автор, и вызвали взрыв общественного недовольства[1424]. Однако премьер-министр Ф. Бойст ныне успешно преодолевает внутриполитический кризис, вернув в монархию правовые устои. Отход от предыдущей политики вызвал протест со стороны богемских аристократов. В итоге «феодальная партия объединилась со славянской партией и потребовала для Богемии того же, что даруют Венгрии»[1425].

Грамон не считал чешские заявления правомочными. По мнению дипломата, статус Венгерского королевства был выше, т.к. его и Габсбургов связывает «синаллагматический договор», подразумевающий взаимные права и обязанности равных сторон. Богемия же – «просто древнее королевство, присоединенное к Австрийской империи, подобно Каринтии или всякой другой провинции монархии»[1426].

Из всего изложенного проистекал важный вывод: «В австро-венгерском конфликте Венгрия права, а Австрия – нет; в австро-славянском конфликте нет никаких оснований для возражений против имперского правительства. На стороне кабинета – законность, и его сопротивление законно»[1427].

[1424] Le Duc de Gramont, Ambassadeur à Vienne, au Marquis de Moustier, 26 juin 1867 // Les origines diplomatiques de la guerre de 1870–1871: recueil de documents. T. 17. 13 mai 1867 – 16 juillet 1867. Paris, 1925. P. 318–319.

[1425] *Ibid.* P. 319. При этом он не верил в долгосрочный союз между консервативной шляхтой и либеральной Национальной партией. *Ibid.* P. 319–320.

[1426] *Ibid.* P. 319.

[1427] *Ibid.*

Судя по словам Грамона, чешскую историю он знал плохо[1428]. Что касается современных ему событий, то их интерпретация страдала некоторой тенденциозностью: партия Клам-Мартиница и Национальная партия в депеше превращались в группу смутьянов, требующих неоправданных привилегий и действий во вред монархии, которая наконец обретает столь нужную стабильность. Утверждение дуализма посланник воспринимал как легитимный и справедливый результат, который удовлетворял требования венгерской оппозиции. К федерализму он относился с явной неприязнью, идеи чешского исторического права ему были абсолютно чужды. Неудивительно, что фигура Бойста у него вызывала симпатии.

Продолжая свою депешу, французский представитель видел в поездке чехов на Славянский съезд демонстрацию и одно из кульминационных усилий своего рода славянской оппозиции в монархии, чувствующей, что «правовая почва уходит у нее из-под ног»[1429]. Но что интересно, чешские делегаты, по его мнению, вряд ли всерьез делали ставку на заступничество России[1430].

Грамон критически относился и к их опасениям, что после победы дуализма территории, граничащие с Германией, будут потеряны, а центром империи станет Пешт. С его точки зрения, входящие в состав Австрийской империи земли не были способны существовать как независимые государства, они объективно нуждались в единстве[1431]. Тем самым посланник

[1428] Фердинанд I Габсбург был избран чешским королем местными сословиями (1526 г.). Одним из условий его восшествия на престол стало признание и соблюдение их прав. Это тоже можно считать «синаллагматическим договором». И, разумеется, в то время никакой Австрийской империи еще не существовало.

[1429] Le Duc de Gramont, Ambassadeur à Vienne, au Marquis de Moustier, 26 juin 1867 // Les origines diplomatiques de la guerre de 1870–1871: recueil de documents. T. 17. 13 mai 1867 – 16 juillet 1867. Paris, 1925. P. 320.

[1430] «Разве у них (чехов – *И.К.*) нет Польши перед глазами? Разве они не умеют отличать правду от лжи в этой плохо переваренной смеси абсолютизма и демократии, которая, по сути, не дает гражданину никаких гарантий его прав, свобод или интересов? Россия для населения, соседствующего с ее территорией, не является тем, чем она представляется иностранным правительствам», – рассуждал Грамон. *Ibid.* P. 321.

[1431] Посланник раскрывал свою мысль следующим образом: «Венгрия нуждается в остальной части монархии так же, как монархия может нуждаться в ней. Эти королевства или провинции Австрийской империи – венгерские, славянские или немецкие – не могут жить сами по себе, своей собственной жизнью, как независимые республики; их географическое положение, их материальные потребности, их промышленность обязывают их быть частью великой империи, которая раздвигает их торговые границы и предоставляет им доступ к своим рынкам сбыта. Они должны кому-то принадлежать». *Ibid.* P. 320

разделял мысли Бисмарка на этот счет и отчасти – положения австрославизма.

Можно сделать вывод, что дипломат осуждал мотивы чешского присутствия на Этнографической выставке в Москве, но не придавал большого значения самой акции. Пожалуй, он видел в ней симптом беспомощности австрийских славян. Беспокойства чехов по поводу судьбы монархии Габсбургов он воспринимал как слабо обоснованные.

Очевидно, французское посольство в Вене было негативно настроено к деятельности Национальной партии и положительно – к политике имперского центра.

Надо сказать, что Мустье в ответном письме полностью согласился с Грамоном. Как опасался министр, «славянская оппозиция с центрами в Аграме (Загребе – *И.К.*) и Праге станет угрозой для примирительной деятельности императора Франца Иосифа», но дипломат развеял его страхи[1432]. О Бойсте, готовом и дальше укреплять дуалистический строй, глава МИД отозвался позитивно. «Мы будем и впредь с самым неподдельным интересом следить за различными этапами этой работы <…>, и никто не желает ее полного успеха более искренне, чем мы», – так завершил свое послание сановник[1433].

Письмо Мустье наглядно показывает, что он с симпатией относился к Аусгляйху, видел в нем благо для монархии Габсбургов. Безусловно, глава МИД надеялся, что полной победе нового строя не воспрепятствуют никакие события. Подобные мысли в Париже фиксировал и Ригер во время своего пребывания в столице Франции в апреле-мае 1867 г. Позиция же конкретно Мустье демонстрирует, что надеяться на поддержку французского министерства иностранных дел чехам в то время не приходилось.

[1432] Le Marquis de Moustier au Duc de Gramont, Ambassadeur à Vienne, 3 juillet 1867 // Les origines diplomatiques de la guerre de 1870–1871: recueil de documents. T. 17. 13 mai 1867 – 16 juillet 1867. Paris, 1925. P. 361.

[1433] *Ibid.*

Возвращаясь непосредственно к итогам съезда, стоит выделить мнение, что чехам кое-чего удалось добиться. Так, М. Главачка пишет о том, что участники чешской делегации уезжали с устным обещанием России поддержать их в случае распада империи Габсбургов и претензий Пруссии на чешские земли[1434]. О неких смутных обещаниях российских официальных кругов упоминает и И.В. Чуркина[1435]. Но последующие события показали, что неопределенные обещания, даже если они были, таковыми и остались.

Можно согласиться с Главачкой, что «до сих пор непонятная славянская взаимность после этой поездки конкретизировалась <…> Она стала живой, целенаправленной, политической (возможно, и внешнеполитической) конструкцией»[1436]. Этим она отличалась от схожих попыток совместных действий австрийских славян в рейхсрате в начале 1860-х гг. Такое же мнение высказывалось ранее в отечественной историографии: русофильство способствовало сплочению чешского общества в критических условиях[1437].

В России съезд вызвал рост общественного интереса к славянским движениям, результатом чего было образование в ряде городов славянских благотворительных комитетов, расширение контактов со славянской общественностью. Усилились культурные и научные контакты между чешскими землями и Россией[1438].

Как отреагировали на участие австрийских славян в монархии Габсбургов? Для начала важно подчеркнуть, что ключевым термином для понимания реакции властных структур и лояльной ей общественности является панславизм. Бойст отводил ему в рамках дуализма важную роль. Министр стремился сделать его инструментом и для внутренней, и для международной политики. Такая «двухуровневость» позволяла не только

[1434] *Главачка М.* Указ. соч. С. 63.
[1435] *Чуркина И.В.* Предыстория поездки славян на Всероссийскую этнографическую выставку в Москве… С. 16.
[1436] *Главачка М.* Указ. соч. С. 62–63.
[1437] *Лебедева О.В.* Указ. соч. С. 143.
[1438] *Павленко О.В.* Славянский фактор в идеологии и внешней политике Российской империи и монархии Габсбургов… С. 279, 284–288.

делать акцент на экзистенциальной угрозе существованию Габсбургской империи, но и придавать борьбе с ней общеевропейское значение. Кроме того, панславизм выполнял консолидирующую функцию для австронемецкого и венгерского народов монархии, чьи внешнеполитические интересы достаточно сильно отличались[1439]. Как справедливо отмечается в историографии, «фигура “панславизма”, идеологически прикрывавшая несправедливый и ущемлявший интересы славянского большинства государства Габсбургов политический режим, служила его легитимации, что уже само по себе располагало к сохранению и всяческому подчеркиванию “панславизма” в общественно-политическом дискурсе Австро-Венгрии»[1440].

Поэтому неудивительно, что правящие круги Вены и Пешта восприняли «панславистскую демонстрацию» как вмешательство России во внутренние дела монархии Габсбургов и серьезную угрозу. В столице империи считали, что панславистское движение откровенно поощряется петербургским кабинетом, а Этнографическая выставка – проявление этой поддержки[1441].

Австронемецкая и особенно венгерская пресса, и без того враждебно настроенная к России, открыла невиданную по масштабу и эмоциям полемику против чехов и России. Эта тема стала ведущей практически у всех газет[1442]. Даже посланник в Санкт-Петербурге граф Ревертера посчитал риторику печатных органов чрезмерно агрессивной[1443]. Поездка чехов в Россию стала желанной возможностью для Бойста через прессу: 1) дискредитировать чехов, их требования и попытки улучшить свой статус в государстве (через обвинения в связях со страной-угрозой и, соответственно,

---

[1439] *Медяков А.С.* «Призрак славизма». О функциональности образа России во внешней политике монархии Габсбургов первых лет дуализма // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2025. Т. 16. Выпуск 10 (156). URL: https://history.jes.su/s207987840037065-0-1/ DOI:10.18254/S207987840037065-0 Дата обращения: 1.12.2025.

[1440] *Там же.*

[1441] *Медяков А.С.* Между Востоком и Западом… С. 186.

[1442] *Там же.* С. 188.

[1443] *Медяков А.С.* «Призрак славизма». О функциональности образа России во внешней политике монархии Габсбургов первых лет дуализма // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2025. Т. 16. Выпуск 10 (156). URL: https://history.jes.su/s207987840037065-0-1/ DOI:10.18254/S207987840037065-0 Дата обращения: 1.12.2025.

в предательстве); 2) мобилизовать политиков Дунайской монархии против России; 3) настроить в этом же ключе общественное мнение в Европе, особенно во Франции[1444].

Характерно, что австрийское правительство знало о разногласиях между приехавшими гостями и принимавшими хозяевами. Главачка убедительно показал в своем исследовании, что Вена была очень хорошо информирована обо всем, что касалось чешской делегации на съезде[1445].

В целом газетная полемика, затянувшаяся на многие месяцы, стала еще одним серьезным фактором, осложнявшим австро-русские отношения в середине – второй половине 1860-х гг.[1446]

Одним из важнейших явлений в чешском обществе Богемии после Славянского съезда (даже несмотря на его эфемерные результаты) стал всплеск русофильства. В массовом сознании факт того, что чехи «приложились» к единому славянскому миру породило иллюзию, что теперь они часть большой семьи. И чехи ощущали, что за их спинами якобы стоит «пятидесятимиллионная нация русских»[1447].

В общественном мнении нарастала мода на русское. В пивных, несмотря на запреты власти, пели гимн царской России[1448]. Начали выходить учебники по русскому языку, были учреждены курсы по его изучению[1449]. В это время наблюдался всплеск закупок книг из России. Чешское общество также накомилось с творчеством М.И. Глинки. В Праге в 1869 г. организовал концерт лидер «Могучей кучки» М.А. Балакирев. Во Временном театре в столице Богемии ставили «Ревизора» Н.В. Гоголя, а также «Бедность не порок» А.Н. Островского[1450]. Эти частные моменты показывают, что русофильство стало относительно массовым явлением в чешском обществе, а его демонстративность приобрела широкий характер.

[1444] *Там же.*
[1445] *Главачка М.* Указ. соч. С. 58.
[1446] *Медяков А.С.* Между Востоком и Западом… С. 193.
[1447] *Borovička M. et al.* Velké dějiny… S. 185.
[1448] *Ibid.*
[1449] *Tobolka Z.* Op. cit. S. 158.
[1450] *Pfaff I., Zadovský V.* Tradice česko-ruských vztahů… S. 188.

Младочехи тоже прониклись симпатиями к России. Э. Грегр, как уже упоминалось, писал в дневнике не только о Франции, но и о России как о возможном союзнике в решении чешского вопроса. Теперь он отмечал: «Настоящая демократия может развиться лишь в России»[1451]. Типография Грегра распространяла брошюру «Путешествие славян в Россию 1867 г. и его значение», в которой Россия описывалась в идеализированном ключе[1452]. Показательным фактом стало то, что в 1869 г. К. Сладковский, известный полонофил, перешел в православие (хотя это и был чисто политический жест)[1453]. В условиях игнорирования чешских национальных требований и страха перед возможной германизацией младочехи поверили, что поддержка России даст больше дивидендов. При этом ориентацию на Санкт-Петербург они посчитали однозначно более важной, чем ориентацию на Францию[1454].

Среди старочехов в общем и целом тоже царил энтузиазм, который, впрочем, не был полным. Есть свидетельство соратника Пражака А. Мезника, что Палацкий был доволен поездкой[1455]. Оно подтверждается данными Л. Леже: «Мои политические друзья Ригер, Палацкий, Браунер только что вернулись из путешествия в Москву. Они все еще были очарованы восторженным приемом, который они получили, и прогрессом, который они имели возможность наблюдать»[1456]. При этом французский славист добавил высказывание Палацкого: «Когда я видел в Варшаве, что использование русского языка является абсолютно обязательным – даже для вывесок и меню в ресторанах (наряду с польским языком) – мое сердце обливалось кровью»[1457].

[1451] *Grégr E.* Deník… S. 168.
[1452] Достаточно процитировать следующий фрагмент из главы «Размышления об отношениях в России. От члена славянской депутации»: «О том, как в своей чистоте сохранился славянский элемент в России, свидетельствуют также демократические основы всего российского общества. Здесь нет привилегированных и исключительных сословий, как еще сегодня есть во всей Западной Европе». Pouť Slovanův do Ruska roku 1867 a její význam. Praha, 1867. S. 121.
[1453] *Bouček A.* Karel Sladkovský. Praha, 1948. S. 34.
[1454] *Reznikow St.* Op. cit. S. 109, 111.
[1455] 1867, červen 24. Praha. – Dr. Ant. Mezník Dr. Al. Pražákovi // Paměti a listář Dra Aloise Pražáka. Díl druhý… S. 71.
[1456] *Leger L.* Souvenirs d'un slavophile… P. 60.
[1457] *Ibid.* S. 61.

Однако эта реакция не слишком повлияла на симпатии чешского политика. В письме Тайандье от 27 октября 1867 г. он открыто отошел от восприятия монархии Габсбургов как защитницы чехов перед немецкой угрозой[1458]. Он раскритиковал венгров за их национальный эгоизм, а также поляков, готовых на все ради мести России[1459]. По-прежнему, как и в 1860 г. (т.е. даже после поездки в Париж), он считал, что большинство французов не может отличить чехов от цыган, потому чешскому обществу бессмысленно на них надеяться[1460]. На этом фоне, подчеркивал Палацкий, политики и писатели из земель короны святого Вацлава были приятно удивлены приемом российской общественности. И перед ее позитивным отношением к ним не сможет устоять ни официальная дипломатия, ни сам царь[1461].

Можно было бы предположить, что такому прекраснодушию способствовал восторженный прием славянских делегаций в Санкт-Петербурге и Москве людей, далеких от политики. Однако позиция организаторов съезда была иной. Они не могли не учитывать выступление Ригера в защиту поляков. Доверенные лица чешского политика в России писали ему, как трудно улучшать его образ в этой стране, ибо он воспринимается в ней сугубо как полонофил[1462].

Его популярность падала и от того, что он не придавал особого значения контактам с полуофициальными общественными кругами в России[1463]. После поездки сам Ригер выражал определенные сомнения по поводу своих успехов. И при этом нисколько не сомневался в ее изначальной оправданности. Для этого, считает В. Доубек, он был слишком уверенным и убежденным сторонником собственных политических ориентиров[1464]. Спустя какое-то время после съезда А. Мезник красноречиво заметил в письме А. Пражаку: «Удивляюсь, что господин Ладислав до сих пор не дал новостей о

[1458] *Kořalka J.* František Palacký (1798–1876): životopis. Praha, 1998. S. 489.
[1459] *Ibid.*
[1460] *Ibid.*
[1461] *Ibid.*
[1462] *Doubek V.* Česká politika a Rusko… S. 121.
[1463] *Ibid.*
[1464] *Doubek V.* Obraz Ruska v politice F.L. Riegra a F. Palackého… S. 69.

результатах своей поездки; вероятно, сказать можно мало определенного»[1465].

Апрель-май 1867 г. можно считать периодом заметных чешских акций за рубежом. При этом они носили чисто оборонительный характер. Что касается чешских франкофильства и русофильства, то, очевидно, они шли в тот момент рука об руку. Следует согласиться с О. Урбаном, который считал, что эти два течения дополняли друг друга[1466]. Показательно, что решения отправиться в эти страны стояли по времени совсем рядом: во Францию Ригер вознамерился отправиться на рубеже февраля-марта 1867 г., в Россию – в апреле. Да и сами поездки как бы плавно перетекали одна в другую. Впрочем, нельзя забывать, какой урон был нанесен репутации чехов поездкой в Россию у французской общественности. Идея сближения одновременно с Россией и Францией объективно наталкивалась на трудности.

Важно резюмировать и то, что политикам Национальной партии не удалось достигнуть целей, которые они поставили перед собой. Приблизиться к выполнению глобальной задачи – федерализации монархии Габсбургов и решению чешского вопроса – так и не удалось. 8 июня 1867 г. Франц Иосиф I короновался как правитель Венгрии. Через полгода дуализм в

[1465] 1867 [?] bez data. – Dr. Ant. Mezník Dr. Al. Pražákovi // Paměti a listář Dra Aloise Pražáka. Díl druhý… S. 71.
[1466] *Urban O.* Česká společnost…S. 228.

западной половине монархии получил свое окончательное оформление в виде Декабрьской конституции[1467].

На наш взгляд, гибко действовать одновременно во Франции и России в тех условиях было едва ли возможно. Ригер явно недооценивал ни позицию царского правительства, ни глубину «польской травмы» у российского общества. Что касается Франции, то здесь еще предстояло заняться углублением связей и усилением пропаганды. Руководству Национальной партии во время своих поездок предстояло открыть для себя, что концепция чешского государственного права и ее реализация ни для какой крупной европейской державы не представляла особого интереса на поле большой политики[1468].

Июнь 1867 г. важен не только как время проведения Славянского съезда в России. Тогда же состоялась поездка Александра II и А.М. Горчакова на Всемирную выставку в Париж. Это путешествие было вызвано необходимостью наладить диалог с французским руководством, с которым у

[1467] В соответствии с новыми нормами государство разделялось на две самостоятельные (и унитарные) части. Западная (австрийская) половина официально называлась «королевства и земли, представленные в рейхсрате» (неформально – Цислейтания). Восточную половину являло собой Венгерское королевство (Транслейтания). Обе части империи объединяли лишь т.н. «общие дела». К ним относились внешняя политика, армия, а также финансы (в объеме, необходимом для обслуживания первых двух). Эти сферы курировали общеимперские министерства. Главным координирующим органом являлся Общий совет министров. Обычно на нем присутствовали главы общеимперских министерств, а также руководители кабинетов Цислейтании и Транслейтании. Единый парламент отсутствовал, его заменяли заседания делегаций (по 60 человек от рейхсрата и Государственного собрания). Их полномочия были весьма ограниченными и сосредотачивались в основном на вотировании бюджета для общих министерств. Австрийская и венгерская половины имели собственные правительства, а также высшие законодательные органы – соответственно двухпалатный рейхсрат и Государственное собрание. Судебные системы тоже были разными. Дуализм проявлялся и в экономике: раз в десять лет между Цислейтанией и Транслейтанией заключался новый торговый и таможенный договор. Он регулировал в том числе квоту финансирования обеими частями государства «общих дел». Роль императора в рамках конституционной монархии оставалась крайне значительной. Он руководил внешней политикой страны и армией, назначал и отправлял в отставку кабинеты министров, имел право роспуска парламентов и издания законов в перерывах между их сессиями. *Ненашева З.С.* Общественно-политическая мысль в чешских землях в конце XIX – начале XX века. М., 1994. С. 18–22. Политические партии и общественные движения в монархии Габсбургов, 1848–1914 гг… С. 92. *Медяков А.С.* Между Востоком и Западом... С. 11, 13–17, 20–21.

[1468] *Borovička M. et al.* Velké dějiny… S. 185.

России было множество разногласий, особенно по Критскому кризису[1469]. Несмотря на торжественные мероприятия и дружелюбные жесты (Наполеон III лично встречал Александра II на вокзале), визит не вышел за рамки официального протокола. Французский император не поднимал важную для России тему, связанную с отменой ограничительных статей Парижского мира. При этом мнения по поводу восточного вопроса так и остались противоположными. Приезд царя был также омрачен покушением на него поляка А.И. Березовского и пропольскими симпатиями французского общества. Обе страны на общественном и официальном уровнях оставались очень далекими друг от друга, что не могло способствовать реализации чешских чаяний[1470].

4.3. Встречи в Праге с российскими и французскими представителями (май-июнь 1868 г.)

Как уже было показано, зарубежные поездки чехов весной-летом 1867 г. могли принести им разве что моральное удовлетворение, но не явный политический результат. Австрийская империя превращалась в Австро-Венгрию, однако чешские деятели не спешили сдаваться. Противостояние с имперским центром нарастало. Весной 1868 г. обстановка в Богемии заметно радикализировалась. Во многом это было связано с движением таборов, начавшимся в марте. Оно представляло собой массовые манифестации чехов, не согласных с утверждением дуализма, игнорированием государственно-правовых требований, экономической политикой Вены. Разное понимание тактики политической борьбы между старочехами и младочехами вылилось в

[1469] В апреле 1867 г. Горчаков предложил свой вариант решения восточного вопроса. В реализации своего плана вице-канцлер делал ставку на Францию, традиционно рассматривая ее в качестве наиболее подходящего партнера на Балканах. Однако в Париже не были заинтересованы в каких-либо изменениях в административно-территориальном устройстве Османской империи – своего крупнейшего должника. На новогоднем балу 1867 г. французский император в беседе российским послом А.Ф. фон Будбергом предложил Санкт-Петербургу действовать в этом вопросе в одиночку. Наполеон III был против вмешательства в балканские дела даже в случае войны на полуострове. *Айрапетов О.Р.* Указ. соч. С. 220–222.

[1470] *Там же.* С. 222–224.

соперничество за лидерство на таборах. О спорах между ними писала даже французская пресса[1471].

В июне 1868 г. во время своего визита в Прагу Франц Иосиф I поручил Бойсту провести переговоры с лидерами Национальной партии. Таким образом, тактика пассивной оппозиции в сочетании таборским движением в моменте приносила определенные плоды. И однозначно оценивать ее как неэффективный инструмент во внутренней политике, по нашему мнению, не стоит. Другое дело, что чешская принципиальность имела оборотную сторону: переговоры зашли в тупик. В имперском центре настаивали, что отношения между Богемией и Веной должны регулироваться на основе Декабрьской конституции. Чехи же упорно отказывались идти на такой компромисс[1472].

Французское посольство в Вене следило за диалогом между имперским центром и чешскими оппозиционерами. Уже 25 июня посланник А. де Грамон сообщал в Париж о беседах Бойста с Палацким и Ригером. Об этой встрече он писал со скепсисом, но вновь комплиментарно отзывался о фигуре канцлера[1473]. Через неделю министр иностранных дел Л. де Мустье упомянул о событиях в Праге в депеше посланнику в Лондоне и приложил копию донесения де Грамона[1474]. Это говорит о том, что французская дипломатия придавала значение углублению напряженности между правительством и Национальной партией. Безусловно, такое внимание было сопряжено с надеждами в Париже на долгожданную внутриполитическую стабилизацию империи.

[1471] См., например: Correspondance particulière // Le Pays. 26.03.1868. Bulletin politique // Le Constitutionnel. 19.06.1870. P.1. P. 2. Dernières nouvelles // Le Mémorial diplomatique. 2.07.1868. P. 2;

[1472] *Borovička M. et al.* Velké dějiny… S. 195–196.

[1473] «Очевидно, что после простого разговора между господином Бойстом и господами Палацким и Ригером соглашение не может быть достигнуто мгновенно; но не менее верно и то, что язык канцлера империи, который, должно быть, был проникнут ярко выраженным духом примирения, будучи при этом весьма твердым, даст чехам пищу для размышлений и может послужить отправной точкой для последующих более серьезных переговоров». Les origines diplomatiques de la guerre de 1870–1871: recueil de documents. T. 21. 1er mars 1868 – 31 juillet 1868. Paris, 1928. P. 390. См. сноску № 1.

[1474] Le Marquis de Moustier au Prince de La Tour d'Auvergne, Ambassadeur à Londres, 2 juillet 1868 // Les origines diplomatiques de la guerre de 1870–1871: recueil de documents. T. 21. 1er mars 1868 – 31 juillet 1868. Paris, 1928. P. 390.

Центральная власть была не в состоянии преодолеть политический кризис, что делало ее положение неустойчивым. В сентябре 1868 г. правительство К. Ауэрсперга ушло в отставку[1475]. Новый кабинет под руководством Э. Таафе оказался в трудной ситуации.

Обе фракции Национальной партии с марта 1868 г. вновь ожесточенно спорили на страницах газет о тактике пассивной оппозиции. Издания Politik и Národní pokrok вели дискуссию с Národní listy. Старочехи считали, что опрометчиво участвовать в работе сейма, когда чехи все равно будут там в меньшинстве. Ригер и его сторонники не хотели быть группкой, беспомощно наблюдающей в ландтаге за немецким большинством. Да и сейм они не видели органом, играющим решающую роль. Младочехи же считали, что отказ от участия в работе ландтага неуместен, когда речь идет о судьбе чешских земель. По их мнению, утерянные права нельзя вернуть через пассивность. Они делали акцент на том, что только присутствие чешских депутатов, готовых составить в сейме квалифицированное большинство, позволяет рассматривать на нем государственно-правовые вопросы. Поэтому они считали важным вернуться к активной политической работе в данном органе. В свою очередь их оппоненты полагали: тактика пассивной оппозиции способствует тому, чтобы чешский вопрос стал проблемой международных отношений. Младочехи утверждали обратное: пассивная оппозиция лишь вредит такому подходу[1476]. Последний аспект спора ярко иллюстрирует, как чешская внутриполитическая линия и внешнеполитическое видение тесно переплетались друг с другом.

Именно в такой непростой обстановке – противостояние Национальной партии и венского правительства, непростые дискуссии между ее фракциями, протесты в Богемии – чехи попытались углубить связи с российскими и французскими представителями, наработанные в 1867 г.

[1475] *Urban O.* Česká společnost... S. 233.
[1476] *Borovička M. et al.* Velké dějiny… S. 197–198.

В мае 1868 г. по случаю закладки чешского Национального театра чешские деятели пригласили на это мероприятие многочисленных представителей друг славянских народов (всего 149). По информации французского посольства в России, чешский оргкомитет выслал приглашение на торжества А.М. Горчакову и другим официальным лицам империи Романовых. Как сообщал барон Ш. де Талейран-Перигор, в Санкт-Петербурге решили вовсе не отвечать на приглашения, «чтобы избежать даже тени подозрения»[1477]. В общем и целом на акцию приехало почти в три раза меньше гостей, чем ожидали чехи. В отличие от Славянского съезда в России, в Богемию прибыла польская делегация. Однако она состояла из деятелей, не имевших большого политического веса[1478].

4–5 мая было проведено секретное совещание в Стромовке, которое иногда называют тайным славянским съездом в Праге[1479]. На нем присутствовали: чехи Ф. Палацкий, Ф.Л. Ригер, братья Грегры, К. Сладковский, Э. Вавра, Я. Кучера, А. Чижек, А. Пражак; сербы Й. Суботич, Л. Костич, М. Куюнджич; хорваты Й. Миленкович, М. Мразович, Н. Крестич, Г. Гершич, Копач, русины Е. Павлевич, С. Качала, А. Добрянский, Б. Дедицкий. Болгар представлял М. Дринов, словаков – М. Гурбан, лужицких сербов – Я. Смолер. С российской стороны можно назвать доцента Санкт-Петербургского университета В.И. Ламанского, члена Петербургского отделения Славянского благотворительного комитета А. Нароновича, корреспондента «Московских ведомостей» в Праге В.И. Губина[1480].

Заседание открыл его председатель Сладковский. Он заявил о том, что идея славянской взаимности не погибла, но помочь славянским движениям может только Россия. Говоря о необходимости созывать подобные съезды регулярно, младочех предлагал избрать центральный славянский комитет по

[1477] Le Baron de Talleyrand, Ambassadeur à Saint-Pétersbourg au Marquis de Moustier, 26 mai 1868 // Les origines diplomatiques de la guerre de 1870–1871: recueil de documents. T. 21. 1er mars 1868 – 31 juillet 1868. Paris, 1928. P. 308.
[1478] *Žáček V.* Pokusy o slovanské sjezdy po r. 1867… S. 203.
[1479] *Ibid.*
[1480] *Ibid.* S. 204. *Никитин С.А.* Славянские комитеты в России… С. 235–236.

образцу Московского. Ю. Грегр поддержал это предложение, но вдобавок рекомендовал создать сеть местных комитетов. По его мнению, они бы поспособствовали «выработке славянского политического языка и развитию славянской политики»[1481]. Сладковский согласился с этой точкой зрения[1482]. Ригер, несмотря на свои пророссийские симпатии, занял переменчивую позицию. Сначала он приветствовал появление центрального комитета, который должен быть «не чисто политическим, не чисто литературным, а лишь объединением духовным»[1483]. Т.е. старочех рассуждал в ключе своих выступлений в России годом ранее. Но позднее он начал говорить о политических трудностях и препятствиях со стороны правительства для деятельности комитетов. В конце концов лидер Национальной партии пришел к выводу, что «главная задача наша – обмен идей»[1484]. Младочехи Чижек и Вавра отмечали, что для общеславянской работы будет достаточно проведения съездов[1485]. Наронович выражал непонимание, как будут созываться новые съезды без центрального комитета. Он предлагал в крайнем случае сделать таковым Славянский благотворительный комитет в Москве[1486]. В свою очередь Губин допускал расположение центрального комитета там, где в тот или иной момент благоприятствует общественно-политическая обстановка. В крайнем случае в роли ведущего центра могло выступить московское объединение[1487]. Сербы отвергали идею центрального комитета. Они считали достаточными структурами временно действующие комитеты по созыву очередного съезда[1488].

В итоге идея центрального органа была отвергнута и признана необходимость лишь местных комитетов. Имена трех лиц, кому каждый комитет поручал внешние сношения, должны были быть сообщены М.П.

[1481] *Там же.* С. 236.
[1482] *Žáček V.* Pokusy o slovanské sjezdy po r. 1867… S. 204.
[1483] Цит. по: *Никитин С.А.* Славянские комитеты в России… С. 236.
[1484] Цит. по: *Там же.*
[1485] *Žáček V.* Pokusy o slovanské sjezdy po r. 1867… S. 204.
[1486] *Никитин С.А.* Славянские комитеты в России… С. 236.
[1487] *Žáček V.* Pokusy o slovanské sjezdy po r. 1867… S. 204.
[1488] *Никитин С.А.* Славянские комитеты в России… С. 237.

Погодину. Решено было созывать периодические съезды. Ближайший был назначен на 1869 год в Белграде. Переговоры с сербским правительством о разрешении съезда поручались Погодину и сербскому комитету[1489].

Очевидно, эту встречу можно рассматривать как попытку российских общественных представителей прозондировать настроения среди представителей славянских национальных движений. Те в свою очередь действовали довольно прагматично. Даже сербские представители вели себя сдержанно, не говоря о хорватах. Они рассчитывали на помощь России в осуществлении югославянской программы, но при этом не собирались сближаться с ее представителями на панславистской основе.

В. Жачек совершенно прав, когда говорит о том, что встреча в Праге показала (по-прежнему) сложное отношение чехов к России[1490]. В Национальной партии присутствовала некоторая рыхлость мнений. Даже в младочешском лагере отсутствовала единая точка зрения на проекты российских деятелей. Высказывания Чижека и Вавры больше соответствовали взглядам Ригера, чем Ю. Грегра и Сладковского.

Неустойчивая позиция главы партии по поводу возможного центрального славянского комитета говорила сама за себя. Конечно, это можно объяснять, о чем уже говорилось, приверженностью «разнообразию в гармонии». Но попробуем посмотреть на подобную уклончивость как на свидетельство того, что заявленная тема не была для него решающей. В современной чешской историографии утвердилось мнение, что руководство Национальной партии не делало основную ставку на сближение со славянофилами и близкими к ним фигурами. Оно являлось скорее подспорьем для переговоров с представителями властных структур[1491]. И тогда можно говорить о гибкости позиции Ригера.

В целом же совещание в Стромовке вновь показывало, что для продуктивной межславянской работы требовались общие интересы,

---

[1489] *Там же.*
[1490] *Žáček V.* Pokusy o slovanské sjezdy po r. 1867… S. 205.
[1491] *Doubek V.* Česká politika a Rusko... S. 114.

проблемы и тактика действий. Участники совещания столкнулись с затруднениями уже при обсуждении первого серьезного вопроса.

Взаимодействие чехов с зарубежными деятелями в 1868 г. не исчерпывались лишь представителями России. Всего через месяц после пражского совещания руководство Национальной партии встретилось в столице Богемии с французским принцем Жеромом Наполеоном.

Его визит в монархию Габсбургов стал одним из выражений медленного, но верного сближения между Дунайской империей и Францией. Его помыслы не сосредотачивались на одной лишь Вене. 13 июня 1868 г. он посетил Прагу. Ранее уже говорилось, что Ригер пытался наладить с ним контакт во время своего пребывания в Париже в апреле-мае 1867 г., но встреча закончилась безрезультатно. Однако старочехи по-прежнему верили в его приверженность «принципу национальности». Поэтому они решили вновь привлечь принца к «чешскому делу». Реализации таких планов могло помешать не только то, что Жером Наполеон был романтиком и, пожалуй, сотрясателем воздуха. Он также являлся противником России и сторонником франко-прусского сближения[1492].

Бойст был убежден, что присутствие принца в столице Богемии представляет опасность для правительственного курса в отношении чешского вопроса. Канцлер прямо просил принца не встречаться в Праге с представителями Национальной партии. Он объяснял это тем, что местная оппозиция захочет использовать его визит против Вены. Однако Жером Наполеон, обладая своенравным и независимым нравом, был раздражен тоном министра, которому вторила и венская печать. Он решил сам во всем разобраться и приехал в Прагу, где встретился с чешскими оппозиционными политиками[1493].

Разумеется, уже видевшийся с ним Ригер не мог не помнить его симпатий к Пруссии и венграм, а также его неприязнь к России. Тем не менее

[1492] *Pfaff I.* Francie a Čechy… S. 53.
[1493] *Ibid.* S. 54.

он собирался воспользоваться этой встречей, чтобы через Жерома Наполеона знакомить французских политиков и общественность с чешским вопросом[1494]. Это стало особенно важно после поездки Палацкого и Ригера на Славянский съезд, которая дискредитировала их в глазах французов. Также оба вождя надеялись, что брат Наполеона III расскажет императору о борьбе чехов за свое государственное историческое право. Это могло бы, по их мнению, вызвать у того интерес к чешским землям[1495].

14 мая 1868 г. состоялась получасовая аудиенция Ригера у Жерома Наполеона. Лидер старочехов стремился изложить ему суть чешского вопроса в Австро-Венгрии и государственно-исторического права. Он старался убедить принца, что чехи будут помогать всеми силами каждому, кто поможет им в удовлетворении национальных требований. «В Богемии сегодня нет более ненавистного слова, чем “австрийский”», – говорил ему политик[1496]. Конечно, эту фразу нельзя считать отходом от приверженности к монархии. Скорее она иллюстрировала общие настроения чешской общественности, которая была нацелена на противостояние с правительством.

Есть версия, что после разъяснений Ригера принц тут же сказал, что похлопочет в Париже о том, чтобы там о чехах судили уже по-другому[1497]. Однако подтвердить ее сложно. Это касается и другой гипотезы, в соответствии с которой Жером Наполеон признал, что его брат дезинформирован относительно ситуации в Богемии[1498]. Примечательно, что принц в тот же день через пражского приматора Карела Клауды пригласил к себе Ригера, а также Палацкого, справлявшего в тот день свое 70-летие. Это можно было бы расценить как позитивное развитие событий для чехов. Жером Наполеон стал свидетелем масштабных празднеств, связанных с юбилеем чешского историка. Тем не менее на формальных торжествах и во

[1494] *Ibid.* S. 54–55.
[1495] *Ibid.* S. 55.
[1496] Цит. по: *Ibid.* S. 56.
[1497] *Ibid.* S. 55.
[1498] *Lenderová M.* Mezi Paříží a Moskvou… S. 89.

время вечерних разговоров с лидерами Национальной партии он вел себя очень сдержанно[1499]. Известно, что позднее на приеме у наместника Богемии барона Э. Келлерсперга представитель династии Бонапартов высказывался о чешском национальном движении недоброжелательно[1500].

Бойст, обеспокоенный этими встречами, после отъезда «красного принца» из монархии Габсбургов отправил депешу австро-венгерскому посланнику в Париже. Последний должен был дать понять французскому Министерству иностранных дел, что связи Жерома Наполеона с пражскими оппозиционными политиками крайне нежелательны[1501].

Из Парижа последовал ответ. В нем отмечалось: принц после своего возвращения в Париж заявил, что вся «чешская партия» русофильская и у него по отношению к ней нет никакого интереса. Говорилось, что он сам призывал чешских политиков к пересмотру своих оппозиционных взглядов[1502].

Нельзя забывать, что описываемые события происходили на фоне сближения Франции и Габсбургской монархии. Очевидно, французский МИД был заинтересован в «умиротворении» Бойста и дальнейшем налаживании тесных связей с Веной. Но, думается, позиция министерства вряд ли была далека от мнения Жерома Наполеона. На момент приезда принца в Прагу в чешском обществе прослеживался всплеск русофильства, и статусный гость вполне мог это заметить. Поэтому, может быть, родственнику императора было сложно избавиться от впечатления, которое зафиксировал МИД. Даже если Ригер изложил «красному принцу» все свои идеи, связанные с одновременной опорой на Санкт-Петербург и Париж и решением «русско-польского спора», вряд ли они нашли полное понимание. Племянник Наполеона III оставался противником России и сочувствовал

[1499] *Pfaff I.* Francie a Čechy… S. 56.
[1500] *Kořalka J.* František Palacký (1798–1876): životopis. Praha, 1998. S. 490.
[1501] *Ibid.*
[1502] *Ibid.* S. 56–57.

полякам[1503]. Дальнейшие контакты французского принца с чешским политиком покажут, что чешский вопрос его действительно не заинтересовал.

И. Пфафф, анализируя приезд Жерома Наполеона в столицу Богемии, подметил яркую деталь: Бойст очень старался, чтобы информация о характере чешской политики и настроениях чешского общества не проникала во французскую среду[1504].

Младочехи считали встречи с Жеромом Наполеоном малоперспективными. Газета Národní listy ясно и четко выразила свой скепсис: «Мы не думаем, что пребывание принца Наполеона в Праге изменило бы австрийскую ситуацию в целом и чешскую в частности»[1505]. Да и во Франции к визиту принца в Прагу отнеслись с подозрением, даже с долей сарказма. Le Temps выражала недоумение, почему принц решил посетить Богемию, до этого даже не побывав в Галиции. Ведь Жером Наполеон «идеально знает Польшу и поляков, но он намного хуже осведомлен о чехах и славянском движении». Чехи же назывались в издании «пособниками панславизма», а Ригер и Палацкий – лидерами «славяно-русской партии»[1506]. Из-за стремления к многовекторной политике за пределами Габсбургской монархии за старочехами по-прежнему тянулся «панславистский» шлейф. Очевидно, что в своих «французских» устремлениях руководство Национальной партии продолжало делать ставку на установление устойчивых контактов с высшими правительственными кругами, несмотря на все сопутствующие трудности.

Добавим также, что взоры старочехов были обращены не только в сторону России и Франции, но и в сторону Балкан. В 1868 г. издание Národní pokrok решило обозначить «чешский интерес в восточном вопросе». Оно пришло к выводу, что на полуострове должна быть учреждена греко-румыно-

---

[1503] *Kořalka J.* František Palacký (1798–1876): životopis. Praha, 1998. S. 490.
[1504] *Pfaff I.* Francie a Čechy… S. 57.
[1505] Denní zprávy // Národní listy. 17.06.1868. S. 2.
[1506] Bulletin du jour // Le Temps. 16.06.1868. P. 1.

славянская федерация, граничащая с федерализованной монархией Габсбургов[1507]. Таким образом, внимание в Национальной партии к Юго-Восточной Европе с 1866 г. не угасало и в чем-то даже усиливалось. В среде, близкой к руководству объединения, появились конкретные предложения по устройству региона, которые объяснялись приоритетами чешской нации.

Массовое движение в Богемии, все больше радикализируясь, видело в пассивной оппозиции протест против правительства. Оно поддержало линию старочехов. В том числе поэтому младочехи перед открытием новой сессии сейма (конец августа 1868 г.) примкнули к своим оппонентам[1508]. Уже не первый кризис внутри партии был (относительно) ослаблен.

В работе богемского ландтага чешские национальные политики по-прежнему не участвовали. Получив в нем места, они на первом заседании ограничились подачей протеста, известном как Декларация 1868 г.[1509] Этот документ имеет принципиальное значение для чешской истории XIX в. Принято считать, что он наряду с некоторыми другими текстами наиболее полно отразил чешскую государственно-правовую концепцию[1510]. Она приобрела завершенный вид.

В Декларации, автором которой был Ригер, получили свое развитие тезисы его выступления на сейме в апреле 1867 г. Она была направлена против дуализма и господства немецкого меньшинства в Богемии. Акцентировалось внимание на том, что все юридические акты, касающиеся отношений между династией и Чешским королевством, по-прежнему действуют. Но они теперь нарушаются правительством, а чешский народ

[1507] Номер от 16 февраля 1868 г. Цит. по: *Šesták M.* Češi a Jihoslovane v habsburské monarchii v letech 1850–1890 // *Žáček V. a kol.* Češi a Jihoslované v minulosti... S. 466.

[1508] *Borovička M. et al.* Velké dějiny… S. 198.

[1509] Партия Клам-Мартиница, пусть не сразу и с оговорками, тоже поддержала Декларацию.

[1510] Среди других важных заявлений и публикаций членов Национальной партии на эту тему необходимо упомянуть: протест чешских национальных депутатов богемского ландтага против выборов в рейхсрат (13 апреля 1867 г.), брошюру Карела Маттуша «Историческое право и национальность как основы государственного устройства Австрийской империи» (Mladá Boleslav, 1867), Декларацию чешских депутатов моравского сейма (24 августа 1868 г.), книгу Йозефа Калоусека «Чешское государственное право» (Praha, 1871). *Cibulka P.* Historické právo // Akademická encyklopedie českých dějin URL: https://aecd.kpsys.cz/media-viewer?rootDirectory=428170&origin=https%3A%2F%2Faecd.kpsys.cz%2Frecords%2F156eb248-d5bd-45c3-a2c2-b67ab2bf67fb Дата обращения: 21.08.2024

незаконно ограничивается в правах. Подчеркивалось, что связь чешских земель с остальными провинциями монархии лишь династическая. Поэтому их статус правитель может регулировать только на основе нового договора с чешской политической нацией (к которой относятся как чехи, так и немцы, населяющие чешские земли). И законодательно контролировать этот процесс должны не центральные органы, а чешский сейм. Из этого тезиса вытекала мысль, что и в ландтаге должно быть более справедливое представительство[1511].

Оценивая недавний опыт конституционных перемен в империи, чешские депутаты однозначно его отклонили. Для разрешения внутриполитического кризиса они предлагали заключить новый договор между чешскими землями и императором[1512].

Итак, в Декларации речь шла об урегулировании отношений лишь между центром и чешскими землями. Другие земли многонационального государства затрагивались в документе лишь косвенно. Может, поэтому в историографии существует мнение, что Декларация предлагала триализм как альтернативу дуализму[1513]. Однако в документе о нем нигде прямо не говорилось. Мотив триализма можно при желании усмотреть, пожалуй, лишь в пункте 8 чешских пожеланий. В нем отмечалось, что изначальная суть рейхсрата как органа власти была неправомерно и радикально изменена. Поэтому депутаты сейма не имеют права избирать представителей в собрание, имеющее крайне сомнительную легитимность. Отсюда и решения, выносимые таким парламентом, не могут быть обязательными для Чешского королевства[1514].

Но из Декларации невозможно понять, как могла бы выглядеть имперская политическая система при реализации ее норм. В частности, возникает вопрос о положении чешских земель в структуре исполнительной

[1511] 1868, 22. 8. Praha – Česká státoprávní deklarace // Politické programy… S. 132–134.
[1512] *Ibid.*
[1513] *Ждановская А.А.* Партийно-политический спектр в Чешских землях // Политические партии и общественные движения в монархии Габсбургов… С. 113.
[1514] 1868, 22. 8. Praha – Česká státoprávní deklarace // Politické programy… S. 134–135.

и судебной власти монархии. Документ, прокламационный по своей сути, носит довольно общий характер, оставляя много неясностей. Также, на наш взгляд, нельзя выносить за рамки риторику Ригера из его более ранних статей и публичных выступлений о необходимости федерации. К тому же в меморандуме Наполеону III, составленном годом позже, Ригер по-прежнему выступал за австрофедерализм, который он пропагандировал за рубежом. Поэтому говорить о триализме в Декларации, как кажется, было бы рискованно.

Сейм отклонил документ. Также он потребовал, чтобы национальные политики перестали игнорировать заседания и в течение четырнадцати дней вернулись в ландтаг. Когда этого не последовало, чешские представители были лишены мандатов. Противостояние только обострилось.

Летом 1868 г. Л. Леже занимался прочешской пропагандой у себя на родине. Первоначально она носила культурный характер. В 1866 г. после поездки в Прагу он опубликовал сборник, посвященный чешским народным песням[1515]. В предисловии славист писал о самых распространенных среди французах стереотипах и заблуждениях, касавшихся чешского прошлого[1516]. Учитывая прежний уровень информации о чехах (со времен Ж. де Сталь), рассуждения Леже отражают ничтожный рост знаний о них во французском обществе. При этом, подчеркивал автор, чехи когда-то играли в Европе большую роль. А ныне чешская нация встала «во главе литературного и научного движения славян, дала этим угнетенным расам сознание их национального существования и через труды своих ученых открыла это существование народам Запада»[1517]. Вот почему история Богемии

[1515] *Leger L.* Chants héroïques et chansons populaires des Slaves de Bohême. Paris, 1866.

[1516] «Если есть страна, малоизвестная во Франции, то это, безусловно, Богемия. Мы слышали о Яне Богемском, старом благородном короле, который погиб при Креси в наших рядах, о Яне Гусе, предшественнике Лютера, об Иерониме Пражском, о Яне Жижке и о святом Яне Непомуцком. Это все, что мы узнали о Богемии в прошлом; в настоящем нам известны только ее стекло и хрусталь; Мы даже не знаем, какой народ ее населяет, на каком языке там говорят, а большинство наших учебников относят Богемию к немецким землям Австрийской империи. Само название «Богемия» приобрело у нас абсурдное значение <...>. Одни вас спрашивают, действительно ли Прага не является немецким городом; другие – сильно ли чешское наречие схоже с цыганским жаргоном!». *Ibid.* P. 1–2.

[1517] *Ibid.* P. 2–3.

заслуживает пристального исследования. Также в тексте есть призыв, очень важный для того времени: необходимо изучать язык чехов и их литературу с опорой на оригинальные тексты, без посредничества немецкой науки[1518]. С 1867 г. деятель делился новостями о новых работах Палацкого[1519].

Летом того же года Леже и Фрич выпустили известное издание «Богемия историческая, живописная и литературная»[1520]. Примечательно, что в подготовке книги помогали чешский (К. Сабина, Ж. Подлипска, З. Каппер), французский (А. Рено, П. де Сен-Виктор, М. де Клерваль) и польский (А. Ходзько, Л. Мерославский) коллективы[1521]. Публикация посвящена прежде всего чешской истории и литературе, текущая общественная жизнь была охарактеризована очень кратко. При этом обоснование для выхода книги, изложенное во введении Леже и Фричем[1522], вполне носит политическое обоснование. Присутствие фамилии слависта объясняет частичное повторение тезисов из его публикации 1866 г.

Главной целью издания стало знакомство Франции с Богемией. По словам авторов, этот шаг предпринят вовремя, ведь в Европе обостряются «славянская и германская проблемы»[1523]. При этом «германизм <…> заинтересован в отрицании существования Богемии или <…> в искажении ее истории и стремлений»[1524]. При надвигающихся осложнениях на континенте, подчеркивали Леже и Фрич, уместно иметь представление о землях, которые являются «стратегическим и моральным центром Европы, передовой крепостью славян, противостоящей Германии»[1525]. Вдобавок чехи встали во главе славянских наций, «стремясь оторвать их от монгольского, германского

[1518] *Ibid.* P. 3.
[1519] *Leger L.* Vzpomínka na Františka Palackého… S. 156.
[1520] *Frič J.V., Leger L.* La Bohême historique, pittoresque et littéraire. Paris, 1867.
[1521] *Reznikow S.* Op. cit. S. 98.
[1522] В предисловии также авторы сами себе дают характеристику. Интересный и амбициозный «автопортрет» составил Фрич: «чешский поэт и публицист, изгнанный из своей страны после того, как боролся за нее, приобрел ценой изгнания право представлять ее за рубежом». О его желании репрезентовать «истинное политическое мнение своей страны» писал в воспоминаниях и Леже. *Frič J.V., Leger L.* Op. cit. P. IV. *Leger L.* Souvenirs d'un slavophile… P. 35.
[1523] *Frič J.V., Leger L.* Op. cit. P. I.
[1524] *Ibid.* P. I–II.
[1525] *Ibid.* P. I.

или византийского влияния, чтобы заставить их вступить на путь национальной жизни и истинной цивилизации»[1526]. Исходя из этого, оба деятеля делали намек, что Франции, обеспокоенной пангерманизмом и панславизмом, следовало бы больше знать о чехах. Однако этого не происходит. С одной стороны, виноваты ее пресса и государственные деятели, распространяющие ложные сведения, публицисты, использующие невежество французов в собственных целях[1527]. С другой, сама Богемия, которая «поглощенная работой своего морального и политического возрождения», «недостаточно думает о том, чтобы проявлять себя вовне»[1528]. Выражалась надежда, что книга убедит некоторых доктринеров в том, что эта территория «имеет право вновь обрести свое национальное существование»[1529].

Как можно увидеть, Леже действовал во вполне пропагандистском ключе. Он и Фрич не просто хотели выразить свое «истинное» видение Богемии, но и противопоставить его сведениям «недоброжелателей», повлиять на некоторых из них. Впрочем, определенная заряженность авторов не означала, что книга просто манипулировала читателем. Это был действительно интеллектуальный продукт, едва ли не первая отдельная (и объемная) работа во Франции, посвященная специально чехам. Тем более в ее составлении принимали непосредственное участие представители чешских земель, а не только эмигрант Фрич. Интересна и попытка сыграть на антигерманском мотиве и панславистских страхах во французском обществе, через них обратить внимание на чешский народ.

«Богемия историческая, живописная и литературная» рекламировалась в Národní listy. Ю. Грегру удалось привлечь к подписке на издание 400

[1526] *Ibid.*
[1527] *Ibid.* P. II.
[1528] *Ibid.*
[1529] *Ibid.* P. III.

человек[1530]. Книга предлагалась читателям также во французском Revue moderne, где работал Леже[1531].

После публикации труда оба автора фактически перестают работать вместе. Фрич уехал в Берлин. Тем временем Леже быстро сближался с Ригером, с которым, напомним, он познакомился в 1866 г. Это взаимодействие повлияет самым непосредственным образом на его прочешскую пропаганду. Если ранее он публиковал сочинения, посвященные прошлому Богемии, то теперь он станет уделять больше внимания ее настоящему. Разумеется, в интерпретации, близкой к взглядам Ригера и Палацкого.

В письме от 29 сентября 1868 г. Леже писал лидеру Национальной партии, что получил от него статью, которую француз собирался опубликовать в Revue moderne под названием «Австрийская конституция и Чешская корона»[1532]. Этот материал действительно вышел в журнале, но под другим названием[1533]. Позднее он был опубликован с обновленным заголовком в виде брошюры[1534]. Так француз обнародовал Декларацию чешских депутатов богемского ландтага. Ее предварял комментарий «депутата сейма, бывшего члена австрийского рейхсрата», которым, естественно, являлся Ригер[1535].

Обращают на себя внимание пассажи Леже в самом начале статьи. Австрийский кризис им понимался как важнейшая проблема в Европе[1536]. Славист излагал основные ценности австрофедерализма (монархия как необходимое «звено» между Россией и Пруссией, ее неизбежная трансформация в федерацию, несмотря на «злую волю немцев»)[1537]. Он

[1530] *Reznikow S.* Op. cit. S. 98.
[1531] Bulletin bibliographique // Revue moderne. T. 44. См. непронумерованные страницы в окончании тома.
[1532] 1868 září 29. – Leger Riegrovi // Příspěvky k listáři Dra Fr. Lad. Riegra. Díl 1... S. 183
[1533] *Leger L.* La diète de Bohême et le Fédéralisme // Revue moderne. T. 48. Quatrième livraison. 10 octobre 1868. P. 766–781.
[1534] *Leger L.* La crise autrichienne. La diète de Bohême et le Fédéralisme. Paris, 1868.
[1535] *Leger L.* La diète de Bohême et le Fédéralisme // Revue moderne. T. 48. Quatrième livraison. 10 octobre 1868. P. 766–767.
[1536] *Ibid.* P. 766.
[1537] *Ibid.*

критиковал венское правительство за отказ предоставить Богемии автономию. Негативно он высказывался также о французском агентстве Havas и польском издании Correspondance du Nord-Est за скудность информации и предвзятость при освещении кризиса в Дунайской империи[1538]. Таким образом, в публикации Леже можно увидеть в том числе контрпропаганду.

Как уже говорилось, француз работал в Revue moderne, через который старался распространять информацию о чехах. Есть сведения, что он пытался нарастить влияние в журнале, чтобы сделать его печатным центром поддержки славянских движений в Париже. Поэтому Леже прилагал силы для привлечения подписчиков и акционеров в Богемии и Хорватии, однако потерпел неудачу[1539].

В октябре-ноябре 1868 г. славист был по-прежнему активен. В письме Ригеру он жаловался на «небрежность, с которой меня информируют о том, что делается и пишется в Богемии». Автор замечал, что чешские писатели, которые ему ничего шлют, могли бы быть более заинтересованы в появлении своих работ во Франции[1540]. В другом послании ученый сообщал, что он побудил руководство нового парижского издания L'Echo de la Bourse, сотрудником которого являлся, к обмену информацией с Politik. Поэтому Скрейшовскому важно откликнуться и устроить это дело[1541]. Также Леже просил руководителя Национальной партии посоветовать ему корреспондентов из больших городов, специализировавшихся на торговле. Наконец, он интересовался, может ли богемская шляхта подписаться на новый печатный орган[1542].

В это же время Леже получил больше возможностей излагать свою интерпретацию чешского прошлого и настоящего в научной среде. В ноябре

[1538] *Ibid.*
[1539] *Chrobák T.* Op. cit. P. 48.
[1540] [1868] říjen 14. – Leger Riegrovi // Příspěvky k listáři Dra Fr. Lad. Riegra. Díl 1... S. 183.
[1541] [1868] listopad 21. Paříž. – Leger Riegrovi // Příspěvky k listáři Dra Fr. Lad. Riegra. Díl 1... S. 186–187.
[1542] *Ibid.* S. 187.

он стал приват-доцентом по славянским литературам в Сорбонне. Его назначил министр народного просвещения В. Дюрюи (*V. Duruy*), с которым у ученого состоялся разговор по поводу чехов. Леже сообщал Ригеру, что ему удалось «рассеять некоторые предубеждения, которые он имел против вас»[1543]. Причем Дюрюи вскоре станет симпатизировать чешскому национальному делу.

Исходя из сказанного, Леже можно назвать агентом влияния Национальной партии во Франции. По мнению М. Лендеровой, с его помощью лидер старочехов явно пытался нейтрализовать негативные последствия чешской поездки в Россию в 1867 г.[1544] Сам Ригер тоже не бездействовал. По данным Резникова, в середине 1868 г. по его инициативе в Le Siècle и Messager de Paris вышла серия положительных материалов о чехах[1545].

Впрочем, образ чешского народа во французской печати был по-прежнему неоднозначным. Это касалось не только восприятия их участия в Славянском съезде, но и перипетий внутриполитической борьбы.

Так, Le Mémorial diplomatique изначально не верила в возможность удовлетворения национальных требований императором во время его пребывания в Праге (июнь 1868 г.). А якобы угрозы Палацкого и Ригера отказаться от уплаты налогов не воспринимались всерьез. «Обобщая сказанное, не надо оценивать силу чешской партии по тому шуму, который она стремится создать, используя сговор с московитской прессой. Симпатии России больше опасны, нежели полезны для чешских лидеров», – заключала газета[1546]. Схожее мнение выразила и Le Temps[1547]. Эта точка зрения созвучна, к примеру, с уже упоминавшимся донесением Э.Г. Штакельберга в Санкт-Петербург в апреле 1867 г. В нем дипломат для характеристики

[1543] [1868] listopad 7. Paříž. – Leger Riegrovi // Příspěvky k listáři Dra Fr. Lad. Riegra. Díl 1... S. 186.
[1544] *Lenderová M.* Několik poznámek k audienci F.L. Riegra u Napoleona III… S. 260.
[1545] *Reznikow S.* Op. cit. S. 99–100.
[1546] Dernières nouvelles // Le Mémorial diplomatique. 30.07.1868. P. 1.
[1547] Le Temps. 9.07.1868. P. 1.

чешских действий тоже использовал слово «крики», а также похожее по значению «скандальные сцены»[1548].

С критикой в адрес чехов выступали не только французские издания. В стороне не осталось и российское издание «Голос». Газета сообщала о встрече Ригера с польской эмиграцией в Париже перед поездкой на Славянский съезд. Редакция с пониманием отнеслась к позиции старочехов (ведь «и русские, и поляки – члены одной великой славянской семьи»), но она отметила, что водить дружбу одновременно с обоими народами – задача трудновыполнимая. Газета заявила о том, что встреча с эмигрантами произвела неприятное впечатление в России. На Славянском съезде «полонофильская речь Ригера тоже не понравилась слушателям». «Голос» отмечал, что вследствие визита Палацкого и Ригера к принцу Жерому Наполеону «еще труднее согласиться с неоднократно выраженным чешскими учеными сочувствием к России». При этом отмечалось, что поляки не могут простить чехам их поездки в Москву и Санкт-Петербург в 1867 г. Был и прямой намек на Ригера: «некоторые выражают надежду на примирение между поляками и русскими. Но сейчас надо рассчитывать не на надежды, а на средства, уже имеющиеся под рукой»[1549].

В целом газета выражала скепсис и к чешской национальной борьбе в монархии Габсбургов. «<…> нельзя не видеть, что чехи, со всех сторон окруженные иноплеменными народами, несравненно более их многочисленными, несмотря на все свое мужество, одни, без помощи других славянских народов, едва ли в состоянии устоять против медленной, разлагающей работы германизма, постепенно усиливающегося через поглощение славянства», – утверждалось в материале[1550]. Особого внимания заслуживает деталь, что статья из «Голоса» была полностью перепечатана во французской газете L'Univers[1551].

[1548] Stackelberg à Gortchacow, 6/18 avril 1867 // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. Д. 163. Л. 340 (об.).
[1549] Голос. 14 (26).08.1868. С. 1.
[1550] *Там же.*
[1551] L'Universe. 2.09.1868. P. 1.

Критика в адрес чехов прозвучала в посольстве в Вене. Барон Икскуль негативно относился к их бескомпромиссной позиции на переговорах с правительством и продолжению пассивной оппозиции. Дипломат писал А.М. Горчакову: «В этом вопросе чехам не хватило мастерства. Их отказ от участия в национальном представительстве закрыл для них легальный путь – единственный, который мог дать какие-либо шансы на успех. Нынешняя ситуация безнадежна, и вскоре они должны признать <…>, что нация, стремящаяся отстаивать политические требования, должна использовать любую возможность, какой бы скромной она ни казалась, чтобы сформулировать свои пожелания перед парламентской трибуной»[1552]. Интересно, что сотрудник представительства фактически воспроизвел точку зрения младочехов. По этим данным можно наглядно увидеть, что старочехи, чьи главные представители работали над сближением с Россией с начала десятилетия, действиями на внутриполитической арене препятствовали самим себе в этом деле.

Приведенные печатные материалы ясно показывают, насколько противоречивой в глазах других была линия, выбранная партийными лидерами. И как, соответственно, ее сложно реализовать в тех условиях. Можно проследить парадоксальную тенденцию: французские издания по-прежнему смотрели на чехов через призму «предательского» русофильства, в то время как, например, «Голос» откровенно сомневался в их пророссийских симпатиях. Это демонстрирует, насколько непростой задачей было для представителей Национальной партии работать с общественным мнением в обеих странах. Примечательно также, что издания никак не реагировали на пассивную оппозицию чехов, видимо, не рассматривая ее как фактор интернационализации чешского вопроса.

[1552] Uxkull à Gortchacow, 5/17 janvier 1869 // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. Д. 164. Л. 34–34 (об.).

4.4. Поездка Ф.Л. Ригера в Париж в марте 1869 г.

В не слишком благоприятных внутриполитических условиях Ригер решил активизировать свои попытки «дотянуться» до Наполеона III. Он приехал в Париж 4 или 5 марта 1869 г., где увиделся со своими старыми знакомыми – Л. Леже, А. Мартеном, С.-Р. Тайандье[1553]. Кроме этого, чешский деятель вновь встретился с представителями польской консервативной эмиграции. Выразив свое недовольство действиями галицийских поляков в пользу дуализма, Ригер просил лидеров эмиграции убедить тех в ошибочности таких действий. Однако приняли его в «Отеле Ламбер» неприязненно, видя в нем агента России[1554].

7 марта 1869 г. Ригер встретился с Мари Пап-Карпонтье. При ее содействии и посредничестве 8 марта его приняла Г. Корню, входившую в ближайшее окружение императора. Встреча, на которой присутствовал Леже, была довольно показательной. «Мы не знаем ничего о делах вашей родины, и у нас нет никого, кто бы нам дал о них объяснение», – сказала Ригеру Корню[1555]. Когда же тот указал на французского ученого, она назвала его панславистом и российским агентом[1556]. Впрочем, в ходе беседы политику из Богемии удалось заинтересовать ее чешским вопросом. Она пообещала рассказать императору о проблемах чехов[1557]. В дневнике Калоусека, которому Ригер в конце марта рассказывал о своей поездке, также указывается, что «мадам Корню, может быть, похлопочет, чтобы в Праге было учреждено французское консульство»[1558].

С одной стороны, свидетельства человека, столь близкого к руководству Национальной партии, обычно выглядят весьма надежными. С другой стороны, такие слова было бы очень странно услышать от Корню,

---

[1553] 1869 březen 8. Paříž. – Rieger choti // Příspěvky k listáři Dra Fr. Lad. Riegra. Díl 1... S. 189; 1869 březen 10. Paříž. – Rieger choti // *Ibid.*
[1554] *Ibid*; *Pfaff I.* Francie a Čechy... S. 66–67.
[1555] *Leger L.* Vzpomínka na Františka Palackého… S. 155.
[1556] *Ibid*; *Leger L.* Souvenirs d'un slavophile… P. 85.
[1557] 1869 březen 10. Paříž. – Rieger choti // Příspěvky klistáři… S. 189; *Pfaff I.* Francie a Čechy... S. 67–68.
[1558] Запись от 2 мая 1869 г. Deníky Josefa Kalouska. Díl II... S. 128–129.

фактически не имевшей представления о чехах в начале беседы с Ригером. И подобное намерение у конфидента Наполеона III обнаруживается пока лишь в одном источнике. Поэтому к фразе о возможном учреждении консульства стоит относиться с осторожностью. Если же этот пассаж правдив, то он обнаруживает еще одну цель пребывания политика в Париже в марте 1869 г.

Примерно в то же время лидер Национальной партии увиделся отцом и сыном Жавалями, видным писателем и сооснователем Le Temps Э. Хоецким, крупным журналистом Ж. Вильбором (в 1867 г. он в Le Siècle критиковал чехов), а также с Жаном Эдуаром Гуми[1559]. С последним он познакомился ранее в Праге по рекомендации Леже. Это был политик, педагог и писатель, редактор журнала Revue de l'instruction publique и доверенное лицо министра образования В. Дюрюи[1560]. Именно благодаря посредничеству Гуми чех 9 марта имел встречу с этим чиновником, входившим в близкое окружение Наполеона III[1561].

У Пфаффа можно найти свидетельство, что старочешский лидер и министр виделись дважды – 9 и 18 марта. Во время второй встречи француз якобы узнал о трудностях чешского национального движения в монархии Габсбургов, о концепции государственного исторического права, значении и весе чешских земель в Центральной Европе. Ригер будто бы обратил внимание собеседника на общий интерес чехов и французов, касающийся сдерживания Пруссии. Дюрюи весьма заинтересовался и тут же попросил Ригера предоставить ему конкретные материалы[1562]. Историк при этом ссылается на письма чешского вождя своей супруге от 9, 10 и 19 марта 1869 г., опубликованные в сборнике Гейдлера. Однако в них эта информация нами не обнаружена.

[1559] 1869 březen 10. Paříž. – Rieger choti // Příspěvky klistáři… S. 189; 1869 březen 16. Paříž. – Rieger choti // *Ibid.* S. 190. 1869 březen 18–19. Paříž. – Rieger choti // *Ibid.* S. 191.

[1560] [1869 červen – červenec.] Audience Riegrova u Napoleona III. // *Ibid.* S. 194.

[1561] 1869 březen 16. Paříž. – Rieger choti // *Ibid.* S. 190.

[1869 červen – červenec] Audience Riegrova u Napoleona III. // *Ibid.* S. 194. Напомним, что как раз с Дюрюи Леже общался по поводу чехов в 1868 г.

[1562] *Pfaff I.* Francie a Čechy... S. 69–70.

Впрочем, можно с уверенностью утверждать, что Дюрюи действительно заинтересовался чешским вопросом. Так, в апреле 1869 г. Ригер послал ему из Праги важный для той эпохи и составленный им же «Научный словарь» (чеш. *Slovník naučný*). В нем сановник мог найти «главные данные о чешской нации». Показательно, что издание было направлено Дюрюи еще и потому, что «ни в одной общественной парижской библиотеке почти нет чешских публикаций»[1563].

11 марта 1869 г. Ригер впервые встретился с депутатом и крупным оппозиционным режиму Второй империи политиком Леоном Гамбетта в салоне русской княжны Елизаветы Трубецкой[1564].

13 марта он нанес визит Жерому Наполеону в Пале-Рояль. Ригер попросил его подготовить почву для примирения и успешных переговоров с поляками и венграми, чтобы те согласились помочь чехам. Он объяснял, что это будет выгодно и Парижу, и Вене. Однако принц отказался, мотивируя это своим скептическим отношением ко всем государственным и национальным отношениям в Австро-Венгрии[1565].

Для этой поездки чешского деятеля характерен еще один аспект – венгерский. Ригер дважды встречался с неким «агентом венгерского правительства» Киссем. Он пытался убедить мадьярского деятеля, что невмешательство в германские дела – общий интерес чехов и венгров[1566].

Канцлер Бойст, будучи в курсе деятельности Ригера в Париже, хотел помешать его стремлениям. Уже 8 марта тот получил телеграмму от своего доверенного лица Гримма. В ней содержалось требование в ближайшее время покинуть Францию и приехать в Вену. 12 марта канцлер лично написал ему письмо с тем же требованием. Возможно, сановнику не хотелось, чтобы что-то пошло не так в текущих переговорах между Веной и

[1563] [1869 duben.] Rieger ministru [Duruyovi] // Příspěvky k listáři Dra Fr. Lad. Riegra. Díl 1... S. 192.
[1564] *Lenderová M.* Několik poznámek k audienci F. L. Riegra u Napoleona III… S. 260.
[1565] 1869 březen 14. Paříž. – Rieger choti // Příspěvky k listáři Dra Fr. Lad. Riegra. Díl 1... S. 190.
[1566] Deníky Josefa Kalouska. Díl II... S. 128–129.

Парижем о сближении. Однако лидер старочехов остался в столице Франции[1567].

Все тот же Гуми поспособствовал встрече Ригера с Ипполитом Деспре. Руководитель Национальной партии беседовал с директором по политическим вопросам МИД дважды – 14 и 16 марта[1568]. Деспре отнесся к чешскому политику с симпатией[1569]. Впрочем, не до конца понятно, насколько она была искренней. Дело в том, что в неопубликованных воспоминаниях чиновника содержится доклад «Программа Чешской партии» от 19 марта 1869. В нем он писал, что удовлетворение национальных требований чехов привело бы к «майоризации» чешских немцев[1570]. Тем не менее, судя по всему, Деспре помог Ригеру получить аудиенцию у министра иностранных дел Ла Валетта. Однако она сорвалась в связи с болезнью его жены[1571].

17 мая Ригеру удалось встретиться с Эженом Руэ – государственным министром, имевшим прозвище «вице-император». Скорее всего, чешский политик обратился к нему вынужденно. С одной стороны, позиции во власти этого французского государственного деятеля уже были на тот момент весьма уязвимы[1572]. С другой стороны, он был известен своим негативным отношением к либеральным ценностям. Кроме того, министр приветствовал политику Бойста[1573]. Руэ являлся вдохновителем союза между Францией, Австро-Венгрией и Италией против Пруссии. Он был заинтересован в стабильной монархии Габсбургов и полагал, что дуализм обеспечивает это состояние[1574].

[1567] *Pfaff I.* Francie a Čechy… S. 71–72.
[1568] 1869 březen 14. Paříž. – Rieger choti // Příspěvky k listáři Dra Fr. Lad. Riegra. Díl 1... S. 190; 1869 březen 16. Paříž. – Rieger choti // *Ibid.* S. 191. Напомним, что их знакомство, судя по данным Калоусека, состоялось еще в 1867 г., хотя Пфафф утверждает, что оно произошло именно в марте 1869 г. *Pfaff I.* Francie a Čechy… S. 72.
[1569] 1869 březen 16. Paříž. – Rieger choti // Příspěvky k listáři Dra Fr. Lad. Riegra. Díl 1... S. 191.
[1570] Цит. по: *Pfaff I.* Francie a Čechy… S. 73. Под «майоризацией», как правило, понимается ситуация, когда при голосовании по принципиальным вопросам позиция меньшинства фактически подавляется из-за последовательного доминирования большинства.
[1571] 1869 březen 18–19. Paříž. – Rieger choti // Příspěvky k listáři Dra Fr. Lad. Riegra. Díl 1... S. 191. Deníky Josefa Kalouska. Díl II... S. 131.
[1572] *Pfaff I.* Francie a Čechy... S. 74.
[1573] *Ibid.* S. 73.
[1574] *Lenderová M.* Několik poznámek k audienci F. L. Riegra u Napoleona III… S. 261.

На встрече Ригер был поражен осведомленностью Э. Руэ о чешских делах. Чиновник ко всему прочему заявил, что чехи имеют право на устройство собственной судьбы. В то же время он критически относился к чешскому национальному движению. По его мнению, представители Национальной партии вели себя на домашней политической сцене неконструктивно и непоследовательно, ибо нельзя быть одновременно либералами, монархистами и республиканцами[1575]. Кроме того, утверждал Руэ, они постоянно отвергали попытки Вены прийти к соглашению, а своими выступлениями лишь пытались привлечь к себе внимание европейской общественности[1576]. Можно увидеть, что представления о чехах как о смутьянах, угрожающих стабильности Габсбургской монархии, присутствовало не только в парижской прессе, российской и французской дипломатии, но и в правительственных структурах в Париже.

Крайняя предубежденность Руэ натолкнула старочеха на мысль о проведении некой политической акции, которая бы познакомила высшие придворные круги и государственных деятелей Франции с сутью чешского вопроса. Он надеялся, что таким образом удастся изменить восприятие некоторых из них в отношении чешской оппозиции в Австро-Венгрии[1577]. В этом стремлении Ригера поддерживали его сторонники (в частности, Ж. Э. Гуми, С.-Р. Тайандье, А. Мартен)[1578].

Скажем также еще об одном следствии беседы с государственным министром, довольно спорном. Известно, что 15 марта Гуми предлагал Ригеру напрямую обратиться к Г. Корню за помощью в получении аудиенции у Наполеона III. Тот по неизвестным причинам сопротивлялся: «Мне не хочется этого делать, хотя, может быть, еще к ней пойду»[1579]. Пфафф считает, что именно неудачная встреча с Руэ подтолкнула его к такому шагу. При этом историк ссылается на письмо Ригера супруге от 18–19 марта 1869 г.,

---

[1575] *Reznikow S.* Op. cit. S. 103.
[1576] *Pfaff I.* Francie a Čechy… S. 74.
[1577] *Ibid.*
[1578] *Ibid.* S. 74–75.
[1579] 1869 březen 16. Paříž. – Rieger choti // Příspěvky k listáři Dra Fr. Lad. Riegra. Díl 1... S. 190–191.

опубликованное в сборнике Гейдлера[1580]. Проблема в том, что послание с такой датировкой отсутствует – есть лишь письмо от 18 марта. В нем пассаж, дословно процитированный чешским ученым, не обнаруживается. Впрочем, через несколько месяцев Корню действительно способствовала приему Ригера французским императором.

Необходимо добавить, что в период своей поездки Ригер работал над усилением прочешской пропаганды во французских изданиях. С помощью приобретенных знакомств он получил на постоянной основе еженедельную рубрику о Чехии в восьми французских газетах: Le Pays, Le Siècle, L'Universe, Le National, Le Méssager, Le Soir, L'Opinion National. Какие-то материалы публиковались в Journal des Débats[1581]. Примечательно, что некоторые из них еще в 1867 г. критически отзывались о чехах. Рубрика в газетах предоставлялась на полгода[1582].

В ночь с 21 на 22 марта Ригер покинул Париж. Как можно охарактеризовать его очередное пребывание в столице Франции? Ее отличительной чертой стало то, что чех смог не просто вновь познакомиться с государственными деятелями страны, как в 1867 г., но и заинтересовать некоторых из них чешским вопросом (Корню, Дюрюи). Это был тот случай, когда сработала дружба старочеха с общественно-культурными деятелями (Леже, Гуми), имевшими контакты в официальной среде. И в этом состояло отличие от его связей с российскими общественными деятелями. Несмотря на неоднозначный образ чехов и по-прежнему малую информацию о них, вождю Национальной партии удавалось последовательно расширять сеть своих знакомств и приобретать в Париже симпатизантов. Пропаганда чешского взгляда на проблемы монархии Габсбургов, как кажется, тоже росла.

Нельзя, конечно говорить о том, что путешествие стало полностью успешным. Дорога в «Отель Ламбер» осталась закрытой, очередная встреча с

[1580] *Pfaff I.* Francie a Čechy… S. 74. См. в издании сноску № 48.
[1581] *Ibid.* S. 72.
[1582] *Lenderová M.* Několik poznámek k audienci F. L. Riegra u Napoleona III… S. 261.

Жеромом Наполеоном оказалась безрезультатной. То же самое, судя по всему, произошло во время встречи с венгерским деятелем Киссем. Не будем забывать и о беседе с Руэ. Слова Ригера из письма жене «я везде оставил себе двери открытыми» выглядят все-таки немного преувеличенно[1583]. Также чешский политик не раз отмечал в Париже явные симпатии в адрес мадьяр[1584]. Это означало, что и убеждать общественность во вреде дуализма было трудной задачей.

Однако позитивные результаты перевешивали негативные. Поэтому поездка смогла стать предпосылкой для важных событий в июле 1869 г. – а значит, несомненным шагом вперед для лидера Национальной партии. Заветная цель – аудиенция у императора – была все ближе.

4.5. Меморандум Ф.Л. Ригера Наполеону III. Аудиенция у французского императора

Относительно формы и адресата этого документа Ригер принял решение перед самым отъездом из Парижа, когда обсуждал чешско-французские связи с Гуми. Тот пообещал, что похлопочет об аудиенции у императора при следующем его визите в столицу. Она должна была состояться предположительно на рубеже мая-июня 1869 г.[1585] Также Гуми договорился с Тайандье о публикации статьи в Revue des Deux Mondes. Кроме этого, он провел переговоры с Дюрюи, которому дал прочесть некое письмо Ригера. В нем обстоятельно говорилось о чешском вопросе. Дюрюи заинтересовало письмо, он даже предложил Гуми показать его Наполеону III[1586]. Между 10 и 12 июня Дюрюи, как и мадам Корню, имел беседы с представителями императорского двора. Ему удалось получить одобрение планов Ригера. Было обговорено, что он будет принят императором во время

[1583] 1869 březen 18–19. Paříž. – Rieger choti // Příspěvky k listáři Dra Fr. Lad. Riegra. Díl 1... S. 191.
[1584] 1869 březen 14. Paříž. – Rieger choti // *Ibid.* S. 190. 1869 březen 16. Paříž. – Rieger choti // *Ibid.* S. 191.
[1585] *Pfaff I.* Francie a Čechy... S. 75.
[1586] Deníky Josefa Kalouska. Díl II... S. 131. Запись от 2 июня 1870 г.

его следующего посещения Парижа, которое было перенесено на конец июня.

По возвращении в столицу Богемии 23 марта 1869 г. Ригер начал работу над меморандумом и сбор материалов статистического и демографического характера[1587]. Примерно 20 июня документ был готов[1588]. После этого Ригер отправился в Париж. Там он вручил его министру образования Дюрюи, который передал текст Наполеону III[1589]. Затем 2 июля состоялась аудиенция чешского деятеля у французского императора.

В своих рассуждениях автор меморандума отталкивается от значительного усиления Пруссии, а также ее стремления к объединению Германии. Констатируя успех Берлина в этом направлении (особенно после 1866 г.), Ригер опасался, что его агрессия на международной арене будет только расти и расти[1590]. Он писал, что нынешнюю Германию (в лице Пруссии, возглавляющей Северогерманский союз) следует бояться больше, чем «Германию австрийскую», отстающую в своем развитии[1591]. Старочех видел потенциальную угрозу присоединения Цислейтании (и, в частности, чешских земель) к объединяющейся Германии. Этот шаг позволил бы создать большое и мощное государство с территорией от Балтийского до Адриатического моря[1592].

Что касается Вены, то, по мнению политика, она не могла не учитывать пангерманистские настроения в стране. Между тем имперский центр проводил в угоду «правящей немецкой партии» линию, которая потенциально могла привести к сближению с Пруссией. Эта тенденция явно неблагоприятна в условиях объединения Германии[1593]. Ригер считал, что единое немецкое государство непременно начнет экспансию. Оно

[1587] *Ibid.*
[1588] *Ibid.* S. 77.
[1589] *Ibid.* S. 79.
[1590] 1869, červenec – Riegrovo francouzské memorandum // Politické programy… S. 141.
[1591] *Ibid.*
[1592] *Ibid.* S. 143.
[1593] *Ibid.* S. 141–142.

распространит свое господство на соседние народы и государства, превращая их в вассалов[1594].

По сути, меморандум не представлял ничего нового: базисные мысли были высказаны еще в середине 1860-х гг. Чешский политик старался играть на франко-прусском антагонизме. Он указывал, что в интересах Франции не допустить объединения немцев и искать партнеров в противостоянии с Германией. Такого союзника, полагал создатель документа, она могла бы найти в лице чехов.

Этот тезис он подкреплял набором аргументов. Подчеркивалась развитость чешских земель, например в сфере сельского хозяйства и промышленности[1595]. На основе статистических данных был сделан вывод об их большом экономическом потенциале по сравнению с Венгрией и в определенной степени с Пруссией[1596]. Ригер выдвигал идею, что чешские земли экономически являются самой развитой частью монархии, без которых она не была бы великой державой[1597]. Говорилось и об образованности чехов: именно в их государстве был открыт первый университет в Центральной Европе[1598]. Также давались сведения о богатой письменной традиции и значительной роли чешских земель в генезисе Реформации[1599].

Ригер прямо писал и о военной составляющей. В случае конфликта между Парижем и Берлином, утверждал автор, чешский народ смог бы выставить армию размером в 200 тыс. человек[1600]. В документе говорилось о высокой квалификации чешских солдат, которые высоко ценятся в инженерных и артиллерийских полках Австро-Венгрии[1601], об их готовности воевать против Пруссии[1602].

[1594] *Ibid.* S. 143.
[1595] *Ibid.*
[1596] *Ibid.* S. 144–145.
[1597] *Ibid.* S. 144.
[1598] *Ibid.* S. 142.
[1599] *Ibid.*
[1600] *Ibid.* S. 145.
[1601] *Ibid.*
[1602] *Ibid.* S. 141.

Ригер отмечал, что чешские общественные круги якобы имеют большой вес в Дунайской империи[1603]. По его словам, у них есть возможность влиять на ее внутреннюю политику[1604]. Более того, монархии Габсбургов постоянно приходится учитывать мнение чешской оппозиции при проведении внешней политики[1605]. Лидер старочехов, конечно, весьма преувеличивал политическую важность чехов, желая продемонстрировать их исключительное значение и тем самым заинтересовать Наполеона III. Скорее он писал об идеале, который хотел воплотить в жизнь.

Понимая, что война Пруссии и Франции неминуема, Ригер рассуждал в меморандуме о выгодном стратегическом положении чешских земель. Благодаря протяженности своих границ земли короны святого Вацлава во многом отделяют Северную Германию от Южной[1606]. Неслучайно автор замечал, что «французская армия <…> могла бы быть переброшена в Чехию быстрее, чем прусское войско добралось бы из Берлина до Франкфурта-на-Майне»[1607].

В свою очередь, в документе говорилось, что чешские земли больше других подвержены опасности германизации и централизации в рамках Цислейтании. Такая ситуация способствует их возможному присоединению к Пруссии. Ригер не сомневался, что аннексированные Берлином чешские земли станут ценнейшим трофеем и несоизмеримо усилят Гогенцоллернов[1608].

Своего рода панацеей от этой угрозы автор видел защиту чешскими землями своих исторических прав, которые гарантируют им особое положение в Австро-Венгрии[1609]. Но для того, чтобы реализовать свои требования, чехи должны найти поддержку в своем противодействии

[1603] *Ibid.* S. 141.
[1604] *Ibid.*
[1605] *Ibid.*
[1606] *Ibid.* S. 143.
[1607] *Ibid.* S. 144.
[1608] *Ibid.* S. 145.
[1609] *Ibid.*

дуализму, германизации и мадьяризации[1610]. Ригер ясно намекал, что Франция стала бы самым подходящим союзником в этом деле. Ей необходимо поддержать чешские национальные устремления, мешая богемским немцам присоединиться к Пруссии[1611]. Однако конкретный механизм французского вмешательства (по сути – во внутренние дела другой державы) в документе не прописан.

Старочех попутно пытался убедить императора Франции в том, что в ближайшей перспективе дуализм ведет к сближению с потенциально единой Германией, а в отдаленной – к гибели Австро-Венгрии. Всё это вредит планам Наполеона III по заключению франко-австрийского союза[1612].

Возвращаясь к идее французской помощи в борьбе чешских сил за свои интересы, Ригер полагал, что лишь федерализация позволит сохранить монархию Габсбургов как великую европейскую державу и, следовательно, баланс сил на международной арене. Особенно это касается Центральной Европы, где пересекаются интересы Пруссии и России[1613]. Чешский политик был убежден в том, что осуществленная идея австрофедерализма позволила бы со всех сторон раскрыть мощный потенциал, заложенный в землях короны святого Вацлава[1614].

Понять логику Ригера несложно: поддержка Францией чешских национальных требований являлась ее жизненно важным интересом.

Примечательно, что о России в меморандуме говорилось в недоброжелательном ключе. Так, ссылаясь на большое недовольство чешского народа, вызванное игнорированием Австро-Венгрией его государственного исторического права, Ригер утверждал, что этим в конце концов воспользуются Пруссия или Россия. Привлеченные богатством чешских земель, они могут присоединить их к себе, пообещав признать

[1610] *Ibid.*
[1611] *Ibid.*
[1612] *Ibid.*
[1613] *Ibid.*
[1614] *Ibid.* S. 145–146.

государственное историческое право чехов[1615]. При этом Россия обязательно воспользовалась бы потенциальным распадом Австро-Венгрии, вызванным «гневом славян против династии». В то же время утверждалось, что «германизированная Чехия точно стала бы добычей Германии, однако славянская Чехия никогда не станет добычей русской <…>»[1616].

Чем можно объяснить такой сдвиг в отношении к России? На наш взгляд, многое может прояснить выдержка из письма Ригера Цейтгаммеру: «Конечно, каждый разумный политик должен понимать, что в документе, который должен привлечь Францию к чешскому делу, оно (дело – *И.К.*) не может иметь идентификации с русским панславизмом»[1617]. Автор меморандума вполне отдавал себе отчет в том, что ориентация одновременно на Францию и Россию – дело, требующее гибких подходов. Даже спустя два года Ригеру приходилось считаться с негативным восприятием во Франции чешского участия в Славянском съезде.

Как уже говорилось, Наполеон III принял Ригера 2 июля 1869 г. Ход и точный смысл беседы доподлинно неизвестен, главный итог встречи довольно спорен. Это касается, прежде всего, окончательного ответа императора чешскому политику. Так, например, Казбунда приводит следующую фразу императора: «Обещаю, что для вас я сделаю то же, что сделал для венгров»[1618]. Однако Резников приводит и другие возможные варианты: 1) «То, что я сделал для венгров, для вас сделать не могу»; 2) «Если бы я мог сделать для вас то, что сделал для венгров!»[1619] Калоусек, которому Ригер сам рассказывал об аудиенции, записал такую фразу: «Мое желание – сделать для вас то, что я сделал для венгров»[1620]. Пфафф настаивает на том, что Наполеон III в целом согласился с изложенной в меморандуме позицией и пообещал свою политическую поддержку

[1615] *Ibid.* S. 141.
[1616] *Ibid.* S. 145.
[1617] 1870 červen 8. Maleč. – Rieger Zeithammrovi // Příspěvky k listáři Dra Fr. Lad. Riegra. Díl 1... S. 207.
[1618] *Kazbunda K.* Deux memoranda de Rieger… P. 58.
[1619] *Reznikow S.* Op. cit. S. 104.
[1620] Дословно: «C'est mon vœu de pouvoir faire pour vous ce que j'ai fait pour les Hongrois». Запись от 2 июня 1870 г. Deníky Josefa Kalouska. Díl II... S. 132–133.

чешскому делу. При этом историк, зная дальнейшие действия французского монарха, высказывает мысль, что император вполне мог быть неискренен в своих словах[1621].

Сам Ригер был очень доволен итогами встречи. Показательны его слова, написанные жене в тот же день: «Если бы ты со мной сегодня говорила, я бы сказал тебе, что я счастливый человек, что у меня все получается – настолько мне здесь удались все дела <…>»[1622].

Акция старочеха сопровождалась пропагандой во французской печати. В августе в Revue des Deux Mondes вышла в свет известная и довольно объемная статья Тайандье «Австрия и Богемия в 1869 г.: чешский вопрос и французский интерес»[1623]. По всей видимости, именно ее подготовка обсуждалась французским ученым и Ригером в марте 1869 г.[1624] Выход статьи приветствовали И. Деспре и В. Дюрюи. Второй даже писал Тайандье, что его изложение чешского вопроса поспособствует успеху меморандума среди французских государственных деятелей и подтолкнет дипломатов к давлению на Бойста[1625]. Леже в своих воспоминаниях отмечал, что работа ученого «доставила огромное удовольствие нашим друзьям в Праге»[1626]. Сам же славист в октябре издал в Revue moderne статью «Из Парижа в Прагу»[1627].

В столице Богемии тем временем разворачивалась новая инициатива по пропаганде чешского вопроса. В конце июля 1869 г. вышел первый номер Correspondance Slave. Целью печатного органа стало знакомство зарубежной аудитории, особенно дипломатов, с позицией заметных чешских политиков[1628]. Его собственником был меценат Эммануэль Киттл (1836–1911

[1621] *Pfaff I.* Francie a Čechy… S. 79.
[1622] Цит. по: *Pfaff I.* Francie a Čechy… S. 80.
[1623] *Taillandier S.-R.* L'Autriche et la Bohême en 1869: la question tchèque et l'intérêt français // Revue des Deux Mondes. T. 82. № 3 (1er août 1869). P. 513–544.
[1624] 1869 březen 18–19. Paříž. – Rieger choti // Příspěvky k listáři Dra Fr. Lad. Riegra. Díl 1... S. 191.
[1625] *Pfaff I.* Francie a Čechy... S. 88–89.
[1626] *Leger L.* Souvenirs d'un slavophile… P. 62–63.
[1627] *Leger L.* De Paris à Prague // Revue moderne. T. 54. Quatrième livraison. 25 octobre 1869. P. 642–674.
[1628] Примечательны слова из письма младочешского журналиста Ф. Шимачека Ф.Л. Ригеру от 10 июня 1869 г.: «от сближения с Францией будет зависеть еще больше, чем от сближения с Россией <…> Францию необходимо систематически информировать либо через привлечение какой-нибудь газеты и деятелей, либо путем учреждения особого, нам посвященного журнала. Ригондо предлагает свои услуги». Цит. по: *Reznikow S.* Op. cit. S. 100–102.

гг.), часто бывавший во Франции. Первым главным редактором стал француз Луи Ригондо, не обладавший, впрочем, большим влиянием[1629].

Несмотря на все старания Ригера, его дело обернулось крахом. Спустя две недели после аудиенции Наполеон III передал меморандум австро-венгерскому посланнику в Париже Р. Меттерниху[1630]. Почему это произошло? Существует традиционная точка зрения, выдвинутая еще Казбундой, что своим шагом французский монарх продемонстрировал приверженность идее антипрусского союза с Веной[1631]. Резников подчеркивает также убежденность Наполеона III в том, что дуализм приведет к укреплению государства Габсбургов. Император, полагает ученый, с подозрением относился к идеям федерализма, в том числе и к идее австро-чешского соглашения[1632].

Между тем апреле 1868 г. канцлер Бойст писал посланнику в Париже Меттерниху, что прусское правительство поддерживает в монархии Габсбургов партии, враждебно настроенные к политике венского кабинета. «Венгры, чехи и католики одинаковым образом подстрекаются и воодушевляются», – отмечал министр[1633]. В мае 1868 г. Наполеон III в беседе

[1629] Занимаясь созданием журнала, Ригондо контактировал с Ригером и его окружением, однако нельзя говорить, что лидер старочехов стоял у истоков Correspondance Slave. Впрочем, он наряду со Сладковским и старочехом Вацлавом Зеленым вошел в комитет, отвечавший за политическую составляющую журнала. Значимую роль в нем играли Я.С. Скрейшовский, ставший позднее главным редактором, и такие сотрудники, как Э. Тоннер, А. Пинкас, В. Габлер, писатель Э. Рюффер. *Ibid.* S. 102–103.

[1630] L'annexe 1. Lettre personnelle du prince Richard de Metternich, ambassadeur d'Autriche-Hongrie à Paris, au comte de Beust, chancelier de l'Empire (16 juillet 1869) // *Kazbunda K.* Trois documents relatifs au mémorandum de Rieger à Napoléon III (1869) // Le Monde Slave. 1925, juillet. P. 140.

[1631] *Kazbunda K.* Deux memoranda de Rieger // *Ibid.* P. 123.

[1632] *Reznikow S.* Op. cit. S. 105. Пфафф, однако, несколько по-другому интерпретирует мотивы, которыми руководствовались на берегах Сены. По его предположению, меморандум на деле лишь увеличил степень сомнений в Париже, что Австро-Венгрия, все еще внутренне дестабилизированная, является сильным и надежным союзником. Передавая документ официальному представителю Габсбургской монархии, Наполеон III якобы хотел намекнуть Бойсту, что считает проект Ригера по преобразованию империи привлекательным для французской стороны. По нашему мнению, такая гипотеза основана на довольно натянутой интерпретации источников. *Pfaff I.* Francie a Čechy... S. 89–90.

[1633] Le Baron de Beust, Ministre des Affaire étrangères d'Autriche, au Prince de Metternich, Ambassadeur à Paris // Les origines diplomatiques de la guerre de 1870–1871: recueil de documents. T. 21. 1er mars 1868 – 31 juillet 1868. Paris, 1928. P. 145.

с Меттернихом воспроизвел этот нарратив, затронув «прусские интриги и маневры в Венгрии и Богемии»[1634].

В это время французские дипломаты много писали и о стремлении России утвердить свое влияние в том числе на чешских территориях. В депеше поверенного в делах в Лондоне говорилось о российской пропаганде в славянских землях Дунайской монархии[1635]. В январе 1868 г. представитель Франции в Штуттгарте сообщал о «панславистской агитации» в Богемии[1636]. В июле генеральный консул во Франкфурте вскользь упоминал о «российской пропаганде в славянских провинциях» империи Габсбургов[1637]. В том же месяце поверенный в делах в Дармштадте писал о «прусско-российских интригах в Богемии»[1638].

Таким образом, в 1868 г. в голове у императора Франции могла сложиться картина, что в Богемии любое протестное национальное движение инспирировано Берлином и/или Санкт-Петербургом. Рассеял ли меморандум это впечатление? Вполне возможно, что нет, учитывая, в чьих руках он в конце концов оказался.

Между тем в июле 1869 г. французский МИД изучал информацию по чешскому вопросу. По поручению министра Ла Валетта посланник в Вене А. де Грамон подготовил отчет «о текущей ситуации в Моравии и Богемии, а также о тенденциях, проявляющихся в двух северных славянских провинциях Империи»[1639]. На данный момент его содержание историкам, к

[1634] Le Prince de Metternich, Ambassadeur d'Autriche à Paris, au Baron de Beust, Ministre des Affaire étrangères, 30 mai 1868 // Les origines diplomatiques de la guerre de 1870–1871: recueil de documents. T. 21. 1er mars 1868 – 31 juillet 1868. Paris, 1928. P. 481.

[1635] Le Baron Baude, Chargé d'Affaires à Londres, au Marquis de La Valette, 16 septembre 1867 // Les origines diplomatiques de la guerre de 1870–1871: recueil de documents. T. 18. 17 juillet 1867 – 15 octobre 1867. Paris, 1925. P. 307.

[1636] Le Marquis de Châteaurenard, Ministre à Stuttgart, au Marquis de Moustier, 26 janvier 1868 // Les origines diplomatiques de la guerre de 1870–1871: recueil de documents. T. 20. 10 décembre 1867 – 29 février 1868. Paris, 1927. P. 264.

[1637] Rothan, Consul Général à Francfort, au Marquis de Moustier, 1 juillet 1868 // Les origines diplomatiques de la guerre de 1870–1871: recueil de documents. T. 21. 1er mars 1868 – 31 juillet 1868. Paris, 1928. P. 389.

[1638] Le Comte de La Rochefoucauld, Chargé d'Affaires à Darmstadt, au Marquis de Moustier, 15 juillet 1868 // *Ibid.* P. 424.

[1639] L'annexe 2. Lettre du prince La Tour d'Auvergne au duc de Gramont (21 juillet 1869) // *Kazbunda K.* Trois documents relatifs au mémorandum de Rieger à Napoléon III (1869) // Le Monde Slave. 1925, juillet. P. 140.

сожалению, неизвестно. Лишь установлено, что с ним ознакомился не только Ла Валетт, но и сменивший его (17 июля 1869 г.) Анри де Ла Тур д'Овернь.

Уже 21 июля 1869 г. новый министр отправил Грамону депешу вместе с документом Ригера. Он высказался следующим образом: «меморандум, как мне кажется, содержит полезные элементы для глубокого обсуждения вопросов, связанных с ситуацией в Богемии, и именно по этой причине я считаю полезным передать его Вам»[1640]. Кроме того, по мнению сановника, меморандум мог бы стать для Грамона «отправной точкой для критического исследования, насколько это возможно полного, одной из важнейших политических проблем консолидации Австро-Венгерской монархии»[1641]. По этому пассажу хорошо видно, что беспокоило де Ла Тур д'Оверня в потенциальном союзнике Франции.

При всем значении, который сановник придавал этому документу, глава МИД предупреждал дипломата: «кем бы ни являлся автор этого сочинения, он, несомненно, был замешан в чешской агитации, и его выводы отражаются в той исключительной точке зрения, которую, он, очевидно, занял»[1642]. Министр просил посланника никому не показывать данную депешу[1643].

В связи с этим возникает вопрос: знал ли де Ла Тур д'Овернь о передаче императором меморандума австро-венгерскому представителю? По посланию создается впечатление, что нет: даже фамилия Ригера руководителю МИД как будто бы незнакома. Также следует помнить, что текст вождя Национальной партии попал к Меттерниху 16 июля, а новый министр иностранных дел был назначен лишь на следующий день. Как считает Казбунда, благодаря Бойсту Грамон, впрочем, был осведомлен, кто

[1640] *Ibid.*
[1641] *Ibid.* P. 141.
[1642] *Ibid.* P. 140.
[1643] *Ibid.* P. 140–141.

написал меморандум[1644]. Однако историк не подтверждает этот тезис ссылками на источники.

Глава министерства хотел получить подробные сведения о положении дел в землях короны святого Вацлава. По его просьбе посольство в Вене составило соответствующий отчет под названием «Меморандум о чешском вопросе» (фр. *Memoire sur la question tchèque*). Он стал, по сути своей, непубличной реакцией, ответом на меморандум Ригера[1645]. Непосредственным исполнителем поручения был секретарь посольства барон Н. де Ринг, Грамон тоже выступил в роли автора[1646]. Отчет датируется 1 сентября 1869 г., в Париж его доставили 20 сентября[1647].

Он был крайне предвзятым по отношению чешскому народу. В частности, хотя чехи и не назывались прямо панславистами, указывалось, что «искра панславизма, тлеющая в глубине чешских сердец, несомненно, вспыхнет при виде русского мундира»[1648]. Чешское историческое право как таковое отрицалось[1649]. Если верить тексту, факты политического ущемления чехов были вымышлены их представителями. На самом деле чешское население положительно оценивало состояние дел в провинции. Ведь оно пользовалось «одной из самых либеральных конституций в мире и исключительно широкими привилегиями»[1650]. В этой связи французам предлагалось перенести свое сочувствие на поляков Царства Польского[1651]. Кроме этого, авторы «Меморандума о чешском вопросе» считали, что в случае федерализации монархия Габсбургов ослабнет и бремя войны с Пруссией ляжет целиком на Францию[1652].

В исторической науке принято обращать внимание на то, что французский посланник был другом Ф. Бойста и в той или иной степени

[1644] *Kazbunda K.* Deux memoranda de Rieger... P. 124.
[1645] *Ibid.* P. 125.
[1646] *Ibid.*
[1647] *Pfaff I.* Francie a Čechy... S. 90.
[1648] Цит. по: *Kazbunda K.* Deux memoranda de Rieger... P. 130.
[1649] *Pfaff I.* Francie a Čechy... S. 91.
[1650] Цит. по: *Ibid.*
[1651] *Ibid.* S. 91–92.
[1652] *Ibid.* S. 92.

смотрел его глазами на ситуацию в Богемии[1653]. Со своей же стороны отметим, что документ напоминает по своему содержанию депешу Грамона министру Мустье от 26 июня 1867 г. В очередном донесении в Париж от 20 сентября 1869 г. дипломат также называл запросы Ригера «преувеличенными» и «не подлежащими обсуждению», поскольку тот так и не понял, что долгожданной консолидации Австро-Венгрии мешает даже не столько чешская оппозиция, сколько в целом дестабилизация дуалистической системы[1654]. Это мнение, можно сказать, дополнила депеша из Гамбурга от 28 сентября 1869 г. о «чешских и панславистских интригах» Пруссии, «препятствующих возрождению империи»[1655].

Итак, представительство Франции в Дунайской империи было явно настроено против прожектов вождя Национальной партии и в пользу текущего курса в монархии Габсбургов. Это, видимо, повлияло на позицию парижского МИД: историкам неизвестно, чтобы де Ла Тур д'Овернь в дальнейшем проявлял интерес к чешскому вопросу, как это было в июле 1869 г.

Еще одним негативным итогом всего предприятия Ригера стало то, что о его документе узнали официальные и общественные круги Австро-Венгрии. Ведь о действиях лидера Национальной партии в столице Франции изначально были в курсе только несколько деятелей в Париже, члены его семьи и очень узкий круг доверенных лиц, исключительно старочехов (в частности, Габлер, Цейтгаммер, Клауды). Младочехи вообще ничего не знали об инициативах партийного руководителя[1656].

С 22 мая 1870 г. на Ригера обрушился шквал критики со стороны австро-венгерской печати. Не обошлось и без манипуляций с текстом

[1653] *Kazbunda K.* Deux memoranda de Rieger... P. 125. *Reznikow S.* Op. cit. S. 106. *Pfaff I.* Francie a Čechy... S. 90–91. Отметим, что конкретную степень влияния Бойста на восприятие де Грамоном чешского вопроса историки не выявили до сих пор.

[1654] Цит. по: *Pfaff I.* Francie a Čechy... S. 92.

[1655] Rothan, Ministre à Hambourg, au Prince de La Tour d'Auvergne, 28 septembre 1869 // Les origines diplomatiques de la guerre de 1870–1871: recueil de documents. T. 25. 1er juin 1869 – 15 novembre 1869. Paris, 1929. P. 269. Интересно, что в пропаганде панславизма французская дипломатия обвиняла не только Россию, но и Пруссию.

[1656] *Ibid.* S. 108.

меморандума. Так, например, в венской газете Neue Freie Presse с подачи Бойста он был обрезан так, что поездка Ригера выглядела как афера и авантюра. Канцлер хотел, чтобы Ригер выглядел изменником родины. Ради этого из опубликованного документа также были убраны все проавстрийские пассажи. В газете чехи были осмеяны за самолюбие и возвышение самих себя над остальными народами империи[1657]. Кроме того, Neue Freie Presse сделала акцент на нелестных высказываниях в документе в адрес России.

Документ появился в прессе в неслучайный момент, а именно после провальных переговоров А. Потоцкого с Национальной партией и богемскими аристократами-федералистами. В условиях углубившегося политического кризиса[1658] новый министр-президент Цислейтании (с апреля 1870 г.) на встрече в Праге уговаривал чехов прекратить пассивную оппозицию и вернуться в рейхсрат. Однако те отказались, поскольку премьер-министр при обсуждении статуса чешских земель предлагал отталкиваться от Декабрьской конституции[1659]. Упорное сопротивление чехов новой политической системе смешивалось с сомнительным (с точки зрения искаженного содержания меморандума) путешествием руководителя Национальной партии во Францию, якобы граничившим с предательством. Разумеется, это негативно влияло на публичный образ чешских деятелей.

Как реагировал Ригер на публикацию документа в печати? По информации Калоусека, тот мог опасаться предположений Наполеона III, что меморандум опубликовали по его вине и неосторожности[1660]. Сам вождь Национальной партии писал Цейтгаммеру, что теперь старается сделать так,

---

[1657] *Reznikow S.* Op. cit. S. 106.

[1658] В январе 1870 г. в отставку ушли три министра (Потоцкий, Таафе, Бергер), которые выступали за переговоры с национальными оппозиционными силами в империи. С этого момента Палату депутатов рейхсрата стали постепенно покидать некоторые ее члены. Затем в отставку ушел еще один член правительства Гискра, которому кабинет не позволил внести в парламент свой вариант законопроекта о выборах в рейхсрат. 31 марта из парламента ушли представители Галиции. К ним присоединились еще 12 депутатов из других земель. В результате в рейхсрате осталось меньше двух третей его членов, что не позволяло вводить новые и изменять старые законы конституционного характера. Это было существенным препятствием для полноценного функционирования политической системы, причем появившейся относительно недавно. *Urban O.* Česká společnost... S. 241–242.

[1659] О деталях переговоров см. подробнее: *Grégr E.* Deník... S. 205–211.

[1660] Запись от 2 июня 1870 г. Deníky Josefa Kalouska. Díl II... S. 133.

чтобы его сочинение русские не восприняли в штыки[1661]. 25 мая 1870 г. он дал опровержения в Pokrok, Politik и Zukunft о том, что отправлял из Праги какой-либо меморандум французскому императору или главе МИД[1662]. Впрочем, Ригер признавался в письме Палацкому, что не в состоянии отрицать суть всего дела, однако признать его и опубликовать подлинный вариант меморандума он тоже не может. По его мнению, это было бы неделикатно и политически неверно[1663].

При передаче меморандума австронемецким газетам Бойст преследовал цель внести раскол в ряды пражских политиков. Фактически ему это удалось. Некоторые из них (Ф. Шимачек, А. Мезник, Э. Тоннер и др.) открыто выражали недовольство и требовали четких объяснений[1664]. Очень показательна запись, которую оставил Э. Грегр в своем дневнике: «Меморандум этот настолько не дипломатичен, настолько бестактен да и полон таких чрезмерных вещей, что не только автора, но и всю чешскую партию, вождем которой является Ригер, он в высшей степени компрометирует, да и вызывает к тому же смех <…> выдержек из него достаточно для того, чтобы в каждом нечехе вызвать удивление относительно сумасшествия Ригера, а в каждом чехе – оправданный стыд»[1665]. Грегр считал, что меморандум должен был огорчить Франца Иосифа I, а у венгров вызвать сильное раздражение[1666].

Одна из возможных причин для недовольства младочехов достаточно очевидна. Ее можно объяснить тем, что лидер Национальной партии скрыл от них свои поездки в Париж в марте, а также в конце июня – начале июля 1869 г. Как метко заметил Резников, «Юлиус Грегр, конечно, не мог похвалить Ригера за то, что о действиях, которые тот совершил “от имени

[1661] Дословно: «Starám se jen o to, aby to Rusové neapprehendovali». 1870 červen 8. Maleč. – Rieger Zeithammrovi // Příspěvky k listáři Dra Fr. Lad. Riegra. Díl 1... S. 207.
[1662] 1870 květen 24. Maleč. – Rieger Kalouskovi // *Ibid.* S. 205. 1870 květen 25. Maleč. – Rieger Palackému // *Ibid.* S. 206. *Pfaff I.* Francie a Čechy... S. 93–94.
[1663] 1870 květen 25. Maleč. – Rieger Palackému // Příspěvky k listáři Dra Fr. Lad. Riegra. Díl 1... S. 206.
[1664] 1870 květen – Kalousek Riegrovi // *Ibid.* S. 206.
[1665] *Grégr E.* Deník… S. 213–214.
[1666] *Ibid.*

чешского народа", он сам должен был узнать из печати, по большей части венской»[1667].

Оппоненты старочехов в партии, по данным пражской полиции, даже собирались открыто выступить против профранцузской политики Ригера в июне 1871 г. Развитию полемики, которая бы повредила концепции франкофильства, помешало лишь начало франко-прусской войны[1668].

Неравнозначность франкофильства и русофильства в чешской общественной жизни, пожалуй, символизировало одно знаменательное событие. В сентябре 1869 г. чехи планировали отметить важную дату – 500-летие со дня рождения Яна Гуса. В дни, когда состоялась аудиенция Ригера у Наполеона III, Юлиус Грегр рассылал приглашения на торжества[1669]. Из французов их получили Ж. Санд, Э. де Жирарден, Ф. Гизо, А.Ж. Кокерель, В. Гюго, С.-Р. Тайандье, А.О. Ледрю-Роллен. Из них в Прагу не приехал никто[1670]. На этом фоне больше всего гостей прибыло из России: пять князей, три профессора, три писателя, скульптор, среди них – представитель Славянского благотворительного комитета в Москве М. Бухтеев[1671].

Была ли какая-то реакция на меморандум во Франции? Le Temps увидела в нем новый повод для раздоров в монархии Габсбургов, «которых и так уже в избытке». Газета передала и суть документа: меморандум «представлял союз с Францией как необходимый чехам для отражения наступления германизма». Его публикацию в прессе издание посчитало провалом. И «мы увидим, какие будут последствия от этого провала, исключительное значение которых нельзя было бы поставить под сомнение. Оно преисполнит радостью немцев империи, но какой эффект это произведет на славян?» – таким риторическим вопросом задавалась Le Temps[1672]. Ярко отрицательную характеристику меморандуму дало

[1667] *Reznikow S.* Op. cit. S. 108.
[1668] *Ibid.* S. 111.
[1669] *Kořalka J.* Julius Grégr a mezinárodní ohlas Husových oslav roku 1869 // Bratři Grégrové a česká společnost v druhé polovině 19. století. Praha, 1997. S. 64.
[1670] *Reznikow S.* Op. cit. S. 108–109.
[1671] *Kořalka J.* Julius Grégr a mezinárodní ohlas Husových oslav roku 1869… S. 65.
[1672] Bulletin du jour // Le Temps. 13.06.1870. P. 1.

издание L'Universe. Достаточно привести такую цитату: «Проекты конституции Австрии, с которыми мы только что ознакомились в записках Палацкого или в меморандуме Ригера, представленного Наполеону III о чешском вопросе, так же малоспособны дать Австрии внутренний мир, долговременную и устойчивую конституцию, как и немецкая гегемония»[1673].

Благосклонно отзывалась о меморандуме газета La Liberté, пусть даже спустя год после его публикации в австро-венгерской печати. Игнорирование документа, по мнению издания, стало очередным примером некомпетентности со стороны руководителей французской внешней политики на тот момент[1674].

Таким образом, в печати во Франции явно не было единого мнения о меморандуме.

Кроме того, в конце мая (когда меморандум появился в прессе) и начале июля 1870 г. (незадолго до франко-прусской войны) чехи вновь попали в поле зрения представителей Франции[1675].

В российском посольстве в Вене публикация меморандума не прошла незамеченной. В своей депеше в Санкт-Петербург поверенный в делах Васильчиков расставил акценты довольно правильно. Он отметил, что Ригер прямо обращается за помощью к Франции, при этом документ имеет антипрусскую направленность. От Васильчикова не ускользнуло, что лидер Национальной партии обещал французскому императору, что «Богемия

[1673] Lettre de Vienne. Les elections et les partis politiques en Autriche // L'Universe. 25.06.1870. P. 1.
[1674] Les diplomates français avant la guerre // La Liberté. 28.10.1871. P. 1.
[1675] Так, посланник в Санкт-Петербурге Э.Ф. Флёри в письме Грамону (с 15 мая 1870 г. – глава МИД) верно заметил: «славянские народы движимы совершенно разными тенденциями в зависимости от политической ситуации». Чехи, в частности, используют «призрак панславизма», чтобы добиться более широких уступок от властей. Грамон был согласен с этой позицией: они остаются австрийцами, но не принимают дуализм и «используют опасения, которые вызывает славянская идея в Вене». Однако подобная линия, по его мнению, опасна: Россия, недовольная возможными уступками цислейтанского кабинета в пользу Галиции, может воспользоваться «национальными страстями» чехов, хорватов и словенцев. В свою очередь неудовлетворенность этих народов только подтолкнет их к ней. Итак, Флёри и Грамон не считали чешских представителей панславистами, что было примечательно для французской дипломатии. Второй при этом полагал, что своей политикой чехи делают себя уязвимыми для российских манипуляций. Le Général Comte Fleury, Ambassadeur à Saint-Petersbourg, au Duc de Gramont, 31 mai 1870 // Les origines diplomatiques de la guerre de 1870–1871: recueil de documents. T. 27. 4 mars 1870 – 30 juin 1870. Paris, 1930. P. 329. Le Duc de Gramont au Général Comte Fleury, Ambassadeur à Saint-Petersbourg, 5 juillet 1870 // Les origines diplomatiques de la guerre de 1870–1871: recueil de documents. T. 28. 1er – 15 juillet 1870. Paris, 1931. P. 43–44.

никогда не станет российской»[1676]. Уместно привести полностью вывод дипломата о меморандуме: «Короче говоря, работа Ригера не может иметь ни значения программы, ни серьезного исповедания веры; это, скорее, результат деятельности изможденного путешественника, который пытался проложить себе подступы к Кэ д'Орсе (т.е. к французскому МИД – *И.К.*)»[1677]. К депеше Васильчиков приложил вырезку с текстом документа из номера Neue Freie Presse. Таким образом, в посольстве и МИД знали, что руководство Национальной партии работает сразу по двум направлениям – российскому и французскому. Судя по депеше, к акции Ригера в представительстве отнеслись с явным скепсисом. И важно подчеркнуть, что Васильчиков анализировал искаженную версию документа – единственную, доступную общественности.

Российские «Голос» и «Московские ведомости» обратили внимание на публикацию меморандума в немецкоязычной печати, как и на опровержение, которое дал его автор. Однако материал об этих событиях находился далеко не на первых страницах. Он излагался в нейтральном ключе в виде заметок[1678]. Такая сдержанность, возможно, свидетельствовала как о недоверии к немецкоязычным изданиям, на которые они ссылались, так и сложностью самого момента.

Нельзя не отдать должное Ригеру. Ему удалось достигнуть очень амбициозной цели. Он не был представителем общеавстрийской элиты и не занимал высокого официального поста, но ему удалось «дотянуться» до Наполеона III. Благодаря меморандуму, предназначенному лично императору, у Ригера была возможность изложить ему суть чешского

[1676] Vassiltchicow à Gortchacow, 29 mai/10 juin 1870 // АВПРИ. Ф.133. Оп. 470. Д. 145. Л. 267 (об.) – 268.
[1677] *Там же.* Л. 268.
[1678] Эти заметки состояли из пересказа информации из Neue Freie Presse, Tagblatt, Pesther Lloyd. Из Вены // Московские ведомости. 20.05.1870. С. 3; Из Вены // Московские ведомости. 23.05.1870. С. 3; Новости заграничные // Голос. 14.05.1870. С. 3; Новости заграничные // Голос. 23.05.1870. С. 3.

вопроса[1679]. Однако называть меморандум «первым документом чешской дипломатии и внешней политики эпохи модерна» будет все же преувеличением[1680]. Это связано опять же с отсутствием у членов Национальной партии формального статуса в рамках монархии Габсбургов. Данный факт можно объяснить в том числе выбранной ими тактикой пассивной оппозиции.

В то же время можно признать, что Ригер предвидел некоторые важные тенденции на международной арене. К примеру, оказался верным его прогноз, связанный со сближением дуалистической монархии Габсбургов с будущей Германией. Но слабостью меморандума было то, что в нем не учитывались все возможные геополитические изменения того времени.

Несмотря на размах деятельности Ригера в Париже, он вновь потерпел неудачу. Она была обусловлена все теми же объективными условиями, в которых действовал чешский политик. С одной стороны, это мнение Наполеона III о том, что Австро-Венгрия может быть сильным и надежным союзником только будучи государством дуалистическим. С другой стороны, некорректные представления о чешской политике по-прежнему имели место во французской общественно-политической среде. При этом частным лицам с их инициативами намного сложнее добиться того, чтобы их выслушали и к ним прислушались.

Результатом акции является и то, что авторитет лидера Национальной партии несколько снизился. Вновь, как и во время полемики о Январском восстании в Царстве Польском, внутри объединения обозначилось напряжение. Это говорит о том, что франкофильство не было в конце 1860-х гг. таким заметным феноменом, как русофильство. По словам Резникова, оно

[1679] Примечательно, что Ригер не был в этом плане пионером. Еще 1867 г. во время визита Франца Иосифа I в Париж польская консервативная эмиграция и галицийские политики из свиты императора пытались навести контакт с Наполеоном III. Они хотели через содействие французского правителя добиться согласия Габсбургов на смену внешнеполитического курса. Последнее предполагало движение к австро-русской войне. Этот конфликт смог бы, по мнению авторов идеи, спровоцировать интернационализацию польского вопроса и возрождение польской государственности в какой-либо форме. *Фалькович С.М.* Отношение польского национального движения к Австрийской империи… С. 143. Как уже утверждалось ранее, идею союза с Францией прорабатывал и Й.Ю. Штросмайер.

[1680] *Pfaff I.* Francie a Čechy… S. 83.

«не являлось настолько развитым и массовым явлением, чтобы стать достойным обоснованием для деятельности Ригера»[1681].

4.6. Чехи и проект православного храма в Праге в начале 1870-х гг.

Тема, указанная в параграфе, достаточно хорошо изучена в историографии. Однако ее невозможно обойти стороной при рассмотрении чешско-российских связей конца 1860-х – начала 1870-х гг. Она позволяет лучше увидеть, чего ожидала от России чешская сторона и каково было отношение к чехам среди российских официальных властей и общественных деятелей.

Идея об открытии в столице Богемии православной церкви была связана с желанием великой княгини Елены Павловны (жены Михаила Павловича, брата Николая I) пожертвовать в домовую православную церковь в Праге иконостас походной церкви в Карлсбаде (Карловых Варах). По мнению З.С. Ненашевой, за этим намерением скрывались сугубо религиозные мотивы[1682]. Данным проектом стал заниматься протоиерей М.Ф. Раевский. 24 мая 1868 г. он написал о планах великой княгини в Санкт-Петербургский славянский благотворительный комитет[1683].

В дальнейшем идея домовой церкви получила заметное развитие. За реализацию проекта взялся граф Г.А. Комаровский. В послании Санкт-Петербургскому славянскому благотворительному комитету (начало февраля 1870 г.) он писал о встрече с чехами в декабре 1869 г. На ней он им прямо заявил, что русские хотели бы иметь в Праге православный храм. Эта информация перекликается с письмом аристократа Раевскому от 26 ноября (8 декабря) 1869 г. В нем он сообщал об общей потребности чехов к сближению с Россией. С одной стороны, это выражалось в их сожалении, что русские

[1681] *Reznikow S.* Op. cit. S. 111.
[1682] *Ненашева З.С.* Русская православная церковь в Праге… С. 177–178.
[1683] По мнению З.С. Ненашевой, Раевский рассчитывал на амбициозность руководителей Славянского комитета и на их возможности по зондированию почвы и в Санкт-Петербурге, и в Москве, и в Праге. *Ненашева З.С.* М.Ф. Раевский и русская православная церковь в Праге… С. 103.

мало ездят в Прагу. С другой – в желании иметь в столице Богемии русскую церковь[1684].

Судя по всему, автор письма не преувеличивал, говоря о чешском интересе. Еще в 1843–1844 г. В. Ганка обсуждал с Раевским открытие в Праге православного храма[1685]. В тот же период он заговорил с протоиереем об учреждении в главном городе Богемии российского консульства[1686]. Между тем отец Михаил проявлял осторожность и избегал обсуждения этой явно политической инициативы. При этом сам он мечтал о появлении русской церкви в столице Богемии[1687]. Прошло время, и эта идея вновь дала о себе знать. Осенью 1867 г. (спустя несколько месяцев после Славянского съезда в Москве и Санкт-Петербурге) чешские газеты писали со ссылкой на российские источники о планах по выкупу одного из пражских храмов для православной церкви[1688]. Две тесно связанные идеи (открытие храма и консульства) продолжали циркулировать в чешской русофильской среде. Конец 1860-х гг. был подходящим временем для попыток их повторного продвижения. Чехи активно выступали против политики Вены, а пророссийские симпатии наблюдались в обеих фракциях Национальной партии.

Позднее Комаровский сообщал протоиерею о своих встречах в Праге с ведущими старочешскими и младочешскими деятелями. По впечатлению графа, они в одинаковой степени выражали свою заинтересованность в проекте[1689]. Аристократ в письме привел довольно конкретные данные о двух крупных фигурах из окружения Ригера и Палацкого –

[1684] Письмо Г.А. Комаровского М.Ф. Раевскому от 26 ноября (8 декабря) 1869 г. // Зарубежные славяне и Россия… С. 218.

[1685] Rajevskij Michail Fjodorovič – Václavu Hankovi, 22. července 1843 // Cesty na východ… S. 260; Rajevskij Michail Fjodorovič – Václavu Hankovi, 28./16. března 1844 // *Ibid.* S. 261.

[1686] Письмо В. Ганки М.Ф. Раевскому от 11 (23) мая 1844 г. // *Матула В., Чуркина И.В.* Зарубежные славяне и Россия… С. 111.

[1687] *Ненашева З.С.* М.Ф. Раевский и русская православная церковь в Праге… С. 105.

[1688] *Doubek V.* Česká politika a Rusko... S. 157; Возможно, что сбором на открытие храма в Праге в 1867 г. занималась газета «Москва», однако эта информация нуждается в подтверждении. *Ненашева З.С.* М.Ф. Раевский и русская православная церковь в Праге… С. 118.

[1689] Письмо Г.А. Комаровского М.Ф. Раевскому от 27 декабря 1869 г. (8 января 1870 г.) // *Матула В., Чуркина И.В.* Зарубежные славяне и Россия… С. 219.

А.О. Цейтгаммере и Ф.А. Браунере. Весьма характерна позиция первого из них: «вернейшее и скорейшее средство иметь нам в Праге церковь есть устройство там консульства, которого чехи ожидают в весьма скором времени»[1690]. Интересно, что Цейтгаммер, в отличие от того же Ганки, предлагал уделить особое внимание сразу «большому» проекту, а затем лишь – «малому». Такая точка зрения может служить определенным сигналом, что в чешской среде тема появления православного храма собиралась использоваться чисто в политических целях. Браунер был готов, как писал Комаровский, на деле содействовать чешско-российскому сближению. Он вызвался обсудить с Ригером вопрос о создании комитета по устройству в Праге православной церкви[1691].

Как можно увидеть, Браунер на встрече не рассуждал об учреждении консульства. Однако чуть позднее, в середине 1870-х гг., он делился с А. Лебедевым – настоятелем уже открытой православной церкви – причинами, по которым, с его точки зрения, чехи были в ней заинтересованы. Во-первых, они желали привлечь больше русских в Прагу. Во-вторых, надеялись в перспективе на учреждение консульства. В-третьих, намеревались свести местное духовенство с православным. И, наконец, хотели «иметь постоянное средство для взаимного нашего общения»[1692]. Таким образом, соображения Браунера были близки к идеям Цейтгаммера. Единственное, он допускал, в отличие от своего коллеги, что открыть консульство вряд ли удастся.

З.С. Ненашева полагает, что Раевский поверил в возможность появления в столице Богемии как православной церкви, так и консульства. Свои надежды он связывал с назначением князя Н.А. Орлова посланником России в Австро-Венгрии. Имея официальный статус в представительстве в

[1690] *Там же.*

[1691] *Там же.* С. 219–220. В том же письме граф мимоходом пишет о недовольстве чехами, которые, по его мнению, не были искренни в своих пророссийских симпатиях. В другом документе он критикует чехов за «партикуляристический эгоизм» и малую заботу об «общем благе». Пожалуй, такие комментарии с российской стороны были по-своему типичными и характерными. Письмо Г.А. Комаровского М.Ф. Раевскому от 29 апреля (11 мая) 1870 г. // *Там же.* С. 222–223.

[1692] Цит. по: *Ненашева З.С.* Русская православная церковь в Праге. Часть 1… С. 423–424.

Вене, отец Михаил мог начать реальные переговоры с дипломатом по поводу учреждения и консульства, и храма[1693].

Проекту Раевского и Комаровского способствовало еще одно обстоятельство. В начале февраля 1870 г. обсуждение открытия православной церкви в чешской среде было ускорено. Импульсом послужила просьба англиканского пастора в адрес пражского магистрата предоставить для богослужений храм святого Микулаша. Однако его члены пожелали «приберечь церковь для русских» и обратились с соответствующим предложением к Комаровскому[1694]. Создается впечатление, что обе стороны были в одинаковой степени заинтересованы в рассматриваемом предприятии.

Одно из писем Комаровского дает понять, что чешские деятели во главе с Ригером с энтузиазмом отнеслись к проекту. Они начали действовать крайне энергично, несмотря на призывы аристократа и протоиерея к осторожности[1695]. По всей видимости, они учитывали политические тонкости, которые неминуемо должно были сопровождать появление православного храма в центре Богемии. Комаровский очень опасался запрета на его реализацию со стороны правительства Цислейтании[1696]. Характерно, что даже заседание пражского магистрата по этому вопросу (9 февраля) было тайным. Известно, что на нем выступил Ригер, который «выразил желание думы

[т.е. магистрата] содействовать делу русской церкви в Праге всеми зависящими от нее средствами»[1697]. Очевидно, решение местного органа по повестке дня было положительным. З.С. Ненашева обращает внимание, что именно 9 февраля 1870 г. стало отправной точкой в этом проекте. Она подчеркивает, что вопрос был решен в короткие сроки, причем именно

[1693] *Ненашева З.С.* М.Ф. Раевский и русская православная церковь в Праге… С. 104.
[1694] *Там же.* С. 103–104.
[1695] Письмо Г.А. Комаровского М.Ф. Раевскому от 30 января (11 февраля) 1870 г. // *Матула В., Чуркина И.В.* Зарубежные славяне и Россия… С. 220.
[1696] Письмо Г.А. Комаровского М.Ф. Раевскому от 27 декабря 1869 г. (8 января 1870 г.) // *Там же.* С. 220.
[1697] Письмо Г.А. Комаровского М.Ф. Раевскому от 30 января (11 февраля) 1870 г. // *Там же.* С. 220.

чехами (на которых не оказывалось никакого давления), а не российской стороной[1698].

Для воплощения замысла в жизнь первым в России был привлечен М.П. Погодин. Затем к группе «устроителей» присоединился Славянский благотворительный комитет в Санкт-Петербурге. По инициативе пражского магистрата к делу подключилось аналогичное объединение в Москве. При обоих комитетах появились специальные комиссии, которые собирали деньги на оплату аренды храма[1699].

В это время М.Ф. Раевский вел переписку по поводу церкви не только с Г.А. Комаровским, но и с А.Ф. Гильфердингом как председателем Санкт-Петербургского комитета. Однако тот не мог обойтись без консультаций со своим начальством в МИД и руководством Синода. В марте 1870 г. после указаний обер-прокурора Д.А. Толстого в комитете решили «прояснить ситуацию» в Праге. Поскольку там в это время находился В.И. Ламанский, комитет поручил слависту связаться с крупными чешскими фигурами и уточнить приблизительную смету расходов[1700]. Финансовый размах всего предприятия озадачил членов комитета. В итоге в объединении решили отказаться от покупки здания для церкви и продвигать лишь идею его аренды. С этим был солидарен Д.А. Толстой и митрополит Санкт-Петербургский Исидор[1701]. Об учреждении консульства речь даже не заходила. Такое развитие событий противоречило мнению Раевского и Комаровского, которые желали именно приобрести храм святого Микулаша[1702]. Не говоря уже о чехах, рассуждавших ко всему прочему и об открытии российского консульства.

Окончательно ситуация прояснилась в одном из писем Гильфердинга отцу Михаилу (май 1870 г.). В нем он указывал, что предприятие,

---

[1698] *Ненашева З.С.* Русская православная церковь в Праге. Часть 1… С. 415–416.
[1699] В комиссию при комитете в Москве входили М.П. Погодин, граф Комаровский, Ю.Ф. Самарин, князь В.А. Черкасский, И.С. Аксаков. В комиссии при комитете в Санкт-Петербурге председательствовал А.Ф. Гильфердинг, секретарем стал граф П.А. Голенищев-Кутузов. *Там же.* С. 417.
[1700] *Ненашева З.С.* М.Ф. Раевский и русская православная церковь в Праге… С. 105.
[1701] *Там же.*
[1702] *Там же.*

поддержанное протоиереем, «совершенно невозможно» организовать «в тех обширных размерах», которые были им предположены[1703]. Этот вывод стал результатом совещания Гильфердинга с руководителем Азиатского департамента МИД П.Н. Стремоуховым и обер-прокурором Синода Д.А. Толстым[1704]. Таким образом, инициатива Раевского обсуждалась на весьма высоком уровне представителями тех ведомств, которым он был подотчетен. При этом автор письма уже заранее согласился с «политической невозможностью» масштабных замыслов, явно учитывая озвученную позицию министерства. К этому присовокуплялись и финансовые затруднения: пожертвований было слишком мало[1705].

В свою очередь Гильфердинг настаивал на том, что опасно строить амбициозные планы: «Нужно только, чтобы здание было нанято и мы могли отстоять в нем богослужение. Затем дело пойдет само собою, т.е. если в славянской Праге около православной церкви не образуется через несколько времени хоть самая малая, но местная паства, то, по крайней мере, не будет того фиаско, который представила бы неудача нашего предприятия, если бы начали его в обширных размерах»[1706]. Важно понимать, что это была не прихоть ученого, а расчет со стороны официальных структур. Причем в их поддержке проекта не скрывалось никакой политической подоплеки, о чем уже говорилось в историографии[1707].

Этот момент хорошо согласуется с общей линией Санкт-Петербурга в отношениях с Веной. В декабре 1869 г. князь А.М. Горчаков отмечал в инструкциях новому послу в Австро-Венгрии Н.А. Орлову крайнюю неустойчивость монархии Габсбургов как государства. Данный факт канцлер небезосновательно связывал с вытеснением ее влияния из Германии

[1703] Письмо А.Ф. Гильфердинга М.Ф. Раевскому от 23 мая 1870 г. // *Матула В., Чуркина И.В.* Зарубежные славяне и Россия… С. 137– 138.
[1704] *Там же.* С. 138.
[1705] *Там же.*
[1706] *Там же.*
[1707] *Ненашева З.С.* Русская православная церковь в Праге. Часть 1… С. 419–420. В письме Гильфердинга также указывалось, что заниматься проектом «на месте» с российской стороны теперь уполномочен граф П.А. Голенищев-Кутузов. В факте «смещения» графа Комаровского автор статьи видит еще один признак того, что в МИД не собирались придавать открытию церкви какого-либо политического значения.

и Италии и поисками «новой политической организации и нового центра притяжения»[1708]. По мнению министра, было совершенно неизвестно, к чему приведет данный процесс – к стабилизации империи или ее гибели. На этом фоне, полагал он, Вена активно борется с мнимыми угрозами, притесняя славянские народы. В непредсказуемой ситуации Горчаков полагал, что национальные и политические процессы в монархии «не в наших интересах ускорять»[1709].

В любом случае, отмечал канцлер, «необходимо, чтобы различные национальности Габсбургской монархии достигли полного развития в своем политическом существовании лишь после приобретения необходимой зрелости, чтобы предохранить себя от анархии»[1710]. А слишком явное выражение российских симпатий к австрийским славянам (от которых Горчаков в целом не отказывался) как раз могло замедлить их политическое развитие[1711]. Они также могли бы способствовать «недоверию, которое внушает призрак панславизма всей Европе». Царское правительство, подчеркивал министр, не желало и поощрения «панславистских утопий»[1712].

Итак, новому послу не запрещалось иметь контакты с представителями славянских народов в Австро-Венгрии. Однако от него требовалось соблюдать крайнюю осторожность, сдержанность и как бы демонстрировать, что Санкт-Петербург заинтересован в их дальнейшем развитии в рамках государства Габсбургов. И, конечно же, покупка здания в Праге для открытия православного храма вкупе с учреждением консульства противоречила установкам Горчакова. Неудивительно, что в МИД решили несколько остудить пыл М.Ф. Раевского.

7 июля 1870 г. граф П.А. Голенищев-Кутузов, который с российской стороны занимался этим предприятием, обратился с письмом в пражский

[1708] Projet d'instructions au Prince Orloff (à Vienne) // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. Д. 165. Л. 305. Здесь и далее перевод инструкции дан по следующему изданию: *Медяков А.С.* Между Востоком и Западом… С. 599–604.
[1709] Projet d'instructions au Prince Orloff (à Vienne) // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. Д. 165. Л. 305.
[1710] *Там же.* Л. 305–305 (об.).
[1711] *Там же.* Л. 306–306 (об.).
[1712] *Там же.*

магистрат. Он соглашался арендовать (как частное лицо) костел святого Микулаша в центре города недалеко от ратуши. В письме также шла речь о праве первого покупателя построек, прилежащих к зданию. 14 июля 1870 г. на заседании пражского магистрата были утверждены условия аренды сроком на 30 лет. 26 июля Голенищев-Кутузов подписал договор аренды, причем как представитель Славянского благотворительного комитета в Москве[1713]. Таким образом, события развивались в целом на руку чехам, хотя и без явного политического подтекста, на который они рассчитывали.

В дальнейшем история с открытием православной церкви в столице Богемии продолжится. Пока же необходимо зафиксировать промежуточную ситуацию. Сторонники Национальной партии оказались заинтересованными в этом проекте. Имеющиеся источники показывают, что как минимум часть видных старочехов приглядывалась к нему. Поддержка лидера партии Ригера, видимо, придавала на уровне Праги определенный вес инициативе. Судя по датам в письмах Комаровского, вождь старочехов стал заниматься этим вопросом в начале 1870 г. К тому времени безрезультатность его аудиенции с Наполеоном III уже стала достаточно очевидной. Французское и российское направления в деятельности Ригера пусть и не были в этот раз синхронными, как случалось ранее, но органично сменяли друг друга. Может, еще и поэтому Цейтгаммер, знавший, в отличие от многих, об аудиенции у французского императора (и, следовательно, о ее неудаче), возлагал столь отчетливые надежды на учреждение в Праге российского консульства.

Раевский оказался в весьма сложном положении. По сути, он был вовлечен в проект, который изначально продвигался Комаровским и чешскими деятелями. Причем отец Михаил искренне желал его реализации. Однако рассуждения протоиерея, связанные с появлением православной церкви, носили двойственный характер. Он думал о покупке здания и вложении в новый храм значительных средств, но по-прежнему очень

[1713] *Ненашева З.С.* Русская православная церковь в Праге. Часть 1… С. 420–421.

сдержанно относился к возможному росту политического влияния России и православия. Между тем другие интересанты, так или иначе близкие к Раевскому, шли значительно дальше. Однако официальный Санкт-Петербург отвергал их политические прожекты. На берегах Невы не хотели вносить «вклад» в дестабилизацию и без того турбулентной обстановки в центре Европы, которую ждала новая война.

Глава 5. Кульминация и крах инициатив Национальной партии (июль 1870 г. – октябрь 1871 г.)

5.1. Франко-прусская война и ее влияние на действия Национальной партии

Основной причиной конфликта между Пруссией и Францией стало их соперничество за лидерство на европейской арене. В то же время для Бисмарка она была неизбежным и завершающим шагом в деле объединения Германии.

Этот конфликт имел для европейских государств важные последствия. В него дипломатически оказалась втянутой и Россия. На встрече Вильгельма I и О. фон Бисмарка с Александром II и А.М. Горчаковым в курортном городе Эмсе обсуждались антиавстрийские меры, а затем и антифранцузские. Российский император подтвердил свое обещание (декабрь 1868 г.) о развертывании в случае франко-прусской войны 100-тысячной армии на границе с Австро-Венгрией. Более того, при вступлении Вены в войну царь был готов увеличить этот контингент до 300 тыс. и занять Галицию[1714]. Так Россия незадолго до конфликта окончательно связала себя с Пруссией.

Что касается Австро-Венгрии, то к началу войны формальный союз с Францией заключен не был. Сближение двух стран «обрамляли» лишь письма двух монархов (осень 1869 г.). Впрочем, активные политические контакты вплоть до кризиса в июле 1870 г. не прекращались. В феврале и июне того же года обе стороны обсуждали план совместных военных действий Франции, Италии и Австро-Венгрии против Пруссии и России[1715]. На аудиенции французскому генералу Лебруну Франц Иосиф I заявил, что монархия Габсбургов вступит в потенциальную франко-прусскую войну только в крайнем случае. Ради собственной внутриполитической стабильности и международного престижа Вена собиралась действовать с оглядкой на национальные чувства австрийских немцев и жителей Южной

[1714] *Айрапетов О.Р.* Указ. соч. С. 233.
[1715] *Медяков А.С.* Между Востоком и Западом… С. 418–421.

Германии. Обсуждение совместной военной кампании окончилось ничем[1716]. При этом Вена не сделала ничего, чтобы предотвратить войну. Бойст транслировал в Париж и Берлин прямо противоположные установки. Францию он уверял, что Дунайская империя не останется в столкновении нейтральной, а Пруссию – как раз в обратном[1717].

Симпатии австрийских немцев были на стороне Берлина. Произошло то, чего опасался Бойст: война приобрела национальный характер. Все немецкие государства, включая традиционно симпатизирующие Габсбургам южные, выступили на стороне Пруссии. Помимо этого, рейхсканцлеру приходилось учитывать позицию влиятельного венгерского истеблишмента, выступавшего за нейтралитет. Вдобавок в Вене осознавали, что ее вмешательство в войну приведет к столкновению с Россией. В итоге австро-венгерский МИД занял позицию выжидательного нейтралитета. Он надеялся извлечь политические дивиденды от войны в случае, если она затянется, а преимущество будет на стороне Франции[1718]. Так Париж остался один в конфликте с Берлином.

В военных операциях Пруссия добилась очевидных успехов. Французская Рейнская армия была заперта в Меце. Идущая на помощь ей армия под командованием Мак-Магона потерпела поражение 1 сентября в ключевой битве при Седане. В плен попал и сам Наполеон III. Под влиянием этих событий 3 сентября в Париже произошла революция. На следующий день монархия была упразднена. Во Франции наступила эпоха Третьей республики. Новое правительство продолжило безнадежную войну. 15 сентября 1870 г. пруссаки осадили Париж.

Что касается отношения чехов к войне, то в распоряжении историков есть любопытное донесение французского посла в Австро-Венгрии А. де Ла Тур д'Оверня[1719]. Примечательна уже сама характеристика этого народа,

---

[1716] *Там же.* С. 421.
[1717] *Там же.* С. 424, 426–427.
[1718] *Там же.* С. 430–440.
[1719] В июле 1870 г. он сменил А. де Грамона, ставшего в мае министром иностранных дел.

«почти на три года парализовавшего конституционное развитие Цислейтании своим безучастием»[1720]. Дипломат отмечал, что чехи вообще никак не выступили за союз монархии Габсбургов с воюющей Францией. Мотив подобного равнодушия руководитель посольства видел в следующем: «Чехи <…> открыто заявили через свои самые авторитетные органы печати, что, став чужими для Австрии, они безразлично относятся ко всем решениям, которые она может принять. Вступит ли Франция в союз с Австрией, объединится ли с Пруссией или сохранит нейтралитет – для них это не имеет значения; им не о чем беспокоиться, потому что они не видят в этом никакой интереса для будущего Богемии»[1721]. Поведение чехов, по мнению де Ла Тур д'Оверня, противоречило логике. С его точки зрения, они как оппоненты австрийских немцев, сочувствующих Берлину, должны были симпатизировать Парижу. «Однако это не так, и их отношение к начинающемуся конфликту убедительно доказывает полное отсутствие у этой партии политического чутья»[1722].

В депеше говорилось, что подобное отношение усиливает в Австро-Венгрии сторонников нейтралитета во франко-прусской войне (что, конечно, не могло устраивать французского представителя). Более того, чехи на этой почве якобы сближались с австрийскими немцами с целью помешать Вене вступить в конфликт. «Они служат Пруссии так же, как если бы открыто выступали за нее, и способствуют успеху пангерманизма, полагая, что способствуют торжеству славянских рас», – заключал посланник[1723].

Это донесение радикальным образом расходится с данными историографии. Считается, что в начале конфликта чешские симпатии были явно на стороне Франции, а после августовских побед Пруссии они только усилились[1724]. Депеша же изображает чехов как политически незрелых

[1720] Le Prince de La Tour d'Auvergne, Ambassadeur à Vienne, au Duc de Gramont, 29 juillet 1870 // Les origines diplomatiques de la guerre de 1870–1871: recueil de documents. T. 29. 16 juillet 1870 – 10 août 1870. Paris, 1932. P. 300.
[1721] *Ibid.*
[1722] *Ibid.*
[1723] *Ibid.*
[1724] *Reznikow S.* Op. cit. S. 125.

эгоистов, которые мешают развитию Цислейтании, препятствуют воплощению французских интересов в Австро-Венгрии и способствуют лишь росту пангерманистских настроений.

Как можно объяснить эту парадоксальную картину? Во-первых, могла сыграть роль предвзятость к чехам, свойственная в целом дипломатии Франции той поры. Во-вторых, стоит обратить внимание на то, что французский дипломат оперировал сведениями, которые ему «передали»[1725]. Источник полученной информации он не раскрыл, и можно лишь догадываться, почему была столь искажена реальная картина событий.

Так, Národní listy, которые можно с уверенностью отнести к «самым авторитетным органам печати» у чехов, выразила явное сочувствие к Франции и антипатию к Пруссии уже в самом начале их противостояния[1726]. Резников даже отмечает, что газета смотрела на конфликт сугубо глазами французской печати[1727].

Старочешский Pokrok накануне войны действительно писал, что чехи могут с равнодушием смотреть на надвигающийся конфликт. Однако мотивировалось это тем, что их положение в империи может улучшить лишь кризис на Востоке, но не на Западе[1728]. По мнению издания, весь ход международной жизни в Европе подчинен борьбе за решение восточного вопроса[1729]. Подобный акцент, пожалуй, можно назвать развитием взгляда Ригера на югославянские (и шире – балканские) сюжеты. Также в риторике печатного органа проскальзывали мистические, историософские мотивы,

---

[1725] Le Prince de La Tour d'Auvergne, Ambassadeur à Vienne, au Duc de Gramont, 29 juillet 1870 // Les origines diplomatiques de la guerre de 1870–1871: recueil de documents. T. 29. 16 juillet 1870 – 10 août 1870. Paris, 1932. P. 300.

[1726] «Раньше, отчетливее и правильнее всех заявила о себе французская нация, которая сразу же загорелась войной, поскольку полностью понимает ее истинное значение. У французов в этих вопросах есть природный инстинкт, который говорит им, что в скором времени следует сломить растущую мощь Пруссии, преследующей цель создание немецкой монархии, которая с 1866 г. начала появляться на руинах бывшего Германского союза». Также издание не без удовольствия утверждало, что российское общественное мнение находится на стороне Франции. «В этом как раз мы видим большое значение нынешней войны: против немецкой воинственности французская нация невольно сошлась с русской», – заявляла газета. Так, очевидно, она пыталась нивелировать тот факт, что официальная Россия заняла в войне нейтралитет. Význam přítomné války // Národní listy. 21.07.1870. S. 2.

[1727] *Reznikow S.* Op. cit. S. 117–118.

[1728] Rakousko-uherská říše a válka // Pokrok. 17.07.1870. S. 1.

[1729] *Ibid.*

близкие к славянофильским. В частности, значение франко-прусского столкновения заключалось только в том, что оно разрушит «солидарность европейского Запада против славянского Востока». Ведь проигравшая в конфликте сторона будет «будущим союзником Славии в великом деле ее мировой миссии»[1730]. На этом фоне Pokrok критиковал внешнюю политику Наполеона III за то, что наименьшим его вниманием пользовалось «славянское движение»[1731].

После объявления войны газета с насмешкой писала, что изначальным мотивом для утверждения дуализма был «реванш за Садову», однако правительство, австрийские немцы и венгры в решающий момент бросили Францию[1732]. Помимо Бойста, Андраши и Потоцкого критика адресовалась и «пожирающему славян» (досл. *slovanžroutský*) герцогу Грамону, который «не показывал носа» за пределы Вены[1733].

Можно заметить, что Pokrok в своем отношении к войне выступал скорее как наблюдатель со стороны и даже критик французов. Но о сближении с австрийскими немцами в его материалах речи не шло, как и о полном равнодушии к венскому внешнеполитическому курсу.

Таким образом, информация де Ла Тур д'Оверня слабо коррелировала с реальностью. В любом случае она демонстрировала по-прежнему негативное отношение французского посольства к чешской политике в начале франко-прусской войны и незадолго до падения Второй империи.

Как пишет Резников, появление Третьей Республики отозвалось в сознании чехов даже сильнее, чем поражение у Седана[1734]. Палацкий в это время писал дочери Марии о неизбежном союзе «племени романского и славянского против германского»[1735]. При этом он был удовлетворен концом монархии во Франции, поскольку разочаровался в Наполеоне III как

[1730] *Ibid.*
[1731] *Ibid.*
[1732] Jak si kdo ustlal? // Pokrok. 20.07.1870. S. 1.
[1733] *Ibid.*
[1734] *Reznikow S.* Op. cit. S. 125.
[1735] Письмо от 5 сентября 1870 г. Цит. по: *Pfaff I.* Francie a Čechy… S. 112.

потенциальном чешском союзнике. Историк отмечал: «<…> я все же рад, что наполеонизм перестает существовать; что бы за ним ни последовало, надеюсь, оно будет всегда лучше как для французов, так и для нас»[1736]. Если рассматривать оценки в младочешской фракции, то, по мнению Э. Грегра, победы Пруссии в войне предвещали начало борьбы Богемии с ней за собственное существование[1737].

В чешском обществе появился запрос на противодействие Пруссии в конкретных формах. Одной из них стала добровольческая акция, организованная радикальными представителями студенчества и рабочих. Центр по координации всей акции был создан на базе пражского журнала Correspondance Slave. В апреле 1871 г. главным редактором печатного органа стал Л. Леже, приехавший с этой целью в Прагу[1738]. В столице Богемии он часто контактировал с Ригером и Палацким, которые ввели его в Мещанскую беседу[1739].

Журнал помогал не только с отправкой добровольцев, но и заботился о бежавших из Пруссии французских военнопленных, изначально находившихся недалеко от границ с Австро-Венгрией. Леже вспоминал: «они прибывали в Богемию и удивлялись тому, что встречали людей, не говорящих по-немецки, которые, глядя на их порванную униформу, издавали восторженные крики на неизвестном языке, приглашали их к своему столу, играли для них Марсельезу». Французский славист указывает, что беженцев для оказания им помощи направляли в редакцию Correspondance Slave, поскольку французское консульство в Праге отсутствовало[1740].

Акцию по отправке добровольцев поддерживали пражские издания Národní listy, Pokrok, Světozor, Dělník и др. Они оказывали посильную

[1736] Письмо от 10 сентября 1870 г. Цит. по: *Ibid.*
[1737] *Reznikow S.* Op. cit. S. 118.
[1738] В своих воспоминаниях славист рассказал об одном ярком рабочем эпизоде. В апреле 1871 г. на правах главного редактора он запросил список подписчиков Correspondance Slave. Среди них отсутствовал французский МИД, зато этот список возглавляла канцелярия Бисмарка. С подачи Леже Министерство иностранных дел Франции позднее тоже подписалось на журнал. *Leger L.* Souvenirs d'un slavophile… P. 81.
[1739] *Pfaff I.* Francie a Čechy... S. 167.
[1740] *Ibid.* P. 74–75.

финансовую помощь. К середине октября 1870 г. добровольцами записалось 583 человека. Инициаторы акции рассчитывали, что им удастся в скором времени собрать 2–3 тыс. человек, однако всего во Франции оказалось лишь 529 добровольцев[1741]. Значение же этой акции состоит в том, что благодаря ей в чешском обществе стали появляться зачатки массового франкофильства[1742]. Размах всего предприятия был таков, что австро-венгерское внешнеполитическое ведомство даже писало в Министерство внутренних дел с просьбой воспрепятствовать таким инициативам из-за нарушения нейралитета страны[1743].

Реакция чехов на войну не исчерпывалась профранцузскими публикациями. Руководство Национальной партии активизировало свою политическую деятельность. Начавшаяся война и победы Пруссии служили для Палацкого и Ригера подтверждением собственных опасений по поводу гегемонии Берлина, возможного распада монархии и т.д. События лишь укрепили их уверенность в избранной ими линии. В такой ситуации поиск партнеров и союзников был, как и раньше, многовекторный и при этом предсказуемый. Ригер, помимо Партии консервативного велькостатка, взаимодействовал с польской, хорватской российской и французской сторонами.

Среди польских политиков идеологически наиболее близким к старочеху был Францишек Смолька. К сожалению, малое количество опубликованных источников не позволяет всесторонне осветить их взаимодействие. Однако можно выделить некоторые важные тенденции. Ригер, как и прежде, рассчитывал внести свою лепту в разрешение «русско-польского спора», даже несмотря на фиаско 1867 г. Об этом свидетельствует его корреспонденция со Смолькой, в частности ответ поляка, датированный 11 августа 1870 г.

[1741] *Opočenský J.* La protestation des députés tchèques… P. 181–183.
[1742] *Reznikow S.* Op. cit. S. 124–125.
[1743] *Opočenský J.* Op. cit. P. 179.

Судя по этому документу, Ригер в письме от 4 августа предложил идею созвать в Праге славянский конгресс. Мероприятие должно было состояться весной 1871 г. Хотя в своем ответе Смолька упоминал о целях конгресса в самых общих чертах, данная акция стала бы попыткой достигнуть взаимопонимания между славянскими народами. Смолька видел потребность в «солидарном действии славян в интересах прогресса и свободы и при условии поддержания особого историко-политического положения отдельных народностей». По-видимому, Ригер предлагал, чтобы на конгрессе присутствовали и поляки, и русские. Смолька против этого не возражал[1744]. Таким образом, старочех был на шаг ближе к собственному варианту решения русско-польских разногласий.

Лидер «львовских демократов» видел объективную потребность в общеславянской акции, т.к. считал, что любой исход франко-прусской войны ведет к поглощению чешских земель Пруссией, а Галиции – Россией. Впрочем, поляк надеялся на победу Франции в войне. «Государство находится в самом опасном положении, и я не вижу никакого австрийского государственного деятеля, который бы немедленно решился соответствовать ожиданиям всех народов Австрии и без всякой задержки со всей мощью выступил против Пруссии на стороне Франции, что, как я полагаю, могло бы спасти Австрию», – писал он[1745]. Идея созыва конгресса находила поддержку также у части югославян. Например, в пользу этого проекта высказывалось хорватское издание Zatočnik, а также газета сербов Воеводины «Застава»[1746].

[1744] 1870 srpen 11. Lvov. – Smolka Riegrovi // Příspěvky k listáři Dra Fr. Lad. Riegra. Díl 1... S. 208.
[1745] *Ibid.* S. 209.
[1746] *Žáček V.* František A. Zach. Praha, 1977. S. 240.

Добавим, что Смолька рассуждал не только о конгрессе и выработке общеславянских действий в контексте войны. Он хотел согласовать свою политическую линию с позицией Ригера[1747].

Осенью 1870 г. лидер Национальной партии активно сотрудничал и с хорватами. На активизацию связей повлияло, помимо всего прочего, политическое усиление народняков. В 1870–1871 гг. им удавалось победить на выборах в сабор и сформировать в нем большинство. Их победа укрепила надежды на успех в лагере чехов.

В том же году видный хорватский политик Мразович ездил в Прагу, где состоялись переговоры о координации действий оппозиции в обеих землях[1748]. Активное взаимодействие сторон отмечалось в российском представительстве в Вене. В сентябре 1870 г. Горчакову сообщалось, что чехи и хорваты обменивались мнениями в отношении германских дел и текущей ситуации в монархии[1749]. Из посольства в Санкт-Петербург также писали о прибытии в столицу Австро-Венгрии Й.Ю. Штросмайера. Его приняли при дворе, а затем он встретился с императором. Хорватский деятель просил Франца Иосифа I пойти навстречу чешским национальным требованиям, т.к. Богемия является его опорой в монархии. Штросмайер называл ее «самой надежной крепостной стеной по эту стороны Лейты». И, как он добавил, если бы этой стены не существовало, ее бы следовало возвести[1750].

Осенью для Ригера и Палацкого взаимодействие с российской стороной приобрело особое значение. К этому подталкивало одно важное обстоятельство: в июне 1870 г. новым представителем России в Австро-

---

[1747] Прежде всего, это касалось условий отправки ландтагами своих представителей в рейхсрат. В частности, Смолька спрашивал, как ему относиться к тому факту, что правительство предлагает польской шляхте послать своих депутатов в обмен на получение должностей в галицийской администрации. «Я очень прошу, напишите мне немедленно, как вы рассматриваете текущее положение дел, ибо весьма необходимо, чтобы мы действовали единодушно», – торопил галицийский автономист. Поляк отмечал, что он и его партия будут солидарны с Ригером и в любом случае поддержат его точку зрения. 1870 srpen 11. Lvov. – Smolka Riegrovi // Příspěvky k listáři Dra Fr. Lad. Riegra. Díl 1... S. 209–210.

[1748] *Фрейдзон В.И.* Борьба хорватского народа за национальную свободу… С. 353.

[1749] Novikow à Gortchacow, 12/24 septembre 1870 // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 146. Л. 141 (об.) – 142.

[1750] *Там же.* Л. 138 (об.).

Венгрии стал Евгений Петрович Новиков (из-за болезни приступивший к работе лишь в конце августа). Он, можно сказать, на профессиональном уровне знал историю чешских земель[1751]. Его назначение стало следствием потепления отношений между Санкт-Петербургом и Веной[1752]. Посланник «пользовался особым доверием <…> Горчакова, и со временем это доверие становилось все более глубоким»[1753].

Контакты между чехами и российским представительством могли стать взаимовыгодными в связи с нервозной обстановкой начала 1870-х. Но важно помнить, что в Санкт-Петербурге продолжали придерживаться крайне умеренного подхода к национальным движениям в Австро-Венгрии. Помощь славянам со стороны России не могла вступать в противоречие с интересами Габсбургов и угрожать стабильности монархии.

21 июня 1870 г. Е.П. Новикову из МИД были направлены инструкции. Они вновь довольно детально раскрывает позицию Санкт-Петербурга по отношению к австрийским славянам[1754]. Общая интонация была на первый взгляд вполне благосклонной. Россия была заинтересована в развитии ими своей национальной специфики: «Мы хотим, чтобы они сохраняли и укрепляли между собой и с нами интеллектуальные и нравственные связи, общность веры, происхождения, языка и обычаев». Только таким образом

[1751] Е.П. Новиков окончил кафедру славянских наречий и литератур в Московском университете. В своей выпускной работе «Православие у чехов» он обосновывал мысль о православной природе учения Яна Гуса. Оно проистекало, как считал автор, из непрерывавшейся кирилло-мефодиевской традиции в духовной жизни чехов. Более того, она продолжалась в течение веков, несмотря на победу католицизма. Свою концепцию, на которую повлияли исследования В.А. Елагина, он развивал и в магистерской диссертации «Гус и Лютер», вышедшей затем в виде книги. *Новиков Е.П.* Гус и Лютер. Часть II. М., 1859. С. 245–246, 249; О научном и дипломатическом пути Новикова см.: *Галямичев А.Н.* Евгений Петрович Новиков – русский историк и дипломат XIX в. // Историческая память и общество: эпохи, культуры, люди / под общ. ред. А.Н. Галямичева. Саратов, 2008. С. 195–198; *Лаптева Л.П.* Ян Гус в освещении русской историографии столетий // Славяне и Россия исторический контекст и проблемы историографии. Отв. ред. С.И. Данченко. М., 2015. С. 13; *Сагомонян А.А.* Евгений Петрович Новиков (1826–1903) – дипломат «горчаковской школы» // Новая и новейшая история. 2024. № 4. С. 198–216.

[1752] Разногласия России и Пруссии в греко-турецком конфликте (Критский кризис) показали Бойсту, что русско-прусский союз оказался не столь прочным. К установлению контактов с Санкт-Петербургом Вену подталкивал Париж, тоже начавший в 1869 г. сближение с Россией. С другой стороны, неуступчивость Османской империи в балканских вопросах и разногласия с Парижем по поводу возможного союза также заставляли Вену искать согласия с восточным соседом. Кроме того, у обеих стран была объективная незаинтересованность в каком-либо осложнении дел на Балканах после череды острых кризисов в этом регионе. *Медяков А.С.* Между Востоком и Западом… С. 395, 400.

[1753] *Сагомонян А.А.* Указ. соч. С. 199.

[1754] О том, что это был последний вариант текста, свидетельствует помета Александра II на проекте документа «быть по сему».

можно было «обеспечить их национальное существование и противостоять вторжениям извне»[1755].

Следует обратить внимание на политический наказ послу. «Мы будем приветствовать все, благодаря чему единокровные народы могли бы получить автономию, безопасность и процветание». Однако всего этого славяне должны были добиться исключительно за счет «внутреннего прогресса», «избегая при этом анархии внутри, а вовне – насильственной борьбы, которая подрывала бы их судьбы. Мы не стремимся ни провоцировать, ни поощрять их»[1756]. Это были рамки, которые предопределяли не только степень интереса Российской империи, но и масштабы деятельности посольства. Оно не должно было скрывать ни ее «бескорыстных симпатий», ни ее сдержанности, «предписанной для блага» славян и продиктованной также международными обязательствами[1757]. В МИД понимали, насколько в жестких условиях предстояло работать Новикову при наличии устремлений, которыми он будет окружен, и «перед лицом подозрений», объектом которых он станет[1758].

Если сравнивать инструкции Орлову и Новикову, то можно отметить, что по смыслу они довольно похожи. Это свидетельствует о четкости и последовательности осторожного курса, взятого на берегах Невы в отношении славянских народов. Именно он предопределял линию поведения Новикова при личных беседах с чешскими политиками.

Благодаря Й. Калоусеку, входившему в ближайшее окружение Ригера и Палацкого, известно, чтó именно подтолкнуло обоих к визиту в российское посольство. Эти важные факты содержатся в его дневниковой записи от 6 сентября 1870 г. Старочешские лидеры обсуждали встречу с «неким Тютчевым» (по выражению Калоусека), который ежедневно виделся с

[1755] Projet d'instructions à Mr. Novikow (à Vienne), 21 juin 1870 // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 146. Л. 261 (об.).
[1756] *Там же.* Л. 262–262 (об.).
[1757] *Там же.* Л. 262 (об.) – 263.
[1758] *Там же.* Л. 263.

Горчаковым[1759]. Речь шла, очевидно, о поэте и председателе комитета иностранной цензуры МИД Ф.И. Тютчеве. По некоторым косвенным данным можно судить, что события происходили в Праге.

По словам Ригера и Палацкого, Тютчев в рамках «полуофициальной миссии в Вену» воспроизвел им позицию Горчакова по текущей международной ситуации, заверяя обоих в ее достоверности. Он рассказал о договоренности между Пруссией и Россией, по которой вторая захватит Галицию, если Австро-Венгрия вмешается в франко-прусскую войну. Однако теперь российский интерес заключается в сохранении Габсбургской монархии[1760]. Неслучайно перед этими сведениями Калоусек упомянул о циркулировавших слухах, что Бисмарк собирается начать войну с Дунайской империей и уничтожить ее[1761].

Информация Калоусека не слишком далека от истины, хотя и содержит неточности. Ф.И. Тютчев был действительно близким сподвижником и другом Горчакова. По словам литературоведа В.В. Кожинова, специалиста по жизни и творчеству поэта, в 1856–1873 гг. Тютчев виделся с министром иностранных дел «чуть ли не каждую неделю»[1762]. «Полуофициальность» миссии в Вену объясняется тем, что летом 1870 г. он по рекомендации врачей выехал на воды в Карлсбад (Карловы Вары)[1763]. После он отправился с теми же целями в Теплиц (Теплице)[1764]. В какой-то момент своего путешествия Тютчев проезжал через Прагу, где за ним следили местные власти[1765].

Обращает на себя внимание, что позиция России по отношении к Австро-Венгрии в дневнике Калоусека приведена с искажениями: Санкт-Петербург всегда был заинтересован в Вене как в необходимом элементе

[1759] Deníky Josefa Kalouska. Díl II… S. 133; Об этой встрече также писал М. Бидлас: *Bidlas M.* Česko-ruské vztahy v období vrcholu národního hnutí // Dějiny československo-sovětských vztahů nové a nejnovější doby. Díl 1. Dějiny česko-ruských ztahů 1770–1917 / Ed. V. Čejchan. Praha, 1967. S. 236.
[1760] Deníky Josefa Kalouska. Díl II… S. 133.
[1761] *Ibid.* S. 132.
[1762] *Кожинов В.В.* Тютчев. М., 2009. С. 405.
[1763] *Там же.* С. 413.
[1764] *Жакова Н.К.* Тютчев и славяне. СПб., 2001. С. 30.
[1765] В.В. Кожинов, упоминая некое архивное дело, утверждает, что директор пражской полиции оповещал о прибытии поэта министра внутренних дел. *Кожинов В.В.* Указ. соч. С. 413.

баланса сил в Европе. Эта точка зрения никогда не претерпевала изменений. Что касается Галиции, то Александр II планировал вторгнуться в нее, но конкретно о присоединении речь не заходила (у Калоусека написано все-таки жестче – *obsadit pro sebe,* дословно «занять для себя»[1766]).

Узнав со слов Тютчева о заинтересованности Санкт-Петербурга в сохранении Австро-Венгрии, Ригер решил посетить российское представительство. Он собирался вести переговоры «о сближении, однако с той оговоркой, чтобы Австрия относилась лучше к славянам, а именно не притесняла чехов, главы австрийского славянства, во влиянии которой на правительство русские видели бы гарантию дружбы между двумя империями»[1767]. Такая риторика довольно сильно напоминает дух меморандума Ригера Наполеону III. Только теперь уже Россия, а не Франция должна была поверить в силу, значение чехов и заинтересоваться сближением с прославянской Австро-Венгрией. Также примечательна последовательная позиция старочеха, уверенного в несомненном лидерстве чехов среди австрийских славян.

Ригер и Палацкий посетили Новикова в Вене в сентябре 1870 г. Под влиянием прусских побед и ослабления Франции они изложили свой взгляд на ближайшее будущее Европы, который согласуется с записями Калоусека. Чехи уверяли дипломата, что после военных успехов усилившаяся Пруссия будет угрожать не только целостности Австро-Венгрии, но и всему славянскому миру. Рано или поздно Пруссия присоединит к себе всех немцев, живущих до Адриатики и Черного моря. Таким образом, Цислейтания при поддержке венгров будет неизбежно поглощена, и чешская нация погибнет. Угроза славянству не могла не касаться России. Усугубляло ситуацию то, что Австро-Венгрия игнорировала себе во вред национальные интересы разных народов, в том числе и чехов. Для спасения монархии и успешного противодействия Пруссии Ригер и

[1766] Deníky Josefa Kalouska. Díl II… S. 133.
[1767] *Ibid.* S. 133–134.

Палацкий выдвинули идею союза между Австро-Венгрией и Россией[1768]. При всем этом они отмечали, что сближение Габсбургов и Романовых стало бы возможным лишь при прославянской политике Вены, утверждении в монархии славянской идеи как государствообразующей. Только тогда славянскому миру, сгруппированному вокруг обеих держав, удалось бы противостоять германскому натиску[1769]. Старочешские лидеры воспринимали возможное вторжение в Цислейтанию как скорое противостояние славянского и германского миров. Таким образом, мощные перемены в Европе рассматривались в своеобразном экзистенциальном ключе. Думается, подобная трактовка появилась в числе прочего под влиянием идей Палацкого о смысле чешской истории как о борьбе чехов с немцами.

Итак, приобретение Австро-Венгрией славянского характера имела для руководителей Национальной партии двойное значение. С одной стороны, она лишала австрийских немцев и венгров привилегированного положения и повышала значение славянских народов во внутренней политике. С другой, она должна была открыть дорогу для сближения Вены с Россией, т.е. предполагала коррекцию и внешнеполитического курса.

Новиков пытался убедить старочехов, что Пруссия не собирается инициировать агрессию в отношении своих соседей. По поводу союза между Австро-Венгрией и Россией дипломат писал Горчакову, что это, естественно, невозможно в текущих условиях, когда Вена покровительствует австрийским немцам и венграм в ущерб славянам[1770]. Фактически он по данному вопросу соглашался со своими собеседниками.

[1768] Novikow à Gortchacow, 12/24 septembre 1870 // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 146. Л. 130–131; Стоит отметить, что не только чехи в тот момент были уверены в скором присоединении Цислейтании к Пруссии. По этому поводу всерьез беспокоился, например, представитель Австро-Венгрии в России Богуслав Хотек, а также часть венгерских политиков. Еще перед франко-прусской войной военный министр Австро-Венгрии Франц Кун фон Куненфельд писал императору, что возможная победа Пруссии повлечет за собой гибель монархии Габсбургов. После битвы при Седане посол Пруссии в Вене Швайниц писал в Берлин о подобных опасениях в Вене. Бисмарк в письме послу от 4 сентября 1870 г. отвергал такой вариант развития событий. Политическое вытеснение Дунайской империи из Германии, убедительные победы Пруссии и подъем на их фоне австронемецкого национализма, подпитываемого борьбой между централистами и федералистами в Цислейтании, заставлял и представителей истеблишмента сомневаться в будущем своей родины. *Медяков А.С.* Между Востоком и Западом... С. 435, 465, 496–498; *Pfaff I.* Francie a Čechy... S. 128.

[1769] Novikow à Gortchacow, 12/24 septembre 1870 // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 146. Л. 131 (об.)–132 (об.).

[1770] *Там же.* Л. 132.

Отношение дипломата к противостоянию между чехами и Веной емко характеризует тот факт, что он им советовал прекратить пассивную оппозицию и вернуться в рейхсрат. Там им бы, возможно, удалось создать большинство (видимо, с другими славянскими народами) и дать отпор австронемецким централистам. Однако Ригер и Палацкий ответили, что «для них было бы невозможным жертвовать принципиальным вопросом»[1771].

Кроме того, оба деятеля посвятили посланника в детали их аудиенции у Франца Иосифа I по случаю прибытия депутации от богемского сейма с адресом. Они рассказали о холодном приеме императора[1772]. Это свидетельствует о том, что старочехи стремились придать переговорам с Новиковым доверительный характер.

Судя по содержанию депеш российского представителя в Санкт-Петербург, первая встреча с чешскими политиками не отличалась достаточным взаимопониманием. Его взгляд на пути разрешения внутриполитического кризиса в Австро-Венгрии, а также на международную ситуацию заметно отличался. Другие данные, отправленные осенью 1870 г. в российскую столицу, лишь подтверждают, что по целому ряду вопросов Новикову была чужда политическая линия Ригера и Палацкого.

Так, рассуждая о мощном подъеме австронемецкого национализма, он писал о неудачном времени для переговоров между имперским центром и чехами. Об этом дипломат докладывал в МИД еще в самом начале своего пребывания в Австро-Венгрии. «Момент для обсуждения компромисса был выбран неудачно. Опьяненные победами прусской армии граждане-мечтатели, грезящие о будущей большой германской родине, как никогда склонны ожесточаться перед лицом славян»[1773]. При этом российский представитель в донесении критиковал чешских политиков за их бескомпромиссность в переговорах с кабинетом А. Потоцкого, «который не

[1771] *Там же.* Л. 128.
[1772] *Там же.* Л. 127–128.
[1773] Novikow à Gortchacow, 23 août /4 septembre 1870 // АВПРИ. Ф.133. Оп. 470. Д. 146. Л. 40 (об.) – 41.

пренебрегал ничем для их смягчения»[1774]. Руководитель посольства полагал, что своими действиями чехи сами же способствуют приходу к власти более жесткого правительства, настроенного в пользу австрийских немцев[1775].

Крайне скептически Новиков относился и к концепции государственного исторического права, которой упорно придерживались чехи. С его точки зрения (которая была созвучна мнению Э.Г. Штакельберга – одного из его предшественников в должности посланника в Вене), всеми правами, которыми они располагали и которые хотели бы увеличить, политики из Богемии скорее обязаны дарованной конституции. Дело заключалось вовсе не в «исторических титулах, затерянных в глубине времен»[1776]. Посланник называл в депеше Горчакову эту идейную платформу бесплодной. По его словам, чехам лучше от нее отказаться и добиваться изменения конституции уже на «легальной основе» – в парламенте[1777]. Он был уверен, что пассивной оппозицией они не только вредят самим себе, но и ею «пробудили польский вопрос в Галиции»[1778].

Последний тезис Новиков, к сожалению, не стал раскрывать. Видимо, посланник был недоволен тем фактом, что галицийские депутаты еще 31 марта 1870 г. в знак протеста покинули рейхсрат, как это сделали когда-то чехи. Этим демаршом они требовали уступок галицийской автономии. Если данное предположение верно, то в глазах посланника члены Национальной партии подавали дурной пример силам в той коронной земле, которая всегда находилась под пристальным вниманием России. Примечательно, что тему Галиции на фоне контактов с Ригером и Палацким дипломат начал поднимать на довольно раннем этапе взаимодействия с ними.

[1774] Novikow à Gortchacow, 22 octobre/3 novembre 1870 // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 147. Л. 162 (об.).
[1775] *Там же.*
[1776] В этом отношении позицию автора донесения можно сравнить с аналогичными и более ранними рассуждения герцога Грамона.
[1777] Novikow à Gortchacow, 22 octobre/3 novembre 1870 // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 147. Л. 163–163 (об.).
[1778] *Там же.* Л. 163 (об.).

Откровенно не нравился представителю России и тесный союз Национальной партии с Партией консервативного велькостатка. Ему он казался искусственным и противоестественным[1779].

Итак, Новиков в начале своей миссии относился к чешским лидерам достаточно сдержанно. Впрочем, присматриваясь к их политической линии, он указывал на изначальный прагматизм этих деятелей. «Допуская присущее партийному духу преувеличение, нельзя оспаривать его практическую сторону – предусмотрительность», – отмечал он[1780].

Большое количество упоминаний о «чешской теме» и их разнообразие в донесениях свидетельствуют о стремлении Е.П. Новикова понять причины и глубину национальных противоречий в монархии. Он желал уяснить, насколько были искренними русофильские настроения среди славян монархии. В таком ракурсе он рассматривал и политический курс Национальной партии, и отношение ее лидеров к России. Чуть позднее, в начале 1871 г., он отмечал, что не верит в искренность симпатий чешских «вожаков». С его точки зрения, они были «не самого чистого качества»[1781]. Осенью 1870 г. посланник даже называл Ригера и Палацкого фарисеями[1782].

В декабре этого же года, отправляя сведения в столицу, дипломат не преминул порассуждать на тему российского влияния среди родственных народов. «По моему скромному мнению, наше господство над западными славянами никогда не будет осуществляться, как на Востоке, на религиозной почве, а только при апелляции к нашей расовой общности», – утверждал он[1783]. Если чехи видели в потенциальном союзе монархии Габсбургов и России защиту от германизации, то Новиков искал возможность усилить влияние своей страны на западных славян. Мотивы этого стремления окажутся весьма устойчивыми.

[1779] *Там же.* Л. 163–163 (об.).
[1780] Novikow à Gortchacow, 12/24 septembre 1870 // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 146. Л. 133.
[1781] Novikow à Gortchacow, 13/25 mars 1871 // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 122. Л. 59–59 (об).
[1782] Novikow à Westmann, 12/24 septembre 1870 // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 122. Л. 193.
[1783] Novikow à Gortchacow, 2/14 décembre 1870 // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 146. Л. 465 (об.).

Примечательно, что в сентябре 1870 г. Новикова посещали не только Палацкий и Ригер, но и Штросмайер. В разговорах с посланником он отстаивал необходимость славянской солидарности перед германской угрозой. Лидер народняков оставался сторонником союза Парижа и Санкт-Петербурга для отражения прусской экспансии. Поэтому хорватский епископ призывал Россию настаивать на территориальной целостности Франции[1784]. Примечательная деталь, ведь «Промемория» чехов имела аналогичный посыл.

Как свидетельствует в своих записях Калоусек (6 октября 1870 г.), «от Новикова Ригер вернулся разочарованным в российских замыслах»[1785]. Иллюзия, навеянная Тютчевым, «рассеялась, как дым»[1786]. Отмечалось (со скепсисом и неудовольствием), что посланник оценивает ситуацию по венским газетам[1787]. Лидер старочехов констатировал, что «Россия не может вмешиваться во внутренние дела Австро-Венгрии (под предлогом, благоприятным для славян)»[1788]. Итак, обе стороны были друг другом недовольны. Как следствие, Ригер возобновит активный контакт с Новиковым лишь в 1871 г. Возможно, это недовольство отразилось и на проекте православного храма в Праге[1789].

Осенью 1870 г. лидер Национальной партии вел очень сложную игру. Он пытался согласовать общую политическую линию с поляками и хорватами, налаживал контакт с Новиковым. Важными проектами для него

[1784] *Фрейдзон В.И.* Борьба хорватского народа за национальную свободу… С. 344.
[1785] Deníky Josefa Kalouska. Díl II… S. 136.
[1786] *Ibid.*
[1787] *Ibid.*
[1788] *Ibid.*
[1789] 7 декабря 1870 г. А.Ф. Гильфердинг сообщил М.Ф. Раевскому, что Московский славянский благотворительный комитет пытался создать в Праге чешский комитет «для хлопот по учреждению православного храма». И по поводу этой инициативы Ф. Браунер (главный представитель от чехов в деле относительно церкви) признал, что это невозможно «по политическим и иным соображениям». Также можно предположить, что чехи на фоне акции с «Промеморией» (8 декабря 1870 г.) не хотели показаться в глазах Вены излишними русофилами и на время ослабили свое участие в упомянутом предприятии. Все предположения нуждаются в подтверждении в связи с отсутствием прямых свидетельств. В любом случае, как справедливо заметила З.С. Ненашева, письмо Гильфердинга хорошо показывает неустойчивое отношение чешской элиты к предполагаемым российским партнерам. Письмо А.Ф. Гильфердинга М.Ф. Раевскому от 7 декабря 1870 г. // Зарубежные славяне и Россия… С. 138; *Ненашева З.С.* Русская православная церковь в Праге. Часть 1… С. 418.

стали созыв общеславянского конгресса и сближение России и монархии Габсбургов на славянской почве.

После капитуляции французской армии в Меце (29 октября) в Вене поняли, что появление единой Германии неизбежно[1790]. Венгерские круги первыми начали высказываться в пользу сближения с Пруссией[1791]. Что касается Цислейтании, то в ней продолжал развиваться политический кризис. В середине ноября обострились противоречия между федералистами и централистами в австрийском рейхсрате в связи с дебатами об адресе на высочайшее имя. В ходе обсуждения отчетливо проявилась резкая оппозиция либерального немецкого большинства к умеренно-федералистскому курсу правительства А. Потоцкого. Также стало ясно, что австронемецкие либералы стремятся к дружбе с Германией. «Усиление немецкого централизма при сохраняющейся неопределенности очертаний нового европейского порядка могло стать роковым для Австро-Венгрии»[1792].

В создававшихся условиях Вена стала постепенно искать пути сближения с Берлином. Эта тенденция, а также расклад сил на внутриполитическом поле создавали серьезные препятствия для планов и надежд чешской национальной элиты.

5.2. Чешско-французские политические контакты в ноябре-декабре 1870 г. «Промемория чешских либеральных политиков о внешней политике»

Трудный ход переговоров между чешской политической элитой и правительством привел к радикализации настроений в чешском обществе. По словам Резникова, возникал риск, что «протест и гнев мог обратиться не только против Вены, но и против своих политических представителей»[1793]. Острый недостаток политической трибуны стал ощущаться в конце ноября

[1790] *Медяков А.С.* Между Востоком и Западом… С. 537.
[1791] *Там же*. С. 498.
[1792] *Там же.* С. 539.
[1793] *Reznikow S.* Op. cit. S. 126.

1870 г., когда начались заседания делегаций Цислейтании и Транслейтании[1794].

Чешское общество осмысливало ошеломившие всю Европу события франко-прусской войны: Франция на глазах утрачивала позиции ведущей державы. Претензии Пруссии на Эльзас и Лотарингию, обосновывавшиеся наличием в них немецкоязычного населения и принадлежностью этих территорий к Священной Римской империи, очень болезненно воспринимались чехами[1795]. Оживление профранцузских симпатий в Богемии показало чешским политикам, что на данный момент существует благодатная почва для выступления по внешнеполитическим вопросам[1796].

Стоит заметить, что в начале франко-прусской войны во французском обществе уже появился запрос на публичное выступление чехов в пользу Франции. Симпатизанты Ригера в Париже – Тайандье, Мартен, Жирарден – предложили Ж. Фавру и Л. Гамбеттá, чтобы МИД обратился к чехам с просьбой выразить протест против «нападения» Пруссии на их родину. Однако министр иностранных дел де Ла Тур д'Овернь, не желая раздражать Берлин, между 26 июля и 21 августа 1870 г. трижды отверг эту затею[1797].

В начале ноября произошло событие, благоприятное для чехов. Генеральным консулом Франции в Вене стал Альбер Лефевр, перед которым в монархии были поставлены особые задачи. Дипломат собирался провести переговоры с представителями элиты некоторых ненемецких народов. Цель этих переговоров – инициировать более активную поддержку Франции и тем самым надавить на Вену, чтобы та нарушила свой нейтралитет[1798]. Я. Опоченский приводит еще одну цель французского дипломата. Если ему удалось бы убедить славянские народы выступить против Пруссии и других немецких государств, то Россия поняла бы, что она ошибалась в своем

[1794] *Tobolka Z.* Op. cit. S. 226.
[1795] *Reznikow S.* Op. cit. S. 126.
[1796] *Opočenský J.* La protestation des députés tchèques… P. 182.
[1797] *Pfaff I.* Francie a Čechy... S. 144.
[1798] 1870 listopad 12. Praha. – Fr. Palacký Dru Al. Pražákovi // Paměti a listář Dra Aloise Pražáka. Díl druhý... S. 101; *Pfaff I.* Francie a Čechy… S. 132.

внешнеполитическом курсе. Как считал Лефевр, она, вспомнив о противостоянии славянского и германского начала, могла бы выступить против аннексии Эльзаса и Лотарингии[1799].

Известно, что перед посещением Праги Лефевр побывал в Галиции. Там дипломат имел контакты с Ф. Смолькой. Суть их встреч нам неизвестна. Но очень примечательно, что поляк рекомендовал Ригеру познакомиться с Лефевром ввиду его скорого посещения Праги[1800]. Письмо Смольки свидетельствует о непрекращающихся контактах старочешского лидера с польскими политиками.

Альбер Лефевр в сопровождении вице-консула в Темешваре Эмиля Пико прибыл в Прагу 9 ноября 1870 г. В этот же день состоялась его первая встреча с Ригером и Палацким[1801]. Дипломату был оказан очень теплый, радушный прием. Свое глубокое удовлетворение лидеру Национальной партии он выразил в письме от 19 ноября. Из него можно понять, что, консул просил Ригера и Палацкого сделать публичное заявление в поддержку Франции. В нем следовало выразить протест против присоединения Пруссией Эльзаса и Лотарингии. Лефевр считал, что этот шаг усилит налаживающиеся связи между Францией и чехами. Как дипломат он подчеркивал схожесть видения у обеих сторон и наличие общего противника. «Ничто не будет в этот момент более славного для Богемии, ничего не будет более плодотворного для ее будущего, чем громкое выступление в пользу Франции», – отмечал он[1802]. Во время переговоров французский представитель был удивлен сообщением Ригера, что у чехов уже есть документ, с которым они бы могли выступить перед общественностью[1803].

[1799] *Opočenský J.* La protestation des députés tchèques… P. 184.

[1800] 1870 listopad 6. Vídeň. – Smolka Riegrovi // Příspěvky k listáři Dra Fr. Lad. Riegra. Díl 1... S. 213.

[1801] *Pfaff I.* Francie a Čechy… S. 147. По другим данным – 8 ноября. *Kořalka J.* František Palacký (1798–1876): životopis. Praha, 1998. S. 495.

[1802] 1870 listopad 19.Vídeň. – A. Lefaivre Riegrovi // Příspěvky k listáři Dra Fr. Lad. Riegra. Díl 1... S. 214.

[1803] По данным Пфаффа, еще в начале августа 1870 г. 88 депутатов богемского ландтага (что важно, среди них были и младочехи) собрались несколько раз для обсуждения текущих событий. На этих встречах лидер Национальной партии выдвинул идею о подаче императору и делегациям заявления в защиту Франции. 5 ноября его сподвижники одобрили документ. На следующий день Палацкий как председатель Королевского чешского общества наук выразил протест против прусской бомбардировки Парижа, направленный министру-президенту Цислейтании Потоцкому. *Pfaff.I.* Francie a Čechy... S. 132, 147.

11 ноября Ф. Палацкий присутствовал на обеде у Лефевра, хотя изначально не хотел приходить на встречу[1804]. По свидетельству дипломата, историк заявил, что враги чехов также являются врагами Франции. При этом он добавил, что чехи находятся в большей опасности: им грозит ликвидация национального существования, в то время как Франция потеряет «лишь две провинции»[1805]. «Отец нации» заверил консула в давних чешских симпатиях в пользу Парижа. Одновременно он указал Лефевру на равнодушие французских государственных деятелей по отношению к чехам, но положительно оценил тот факт, что ныне Франция протягивает им руку[1806]. Резников с опорой на дневник Лефевра утверждает, что Палацкий также предлагал Парижу обратиться за поддержкой к России для укрепления своих позиций[1807].

Интересно, что Лефевр намеревался сообщить своему правительству о поддержке своих начинаний в чешской среде, но Палацкий по неизвестным причинам отговорил его от этого шага[1808].

Французский дипломат был рад согласию чехов на проведение акции. Лефевр опасался, что в ближайшее время может произойти общеевропейский конфликт, вызванный нотой А.М. Горчакова. В октябре 1870 г. она была разослана российским дипломатическим представителям Австро-Венгрии, Великобритании, Франции, Италии и Османской империи. В ней шла речь об отказе Санкт-Петербурга следовать условиям Парижского мира 1856 г. Предлогом стало то, что, по мнению России, другие державы неоднократно его нарушали. Консул писал Ригеру, что «наступает решающий момент, когда каждая держава, каждая национальность, каждая политическая группа должна сделать свой выбор, чтобы действовать»[1809]. Внешнеполитическая обстановка подталкивала генерального консула к поиску союзников не

[1804] *Kořalka J.* František Palacký (1798–1876): životopis. Praha, 1998. S. 495.
[1805] *Pfaff.I.* Francie a Čechy... S. 132, 147.
[1806] *Ibid.*
[1807] *Reznikow S.* Op. cit. S. 139.
[1808] *Pfaff I.* Francie a Čechy... S. 147.
[1809] 1870 listopad 19. Vídeň. – A. Lefaivre Riegrovi // Příspěvky k listáři Dra Fr. Lad. Riegra. Díl 1... S. 214.

только среди держав, но и их народов. И учитывая фактор России – именно славянских народов.

Значение установившихся тесных контактов между Лефевром и Ригером показывает и факт публикаций со стороны прусских пробисмарковских изданий на эту тему, написанных с издевательским тоном[1810].

Итак, Ригеру сопутствовала удача. Он смог приобрести однозначного союзника (в отличие от Новикова) в лице официального представителя Франции в Вене. Более того, и он, и Лефевр сошлись в необходимости политического выступления чехов в пользу Франции. Достоверно известно, например, что Л. Гамбетта был в курсе контактов французских дипломатов с чехами. О них ему докладывал 20 ноября Эмиль Пико во время краткой поездки в столицу Франции. На совещании он подчеркивал, что стране необходимо налаживать связи со славянами, несмотря на все нюансы и осложнения (в частности, имелась в виду их репутация панславистов). «Союз со славянами может иметь свои недостатки, однако он является самым надежным средством, чтобы навсегда справиться со всем, что является немецким <…> Мы хотим сблизиться с народами и воздействовать на их общественное мнение, которое начинает пробуждаться даже в России», – убеждал вице-консул[1811]. Как указывает Резников, он также упомянул идею Палацкого о сближении Парижа с Санкт-Петербургом[1812].

15 ноября 1870 г. Лефевр покинул Прагу в надежде, что вернется сюда после 20 ноября с целью поучаствовать в окончательной редакции Промемории и ее дальнейшем обнародовании[1813]. Однако дипломату

[1810] *Ibid.* S. 215.

[1811] На совещании присутствовало еще одно доверенное лицо Гамбетта, а именно Эжен Шпюллер. Он выступал против сотрудничества со славянскими народами и чехами в частности. Деятель рассуждал: «Мы не можем быть ни панславистами, ни пангерманистами. Республика должна быть республиканской. Сами же господа Палацкий и Ригер – либералы лишь наполовину и совсем не республиканцы». Таким образом, если в России Александр II и Горчаков ошибочно обвиняли руководство Национальной партии в республиканизме, то во Франции Шпюллер резонно отмечал обратное. При этом все упомянутые деятели критиковали чехов. Данный факт в очередной раз показывает, насколько непростой задачей была одновременная опора на обе страны. *Reznikow S.* Op. cit. S. 140

[1812] *Ibid.* S. 139.

[1813] *Pfaff I.* Francie a Čechy… S. 148.

приходилось постоянно откладывать свой приезд, из-за чего Ригер после 25 ноября уже решил действовать самостоятельно[1814]. Сначала он сам отредактировал текст. А 1 декабря 1870 г. лидер Национальной партии собрал чешских депутатов сейма в «Мещанской беседе». После обсуждения они подписали заявление[1815]. 8 декабря 1870 г. Промемория была направлена канцлеру Бойсту в Пешт, где проходили заседания делегаций, чтобы он ее рассмотрел и передал императору.

Целью своего выступления политики во главе с Ригером видели в изложении позиции по поводу австро-венгерской внешней политики после военных поражений Франции. Еще одной задачей стало выражение своей точки зрения относительно вопросов внутреннего устройства Габсбургской монархии[1816]. По мнению В. Доубека, Ригер хотел продемонстрировать, что чешская национальная политика может оказать активную и открытую поддержку другим странам[1817]. Как сообщал позднее Ф. Браунер на встрече с Е.П. Новиковым, Палацкий и Ригер составили Промеморию «под влиянием непреодолимого течения общественного мнения»[1818].

Анализ Промемории показывает, что ее содержание вполне отражало взгляды Ригера. Автор и подписавшие его деятели говорили о том, что при нынешних переменах как внутри монархии Габсбургов, так и на международной арене чешский народ не может молчать. Это связано с тем, что страна фактически стоит на перепутье: либо она на фоне бурных событий пойдет по пути преобразований, либо же погибнет. К внутренним негативным факторам относилось господство «племени немецкого над славянским», угроза лишения чешских земель своей государственно-правовой специфики, принятие Декабрьской конституции, закрепляющей

[1814] *Ibid.*
[1815] *Ibid.* S. 148–150.
[1816] *Opočenský J.* La protestation des députés tchèques… P. 182.
[1817] *Doubek V.* Česká politika a Rusko… S. 134.
[1818] Novikow à Gortchacow, 9/21 décembre 1870 // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 147. Л. 213.

дуализм[1819]. В этих словах, в сущности, не было ничего нового. Акцент делался, как и ранее, на государственное историческое право.

Депутаты от лица чешского народа излагали свои политические убеждения в виде ряда принципов, которые предстояло реализовать правительству Австро-Венгрии. Все они исходили из идеи австрофедерализма: 1) Свобода и равенство отдельных индивидов; самоуправление (досл. *sebevláda*) народов, населяющих монархию; 2) Федерация как лучшая форма государственного устройства, обеспечивающая свободу народов; 3) Право народов на самоопределение (чеш. *právo sebeurčení*)[1820]. Утверждалось, что данные принципы в соответствии с желанием чешского народа должны быть включены в нынешнюю конституцию монархии Габсбургов[1821]. Только после реализации этих принципов можно было достигнуть признания договорных отношений между монархом и его народами[1822]. Все это оправдывалось особой исторической миссией монархии Габсбургов в духе «Письма во Франкфурт» – быть «союзом народов свободных и одинаково правомочных», защищать их от могущественных соседей, гарантировать независимое национальное развитие в форме автономии[1823].

При всем этом документ содержал своеобразное новшество. Австрийское государство могло спастись и не погибнуть только в том случае, «если оно будет защищать твердо и самоотверженно оные великие принципы нашего времени равно как в условиях преобразования империи внутри, так и вне при наступающем преобразовании Европы»[1824]. Именно поэтому, полагали подписанты, империя должна со всей серьезностью реализовывать изложенные принципы на международной арене[1825]. Так чешское национальное политическое видение переходило из внутриполитической

[1819] 1870, 8.12. Praha – Promemoria českých liberálních politiků // Politické programy… S. 164–165.
[1820] *Ibid.* S. 165.
[1821] *Ibid.*
[1822] *Ibid.*
[1823] *Ibid.*
[1824] *Ibid.*
[1825] *Ibid.* S. 166.

плоскости во внешнеполитическую. Канцлеру Бойсту, можно сказать, предлагалась общая концепция австро-венгерской внешней политики. Пфафф в своих исследованиях подметил красноречивую деталь, что такой призыв вышел из политической среды, представители которой даже не имели непосредственного доступа к управлению государством[1826].

Далее чешские политики предлагали инструменты для реализации изложенных принципов.

В Промемории утверждалось, что в соответствии с правом на самоопределение немецкий народ имел полное право на объединение, а также на отражение атак неприятеля на свою территорию[1827]. Однако чешские депутаты категорически осуждали отчуждение у Франции территорий, где проживают французы. Обосновывалось это тем, что они тоже хотели бы остаться в пределах своей родины[1828]. «Невозможно, чтобы народ чешский не проявил самое прямое участие по отношению к благородному и славному народу французскому <…>», – констатировалось в Промемории[1829]. Приводился еще один аргумент против отторжения французских территорий. Так, когда у народа, обладающего большой и обоснованной национальной гордостью, отнимают часть его территории, это неизбежно станет причиной новых войн в будущем[1830].

Трудно переоценить значение документа для чешской истории того периода: депутаты богемского ландтага действительно стали первыми в Европе политиками, открыто выступившие в защиту Франции[1831].

Балканский узел проблем в сфере международных отношений тоже рассматривался с точки зрения принципов, выдвинутых в Промемории. Чехи

[1826] *Pfaff I.* Francie a Čechy… S. 152.
[1827] 1870, 8 .12. Praha – Promemoria českých liberálních politiků // Politické programy… S. 166.
[1828] *Ibid.*
[1829] *Ibid.*
[1830] *Ibid.*
[1831] *Borovička M. et al.* Velké dějiny… S. 217.

приветствовали «освобождение Греции, Сербии и Румынии»[1832] и готовы были с симпатией отнестись к попыткам других народов полуострова воспользоваться «неотъемлемым правом решать о самих себе» и учредить собственное государственное устройство[1833]. Одновременно чешские политики призывали австро-венгерский МИД не поддерживать Стамбул в его стремлении сохранить власть над этими народами, тем более когда та «материально распадается»[1834]. Чехи открыто выступили и против каких-либо войн Вены с «племенами» на Балканах, упомянув, помимо всего прочего, о родстве с ними австрийских славян. Они назвали этот гипотетический конфликт «неправомочным» и «политически опасным»[1835]. Красноречивая деталь: пусть монархия Габсбургов в конце 1870 г. и не имела агрессивных планов в отношении Балкан (на повестке дня стояло заключение договора с Сербией[1836]), пражские политики уже «заранее» протестовали против воинственного курса. Впрочем, рассматриваемый фрагмент вследствие своего идеалистического пафоса оставлял за скобками актуальные региональные проблемы: конкуренцию между сербским и хорватским национальными проектами, притязания Вены и Белграда на Боснию и Герцеговину и т.д. Наконец, в документе показательна мысль об ослаблении Османской империи, которая уже прослеживалась у чехов ранее.

Подписанты выступали также и в защиту России. Они осуждали один из пунктов Парижского трактата 1856 г., по которому она лишалась права держать военный флот на Черном море и иметь береговые укрепления. Чешские депутаты считали, что этот пункт ограничивает ее суверенитет[1837].

[1832] Греция обрела независимость в 1830 г. по Лондонскому протоколу, которому предшествовало восстание против османов (1821–1829 гг.), Сербия формально получила от Порты автономию в соответствии с Бухарестским миром (1812 г.) после русско-турецкой войны (1806–1812 гг.), фактически – по условиям Адрианопольского мира (1829 г.), завершившего очередной конфликт между Санкт-Петербургом и Стамбулом (1828–1829 гг.), и султанского хатт-и-шерифа 1830 г. Адрианопольский договор даровал самоуправление также Молдавии и Валахии, которые в 1861 г. объединились в единую Румынию. Таким образом, в Промемории не проговаривалось, что свой новый статус Греция, Сербия и Румыния получили в том числе по воле великих держав.

[1833] 1870, 8.12. Praha – Promemoria českých liberálních politiků // Politické programy… S. 166.

[1834] *Ibid.*

[1835] *Ibid.*

[1836] *Медяков А.С.* Между Востоком и Западом… С. 554–558.

[1837] 1870, 8.12. Praha – Promemoria českých liberálních politiků // Politické programy… S. 166.

Более того, выступление против нее на международной арене с целью унижения являлось пренебрежением Австро-Венгрией своими интересами и даже угрозой для ее существования[1838]. Ригер, учитывая его визиты (а также Палацкого и Браунера) в российское посольство, наверняка хотел продемонстрировать Новикову, насколько он и его сподвижники ценят Россию в своих замыслах. Он будто показывал Санкт-Петербургу, что готов и дальше активно взаимодействовать с его официальными представителями. Однако такое «открытое выражение лояльности», по выражению В. Доубека, привело к тому, что Ригер якобы призывал Австро-Венгрию поддерживать Россию при ее враждебном нейтралитете по отношению к Вене[1839]. О данном противоречии также писал Пфафф[1840]. Неудивительно, что пассажи о России, как мы увидим далее, вызвали у Бойста особенно резкую реакцию.

Инициаторы Промемории действовали без поддержки исторического дворянства и моравских политиков[1841]. В частности, Клам-Мартиниц писал Ригеру уже после акции: «Если бы у меня была возможность поговорить с Вами об этой манифестации до того, как ее провели, я бы, разумеется, высказался против нее»[1842].

Что еще важно сказать при оценке Промемории? Это был призыв руководствоваться высшими ценностями, а также нравственными и правовыми идеалами во внешней политике, когда интересы национальных сообществ должны стоять выше кабинетной политики[1843]. Необходимо подчеркнуть, что лидер Национальной партии по сравнению с концом 1860-х гг. инициировал свою акцию в изменившихся условиях. Во-первых, он действовал не в одиночку, взаимодействуя также со своими партийными сторонниками и оппонентами. Промемория наглядно засвидетельствовала взаимосвязь внутри- и «внешнеполитического» аспекта в деятельности

[1838] *Ibid.*
[1839] *Doubek V.* Česká politika a Rusko… S. 135.
[1840] *Pfaff I.* Francie a Čechy… S. 153–154.
[1841] *Ibid.*
[1842] 1870 prosinec 16. Smečno. Clam – Riegrovi // Příspěvky k listáři Dra Fr. Lad. Riegra. Díl 1... S. 216.
[1843] *Pfaff I.* Francie a Čechy… S. 153–154.

Национальной партии. Она демонстрировала свое масштабное политическое видение, стремясь публично заявить о своем взгляде на международную политику Габсбургов.

В чешской историографии Промемория называется документом европейского масштаба[1844]. Однако важно понимать что, все-таки она осталась декларативной акцией, так и не повлиявшей на ход событий. Ригер трезво ее оценивал. Он писал Лефевру: «Вы в ней [т.е. в Промемории] найдете искреннее выражение симпатий нашей нации справедливому делу Франции; это все, что мы можем сделать в данный момент»[1845]. Политик не питал иллюзий и здраво смотрел на ситуацию, хотя и придерживался мнения, «что это выступление подействует на общественное мнение славянского мира»[1846]. Однако и этого не произошло.

Что говорили об акции в печатных органах двух партийных фракций? В старочешском Pokrok информация по этой теме появилась лишь в номере от 11 декабря 1870 г., т.е. спустя три дня после вручения Промемории Бойсту[1847]. Материал содержал только текст документа и комментарий, для кого он был предназначен. Передовицей же в номере является другая статья – «Империя немцев», реагировавшая на важные изменения в Северогерманском союзе[1848].

[1844] *Ibid.* S. 152.
[1845] 1870 prosinec 8. – Rieger [Lefaivrovi] // Příspěvky k listáři Dra Fr. Lad. Riegra. Díl 1... S. 215.
[1846] *Ibid.*
[1847] Pamětní spis // Pokrok. 11.12.1870. S. 1.
[1848] В ноябре 1870 г. в состав Северогерманского союза вошли южнонемецкие государства Бавария, Баден, Вюртембег и Гессен. Их войска перешли под контроль прусского Генерального штаба. 30 ноября баварский король Людвиг II обратился с письмом, составленным Бисмарком, к Вильгельму I и предложил ему стать императором Германии. 10 декабря 1870 г. рейхстаг Северогерманского союза принял решение о правомочности превращения организации в Германскую империю и предложил ее корону прусскому правителю. В статье Pokrok речь шла о том, что появление объединенного немецкого государства влияет на титулатуру Габсбургов. В публикации ставилось под сомнение понятие «Австрийская империя», которое якобы не имело никакой исторической основы. Подчеркивалось, что «“Австрия” всегда была лишь маркой Германии и соединение с ней императорского титула после 1870 г. является “антиимперией” [proticísařstvím] по отношению к немецкому Северу». По версии редакции, «герцог штирийский и австрийский» является с позиций исторического права вассалом германского императора. И лишь короны Венгерского и Чешского королевств в данный момент спасают Габсбургов от этого низкого для династии статуса. Другой важный тезис в статье заключается в том, что Германская империя по ряду причин не представляет для чехов большой опасности, в отличие от Вены с ее политикой притеснения. Впрочем, идея о неминуемой в будущем войне между славянством и германством в тексте тоже присутствовала. Císařství Němcův // Pokrok. 11.12.1870. S. 1.

Národní listy написали об акции 16 декабря – по прошествии восьми дней. Основной посыл статьи заключался в разъяснении сути Промемории, мотивов ее создания, а также в поддержке изданием депутатов-подписантов. Статья указывала цель документа – познакомить общественность с теми принципами (прежде всего с «правом на свободное самоопределение»), которые должны соблюдаться не только во внутренней, но и во внешней политике. Как бы подчеркивая значение акции для общественной жизни Австро-Венгрии, газета утверждала, что документ явился предметом бурной полемики не только в Цислейтании, но и за рубежом. И именно поэтому цель депутатов была достигнута[1849].

Однако в крупных французских печатных изданиях о Промемории ничего не было сказано. В России же, если верить историографии, акция получила небольшой отклик в кругах с панславистскими настроениями. Их представители хвалили документ, под впечатлением которого видели в чехах союзника России против Австрии[1850]. Официальные лица, чтобы не усложнять и так непростые отношения с Веной, предпочли воздержаться от комментариев[1851].

В материале подчеркивалось, что Промемория не потеряет своего значения, «если ее немецкий перевод останется лежать в регистратуре имперской канцелярии» или если она не дойдет до императора. Редакция газеты считала, что депутаты изначально понимали, что документ не вызовет понимания со стороны правительственных кругов[1852]. Между тем в статье указывалось, что «выступление депутатов является нашей программой, оно является выражением нравственных установок, это *голос сознания нашего народа* (выделено в тексте – *И.К.*)»[1853].

При этом внешнеполитический аспект Промемории был интересен лишь в контексте решения чехами внутренних проблем. По поводу

[1849] Manifestace poslanců českých // Národní listy. 16.12.1870. S. 1.
[1850] *Tobolka Z.* Op. cit. S. 230.
[1851] *Шнеерсон Л.М.* Указ. соч. С. 16.
[1852] Manifestace poslanců českých // Národní listy. 16.12.1870. S. 1.
[1853] *Ibid.*

российских и балканских сюжетов в статье совсем нет упоминаний. Намного больше места в статье занимает, к примеру, оправдание того, что мнение чешского народа имеет существенный политический вес даже без участия в заседаниях рейхсрата.

Главное, что младочехи в рамках выступления с Промеморией «сомкнули ряды» со старочехами. Ригер имел действительную поддержку всей Национальной партии. И это был успех после скандала вокруг обнародованного меморандума Наполеону III.

Какова же реакция была со стороны официальных властей? Промемория была передана Бойсту его доверенным лицом бароном Хоффманном 12 декабря на заседании делегаций. Документ вызвал недовольство министра.

Судя по комментариям в статье Národní listy от 16 декабря 1870 г., канцлер отказался предложить Промеморию императору или делегациям. Способ, который депутаты использовали при обращении к трону, он посчитал незаконным и противоречащим конституции[1854]. Сановник сосредоточился на критике государственного исторического права чехов и защите ими России (данный факт особенно раздражал Бойста)[1855]. Для него была неприемлема поездка делегатов на Славянский съезд в 1867 г. Бойст утверждал, что сейчас Австро-Венгрия находится в хороших отношениях с Россией. Тем не менее она хочет того же, что и чехи: чтобы «право осталось правом, а договор – договором». Тем самым он полагал, что Парижский мир, в котором прописаны статьи о нейтральном статусе Черного моря, легитимен и поэтому должен соблюдаться[1856]. В мемуарах Бойст довольно сухо упоминал о Промемории и своем отношении к ней[1857]. Гораздо острее он

[1854] Věnovano p. hr. Beustovi // Národní listy. 17.12.1870. S. 1.
[1855] *Ibid.*
[1856] *Ibid.*
[1857] «Хотя я был вынужден сказать чешской нации, что было бы хорошо не вмешиваться в дела России, особенно в то время, когда эта держава и Австрия находились в разногласиях, сам я был вынужден в то же время косвенно просить российское правительство не вмешиваться во внутренние дела Австро-Венгрии». Memoires of Count Friedrich Ferdinand von Beust written by himself. Vol. 2… P. 227.

реагировал, например, на открытое заявление в пользу Франции Юлиана Клячко – на тот момент советника в МИД.

Как сообщал министру иностранных дел представитель Габсбургской монархии в Пруссии Ф. фон Вимпфен, в Берлине остались довольны ответом Бойста чехам[1858].

Противоположную реакцию на появление Промемории выразил А. Лефевр. 11 декабря 1870 г. он засвидетельствовал в письме Ригеру свою искреннюю благодарность. По его словам, он направил министру внутренних дел Л. Гамбетта телеграфом сообщение о выступлении чешских депутатов. «В настоящий момент она [новость о Промемории] должна быть опубликована в официальной газете и в главных изданиях Тура и Бордо», – добавлял он. Также он обращал внимание, что содержание Промемории он передал правительству, добавив, что чехи первыми выступили в защиту Франции. И, что немаловажно, консул обещал свое личное содействие в удовлетворении чехами их национальных требований. Он заверял, что «неблагодарность никогда не относилась к политическим принципам Франции». Этим выступлением Ригер якобы «заложил фундамент для продолжительного союза между двумя нашими странами»[1859].

Лефевр искренне желал франко-чешского сближения. Однако он не смог повлиять на мнение правительства Франции. В том же декабре 1870 г. дипломат стремился убедить Гамбетта в необходимости официального заявления французского правительства, где бы оно выразило благодарность чешскому народу и солидарность с ним. Но тот отказался из опасений перед ответными мерами Пруссии. Он считал, что такой дипломатический шаг мог бы стать провокацией в отношении Бисмарка и прусского генералитета[1860]. Подобной точки зрения придерживался и министр иностранных дел Ж. Фавр[1861].

[1858] *Pfaff I.* Francie a Čechy… S. 157–158.
[1859] 1871 prosinec 11. Vídeň. – Lefaivre Riegrovi // Příspěvky k listáři Dra Fr. Lad. Riegra. Díl 1... S. 215–216.
[1860] *Pfaff I.* Francie a Čechy… S. 160.
[1861] *Ibid.* S. 161.

Между тем 21 января Франция заключила перемирие с Пруссией, и Промемория быстро стала неактуальной. Еще одной причиной игнорирования акции допустимо считать восстание Парижской коммуны, которое перетянуло на себя все внимание европейской общественности[1862]. Итак, каких-либо заявлений на официальном уровне в адрес чешской политической элиты не последовало. Интересно, что 10 месяцев спустя Гамбетта уже пожалел о том, что не выразил от лица правительства благодарность чехам за поддержку[1863]. Лефевр в письме Ригеру от 24 октября 1871 г. тоже сожалел, что французское правительство проигнорировало чешскую акцию[1864].

На публикацию Промемории обратили внимание в российском посольстве. Оценка документу давалась в основном в рамках внутриполитического контекста Австро-Венгрии. И это крайне важно. Новиков отмечал, что акция должна произвести отрезвляющее впечатление на венгров, слишком уверенных в своих силах из-за большого влияния на императора[1865]. В то же время он рассуждал о реакции Бойста на Промеморию, значении его выпадов против чехов, а также России[1866]. По мнению дипломата, полемика канцлера с руководителями Национальной партии «доказывает радикальную несостоятельность австрийского единства, неразбериху [фр. *confusion*] в парламентских принципах и глубокое бессилие правительства»[1867]. В частности, Новиков недоумевал, почему чехи, самоустранившиеся от общеимперской политической жизни, начинают

[1862] *Opočenský J.* La protestation des députés tchèques… P. 196.
[1863] *Pfaff I.* Francie a Čechy… S. 162.
[1864] «Мы не должны винить Францию, если в те пережитые ужасные дни она не сразу поняла ценность вашей демонстрации и если по сей день не выказала Вам никаких признаков своей благодарности. Вы знаете, как наша официальная дипломатия заблудилась на многие годы; у нас, знаете ли, правительства следуют одно за другим, не меняясь; каждый считает своим долгом благочестиво увековечить невежество и ошибки своих предшественников. Вот так наши государственные деятели игнорировали ту силу, которую Франция могла бы черпать из ваших симпатий». 1871 říjen 24. Versailles. – Lefaivre Riegrovi // Příspěvky k listáři Dra Fr. Lad. Riegra. Díl 1... S. 240.
[1865] Novikow à Gortchacow, 2/14 décembre 1870 // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 147. Л. 204–204 (об.), 205 (об.) –206.
[1866] Novikow à Gortchacow, 9/21 décembre 1870 // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 146. Л. 279–281 (об.).
[1867] Novikow à Gortchacow, 9/21 décembre 1870 // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 147. Л. 212.

поучать правительство «на внепарламентской почве»[1868]. Этот фрагмент лишний раз показывает, насколько для российского посольства была важна легальность и «официальный статус» какой бы то ни было политической деятельности. Тактика пассивной оппозиции чехов не вызывала понимания у российских дипломатов в Вене. Новиков не раз указывал, что никогда не одобрял их отказ от участия в работе рейхсрата. То же самое касалось «ненормального способа, который они только что избрали для утверждения своих политических принципов»[1869]. Российский посланник писал, что чехам не хватает «конституционной зрелости»[1870]. Новиков соглашался лишь с «основными выводами по черноморскому вопросу»[1871]. Из всего сказанного становится очевидным, что в российском представительстве не смотрели на Промеморию как на крупный и важный документ, заслуживающий оценки с международной, дипломатической точки зрения. И доверия к чехам он как минимум не прибавил.

Возвращаясь к декабрьскому выступлению чешских депутатов, надо отметить, что оно лишь отчасти выполнило свои задачи. Подписантам удалось публично заявить о своей позиции. В российских и французских структурах заметили это выступление. Однако необходимо отметить, что никакого публичного ответа от них не последовало. Впрочем, на основе корреспонденции старочешского лидера и материалов партийной прессы создается впечатление, что подписанты не придавали слишком большого значения своей акции. Следует согласиться с оценкой Зденека Шолле, что позиция чехов по международным вопросам свидетельствовала о том, что реализация их представлений станет делом сравнительно отдаленного будущего. Декабрьская манифестация была политической демонстрацией без практического результата[1872]. Пожалуй, к немногим позитивным последствиям от выступления с Промеморией можно отнести сближение

[1868] *Там же.* Л. 212 (об.).
[1869] *Там же.* Л. 213–213 (об.).
[1870] *Там же.*
[1871] *Там же.*
[1872] *Šolle Z.* Op. cit. S. 58–59.

Ригера с Альбером Лефевром – лицом, обладавшим формальным статусом во французской политике. И, кроме того, акция привела к консолидации Национальной партии.

Тем временем внешне- и внутриполитическая ситуация складывалась для чехов не лучшим образом. Нота Горчакова стала важным импульсом к изменению позиции по германскому вопросу в австро-венгерском истеблишменте. Бисмарк попытался использовать обострение восточного вопроса для нормализации отношений с монархией Габсбургов. Бойст (который, как мы уже видели, не одобрял действия Горчакова) учел эти интенции[1873]. Он был готов отказаться от политики «свободных рук» и искать сотрудничества с Берлином[1874]. Долгое австро-прусское соперничество подходило к концу. Заседание делегаций в январе-феврале 1871 г. было овеяно прогерманскими симпатиями[1875]. Как выразился австрийский историк Т. Клетечка, «до тех пор, пока австрийская внешняя политика шла в русле антигерманского курса, поведение чехов соответствовало планам Бойста»[1876]. Однако теперь рано или поздно напряжение между чешскими политиками и Веной должно было усилиться из-за разных подходов к приоритетам не только во внутренней политике, но и на международной арене.

20 января 1871 г. редакция старочешского Pokrok заявила по поводу образования единой Германии, что «новая империя есть продолжение старой». Выразительно и в деталях «она восстанавливает значительное количество средневековых традиций и понятий, которые к несчастью Европы, срослись со старой Германской империей»[1877]. Новое государство провозглашает свою преемственность по отношению к Священной Римской империи и, очень вероятно, собирается наследовать одну из ее главных особенностей – склонность к экспансии[1878]. Красноречиво, что в тот же день

[1873] *Медяков А.С.* Между Востоком и Западом… С. 538–539.
[1874] *Там же.* С. 550–551.
[1875] *Там же.* С. 544.
[1876] *Клетечка Т.* Попытка соглашения правительства Гогенварта с чехами в 1871 г. // Австро-Венгрия: опыт многонационального государства. М., 1995. С. 74.
[1877] Vždy rozmnožitel říše // Pokrok. 20.01.1871. S. 1.
[1878] *Ibid.*

в Národní listy была опубликована статья с очень похожим названием и содержанием[1879]. В Национальной партии по поводу характера нового государства существовал консенсус.

28 января между Францией и Германией было подписано перемирие, армия второй вошли в Париж. Военные действия заканчивались, но трансформация международных отношений еще продолжалась. И на этом фоне Национальную партию ожидал решающий бой на внутриполитической сцене, столь восприимчивой к влиянию извне.

5.3. Акция А. Лефевра и начало переговоров о чешско-австрийском соглашении (февраль 1871 г.)

Умеренно-федералистское правительство А. Потоцкого так и не смогло привести к стабильности монархию Габсбургов, охваченную кризисом на национальной почве. 5 февраля 1871 г. император назначил новое федералистское правительство, главой которого стал Карл Гогенварт (1824–1899 гг.), бывший до этого штатгальтером Нижней Австрии. Он был склонен прислушиваться к национальным требованиям чехов. Важной фигурой в правительстве также стал министр торговли Альберт Шеффле (1831–1903 гг.), профессор Венского университета. Он был сторонником той точки зрения, что германизация в исторических землях, где проживают славяне, является бесперспективной и лишь ведет монархию к нестабильности[1880].

Назначение такого кабинета стало абсолютно неожиданным для всего истеблишмента. Но императором двигало не только стремление положить конец конфликту между федералистами и централистами в Цислейтании. Как подчеркивает А.С. Медяков, сыграло роль и внутреннее несогласие императора с новым положением Австро-Венгрии по отношению к Германии после разгрома Франции. Имело место и «глухая враждебность», которую

[1879] Povždy rozmnožovatelé německé říše // Národní listy. 20.01.1871. S. 1.
[1880] *Borovička M. et al.* Velké dějiny… S. 218.

Франц Иосиф I продолжал питать к Берлину, несмотря на явную тенденцию к сближению обеих стран[1881].

Приход к власти нового правительства был связан и с мощным подъемом австронемецкого национализма в начале 1871 г. Разумеется, он был во многом обусловлен победами Пруссии в войне с Францией и появлением Германской империи. С одной стороны, успехи прусской армии ободряли австрийских немцев. С другой стороны, их оторванность от теперь политически единой «большой родины» ставила перед ними задачу сохранить свою идентичность, а также «немецкое начало» австрийской государственности[1882]. Поэтому на домашней сцене они всячески протестовали против любых автономистских «поползновений» со стороны власти[1883].

Сильное тяготение австрийских немцев (особенно в Богемии) к Берлину серьезно беспокоило императора и его двор. Поэтому, по мнению Н.Д. Ратнер, Франц Иосиф I намеревался противопоставить австронемецким либералам, образовавшим в рейхсрате сильную фракцию, консервативный славяно-федералистский блок[1884].

Важно заметить, что Бисмарк не одобрял радикальный национализм австронемецких либералов. При этом он настороженно отнесся к изменениям в Цислейтании. «Хотя новое правительство в своих действиях пока никак не проявляло враждебности к Германии, тем не менее уже сам факт его назначения негативно сказывался на развивавшихся в целом динамично отношениях Вены и Берлина»[1885].

Назначенное правительство сразу же столкнулось с жесткой оппозицией в рейхсрате, инициированной немцами-конституционалистами. В нижней палате отказывались рассматривать или отклоняли ряд

[1881] *Медяков А.С.* Между Востоком и Западом… С. 573.
[1882] *Urban O.* Česká společnost… S. 244–248.
[1883] *Ратнер Н.Д.* О проекте австро-чешского соглашения 1871 г. // Общественно-политические движения в Центральной Европе в XIX – начале XX в. Отв. ред. И.С. Миллер. М., 1974. С. 329–330.
[1884] *Там же.*
[1885] *Медяков А.С.* Между Востоком и Западом… С. 575.

законопроектов новой исполнительной власти. Австронемецкие либералы подозревали ее также в антиберлинских настроениях. Эти подозрения были обоснованы: как минимум с мая было известно, что Гогенварт делает ставку на переговоры с чехами, не скрывавшими своих опасений по поводу политического курса северного соседа[1886].

Кабинет получил согласие Франца Иосифа I на достижение компромисса с чешской национальной элитой. Позитивную роль играло и установление приятельских отношений между Й.Я. Клам-Мартиницем и А. Шеффле. Благоприятное мнение о Гогенварте сложилось у Ригера. Таким образом, вырисовывалась реальная перспектива соглашения.

На этом фоне французские представители в Австро-Венгрии вели свою игру. Лефевр после первых успехов, связанных с Промеморией, получил наконец официальное назначение консулом. Он имел безоговорочную поддержку Л. Гамбетта и директора кабинета министра иностранных дел Ж.Б. Шодорди. Консул получил финансовые средства в том числе на пропагандистские акции (300 тыс. франков)[1887]. Как можно понять из писем Лефевра Ригеру от февраля 1871 г., теперь дипломат вместе с вице-консулом в Темешваре Эмилем Пико намеревался поднять все народы Австро-Венгрии на проведение массовой акции. Она была направлена против унижения Франции и военной агрессии Пруссии. По мнению Лефевра, это выступление должно было стать точкой отправления для «большого политического движения», которое окажет моральное давление на Вену. Началом для всеобщей манифестации могла стать петиция, где была бы представлена программа в изложенном духе[1888]. Следовательно, Промемория стала для французов точкой отправления для последующих инициатив.

Лефевр желал, чтобы во время этого выступления в первом ряду были именно чехи как народ, первый выразивший свой протест. Он и Пико начали

[1886] *Там же.* С. 574–575.
[1887] *Reznikow S.* Op. cit. S. 136.
[1888] 1871 únor 20.Vídeň. Lefaivre – Riegrovi // Příspěvky k listáři Dra Fr. Lad. Riegra. Díl 1... S. 218.

действовать, причем при поддержке Шодорди[1889]. Уже 2 февраля генеральный консул написал письмо, в котором просил Ригера принять участие в новом политическом деле[1890].

5 февраля 1871 г. в Прагу приехал Эмиль Пико. Он почти неделю вел переговоры с Ригером, Палацким, Сладковским и братьями Греграми, чтобы чехи стали зачинателями петиционной акции. Однако они отказались выступить именно первыми (по сути, инициировать ее в публичном поле), поскольку сомневались в целесообразности новой идеи. Они желали подождать и понаблюдать, соберется ли достаточно подписей австрийских немцев и венгров[1891]. Таким образом, в чешских рядах имела место осторожность, стремление занять выжидательную, фактически пассивную позицию.

Важно отметить еще несколько значимых деталей во взаимодействии Пико и Национальной партии. Эти данные привел в своей книге И. Пфафф со ссылкой на документ из Литературного архива, авторами которого были Ригер и Палацкий. В рамках продолжающихся переговоров они, а также Сладковский между 7 и 15 февраля спросили Пико, что предприняла бы со своей стороны Франция в случае распада Габсбургской монархии и присоединения ее немецкоязычных территорий к объединенной Германии. Очевидно, это был из важнейших вопросов для чешских деятелей на тот момент. Развивая тему, они представили вице-консулу проект центральноевропейской демократической конфедерации в составе Богемии, Моравии, Галиции, Венгрии (вместе со словацкими территориями, Хорватией и Трансильванией) и словенских земель под патронатом Франции[1892]. Эта концепция имела яркий франкофильский характер. Предполагалось, что французская культура станет элементом, сплачивающим всю конфедерацию, а французский язык должен был

[1889] *Pfaff I.* Francie a Čechy... S. 166.
[1890] 1871 únor 2. Vídeň. Lefaivre – Riegrovi // Příspěvky k listáři Dra Fr. Lad. Riegra. Díl 1... S. 217.
[1891] *Pfaff I.* Francie a Čechy... S. 166.
[1892] *Ibid.* S. 169.

использоваться в управлении[1893]. План чехов подразумевал, что распад Дунайской империи должен ускориться «извне и изнутри», чтобы избежать аннексии чешских земель (пока еще не объединенной) Германией. Эту опасность Ригер и Палацкий чувствовали ввиду все более явного сближения Вены и Берлина[1894]. В донесении для Шодорди Пико указывал, что оба руководителя Национальной партии однозначно высказались в пользу проекта конфедерации из-за своих опасений по поводу будущего Австро-Венгрии[1895].

Судя по этим данным, опасения вокруг «состоятельности» монархии Габсбургов как государства у чехов достигли апогея. Старочешские лидеры в столь тревожный для себя момент размышляли над разными политическими сценариями. Причем они жертвовали австрофедералистской программой – ключевым элементом своего политического видения.

12 февраля письмо Ригеру написал Эмиль Пико. В нем он указывал, что тот дал ему надежду, что чехи присоединятся к демонстрации. Этот факт противоречит духу переговоров между ним и пражскими политиками. Возможно, либо они не столь жестко сформулировали прямой отказ, либо же вице-консул его не принял. В письме он добавлял, что Лефевру удалось сагитировать венгерские политические круги (левые[1896]), а также румын и поляков. Француз сообщал, что часть австрийских немцев тоже готова выступить. Кроме этого, он приложил текст петиции на немецком языке[1897].

Однако Ригер тянул время. Он не делал никаких конкретных шагов и не обещал участия чехов в акции французов. 20 февраля Лефевр направил ему еще одно письмо. Судя по тону, генеральный консул уже начинал нервничать и давил на Ригера. Он повторял вслед за Пико о согласии выступить некоторых венгерских политиков, а также о намечающемся громком выступлении поляков. Сообщалось о готовности участвовать

[1893] *Ibid.*
[1894] *Ibid.*
[1895] *Ibid.* S. 169–170.
[1896] *Pfaff I.* Francie a Čechy... S. 167–168.
[1897] 1871 únor 12. Emile Picot – Riegrovi // Příspěvky k listáři Dra Fr. Lad. Riegra. Díl 1... S. 217–218.

трансильванских румын и сербов Воеводины. «В этом общем действии всех наших союзников чехи заняли бы почетное место <…> Мы весьма удивлены, что еще не получили от них новостей, и молчание, которое они хранят уже несколько дней, нам кажется непонятным», – выражал свое недовольство и нетерпение Лефевр. Тон письма становился все более напряженным: «Я Вам признаюсь <…>, что это промедление нас очень беспокоит, меня и мсье Пико, т.к. время давит на нас; через пять или шесть дней мир может быть подписан, и наше выступление не будет иметь абсолютно никакого смысла». В конце письма он вновь отмечал: «Я с нетерпением жду новостей касательно нашей петиции»[1898].

22 февраля Ригер ответил Лефевру довольно уклончиво. В начале письма он приветствовал идею демонстрации и сообщал, что придает ей большое значение. Ригер был рад, что в числе ее инициаторов будут австрийские немцы, так как это внесет раздор в их прогерманский политический лагерь. Но далее он сделал акцент на остром конфликте между ними и чехами, полагая, что «что чешская инициатива в этом деле могла бы стать для венгров и немцев предлогом отказаться от выступления». Он верил, что симпатии чешского народа к Франции настолько искренни, что он может в любой момент присоединиться к акции[1899].

24 февраля Лефевр прислал свой ответ. Он сообщал о развивающемся успехе петиционного движения. При этом дипломат отмечал, что чехи опоздали стать инициаторам выступления, как делали это ранее. Однако Лефевр надеялся, что чехи все же в будущем проявят должную активность[1900].

Итак, чем можно объяснить избранную Ригером линию? Дело в том, что с 21 февраля наметились сдвиги в противостоянии с Веной. В этот день доверенное лицо Гогенварта и Шеффле граф Фридрих Дюркхайм приехал в Прагу. Он убеждал Ригера и Клам-Мартиница занять более

[1898] 1871 únor 20. Vídeň. Lefaivre – Riegrovi // *Ibid.* S. 218–219.
[1899] 1871 [únor 22]. – Rieger Lefaivrovi (Koncept český) // *Ibid.* S. 219.
[1900] 1871 únor 24. Vídeň. Lefaivre – Riegrovi // *Ibid.* S. 219–220.

благожелательную позицию в отношении нового кабинета. Благодаря его увещеваниям оба приняли приглашение приехать в Вену на тайные переговоры[1901].

Также к этому времени стало очевидно, что французская сторона проиграла войну. В двадцатых числах февраля, во время активной переписки Ригера и Лефевра, две страны действительно были близки к подписанию прелиминарного мирного договора (в итоге его подписали 26 февраля[1902]).

В текущих условиях появлялась возможность удовлетворения чешских национальных требований. Поэтому принимать какое-либо участие в массовой демонстрации (явно бесперспективной ввиду прелиминарий) означало скомпрометировать себя. Ставка была сделана на спокойные переговоры с правительством о соглашении. В подобном контексте необходимость в крепкой «смычке» с Францией временно отпадала. Тем более, как справедливо подчеркивал Пфафф, ее официальные лица проигнорировали и профранцузскую Промеморию, и франкофильский проект центральноевропейской конфедерации[1903]. Проблема была и в том, что чехам приходилось рассчитывать на дипломатов, не имевших большого политического ресурса у себя в стране[1904].

Есть еще один примечательный момент. Старочешские руководители на встрече с Е.П. Новиковым (сентябрь 1870 г.) утверждали, Австро-Венгрия нуждается в сближении с Россией. Но неотъемлемое условие для такого союза – прославянская политика Вены. Приход к власти Гогенварта давал Ригеру надежду на смену правительственного курса именно в таком

[1901] *Tobolka Z.* Politické dějiny... S. 239–240.

[1902] По прелиминариям, условия которых в значительной мере повторялись во Франкфуртском мире (май 1871 г.), Франция передавала Германии Эльзас и значительную часть Лотарингии (с Мецем, но без Бельфора). Также она обязывалась в течение трех лет выплатить контрибуцию в размере 5 млрд франков. Оговаривалось, что до конца этой уплаты немецкие войска будут находиться на территории Франции.

[1903] *Pfaff I.* Francie a Čechy... S. 170.

[1904] Хотя Э. Пико являлся доверенным лицом Л. Гамбетта, он, по данным Пфаффа, не был наделен большими полномочиями и не занимал высокого положения во французской иерархии. Как отмечал Резников, позиция А. Лефевра в МИД была изначально малоустойчивой и быстро ухудшалась. После подписания прелиминарий его миссия потеряла смысл. *Pfaff I.* Francie a Čechy... S. 170; *Reznikow S.* Op. cit. S. 140.

направлении. Это воскрешало его расчет и на «серьезное взаимопонимание» двух стран. О подобных идеях он сам заявил в беседе с российским дипломатом в начале марта 1871 г. в Вене, куда приехал на переговоры с премьер-министром (в рамках договоренностей с Дюркхаймом)[1905]. Таким образом, личные контакты Ригера и Новикова возобновились. После некоторой паузы вновь стал развиваться и проект, связанный с открытием православной церкви в Праге. 4 февраля 1871 г. здание арендуемого костела было по описи передано поверенному П.А. Голенищева-Кутузова – Ф. Браунеру. 5 февраля старочех уплатил первый полугодовой взнос, и началась реконструкция храма[1906].

Эти сюжеты характеризуют прагматизм чешской политической элиты. В действиях Ригера был четкий расчет. Спустя уже два месяца после акции с Промеморией он быстро сменил тактику. На фоне готовящихся франко-немецких договоренностей он отошел от взаимодействия с Лефевром, усмотрев явную выгоду в переговорах с Гогенвартом и Новиковым. И очевидно, что в тех условиях между французским и российским векторами он выбрал второй.

Впрочем, последнее обстоятельство не означало полный отказ от профранцузских симпатий. В начале февраля 1871 г. в Correspondance Slave появились первые материалы о чешско-французских связях[1907]. Благодаря архивным изысканиям С. Резникова известно, что Лефевр (официальный представитель Франции!) в марте 1871 г. финансировал деятельность этого журнала[1908]. В апреле в отчете о своей миссии он писал в столицу, что чехи с доверием смотрят в сторону Парижа[1909]. Отозванный в июне 1871 г., Лефевр передал преемнику на своем посту де Баннвиллю информацию о важности контактов с чехами. Тот с нетерпением ждал знакомства с Ригером[1910].

[1905] Novikow à Gortchacow, 24 février/8 mars 1871 // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 120. Л. 146–146 (об.).
[1906] *Ненашева З.С.* Русская православная церковь в Праге. Часть 1… С. 421.
[1907] *Reznikow S.* Op. cit. S. 140.
[1908] Эта «дотация» позволила нанять Л. Леже главным редактором издания, также возместив ему расходы на путь до Праги. *Ibid.* S. 137–138.
[1909] *Pfaff I.* Francie a Čechy... S. 170.
[1910] 1871 červen 2. Vídeň. – Lefaivre Riegrovi // Příspěvky k listáři Dra Fr. Lad. Riegra. Díl 1... S. 229.

Бывший консул же остался для старочеха полезным контактом во французской официальной среде.

5.4. Отношение России, Франции и Германии к потенциальному компромиссу чехов с Веной

Итак, в феврале-марте 1871 г. Ригер возобновил переговоры не только с венским кабинетом, но и с Е.П. Новиковым. Российский дипломат во время паузы в контактах с чехами продолжал следить за ситуацией в монархии Габсбургов в целом и Богемии в частности. Перед новой встречей с лидером Национальной партии посланник в доверительной беседе с А. Потоцким узнал о проекте славянского конгресса, созыв которого обсуждался Ригером и Смолькой в переписке в августе 1870 г.

Не зная наверняка об этой инициативе, Новиков делал в целом верные предположения относительно общих причин ее появления. Он отмечал «более чем когда-либо настойчивую тенденцию западных и южных славян утверждать свою национальную солидарность» в противовес усиливающемуся пангерманизму[1911]. Правильно он передавал в МИД и смысл этого предприятия. Судя по всему, писал посланник, сторонники Ригера, Палацкого и Смольки собираются объединиться для работы над сближением России и монархии Габсбургов. В рамках этого направления для них важно подтолкнуть Санкт-Петербург к «уступкам польской автономии, чтобы заставить исчезнуть этот великий камень преткновения для славянского единства»[1912]. Отношение российского представителя к конгрессу заключалось в следующем: «Все дело в том, чтобы знать, должна ли <...> эта централизующая тенденция проходить вне России, **то есть против нее** (выделено мной – *И.К.*), или же, будучи не в силах обойтись без

[1911] Novikow à Gortchacow, 22 février/6 mars 1871 // АВПРИ. Ф.133. Оп. 470. Д. 122. Л. 47.
[1912] *Там же.* Л. 48 (а).

нашей помощи, она будет зависеть от воплощения все же под нашим знаменем»[1913]. В донесении посла видно ревнивое отношение к каким-либо межславянским акциям, особенно если Россия не играла в них ведущей роли. Таким образом, российское лидерство среди славянских народов охранялось дипломатом от их возможных инициатив.

Новиков также называл бессмыслицей создание «компактного славянского мира под защитой двух империй». Этот процесс, по его мнению, мог находиться «только под эгидой одной или другой, но не обеих стран одновременно»[1914]. Он считал, что устремления старочехов – ликвидация русско-польского конфликта, общее сближение славянских народов под покровительством двух государств – в перспективе привели бы радикальной трансформации Европы по младочешскому сценарию. На ее территории появились бы три конфедерации – романская, германская и славянская[1915]. Каждая из них имела бы свою державу-покровительницу, представленную «самым могущественным из единокровных народов». Естественно, Новиков считал, что только Россия могла бы взять на себя такую роль по отношению к славянской конфедерации. В этом случае монархия Габсбургов исчезла бы как, по сути, ненужное государство. Соответственно, появление конфедераций стало бы «сигналом к ее расчленению»[1916].

Посланник продолжал размышлять над этим проектом. Он утверждал, что протекторат России над славянской конфедерацией привел бы к коренным переменам внутри страны. По словам Новикова, младочехи желают, чтобы державу-покровительницу связывал со славянскими народами лишь ограниченный перечень «общих дел». А в остальном «должна быть предоставлена наибольшая свобода автономному развитию каждой

[1913] *Там же.* Л. 47 (об.) – 48 (а).
[1914] *Там же.* Л. 48 (а) – 48 (б).
[1915] *Там же*; Как указывалось в чешской историографии, «в период, когда консервативные вожди погружались в разработку сценариев распада Австро-Венгрии и спасения чешских земель Россией, готовившихся в совместной деятельности с царскими дипломатами, радикальная прорусская часть Национальной партии была увлечена столь же наивным представлением создания будущей славянской федерации». Впрочем, по нашему мнению, царские дипломаты скорее наблюдали за такими проектами, чем принимали в них участие. *Doubek V.* Česká politika a Rusko... S. 155–156.
[1916] Novikow à Gortchacow, 22 février/6 mars 1871 // АВПРИ. Ф.133. Оп. 470. Д. 122. Л. 48 (а) – 48 (б).

национальности»[1917]. Поэтому, рассуждал дипломат, для России принцип имперского единства заменялся принципом национальности. И это, как считал Новиков, таило для нее большую опасность[1918].

Примечательно, как император Александр II отреагировал на эту часть депеши. Во-первых, император согласился с мнением Новикова об опасной замене принципа имперского единства на принцип национальности. Во-вторых, напротив пассажа об автономном развитии каждой славянской национальности император написал: «Другими словами, они мечтают о республиках»[1919]. Последняя помета очень интересна. Ведь при описании младочешского проекта Новиков касался сугубо политического устройства конфедерации. Вопрос о форме правления вообще не упоминался. Действительно ли младочехи желали появления славянских республик? Вряд ли, учитывая их верность принципам австрославизма. Возможно, на суждение императора влияли новости из Франции[1920].

Заключение Новикова о том, что такими являются «будущие подводные камни» для политики России по отношению к «западнославянскому миру» нашло полную поддержку у императора. «У меня тоже нет никаких иллюзий», – написал он на полях документа[1921].

Новиков в своей депеше охарактеризовал проект старочехов как умеренный вариант младочешского – по сути, как его раннюю стадию. Описав угрозы, которые, по его мнению, скрывал план младочехов, дипломат тем самым скомпрометировал в глазах императора суждения Палацкого и Ригера. Поэтому, хотя Александр II, в сущности, выразил глубокое несогласие с младочешскими идеями, он фактически не одобрил и позицию старочехов.

[1917] *Там же.* Л. 48 (б) – 48 (б), об. По словам Новикова, младочехи предлагали сосредоточить в руках государства-протектора вопросы внешней политики, войны и мира, финансов, магистральных путей сообщения и высшего образования.

[1918] «Заменяя органическое единство Российской империи принципом национальности, такая программа действовала бы на нее как растворитель». *Там же.*

[1919] *Там же.*

[1920] Согласие ее правительства с немецкими условиями мира спровоцировало народные волнения, которые, усиливаясь, в марте 1871 г. привели к власти радикальную Парижскую коммуну.

[1921] Novikow à Gortchacow, 22 février/6 mars 1871 // АВПРИ. Ф.133. Оп. 470. Д. 122. Л. 48 (б), об. – 49.

К сожалению, из депеши невозможно понять, откуда дипломат почерпнул свои знания о взглядах младочехов геополитического будущего Европы. Можно предположить, что четкое представление об их концепции российский представитель получил благодаря самому Сладковскому, хотя в донесениях дипломата о факте такой встречи не упоминается. Если данные Новикова все-таки являются достоверными, то благодаря его донесению перед нами предстают отчетливые контуры внешнеполитического видения у оппонентов старочехов.

Уместно сделать еще один вывод из рассматриваемого донесения: перед встречей с Ригером (а она произошла в промежутке 6–8 марта) посланник был весьма скептически настроен к двум его важным идеям – сближению России и Австро-Венгрии и созыву славянского конгресса. Во время беседы в той или иной степени были затронуты оба сюжета.

Первая из этих двух тем также пересекалась с вопросом близких отношений между Санкт-Петербургом и Берлином. Для развития разговора в таком русле был важный повод. После заключения франко-германского перемирия император Вильгельм I отправил Александру II телеграмму со следующими словами: «Никогда Пруссия не забудет, что она вам обязана тем, что война не приняла крайних размеров. Да благословит Вас за это Бог! Навеки Ваш благодарный друг Вильгельм»[1922]. Российский правитель не замедлил ответить: «Благодарю за сообщение подробностей о предварительных условиях мира и разделяю вашу радость. Дай Бог, чтобы последствием был твердый мир. Счастлив, что могу как преданный друг доказать Вам мое сочувствие. Да будет дружба, нас связывающая, залогом

[1922] *Айрапетов О.Р.* Указ. соч. С. 246, 251.

чувств и славы наших обоих государств». Обе телеграммы были официально опубликованы, поэтому они не ускользнули от внимания чехов[1923].

Новиков был готов к подобным вопросам со стороны собеседника. В депеше от 22 февраля (6 марта) он писал: «Любопытно знать, что скажут об этом [т.е. о телеграммах императоров] наши славянские друзья со своей особой точки зрения, которые всегда лелеяли и лелеют мечту о франко-русском союзе с целью остановить продвижение пангерманизма»[1924]. На встрече с Ригером дипломат пытался доказать, что текущие отношения Санкт-Петербурга и Берлина не являются для чехов негативным фактором. Напротив, телеграммы «привели в ужас мадьяр и встревожили немцев». А это уже хороший результат, поскольку «все, что было неприятно этим двум народам, могло только обернуться на пользу славянам»[1925]. Новиков привел еще один аргумент: благодарная Германия не будет делать то, что противоречит интересам России, поэтому не станет угрожать чехам[1926].

Старочех согласился с доводами посланника, но заметил, что «сама сила вещей» заставит Германию вторгнуться в Цислейтанию с целью закончить объединение немцев. «Роковая борьба между славянством и германством», по его мнению, была неминуема[1927]. И в этом судьбоносном конфликте важную роль играли поляки. По словам политика, Германия при вторжении в чешские земли непременно попытается заручиться их поддержкой. А затем она возьмется за самих поляков, разобравшись так с

[1923] Старочешский Pokrok пусть и аккуратно, но явно критиковал сближение двух стран. Положение Санкт-Петербурга в период войны и телеграмма Вильгельма I, по мнению газеты, свидетельствовали, что «Россия, даже не обнажая меча, имеет в европейских делах решающий вес». Однако, «конечно, существует вопрос, не должна ли Россия, имея этот решающий вес, использовать его, скорее, в другом направлении». В статье указывалось, что российская образованная общественность с самого начала конфликта симпатизировала французам, при этом ненависть к немцам в государстве в последние годы сильно росла. Газета фиксировала в стране опасения, что объединенная Германия рано или поздно нападет на своего славянского соседа. Делался вывод, что такие тенденции в российском обществе идут вразрез с курсом правительства. «Что есть настоящая российская политика? Какая больше способствует российским выгодам – правительственная или национальная? Это вопрос, который, может, в любом читателе вызывает ответ Александра на приветствие Вильгельма», – размышляли в Pokrok. Впрочем, редакция была довольна тем, что теплые российско-германские отношения помешают замыслам Бойста – союзу Вены и Берлина против России и славянства. Přátelství berlínsko-petrohradské // Pokrok. 03.03.1871. S. 1.

[1924] Novikow à Gortchacow, 22 février/6 mars 1871 // АВПРИ. Ф.133. Оп. 470. Д. 122. Л. 46 (об.).

[1925] Novikow à Gortchacow, 24 février/8 mars 1871 // АВПРИ. Ф.133. Оп. 470. Д. 122. Л. 146 (об.) – 147.

[1926] *Там же.* Л. 147.

[1927] *Там же.*

обоими народами по отдельности[1928]. Лидер Национальной партии был убежден: Россия как естественная защитница славян обязательно вмешается в эту войну и не даст пасть «доблестному аванпосту славянства» (т.е. чехам). Однако если она решит остаться нейтральной, то и в этом случае заявит о себе польский фактор. Ригер считал, что в Царстве Польском под влиянием немецкого вторжения в Цислейтанию начнется революция. Она вынудит Германию присоединить эту территорию «вплоть до пограничных областей Малороссии для более прочного установления своего господства над прибалтийскими провинциями»[1929]. И поэтому Россия все равно будет вынуждена выступить против Берлина.

Итак, по мнению старочешского вождя, при любом развитии событий поляков следовало привлечь на чешско-российскую сторону. Выражаясь его словами – «обратить своих потерянных братьев в Польше к более здравому пониманию своего положения и вернуть их в великую славянскую семью»[1930]. В этом направлении, подчеркивал собеседник Новикова, руководство Национальной партии ведет активную деятельность. Благодаря ей, в частности, познаньские поляки стали обращать свои взоры в сторону России, ища в ее лице спасение от берлинской политики[1931]. Также в Галиции появилась партия, готовая к примирению с Санкт-Петербургом. Эти тенденции, признавался Ригер, и подвели его к идее славянского конгресса, на котором чехи стали бы посредниками между поляками и русскими[1932]. Со своей стороны он просил российское правительство не препятствовать этой инициативе. «Ему бы следовало воздержаться от всякого мнимого участия, закрыть глаза или даже притвориться недовольным», – говорил Ригер послу[1933].

[1928] *Там же.* Л. 147–147 (об.).
[1929] *Там же.* 147 (об.) – 148.
[1930] *Там же.* 149.
[1931] *Там же.*
[1932] *Там же.* Л. 149 (об.) – 150.
[1933] *Там же.* Л. 150.

Эти данные из депеши российского дипломата весьма примечательны, поскольку речь шла о международных тенденциях ближайшего будущего. Чех изложил два сценария войны славянства и германства – с вмешательством России или ее нейтралитетом с последующим вынужденным участием. Еще раз становится понятным, насколько большую роль поляки играли в планах Ригера в начале 1870-х гг. По сути, речь шла о подготовке к войне и создании единого «славянского фронта»[1934].

В ответ на все эти измышления Новиков заявил, что проекты его собеседника ведут к славянской федерации под покровительством России и исчезновению Австро-Венгрии (о чем, как мы помним, он действительно размышлял еще до встречи). Чешский политик согласился с этой мыслью. «Он сказал мне, что на самом деле славянский мир движется к неизбежной федеративной системе, которая также должна преобразовать Россию», – зафиксировал посланник[1935]. Еще Ригер добавил: «Что касается Австрии, то ее дни сочтены». Он подчеркнул, что лишь реализация федеративного проекта может замедлить конец Габсбургской монархии[1936].

В этих сведениях можно выделить несколько важных мотивов. Во-первых, рассуждения Ригера несколько напоминают проект центральноевропейской конфедерации, который он вместе с Палацким и Сладковским в феврале предлагал Э. Пико. Таким образом, концепция радикального решения чешского вопроса, политический сценарий вне австрославистской программы продолжали циркулировать в руководстве Национальной партии. Во-вторых, никуда не ушли и страхи по поводу будущего Дунайской империи. При этом переговоры с Гогенвартом только-только начались, и, видимо, было пока непонятно, чего от них ждать.

[1934] Вот как Новиков передавал рассуждения старочешского вождя: «Нужно думать о самом срочном, то есть о скорейшем примирении поляков с русскими как о единственном спасительном пути для западных славян в их близкой борьбе с германством. Отрицание этой точки зрения было бы смертным приговором для Богемии». *Там же.* Л. 150 (об.) – 151.
[1935] *Там же.* Л. 150 (об.).
[1936] *Там же.*

Ядро проектов федерации/конфедерации, представленные Пико и Новикову, по нашему мнению, было одинаковым. Предполагалось включение чешских земель в новое многонациональное демократическое государство на руинах монархии Габсбургов при покровительстве одной из великих держав (какой именно – зависело от адресата проекта). Детали, конечно, отличались. В первую очередь это касалось состава нового государственного образования. В проекте для российского посланника речь шла именно о славянском государстве. Это неудивительно, ведь Ригер и Палацкий воспринимали Россию прежде всего как славянскую державу. Поэтому соответствующий характер федерации должен был добавить их идеям гипотетической привлекательности. Кроме того, такой проект можно считать и развитием апелляции чехов к славянскому миру и славянской взаимности, по-прежнему не сходивших у них с повестки дня на фоне неудачной национальной борьбы.

Применительно к февралю-марту 1871 г. нельзя отказать Ригеру в определенной гибкости. В этот период больших опасений и страхов он предложил французскому, а затем при смене приоритетов и российскому официальному представителю новый проект развития чешской государственности и Центральной Европы. При этом он старался подстроиться под каждого из дипломатов, немного меняя наполнение своих идей. Примечательна в этом плане и фигура Сладковского, который тоже участвовал наряду с Палацким и Ригером в переговорах с Пико, имея, судя по депеше Новикова, собственное внешнеполитическое видение.

Фраза старочеха в беседе с российским посланником о том, что реализация идеи федерации будет способствовать и преобразованию России, имела для ее автора определенные последствия. Дело в том, что она стала для официального Санкт-Петербурга своеобразным триггером. В начале марта из российского МИД за подписью Горчакова последовало в венское посольство секретное письмо. Оно содержало, по сути, внеочередные инструкции послу.

Канцлер указывал, что они были написаны под влиянием тех депеш, «что касались брожения умов Богемии и <…> бесед с Ригером»[1937].

Министр начал свое письмо с того, что «славянские народы никогда не перестанут занимать место в наших национальных чувствах, а также – в определенных пределах – в наших политических расчетах». Однако в посольстве в Вене всегда должны помнить о границах таких контактов и их рамках. Горчаков напоминал, что среди австрийских славян Санкт-Петербург никогда не стремился «посеять семена восстания или мятежа против существующей власти»[1938]. Далее сановник комментировал слова Ригера, отталкиваясь уже от этих тезисов.

Прежде всего, министр иностранных дел не одобрял идею славянского конгресса. В столице были оскорблены тем, как, по версии старочеха, должно было себя вести российское правительство. «Это игра, которую мы отдаем слабым и тем, кто не знает ничего, кроме притворства», – говорилось в письме[1939]. Также в нем отмечалось, что российские условия примирения с поляками общеизвестны, но они не будут теми приняты, поскольку «слишком прозаичны для авантюрного духа высших сословий и дворянства этой национальности». Поляков, по мнению МИД, удовлетворило бы лишь положение, которое в конце концов приведет их снова к анархии, затронувшей бы жизненные интересы России[1940]. Как видно из этих строк, Санкт-Петербург априори не привлекали чешские идеи о том, как помирить две стороны. Там были готовы отталкиваться сугубо от российских установок. Горчаков указывал, что, если конгресс соберется, Российская империя будет враждебно относиться к участию в нем своих подданных[1941].

[1937] Projet de lettre très secrète à Mr. Novikow (à Vienne), 1 mars 1871 // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 122. Л. 366. В проекте не фигурируют фамилия или подпись Горчакова, но Е.П. Новиков в ответной депеше писал именно ему: «Примите, пожалуйста, всю мою благодарность за столь полные и блестящие прозрения, которые Ваше Превосходительство любезно переслали мне в своем совершенно секретном письме от 1-го марта по чешскому вопросу». Novikow à Gortchacow, 13/25 mars 1871 // АВПРИ. Ф.133. Оп. 470. Д. 122. Л. 59.

[1938] Projet de lettre très secrète à Mr. Novikow (à Vienne), 1 mars 1871 // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 122. Л. 366–366 (об.).

[1939] *Там же.* Л. 368 (об.) – 369.

[1940] *Там же.* Л. 369–369 (об.).

[1941] *Там же.* Л. 373 (об.).

Что касалось фразы Ригера о том, что федеративный строй должен преобразовать и Россию, то канцлер увидел в ней проявление радикальных концепций. «Нужно быть очень наивным или очень молодым, чтобы не распознать республиканские идеи за этой прозрачной завесой», – настаивал Горчаков[1942]. Таким образом, российское высшее руководство лишь утвердилось в чешском республиканизме: этого мнения придерживались и император, и его министр.

Более того, глава МИД указывал: «Что же касается настроений чехов по отношению к нам, то они носят смутный и неопределенный характер. Я хочу верить, что в массах [Богемии] ценят благосклонность российского правительства. Но массами, инертными по своей природе, руководят люди, чьи потайные мысли могут не проявляться с первого взгляда»[1943]. Очевидно, его точка зрения фактически совпадала с мыслями Новикова на этот счет. Безусловно, Ригер хотел донести до Санкт-Петербурга позицию Национальной партии в более благоприятном свете. Но ни посланник, ни министр иностранных дел не поверили его словам[1944].

Таким образом, Горчаков, имевший колоссальный опыт и, безусловно, дипломатическое чутье, достаточно негативно относился к политическим амбициям чехов. Он недвусмысленно призывал российских дипломатов в Австро-Венгрии к осторожности и осмотрительности. К этому можно лишь добавить, что Александр II назвал письмо сановника «превосходным»[1945].

Ознакомившись с новыми инструкциями из Санкт-Петербурга, Новиков вступил в полемику с императором и канцлером, что выглядит довольно необычно на фоне остальных его донесений того периода.

Так, посланник позволил себе не согласиться с категоричными обвинениями в республиканизме в адрес младочехов и Ригера. В депеше

[1942] *Там же.*

[1943] *Там же.* Л. 370 (об.) – 371.

[1944] Между тем отчасти иное понимание позиции старочехов было у поверенного в делах Васильчикова. Так, он писал в депеше: «Дань уважения чешского лидера в отношении России, несомненно, искренняя». Vassiltchicow à Gortchacow, 16/28 juin 1871 // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 121. Л. 83.

[1945] Об этом говорит соответствующая помета в следующей депеше: Novikow à Gortchacow, 13/25 mars 1871 // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 122. Л. 59.

князю Горчакову он назвал эту оценку «преувеличенной»[1946]. В подтверждение своей позиции он привел, по его мнению, два убедительных аргумента. Во-первых, он обратился к программе Национальной партии и сообщил, что в ней ничего не говорится о республиканских идеях. Это наблюдение вполне соответствовало действительности. Но вот объяснение данного факта вызывает недоумение: потому что чехи – славяне. «И если в Австрии есть республиканцы или социалисты, – продолжал он, – их надо искать среди немцев. Быть республиканцами – это ни в натуре, ни в традиции славян»[1947]. Трудно сказать, чем руководствовался дипломат, делая такой вывод. Можно предположить, что он опирался на свой академический опыт и знание позиции чехов в период революции 1848–1849 гг. Новиков также справедливо подчеркивал, что форма правления в возможной славянской федерации чехами не затрагивалась, поскольку этот вопрос относился к отдаленному будущему. Однако у императора, судя по его помете, было другое мнение на этот счет[1948].

Дипломат фактически встал на защиту Ригера и Палацкого как опытных, зрелых политиков: «Что касается чешских вождей, то в них слишком много здравого смысла, чтобы увлекаться теориями; их взгляды практичны и устойчивы»[1949]. В этом контексте его точка зрения и имперского центра вновь оказались противоположными. Александр II начертал на полях: «Я не верю ни в то, ни в другое»[1950].

Глава российского представительства и официальный Санкт-Петербург сходились на том, что, «ставя вопрос о примирении России с Польшей <…>, Богемия требует от нас уступки, превышающей (подчеркнуто в оригинале – *И.К.*) меру того, что соответствует нашим интересам и совместимо с нашими

[1946] *Там же.* Л. 59 (об.).
[1947] *Там же.* Л. 60 (об.).
[1948] *Там же.* Л. 61 (об.).
[1949] *Там же.* Л. 60 (об.) – 61.
[1950] *Там же.* Л. 61.

принципами»[1951]. Негативное восприятие чешского проекта по сплочению славянского мира было однозначным.

Однако, по мнению Новикова, несовпадение чешской и российской линий не означало, что МИД должен занять пассивную, выжидательную позицию в отношении чехов. Эта мысль вступала в явное противоречие с инструкциями из России. Свой тезис глава посольства пытался обосновать собственной интерпретацией возможных геополитических изменений в Центральной Европе[1952]. Впрочем, ход его мыслей Александр II не принял. Император, ознакомившись с депешей, написал на ней, что Новиков не уловил смысл секретного письма Горчакова[1953]. Это был один из тех редких моментов, когда имперский центр выразил явное недовольство в адрес своего представителя в Вене.

Итак, по состоянию на март 1871 г. можно резюмировать: руководство России в рассматриваемый период не воспринимало чешских представителей в качестве потенциальных партнеров. Новиков видел в них весьма прагматичных политиков, не склонных учитывать интересы гипотетических союзников. Поэтому, можно сказать, при взаимодействии с ними он стремился «держать ухо востро». Александр II и А.М. Горчаков рассматривали их скорее как политических авантюристов, подверженных радикальным теориям и мечтающих о республике. Примечательно, что обе позиции имели один и тот же посыл: чехам нельзя доверять. Безусловно, такое восприятие никак не могло способствовать сближению российской и чешской сторон и, как следствие, оказанию пражским политикам действенной поддержки.

[1951] *Там же.* Л. 61(об.) – 62. «Разумеется», – прокомментировал эту мысль Александр II.

[1952] Новиков писал на этот счет: «Если бы они отчаялись в нашей поддержке, то вместо того, чтобы позволить Германии лишить себя национальной принадлежности, чехи, несомненно, предпочли бы тесный союз с короной святого Стефана – союз, который позволил бы им реализовать вопреки нам и против нас под эгидой Дома Габсбургов программу частичной славянской конфедерации». По словам дипломата, берлинский кабинет еще в 1866 г. обсуждал с Л. Кошутом идею создания отдельного государства, включающего в себя Венгрию, Богемию и Румынию. Он подчеркивал, что франко-прусская война «особенно продвинула решение славяно-германского вопроса. Нам будет трудно впредь затормозить его продвижение, особенно если провокаторами будут оставаться немцы». *Там же.* Л. 62–63.

[1953] *Там же.* Л. 59.

В своих депешах Новиков размышлял не только о политической деятельности Национальной партии, контактах с ее руководителями, но и о правительстве Гогенварта. Посланник положительно высказывался о его позиции «быть в хороших отношениях с Германией и близких с Россией» (о ней он узнал от доверенных лиц). Данное условие, считал Новиков, помогло бы занять Санкт-Петербургу выгодную роль посредника и арбитра между Берлином и Веной[1954].

Но дипломат видел выгоду не только в этом. «Именно тогда и только тогда она [Россия] сможет оказать на западных славян законное [фр. *légal*] и консервативное влияние <...> Это способствовало бы прогрессивному развитию данного элемента под династическим знаменем Габсбургов, а не под революционным знаменем принципа национальностей. Борьба между славянством и германством была бы нейтрализована его противовесом, и у энтузиазма богемцев в отношении польского дела больше не было бы никаких оснований для существования»[1955].

Впрочем, Новиков был скептически настроен и не верил в возможное сближение Австро-Венгрии и России, называя его «слишком хорошим вариантом». Кроме того, он видел слишком много противников подобного развития событий[1956].

Тем временем весной 1871 г. шли переговоры между чехами и Веной. Вместе с Ригером в них участвовал Клам-Мартиниц. В середине мая в Прагу приехал Шеффле, с которым оба деятеля продолжали обсуждение чешско-австрийского соглашения. Деятели из Богемии продолжали упорно настаивать на признании правительством чешского государственного права[1957]. Как указывает О. Урбан, переговорщикам тогда удалось найти точки пересечения в оценке ситуации[1958]. Министр смог привезти в Вену оформленные требования чешской оппозиции. Так переговоры приобретали

[1954] Novikow à Gortchacow, 21 mars/2 avril 1871 // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 122. Л. 67 (об.) – 68.
[1955] *Там же.* Л. 68–68 (об.).
[1956] *Там же.* Л. 68 (об.) – 69.
[1957] *Schäffle A.* Aus meinem Leben. Bd. II… S. 10–11.
[1958] *Urban O.* Česká společnost... S. 250–251.

все более конкретные черты[1959]. В конце мая в столице империи Ригер и Палацкий принципиально договорились с кабинетом о соглашении на основе исторического права[1960]. При этом они пошли правительству на уступку, согласившись, что документ должен стать конституционным законом – а значит, пройти через рейхсрат (но при федералистском большинстве)[1961].

Во время пребывания в центре монархии чешские деятели вновь посетили российское посольство. В беседе с Новиковым оба вождя Национальной партии упрекали Гогенварта и его министров в нерешительности, робости[1962]. Они считали, что кабинет должен твердо и последовательно опираться на чехов, не обращая внимания на политические трудности[1963]. «По их мнению, Богемия – голова политического тела Австрии. Если правительство и император будут на нее полагаться, то не нужно будет бояться ни немецкого сопротивления, ни венгерской оппозиции», – отмечал дипломат[1964]. Его собеседники также называли Венгрию колоссом на глиняных ногах[1965]. Во всех этих словах можно увидеть довольно много уверенности – или, быть может, самоуверенности. Как покажет будущее, австронемецкое и венгерское давление преодолеть все-таки не получится. Показательно и восприятие ими роли Богемии в рамках Дунайской империи: это не только лидер австрийских славянских земель, но и главный политический «актив» Габсбургской монархии.

Новиков в целом положительно оценивал переговоры чехов с Веной – хотя, по нашему мнению, не без нотки скепсиса. «Каким бы оптимистичным ни был такой гороскоп, составленный вожаками Богемии, несомненно, что их

[1959] *Клетечка Т.* Указ. соч. С. 75–76.
[1960] *Там же.* С. 76.
[1961] *Ратнер Н.Д.* О проекте австро-чешского соглашения… С. 332–333.
[1962] Novikow à Westmann, 22 mai/3 juin 1871 // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 121. Л. 21 (об.) – Л. 22.
[1963] А трудности давали о себе знать. В мае 1871 г. политический климат в Цислейтании резко ухудшился. Это было связано с выступлением Гогенварта в Конституционном комитете рейхсрата. Министр-президент, представляя законопроект о предоставлении автономии Галиции, заявил, что аналогичный статус должен быть предоставлен также Богемии. Заседание было немедленно прервано. Затем Франц Иосиф I получил адрес из возмущенного рейхсрата с выражением недоверия правительству. Впрочем, император принципиально не стал его рассматривать. *Медяков А.С.* Между Востоком и Западом… С. 574.
[1964] Novikow à Westmann, 22 mai/3 juin 1871 // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 121. Л. 21 (об.) – Л. 22.
[1965] *Там же.* Л. 22.

действия на подъеме», – писал он[1966]. Он высоко оценивал качества Ригера и даже сравнивал его с Деаком – одним из главных творцов Аусгляйха[1967].

Впрочем, в другой депеше от того же числа дипломат очень метко и красноречиво заметил: «Насколько чехи считают себя хозяевами положения дома, настолько они одержимы страхом быть поглощенными Пруссией»[1968]. Вообще, российский представитель признавался, что старается детально фиксировать взгляды Ригера на внешнюю политику и международные тенденции. Дело в том, что он допускал: старочех «вскоре будет призван в правительство»[1969]. Эта фраза показывает, что Новиков действительно рассматривал переговоры чехов с имперским центром как что-то серьезное и многообещающее.

В беседе с ним Ригер развивал свое видение процессов на европейской арене. Он конкретизировал, когда, по его мнению, Берлин вторгнется в Цислейтанию – сразу после «ассимиляции юга Германии». А пока Бисмарк попытается поссорить Россию и монархию Габсбургов, что, конечно, с точки зрения чехов, таило в себе большую опасность[1970]. Политик продолжал: «Перед угрозой со стороны Германии мы можем спасти свое политическое существование, только сославшись на принцип национальности, лежащий в основе германского и итальянского единства, и мы надеемся, что в случае необходимости Россия не оставит нас, ибо в ее интересах сохранить дружественные аванпосты в Европе, чтобы иметь возможность лучше выполнять за этим валом свою миссию на Востоке»[1971]. Он вновь повторял, что выступает за союз сильной России с Австро-Венгрией, «вне которой как федерации мы не видим для себя решения»[1972].

Бросается в глаза, что о славянской федерации в этот раз речи не было – Ригер вернулся к чистому австрофедерализму. Радикальный

[1966] *Там же.* Л. 23 (об.).
[1967] *Там же.*
[1968] Novikow à Westmann, 22 mai/3 juin 1871 // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 121. Л. 26.
[1969] *Там же.* Л. 26 (об.).
[1970] *Там же.* Л. 26–26 (об.).
[1971] *Там же.* Л. 26 (об.) – Л. 27.
[1972] *Там же.* Л. 27.

сценарий развития Центральной Европы перестал быть актуальным. Судя по всему, переговоры с Гогенвартом и Шеффле показали ему, что монархия Габсбургов еще имеет определенные перспективы как государство.

В его риторике также появился новый аргумент для российской помощи чехам – так ее позиции на западе континента станут крепче, пока она будет уделять главное внимание делам на Балканах. И этот довод, с нашей точки зрения, был куда более предметен, чем несколько абстрактная «роковая борьба славянства и германства».

Новиков проигнорировал рассуждения чешского политика насчет России и Востока. Вдобавок он считал, как и ранее, все опасения Ригера по поводу Германии преувеличенными. Дипломат уверял, что ее представитель в Вене, напротив, пытается смягчить разногласия между Россией и Австро-Венгрией и к тому же поддерживает кабинет Гогенварта[1973].

В другой депеше от того же числа Новиков анализировал взгляды Ригера, связанные с внешней политикой. По мнению лидера Национальной партии, приобретение Царства Польского ничего не принесло России и даже ослабляет державу. Поэтому для нее было бы лучше передать Польшу Австро-Венгрии в обмен на Буковину и часть Галиции, населенную русинами. Более того, данный обмен, возможно, послужил бы интересам обеих стран. Россия получила бы преданное население, близкородственное и легко обратимое в православную веру. В то же время Польша перестала бы являться для империи Романовых очагом революции и, кроме того, стала бы буфером между Россией и Германской империей[1974].

По информации дипломата, Ригер пытался лоббировать эту идею в самых верхах. Он поделился ею с бароном Александром Петрино – представителем Буковины, министром в правительстве Потоцкого (апрель 1870 г. – февраль 1871 г.). Петрино, в свою очередь, представил проект Францу Иосифу I. По данным Новикова, император ограничился фразой о

[1973] *Там же.* Л. 27–27 (об.). Последнее утверждение было, судя по всему, не совсем правдой. См. подробнее: *Медяков А.С.* Между Востоком и Западом… С. 578.
[1974] Novikow à Westmann, 22 mai/3 juin 1871 // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 122. Л. 121–122.

необходимости узнать на этот счет мнение России[1975]. Больше данный план нигде не фигурировал. Изложенные факты являются новыми в историографии и дополняют тему чешского видения международных отношений в тот период[1976].

Что касается построений Ригера, то политик допускал, что Германия во время своей широкой экспансии станет раздувать революционные настроения в Царстве Польском. Таким образом, передача этих земель Австро-Венгрии делала Россию, если рассуждать в логике старочеха, менее уязвимой. Это было для него крайне важно. Кроме того, вхождение Царства Польского в состав Габсбургской империи, очевидно, увеличило бы долю поляков. А в глазах чехов они были потенциальными и очень важными союзниками в якобы скорой борьбе с немцами (к тому же близкородственными, с той же религией и требованиями автономии). Примечательно, что это был уже второй прожект Ригера, связанный с поляками. Тем не менее Новиков скептически отнесся к идее старочеха и назвал ее утопией[1977].

Ввиду неугасавшего внимания Ригера к польской тематике посланник в разговоре с ним и Палацким сказал откровенно, что российские симпатии к чехам могут быть сохранены лишь при двух условиях. Во-первых, он им настойчиво рекомендовал не «поощрять польские мечтания своим кокетством с ними». Во-вторых, чешские национальные требования не должны радикализироваться (особенно с учетом действий Парижской коммуны)[1978]. Думается, что посланник неслучайно поставил перед политиками именно такие условия: оба мотива фигурировали в секретном письме Горчакова.

Ригер, конечно же, пытался развеять все подозрения российской стороны. По его словам, он лишь хотел сделать поляков для нее

[1975] *Там же.* Л. 122.
[1976] Следует уточнить, что Новиков получил информацию не от старочеха. Он умолчал в депеше об источнике этих данных, но гарантировал их достоверность.
[1977] *Там же.* Л. 122–122 (об).
[1978] Novikow à Westmann, 22 mai/3 juin 1871 // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 122. Л. 27 (об.) – 28.

«безвредными». Ведь «любой элемент, способный ослабить Россию, может быть фатальным для чехов, нарушив баланс сил в пользу немцев»[1979]. Как мы видим, тему о необходимости чешско-польской дружбы, мелькавшую в риторике старочеха ранее, он благоразумно поднимать не стал. По его словам, даже идею славянского конгресса планировалось осуществить именно в России (чему нет явных свидетельств)[1980]. Что же касается чешских национальных требований, то они, по мнению Ригера, не могли превратиться в некие подрывные концепции в силу объективных обстоятельств[1981].

При анализе политического расклада в Цислейтании в мае-июне 1871 г., было бы ошибкой проигнорировать еще одного важного игрока – Бойста. Назначение нового правительства во главе с Гогенвартом застало его врасплох, и он занял по отношению к нему выжидательную позицию[1982]. Мнение министра иностранных дел по поводу уступок сторонникам австрофедерализма было двояким. С одной стороны, Бойст хорошо понимал, что предоставление автономии австрийским народам необходимо ради стабилизации империи. «Особенно желательным согласие с чехами казалось ему в решающие дни франко-прусской войны»[1983]. С другой стороны, канцлер опасался, что деятельность нового правительства негативно скажется на австро-германском сближении[1984]. Надо сказать, что он продолжал прикладывать для реализации этого замысла существенные усилия.

18 мая 1871 г. Бойст составил для императора меморандум касательно международной обстановки после заключения Франкфуртского мира. После

[1979] *Там же.* Л. 28–28 (об.).
[1980] *Там же.* Л. 28 (об.).
[1981] Ригер давал следующее обоснование: «Во-первых, низы были тесно связаны там [в Богемии] общностью политических и социальных интересов с консервативной, по существу, частью крупных землевладельцев. Рабочее объединение не имело ничего общего с «Интернационалом». Оно не апеллировало ни к праву на труд, ни к государственной помощи, а основывалось на принципе взаимопомощи, по формуле Шульце-Делича. Вторая причина – религиозное чувство народа, существование национального низшего духовенства, одновременно либерального и консервативного». *Там же.* Л. 28 (об.) – 29. К сожалению, Новиков в депеше никак не выражает своего отношения к аргументам собеседника. Помет на полях донесения тоже нет.
[1982] Memoires of Count Friedrich Ferdinand von Beust written by himself. Vol. 2… P. 251–254.
[1983] *Медяков А.С.* Между Востоком и Западом… С. 577.
[1984] *Там же.*

поражения Парижа опасно возросла мощь Германии и угроза немецкоязычным территориям Цислейтании. Именно опасность ирредентизма Бойст приводил теперь как главный аргумент для сближения с Германией[1985]. Оно должно было иметь форму отчетливого сотрудничества, но не союза. Близость с Францией Бойст считал невозможной, так как это бы спровоцировало стремительное сближение Германии с Россией[1986].

В документе канцлера шла речь и об изменениях в политике Австро-Венгрии на Балканах. Вместо линии, направленной на укрепление Османской империи путем ее модернизации, министр предлагал не слишком активно поддерживать Стамбул. В противном случае подвластные ей славянские народы могут обратить свои взоры к Санкт-Петербургу. Хотя Бойст признавал необходимость существования Османской империи, Балканский регион он назвал единственной территорией, где Австро-Венгрия могла бы компенсировать понесенные потери в Европе[1987]. Вскоре из опасений появления на границах империи большого югославянского государства Вена возьмет курс на присоединение Боснии и Герцеговины[1988].

Император одобрил меморандум Бойста. 1 июня 1871 г. на заседании делегаций канцлер Австро-Венгрии публично высказался «о необходимости установления самых дружеских взаимоотношений с Берлином»[1989]. Также министр объявил о прекращении какого-либо соперничества с Германией[1990]. В то время как Ригер и Палацкий придавали всем свои прожектам антипрусскую и затем антигерманскую направленность, австро-венгерская внешняя политика уверенно двигалась к сотрудничеству с новой державой.

Это противоречие уже тогда, в мае-июне 1871 г., ставило под вопрос положительный исход чешских переговоров с кабинетом Гогенварта. Как верно заметил Т. Клетечка, правительство, обещавшее чехам улучшение их

[1985] *Там же.* С. 553.
[1986] *Там же.*
[1987] *Там же.* С. 565.
[1988] Опасения в Вене по поводу появления единого югославянского государства были вызваны русско-сербским сближением при Милане Обреновиче. *Там же.* С. 564–565.
[1989] *Там же.* С. 553.
[1990] *Там же.*

политического статуса в стране, неизбежно дало бы им и возможность влиять на ее международный курс[1991] (особенно с учетом их наработок в этом направлении в течение всех 1860-х гг.). Но в случае дружбы с Германией «Австрия не могла предоставить внутри страны право голоса антигермански настроенным чехам»[1992]. Примечательна в этой связи линия Франца Иосифа I, который поддерживал как Гогенварта в его стремлении договориться с политиками из Богемии, так и Бойста в желании того сблизиться с Берлином. Это лавирование рано или поздно должно было привести к конфликту двух направлений имперской политической жизни и к непростому выбору между ними.

На этом фоне продолжались австро-чешские переговоры. 30 мая 1871 г. Ригер отправил из Вены письмо А. Пражаку. В нем он сообщил, что предложил Гогенварту подключить моравского депутата к переговорам. Весьма характерны следующие его слова: «Нечто медленно готовится – медленно, конечно, и с несколько слабой решимостью – но дела обстоят лучше, чем когда-либо ранее. Не годится, чтобы я писал об этом больше – даже и эту малую часть никому не говорите <…>»[1993]. Из письма становится ясно, насколько конфиденциальными и закрытыми были встречи чешских лидеров с правительством[1994]. Кроме этого, слова старочеха о нерешимости хорошо согласуются с его обвинениями в робкой деятельности текущего кабинета, при этом общий ход переговоров оценивался позитивно.

В новом письме Пражаку от 9 июня Ригер от имени Гогенварта и Шеффле пригласил моравского политика на встречу в столицу (18 июня). Он отметил, что «дела значительно продвинулись в период моего пребывания в Вене»[1995]. По данным О. Урбана, 20–26 июня (первая дата отличается от той,

---

[1991] *Клетечка Т.* Указ. соч. С. 74.
[1992] *Там же.* Схожая точка зрения выражалась ранее и в советской историографии: *Ратнер Н.Д.* О проекте австро-чешского соглашения… С. 350–351.
[1993] 1871 květen 30. Vídeň. – Dr. Fr. Lad. Rieger Dru Al. Pražákovi // Paměti a listář Dra Aloise Pražáka. Díl druhý... S. 102.
[1994] Как писал автор всё в том же письме, «нужна большая осторожность, чтобы воробьи не перепугались и не вызвали большое чириканье». *Ibid.*
[1995] 1871 červen 9. Maleč. – Dr. Fr. Lad. Rieger Dru Al. Pražákovi // *Ibid.* S. 102.

что можно найти в письме у Ригера) в имперском центре прошел ряд совещаний. Обсуждение велось вокруг уже конкретных формулировок, которые предложила чешская сторона[1996].

В том же месяце Ригер – видимо, чтобы лишний раз простимулировать продуктивный ход переговоров – написал Лефевру письмо, в котором он просил Францию поддержать требования чешских политиков[1997]. Лефевр, в свою очередь, пытался привлечь к этому делу маркиза де Баннвилля, нового французского консула, чтобы совместными усилиями составить документ, адресованный Вене[1998]. Известно также, что после франко-прусской войны Палацкий надеялся на будущий союз оправившейся Франции с федерализованной Австро-Венгрией против Германии[1999].

И это пожелание, казалось, могло сбыться. 30 июня 1871 г. французский министр иностранных дел Жюль Фавр писал Баннвиллю в Вену, что важной внешнеполитической задачей для него является опора на Австро-Венгрию и союз с Россией[2000]. И в Париже, и в посольстве в Вене были убеждены, что монархия Габсбургов является необходимым элементом баланса сил в Европе[2001]. Но при этом Баннвилль в депеше Фавру от 7 июня предупреждал: чем сильнее будет страх у официальной Вены перед «федералистской коалицией под чешским руководством», тем охотнее в имперской столице пойдут на тесный союз с Германией[2002]. Если исходить из этой логики, получается, что маркиз не был заинтересован в успехе австро-чешских переговоров. В противном случае сближение Парижа и Вены не могло состояться.

[1996] *Urban O.* Česká společnost... S. 251.
[1997] *Pfaff I.* Francie a Čechy… S. 162.
[1998] *Ibid;* Впрочем, по мнению Пфаффа, в старочешской среде в тот момент симпатии к Французской Республике в целом не были распространены. Он объяснял этот факт влиянием аристократов из партии Клам-Мартиница. Франкофильская ориентация была скорее присуща младочехам, таким как К. Сладковский или Й. Барак. *Ibid.* S. 172.
[1999] *Leger L.* Vzpomínka na Františka Palackého… S. 156.
[2000] *Pfaff I.* Francie a Čechy… S. 171.
[2001] *Ibid.* S. 172.
[2002] *Ibid.*

Как уже случалось ранее, вождь Национальной партии, пользуясь моментом, посетил в Вене и российское посольство. Там он встретился с поверенным в делах Васильчиковым. Интересно, что успешный ход переговоров с австрийскими властями, а также отсутствие явных приготовлений со стороны Германии к поглощению Цислейтании не вселяли в Ригера оптимизма. Судя по донесению дипломата, тот «вернулся к своим страхам перед неизбежным столкновением славянской и тевтонской рас»[2003]. Васильчиков относился к беспокойству собеседника скорее со скепсисом[2004]. Одновременно российский представитель отмечал схожесть венгерского премьер-министра Д. Андраши и Ф.Л. Ригера как политиков: если первый предлагал немецкому посольству сделать бескомпромиссный выбор между Будой и Санкт-Петербургом, то второй требовал от российских представителей выбрать между Прагой и Берлином. «Два национальных лидера в своем местечковом патриотизме не осознают, что в политике нельзя спотыкаться об дилемму и что есть путь между двумя альтернативами», – писал сотрудник посольства[2005]. По этому же поводу он в другом донесении метафорично замечал: «всем найдется место под солнцем»[2006]. Таким образом, поверенный в делах был солидарен со своим руководителем Новиковым по поводу общей линии поведения с чехами. Он не воспринимал доводы Ригера и считал их категоричными, как и предлагаемый политиком антигерманский курс.

Летом 1871 г. чехи не только продолжали контактировать с российскими дипломатами, но и энергично работали над открытием православного храма в Праге. Даже предполагалось его освящение в ноябре[2007]. Шла активная подготовка православной литургии на чешском языке. При этом характерно, что в чешской среде не нашлось меценатов,

---

[2003] Vassiltchicow à Gortchacow, 16/28 juin 1871 // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 121. Л. 82–82 (об.).
[2004] «Опасения Ригера по поводу тяготения немцев Австрии к большой родине естественны, но они кажутся преждевременными». *Там же.* Л. 82 (об.).
[2005] Vassiltchicow à Westmann, 16/28 juin 1871 // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 122. Л. 129–129 (об.).
[2006] Vassiltchicow à Gortchacow, 16/28 juin 1871 // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 121. Л. 83 (об.).
[2007] Письмо Э.Г. Валечки М.Ф. Раевскому от 4 (16) августа 1871 г. // Зарубежные славяне и Россия… С. 87.

готовых вложиться в реконструкцию храма. Бремя расходов приходилось нести арендатору Голенищеву-Кутузову[2008]. Уже на данном этапе становится понятно, что церковь, которая откроется в 1874 г., вряд ли станет местом притяжения большого количества чехов.

Тем временем Вена расчищала путь для формального соглашения с чешской элитой: 10 июля были отложены сессии оппозиционного рейхсрата. В начале августа чешская оппозиция приехала в столицу, где вместе с Гогенвартом работала над формулировками в готовящихся актах. 4 августа Франц Иосиф I председательствовал в совете министров, который был специально посвящен австро-чешскому компромиссу. На следующий день он дал аудиенцию Ригеру, Пражаку и Клам-Мартиницу (каждому отдельно). 11 августа палату депутатов рейхсрата и семь ландтагов в Цислейтании распустили. Объявлялись новые выборы, которые благодаря новому избирательному закону должны были обеспечить победу федералистских сил[2009]. 30 августа Гогенварт представил членам правительства конкретный проект соглашения (некоторые из министров фактически впервые увидели эти документы), который был одобрен. Только в тот момент акты, над которыми работали в закулисье правительственная и чешская стороны, стали обсуждаться в официальной плоскости[2010].

В ответ на действия имперского центра немецкоязычная общественность инициировала массовые демонстрации и манифестации, съезды общественных организаций. В конце августа богемские немцы провели многочисленные собрания, на которых принимали протестные резолюции против цислейтанского кабинета. Такие демонстрации часто приводили к чешско-немецким столкновениям[2011].

Драматичный ход политической жизни Австро-Венгрии стал вызывать опасения в Берлине, т.к. ставил под угрозу курс на сближение. Еще

[2008] *Ненашева З.С.* Русская православная церковь в Праге. Часть 1… С. 421.
[2009] *Tobolka Z.* Op. cit. S. 238, 241.
[2010] *Urban O.* Česká společnost... S. 254.
[2011] *Ратнер Н.Д.* О проекте австро-чешского соглашения… С. 346–347.

7 июня советник германского посольства в Вене граф Хатцфельд по поручению Бисмарка передал монарху ноту, настоятельно предостерегающую его против «атомизации Австрии»[2012]. Внутренний кризис в Австро-Венгрии стал одной из главных тем на австро-германской встрече в Гаштейне (август) и Зальцбурге (сентябрь). Вильгельм I заявил, что желал бы видеть австрийских немцев довольными. Он не хотел, чтобы те просили помощи у Германии, «тем самым причиняя нам много неприятностей»[2013]. Бисмарк выразил непонимание, почему в Вене готовят себе с немцами еще бóльшие трудности, чем уже существующие с чехами[2014]. В целом происходившие в Австро-Венгрии события вызывали у него недовольство. Взяв курс на сближение с соседом, он надеялся, что монархия Габсбургов будет сильной. Однако внутренний кризис заставлял опасаться за ее существование[2015]. Помешать этому процессу, остановить опасные тенденции и консолидировать Дунайскую империю – именно в этом состоял смысл встреч в Гаштейне и Зальцбурге[2016].

Бисмарк и Вильгельм I заверили Бойста, что Германия ни в коем случае не собирается посягать на «немецкие провинции Австрии»[2017]. По мнению канцлера, включение в состав страны католического и славянского населения только навредит ей[2018]. Князь и император не собирались поощрять и прогерманские настроения австронемецких либералов[2019]. Тем самым исчезал один из важнейших мотивов, укреплявший позиции чехов, – опасения немецкого ирредентизма[2020]. Сам глава австро-венгерского МИД называл целью и главным результатом переговоров обретение общей с Германией основы для всей будущей политики[2021]. Никаких препятствий для полного

[2012] *Клетечка Т.* Указ. соч. С. 78.
[2013] Memoires of Count Friedrich Ferdinand von Beust written by himself. Vol. 2… P. 280–281.
[2014] *Ibid.* P. 269.
[2015] *Ibid.*
[2016] *Медяков А.С.* Между Востоком и Западом… С. 578.
[2017] Memoires of Count Friedrich Ferdinand von Beust written by himself. Vol. 2… P. 262, 280.
[2018] *Ibid.* P. 262, 269.
[2019] *Ibid.* P. 269.
[2020] *Медяков А.С.* Между Востоком и Западом… С. 579.
[2021] *Там же.* С. 554.

сближения с Берлином, за исключением Фундаментальных статей, не оставалось.

Однако стоит согласиться с А.С. Медяковым: «германское влияние сказалось не сразу»[2022]. Об этом свидетельствуют попытки лавирования Франца Иосифа I между разными политическими тенденциями. 14 сентября 1871 г. был созван земский сейм Богемии, на котором был зачитан императорский рескрипт, датированный двумя днями ранее. Монарх признавал права Чешского королевства и соглашался закрепить этот факт коронацией в роли чешского правителя[2023]. Документ также изменял порядок выборов в сеймы империи. По нему уменьшалось количество мандатов в пронемецкой городской курии. Число же мест в курии землевладельцев увеличивалось[2024]. Эти коррективы давали преимущество на местном уровне консерваторам-федералистам, что позднее должно было привести к формированию их большинства в рейхсрате.

В ответ на рескрипт сейм под руководством чешских автономистов сформировал комиссию по доработке австро-чешского соглашения. 9 октября комиссия представила богемскому сейму проекты адреса императору, восемнадцать Фундаментальных статей, нового закона о выборах в сейм, а также закона об охране национальностей. Все проекты были приняты. Немецкоязычное меньшинство ландтага еще перед этими событиями подало протест и удалилось из зала заседаний[2025].

5.5. Фундаментальные статьи: их смысл и значение. Влияние внешнеполитического фактора на их провал

Фундаментальные статьи (или же Основные статьи) – особый документ, если сравнивать его с другими программными наработками

[2022] *Там же.*
[2023] *Urban O.* Česká společnost... S. 251.
[2024] *Kramář K., Tobolka Z.* Op. cit. S. 392.
[2025] *Borovička M. et al.* Velké dějiny... S. 223–224.

Национальной партии. Одна из главных особенностей – Богемия получала новый статус не в рамках единой монархии Габсбургов, а в составе Цислейтании. Чешские политики признавали институт делегаций в монархии, в статьях регулировался порядок участия в них депутатов от Богемии[2026]. Таким образом, Ригер и Клам-Мартиниц – основные авторы австро-чешского соглашения – признавали дуализм и готовы были действовать в рамках сложившейся системы. Это был отход от духа всех предыдущих заявлений, в том числе Декларации 1868 г., и явная уступка правительству.

Общеимперскими делами чехи признавали внешнюю политику, военную сферу, финансовые вопросы, касающиеся общих интересов монархии[2027]. Остальные вопросы уже должны были решаться в рамках австрийской части монархии. По замыслу, она стала бы союзом коронных земель во главе с общим съездом делегатов, призванным решать некоторые вопросы совместного ведения. К ним относились торговля, финансы (в т.ч. государственный долг), монетное дело, транспорт, налоги, гражданство, система военного призыва, транспорт и пути сообщения. Делегаты в новый орган избирались на ландтагах[2028]. Как можно увидеть, к компетенции представителей от сеймов отходил большой ряд весьма существенных для жизни государства вопросов.

Также на уровне Цислейтании создавался сенат – еще один законодательный орган (по сути, верхняя палата парламента). Он должен был регулировать вопросы, «не подходящие для обсуждения на отдельных представительных собраниях»[2029]. Примечательна следующая деталь:

[2026] См. статьи 3–5. 1871, 10. 10. Praha – Fundamentální články // Politické programy… S. 171–173.
[2027] См. статью 1. *Ibid.* S. 171.
[2028] См. статьи 11–12. *Ibid.* S. 173–174.
[2029] К ним относились: проверка и одобрение государственных договоров, которые подготавливались всей империей или одной из ее частей и влекли за собой территориальные изменения; решение на основе конституции споров между съездом делегатов и сеймами о принадлежности различных вопросов, вынесенных на заседание этого органа; подготовка заключений по проектам об изменении конституции; разбор жалоб на министров; высказывание по запросу императора мнения о проблемах, находящихся в компетенции съезда делегатов, и т.д. См. статью 17. *Ibid.* S. 175–176.

количество депутатов определялось важностью земли[2030]. Ригер не раз в своих публичных выступлениях и проектах подчеркивал значение Богемии и чешских земель в целом для монархии, равное Венгрии. Поэтому становится ясно, какая провинция смогла бы направить больше всего представителей.

Систему исполнительной власти в Цислейтании по проекту возглавляло бы общее министерство, ответственное перед съездом делегатов. В него бы входили министры, ответственные за сферы, совпадающие с компетенцией съезда, а также представители от коронных земель – придворные канцлеры или земские министры[2031].

Можно заметить, что земли монархии имели бы ощутимое влияние как на законодательную, так и исполнительную власть в западной половине империи. Во всех трех высших органах власти они бы располагали собственными репрезентантами.

В Фундаментальных статьях отводится место и такому важному вопросу, как соотношение между собой Богемии, Моравии и Силезии. Их политико-административное единство в рамках Габсбургской монархии было одним из главных требований чешской национальной элиты начиная с 1848 г.

В этой связи необходимо обратиться к следующему фрагменту документа. Среди обязанностей императора упоминается забота «о том, чтобы взаимные отношения между землями Чешской короны были урегулированы договорами и чтобы эти земли Чешской короны были по старинному обычаю призваны принять участие в коронации»[2032]. Другими словами, Франц Иосиф I, надевая на себя чешскую корону, становился правителем всех трёх земель, а не только Богемии. Поэтому представители двух других сеймов тоже должны были участвовать в коронационном акте. Идею единства Богемии, Моравии и Силезии можно проследить и в статье, посвященной общему цислейтанскому министерству. В ней указывалось:

[2030] См. статью 17. *Ibid.* S. 175.
[2031] См. статью 13. *Ibid.* S. 174.
[2032] *Ibid.* S. 170.

«высшее руководство делами, относящимися к земскому законодательству, принадлежит <…> в землях Чешской короны придворному канцлеру Чешского королевства»[2033]. Это значит, что придворные канцлеры Моравии и Силезии находились бы в его подчинении.

Однако посыл Фундаментальных статей все же не был однозначен. Во-первых, на съезд делегатов и в сенат, судя по всему, сеймы всех трех земель посылали своих представителей независимо друг от друга (поскольку иного механизма в статьях не прописано). Во-вторых, в Фундаментальных статьях подчеркивается, что они призваны установить новые отношения сугубо между Богемией и императором[2034]. Это, конечно, противоречило Декларации 1868 г.

Таким образом, на символическом уровне, а также в рамках исполнительной власти Чешское королевство представляло бы собой единый субъект. Но в плоскости законодательной власти оно распадалось на Богемию, Моравию и Силезию. Эту двойственность вряд ли можно отнести к положительным сторонам проекта чешско-австрийского соглашения. С нашей точки зрения, она лишь увеличивала громоздкость и без того сложной политической структуры Цислейтании.

Такая неоднозначность в статусе земель короны святого Вацлава, возможно, была результатом активного участия Клам-Мартиница в разработке проекта[2035]. Ведь богемские аристократы-федералисты были против административного объединения Богемии, Моравии и Силезии. При этом их лидер играл одну из ключевых ролей в переговорах с правительством. Период борьбы за Основные статьи стал интересным примером того, как лидер Национальной партии шел в фарватере своего

[2033] См. статью 13. *Ibid.* S. 174.
[2034] *Ibid.* S. 168–171.
[2035] Н.Д. Ратнер даже писала о его решающей роли в этом деле. В.В. Леонова отмечала тот же факт и добавляла, что Фундаментальные статьи «отвечали в большей или меньшей степени интересам всех групп чешской буржуазии». *Ратнер Н.Д.* О проекте австро-чешского соглашения… С. 333. *Леонова В.В.* Политическая борьба в чешском обществе в 60 – начало 70-х гг. XIX в.: дис. … канд. ист. наук: 07.00.03. М., 1985. С. 183.

союзника. Это показательно, т.к. Ригер обычно оставлял для себя роль лидера в отношениях с партнерами.

Важно отметить: Фундаментальные статьи хотя и признавали дуализм, но фактически противоречили Декабрьской конституции с ее идеей централизма для обеих частей Австро-Венгрии. Новые положения не просто ломали структуру высшей исполнительной и законодательной власти Цислейтании, но и меняли весь ее политический ландшафт. При этом переговорщики в Вене заранее пришли к компромиссу, что чешско-австрийское соглашение должно укладываться в рамки существующих конституционных норм. Это несоответствие делало проект старочехов и богемских аристократов-федералистов весьма рискованным. Оно ставило его еще в бóльшую зависимость от политической воли высших сановников австрийской части монархии и императора, пока что позитивно настроенных на новый аусгляйх.

В историографии до сих пор нет единого мнения о том, к чему привели бы монархию Габсбургов Фундаментальные статьи – к федерации или триализму[2036]. С одной стороны, они предполагали создание новой политической системы для всей Цислейтании. С другой, как уже подчеркивалось, их смысл сводился к урегулированию отношений только между императором и Богемией. Эти два тезиса как будто бы вступают в противоречие. Однако второй из них нуждается в крайне важном дополнении.

[2036] Укажем лишь несколько примеров. Советские исследовательницы Н.Д. Ратнер и В.В. Леонова полагали, что принятие Фундаментальных статей приведет к федерализации Габсбургской монархии. Чехословацкий и чешский историк О. Урбан не утверждал, что проект связан с федерализацией Дунайской империи, но прямо доказывал, что он не вел к триализму. Его коллега М. Шестак, напротив, считает, что они концептуально основаны на этой идее. Такого же мнения придерживается Т. Клетечка. Современный российский исследователь А.С. Медяков занимает, можно сказать, примирительную позицию, полагая, что в ближайшей перспективе чешско-австрийское соглашение вело к триализации, а в более отдаленной – к федерализации монархии. Я. Кршен при характеристике Основных статей вводит собственное понятие «субдуализм», акцентируя внимание на их юридическом действии сугубо в рамках Цислейтании. *Ратнер Н.Д.* О проекте австро-чешского соглашения… С. 340; *Леонова В.В.* Указ. соч. С. 183, 193; *Urban O.* Česká společnost... S. 253. *Šesták M.* Austroslavismus // Akademická encyklopedie českých dějin URL: https://aecd.kpsys.cz/media-viewer?rootDirectory=411166&origin=https%3A%2F%2Faecd.kpsys.cz%2Frecords%2F2dfe737d-c105-4908-964e-0e7a1cbbd10f Дата обращения: 14.08.2024. *Клетечка Т.* Указ. соч. С. 77; *Медяков А.С.* Между Востоком и Западом… С. 580; *Křen J.* Dvě století střední Evropy… S. 232.

9 октября 1871 г. на заседании чешского ландтага, на котором рассматривались Фундаментальные статьи, выступил Ф.Л. Ригер – один из их авторов. Он дословно заявил: «Мы хотим учинить дело мира с учетом интересов остальных земель этой монархии, но не желаем решать ни за одну из них. Мы хотим реализовать право на самоопределение для себя и равно распространить его на всех остальных; ту самую автономию, которую требуем для себя, мы хотим предоставить и всем остальным <...>»[2037]. Получается, что нормы Фундаментальных статей должны были открыть путь к соглашению с правительством для других невенгерских земель. Каждая из них могла бы разработать «свои» Фундаментальные статьи. При этом как минимум один раз он упоминал в речи об обновленном, именно федеративном устройстве[2038]. Таким образом, триализм в наработках Ригера и Клам-Мартиница не подразумевался. Впрочем, все это, по нашему мнению, не значит, что Богемия благодаря новому соглашению де-факто не заняла бы лидирующих позиций в Цислейтании.

Крайне характерно, что в выступлении старочеха тема Фундаментальных статей соседствовала с размышлениями по поводу внешней политики преобразованной Австро-Венгрии, ее нового положения на континенте. Ригер видел Дунайскую империю мирным государством, ориентированным на союзы с другими странами и на налаживание с ними экономических связей. А общим принципом на международной арене стала бы сугубо оборонительная линия[2039]. Концептуальная роль монархии Габсбургов в Европе состояла бы в посредничестве между романо-германским и славянским мирами. Поэтому и во внутренней политике она должна была обеспечивать равноправие всех своих народов[2040]. Эти слова являются своеобразным развитием взгляда Палацкого в «Письме во

[2037] Řeči dra. Frant. Lad. Riegra. Díl I. 1868–1878… S. 148.
[2038] *Ibid.* S. 147.
[2039] *Ibid.* S. 148–149.
[2040] *Ibid.* S. 152.

Франкфурт» и «Идее государства австрийского» на предназначение империи. Миссия Габсбургской монархии становилась шире.

Мысли оратора, как мы видим, органично проистекали из предыдущих выступлений руководства Национальной партии (в т.ч. проекта австрофедералистов 1866 г.). Но вот на что стоит обратить особое внимание: по мнению Ригера, федеративный строй мог стать привлекателен для «соседних народов» Габсбургской монархии и потому повлиял бы на них. Чешско-австрийский компромисс и федерализация Цислейтании, рассуждал деятель, поспособствует не только оформлению политических отношений во всей Центральной Европе, но и решению восточного вопроса[2041]. Эти идеи созвучны уже упоминавшимся пассажам из газеты Pokrok (номер от 17 июля 1870) г., а также явно свидетельствуют о сохранявшемся внимании Ригера к Балканам и югославянским народам с 1866–1867 гг. Они перекликаются с его убеждением, что Вена могла бы «обеспечить будущее» югославян (речь в ландтаге в апреле 1867 г.)[2042]. Впрочем, автор не конкретизировал, как именно федерализация Цислейтании могла бы помочь в решении проблем на Балканском полуострове.

В речи Ригера необходимо также выделить слова о положении чехов при потенциально новой конъюнктуре в государстве: «Мы все чувствуем, что политический шаг, к которому мы готовимся, будет иметь большие последствия, что тем самым наш народ присоединится к деятелям политической жизни в Европе, а не только в Австрии. Народ будет сильно влиять на саму Австрию, поэтому будет влиять на дела в Европе»[2043]. В этих пассажах раскрывается еще один смысл и цель чешско-австрийского соглашения. Именно в данном ракурсе, пожалуй, необходимо рассматривать амбиции чехов в рамках монархии Габсбургов. Очевидны не только далеко идущие планы чешской элиты принимать непосредственное участие в осуществлении внешней политики монархии Габсбургов, но и заявить о себе

[2041] *Ibid.* S. 147.
[2042] Řeči Dra. Frant. Ladisl. Riegra a jeho jednání v zákonodárných sborech. Díl IV... S. 226.
[2043] Řeči dra. Frant. Lad. Riegra. Díl I. 1868–1878… S. 154.

на общеевропейской сцене. Особенно ощутимо они проявились в октябре 1871 г.

Что касается младочехов, то они действовали в рамках линии, диктовавшейся старочехами. Известно, что Сладковский на раннем этапе участвовал вместе с ними в переговорах с Шеффле. Министр в своих воспоминаниях называл его среди чешских представителей на пражской встрече в мае 1871 г.[2044] Младочешская фракция Национальной партии поддержала Фундаментальные статьи. Это касалось и голосов в сейме, и публичных заявлений, о чем говорит соответствующая статья в Národní listy[2045]. По данным Н.Д. Ратнер, газета в числе других даже получала некоторые указания от Ригера относительно публикации материалов на эту тему[2046].

В российском представительстве в Вене самым внимательным образом следили за политическими переменами в Дунайской империи. Е.П. Новиков благожелательно воспринял сентябрьский рескрипт Франца Иосифа I. И для этого были основания. Посланник писал в депешах о желании императора урегулировать отношения между центром и Богемией[2047]. Пока речь шла об исторических правах короны святого Вацлава, указывал он, Галиция не могла заявить о каком-либо подобном праве, опираясь на свое прошлое. Тем самым она не могла бы выдвинуть требования, аналогичные чешским[2048]. Примечательно, как дипломат обосновывал недопустимость приобретения Галицией широкой автономии. Он заявлял, что новая политическая система должна проигнорировать «польский элемент как потерпевший неудачу в своей славянской миссии»[2049].

В этом контексте Новиков крайне обеспокоился, когда 10 октября 1871 г. богемский ландтаг проголосовал за Фундаментальные статьи,

---

[2044] *Schäffle A.* Aus meinem Leben. Bd. II… S. 10.
[2045] Vyrovnání // Národní listy. 13.10.1871. S. 1.
[2046] *Ратнер Н.Д.* О проекте австро-чешского соглашения… С. 332.
[2047] Novikow à Westmann, 12/24 octobre 1871 // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 121. Л. 265 (об.) – 266.
[2048] *Там же.* Л. 267–267 (об.).
[2049] Novikow à Westmann, 2/14 octobre 1871 // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 122. Л. 194 (об.).

пересказ которых на французском языке посланник отправил в столицу России[2050]. Хотя они напрямую касались лишь Богемии, чехи, по наблюдениям посла, фактически навязывали свою модель всем невенгерским землям[2051]. «Ригер сказал: ту же (выделено в оригинале – *И.К.*) меру автономии, на которую они претендуют для себя, чехи готовы предоставить и другим частям монархии», – подчеркивал дипломат в депеше[2052].

Данный поворот событий крайне встревожил российского посланника. Он сразу спроецировал ситуацию на Галицию, которая теперь «на общих основаниях федерализма может ссылаться на полное равенство титулов с чешской нацией». Новиков допускал, что местные поляки потребуют автономию, равную чешской, вплоть до создания национальных органов управления и собственного правительства, ответственного перед сеймом[2053].

Российский представитель считал, что Галиция может превратиться в оплот антирусской политики. А поскольку перемены в статусе провинции были бы санкционированы Веной, это неизбежно привело бы к напряжению между двумя державами. Именно поэтому посланник, пересказывая в депеше слова из речи Ригера 9 октября, задавался вопросом: «Не претерпят ли отношения Австрии с Россией за очень короткое время глубокого изменения? Думал ли Ригер, а за ним и Гогенварт об этой ловушке?»[2054]

Новиков неслучайно затронул отношения между двумя державами. На его взгляд, «славянизация Австрии», которая вернула бы чехам и другим народам (кроме поляков) «законную долю влияния», привела бы к солидарности интересов обеих стран[2055]. Однако, с точки зрения дипломата, при прославянском кабинете Гогенварта Австро-Венгрия не только не сблизилась с Россией, но даже отдалилась от нее. «Казалось даже, что холод

[2050] Novikow à Westmann, 2/14 octobre 1871 // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 121. Л. 220 (об.) – 229.
[2051] «Нравится это последним [другим землям Цислейтании] или нет, но они должны смириться с упразднением рейхсрата, признанием конгресса делегатов, введением в министерство своих придворных канцлеров». Novikow à Westmann, 2/14 octobre 1871 // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 121. Л. 231–231 (об.).
[2052] *Там же.* Л. 231 (об.).
[2053] *Там же.* Л. 231 (об.) – 232.
[2054] *Там же*. Л. 232.
[2055] Novikow à Westmann, 2/14 octobre 1871 // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 122. Л. 194 (об.).

между нами усиливался по мере того, как австрийское правительство продвигалось вперед в своей задаче примирения с чехами», – размышлял Новиков[2056]. Такую тенденцию он связывал с деятельностью канцлера Бойста, последовательно стремившегося к сближению с Германией и Италией[2057]. Очевидно, что усилия министра иностранных дел вкупе с возможной автономией Галиции с посыла Гогенварта и Ригера вели к комбинации, совершенно не отвечавшей российским интересам. «Если правда, что чехи преувеличивали свои симпатии к нам, чтобы возбудить ревность своего правительства, и что кабинет Гогенварта, со своей стороны, желал, льстив им, вернуть их в Австрию, то это имело полный успех <…>», – заключал посланник[2058].

Обращая внимание на прагматизм политиков из Богемии, он замечал, что они в благоприятной ситуации повышают политические ставки. Он видел тому несколько подтверждений: пропаганда федерализма, их контакты в Загребе, а также «разведка» в стане участников Раковицкого восстания[2059] и связи с венгерскими левыми политиками[2060]. Если о связях Национальной партии с Народной партией Штросмайера историкам известно хорошо, то о деятельности чехов в среде мятежников-граничар информация фактически отсутствует. То же самое относится к их переговорам с мадьярскими деятелями левого толка[2061]. Поэтому сложно подтвердить или опровергнуть

[2056] *Там же*. Л. 195.
[2057] *Там же*.
[2058] *Там же*. Л. 196 (об.).
[2059] 5 октября 1871 г. граничары начали мятеж в городе Раковиц Огулинского полка Хорватско-Славонской военной границы. В зарождении бунта существенную роль сыграла агитация Хорватской партии права, намеренно использовавшей югославистскую риторику. Семена ее пропаганды упали на благодатную почву. Местное войско было недовольно включением территории восточных полков Военной границы в состав Венгрии с одновременным их роспуском. Также император под воздействием Д. Андраши принял решение о ликвидации в обозримой перспективе института Границы. Восстание состоялось под руководством одного из основателей Хорватской партии права Э. Кватерника и главного редактора правашской газеты Hervatska В. Баха. С помощью восстания Кватерник желал ускорить объединение Хорватии. Однако оно было спонтанным и потому слабо подготовленным. Правительственные войска быстро разгромили мятежников, почти все их руководители погибли. Э. Кватерника же расстреляли сами восставшие, когда узнали, что он на самом деле был противником народняков. *Дронов А.М.* Место Военной Границы в концепциях административно-политического устройства Королевства Хорватии и Славонии… С. 179–182.
[2060] Novikow à Westmann, 2/14 octobre 1871 // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 122. Л. 197 (об.).
[2061] Пфафф, например, прямо пишет о неприязни в Национальной партии к венгерским левым деятелям, которую он объяснял предвзятостью членов объединения к мадьярским политикам как таковым. *Pfaff I.* Francie A Čechy... S. 168.

информацию Новикова. Он, как уже указывалось ранее, в случае распада монархии допускал появление Дунайской конфедерации – единого богемско-венгерского государства[2062]. Такой сценарий его весьма беспокоил, поэтому он пристально наблюдал за мнимым или реальным взаимодействием чешских и венгерских политиков.

Анализируя активную и амбициозную деятельность чехов, Новиков замечал их внимание к внешнеполитическим сюжетам. По его мнению, деятелей из Богемии успокоила сентябрьская встреча Франца Иосифа I и Вильгельма I в Зальцбурге (она как бы символизировала для них признание Дунайской империей новой державы и ее «уход» из Германии). И теперь они «стремятся осуществить под своей гегемонией, заменившей мадьярскую, восточную миссию Австрии, сделав из обновленного скипетра Габсбургов центр притяжения как для западных, так и южных славян»[2063]. Фраза из речи Ригера от 9 октября о том, что федеративное устройство Цислейтании поспособствует решению восточного вопроса, оказалась для Новикова наиболее важной и показательной[2064]. Так появлялся еще один камень преткновения для сотрудничества чехов и России. На беспокойство дипломата накладывалась его уверенность (как и ранее), что при формировании нового правительства Ригер станет либо его членом, либо вдохновителем и «крестным отцом»[2065].

Несмотря на неблагоприятные для России сигналы и общую динамичность политической ситуации в Цислейтании, посланник полагал: «<…> при условии, что наши интересы не будут затронуты в Польше, мы можем, мне кажется, спокойно наблюдать за путаным развитием политики Гогенварта, а чехи пусть играют в великую державу, пока, не пострадав от новых мечтаний, не придут снова протянуть нам руку»[2066]. Своей пометой

[2062] Novikow à Gortchacow, 13/25 mars 1871 // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 122. Л. 62–63. Также см.: Novikow à Westmann, 2/14 octobre 1871 // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 121. Л. 237.
[2063] Novikow à Westmann, 2/14 octobre 1871 // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 122. Л. 197 (об.).
[2064] Novikow à Westmann, 2/14 octobre 1871 // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 121. Л. 235 (об.) – 236 (об.).
[2065] *Там же.* Л. 236 (об.) – 237.
[2066] Novikow à Westmann, 2/14 octobre 1871 // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 122. Л. 198 (об.).

Александр II выразил согласие с такой тактикой. В целом, естественно, российский представитель не считал возможным поддержать Фундаментальные статьи[2067].

Обнародование резонансных законопроектов, их принятие богемским ландтагом еще больше накаляло национальную ситуацию в Цислейтании. Между чешско- и немецкоязычной прессой протекала острейшая полемика[2068]. Как метко подметила Ратнер, одной из причин, по которым Вена пошла на переговоры с чехами, были опасения роста германского влияния в Цислейтании. Однако деятельность кабинета Гогенварта – Шеффле, проект австро-чешского соглашения лишь спровоцировали взрыв пангерманизма в западной части монархии[2069]. Что интересно, в острой борьбе в Цислейтании за утверждение Фундаментальных статей или, наоборот, за отказ от них Новиков видел конфликт не между славянами и австрийскими немцами, а между «феодальным клерикализмом» и «буржуазным парламентаризмом»[2070]. Любопытно и то, что схожую мысль выразил Бисмарк[2071].

После принятия богемским ландтагом адреса императору с приложенными законопроектами (10 октября) Франц Иосиф I оказался в непростой ситуации. Против соглашения с чехами выступали, помимо австронемецкой общественности, мадьярские политики и пресса. Негативное отношение выражали бюрократы-тяжеловесы: члены общеимперского кабинета Ф. Кун фон Куненфельд (военный министр), Ф. Бойст (министр иностранных дел), М. Лоньяи (министр финансов), визави последнего в цислейтанском правительстве Л. Хольцгетан, а также венгерский премьер-министр Д. Андраши. Такого же мнения

[2067] Novikow à Westmann, 8/20 octobre 1871 // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 122. Л. 203 (об.) – 204.
[2068] Об этом см. подробнее: *Scharf C.* Ausgleichspolitik und Pressekampf in der Ära Hohenwart. München, 1996.
[2069] *Ратнер Н.Д.* О проекте австро-чешского соглашения… С. 347.
[2070] Novikow à Westmann, 2/14 octobre 1871 // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 121. Л. 240–240 (об.).
[2071] «Бисмарк предпочел увидеть в кризисе не столько национальный аспект, сколько социальный – противостояние либералов “консервативно-феодальной партии” и ее союзникам – ультрамонтанам и социалистам». *Медяков А.С.* Между Востоком и Западом… С. 578.

придерживались многие члены Палаты господ[2072]. Внушительная оппозиция в высшем чиновничестве дополнялась неприятными общественными событиями: венским съездом австронемецких либералов (17 сентября), студенческой обструкцией в Венском университете (9 октября) в адрес правительства Гогенварта (на контрасте с овациями Бойсту), открытое выступление нижнеавстрийского ландтага против соглашения с чехами вкупе с критикой в адрес монарха (10 октября)[2073].

При такой крайне напряженной политической обстановке император начал сомневаться в правильности текущего курса. Пользуясь этим, министр иностранных дел оперативно составил для правителя меморандум (13 октября). Отчасти в нем повторялись аргументы из аналогичного майского документа.

Сановник обращал внимание правителя, что соглашение с чехами самым негативным образом отразится на австро-венгерской внешней политике. По его мнению, на смену единым и четким принципам в этой сфере придет ворох национальных и провинциальных интересов и споры о них. В результате иностранные кабинеты потеряют доверие к Вене[2074]. Между тем Фундаментальные статьи провоцируют жесткие протесты австрийских немцев, а их радикальный национализм может привести к поиску помощи за границей, т.е. в Германии. Это вызовет недовольство последней (что выглядит убедительно ввиду слов Вильгельма I и Бисмарка на встречах в Гаштейне и Зальцбурге)[2075]. Помимо опасностей, связанных с Берлином, Бойст предостерегал Франца Иосифа I и по поводу осложнений в контактах с Санкт-Петербургом. Ведь, по словам канцлера, последствием аусгляйха с чехами станет аналогичное урегулирование отношений с

[2072] *Tobolka Z.* Op. cit. S. 265–267.
[2073] *Ibid.* S. 264, 269.
[2074] *Tobolka Z.* Op. cit. S. 268.
[2075] *Urban O.* Česká společnost… S. 255.

Галицией. Подобное развитие событий совершенно резонно вело бы к протестам со стороны России[2076].

Позицию Бойста можно также дополнить данными из его воспоминаний. Он подчеркивал, что внешняя и внутренняя политика государства должны быть в гармонии друг с другом. Успех первой обеспечивается твердостью и последовательностью второй. Однако в текущий момент обе находились во взаимном противоречии: «наша внешняя политика была строго немецкой, тогда как внутренняя политика была совершенно антинемецкой; и, естественно, сопротивление Германии антинемецкой внутренней политике нашло поддержку в немецком духе нашей внешней политики»[2077]. Министр был убежден, что это противоречие мешает достижению главной, по его мнению, цели для Вены на международной арене – появлению блока в составе Австро-Венгрии, Германии и Италии[2078].

Император принял во внимание аргументы сановника. По нашему мнению, меморандум можно отнести к одному из факторов, который ощутимо повлиял на провал Фундаментальных статей. Внешнеполитическое ведомство Австро-Венгрии в лице его главы стало главным противником их реализации. Осенью 1871 г. произошло открытое столкновение не только идеи дуализма (вкупе с концепцией централизма в рамках Цислейтании) и федерации. Фактически поднимался вопрос о будущем австро-венгерской зарубежной политики: останется ли в приоритете сближение с Берлином или же Вена должна сойтись с Россией и Францией на антигерманской почве. В этом тоже состоит косвенное значение Фундаментальных статей. Впрочем, стоит отметить, что в воззрениях Бойста и венгров с одной стороны и руководства Национальной партии и Шеффле с другой был важный общий момент. Все они выступали за поворот внешней политики на Восток и

[2076] *Tobolka Z.* Op. cit. S. 268.
[2077] Memoires of Count Friedrich Ferdinand von Beust written by himself. Vol. 2… P. 254.
[2078] *Urban O.* Česká společnost… S. 255.

усиление влияния на Балканах[2079]. По этому поводу никаких противоречий не было.

Итак, из-за лавирования между линиями Бойста и Гогенварта – Шеффле Франц Иосиф I оказался перед непростым выбором. 16 октября монарх инициировал предварительное совещание общеимперских министров. На нем глава МИД вновь говорил об угрозе текущему внешнеполитическому курсу монархии и приводил в пример «выдающегося члена богемского ландтага доктора Ригера, который утверждает, что французская политика монархии должна иметь совершенно другие основы»[2080]. По всей видимости, министр ссылался на Промеморию, которая после сближения Австро-Венгрии и Германии стала неопровержимым свидетельством альтернативного чешского взгляда на международную линию Вены.

20 октября состоялось заседание большого совета, на котором присутствовали также члены цислейтанского кабинета и венгерский премьер-министр Д. Андраши. Дискуссии длились пять часов[2081]. Гогенварт и Бойст вновь высказали свои точки зрения. Важен был также голос Андраши, который выступал против Фундаментальных статей. Он высказывал опасения, что «Прага ожесточает хорватов против Венгрии». Мадьярский истеблишмент видел в антивенгерских настроениях местного славянского населения непосредственную связь с событиями в Цислейтании[2082]. Кроме этого, граф боялся (не без оснований), что славянские деятели в восточной половине монархии по примеру чехов захотят ликвидировать централизм в Транслейтании. Андраши не был заинтересован в какой-либо «коррекции» Соглашения 1867 г., столь выгодного для венгров[2083]. Что касается внешнеполитических сюжетов, то 19 октября на аудиенции у Франца Иосифа

[2079] Что касается позиции Шеффле по этому вопросу, то еще в беседе с императором 24 октября 1870 г. он заявил, что в случае проведения всех необходимых преобразований монархия Габсбургов сможет «целиком и полностью исполнить свое призвание на Востоке». *Schäffle A.* Aus meinem Leben. Bd. I… S. 205.
[2080] Из протокола заседания совета. Цит. по: *Pfaff I.* Francie a Čechy... S. 157.
[2081] *Urban O.* Česká společnost… S. 255.
[2082] *Ратнер Н.Д.* О проекте австро-чешского соглашения… С. 348–349.
[2083] *Tobolka Z.* Op. cit. S. 266–267.

I венгерский деятель подчеркнул опасность для Австро-Венгрии чешской антигерманской линии. Он отметил, что в этом случае произойдет взрыв ирредентистских настроений среди австрийских немцев. И тогда даже позиция Бисмарка не сможет стать препятствием для нового этапа в объединении Германии[2084]. Таким образом, в области международных отношений его точка зрения была созвучна с мнением Бойста.

Заседание большого совета фактически закончилось ничем, поскольку вечером император прервал его, так и не выразив своей собственной позиции. Гогенварт почувствовал, что события разворачиваются не в его пользу, и отправил телеграмму Ригеру и Клам-Мартиницу, призвав их в Вену. 22 октября Франц Иосиф I принял сторону противников австро-чешского соглашения. 24 октября оба политика из Богемии, а также А. Пражак и его сподвижник Э. Белькреди прибыли в столицу. Там они осознали, что все их предприятие близко к краху[2085]. В этой критической ситуации Ригер мог возлагать последние надежды на помощь Франции и России.

Ранее уже указывалось, что руководитель Национальной партии в июне 1871 г. писал Лефевру, в котором просил Францию поддержать требования чешских политиков. Бывший консул, можно сказать, был вдохновлен чешскими переговорами с Веной. В письме старочешскому лидеру от 24 октября 1871 г. он сообщал, что обратился за помощью к Л. Гамбетта. Тот уже не состоял в правительстве, но все еще имел там влияние. Автор письма просил политика убедить министра иностранных дел Ф. де Ремюза помочь чехам. Гамбетта согласился, при этом собирался напомнить чиновнику о чешской Промемории[2086]. Лефевр был настолько уверен в удачном исходе переговоров, что в послании рассуждал даже об открытии французского консульства в Праге. Также он спрашивал мнения

[2084] *Wertheimer E.* Graf Julius Andrássy, sein Leben und seine Zeit, nach ungedruckten Quellen. Bd. 1. Stuttgart, 1910. S. 590.
[2085] *Urban O.* Česká společnost… S. 255–256.
[2086] 1871 říjen 24. Versailles. – Lefaivre Riegrovi // Příspěvky k listáři Dra Fr. Lad. Riegra. Díl 1... S. 240.

Ригера на этот счет[2087]. Ремюза, как можно судить, тоже придерживался прочешской позиции. В письме к Гамбетта от 27 октября 1871 г. он писал: «Короче говоря, Австрийская монархия находится в том состоянии, как вы его описываете, и сам дуализм должен открыть пространство для федералистского тренда, который сегодня проявляется»[2088]. Однако стоит обратить внимание, что наблюдения Лефевра и Ремюза уже были попросту неактуальны: 22 октября Франц Иосиф I высказался против соглашения с чехами. Такая несвоевременность и крайне позитивные рассуждения показывают, что оба француза не владели оперативной информацией и не знали о новой расстановке сил в Вене. Данный факт, конечно, не свидетельствует об их сильной позиции в этом сложном деле. Кроме того, прочешское «лобби» в Париже наталкивалось на противодействие со стороны других официальных лиц.

Во-первых, как уже говорилось ранее, во французском посольстве в Австро-Венгрии с симпатией относились к Вене. В представительстве полагали, что успехи чехов толкают монархию Габсбургов на более тесную связь с Берлином, и это, соответственно, противоречит интересам Франции. Во-вторых, в Париже также были заинтересованы в сближении с Россией. Еще 7 сентября 1871 г. в своем донесении Баннвилль докладывал, что разговаривал на этот счет с Новиковым. Тот уверил его, что между российскими и французскими интересами нет противоречий – при условии, что польский вопрос между странами не поднимается[2089]. Очевидно, что если бы в посольстве Франции в Вене поддержали Фундаментальные статьи, затрагивающие в ближайшей перспективе статус Галиции, это бы вызвало в Санкт-Петербурге раздражение. В итоге в депеше от 9 октября 1871 г. (накануне одобрения богемским ландтагом Фундаментальных статей)

[2087] *Ibid.* Э. Пико тоже ранее писал С. Пинкасу (4 августа 1871 г.), что воодушевлен потенциальным чешско-австрийским аусгляйхом и уже видел себя консулом в столице Богемии. *Reznikow S.* Op. cit. S. 141.
[2088] Цит. по: *Ibid.*
[2089] *Pfaff I.* Francie a Čechy... S. 171.

Баннвилль обозначил себя применительно к чешской национальной борьбе как нейтрального наблюдателя[2090].

Сыграла важную роль и личная позиция президента А. Тьера, который был знаком с Ригером. В разговоре с дипломатическим представителем Австро-Венгрии (17 октября) он раскритиковал чехов за недальновидность. По его мнению, их усилия вели к ослаблению Дунайской империи – единственной опоры для чешского национального движения при текущем напоре пангерманизма[2091]. По донесению австро-венгерского посольства (18 октября), глава республики говорил о «крайних, безусловно неполитических чешских претензиях», «ложных, разлагающих принципах национальной идеи», «требовании чешскими славянами положения, которое им никак не может принадлежать и которое является лишь опасным фантомом»[2092]. Тьер был против изменений в устройстве монархии Габсбургов и блокировал инициативы во Франции в пользу чешских политиков[2093]. Неслучайно Ригер уже позднее, по воспоминаниям его дочери, отмечал, что, подобно Тайандье, Тьер «с большим трудом» понимал чешский вопрос[2094]. Как считает Пфафф, донесение австро-венгерского посольства, дошедшее до Бойста в самый подходящий для него момент острого кризиса, укрепило позиции министра в борьбе с Гогенвартом[2095].

Что касается России, то в день заседания большого совета Новиков написал: «<…> у нас не было бы причин сожалеть об этом провале [Фундаментальных статей]; скорее, он мог бы вернуть нам пражских интриганов[2096], которые в опьянении от первого успеха смогли на мгновение поверить, что славянский мир позволил бы себе возродиться без помощи

[2090] *Ibid.* S. 172–173.
[2091] *Ibid.* S. 173.
[2092] *Ibid.*
[2093] *Ibid.* S. 162.
[2094] Zápisky M.Č.R., 23. srpna r. 1886 // Příspěvky k listáři dra Frant. Lad. Riegra. Díl II. Z let 1872 až 1903 / Ed. J. Heidler. Praha, 1926. S. 287.
[2095] *Pfaff I.* Francie a Čechy... S. 174
[2096] Надо сказать, что в оригинале Новиков использовал французское слово *les faiseurs*, которое имеет целый спектр значений: «интриганы», «аферисты», «хвастуны», «любители».

России <…>»[2097]. В этих словах объединены две мысли Новикова, уже мелькавшие в депешах. Во-первых, это агрессивное отношение к каким-либо славянским проектам без руководящего участия в них «северного колосса». Речь шла о том, чтобы не допустить нарушения своеобразной монополии. Во-вторых, в пассажах дипломата можно увидеть и стремление не выпускать чехов из определенной зоны своего влияния. Повторное упоминание этих идей лишний раз свидетельствует, насколько важными они были для российского представителя. Одновременно он продолжал следить за политическим климатом в Цислейтании. Анализируя острую полемику между чешско- и немецкоязычной прессой, Новиков полагал, что лучшее средство для преодоления кризиса в монархии – это возврат к абсолютизму[2098].

Очевидно, что российские дипломаты не собирались помогать чехам, и мотивы такого бездействия лежали на поверхности. Однако крайне необходимо обратиться к двум встречам посланника с деятелями из Богемии. Расчет Новикова оказался абсолютно верен: чехи, ободренные изначальным успехом на переговорах, в конце концов начали терять под ногами почву и стали взирать на Россию, занявшую выжидательную позицию. Отчеты о беседах с ними содержат новые данные относительно переговоров с правительством Гогенварта и чешского взгляда на настоящее и будущее австро-венгерской внешней политики.

В один из решающих дней конца октября Новикова посетил граф Ян Гаррах – аристократ, представитель Партии консервативного велькостатка. Он покровительствовал чешским национально мыслящим деятелям и содействовал развитию чешской культуры. Дворянин был близко знаком с членами Национальной партии, в том числе с ее лидерами. В мае 1871 г. он участвовал в пражской встрече с А. Шеффле. Она проходила как

[2097] Novikow à Westmann, 8/20 octobre 1871 // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 122. Л. 204.
[2098] Novikow à Westmann, 8/20 octobre 1871 // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 121. Л. 257.

раз во дворце графа[2099]. Это был человек, имевший отношение к переговорам между чехами и имперским центром.

Начало беседы показывает, что Гаррах на фоне судьбоносного политического момента намеревался быть до конца откровенным с послом и выложить карты на стол. Он заявил, что в Праге надеялись завоевать российские симпатии путем преобразования Габсбургской монархии, ликвидировав в ней австронемецкую и венгерскую гегемонию и сблизив Вену и Санкт-Петербург. Конечно, аристократ признавал, что в столице империи и Пеште есть противники австро-чешского соглашения. Однако он будто не придавал им значения. Новиков следующим образом передал слова Гарраха: «в тот день, когда партия [австро-чешского] Аусгляйха будет призвана в правительство (нынешнее министерство является только переходным), ничто не помешает ей протянуть руку нам [т.е. России] по всем внешним вопросам, в том числе и по вопросу о Востоке, где наши намерения были до настоящего времени объектом неизбежного и несправедливого недоверия». Взамен, как ожидалось, Россия будет уважать целостность Австро-Венгрии[2100].

Из этого свидетельства можно сделать несколько важных выводов. Во-первых, посланник был прав, ранее предполагая, что в случае утверждения Фундаментальных статей Ригер либо войдет в правительство Цислейтании, либо станет его вдохновителем. Во-вторых, депеша прямо указывает: успех старочехов и аристократов-федералистов открыл бы им дорогу в центральные органы западной половины монархии. Они бы получили доступ к рычагам власти, в том числе в дипломатической сфере. Наконец, заявления Гарраха о внешнеполитических аспектах ясно дают понять: он пришел к Новикову торговаться, предлагая России поддержать Фундаментальные

[2099] *Schäffle A.* Aus meinem Leben. Bd. II… S. 10.
[2100] Novikow à Westmann, 12/24 octobre 1871 // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 121. Л. 264 (об.) – 265.

статьи в обмен на содействие ее интересам на Балканах[2101]. По всей видимости, в момент разговора обоих деятелей (24 октября) чехи еще не знали, что Франц Иосиф I двумя днями ранее поддержал (пока непублично) противников нового аусгляйха. Предложения Гарраха свидетельствуют, что он оставался в неведении. Тот факт, что Новиков их проигнорировал (об этом посланник упомянул в донесении[2102]), показывает, что Россия не допускала никакой сделки с чехами.

Комментируя утверждения собеседника, дипломат дежурно говорил о неизменных российских симпатиях в адрес австрийских славян и добрососедских отношениях между двумя державами. Однако затем он прямо выразил свое непонимание, почему чешские политики не стали ограничиваться урегулированием отношений сугубо между Богемией и Веной (в духе рескрипта от 12 сентября 1871 г.), а начали продвигать идею федерализованной Цислейтании. В этой связи российский представитель вспомнил о речи Ригера 9 октября и отметил, что преобразованное государство будет иметь экспансионистский и «пропагандистский» характер. «Что же касается России, то мы могли только всеми силами отразить столь грубую [фр. *malsonnant*] инсинуацию», – заключил он в донесении[2103]. Александр II полностью согласился с этими словами.

На ответную реплику Гарраха стоит обратить пристальное внимание. Он согласился с позицией Новикова и заявил, что изначально политики из Богемии собирались добиться лишь признания чешского исторического права «и создать для себя привилегированное положение, как Венгрия, не посягая на статус других земель Австрии». Именно правительство

[2101] При анализе заявлений Гарраха по поводу Балкан может возникнуть справедливый вопрос: были ли они его личной инициативой? Возможно, что да. По данным О. Урбана, Гогенварт призывал Ригера и Клам-Мартиница срочно ехать в Вену 20–21 октября, не давая никаких конкретных объяснений. Он лишь упоминал о большой серьезности складывающейся ситуации. Как уже указывалось, неосведомленные политики приехали лишь 24 октября – как раз в день разговора Гарраха и Новикова. Им еще предстояло погрузиться в меняющиеся политические условия. Вероятно, именно поэтому в такой критический момент в посольство России не отправился Ригер, много раз контактировавший с его главой. *Urban O.* Česká společnost... S. 255.

[2102] Novikow à Westmann, 12/24 octobre 1871 // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 121. Л. 265–265 (об.).

[2103] Novikow à Westmann, 12/24 octobre 1871 // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 121. Л. 266.

Гогенварта настояло на том, что необходимо установить своего рода «общий стандарт» для всех земель Цислейтании. При этом, замечал аристократ, «чистый федерализм вскоре уступит место системе групп, подчиняющихся историческому сходству». В пример он привел такую группу, как Богемия, Моравия и Силезия[2104].

Итак, перед нами открывается существенная деталь переговоров между чехами и Веной. Именно в цислейтанском кабинете настояли на проекте федерализации западной части монархии. По этому поводу уместно вспомнить, что с такими идеями Шеффле и пришел в правительство Гогенварта[2105]. Еще 24 октября 1870 г. на аудиенции у Франца Иосифа I он заявил: «Когда в немецких и чешских коронных землях будет установлена справедливость, мадьяры должны будут прекратить угнетение трансильванцев, словаков, хорватов, сербов и румын, а поляки – насилие над русинами, если они не хотят рисковать тем, что при неизбежном введении всеобщего избирательного права рухнет искусственный карточный домик их превосходства. Центр тяжести объединенной монархии (нем. *die Gesamtmonarchie*) тогда не будет находиться в Пеште, император станет центром власти во всех **четырех или пяти группах земель** (выделено мной – *И.К.*) <…>»[2106]. Важно оговориться: Шеффле не конкретизировал, что это за группы и какое они имели бы политико-административное положение в Габсбургской монархии после желаемых преобразований. Исследователям неизвестно, обсуждалась ли эта идея позднее. Тем не менее по духу они близки размышлениям Гарраха о «системе групп, подчиняющихся историческому сходству». В таком случае Фундаментальные статьи могли стать попыткой Шеффле реализовать собственные замыслы[2107].

[2104] *Там же.* Л. 266 (об.) – 267.
[2105] *Schäffle A.* Aus meinem Leben. Bd. I… S. 182–183, 200–201; *Schäffle A.* Aus meinem Leben. Bd. II… S. 27.
[2106] *Schäffle A.* Aus meinem Leben. Bd. I… S. 205.
[2107] Следует уточнить, что чешское историческое право Шеффле изначально не признавал и считал его сомнительным с юридической точки зрения. Он называл эту концепцию «едва ли не руинами старого земского территориализма». *Ibid.* S. 194; *Schäffle A.* Aus meinem Leben. Bd. II… S. 11.

Новиков, выслушав Гарраха, естественно, выразил опасения, что галицийские деятели по примеру чешских начнут требовать от Вены широкой автономии в рамках федерации[2108]. Тот в свою очередь попытался разубедить посланника: антироссийские настроения поляков будут сдерживаться за счет русин, населяющих восточную часть Галиции. По его заверениям, политики из Богемии поэтому хотят распространить действие своего закона об охране национальностей также на эту коронную землю[2109]. Трудно поверить, что такая акция могла бы стать успешной[2110]. Однако стоит зафиксировать, что впервые чешская сторона попыталась дать конкретный ответ на замечания Новикова по поводу самоуправления Галиции и предложить решение этого вопроса.

Дипломат не считал, что доводы Гарраха коренным образом повлияют на ситуацию в провинции. По его мнению, поляки все равно останутся хозяевами в западной части Галиции, а вся полнота административной власти («право полицейского управления», как говорилось в депеше) позволит им изменить в худшую сторону взаимоотношения между Веной и Санкт-Петербургом, даже несмотря на усилия общеимперского правительства[2111]. «Несомненно!» – прокомментировал эту мысль Александр II. Интересно, что официальная России именно этим обстоятельством обосновывала свою позицию против галицийской автономии – риском негативного влияния поляков на взаимоотношения двух держав. О том, что их соотечественники, живущие на западных окраинах Российской империи, могут воспринять новый статус Галиции как сигнал для усиления национальной борьбы, речи не заходило. Гаррах согласился с точкой зрения посланника и пообещал

[2108] Novikow à Westmann, 12/24 octobre 1871 // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 121. Л. 267–268.
[2109] *Там же.* Л. 268.
[2110] Русинские депутаты лембергского ландтага, ознакомившись с проектом закона об охране национальностей, стали говорить о необходимости его реализации в Галиции. Однако эти требования ни к чему не привели. Более того, они способствовали негативному отношению польских землевладельцев к чешско-австрийскому соглашению. *Ратнер Н.Д.* О проекте австро-чешского соглашения… С. 350.
[2111] Novikow à Westmann, 12/24 octobre 1871 // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 121. Л. 268–268 (об.).

распространять ее среди своих чешских коллег. Сам же он плохо отозвался о поляках[2112].

Резюмируя общий итог встречи, глава посольства написал в донесении: «Поняв в дальнейшем ходе нашей беседы, что он [Гаррах] не потерял всякой надежды на благоприятный исход “аусгляйха”, я не хотел лишать его иллюзий, которых не разделял, но позволил себе высказать мнение, что чехам лучше пойти на компромисс [видимо, с противниками Фундаментальных статей], чем упорствовать в своих отказах»[2113].

Визит богемского аристократа в российское посольство стал последней возможностью как-то повлиять через Россию на решение Вены по поводу Фундаментальных статей. Вечером 25 октября правительство Гогенварта подало в отставку, его последнее заседание состоялось через два дня[2114].

28 октября лидер Национальной партии встретился с руководителем российской дипломатической миссии. Вероятно, помимо желания посвятить его в детали конфликта в правительственных кругах[2115], Ригер лично хотел понять позицию России в борьбе чехов за Основные статьи.

По мнению посланника, чешский вопрос (очевидно, в отличие от польского) целиком относился к внутренней политике Австро-Венгрии. Кроме этого, он рассматривался непосредственно «под эгидой императора», что дополнительно осложняло ситуацию. «Находясь в первом ряду, мы живо интересуемся представлением, но не выходим на сцену <…>», – отмечал Новиков[2116]. Российский представитель заверял Ригера, что нейтралитет Санкт-Петербурга и есть услуга чешскому национальному делу, поскольку он лишает Германию предлога для вмешательства»[2117]. Опытный дипломат

[2112] «Что до него [Гарраха], то он считал этот народ неисправимым, а всякий договор, который с ним заключали, – дурной услугой славянскому делу <…>». *Там же.* Л. 269.
[2113] *Там же.* Л. 269–269 (об.).
[2114] *Urban O.* Česká společnost… S. 255–256.
[2115] О них Ригер действительно поведал дипломату, что зафиксировано в депеше. Примечательно, что, несмотря на отказ Новикова поддержать Фундаментальные статьи, старочешский лидер по-прежнему стремился держать его в курсе событий. Novikow à Westmann, 16/28 octobre 1871 // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 121. Л. 276–282.
[2116] *Там же.* Л. 282.
[2117] *Там же.*

уже не в первый раз пытался убедить своего собеседника, что действия России, которые не соответствуют ожиданиям чехов, на самом деле идут им на пользу. Однако держава, естественно, в первую очередь преследовала свои собственные интересы.

Глава посольства также обозначил Ригеру поводы для опасений вокруг Фундаментальных статей: отказ от духа рескрипта 12 сентября 1871 г., стремление к федерализации Цислейтании и статус Галиции в новых реалиях. Вождь Национальной партии в ответ сказал то же самое, что и Гаррах: политики из Богемии неохотно отказались от требований о признании Веной лишь чешского исторического права. Их принудило к этому правительство, стремившееся выработать общую модель автономии для всех провинций в западной половине монархии[2118]. Кроме этого, отход от изначального проекта диктовался тактическими соображениями. Фундаментальным статьям (опять же по настоянию кабинета) предстояло пройти через рейхсрат, и им как конституционному закону требовалось получить две трети его голосов. Для этого нужно было чем-то привлечь на свою сторону депутатов[2119]. Предложение самоуправления всем землям Цислейтании и стало бы необходимой уступкой[2120]. При этом между чешской стороной и Гогенвартом существовала устная договоренность: в будущем федерация сведется лишь к четырем группам земель – чешской, австронемецкой, иллирийской и галицийской[2121].

Данное свидетельство крайне важно, поскольку исследователям приоткрывается еще один важный поворот в переговорах между чехами и Веной, как и очередной скрытый аспект Фундаментальных статей. Их последствием в долгосрочной перспективе должна была стать не просто федерализация Цислейтании, а ее устройство в духе проектов Ф. Палацкого.

[2118] *Там же.* Л. 283 (об.).

[2119] Шеффле отмечал в своих воспоминаниях, что «Фундаментальные статьи были вовсе не окончательным соглашением об аусгляйхе, а лишь выражением того, что́ в крайнем случае могло быть предоставлено декларантам, если бы представители других коронных земель Цислейтании согласились». *Schäffle A.* Aus meinem Leben. Bd. II… S. 13.

[2120] Novikow à Westmann, 16/28 octobre 1871 // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 121. Л. 283 (об.) – 284.

[2121] *Там же.* Л. 284.

Наглядно можно увидеть, что ради этого чешские политики были готовы пойти, по сути, на политическую махинацию. Членам рейхсрата была бы обещана автономия всех земель, однако о дальнейших административно-территориальных преобразованиях пока следовало умалчивать. Все эти детали показывают, что анализ лишь текста Фундаментальных статей не ведет к полному пониманию их смысла и назначения.

В разговоре с Новиковым Ригер не отказывался от своих слов в речи от 9 октября. Он пытался убедить дипломата, что федерализм не может иметь агрессивный характер, его суть – оборона[2122]. Парадоксально, однако далее старочех будто бы сам себе противоречил, поскольку заявил, что «если Австрия когда-либо была в состоянии требовать компенсаций, она могла найти их только на Востоке»[2123]. Конечно, такой посыл шел вразрез с российскими интересами на Балканах, и его можно рассматривать как своего рода декларацию о намерениях. Поражают следующие слова Ригера, сказанные официальному представителю главного конкурента Австро-Венгрии в этом регионе. Он признался, что неслучайно заговорил на заседании богемского ландтага о влиянии федеративного устройства на соседние народы. «Зная, что одно из вожделенных мечтаний императора состояло в присоединении Боснии и Герцеговины, я хотел вложить свои слова в сердце его величества. Я тешил себя иллюзией, что наши иллиры когда-нибудь смогут стать центром притяжения для южных славян. Понятно, что если они продолжат мадьяризироваться, то смогут произвести лишь отталкивающий эффект на родственные народы»[2124]. Таким образом, цислейтанский федерализм должен был поспособствовать югославянскому ирредентизму и, как следствие, экспансии Вены на Балканы.

Становится ясно, что Ригер в период борьбы за Фундаментальные статьи хотел привлечь Франца Иосифа I на свою сторону, суля ему внешнеполитические выгоды от проекта федерации. Интересно, как лидер

[2122] *Там же.* Л. 285 (об.).
[2123] *Там же.* Л. 286.
[2124] *Там же.* Л. 286–286 (об.).

Национальной партии стремился сыграть на аппетитах монарха на международной арене. Но важно понимать, что старочех и сам выступал за усиление Австро-Венгрии на Балканском полуострове, причем как минимум с 1866 г. Любопытно наблюдать, как эволюционировали чешские симпатии к иллиризму со времен К. Гавличека. Для лидера Национальной партии он (и шире славянская взаимность) становился инструментом для геополитического усиления Дунайской империи. Неслучайно старочешский Pokrok (а затем и Národní listy) приветствовал Люблянский съезд югославян (1–3 декабря 1870 г.), который декларировал их стремление к объединению[2125].

Всё сказанное Ригером Новикову вступает в противоречие с его другими устными заявлениями и положениями из ранее подписанных документов: с тезисом об оборонительном характере полностью или частично федерализованной Габсбургской монархии (проект австрофедералистов 1866 г.; речь на богемском ландтаге 9 октября 1871 г.), с нравственно-этическим посылом Промемории (декабрь 1870 г.), со словами о российской миссии на Востоке (июнь 1871 г.). Также позиция Ригера перечеркивает предложения Гарраха в адрес дипломата о политическом торге. Удивительно, конечно, как много внимания чешская национальная верхушка уделяла внешнеполитическим сюжетам в это время.

Как и в случае с богемским аристократом, Новиков не принял «странные откровения о Востоке» своего собеседника. Он лишь заметил, что федерализация австрийской части монархии может спровоцировать не

[2125] Pokrok указывал, что идея объединения австрийских югославян появилась в стенах загребского сабора еще в 1848 г. Газета добавляла, что «такая славянская группа, свободно живущая собственной политической жизнью, не была бы лишена эффекта притяжения для зарубежных югославян и могла бы стать основой для удачного разрешения восточного вопроса». Таким образом, нарратив, который использовал Ригер в октябре 1871 г., появился в старочешской среде ранее. До недавнего времени, отмечал далее печатный орган, «вялая политика югославянских депутатов невольно обеспечивала господство своих противников над собой и славянами вообще». Объединение югославян, надеялось издание, будет ответом на «цислейтанизм», а также на пангерманизм австронемецких конституционалистов. Статья в Národní listy носила куда более возвышенный и восторженный характер. Встреча в Любляне трактовалась в духе чистого всеславянства и сравнивалась в позитивном ключе со Славянскими съездами 1848 и 1867 гг. Jihoslovanský sjezd v Lublani // Pokrok. 10.12.1870. S. 1. Sjednocení-se Slovanův jižních // Národní listy. 15.12.1870. S. 1.

столько югославянский ирредентизм, сколько польский[2126]. В ответ на это Ригер ограничился общими рассуждениями о том, что «конгломерат народов, такой как Австрия, не может иметь независимой национальной политики». И ему (конгломерату) теперь придется полагаться либо на Германию, либо на Россию[2127]. Думается, такие расплывчатые комментарии по одному из важнейших для Новикова вопросов вряд ли его устроили. Ригер так и не смог разрешить дилемму «галицийская автономия – интересы России» и предложить решение, которое бы устроило все стороны.

Посланник не записал, чем закончилась его беседа с руководителем Национальной партии. Однако вот как он передал от нее свое впечатление: «<…> я не ошибся, приписывая Гогенварту и чешским вождям утопию славяно-дунайской федерации, которая должна быть создана под скипетром Габсбургов. Но чего я не знал, так это того, что чехи по своей наивности полагали, что могут рассчитывать на нашу моральную помощь, ценой не знаю чему равной, отличаясь этим от венгров, преследующих реализацию этого кошмара против нас при поддержке Германии»[2128]. Показательна и реакция российского императора: «Я в этом никогда не сомневался!» Чуть позднее дипломат изложил схожую оценку, но немного с другими акцентами: «<…> что бы ни говорил Ригер, мне кажется, что министр Гогенварт хотел сделать Австрию великой восточной державой и заменить в этой роли Россию с помощью славян, подобно тому, как Андраши преследует ту же цель под мадьярским флагом»[2129]. Здесь уже посланник критикует не столько чехов, сколько цислейтанский кабинет. Также с точки зрения геополитики речь уже шла именно о балканском регионе. Славяне же выступали как средство для осуществления экспансии.

Итак, попытки Ригера привлечь возможных союзников непосредственно к решению чешского вопроса потерпели крах. А 30 октября

[2126] *Там же.* Л. 286 (об.).
[2127] *Там же.* Л. 286 (об.) – 287.
[2128] *Там же.* Л. 287–287 (об.).
[2129] Novikow à Westmann, 18/30 octobre 1871 // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 122. Л. 214 (об.) – 215.

1871 г. был подготовлен императорский рескрипт. В соответствии с ним декларировалась неизменность принципов Декабрьской конституции, игнорировались также любые проявления чешского исторического права. Фундаментальные статьи и сопутствующие законопроекты должны были поступить на рассмотрение в рейхсрат. Самоустранение монарха, от воли которого зависел весь успех чешско-австрийского соглашения, означало неминуемый крах проекта. В тот же день Новиков писал об окончании «полусмешной-полугрустной драмы примирения с чехами», при этом России «не на что жаловаться»[2130]. По мнению автора депеши, оставалось лишь сожалеть об ударе по престижу власти в монархии Габсбургов в условиях внутриполитической нестабильности[2131]. То же самое говорилось и об обострении «славяно-германского вопроса» в рамках Европы[2132].

По словам А.С. Медякова, «с точки зрения международного положения Австро-Венгрии важнейшим результатом кризиса стала ликвидация последнего препятствия к сближению с Германией»[2133]. Историк подчеркивает, что зависимость между дуализмом внутри империи и «австро-германской связью» в этот момент стала очевидной[2134].

4 ноября 1871 г. собрался земский сейм Богемии, на котором депутаты выслушали рескрипт императора от 30 октября. Так как большинство мест в ландтаге имели федералисты, то они раскритиковали документ и отказались отправлять своих представителей в парламент (8 ноября). Тактика пассивной оппозиции продолжилась. Все вернулось к тому, с чего началось.

Отзвук чешских неудач дошел и до Хорватии. Поражение Национальной партии привело в уныние Штросмайера и его соратников. К началу 1872 г. народняки нацелились сугубо на компромисс с венгерским правительством. Соглашение 1868 г. стало для них точкой отсчета в

[2130] *Там же.* Л. 213, 214 (об.).
[2131] «Разумеется», – согласился Александр II. *Там же.* Л. 215 (об.) – 216.
[2132] *Там же.*
[2133] *Медяков А.С.* Между Востоком и Западом… С. 584.
[2134] *Там же.*

требованиях. Компромисс с венгерской стороной ими был заключен в 1873 г.[2135]

Что же касается поляков, то на их национальное движение повлияла больше всего франко-прусская война. Поражение Франции, сотрудничество Пруссии (затем Германии) и России, формировавшаяся зависимость внешнеполитического курса Австро-Венгрии от Берлина опрокинули расчеты польских консерваторов, надеявшихся играть активную роль во взаимоотношениях с Веной. Для них оставался путь безоговорочного сотрудничества с монархией. По мнению В. Чарторыйского, в условиях союза Германии и России любой конфликт с венским двором опасен. Вместе с тем для поляков исчезла угроза немецкого господства в Галиции, отпала острая необходимость в создании славянской федерации. Как следствие, польские консерваторы окончательно отказались от планов федерализации империи[2136].

Поражение в борьбе если и не прервало связи чешских национальных политиков с хорватами и поляками, то значительно ослабило их. Попытки совместно выступить против дуализма на данной платформе были отложены на неопределенное будущее.

Одновременно Австро-Венгрия сближалась с Россией. Соглашение о дружбе между двумя державами было подписано 6 июня 1873 г. К нему присоединилась и Германия. Так был заложен союз трех императоров. И он совершенно не сочетался с представлениями Ригера о внешней политике монархии Габсбургов.

Неудача старочехов привела к некоторому ослаблению их партийных позиций. Подняли головы младочехи, все отчетливей звучала их критика. Поражение 1871 г. станет значительной предпосылкой для создания ими независимой Национальной партии свободомыслящих. Наступавшая новая

[2135] *Фрейдзон В.И.* Борьба хорватского народа за национальную свободу… С. 369–373.
[2136] *Фалькович С.М.* Польское национальное движение и монархия Габсбургов… С. 319.

эпоха в общественно-политической жизни монархии и на международной арене потребует от чехов новых идей, подходов и тактик.

Заключение

Осознание чешскими интеллектуалами важности внешнеполитического фактора для улучшения положения своего народа в империи Габсбургов появилось задолго до 1860-х гг. К началу этого десятилетия в общественном пространстве уже был четко сформирован образ соперника, обозначен источник угрозы для чехов: Франтишек Палацкий видел смысл чешской истории в контакте и столкновении с немцами. Но они, подобно славянам, жили не только в монархии Габсбургов. Поэтому логичным образом чешская интеллигенция следила за событиями в соседнем германском регионе. При этом осмысление концепции славянской взаимности еще на раннем этапе способствовало росту внимания чехов к жизни славян за пределами Дунайской империи. Тогда речь шла о поиске союзников по защите расплывчатых общеславянских интересов. Позднее кризис славянской взаимности, конкретизация идеи славянства привели Карела Гавличека Боровского к тезису, что чехи должны прагматично относиться к взаимодействию с другими славянскими народами и Россией. Более того, он дифференцировал связи с ними – выделял полезные и вредные. Это способствовало углублению представлений чехов о правильном в их понимании внешнеполитическом курсе Вены.

Пребывание чешских земель в историческом пространстве исчезнувшей (1806 г.) Священной Римской империи втягивало в 1848 г. их жителей в немецкое объединительное движение. Агитация местных немцев вела к противостоянию с чехами, что заставляло тех актуализировать свои государственно-политические требования.

Именно поэтому в 1848 г. австрославизм Палацкого уже содержал геополитическое измерение, вполне обоснованное. С того момента внешнеполитический фактор занял прочное место в его воззрениях. Наделяя Габсбургскую монархию исторической миссией и рассуждая об угрозах для

малых народов Центральной Европы, он в достаточно четком ракурсе сформулировал собственное видение австрийской внешней политики. В этом ракурсе можно рассматривать и отказ Палацкого от места во Франкфуртском парламенте.

Появившись в 1860 г. на фоне либерализации в монархии общественной жизни, Национальная партия очень быстро вступила в политическую игру. Бесспорный авторитет в чешских землях и лидирующие позиции Палацкого в этой организации привели к тому, что его взгляды оказались в основе ряда ее акций. Сознавая свой изначально малый вес, чувствуя себя довольно неуверенно на общеавстрийской сцене, ее члены сразу взяли курс на поиск союзников. И они были найдены как в чешских землях (партия Клам-Мартиница, А. Пражак и его сторонники), так и в других землях Дунайской монархии – польские, хорватские и словенские федералисты.

Главным требованием чешских национальных сил стала федерализация Австрийской империи (в 1871 г. – лишь ее западной половины), автономия объединенных чешских земель (или по крайней мере Богемии) в ее составе. В качестве теоретического обоснования пражские политики использовали естественное и историческое право. Соотношение этих концепций между собой менялось в программных документах: со второй половины 1860-х гг. превалировала вторая.

При этом некоторые важные события из жизни Национальной партии необходимо рассматривать как реакцию не только на австрийскую внутриполитическую повестку, но и международный контекст. Концепции исторического и естественного права использовались для оценки как имперской политической жизни, так и общеевропейских событий.

Ригеру и Палацкому удалось то, к чему они всегда стремились – участвовать в высокой внутриполитической игре на уровне империи, возможности вступить в неофициальные переговоры с высшими представителями власти. Однако политические условия не

благоприятствовали реализации замыслов Национальной партии. Пассивная оппозиция (1863–1879 гг.) не приносила позитивных результатов, а лишь отдаляла чешских политиков от общеимперских дел. Безусловно, огромную роль сыграли и независящие от них внешние обстоятельства. Поражение Габсбургов в австро-прусской войне стало мощным толчком к дуализму. Руководство Национальной партии оказалось неспособным повлиять на политику австро-венгерской элиты. Объединение фактически было зависимо от своих союзников, не всегда надежных или влиятельных.

Кроме того, славянские политики монархии Габсбургов не располагали большим количеством площадок для совместной политической деятельности. Пожалуй, среди них применительно к 1860-м гг. был лишь рейхсрат. Своим уходом из парламента чешские деятели утратили всякое влияние на характер его работы. Члены Национальной партии проявили непоследовательность: инициировав создание австрославянского блока в рейхсрате, они сами же ослабили его значение.

Еще одним препятствием к созданию прочного и долгосрочного союза австрийских славян было наличие в монархии двух политических центров тяжести – австронемецкого и венгерского. Некоторым славянским политикам не было смысла ехать договариваться в Вену, когда венгры в землях короны святого Иштвана были полными хозяевами положения и успешно противостояли притязаниям центра. Таким образом, исключался сценарий общего давления на источник власти. Фактически шло «распределение» протестных настроений: одним славянским политикам приходилось ехать с требованием уступок в Вену, а другим – в Пожонь или Пешт.

В свою очередь, имперский центр успешно пользовался тем, что политические лидеры австрийских славян отстаивали в основном лишь собственные требования. Возможность вести переговоры отдельно с каждой национальной репрезентацией дробило протест. Кроме того, Вена проводила мобилизацию немецкоязычного населения, организовывала махинации с

выборами, оказывала давление на сеймы, разворачивала кампании в прессе. Данные методы тоже приносили свои плоды.

После победы дуализма Ф.Л. Ригер и Ф. Палацкий поставили задачу поднять чешский вопрос на международный уровень. Резонно предполагать, что в этом направлении они решили действовать по примеру польской эмиграции, с которой Ригер соприкасался самым непосредственным образом еще на рубеже 1840–1850-х гг. Поддержка России и Франции была нужна обоим в том числе для поиска новых рычагов давления на власть. Поэтому заграничные акции представителей Национальной партии являлись продолжением их внутриполитической линии. Однако, как показывает анализ источников и историографии, нельзя лишь этим обосновывать мотивы и действия пражских деятелей.

Восприятие России чехами было крайне сложным, противоречивым и зависело от политической конъюнктуры. В первой трети XIX в. это был мифологизированный образ защитницы славян. В 1840-е гг. – на фоне роста политического самосознания чешской национальной элиты, ее (само)уверенности в укреплении положения чешских земель на внутриполитическом поле – отношение к восточному соседу стало крайне негативным. После «весны народов» и в 1850-е гг. в общественную мысль вернулись мотивы славянской взаимности и некритическое русофильство. Чешские деятели надеялись, что в пореформенный период «северный колосс» откажется от консервативного характера своей политической системы. Они предполагали, что в числе важнейших направлений его внешней политики окажутся и славянские интересы.

Представления о России у чехов часто были сопряжены со сложным и неоднозначным образом славянского мира, что приводило к большой палитре мнений об этой стране. К концу 1860-х гг. в риторике Национальной партии соседствовали противоречивые образы восточного соседа: 1) угроза для малых австрийских народов (в духе «Письма во Франкфурт» Палацкого); 2) защитница славян (в том числе от их «естественных врагов» немцев) и

альтернатива для развития на фоне антиславянской политики Вены; 4) соперник империи Габсбургов за влияние на Балканах; 5) один из ее главных союзников в Европе. Использование каждого из образов диктовалось политическим моментом.

Образ Франции в некоторой степени был более однозначен. Это была прогрессивная либеральная страна, соперник Пруссии и немцев в целом. Дополнительные симпатии чехов вызывала фигура Наполеона III. Он провозгласил «принцип национальности» приоритетом своей внешней политики, что порождало в них надежду на его помощь национальным движениям в Центральной Европе.

Впрочем, восприятие Франции имело негативные тона. Они были связаны с непредсказуемой политикой ее монарха, его двусмысленной ролью в отношениях с Веной накануне и во время австро-прусской войны. Воплощение им «принципа национальности» на практике мало соответствовало чешским чаяниям. И, самое главное, несмотря на симпатии ряда общественных, научных и политических деятелей (например, С.-Р. Тайандье, Л. Леже, В. Дюрюи, Л. Гамбетта, Ж. Фавра, А. Лефевра, Л. Пико), высшие эшелоны власти в Париже в большинстве своем не проявляли интереса к чехам как возможным союзникам в Центральной Европе. Поэтому надежды чешских политиков на эту страну сменялись разочарованиями. При этом Ф. Палацкий неизменно относился к Франции критичнее, нежели Ф.Л. Ригер.

По нашему мнению, русофильство и франкофильство в чешской политике противопоставлять друг другу в целом неправильно. Пражские деятели начали смотреть в сторону обеих стран вследствие поражения революции 1848–1849 гг. Во время Крымской войны произошел рост их пророссийских симпатий – явно в ущерб французским, поскольку Париж выступил на стороне Османской империи. Это один из нечастых примеров, когда два направления можно разнести по разные стороны. На рубеже 1850–1860-х гг. ситуация меняется: Палацкий устанавливает контакт с российским

посольством, а Ригер попытался раскрыть позицию чехов перед французскими читателями, опубликовав свою брошюру «Австрийские славяне и мадьяры» (1861 г.). В середине 1860-х гг. в Национальной партии раздается критика в адрес обеих стран: в сторону России – из-за событий польского восстания в 1863–1864 гг. и в адрес Франции – вследствие ее позиции в австро-прусской войне 1866 г. Если первую критиковали лишь младочехи, то вторую – оба партийных крыла. Неудачный исход для Вены конфликта с Берлином обусловил первые позитивные перемены в отношении младочешских деятелей к обоим государствам. В 1867 г. поездки Ригера и Палацкого во Францию и Россию красноречиво свидетельствовали о надежде на помощь обеих держав. В 1868 г. лидеры партии встретились как с российскими общественными деятелями, так и с Жеромом Наполеоном. Старочешские акции 1869 г. – меморандум Ригера Наполеону III и начало переговоров об открытии православного храма в Праге – сложно противопоставить. Они лишь хронологически соседствовали друг с другом. В декабре 1870 г. старочехи и младочехи выступили в пользу и Парижа, и Санкт-Петербурга. Наконец, в период борьбы за утверждение Фундаментальных статей старочехи делали ставку как на французских, так и на российских деятелей. Что касается младочехов, то они с 1866 г. тоже стремились найти опору в России, при этом об их антифранцузских высказываниях ничего неизвестно.

Таким образом, в чешской политике франкофильство и русофильство за редкими исключениями имели схожую динамику развития. Оба течения дополняли друг друга в деятельности Национальной партии или по крайней мере не вступали в конфликт.

Кроме того, французское и российское направления имели близкое ценностное наполнение. Во-первых, это касается их антинемецкого характера: Франция – враг немцев исторически, а Россия как славянская держава – «по крови». Во-вторых, первая олицетворяла собой просвещенную и либеральную Европу, однако и Россия благодаря Великим реформам тоже

стала двигаться в сторону либерализма. Такими рассуждениями Ригер и Палацкий нивелировали различия между политическим строем, идеологией, общественным климатом двух стран.

Что касается польского фактора в чешской политике, то интересы у национальных элит обоих народов не всегда совпадали, а порой вступали в противоречие. Разная трактовка славянской взаимности, противоположный взгляд на Россию, неодинаковое отношение к австрославизму, различное восприятие границ дозволенного в тактике национальной борьбы приводили к трениям во время больших политических перемен. Другой характер развития подталкивал чешских деятелей чаще искать опору в многосоставном целом – славянском или австрославянском. Одновременно они ожидали от родственных народов схожих интенций. Все это делало в их глазах главную цель польских патриотов – достижение независимости – неоднозначной.

Наложение двух обстоятельств – общее политическое пространство в рамках монархии Габсбургов и разное восприятие собственных национальных задач – являлось характерной чертой чешско-польских связей в первой половине XIX в. Причин для ослабления этой тенденции в последующие десятилетия не было.

Присутствие поляков одновременно в России, Пруссии и Австрийской империи и их сопротивление полной интеграции в структуру этих государств создавало дополнительное напряжение в Центральной Европе. Поэтому внимание чехов к «соплеменникам» приводило к рефлексии по поводу национальных отношений во всем регионе, а не только у себя дома, нюансировке их позиции относительно политики стран-участниц польских разделов. Этот аспект подпитывался наличием влиятельной польской эмиграции в еще одной великой державе – Франции. А ее связи с соотечественниками в государствах Романовых, Гогенцоллернов и Габсбургов подталкивали чешскую национальную элиту к многовекторному взаимодействию с поляками уже в межрегиональном контексте.

Чехи рассматривали поляков как естественных союзников в борьбе с германизаторскими и централистскими тенденциями в монархии, а затем и с дуализмом. Сближению способствовали также идеологически близкие взгляды лидеров течений, возглавляемых А. Голуховским и Ф. Смолькой. Для Ф.Л. Ригера была важна и польская эмиграция. С одной стороны, она имела влияние на галицийских политиков, а с другой – на французское общественное мнение. Однако между чехами и поляками были противоречия, которые так и остались нерешенными. Во-первых, большинство польских политиков было настроено глубоко против России. Поэтому они обвиняли чехов в политическом панславизме, если те пытались навести мосты с российской политикой и общественным мнением. Также депутаты галицийского сейма предпочитали идти напрямую на переговоры с имперским центром, стараясь извлечь выгоду в любых обстоятельствах.

Попытки Ф.Л. Ригера преодолеть русско-польский антагонизм и помирить обе стороны диктовались убеждением, что Россия тогда смогла бы покровительствовать всем австрийским славянам и оказывать полноценное и последовательное давление на Вену. Важным мотивом в начале 1870-х гг. являлась и консолидация славян перед прусской (германской) угрозой, актуализированной в их восприятии на фоне объединения Германии. Кроме того, устремление лидера Национальной партии взять на себя функцию посредника в «русско-польском споре» можно рассматривать как притязание на крайне высокое положение чехов в славянском мире. С учетом чешских успехов в экономике монархии, политической активности, несмотря на пассивную оппозицию по отношению к рейхсрату и богемскому ландтагу, подобные устремления нельзя назвать лишенными логики. Скорее, они были крайне рискованными для имиджа Ригера в случае провала.

По нашему мнению, нельзя говорить о том, что обстоятельства национальной жизни у югославян (в отличие от поляков) в первой половине XIX в. способствовали их включению в чешское внешнеполитическое видение. Однако потенциалом для этого обладал иллиризм и позднее

югославизм как идеи, подталкивавшие югославян к консолидации в том или ином виде. Мотивы, связанные с необходимостью сближения и единения этих народов, будут и дальше присутствовать в чешской среде. В 1860-е гг. стремление чешских политиков сотрудничать с югославянскими лидерами в границах монархии диктовалось, во-первых, славянской взаимностью, во-вторых, общими политическими интересами (идея федерации и неприятие централизма, дуализма и германизации/мадьяризации) и, наконец, схожим восприятием австрийской внешней политики (союз с Францией и Россией). Однако и здесь были свои подводные камни. Словенцы и австрийские сербы не были для чехов «историческими народами», поэтому союз с ними оставался ситуативным и неустойчивым. Наиболее последовательным было сотрудничество лишь с Хорватской народной партией.

По крайней мере с 1866 г., после австро-прусской войны, Ф.Л. Ригер начинает смотреть на Балканы как на главное направление для австрийской экспансии. В 1871 г. он желал, чтобы австрийские «иллиры» стали центром притяжения для южных славян на Балканах. Таким образом, он допускал, что ирредентизм и югославизм могут стать инструментами политики австрийских славян на международной арене. Неудивительно, что во второй половине 1860-х гг. Ф.Л. Ригера беспокоили усиление Сербского княжества и его притязания на ведущую роль в регионе. Стремление повернуть основное внимание Вены на Восток имело и символическое наполнение. Как считало руководство Национальной партии, после Пражского мира 1866 г. монархия Габсбургов утратила свою «немецкость» и связь с Германией. Поэтому теперь не только ее внутренняя, но и внешняя политика должна стать «славянской».

Итак, для Национальной партии решение чешского вопроса тесно увязывалось с экзистенциальными проблемами существования монархии Габсбургов. Его суть – превращение Дунайской империи в федерацию, которая проводила бы прославянскую внутреннюю и внешнюю политику. В первом случае это бы означало, что в Вене должны считаться с тем, что

большинство населения – славянские народы. Во втором – покровительствовать зарубежным славянам на Балканах, а также быть в союзе с Францией как антиподом Пруссии и Россией как мощным и независимым славянским государством и защитницей славян (в том числе от немцев). Такая перемена привела бы в глазах чехов к внутренней стабилизации и международных позиций монархии Габсбургов, помогла бы избежать ее распада и поглощения северным соседом.

Проведенный анализ большого пласта разнообразных источников и литературы показал, что эта концепция не была идеалистической. Перестройка империи в федерацию по проектам Национальной партии так или иначе обеспечила бы Богемии лидирующие позиции в политике империи. А провозглашение прославянской политики открывало чешским деятелям доступ к высшим сферам управления. Воплощенные в линии МИД принципы славянской взаимности явились бы обоснованием для экспансии на Балканах. Все это вкупе должно было стать гарантией для превращения чешской нации в лидирующую среди малых народов Габсбургской монархии. В данном контексте попытки заручиться поддержкой Франции и России следует рассматривать и как инструменты для достижения этой цели.

Позиция руководства Национальной партии по международным вопросам не могла быть жесткой. Ее лидеры понимали, что при отсутствии прямого влияния на выработку венского внешнеполитического курса они находятся в тени Министерства иностранных дел. Безусловно, ими учитывались некоторые общие тенденции (например, соперничество Франции и Пруссии), которые и были положены в основу их зарубежных акций. Внешнеполитическое видение Ф.Л. Ригера и Ф. Палацкого, по нашему мнению, было цельным по постановке задач и одновременно подвижным, при необходимости допускавшим смену приоритетных векторов.

Однако в существовавших условиях Ригер и Палацкий могли лишь надеяться на «попутный ветер». При этом они по определению не могли знать о многих секретных договоренностях между великими державами.

Показательно, например, что в конце 1860-х – начале 1870-х гг. партийное руководство по-прежнему делало ставку одновременно на сближение с Францией и Россией, хотя обе страны уже тогда были по разную сторону баррикад на международной арене. Такой вариант развития событий, как сближение Берлина и Петербурга, им, по всей видимости, казался противоестественным.

Красноречива также и оценка чешскими лидерами прусской угрозы. С одной стороны, страх перед ее экспансионистскими устремлениями не был так уж безоснователен. В 1866 г. после победы в войне с Австрийской империей король Вильгельм I действительно желал присоединения Богемии к своему государству. С другой стороны, руководство Национальной партии не могло знать о планах Бисмарка в отношении монархии Габсбургов. После австро-прусской войны в партии были убеждены в неизбежном нападении Пруссии на Австро-Венгрию, ее расчленении и захвате Цислейтании, что не входило в планы прусского канцлера. Под давлением таких страхов и с учетом трактовки смысла чешской истории политики объединения верили в скорое и роковое столкновение славянского и германского миров, которое до неузнаваемости поменяет Европу. Оперируя такими категориями, они не подозревали, насколько подобные воззрения разнятся с великодержавными приоритетами и принципами во внешней политике. В этом плане они оставались заложниками собственных представлений.

Важно обратить внимание, что Франция, Пруссия (Германия) и Россия были крайне заинтересованы в Дунайской империи как важном факторе баланса сил в Европе. Во второй половине 1860-х гг. империя Габсбургов была нужна Франции как союзник против Берлина, Бисмарк же был заинтересован в надежном «младшем партнере», который сдержит Россию на Балканах, а канцлер Горчаков видел в Габсбургской монархии гаранта устойчивости в Центральной Европе, сохранения статус-кво по польскому вопросу. Понимая всю остроту проблемы межнациональных отношений в этом государстве, Франция, Пруссия (Германия) и Россия не были

заинтересованы в долгих, радикальных, рискованных преобразованиях в сердце Европы. Такой консервативный, осторожный, во многом охранительный подход априори не оставлял шансов непредсказуемому и опасному в их глазах проекту федерализации. Дуализм виделся неидеальным, но приемлемым вариантом в сложной ситуации. А чехи со своей упорной фрондой на внутриполитическом поле монархии Габсбургов, только что пережившей серьезные преобразования, выглядели как раз дестабилизирующим элементом.

Особенно показательна в этой связи точка зрения российских дипломатических работников, которая ясна благодаря введенным в научный оборот многочисленным материалам из АВПРИ и наблюдениям предшественников. Дипломаты и МИД не одобряли ни пассивную оппозицию Национальной партии, ни союз старочехов с богемской шляхтой. Также они критиковали отказ чешских политиков идти на переговоры с умеренным правительством Альфреда Потоцкого. Подобная линия в их восприятии маргинализировала чехов в рамках общеимперской политической жизни. Радикалами и авантюристами их считали Александр II и А.М. Горчаков.

Французское посольство в Вене тоже полагало, что чешскому национальному движению не хватает легальной почвы и его представители используют сомнительные методы. Некоторые дипломаты Франции, кроме того, воспринимали политику чехов как уязвимую для панславистских идей и/или манипуляций со стороны Санкт-Петербурга и Берлина.

Картину усугубляла и малая осведомленность о чехах в Европе в целом. Это порождало как минимум искаженное о них представление, опосредованное польским или же немецким влиянием. Также в исследовании не раз отмечалось, что если во Франции чехов критиковали за контакты с Россией, то в империи Романовых им вменяли оторванность от славянского начала ввиду тесных связей с Европой. Такое восприятие нередко ставило чехов в двусмысленное положение в общественных дискурсах.

Наиболее остро и ярко внешнеполитический фактор в деятельности Национальной партии проявил себя в период борьбы за Фундаментальные статьи, которые должны были стать первым шагом на пути к федерализации Цислейтании. Россия не поддержала чехов не только из-за неизбежного пересмотра статуса Галиции в структуре австрийской части монархии в случае их победы, но и вследствие убежденности лидера Национальной партии в необходимом усилении австро-венгерского влияния на Балканах. Третья Республика после поражения в франко-прусской войне была заинтересована в сближении с монархией Габсбургов и Россией, но чешские планы, по ее мнению, этому препятствовали. В Германии, в свою очередь, не желали, чтобы чехи помешали сближению Вены и Берлина.

Какое значение имеют неудачные попытки интернационализации чешского вопроса в 1860-е – начале 1870-х гг. для истории Чехии? Прежде всего, подобная деятельность стала бесценным опытом для чешской элиты. Ее представители контактировали, сотрудничали с общественными и политическими деятелями разных стран, вели в них пропаганду. Это помогало оттачивать чехам собственное геополитическое видение. Кроме того, чешское русофильство получило новый импульс, а франкофильство вышло из зачаточного состояния. Обоим течениям предстояло сыграть значимую роль в общественно-политической и культурной жизни чехов в последующие десятилетия. Наконец, чешским представителям удалось заявить о себе в масштабе Европы, сделать свой народ более видимым для европейской общественности. Действительно, размах их действий стал свидетельством зрелости чешской нации[2137].

При этом в историографии существует мнение, что чехи отдавали приоритет национальным интересам, а не австрийским[2138]. Наше исследование показывает, что это было не совсем так: в большинстве случаев риторика партийных политиков в прессе, публицистике и при контактах с

[2137] *Котов В.В.* Сокольский взлёт: спорт и политика в чешских землях (1861–1871). М. – СПб., 2024. С. 332.
[2138] *Там же.*

иностранными представителями была связана с переменами одновременно и в чешских землях, и в монархии Габсбургов (или по крайней мере в ее западной половине).

Хотелось бы по этому случаю процитировать лидера Национальной партии Ф.Л. Ригера: «прежде всего задачей нашей и первым нашим стремлением должно быть: Австрию сохранить и себя в Австрии сохранить»[2139]. Пожалуй, следующей задачей и «вторым стремлением» можно рассматривать повышение субъектности чешской нации как в рамках империи, так и за ее пределами. Вспомним другую мысль старочешского вождя: «<…> наш народ присоединится к деятелям политической жизни в Европе, а не только в Австрии. Народ будет сильно влиять на саму Австрию, поэтому будет влиять на дела в Европе»[2140].

Радикальные сценарии, речь в которых шла сугубо о чешских интересах, были редки и диктовались обострением страха перед Пруссией/Германией и одновременной убежденностью в глубокой ошибочности текущего венского внешне- и внутриполитического курса. Характерно, что даже в подобных случаях лидеры Национальной партии видели чешские земли как часть многосоставного государственного образования.

Поиск зарубежных союзников в лице Франции и/или России для реализации проекта «Дунайской федерации» не был чешским изобретением. Такую линию можно проследить у некоторых польских, хорватских и словенских политиков. Сравнительное исследование, сосредоточенное на взаимосвязи этих проектов, представляется интересным и перспективным для более глубокого понимания характера славянских национальных движений во второй половине XIX – начале XX вв.

[2139] Речь на заседании богемского ландтага 6 апреля 1867 г. Řeči Dra. Frant. Ladisl. Riegra a jeho jednání v zákonodárných sborech. Díl IV… S. 228.

[2140] Речь на заседании богемского ландтага 9 октября 1871 г. Řeči dra. Frant. Lad. Riegra. Díl I. 1868–1878… S. 154.

Список использованных источников и литературы

Архивные материалы

Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ):

1. Ф. 133. Канцелярия министра иностранных дел.
2. Ф. 146. Славянский стол.

Archiv Národního muzea (ANM), Praha

3. F. 1078. Poz. Frant. Lad. Riegra.

Опубликованные документы

4. Периодическая печать и цензура Российской империи в 1865–1905 гг. Система административных взысканий. Справочное издание / Сост. Н.Г. Патрушева. СПб., 2011.
5. Россия под надзором. Отчеты III отделения 1827–1869. Сборник документов / Сост. М.В. Сидорова, Е.И. Щербакова. М., 2006.
6. L'annexe 1. Lettre personnelle du prince Richard de Metternich, ambassadeur d'Autriche-Hongrie à Paris, au comte de Beust, chancelier de l'Empire (16 juillet 1869) // *Kazbunda K.* Trois documents relatifs au mémorandum de Rieger à Napoléon III (1869) // Le Monde Slave. 1925, juillet. P. 139–140.
7. L'annexe 2. Lettre du prince La Tour d'Auvergne au duc de Gramont (21 juillet 1869) // *Ibid*. P. 140–141.
8. Les origines diplomatiques de la guerre de 1870–1871: recueil de documents. T. 1. 25 décembre 1863 – 21 février 1864. Paris, 1910.
9. Les origines diplomatiques... T. 10. 2 juin 1866 – 10 juillet 1866. Paris, 1915.

10. Les origines diplomatiques... T. 15. 4 mars 1867 – 13 avril 1867. Paris, 1924.
11. Les origines diplomatiques... T. 17. 13 mai 1867 – 16 juillet 1867. Paris, 1925. Les origines diplomatiques... T. 18. 17 juillet 1867 – 15 octobre 1867. Paris, 1925.
12. Les origines diplomatiques... T. 20. 10 décembre 1867 – 29 février 1868. Paris, 1927.
13. Les origines diplomatiques... T. 21. 1er mars 1868 – 31 juillet 1868. Paris, 1928.
14. Les origines diplomatiques... T. 25. 1er juin 1869 – 15 novembre 1869. Paris, 1929.
15. Les origines diplomatiques… T. 27. 4 mars 1870 – 30 juin 1870. Paris, 1930.
16. Les origines diplomatiques... T. 28. 1er – 15 juillet 1870. Paris, 1931.
17. Les origines diplomatiques… T. 29. 16 juillet 1870 – 10 août 1870. Paris, 1932.
18. Politické programy českých národních stran / Ed. P. Cibulka. 1860–1890. Praha, 2000.
19. Příloha VIII. Důvěrná zpráva rakousko-uherského chargé d'affaires v Petrohradě, ryt. Alb. Vetsery, Beustovi ze dne 19. července 1868, č. 17B // *Kazbunda K.* Pouť Čechů do Moskvy a rakouská diplomacie. Praha, 1924. S. 106–107.
20. Slovanský sjezd v Praze roku 1848. Sbírka dokumentů / Ed. V. Žáček, Z. Toboblka. Praha, 1958.
21. Dějiny české politiky v dokumentech / Ed. Z. Veselý. Praha, 2005.
22. Dějiny českého státu v dokumentech / Ed. Z. Veselý. Praha, 2003.

Корреспонденция

23. *Аксаков И.С.* Письма к родным. 1848–1849. М., 1988.
24. Документы к истории славяноведения в России (1850–1912) / под общ. ред. Б.Д. Грекова. М. – Л., 1948.
25. Зарубежные славяне и Россия. Документы архива Раевского. 40–80 годы XIX в. / Сост. В. Матула, И.В. Чуркина. М., 1975.
26. Император Николай I и европейские революции (III–IV) // Русская старина. 1904. Т. 118. Апрель-май. С. 35–63, 265–289.
27. Cesty na východ. Češi v korespondenci M. F. Rajevského / Ed. V. Doubek. Praha, 2006.
28. Dopis A. V. Šembery K. J. Erbenovi // *Čejchan V.* Carské řády Čechům roku 1862 (příspěvek k otázce českého rusofilství). Příloha č. 1. // Sborník prací Filozofické fakulty brněnské univerzity. C, Řada historická. 1961. roč. 10. č. C8. S. 392–393.
29. Dopis Fr. Palackého ruskému vyslanci V. P. Balabinovi // *Ibid.* Příloha č. 2. S. 393.
30. Dopis Fr. L. Riegra ruskému vyslanci V. P. Balabinovi // *Ibid.* Příloha č. 3. S. 394.
31. Paměti a listář Dra Aloise Pražáka. Díl druhý. Listář z let 1849–1901 / Ed. F. Kameníček. Praha, 1927.
32. Příspěvky k listáři Dra Fr. Lad. Riegra. Díl 1. Z let 1836 až 1871 / Ed. J. Heidler. Praha, 1924.
33. Příspěvky k listáři dra Frant. Lad. Riegra. Díl II. Z let 1872 až 1903 / Ed. J. Heidler. Praha, 1926.
34. *Zíbrt Č.* Z dopisů Františka Palackého synu Janovi 1848–1874 // Osvěta. 1909. S. 150–162.

Речи и политические выступления

35. Řeči dra. Frant. Lad. Riegra. Díl I. 1868–1878. Praha, 1923.

36. Řeči Dra. Frant. Ladisl. Riegra a jeho jednání v zákonodárných sborech. Díl IV. Z let 1865–1867. Praha, 1888.

Дневники и мемуары

37. *Бисмарк О.* Мысли и воспоминания. Т. 2. М., 1940.

38. Deníky Josefa Kalouska. Díl I–II / Ed. M. Klečacký, L. Velek. Praha, 2016.

39. *Denis E.* Vzpomínky a úvahy o Palackém // Památník na oslavu stých narozenin Františka Palackého. Praha, 1898. S. 158–164.

40. *Grégr E.* Deník. Díl I. 1848–1870. Praha, 1908.

41. *Leger L.* Souvenirs d'un slavophile. Paris, 1905.

42. *Leger L.* Vzpomínka na Františka Palackého // Památník na oslavu stých narozenin Františka Palackého. Praha, 1898. S. 153–157.

43. *Rieger B.* Z vlastních pamětí Fr. Lad. Riegra // Osvěta. 1906. № 1–2, 4–5.

44. *Schäffle A.* Aus meinem Leben. Bd. I–II. Berlin, 1905.

45. Memoires of Count Friedrich Ferdinand von Beust written by himself. Vol. 2 / Ed. H. Worms. London, 1887.

Периодические издания

46. Голос. 1867–1868, 1870.

47. День. 1863, 1865.

48. Московские ведомости. 1867, 1870.

49. Le Constitutionnel. 1867, 1870.

50. Journal des Débats, 1848.

51. La Liberté. 1871.

52. Le Mémorial diplomatique. 1871.

53. Národní listy. 1861, 1863, 1866, 1867–1868, 1870–1871.

54. Le Pays. 1868.

55. Pokrok. 1870–1871.

56. Le Siècle. 1867.

57. Le Temps. 1861–1862, 1864, 1866–1870.

58. L'Universe. 1868, 1870.

Публицистика

59. Всероссийская этнографическая выставка и Славянский съезд в мае 1867 г. М., 1867.

60. *Новиков Е.П.* Гус и Лютер. Часть II. М., 1859.

61. *Погодин М.П.* Историко-политические письма и записки в продолжении Крымской войны. 1853–1856. Т. 4. М., 1874.

62. *Charrière E.* La politique de l'histoire. T. 1. Paris, 1841.

63. *Chevalier M.* Sur les gouvernemens absolus de l'Allemagne. I. – L'Autriche // Revue des Deux Mondes. Quatrième série. Vol. 29. № 5 (1er mars 1842). P. 743–783.

64. *Desprez H.* Les peuples de l'Autriche et de la Turquie. T. 1–2. Paris, 1850.

65. *Eichhoff F.-G.* Histoire de la langue et de la littérature des Slaves, Russes, Serbes, Bohèmes, Polonais et Lettons, considérées dans leur origine indienne, leurs anciens monuments et leur état présent. Paris, 1839.

66. *Frič J.V., Leger L.* La Bohême historique, pittoresque et littéraire. Paris, 1867.
67. *Girardin S.-M.* Notices politiques et littéraires sur l'Allemagne. Paris, 1835.
68. Výbor z politických řečí a úvah Dra. Karla Sladkovského / Ed. S. Heller. Praha, 1899.
69. Karla Havlíčka Borovského politické spisy. Díl I. Pražské noviny. Praha, 1900.
70. *Klaczko J.* Le congrès de Moscou et la propaganda panslaviste // Revue des Deux Mondes. T. 71. № 1 (1er septembre 1867). P. 132–181.
71. *Leger L.* Chants héroïques et chansons populaires des Slaves de Bohême. Paris: Libraire internationale, 1866. 320 p.
72. *Leger L.* De Paris à Prague // Revue moderne. T. 54. Quatrième livraison. 25 octobre 1869. P. 642–674.
73. *Leger L.* La crise autrichienne. La diète de Bohême et le Fédéralisme. Paris, 1868.
74. *Leger L.* La diète de Bohême et le Fédéralisme // Revue moderne. T. 48. Quatrième livraison. 10 octobre 1868. P. 766–781.
75. *Palacký F.* Radhost. Sbírka spisůw drobných z oboru řeči a literatury české, krásowědy, historie a politiky. Díl třetí. Spisy z oboru politiky. Praha, 1873.
76. Pouť Slovanův do Ruska roku 1867 a její význam. Praha, 1867.
77. *Rieger F.L.* Les slaves d'Autriche et les Magyars. Paris, 1861.
78. *Robert C.* Le monde gréco-slave. Du Mouvement unitaire de l'Europe orientale. La Grèce, l'Illyrie, la Bohême, la Pologne, la Russie // Revue des Deux Mondes. T. 8. № 3 (1er novembre 1844). P. 427–464.
79. *Staël-Holstein G. de.* De l'Allemagne. T. 1, 3. Paris, 1810.
80. *Taillandier S.-R.* L'Autriche et la Bohême en 1869: la question tchèque et l'intérêt français // Revue des Deux Mondes. T. 82. № 3 (1er août 1869). P. 513–544.

81. *Taillandier S.-R.* L'histoire et l'historien de la Bohème. Franz Palacky // Revue des Deux Mondes. T. 10. № 2 (15 avril 1855). P. 360–397.
82. *Taillandier S.-R.* Le roi George de Podiebrad: Épisode de l'histoire de Bohème: I. L'élection du roi George // Revue des Deux Mondes. T. 40. № 3 (1er août 1862). P. 605–650.
83. *Taillandier S.-R.* Le roi George de Podiebrad: Épisode de l'histoire de Bohème: II. La lutte du roi de Bohême et du Saint-siége // Revue des Deux Mondes. T. 40. № 4 (15 août 1862). P. 915–956.
84. *Taillandier S.-R.* Le roi George de Podiebrad: Épisode de l'histoire de Bohème: III. L'anathème contre le roi George et sa mort // Revue des Deux Mondes. T. 41. № 1 (1er septembre 1862). P. 118–163.
85. *Taillandier S.-R.* Situation intellectuelle de l'Allemagne. Vienne, Munich, Berlin // Revue des Deux Mondes. T. 4. № 1 (1er octobre 1843). P. 91–132.
86. *Taillandier S.-R.* Tchèques et Magyars: Bohême & Hongrie, XVe siècle – XIXe siècle. Histoire – literature – politique. Deuxième édition. Paris, 1869.
87. *Tonner E.* Poláci a Češi. Praha, 1863.

Литература

88. *Айрапетов О.Р.* История внешней политики Российской империи 1801–1914. Т. 3. Внешняя политика императоров Александра II и Александра III 1855–1894. М.: Кучково поле, 2018. 904 с.
89. *Галямичев А.Н.* Евгений Петрович Новиков – русский историк и дипломат XIX в. // Историческая память и общество: эпохи, культуры, люди / под общ. ред. А.Н. Галямичева. Саратов, 2008. С. 195–200.
90. *Главачка М.* Еще раз о поездке австрийских славян в Россию // Славяноведение. 2007. № 1. С. 54–65.

91. *Гогина К.П.* Отклики на польское восстание 1830–1831 гг. в чешских землях и Словакии // Национальное движение в Центральной Европе: сотрудничество и контакты (30–70-е годы XIX в.). Отв. ред. С.М. Фалькович. М., 1991. С. 27–40.
92. *Данилова О.С.* У истоков французской славистики – между полонофильством и русофильством – альтернатива XIX в. // Славянский альманах. 2003. С. 104–120.
93. *Досталь М.Ю.* Всеславянский аспект теории официальной народности // Славяноведение. 1999. № 5. С. 52–59.
94. *Досталь М.Ю.* И.И. Срезневский и его связи с чехами и словаками. М.: Ин-т славяноведения РАН, 2003. 572 с.
95. *Досталь М.Ю.* Отражение славянофильской теории в славистической проблематике «Русской беседы» // «Русская беседа»: История славянофильского журнала: Исследования. Материалы. Постатейная роспись. Отв. ред. Б.Ф. Егоров, А.М. Пентковский, О.Л. Фетисенко. СПб., 2011. С. 198–203.
96. *Досталь М.Ю.* «Славянский вопрос» в мировоззрении С.С. Уварова // Славянский альманах. 1997. С. 105–119.
97. *Досталь М.Ю.* Славянский мир и славянская идея в философских построениях и «практике» ранних славянофилов // Славянский альманах. 2000. С. 85–95.
98. *Досталь М.Ю.* Славянский съезд 1867 г.: задачи и итоги. Взгляд с русской стороны // Славянские форумы и проблемы славяноведения. Взгляд с русской стороны. Отв. ред. М.Ю. Досталь, И.В. Крючков. М. – Ставрополь, 2008. С. 18–25.
99. *Доубек В.* Между Веной и Москвой. Славянская концепция и образ России в чешском обществе XIX в. // Родина. 2001. Январь-февраль. С. 105–110.
100. *Дронов А.М.* «Политическая моральность» Й.Ю. Штросмайера в контексте хорвато-венгерских отношений 1860-х – начала 1870-х

годов // Центральноевропейские исследования. 2021. № 4 (13). С. 183–204.

101. *Дудзинская Е.А.* Русские славянофилы и зарубежное славянство // Методологические проблемы истории славистики. М., 1978. Отв. ред. В.А. Дьяков. С. 261–281.
102. *Жакова Н.К.* Тютчев и славяне. СПб., 2001.
103. *Ждановская А.А.* Парламентское представительство Чешских земель // Политические партии и общественные движения в монархии Габсбургов, 1848–1914 гг. Очерки. Отв. ред. О.В. Хаванова. М., 2018. С. 263–274.
104. *Ждановская А.А.* Партийно-политический спектр в Чешских землях // Политические партии и общественные движения в монархии Габсбургов, 1848–1914 гг. Очерки. Отв. ред. О.В. Хаванова. М., 2018. С. 112–115.
105. *Зуппан А.* Тысяча лет соседства австрийцев и чехов. Взгляд из Австрии / пер. с нем. М. – СПб.: Нестор-История, 2021. 406 с.
106. *Исламов Т.М.* Австрийская революция и славяне: проблема объединения Германии и австрославизм // Европейские революции 1848 года. «Принцип национальности» в политике и идеологии. Отв. ред. С.М. Фалькович. М., 2001. С. 151–170.
107. *Исламов Т.М.* Уроки национальной борьбы 1848–1849 гг. в империи Габсбургов // *Там же.* С. 182–189.
108. *Исламов Т.М.* Федерализм как способ организации многонационального государства в восточной части Центральной Европы // Национальное движение в Центральной Европе: сотрудничество и контакты (30–70-е гг. XIX в.). Отв. ред. С.М. Фалькович. М., 1991. С. 165–182.
109. *Карасев А.В.* Югославянская идея во внешнеполитических планах И. Гарашанина // Славянский альманах. 2000. С. 120–133.

110. *Кирилина Л.А., Пилько Н.С., Чуркина И.В.* История Словении. СПб.: Алетейя, 2011. 480 с.
111. Краткая история Чехословакии. Отв. ред. А.Х. Клеванский, В.В. Марьина, И.И. Поп. М.: Наука, 1988. 576 с.
112. *Клетечка Т.* Попытка соглашения правительства Гогенварта с чехами в 1871 г. // Австро-Венгрия: опыт многонационального государства. Отв. ред. Т.М. Исламов, А.И. Миллер. М., 1995. С. 71–81.
113. Кожинов В.В. Тютчев. М.: Молодая гвардия, 2009. 468 с.
114. *Колейка Й.* Славянские программы и идея славянской солидарности в XIX и XX веках. Прага: Státní pedagogické nakladatelství, 1964. 261 с.
115. *Котов В.В.* Сокольский взлёт: спорт и политика в чешских землях (1861–1871). М. – СПб.: Нестор-История, 2024. 386 с.
116. *Котова Е.В.* Русские дипломаты о реформах 60-х годов XIX века в Австрийской империи // Россия и Европа: дипломатия и культура. Отв. ред. Намазова А.С. М., 1995. С. 105–117.
117. *Кретов В.А.* Автономизация Галиции в ходе переустройства Австрийской империи в двуединую монархию // Столыпинский вестник. 2022. № 4. С. 2039–2062.
118. *Лаптева Л.П.* Славянский съезд и участие в нем чешской делегации // Отв. ред. Аксенова Е.П., А.Н. Горяинов, М.Ю. Досталь. Славянские съезды XIX–XX в. М., 1994. С. 79–84.
119. *Лаптева Л.П.* Университетское славяноведение в России за первое столетие его существования (1835–1935) // Славянский альманах. 2010. С. 94–110.
120. *Лаптева Л.П.* Ян Гус в освещении русской историографии столетий // Славяне и Россия исторический контекст и проблемы историографии. Отв. ред. С.И. Данченко. М., 2015. С. 8–18.

121. *Лебедева Г.Н.* Путешествия русских славистов в славянские земли (из истории становления отечественной славистики) // Запад-Восток. Научно-практический ежегодник. 2016. № 9. С. 96–106.

122. *Лебедева О.В.* Чешское русофильство в период установления австро-венгерского дуализма // Социально-политические и культурные процессы в странах Европы и Америки в Средние века и Новое время. Отв. ред. А.В. Рандин. Йошкар-Ола, 1990. С. 125–143.

123. *Лещиловская И.И.* Хорватская матица // Славянские матицы: XIX век. Часть 1. Отв. ред. И.И. Лещиловская. М., 1996. С. 115–158.

124. *Луночкин А.В.* От сотрудничества к конфронтации: газета «Голос» и цензура (1863–1883) // Цензура в России: история и современность. Вып. 1. Отв. ред. М.Б. Конашев, Н.Г. Патрушева. СПб., 2001. С. 77–94.

125. *Макарова Г.В., Фалькович С.М.* Поляки в борьбе за реализацию «принципа национальности» в революции 1848–1849 гг. // Европейские революции 1848 г. «Принцип национальности» в политике и идеологии. Отв. ред. С.М. Фалькович. М., 2001.

126. *Мартенс Ф.* Современное международное право цивилизованных народов. Т. 1. СПб.: Типография Министерства путей сообщения, 1882. 418 с.

127. *Матвеев Г.Ф.* Историки-слависты МГУ: Книга 18: Польша в меняющемся политическом ландшафте Европы. 1916–1920. М.: Издатель Степаненко, 2024. 232 с.

128. *Медяков А.С.* Австро-Венгрия и балканский кризис 1866–1869 гг. // Вестник Московского университета. 1998. № 4. С. 48–62.

129. *Медяков А.С.* Между Востоком и Западом: международная политика монархии Габсбургов в первые годы дуализма (1866–1871). М.: Русское слово, 2010. 638 с.

130. *Медяков А.С.* «Моральный барьер прусским насилиям». Политика России на завершающем этапе объединения Германии (1866–1870) // Российская история. 2022. № 5. С. 91–107.
131. *Медяков А.С.* Проблема Боснии и Герцеговины во внешней политике монархии Габсбургов в первые годы дуализма 1867–1871 гг. // Российско-австрийский альманах: исторические и культурные параллели. Вып. IV. СПб., 2011. С. 264–279.
132. *Медяков А.С.* «Русская благодарность»? Русско-прусские отношения 1863–1864 гг. и их оценка в историографии // Российская история. 2021. № 6. С. 111–126.
133. *Миллер А.И.* Галиция в системе австро-венгерского дуализма // Австро-Венгрия: опыт многонационального государства. Отв. ред. Т.М. Исламов, А.И. Миллер. М., 1995. С. 63–70.
134. *Ненашева З.С.* М.Ф. Раевский и русская православная церковь в Праге // Межконфессиональные, культурные и общественные связи России с зарубежными славянами. К 200-летию со дня рождения М.Ф. Раевского. Отв. ред. К.В. Никифоров. М. – СПб., 2013. С. 100–122.
135. *Ненашева З.С.* Русский православный храм святых первоверховных апостолов Петра и Павла в Карловых Варах. М.: Отдел внешних церковных связей Московского Патриархата: Лит. газ., 2007. 170 с.
136. *Ненашева З.С.* Русская православная церковь в Праге // Средняя Европа: проблемы международных и межнациональных отношений, XII–XX вв. Отв. ред. А.С. Стыкалин. СПб., 2009. С. 176–206.
137. *Ненашева З.С.* Русская православная церковь в Праге перед лицом австрийского права и чешского общества (середина 70-х годов XIX века) // Историки-слависты МГУ. Кн. 7. Х.Х. Хайретдинов. М., 2008. С. 144–169.

138. *Ненашева З.С.* Русская Православная Церковь в Праге: часть I. Трудное начало // Профессор Сергей Александрович Никитин и его историческая школа. Отв. ред. И.В. Чуркина. М., 2004. С. 412–431.
139. *Ненашева З.С.* Чешская матица // Славянские матицы: XIX век. Ч. 1. Отв. ред. И.И. Лещиловская. М., 1996. С. 53–114.
140. *Никитин С.А.* Русское общество и вопросы балканской политики России. 1853–1876 гг. (неизданные главы) // Славяне и Россия: к 110-летию со дня рождения С. А. Никитина: Сборник статей. Отв. ред. И.В. Чуркина. М., 2013. С. 161–343.
141. *Никитин С.А.* Славянские комитеты в России в 1858–1876 годах. М.: Издательство Московского университета, 1960. 364 с.
142. *Никитин С.А.* Славянские съезды шестидесятых годов XIX в. // Славянский сборник. Славянский вопрос и русское общество в 1867–1878 гг. Отв. ред. Н.М. Дружинин. М., 1948. С. 16–104.
143. История Чехословакии. Отв. ред. С.А. Никитин, М.А. Полтавский, Г.Э. Санчук, П.Н. Третьяков. Т. II. М.: Издательство Академии наук СССР, 1959. 362 с.
144. *Павленко О.В.* Панславизм: реальный и воображаемый: 1830–1860-е гг. М.: РГГУ, 2023. 404 с.
145. *Павленко О.В.* Проблемы панславизма в имперской дипломатии России и Австрии в 20–60-е годы XIX века // Российско-австрийский альманах: исторические и культурные параллели. 2004. Выпуск 1. Отв. ред. И.В. Крючков. С. 64–109.
146. *Павленко О.В.* «Славянский фактор» в отношениях России и Австрии // Славяно-германские исследования. Т. 1–2. М., 2000. Отв. ред. А.А. Гугнин, А.В. Циммерлинг. С. 243–288.
147. *Порочкина И.М., Инов И.В.* Чехи в Санкт-Петербурге 1703–2003. СПб.: Глобус, 2003. 158 с.
148. *Пыпин А.Н.* Панславизм в прошлом и настоящем (1878). СПб.: Колос, 1913. 189 с.

149. *Ратнер Н.Д.* О проекте австро-чешского соглашения 1871 г. // Общественно-политические движения в Центральной Европе в XIX – начале XX в. Отв. ред. И.С. Миллер. М., 1974. С. 324–353.
150. *Ратнер Н.Д.* Программа и тактика чешской буржуазии // Ученые записки Института славяноведения. Т. 114. М., 1956. С. 83–178.
151. *Ревякин А.В.* Франция и «Весна народов» 1848 г. «Принцип национальности» в политике Луи Наполеона Бонапарта // Европейские революции 1848 года. «Принцип национальности» в политике и идеологии. Отв. ред. С.М. Фалькович. М., 2001. С. 29–45.
152. *Рокина Г.В.* Путешествия российских ученых в славянские земли и их роль в формировании отечественного славяноведения в первой половине XIX века // Запад-Восток. Научно-практический ежегодник. 2013. № 6. С. 38–47.
153. Сагомонян А.А. Евгений Петрович Новиков (1826–1903) – дипломат «горчаковской школы» // Новая и новейшая история. 2024. № 4. С. 198–216.
154. *Твардовская В.А.* Идеология пореформенного самодержавия. М.: Наука, 1980. 279 с.
155. *Тевес Л.* Концепция национальной политики Йожефа Этвеша и конституционно-национальная традиция «партии» Ференца Деака, 1860–1868 годы // Славяноведение. 2014. № 6. С. 3–14.
156. *Тесля А.* «Славянский вопрос» в публицистике М. П. Погодина 1830–1850-х гг. // Социологическое обозрение. 2014. Т. 13. № 1. С. 117–138.
157. *Фалькович С.М.* Отношение польского национального движения к Австрийской империи и идеологии австрославизма в контексте идей панславизма и пангерманизма (50–70-е годы XIX в.) // Из истории общественной мысли народов Центральной и Восточной Европы. Отв. ред. С.М. Фалькович. М., 1995. С. 135–162.

158. *Фалькович С.М.* Польское национальное движение и монархия Габсбургов: проблема австрофильства, федерализма, дуализма // Российско-австрийский альманах: исторические и культурные параллели. Вып. IV. Австро-Венгрия: Центральная Европа и Балканы (XI–XX вв.). Памяти В.И. Фрейдзона. Отв. ред. С.А. Романенко, И.В. Крючков, А.С. Стыкалин. СПб., 2011. С. 312–320.
159. *Фалькович С.М.* Польское национально-освободительное движение между панславизмом и пангерманизмом (конец XVIII – начало XX в.) // Россия, Польша, Германия в европейской и мировой политике XVI–XX вв. Отв. ред. Б.Е. Носов, Ю.Е. Ивонин. М., 2002. С. 228–242.
160. *Фалькович С.М.* Польская политическая эмиграция в общественно-политической жизни Европы 30–60-х годов XIX века. М. – СПб.: Нестор-История, 2017. 318 с.
161. *Фрейдзон В.И.* Борьба хорватского народа за национальную свободу. М.: Наука, 1970. 384 с.
162. *Фрейдзон В.И.* История Хорватии. Краткий очерк с древнейших времен до образования республики (1991 г.). СПб.: Алетейя, 2001. 318 с.
163. *Фрейдзон В.И.* Пропаганда в Хорватии франко-русского союза против германской экспансии в 60–70-х гг. XIX в. // Международные отношения в Центральной и Восточной Европе и их историография. Отв. ред. В.Д. Королюк. М., 1966. С. 50–59.
164. *Фрейдзон В.И.* Хорватский югославизм в 30–90-е гг. XIX века // Славяноведение. 1998. № 5. С. 3–10.
165. *Хаванова О.В.* Венгерское королевство в период неоабсолютизма // Политические партии и общественные движения в монархии Габсбургов, 1848–1914 гг. Очерки. Отв. ред. О.В. Хаванова. М., 2018. С. 71–75.
166. *Хаванова О.В.* Партийно-политический спектр Венгерского королевства // *Там же.* С. 120–126.

167. *Хевролина В.М.* А.Ф. Гильфердинг – дипломат // Славянский альманах. 2004. С. 155–176.
168. *Хевролина В.М.* Российский дипломат граф Николай Павлович Игнатьев. М.: Изд. центр Ин-та рос. истории, 2004. 332 с.
169. *Черкасов П.П.* Александр II и Наполеон III. Несостоявшийся союз (1856–1870). М.: Товарищество науч. изд. КМК, 2015. 450 с.
170. Чешская нация на заключительном этапе формирования. 1850 – начало 70-х годов XIX в. Отв. ред. В.И. Фрейдзон. М., 1989. 272 с.
171. *Чуркина И.В.* К вопросу об организации восстания славян во время Крымской войны 1853–1856 гг. // Славяне и Россия: проблемы войны и мира на Балканах. XVIII–XXI вв. К столетию со дня рождения академика Ю.А. Писарева. Отв. ред. С.И. Данченко. М., 2017. С. 47–64.
172. *Чуркина И.В.* Предыстория поездки славян на Всероссийскую этнографическую выставку в Москве (1867). Встречи в С.-Петербурге // Славянские форумы и проблемы славяноведения. Взгляд с русской стороны. Отв. ред. М.Ю. Досталь, И.В. Крючков. Ставрополь, 2008. С. 5–17.
173. *Чуркина И.В.* Россия, славянофилы и зарубежные славяне. Очерки истории. М.: Индрик, 2020. 368 с.
174. *Чуркина И.В.* Сербы и хорваты между венгерским парламентом и венским двором // Европейские революции 1848 года. «Принцип национальности» в политике и идеологии. Отв. ред. С.М. Фалькович. М., 2001. С. 349–368.
175. *Шварц И.* Донесения австрийских агентов о деятельности М.Ф. Раевского в 1865–1867 гг. (по материалам Австрийского государственного архива) // Межконфессиональные, культурные и общественные связи России и зарубежными славянами. К 200-летию со дня рождения М.Ф. Раевского. Отв. ред. К.В. Никифоров. М. – СПб., 2013. С. 48–59.

176. *Шнеерсон Л.М.* Австро-прусская война 1866 г. и дипломатия европейских великих держав (из истории «германского вопроса»). Минск: Изд-во М-ва высш., сред. спец. и проф. образования БССР, 1966. 351 с.
177. *Шнеерсон Л.М.* Чешский проект славянского конгресса в переговорах с правительством России в 1871 году // Веснік Беларускага дзяржаўнага універсітэта імя У.І.Леніна. Серыя III. 1982. № 1. С. 16–19.
178. *Alexander M.* Zusammenfassung und Schluβbetrachtung // Frankreich und die böhmischen Länder im 19. und 20. Jahrhundert. Beiträge zum französischen Einfluss in Ostmitteleuropa / Ed. F. Seibt, M. Neumüller. München, 1990. S. 295–302.
179. *Bernard M.* La mémoire de Prague: conscience nationale et intelligentsia dans l'histoire tchèque et slovaque. Paris: Perrin, 1986. 219 p.
180. *Bernard M., Pietri N. et Rey M.-P.* L'Europe, des nationalismes aux nations. Autriche-Hongrie, Russie, Allemagne. Paris: SEDES, 1996. 319 p.
181. *Birke E.* Frankreich und Ostmitteleuropa im 19. Jahrhundert. Beiträge zur Politik und Geistesgeschichte. Köln – Graz: Böhlau, 1960. 527 p.
182. *Borovička M. et al.* Velké dějiny zemí Koruny české. Sv. XII.a 1860–1890. Praha – Litomyšl: Paseka, 2012. 802 p.
183. *Bouček A.* Karel Sladkovský. Praha: Orbis, 1948. 37 p.
184. *Bradley J. F. N.* Czech nationalism in the light of French diplomatic reports, 1867–1914 // The Slavonic and East European Review. 1963. Vol. 42. № 98. P. 38–53.
185. *Bradley J. F. N.* Czech Pan-Slavism before the First World War // The Slavonic and East European Review. 1961. Vol. 40. № 94. P. 184–205.
186. *Brož J.A.* Opinion française et la cause tchèque vers la fin du Segonde Empire // Le monde slave. 1935, juillet. P. 131–146.

187. *Brouček K.* druhému břehu: Češi v prostředí francouzské společnosti 1862–1918. Praha: Etnologický ústav AV ČR, 2016. 187 p.
188. *Čejchan V.* Carské řády Čechům roku 1862 (Příspěvek k otázce českého rusofilství) // Sborník prací Filozofické fakulty brněnské univerzity. C, Řada historická. 1961. Roč. 10. č. C8. S. 376–396.
189. *Chéradame A.* L'Europe et la question d'Autriche au seuil du XXe siècle. Paris: Plon-Nourrit et cie, 1906. 452 p.
190. *Cibulka P.* Národní strana // *Malíř J., Marek P. a kol.* Politické strany. Vývoj politických stran a hnutí v českých zemích a Československu 1861–2004. 1. díl: období 1861–1938. Brno, 2005. S. 109–138.
191. *Crampton R.J., Kořalka J.* Die Tschechen. Die Entwicklung der sozialen und politischen Struktur // Die Habsburgermonarchie 1848–1918. Bd. III. Die Völker des Reiches. 1. Teilband / Ed. A. Wandruszka, P. Urbanitsch. Wien: Verl. d. Österr. Akad. d. Wiss., 1980. S. 499–509.
192. *David Z.V., Kann R.A.* The Peoples of the Eastern Habsburg Lands, 1526–1918. Seattle: University of Washington Press, 1984. 543 p.
193. *Denis E.* La Bohême depuis La Montagne-Blanche. Deuxième partie. Paris: E. Leroux, 1903. 657 p.
194. *Doubek V.* Česká politika a Rusko (1848–1918). Praha: Academia, 2004. 315 p.
195. *Doubek V.* Obraz Ruska v politice F. L. Riegra a F. Palackého (40. – 70. Léta) // F.L. Rieger a česká společnost 2. poloviny 19. století. Semily, 2003. S. 54–84.
196. *Doubek V.* Velikost Ruska a národní zájem české politiky // “Slavme slavně slávu Slávóv slavných”. Slovanství a česká kultura 19. století. Praha, 2005. S. 21–37.
197. *Georgiev J.* Až do těch hrdel a státků? Konzervativní myšlení a otázka samosprávy v politických strategiích české státopravní šlechty po roce 1848. Praha: Nakladatelství Lidové noviny, 2011. 376 p.

198. *Hantsch H.* Die Geschichte Österreichs. Bd. 2. Buch III. Graz – Wien – Köln: Styria, 1959. 450 p.
199. *Hantsch H.* Die Nationalitätenfrage im alten Österreich. Das Problem der konstruktiven Reichsgestaltung. Wien: Herold, 1953. 125 p.
200. *Hantsch H.* Pan-Slavism, Austro-Slavism, Neo-Slavisme: The All-Slave Congresses and the Nationality Problems of Austria-Hungary // Austrian history yearbook. 1965. Vol. 1. P. 23–30.
201. *Havránek J.* Česká politika, konzervativní aristokraté a uspořadání poměrů v habsbuské říši v letech 1860–1867// Sborník historický. 1970. č. 17. S. 67–95.
202. *Havránková R.* Zájem o balkánské Slovany jako složka českého slovanství v 19. století // Slovanské historické studie VII. Praha, 1968. S. 195–218.
203. *Hauser H., Maurain J., Benaerts P., L'Huillier F.* Du libéralisme à l'impérialisme: 1860–1878. Paris: Presses Universitaires de France, 1952. 677 p.
204. *Hlavačka M. a kol.* České země v 19. století. Proměny společnosti v moderní době. Sv. II. Praha: Historický ústav, 2014. 476 p.
205. *Horská P.* Češi a Němci 19. století v "Revue des Deux Mondes" // Český časopis historický. 1997. č. 1. S. 37–54.
206. *Horská P.* Sladká Francie. Praha: Nakladatelství Lidové noviny, 1996. 156 p.
207. *Hostička V.* Polské povstání 1830–1831 a jeho vliv na českou společnost // Slovanství v národním životě Čechů a Slovaků / Ed. V. Šťastný. Praha, 1968. S. 120–130.
208. *Ivantyšynová T.* Česi a Slováci v ideológii ruských slavianofilov (40. – 60. roky XIX. storočia). Bratislava: Veda, 1987. 276 p.
209. *Ivantyšynová T.* K názorom slavianofilov na postavenie Čechov a Slovákov v Rakúsku v šesťdesiatych rokoch 19. storočia // Slovanske štúdie XVI. Bratislava, 1975. S. 143–162.

210. *Ivantyšynová T.* Slovanský zjazd v Moskve roku 1867 v kontexte vzťahov ruských slavianofilov k Čechom a Slovákom // Slovanské štúdie XX. Bratislava, 1979. S. 91–116.
211. *Jahn J.V.* František Ladislav Rieger. Obraz životopisný. Litomyšl: A. Augusta, 1861. 148 p.
212. *Jelínek H.* F. L. Rieger et la France // Études tchécoslovaques. Paris, 1927. P. 121–137.
213. *Jirásek J.* Rusko a my. Dějiny vztahů československo-ruských od nejstarších dob do roku 1867. Praha: Vesmír, 1929. 367 p.
214. *Jordan F.* Češi a Slovinci v 19. a na začátku 20. století (jejich vztahy veřejné a politické) // Otázky dějin střední a vychodní Evropy. Sv. 1 / Ed. F. Hejl, J. Kolejka. Brno, 1971. S. 263–292.
215. *Kann R.* Das Nationalitätenproblem der Habsburgermonarchie. Geschichte und Ideengehalt der nationalen Bestrebungen vom Vormärz bis zur Auflösung des Reiches im Jahre 1918. Bd. 1–2. Zweite, erweiterte Auflage. Graz – Köln: H. Böhlaus, 1964. 472 p., 457 p.
216. *Kann R.* The multinational Empire. Vol. 1–2. New York: Columbia University Press, 1950. 444 p., 423 p.
217. *Kazbunda K.* Deux memoranda de Rieger // Le Monde Slave. 1925, juillet. P. 102–138.
218. *Kazbunda K.* Návštěva prince Jeroma Napoleona v Praze // Zahraniční politika. Díl IV. Praha, 1925. S. 63–94.
219. *Kazbunda K.* Pouť Čechů do Moskvy a rakouská diplomacie. Praha: Orbis, 1924. 142 p.
220. *Kořalka J.* Češi v habsburské říši a v Evropě. Praha: Argo, 1996. 354 p.
221. *Kořalka J.* František Palacký (1798–1876): životopis. Praha: Argo, 1998. 661 p.
222. *Kořalka J.* Julius Grégr a mezinárodní ohlas Husových oslav roku 1869 // Bratři Grégrové a česká společnost v druhé polovině 19. století / Ed. Vošahlíková, M. Řepa. Praha, 1997.

223. *Kramář K., Tobolka Zd.* Česká politika. Díl 3. Dějiny české politiky nové doby. Praha: Jan Laichter, 1909. 795 p.
224. *Křen J.* Česká otázka v německé a rakouské politice do roku 1918 // Hledání jistoty v bouřlivých časech. Češi, Slováci, Němci a mezinárodní systém v první polovině 20. století / Ed. Z. Beneš, D. Kováč, H. Lemberg. Ústí nad Labem, 2006. S. 13–40.
225. *Křen J.* Dvě století střední Evropy. Praha: Argo, 2005. 1109 p.
226. *Kuk L.* Cyprien Robert, slavisant angevin et la grande émigration polonaise // Annales de Bretagne et des pays de l'Ouest. 1992. T. 99. № 4. P. 505–515.
227. *Kušnieriková B.* Revue des Deux Mondes o Čechoch, Slovákoch a národnostnom problemu v Habsburskej monarchii pred rokom 1871 // Slovanské štúdie XVII. Bratislava, 1976. S. 269–296.
228. *Kvaček R.* Mezinárodní souvisloti české státopravní politiky // Čechy a Evropa v kultuře 19. století. Praha, 1993. S. 25–28.
229. *Laptěvová L.P.* František Palacký a Rusko // František Palacký 1798/1998, dějiny a dnešek. Sborník z jubilejní conference / Ed. F. Šmahel. Praha, 1999. S. 495–411.
230. *Leanca G.* Empires et nations dans la stratégie diplomatique du Second Empire: quelques observations autour des écrits d'Hippolyte Desprez // Analele ştiinţifice ale Universităţii „Alexandru Ioan Cuza” din Iaşi (serie nouă). T. LVI–LVIII. Iaşi, 2010–2012. P. 241–250.
231. *Leger L.* Histoire de l'Autriche-Hongrie: depuis les origines jusqu'à l'année 1878. Paris: Hachette et Cie, 1879. 641 p.
232. *Lenderová M.* Mezi Paříží a Moskvou – Riegrovy cesty na jaře roku 1867 // F. L. Rieger a česká společnost 2. poloviny 19. století / Ed. I. Navrátil. Semily, 2003. S. 84–93.
233. *Lenderová M.* Několik poznámek k audienci F. L. Riegra u Napoleona III. // Acta historica et museologica Universitatis Silesianae Opaviensis. 2000. č. 5. S. 253–263.

234. *Lenderová M.* Složitá cesta k audienci F.L. Riegra u Napoleona III. Česká moskevská pouť očima francouzského tisku // Vůdce národa František Ladislav Rieger a jeho místo v české politice, kultuře a vědě / Ed. V. Pavlíček, L. Velek. Praha, 2021. S. 214–229.
235. *Listíková R.* L'image de la Bohême et des Tchèques dans les lettres françaises, XVe–XIXe siècles // Revue des études slaves. 2007. T. 78. Fascicule 4. P. 475–481.
236. *Luciani G.* Du congrès de Prague (1848) au congrès de Moscou (1867) // Revue des Études Slaves. 1968. T. 47. Fascicule 1–4. P. 85–93.
237. *Malíř J.* K roli "francouzství" v politickém myšlení federalistů v 60. letech 19. století na příkladu F.L. Riegra a E. Belcrediho // Napoleonské války a historická paměť / Ed. J. Hanuš, J. Malíř. Brno, 2005. S. 217–228.
238. *Marès A.* De l'intérêt en France pour les Pays tchèques au XIXe siècle et au XXe siècle // Bulletin du Groupe d'études tchèques et slovaques. 1980. № 1. P. 11–29.
239. *Marès A.* Louis Leger et Ernest Denis. Profil de deux bohemisants français au 19e siècle // La France et l'Europe centrale. Les relations entre la France et l'Europe centrale en 1867–1914. Impacts et images réciproques / Ed. B. Ferenčuhová. Bratislava, 1995. P. 63–82.
240. *Mikulka J.* Slovanství a polská společnost v XIX. století. Praha: Academia, 1984. 161 p.
241. *Nechvátal M.* Češi, Slováci a Francouzi v první polovině 19. století // Český časopis historický. 1997. č. 1. S. 272–274.
242. *Opočenský J.* La protestation des députés tchèques de la diète de Bohême contre l'annexion de l'Alsace – Lorraine // Le Monde Slave. 1930, juillet. P. 170–200.
243. *Pánek J., Tůma O. a kol.* Dějiny českých zemí. Druhé vydání. Praha: Karolinum, 2018. 676 p.
244. *Pfaff I.* Česká přináležitost k Západu v létech 1815–1878. Brno: Doplněk, 1996. 262 p.

245. *Pfaff I.* Francie a Čechy v Evropě národních států. Francouzská politika F.L. Riegra 1867–1878. Praha: Euroslavica, 2013. 262 p.
246. *Pfaff I., Zadovský V.* Tradice česko-ruských vztahů v dějinách. Praha: Svobodné slovo – Melantrich, 1957. 303 p.
247. Polišenský J. Le “problème tchèque” et la France de 1789 à 1848 // Acta Universitatis Carolinae: Philosophica et historica. 1966. č. 3. S. 75–94.
248. *Reznikow S.* Frankofilství a česká identita (1848–1914). Praha: Karolinum, 2008. 562 p.
249. *Řepa M.* F. L. Rieger jako řečník // F. L. Rieger a česká společnost 2. poloviny 19. století / Ed. I. Navrátil. Semily, 2003.
250. *Sak R.* Rieger: příběh Čecha 19. věku (s předmluvou Václava Klause). Semily: s. n., 1993. 325 p.
251. *Scharf C.* Ausgleichspolitik und Pressekampf in der Ära Hohenwart. München: R. Oldenburg, 1996. 220 p.
252. *Seibt F.* Frankreich und die böhmischen Länder. Zur Einführung // Frankreich und die böhmischen Länder im 19. und 20. Jahrhundert: Beiträge zum französischen Einfluss in Ostmitteleuropa / Ed. F. Seibt, M. Neumüller. München, 1990. S. 7–13.
253. *Sekera M.* Podíl Grégrů na rozvoji novinářství a politické publicistiky // Bratři Grégrové a česká společnost v druhé polovině 19. století / Ed. M. Řepa, P. Vošahlíková. Praha, 1997. S. 29–37.
254. *Srb A.* Politické dějiny národa českého od počátku doby konstituční. Díl I. Od r. 1861 do r. 1879. Praha: J. Otto, 1926. 383 p.
255. *Stehlík P.* Czech-Croatian relations in the 19th century and at the beginning of the 20th century // Czech relations with the nations and countries of Southeastern Europe / Ed. L. Hladký. Zagreb, 2019. P. 49–82.
256. *Šesták M.* Polské povstání a slovanské národy habsburské monarchie // Slovanské historické studie. 1979. č. 1. S. 71–129.

257. *Šesták M.* Chorvatská otázka v české politice 1860–1864 // Československý časopis historický. 1972. č. 1. S. 39–70.
258. *Šesták M.* Chorvatská a česká politika v letech 1865–1866 // Československý časopis historický. 1972. č. 3. S. 309–338.
259. *Šesták M.* Pouť Čechů do Moskvy roku 1867. Praha: Melantrich, 1986. 40 p.
260. *Šesták M.* České slovanství a František Palacký // František Palacký 1798/1998. Dějiny a dnešek / Ed. F. Šmahel. Praha, 1999. S. 371–394.
261. *Šesták M., Šťastný V.* České slovanství v boji proti dualismu // Československá slavistika. 1988. S. 265–275.
262. *Šolle Z.* Století české politiky. Počatky moderní české politiky od Palackého a Havlíčka až po realisty Kaizla, Kramáře a Masaryka. Praha: Mladá fronta, 1998. 298 p.
263. *Šťastný V.* Slovanství a proletářský internacionalismus // Slovanské historické studie VII. Praha, 1968. S. 105–125.
264. *Švankmajer M.* Počátky českého rusofilství. K problematice jejich studia // Slovanské historické studie VII. Praha, 1968. S. 181–193.
265. *Tobolka Z.* Politické dějiny československého národa od r. 1848 až do dnešní doby. Díl II. 1860–1879. Praha: Československý Kompas, 1933. 395 p.
266. *Trávníček F.* Příspěvky k česko-ruským stykům. Brno: Rovnost, 1946. 46 p.
267. *Urban O.* Česká společnost (1848–1918). Praha: Svoboda, 1982. 690 p.
268. *Urban O.* Existuje česká zahraniční politika před rokem 1914? // Francúzsko a stredná Európa (1867–1914). Vzťahy mezi Francúzskom a strednou Európou v rokoch 1867–1914. Vzájomné vplyvy a predstavy / Ed. B. Ferenčuhová. Bratislava, 1995. S. 8–14.
269. *Urban O.* Kapitalismus a česká společnost. K otázkám formování české společnosti v 19. století. Praha: Svoboda, 1978. 323 p.

270. *Urban O.* Vzpomínka na Hradec Králové: (drama roku 1866). Praha: Panorama, 1986. 424 p.
271. *Vlček I.* Smysl české pouti na Rus // Slovanský přehled. 1967. č. 57. S. 354–361.
272. *Vlček R.* Panslavismus či rusofilství? Pět tezí k otázce reflexe slovanství a panslavismu českou společnosti 19. století // "Slavme slavně slávu Slávóv slavných". Slovanství a česká kultura 19. století / Ed. Z. Hojda, M. Ottlová, R. Prahl. Praha, 2005. S. 9–20.
273. *Vlček R.* Panslavismus a národy habsburské monarchie. Úvod do problému // *Dominik Hrodek a kol.* Slovanství ve středoevropském prostoru. Iluze, deziluze a realita. Praha, 2004. S. 9–20.
274. *Vlček R.* Rusko-české polemiky a panslavismus 19. století // Rusko-české polemiky a panslavismus 19. století // Východná dilema strednej Európy / Ed. D. Kodajová, T. Ivantyšynová. Bratislava, 2010. S. 30–42.
275. *Vlček R.* Ruský panslavismus – realita a fikce. Praha: AV ČR. Historický ústav, 2002. 291 p.
276. *Wertheimer E.* Graf Julius Andrássy, sein Leben und seine Zeit, nach ungedruckten Quellen. Bd. 1. Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt, 1910. 650 p.
277. *Wollman F.* Les tchécoslovaques et illyrisme // Le Monde slave. 1935, juillet. P. 1–27.
278. *Žáček V.* Češi a Poláci v době Lednového povstání polského // Československý časopis historický. 1963. č. 11. S. 717–741.
279. *Žáček V.* František A. Zach. Praha: Melantrich, 1977. 321 p.
280. *Žáček V.* K dějinám austroslavismu rakouských Slovanů // Slovanské historické studie VII. Praha, 1968. S. 129–179.
281. *Žáček V.* Les Tchèques et la France en 1870 // Europe central. 18. I. 1936. P. 87–101.
282. *Žáček V.* Pokusy o slovanské sjezdy po r. 1867 // Slovanský přehled. 1968. č. 3. S. 202–211.

283. *Žáček V.* Polonofilství a rusofilství – dvě alternativy českého slovanství let šedesátých // Slovanství v národním životě Čechů a Slováků / Ed. V. Šťastný. Praha, 1968. S. 227–247.
284. *Žáček V.* Polská otázka v činnosti Františka L. Riegra // Slovanský přehled. 1971. roč. 57. č. 4. S. 128–163.
285. Češi a Poláci v minulosti. Sv. 2. Období kapitalismu a imperialismu / Ed. V. Žáček. Praha: Academia, 1967. 710 p.
286. *Žáček V. a kol.* Češi a Jihoslované v minulosti: od nejstarších dob do roku 1918. Praha: Academia, 1975. 756 p.

Диссертации и авторефераты диссертаций

287. *Барсуков Н.С.* Чешский консерватизм в конце XIX – начале XX вв.: дис. … канд. ист. наук: 07.00.03. М., 2015.
288. *Дронов А.М.* Место Военной Границы в концепциях административно-политического устройства Королевства Хорватии и Славонии в 40–70-е годы XIX в.: дис. … канд. ист. наук: 07.00.03. М., 2020.
289. *Киселькова Н.В.* Российский фактор в общественно-политической жизни чехов в 50-е – 70-е гг. XIX в. (по материалам архива М.Ф. Раевского): дис. … канд. ист. наук: 07.00.03. М., 2008.
290. *Леонова В.В.* Политическая борьба в чешском обществе в 60 – начало 70-х гг. XIX в.: дис. … канд. ист. наук: 07.00.03. М., 1985.
291. *Морозов А.А.* Становление хорватской национальной идеологии, 1850–1860-е гг. Дис. … канд. ист. наук: 07.00.03. М., 1994.
292. *Павленко О.В.* Славянский фактор в идеологии и внешней политике Российской империи и монархии Габсбургов (1830-е гг. – 1914 г.): дис. … докт. ист. наук: 5.6.2. М., 2022.

293. *Chrobák T.* Pour la patrie, pour les slaves. Les slavisants français et leur rôle publique (1863–1920). Thèse de doctorat de l'Université. Prague – Paris, 2008.
294. *Máša P.* František Ladislav Rieger jako tvůrce a objekt české historické paměti. Disertační práce. Brno, 2022.

Энциклопедии и интернет-ресурсы

295. *Котова Е.В.* Германский вопрос во внешней политике Австрийской империи в 1850–1866 гг. // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2021. Т. 12. Выпуск 6 (104). URL: https://history.jes.su/s207987840016050-4-1/ Дата обращения: 24.08.2025.
296. *Котова Е.В.* Проблема трансформации абсолютистской империи Габсбургов в конституционную монархию в 1860-е гг. и национальный вопрос // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2018. Т. 9. Выпуск 8 (72). URL: https://history.jes.su/s207987840002462-7-1/ DOI: 10.18254/S0002462-7-1 Дата обращения: 30.04.2025.
297. *Мамут Л.С.* Историческая школа права // Большая российская энциклопедия URL: https://old.bigenc.ru/law/text/2025630?ysclid=m6q0i1k5xn572315917 Дата обращения: 21.08.2024.
298. *Медяков А.С.* «Призрак славизма». О функциональности образа России во внешней политике монархии Габсбургов первых лет дуализма // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2025. Т. 16. Выпуск 10 (156). URL: https://history.jes.su/s207987840037065-0-1/ DOI:10.18254/S207987840037065-0 Дата обращения: 1.12.2025.

299. *Cibulka P.* Národní strana // Akademická encyklopedie českých dějin. Sv. IX. Praha, 2023.
300. *Cibulka P.* Historické právo // Akademická encyklopedie českých dějin URL: https://aecd.kpsys.cz/media-viewer?rootDirectory=428170&origin=https%3A%2F%2Faecd.kpsys.cz%2Frecords%2F156eb248-d5bd-45c3-a2c2-b67ab2bf67fb Дата обращения: 21.08.2024.
301. *Maur E.* K česko-francouzským vědeckým stykům na FF UK v 50. a 60. letech (obor historie) // Cahiers du CEFRES. 2003. č. 29. URL: https://www.cefres.cz/IMG/pdf/maur_2003_cesko_francouzske_vedecke_styky.pdf Дата обращения: 12.03.2023.
302. *Moreau M.* L'Europe orientale dans la Revue des Deux Mondes (1829–1856): une double caractérisation orientale // L'Orient des revues (XIXe et XXe siècles). Grenoble, 2014. URL: https://books.openedition.org/ugaeditions/528 Дата обращения: 15.10.2023.
303. *Šesták M.* Austroslavismus // Akademická encyklopedie českých dějin URL: https://aecd.kpsys.cz/media-viewer?rootDirectory=411166&origin=https%3A%2F%2Faecd.kpsys.cz%2Frecords%2F2dfe737d-c105-4908-964e-0e7a1cbbd10f Дата обращения: 14.08.2024.